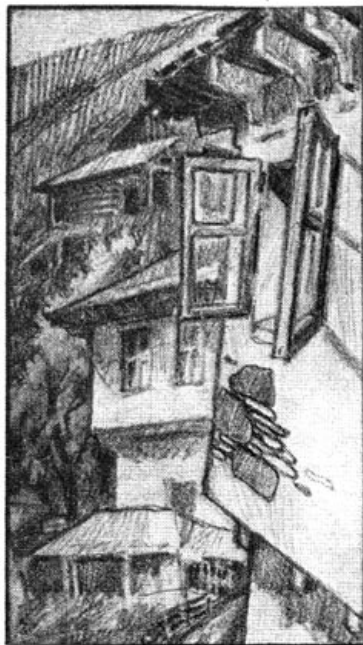
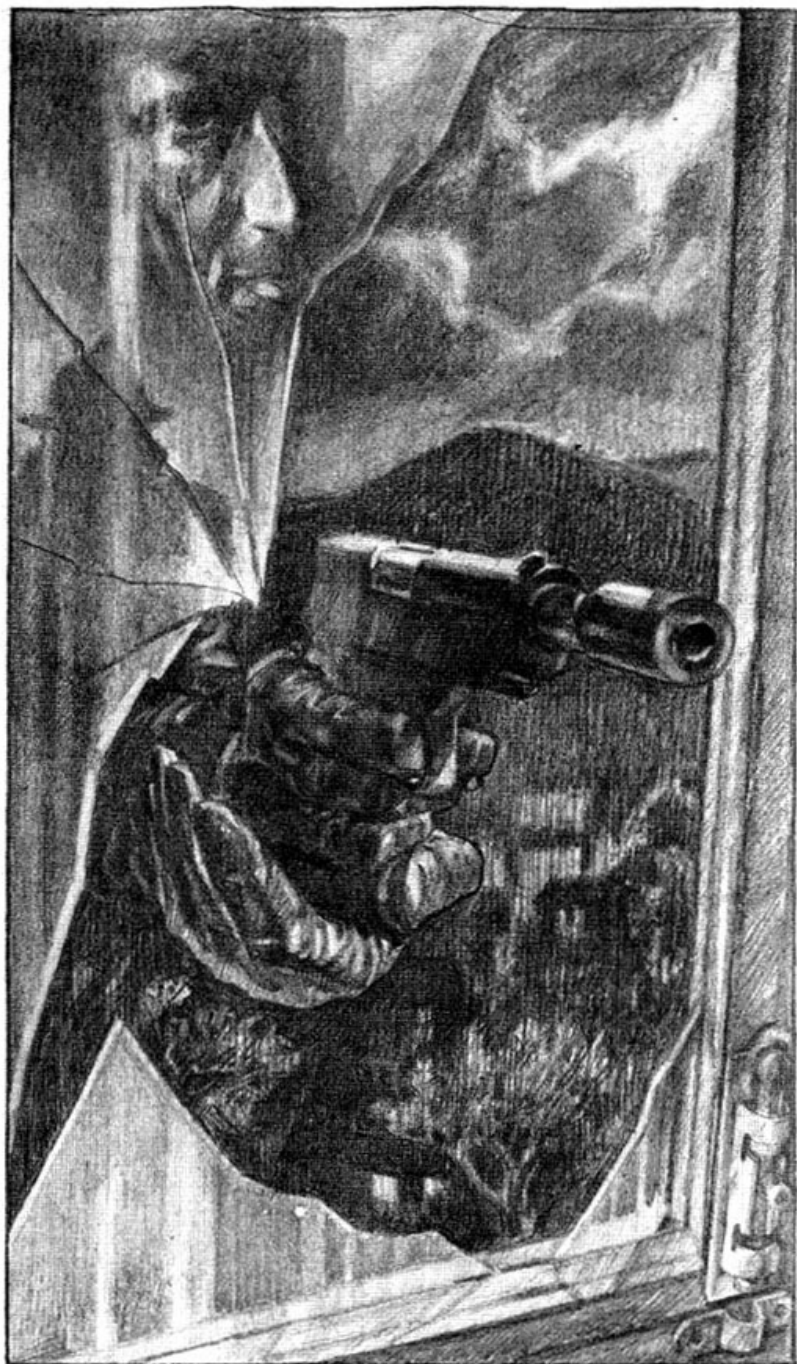

Аннотация

Каждая из повестей, составляющих книгу болгарского писателя Андрея Гуляшки «Приключения Аввакума Захова» – «Случай в Момчилове», «Приключение в полночь», «Дождливой осенью», «Спящая красавица», – представляет собой самостоятельно разработанный сюжет и завершена настолько, что может существовать обособленно. Но в то же время все они выстраиваются в единый ряд повествования о делах и днях капитана Аввакума Захова, вступающего на «тихом фронте» в напряженные поединки с врагами своей родины.

СЛУЧАЙ В МОМЧИЛОВЕ

1

Если взобраться на плешивое темя Карабаира, поросшее лишь папоротником да ежевикой, и стать лицом к югу, взору откроются цепи крутых лесистых холмов; чем дальше, они становятся все ниже и ниже и наконец совершенно сливаются с необъятными просторами залитой солнцем равнины. Вглядевшись пристальнее, нетрудно увидеть лесную просеку, опоясывающую с запада на восток косматое тело самого высокого кряжа. Это граница. По ту сторону просеки уже другое государство, хоть и там громоздятся такие же горы, хоть и там небо такое же синее, и кажется, что манящая своими просторами солнечная равнина совсем рядом – рукой подать.

В небе парят орлы – медленно кружат, все выше и выше взмывая в нежную, прозрачную голубизну. Под сумрачными пихтами, в ажурной тени сосен и елей осторожно пробираются пугливые серны; в ветвях бесшумно, словно обутые в бархатные туфельки, прыгают шустрые красотки белки. Бродят лоси с тревожными глазами, а порой, правда довольно редко, покажется бурый медведь, всегда озабоченный, торопливый, словно чем-то испуганный. В этом зеленом царстве покоя уйма волков; в летние месяцы они слоняются в одиночку или парами, а когда вершины гор нахлобучат белые шапки и на деревья упадет плотное снежное кружево, они рыщут целыми стаями.

К северу от Карабаира темнеют сосновые леса, громоздятся круглолобые горы. Меж ними ярко зеленеют на

солнце поля и небольшие, кажущиеся отсюда с ладонь, волнистые долины, сплошь заросшие кустарником.

Селений не видно. Одно Момчилово притаилось у подножия Карабаира, словно нарочно спрятанное и забытое в этом диком, безлюдном горном краю.

Момчилово (когда-то оно называлось Рамадан-бей) образуют три слободы, растянувшиеся у холмистых подступов к мрачному Карабаиру в виде подковы. В селе около трехсот домов. Дома, в большинстве своем деревянные, двухэтажные, крытые плитняком, глядят на улицу узкими зарешеченными оконцами; окна, выходящие во дворы и садики, пошире тех, что с улицы; на подоконниках в черепках от разбитых кувшинов пестреют настурции, астры, герань. Есть тут и несколько кирпичных домов – в Марковой слободе, а дом покойного Али Илязова, где сейчас размещен военно-геологический пункт, сложен из белого камня; квадратный, крытый черепицей, он похож на крепостную башню и в ясную погоду виден даже с голой вершины Карабаира. Новая школа вся из бетона и стекла, кооперативная сыроварня, украшенная с фасада бугристой цементной облицовкой, обширные, казарменные по виду овчарни и коровник сельскохозяйственного кооператива – эти здания напоминают о новом времени и сразу бросаются в глаза; они словно бы озаряют своим светом унылый, серый пейзаж старинного села.

Если смотреть на Момчилово издали и сверху, оно похоже на гнездо, свитое в буйной листве ветвей. Со всех сторон к нему подступают зеленые холмы и горы, глубокие ложбины и отлогие спуски, там и сям перемежающиеся дикими скалами и пастбищами. Белая лента шоссе, идущая

щего на Смолен, кажется случайно раскрутившейся в этой глуши серебряной спиралью.

Три слободы Момчилова отделяет друг от друга пустошь – уродливый горб, изрытый потоками и поросший колючим кустарником, – излюбленное укрытие лисиц, откуда они, дождавшись темноты, прокрадываются в огороженные низкими каменными заборами или тонким поясом колючего плетня ближние дворы.

Поздней ночью через пустошь по одной из тропинок, извивающихся среди зарослей терна, идет высокий худой человек. Места эти, видно, хорошо ему знакомы – его не смущают частые развилки, он держится южного направления и шагает в темноте твердо и уверенно.

Над Карабаиром сгущились черные тучи, свищет ветер, небо рассекает желтая молния. Доносятся далекие раскаты грома. Человек не спешит, он даже останавливается и, сложив ладони лодочкой, чтоб защитить пламя спички от ветра, закуривает. В темноте мерцает красный огонек его сигареты. Местные жители знают: если ветер бьет в лоб Карабаиру, дождя не будет.

У первого же плетня тропинка раздваивается: правая выводит на дорогу, идущую к Марковой слободе, левая, попетляв среди притихших домишек, сбегает к обрыву, под которым стоит массивный белокаменный Илязов дом. У самого низкого места человек слегка наклоняется и прыгает с обрыва. Пройдя мимо запертых дубовых ворот белеющего в темноте дома, он задерживается на мгновение под окнами, защищенными толстыми железными прутьями, делает несколько затяжек и, бросив окурочок на землю и придавив его каблуком, широким шагом направляется к

открытой калитке. Перед домом высится могучий вяз, его огромная развесистая крона может сойти за целую рощу.

Едва человек поравнялся с деревом, из мрака, словно из-под земли, выросла коренастая фигура в военной форме. Это милицкий старшина Стоян: сегодня он несет охрану военно-геологического пункта.

Старшина вскидывает карабин; слышится его строгий гортанный голос:

– Стой!

Вяз шевелит ветвями, скрипит, издавая множество резких и приглушенных звуков. Словно это роща стонет и вздыхает. Где-то за Карабаиром снова вспыхивает молния, и освещенная ею трепещущая листва на миг кажется золотой.

Старшина опускает карабин и укоризненно качает головой. Пришедший, улыбаясь, приглаживает рукой растрепанные ветром волосы.

– Спокойного дежурства, бай¹ Стоян! – говорит он постовому и все тем же широким, ровным шагом продолжает свой путь и вскоре исчезает в ночном мраке.

Старшина Стоян почему-то грустно опускает голову, крутит ус и, закинув карабин за плечо, вынимает из кармана куртки сигареты.

Вяз шумит, скрипит. Небо заволокло тучами, тьма слишком густа, чтобы можно было различить крадущуюся человеческую фигуру, внезапно выросшую за спиной старшины.

¹ Бай (болг.) – почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине. – *Здесь и далее примечания переводчиков.*

С печальной усмешкой Стоян шарит в маленькой кармашке, выбирая сигарету помягче. Но тот, за его спиной, вдруг замахивается, и старшине чудится, что перед ним от огненной молнии разверзается небо; покачнувшись, он падает, словно подрубленное дерево.

2

На рассвете буря утихла. Ветер угнал тучи на восток, и над Карабаиром засинело чистое, спокойное небо.

Хотя милицейский старшина Георгий долго плескался у родника, к Илязову дому он поднимался вялый, с трудом передвигая ноги. Он проснулся среди ночи от раскатов грома и больше не мог уснуть: думал о разных разностях, и сон пропал. С тех пор как его вместе с земляком Стояном прислали сюда охранять военно-геологический пункт, он ни разу не был дома, и потому в последнее время, стоило ему ночью проснуться, он до самой зари ворочался на деревянном топчане и таращил глаза на потолок. То ему чудилось кукурузное поле у Марина луга – стебли уже вымахали на нем до плеча, – то казалось, будто стоит он на крыльце своего дома, а на соседнем дворе, за плетнем, шлепают в пыли босые ноги – пробегает соседова дочка. Его приятелю Стояну давно перевалило за сорок, он вдовец, его дочка учится в техникуме. А ему нет еще и тридцати, и чуть только вспомнит он про кукурузное поле под палящим солнцем и те босые ноги, что так легко ступают по земле, форменная куртка, словно обруч, сдавливает грудь и сердце бьется и замирает, как пойманная птица.

Сонный и хмурый, Георгий взобрался на гору, при-

вычным жестом сдвинул на затылок фуражку и посмотрел вокруг. Синий ночной сумрак рассеивался, занимался день. В ближних дворах кричали утки, горланили петухи.

Свернув вправо, к белому зданию геологического пункта, он вошел в открытую калитку и свистнул, как делал это каждое утро. Сейчас его услышит и выйдет навстречу Стоян, немного усталый от ночного бдения, с чуть приметной улыбкой, добродушный и терпеливый. Они выкурят по сигарете, постоят молча, и бай Стоян пойдет отсыпаться, а для него начнется однообразный, без особых тревог день службы.

Георгий свистнул еще раз – ни звука в ответ. Он огляделся. В этот ранний час после ночной бури все вокруг, казалось, притихло, замерло в каком-то необычном спокойствии. Даже листва исполинского вяза перестала шептаться, как будто погрузилась в непривычный для нее тяжелый сон.

Первое, что он заметил, была фуражка, валявшаяся в траве.

В том, что она валялась в траве, не было ничего особенного, но почему-то при виде ее старшина почувствовал вдруг странную усталость, словно поднялся он не на пригорок, где находился военно-геологический пункт, а на крутую грудь Карабаира. Он остановился, хотел было глянуть на восток, чтоб прикинуть, скоро ли взойдет солнце, но не мог оторвать глаз от фуражки и, пересилив себя, шагнул вперед. В двух метрах от него, растянувшись на земле, как обычно спят пастухи, лежал Стоян. Он имел привычку спать именно так – разметав руки, обратив лицо к небу.

Застать его на посту спящим – это было невероятным! Георгий сделал еще шаг и вдруг отпрянул назад и замер, на лбу у него выступил холодный пот: голова приятеля была обмотана мохнатым кремовым полотенцем. Не видно ни подбородка, ни волос, ни краешка уха. Вся голова туго замотана полотенцем. И поза Стояна необычна и зловеща: из-под спины выглядывает карабин, левое плечо прижимает к земле ствол, а приклад лежит почти параллельно локтю. Ни малейшего движения, ничего, что обнаруживало бы признаки жизни в этом теле.

С бешено колотящимся сердцем, затаив дыхание, Георгий присел на корточки у головы Стояна и принялся торопливо развязывать тугой узел, стягивающий концы полотенца у самого темени. По пальцам Георгия заструилась липкая, еще теплая кровь.

От полотенца исходил тяжелый, удушливый запах. Он отшвырнул его в сторону и полными ужаса глазами уставился на багровое лицо, посиневшие, опущенные веки. Невольная дрожь пробежала по его телу: это голова покойника, к тому же словно налитая свинцом, так тяжела она.

Расстегнув куртку, он приложил ухо к сетчатой майке. Сердце едва бьется, тихо, почти неуловимо, но бьется. В раненом еще теплится жизнь.

3

Наш голошей петух своим яростным кукареканьем и сегодня чуть свет прервал мой чудесный сон, который, можно сказать, представляет немалый научный интерес.

Снилось мне, будто нахожусь я в сливовом саду моего хозяина, бай Спиридона, протягиваю руку, чтобы сорвать сочную янтарную сливу, и вдруг откуда ни возьмись передо мной коза. Прелестная белая козочка швейцарской породы. Держит в зубах зеленую веточку и, покачивая головой, насмешливо и нагло разглядывает меня. Даже не будь я ветеринарным врачом, меня бы, вероятно, обидел такой насмешливый, дерзкий взгляд. Разве приятно видеть, когда кто-то смеется тебе в глаза? Сам не свой от злости, я решительно направляюсь к ней, и притом с довольно суровым выражением лица. Но тут происходит чудо. Передо мной уже вовсе не козочка, а знакомая девушка, к которой в прежние времена я проявлял несколько повышенный интерес. Она в белом платье, капризный носик чуть-чуть вздернут. Прежде, когда я принимался рассказывать ей, например, о строении вселенной или о взаимном притяжении небесных тел, она все смеялась, хотя ничего смешного в этом нет. У нее была дурная привычка: она постоянно держала в зубах травинку и встряхивала головой, как это иногда делают козы.

Кто знает, как кончился бы наш разговор на этот раз — наверное, очень плохо, потому что я был в дурном настроении, — если б меня не разбудил своим ужасным кукареканьем голошей петух тетки Спиридоницы. Эта проклятая ранняя птица как будто нанялась будить меня ни свет ни заря, да еще таким недостойным образом. Вскочит на забор перед моим окном, захлопает бешено крыльями и как загорланит, вытянув красную морщинистую шею. Это не кукареканье, а какое-то извержение вулкана, не лирическое приветствие заре, а яростный вызов на смертный поединок всем самым голосистым момчиловским петухам.

И вот, пока я силился снова уснуть, чтоб досмотреть, что случилось с козочкой, и ругал про себя последними словами голошеего вампира тетки Спиридоницы, от страшных ударов задремывали оконные стекла и утреннюю тишину потряс чей-то львиный рык:

– Доктор, эй, доктор, слышишь?

Я вскочил как ужаленный и в испуге замахал руками.

– Вставай! – раздалось снова властное львиное рычание.

4

Впервые за два года моей ветеринарной практики мне пришлось спасти не животное, а настоящий человеческий экземпляр. Хорошо, что среди моих вещей (тут был томик избранных стихотворений Пушкина на русском языке и сачок для ловли бабочек) хранил я на всякий случай обыкновенный шприц и несколько ампул камфары.

К раненому старшине мы добежали меньше чем за пять минут. Сизый цвет его век так меня напугал, что я чуть было не выронил шприц. Даже не проверив пульса, я кинулся делать ему укол, затем помог Георгию взвалить раненого на спину.

Двинулись ко мне домой. Я нес карабин, фуражку и окровавленное махровое полотенце. От него исходил сильный запах хлороформа.

Раненого мы положили на мою кровать, и старшина Георгий тут же ушел.

Вымыв спиртом руки, я осмотрел рану. Признаков пролома черепа не было. Кровотечение вызвано несколькими глубокими ссадинами, идущими от темени к шее.

Кирпичного цвета пятна вокруг рта и носа выступили, несомненно, оттого, что пострадавший долго вдыхал хлороформ.

Я проверил пульс – с каждой секундой он становился ровнее и отчетливее. И синева на веках стала постепенно исчезать, а над верхней губой появились капельки пота. Я зажег спиртовку и поставил кофейник, чтобы приготовить кофе. Пока грелась вода, в комнату ввалилось несколько человек: председатель сельскохозяйственного кооператива, майор – начальник военно-геологического пункта и еще один геолог. Старшина Георгий, немного успокоенный, остался у дверей.

Они вбежали с таким испуганным видом и так долго не могли перевести дух, словно за ними гнались волки. Поскольку в моем повествовании об этих людях речь идет и дальше, мне хочется в самом начале сказать о каждом из них хотя бы несколько слов, чтоб они запомнились и чтоб, как говорится, не упускать их из поля зрения.

Председатель кооператива бай Гроздан невысокого роста, здоровяк, с красным мясистым лицом, круглыми добрыми глазами и блестящим, как начищенная медь, лысым теменем; из-за того, что он никогда не снимает своей барашковой шапки, уши у него сильно оттопырены. У бай Гроздана одна страсть – табачная рассада, одна слабость – мирить людей, которые ссорятся и ненавидят друг друга, и единственное удовольствие, которое он позволяет себе в свои шестьдесят лет, – пить натошак анисовку. Так как участие бай Гроздана в этой запутанной истории ограничено, я думаю, что и этих нескольких слов вполне достаточно, особенно если подчеркнуть самое главное, что человек он весьма душевный и приятный.

Полгода назад в Момчилово приехала смешанная военно-геологическая группа. Возможно, у нее была какая-то секретная миссия на границе – кто ее знает, я к этому не проявлял никакого интереса, Да и сейчас не интересуюсь. Но, по-видимому, задача перед ней была поставлена ответственная, так как вместе со специалистами сюда прибыли и двое милицейских – Стоян и Георгий, чтобы охранять Илязов дом, где расположился штаб военно-геологической группы.

Штаб состоял из четырех человек. Ее начальник – майор-картограф Стефан Инджов, порядком облысевший холостяк лет пятидесяти, худой, сутулый, с костистым ястребиным носом и тонкими, синеватыми, едва заметными губами. Всегда подтянутый, выбритый, в начищенных до зеркального блеска сапогах, строгий, словно бы вечно чем-то недовольный, майор внушал жителям села большое уважение, и стоило ему заговорить с кем-нибудь из момчиловцев, как тот, особенно если он служил когда-то в солдатах, мигом вытягивался в струнку, будто перед своим ротным командиром.

Смеялся майор Инджов редко, а когда улыбался, лицо его почему-то приобретало измученный вид, как у больного и крайне усталого человека. Пить он не пил, но курил много, и, если что-то не ладилось, две стеклянные пепельницы на его столе не вмещали окурков: пепел лежал и на чертежах, а в комнате, несмотря на распахнутое окно, воздух выглядел сизым от табачного дыма. Холодно-учтивый, сдержанно-любезный, язвительный, когда сердился, Инджов был очень замкнутым. Дружбы ни с кем не заводил, да и его общества как будто никто не искал.

Вторым по старшинству на военно-геологическом пункте был старший геолог Боян Ичеренский. У него тоже были свои особенности, но к нему мы еще вернемся. Ведь когда на Илязовом дворе произошло нападение, его не было в Момчилове. Он уехал на мотоцикле в Пловдив к своей жене. Он устремлялся туда каждую субботу по полудни и возвращался к обеду в понедельник. Майор хмурился – его злили эти опоздания, он грозился строго наказать Ичеренского, но все это напоминало грозовую тучу без дождя.

Под началом Бояна Ичеренского был горный инженер Кузман Христофоров. Я и сам человек сдержанный от природы, но сдержанность Кузмана превосходила мою примерно в тысячу раз. Этот поразительно мрачный субъект был просто неподражаем. Высокий, сухой, рано поседевший; блуждающий взгляд его серых, как остывшая зола, глаз, казалось, видел все и в то же время ничего не замечал. Вот таков был внешне горный инженер Кузман Христофоров. Он носил модные, но всегда неряшливые, мятые костюмы, дорогие ботинки, которые редко видели щетку, его рубашки – большинство из них с иностранной этикеткой на изнанке – пропитались запахом пота и табака, а воротнички всегда были грязными.

Я человек молчаливый, хотя многие почему-то придерживаются иного мнения. Но молчаливость Кузмана была особенной, она напоминала, если ветеринарному врачу позволительно выразиться образно, пасмурный осенний предвечерний час, была мрачной, отталкивающей, гнетущей. В его плечах, жилистых руках, крепкой шее чувствовалась сила, но движения были медлительные,

вялые, а голос звучал глухо, как будто храп из воспаленного горла.

В ту пору я думал, что этот человек пережил или переживает тяжкие любовные муки. Мне помнится, что несколько лет назад, когда одна любимая девушка вышла замуж, мой голос стал тоже каким-то беззвучным, словно я страдал ангиной. У меня не было желания ни бриться, ни чистить ботинки. Я запомнил все это потому, что именно в то время девушка, о которой идет речь, решила вступить в брак с одним моим другом детства. Она любила белые платья, и у нее был маленький вздернутый и довольно несерьезный носик.

Четвертым в группе был капитан артиллерии Матей Калудиев. О нем я также расскажу позже, потому что в то воскресенье и он отсутствовал. Но раз речь зашла о капитане, я не могу не отметить уже сейчас одного печального обстоятельства. Сей красавец с телосложением античного атлета, да к тому же еще артиллерист, неожиданно проявил поразительный и необъяснимый интерес к медицине. На это мне однажды намекнула доктор Начева, моя коллега, когда я совершенно случайно спросил у нее, почему он так часто посещает амбулаторию.

– Интересуется медициной, – скромно ответила она.

– А почему бы ему не обратить внимания на мою медицину? – спросил я – Сап и куриная чума тоже довольно интересные болезни.

Она согласилась, что и эти болезни интересны.

– Притом я у него под боком, – стоял я на своем, стараясь казаться совершенно безразличным, – а до твоей амбулатории, в Луки, человеку приходится топать добрых двенадцать километров!

– О, это пустяк, – сказала она. – Ведь у капитана новенький мотоцикл!

Между прочим, я должен заметить, что у доктора Начевой точно такой же вздернутый носик, как у той девушки, которая вышла замуж за моего друга. Кроме всего прочего, ее тоже звали Катей. И эта Катя, как и та, прежняя, слушала меня очень рассеянно, и слова мои как будто не достигали ее ушей.

Так вот в ту пору капитан Калудиев упорно продолжал наведываться в Луки, и мне не оставалось ничего другого, как вытащить из шкафа мой старый сачок для ловли бабочек.

5

– Ну как, доктор, очнется он? – допытывался у меня председатель кооператива, испуганно всматриваясь в лицо раненого. Он жался к стене и напрасно силился придать себе бравый вид.

– Надо полагать, – сказал я. – Если нет сотрясения мозга, он через час придет в себя.

– Только бы выжил, бедняга! – вздохнул председатель.

Майор Инджов молчал и мрачно сопел. Он так нахмурил свои пышные брови, что они нависли над его крючковатым носом, как соломенная стреха.

Инженер Кузман Христофоров стоял в углу комнаты в позе арестанта, не поднимая глаз от пола. На его лице не было признаков ни тревоги, ни удивления. Он казался крайне раздосадованным, сердитым на все и вся за то, что прервали его сладкий предутренний сон.

Майор взглянул на часы. Скоро пять.

– Через пятнадцать минут приедет доктор Начева, – сказал он. – Отсюда до Луг всего двенадцать километров.

– Двенадцать километров – это два часа ходьбы, – равнодушно заметил Кузман и зевнул.

– Я говорю, пятнадцать минут. – Майор нахмурился и, высунувшись из окна, спросил старшину – Ты выставил охрану возле пункта? – Получив утвердительный ответ, он покосился на Кузмана Христофорова и сказал. – Я велел доктору Начевой ехать на кооперативном грузовике, и значит, она будет здесь через пятнадцать минут. Ясно?

Кузман пожал плечами, снова зевнул и промолчал. Кофе закипел и с шипением полился через край; я снял его со спиртовки.

– Вы, товарищ майор, проверили, в доме ничего не похищено? – спросил председатель.

– Это дело милиции, – резко ответил майор. – Я увидел только то, что сразу бросилось в глаза. – Он начал перечислять: – Разбито стекло, взломан шкаф, исчезли две тысячи левов – Помолчав, он добавил: – Одна топографическая схема. План.

– Вот это уже скверно! – Председатель вздохнул и вытер ладонью лоб. – Схема, говоришь?

Майор молчал.

Я снова пощупал пульс раненого и удовлетворенно кивнул. Ритм заметно улучшился.

– А где старший геолог? – неожиданно спросил майор. – Где Боян Ичеренский?

Кузман вздрогнул, по его тонким губам проползла ироническая усмешка.

Майор опустил голову. Видимо, его смутил собствен-

ный вопрос – ведь он сам прекрасно знал, где его помощник. Хорошо, что не спросил о капитане – при этой мысли и я готов был усмехнуться, подобно Кузману, только, конечно, по другому поводу.

Я налил кофе в чашку, присел к раненому и положил ему на лоб руку. У него вдруг дрогнули веки, меж ресниц дважды чуть проглянули помутневшие зрачки... Я назвал его по имени, слегка потормошил за плечо. Пострадавший глубоко вздохнул.

– Ты меня слышишь? – спросил я. У него шевельнулись губы.

– Все в порядке, – улыбнулся я, победоносно оглядев всех. Старшина Георгий шмыгнул носом, и я увидел, как он в смущении отвернулся. Майор перевел дыхание, пошарил в карманах куртки и вынул леденец. Последнее время он старался меньше курить и потому ел много конфет. Развернув леденец, он сунул его в рот и, разгладив пальцами бумажку, принялся делать из нее кулечек.

Председатель тоже вздохнул с облегчением и вытер со лба пот. Кузман Христофоров остался таким же непроницаемым и мрачным – только в глазах его словно вспыхнула искра.

Я подложил под голову раненого еще одну подушку, поднес к его губам чашку с кофе и предложил отпить. Вначале он, казалось, не понимал моего голоса или не понимал, чего от него хотят, и продолжал лежать с неподвижным лицом и опущенными веками.

И вдруг голошей петух тетки Спиридоницы захлопал крыльями и снова принялся горланить в небо своим надтреснутым баритоном. Это был такой душераздирающий

крик, что раненый открыл глаза и взгляд его сразу прояснился. Некоторое время он смотрел на нас с недоумением, недоумение сменилось удивлением, и наконец, сдвинув рыжие брони, он глубоко и тяжело вздохнул.

Потом он отпил несколько глотков, медленно провел дрожащей рукой по губам, снова вздохнул и уставился на председателя.

Под этим пристальным неподвижным взглядом председатель стал переминаться с ноги на ногу, зашевелил пальцами; на его короткой шее даже вздулись жилы.

– Как же это случилось, Стоян? – спросил он, стараясь придать своему голосу как можно больше мягкости. – Кто с тобой этакое сотворил?

Все затаили дыхание и смотрели на раненого.

Стоян приподнял голову и снова сдвинул брови.

– Все это, бай Гроздан, случилось как-то совсем неожиданно! – он провел языком по посиневшим губам и глубоко вздохнул. – Пожелал мне «спокойного дежурства» и пошел себе, тут я полез в карман за сигаретами, а он вернулся, я даже не слышал... Налетел такой вихрь – как тут услышишь!

Вот так, умолкая, чтобы перевести дух или сделать один-два глотка кофе, отвечая на вопросы то председателя, то майора, Стоян рассказал нам историю, в которой главным действующим лицом был не кто иной, как Методий Парашкевов, известный всем учитель из Момчилова, человек, который, по нашему общему мнению, был чист, как капля росы!

Методий Парашкевов часто охотился в окрестностях, особенно к востоку от Змеицы, и, возвращаясь домой,

почти всегда проходил через двор военно-геологического пункта. Это был самый короткий и прямой путь к дому Балабановых, где он квартировал. Учитель Парашкевов – об этом здесь каждый знает – охотник очень удачливый, меткий стрелок. Ведь не случайно у Балабаницы кунтушки и на заячьем меху, и на лисьем. Редко проходил он по двору с пустыми руками. Трудно было рассчитывать, чтобы он раскошелился и угостил стаканчиком вина, а вот убитую дичь дарил с удовольствием: этим летом оба старшины не раз лакомились зайчатинной, тушенной с овощами. Спрыгнув во двор, он останавливался, чтобы перекинуться с постовым несколькими словами. Несмотря на свою ученость, он не задира нос, всегда находил, о чем потолковать с людьми. Особенно любил учитель рассказывать о животных: о хитрости куницы, о повадках волка. Да и Стоян в карман за словом не лез. Он рассказывал о том, какие в селах северо-западных районов существуют обычаи, какие песни поются на свадьбах, на крестинах, как молодухи пекут баницу², как приятна желтая грушовица и как легко пьется вино из винограда, который там называется «отелло».

И в тот вечер Парашкевов проходил через двор без своей двустволки. Время было позднее. Большая Медведица уже держала путь на Дунай, а со стороны Карабаира так полыхало и грохотало, как будто там рушились горы. Учитель на этот раз – что было для него совершенно необычно – почему-то торопился домой, словно его там ждали жена и дети. Он выглядел мрачным, молчаливым.

² Баница (болг.) – вид слоеного пирога, обычно с брынзой.

Сказал два слова и тут же ушел. Стояну стало тоскливо. Чтобы рассеяться, он полез в карман за сигаретами, но едва успел вытащить пачку, как его стукнули чем-то железным по голове, и вот такая история получилась: вместо того чтобы встретить рассвет на посту, он очнулся, к своему великому стыду, в чужой постели...

Некоторое время мы только смотрели друг на друга, словно виделись впервые и как бы прислушивались к собственному дыханию. Потом майор тряхнул головой, будто отгоняя муху, и не очень твердым голосом спросил:

– А ты, Стоян, уверен, что тебя ударил учитель? Подумай хорошенько – может быть, поблизости притаился кто другой?

Стоян нахмурился.

– Товарищ майор, вы же знаете наш двор, он ведь голый, как ладонь. Один вяз посередине, и больше ничего. Когда учитель прыгнул с обрывчика, я стоял под вязом, и кругом – ни души!

– Ну, хорошо, – майор вздохнул и обвел нас взглядом – А если предположить, что неизвестный прятался за калиткой? Тотчас же, как учитель ушел, он проскользнул во двор и напал на тебя. Разве так не могло быть?

– Почему же нет? – разведя руками, воскликнул председатель. – Напротив, очень даже возможно, что так оно и было.

Стоян вздохнул – он казался усталым, веки его снова закрылись.

– Это никак невозможно, товарищ майор, – прошептал он. – От калитки до вяза так далеко, что, если человек даже бегом побежит, все равно можно успеть и сигареты дос-

тать, и прикурить, и сделать несколько затяжек... А я едва успел сигареты вынуть...

Он замолчал, голова его склонилась набок.

Кузман Христофоров пожал плечами.

– Все ясно как божий день! – сказал он.

– Что ясно? – выступил вперед председатель. Его округлый подбородок дрожал от волнения. – Как так ясно? – Он помолчал мгновение – Да ты знаешь, кто такой Методий Парашкевов?

– Я ничего не знаю, – ответил Кузман, не отрывая глаз от пола. – Милиция разберется!

Майор выпрямился, одернул полы мундира и повернулся к окну, за которым, замерев, стоял старшина Георгий.

– Арестовать учителя Методия Парашкевова! – приказал майор, стараясь не глядеть на председателя. – А комнату его опечатать. Да скажи его хозяевам, что если кто-нибудь проникнет в его комнату, прежде чем прибудет следователь из города, мы их привлечем к ответственности. Понятно?

– Понятно, товарищ майор! – Георгий козырнул и тотчас же зашагал через двор к калитке.

Петух тетки Спиридоницы сердито загорланил ему вслед.

Я взял руку раненого, чтобы проверить пульс, но в это время с улицы донесся шум машины. Из Лук прибыл грузовик.

Доктор Начева, порозовевшая от утреннего ветра – она была сейчас хороша, как никогда, – едва переступив порог, поморщилась и бросила на меня сердитый взгляд.

– Хлороформ!.. Уж не делали ли вы операцию, коллега? В ее приятном голоске чувствовались и удивление, и испуг, и скрытая угроза.

На этот вопрос мне хотелось ответить довольно резко, но, увидев за ее спиной красивое лицо капитана, чуть-чуть сонное и немного виноватое, я тут же сдержал свой гнев. Мне даже стало грустно... Наверное, оттого, что капитан недоспал. Я только пожал плечами, снисходительно усмехнулся и, указав на кремовое полотенце, пояснил:

– Запах исходит вот от чего...

6

Капитан контрразведки Аввакум Захов (под этим именем он был известен на службе) смог уснуть только на рассвете. И сон его был не сон, а какое-то забытье, полудрема, состояние, при котором реальное и нереальное чередовались в сознании, как в калейдоскопе. На столе горела лампа, и ее бледный свет быстро таял, растворялся – через широко раскрытое окно в комнату уже вливалось сияние летнего утра.

Это была обычная холостяцкая комната, которая ничем не отличалась от большинства холостяцких комнат на всем белом свете. Тут, правда, стояли высокие, во всю стену, книжные полки, но не книгами она была примечательна – во многих холостяцких комнатах они есть, и порой даже больше, чем в этой. В том, что большая часть представляла собой научные труды по истории, тоже не было ничего необычного, так как на свете немало холостяков – историков по специальности или по призванию, а то и просто любителей исторического чтения.

Разумеется, комнате эти книги не придавали ничего характерного. Но в жизни Аввакума Захова они играли значительную роль: первой его специальностью были археология, потому и книги, заботливо расставленные по полкам, были главным образом работами на археологические и исторические темы.

Может, кому-нибудь покажется странной или просто вымышленной эта первая специальность Аввакума – археология? Что ж, пусть себе удивляется. Вначале мне и самому это казалось маловероятным, своего рода маскировкой, оригинальной выдумкой, очевидно, рассчитанной на то, чтобы скрыть от любопытных глаз и ушей его настоящую деятельность.

Нет, в данном случае никакой маскировки не было. Блестяще закончив исторический факультет Софийского университета, Аввакум окончил аспирантуру по эпиграфике и специализировался на реставрации археологических предметов в Москве. Вернувшись из Москвы, он, работая внештатно в Археологическом институте, успел окончить заочно физико-математический факультет, овладел частным образом искусством художественной фотографии и всей фотолабораторной техникой. В ту пору одно случайное обстоятельство сделало его добровольным сотрудником органов госбезопасности. С этого момента в жизни Аввакума внезапно наступила перемена. Археология отошла на второй план. Доброволец разведчик был зачислен на штатную должность в органы госбезопасности, а штатный археолог превратился во внештатного сотрудника Археологического института, получающего за свои труды гонорар.

В списках внештатных сотрудников Археологического института он остался под своим настоящим именем. Но в органах госбезопасности был известен под именем Аввакум Захов – это был его псевдоним.

Хотя холостяцкая комната Аввакума ничем особенным не выделялась, сам он был очень интересным, необычным человеком. Рост – сто восемьдесят сантиметров. Широкие, сильные плечи, слегка наклоненные вперед, руки длинные, тяжелые, чуть согнутые в локтях. Издали он смахивал на боксера тяжелого веса, экс-чемпиона, недавно покинувшего ринг из-за возраста, не позволяющего заниматься этим видом спорта, – Аввакуму было под сорок. Но впечатление, что это человек грубой физической силы, сразу же исчезало, как только его видели вблизи.

Его тонкое продолговатое лицо, чуть скуластое, с высоким лбом и энергичным подбородком, освещали большие серо-голубые глаза. В минуты отдыха, размышлений или во время реставраторской работы над какой-нибудь античной находкой, поглощавшей все его внимание, глаза его были спокойные, задумчивые, глубокие. Когда же он изучал обстановку, в которой произошло нечто такое, что становилось предметом его деятельности как сотрудника госбезопасности, пытался обнаружить чьи-то следы, эти задумчиво созерцающие глаза становились сразу суровыми, педантично-взыскательными, бесконечно внимательными даже к едва приметным деталям. В такие минуты они казались совсем серыми и холодно поблескивали из-под полуопущенных век, словно полированная сталь.

Зрачки его глаз либо пропускали к себе чужой взгляд и тот терялся – трепещущий и беспомощный – в их глубине,

либо отталкивали его от себя, бесцеремонно и резко, как негостеприимный хозяин. Все зависело от его настроения.

У него были русые, слегка выющиеся волосы актера, исполнителя романтических ролей, выпуклый лоб математика и экспериментатора. Пальцы его боксерских рук были длинными, тонкими, нервными, как у профессионального музыканта.

Аввакум любил шутить, хотя и сдержанно, иногда бывал разговорчив и весел, а иногда настолько молчалив, что производил впечатление подавленного, тоскующего человека.

Итак, едва успел Аввакум Захов забыться в легком предутреннем полусне, как на столике у постели резко и настойчиво зазвонил телефон. Ночной порой, да и ранним утром телефонный звонок звучит как-то особенно тревожно и заставляет человека вздрагивать, даже если он только что забылся в легком, прозрачном сне. Но у Аввакума и веки не дрогнули, и голова не шевельнулась; он даже не приподнялся, опершись на локоть, а спокойно протянул руку, дунул по привычке в трубку и сказал ровным, ясным голосом, не открывая глаз:

— Слушаю!

По телефону сообщили, что через десять минут приедет служебная машина и отвезет его к начальнику управления полковнику Манову.

Ночью капитан контрразведки плохо спал, и это было вызвано отнюдь не обстоятельствами делового характера. Причиной его бессонницы были вовсе не служебные обязанности и заботы. В сущности, даже ничего особенного и не произошло.

Под вечер он решил позвонить по телефону Сие Жейновой, работавшей в химической лаборатории большого парфюмерного предприятия. Несмотря на свои двадцать два года и увлечение баскетболом, Сия Жейнова обнаружила необычайный интерес к археологии. И может, именно поэтому Аввакум три раза в неделю звонил ей по телефону, предлагая вместе прогуляться. Все шло на лад и могло бы кончиться хорошо, если бы раскрытие шпионской резидентуры «Дубль ве» (Василев – Вапурджиев) не вынудило Аввакума на продолжительное время покинуть Софию. Когда же он возвратился, то с превеликим удивлением обнаружил, что Сия стала проявлять повышенный интерес к токам высокого напряжения – дважды в неделю она совершала прогулку с молодым инженером, работающим на заводе электрооборудования. Этот молодой человек был родом из Тырново – земляк Аввакума, его близкий друг с юношеских лет. Они вместе купались в омутах Янтры, вместе лакомились арбузами с чужих бахчей. Поэтому не было ничего удивительного в том что Аввакум познакомил его с Сией.

Но это только теоретически, а на практике Аввакум оказался внакладе. Прежде всего, он больше не видел открытого, чистого взгляда своего друга: когда они бывали вместе, инженер, неизвестно почему, старался не смотреть ему в глаза. Вторая потеря была еще более ощутимой – вместо трех встреч в неделю с Сией Жейновой он теперь довольствовался лишь одной. Сия жаловалась на отсутствие свободного времени, а Аввакум был деликатен: настаивать не в его характере.

В субботу под вечер Аввакум, подойдя к телефону,

набрал номер Сиинной квартиры. Унылые гудки, издаваемые мембраной, доходили до его слуха, словно из далекой безысходной пустыни. Может быть, эти гудки развеселили его – он улыбнулся и бодро стал расхаживать по комнате. Потом, насвистывая веселую песенку, он вышел из дому и направился в ближайший ресторан поужинать. Он поел без особого аппетита, но вполне достаточно и даже выпил пива. После ужина вернулся прямо домой – ему показалось, что небо заволокло тучами и в любую минуту может хлынуть проливной дождь. Переодевшись, он взял с полки третий том «Истории древнего Рима», закурил и углубился в чтение.

Часов в одиннадцать вечера послышался стук в дверь. Оказалось, это инженер с завода электрооборудования. Красавец с пышной шевелюрой, с чувственным, резко очерченным ртом и всегда улыбающимися миндалевидными глазами, в элегантном бежевом костюме, тонкий и стройный, как девушка, он больше походил на музыканта джаз-оркестра, чем на инженера, тем более передового инженера столь солидного предприятия. Мужчинам такого типа, которые все принимают с веселой улыбкой и со всем расстаются смеясь, Аввакум втайне чуточку, но совсем незлобиво завидовал, вероятно потому, что был совершенно непохож на них.

– Был в гостях у знакомых, – объяснил инженер. – Иду и вижу у тебя в окне свет – вот и решил заглянуть. Что читаешь?

Он спрашивал, улыбался, а взгляд его блуждал по комнате; при всей своей самоуверенности и самодовольствие он почему-то не решался остановить взгляд на лице друга.

– Ты весело провел время? – спросил Аввакум и тихо заметил: – У тебя очень счастливый вид!

– Разве?! – воскликнул инженер и отвернулся.

– А отчего это у тебя на коленке шоколадное пятнышко?

Инженер вздрогнул, присмотрелся к пятну и вдруг, смутившись, быстро вынул носовой платок и принялся энергично тереть брюки.

– Это от мороженого, – пробормотал он.

– Зря стараешься, – заметил Аввакум.

Они немного помолчали, потом Аввакум сказал:

– Ты плохой кавалер. Как ты мог допустить, чтобы Сия ушла одна?

Инженер, открыв от удивления рот, уставился на собеседника. Аввакум закурил, постоял у окна, посмотрел на небо.

– Дождя не будет, – сказал он. – Ветер разогнал тучи. Вот и звезды уже видны!

Аввакум повернулся, подошел к столу, уселся поудобнее в кресле и, чуть-чуть усмехаясь, укоризненно покачал головой.

– Почему ты отпустил Сию одну?

– Ведь я же тебе сказал, что был в гостях у одних моих знакомых, – попробовал оправдываться инженер. – Ни с какой Сией я не встречался!

– Сегодня вечером ты уже второй раз говоришь неправду, – сдержанно усмехнулся Аввакум. Он стряхнул пепел с сигареты. – А в сущности, какая у тебя необходимость лгать мне? Разве я тебе в чем-то помеха? Чего ты боишься? Если ты девушке нравишься – в добрый час! В

этом нет ничего плохого. Плохо то, что ты пытаешься хитрить, любезный, а хитрить ты не умеешь, смекалки недостает, силы воли. Вот, пожалуйста, с пяти часов вечера ты был с Сией и всего лишь полчаса назад сказал ей «спокойной ночи». А мне твердишь, что был где-то в гостях! Разве так можно!

Инженер слушал молча, опустив голову, в глазах его появилось невеселое выражение.

– Пять часов, которые ты провел с Сией, распределились примерно следующим образом, – продолжал Аввакум. – Я восстанавливаю по памяти. Слушай! В пять часов без нескольких минут ты вышел из своей квартиры и, подойдя к остановке, что возле вашего дома, дождался «шестерки», билет взял с пересадкой. На площади Возрождения, пересев на «четверку», сошел на предпоследней остановке, против скверика с фонтаном. Так. Это было, значит, в пять часов десять минут. До условленного времени встречи у тебя оставалось еще двадцать минут. Поскольку делать тебе нечего, ты начинаешь оглядываться туда-сюда и замечаешь напротив павильончик. Над входом зеленая вывеска с красной надписью «Салон для чистки обуви». В этом салоне – пять шагов и длину и три в ширину – работают два цыганенка, Ахмед и Сали. Сали – младший брат Ахмеда. Ты садишься к нему, то есть устраиваешься на рабочей площадке Сали.

Итак, в пять двадцать ты снова «стоишь на якоре» у остановки, уже и начищенных ботинках, и терпеливо ждешь нашу общую милую и великодушную знакомую. Она, как обычно, опаздывает минут на двадцать. Чтобы не пропустить киножурнал, вы решаете не дожидаться сле-

дующего трамвая и садитесь в переполненный вагон. Тут во время давки стряслась беда – твой пиджак лишился нижней пуговицы.

В этом месте монолога Аввакума инженер ощупал полу и с изумлением и даже испугом уставился на него: пуговица и в самом деле отсутствовала.

– Со мной такое тоже случалось, – пожал плечами Аввакум и нахмурился.

Он помолчал немного и снова продолжал:

– Вы отправились в кино «Балкан», где идет, если я не ошибаюсь, какой-то итальянский фильм. Затем ты провожаешь Сию до трамвайной остановки напротив Дома профсоюзов. Перед вами кондитерская, и ты галантно приглашаешь туда свою даму съесть мороженое стоя. Тут происходит вторая за этот вечер неприятность – на твои брюки попадает капля шоколадного мороженого. Выйдя на улицу, вы оба невольно посматриваете на третий этаж третьего дома справа – туда, где находится мое окно, и убеждаетесь, что оно светится. Так... Затем наша милая и великодушная знакомая уходит – она вдруг заявляет, что у нее болит голова. А ты, мой старый, верный друг, подгоняемый неведомо какими чувствами и соображениями, идешь ко мне в гости, чтоб уверить меня, будто ты провел вечер в гостях у своих хороших знакомых.

Аввакум закурил новую сигарету и опять усмехнулся.

– Может, ты станешь доказывать, что Сии не было с тобой? Напрасный труд, милый мой! Кому оно нужно, твое алиби?

Лицо инженера залила краска, потом оно стало серым, как потертый переплет «Истории древнего Рима», которая лежала перед ним на столе.

– Так, – глухо произнес он и откашлялся. – Значит... Значит, ты следил! Ты за нами шпионил! Чудесно. Знать, не зря я все время испытывал неприятное чувство, будто кто-то идет за мной.

– Ты испытывал неприятное чувство? – Аввакум окинул его насмешливым взглядом. – Что ж, возможно, если совесть у тебя находится где-то под лопатками!..

Он погасил окурок, постоял у окна, потом обернулся и подошел к большому зеркалу, висящему напротив книжных полок.

– Тебе ведь известно, что такие рыцари, как я, на любовных турнирах часто терпят поражение! – улыбнулся он. – Почему же это должно трогать тебя? Мой неуспех предопределен бытием. Ты тут ни при чем. Таких женщин, как Сия, не очень прельщают суховатые личности вроде меня. Они не любят морщин, а мой лоб, как видишь, уже прорезали борозды. Им не нравится седина, а мои виски, как говорят поэты, уже покрыл серебристый иней. И потом, улыбаться до ушей я не умею, запас моих анекдотов скуден, а стоит мне запеть, в голове моего слушателя тут же появляются самые черные мысли – он готов либо убить меня, либо бежать на край света...

Он опустил в кресло, откинулся на спинку и вытянул свои длинные ноги.

– Что же касается твоего обвинения, будто я за вами шпионил, то за это тебе следовало бы надрать уши, как это я делал, если ты припоминаешь не раз в детские годы. Но ты мой гость, и, слава богу, законы гостеприимства обязывают меня быть внимательным и учтивым.

– В таком случае, откуда же тебе известны все эти

подробности, если ты за нами не следил? – спросил инженер, стараясь, чтобы голос его звучал не слишком неприязненно.

Аввакум помолчал, выпустил вверх несколько колечек синеватого дыма и пожал плечами.

– Ведь я же тебе сказал, ты не умеешь хитрить. А человек, который не владеет тонким искусством хитрости, нередко сам попадает впросак. Сорока, например, хотя она не в меру высокого мнения о себе, в сущности, довольно глупая птица. Ты интересуешься, откуда мне известны романтические подробности, о которых шла речь? Хорошо, я скажу тебе. Как ты, вероятно, заметил, я сегодня в превосходном настроении – склонен отвечать на все твои вопросы... Итак, после обеда я вас не видел и не имел ни малейшего намерения за вами следить – избави боже! Изволь убедиться: напротив живут мои хозяева, они еще не спят, играют и домино, спроси их, когда, в какое время я выходил. Они скажут тебе, что я выходил из дому между семью и восемью часами. И это правда, Ты должен им поверить, потому что это очень милые и почтенные старики, и они ни за что на свете не станут тебе врать, чтобы тем самым не обречь свои души на вечные муки. Все же откуда я черпал сведения о вашей встрече? Эти сведения дал мне ты сам, дружище, а я только обобщил их. Начнем с пятна, с этого коричневого пятнышка на твоем колене. Ты сам сознался, что это от мороженого, и притом сильно смутился, когда заметил его. Остановимся на минутку на этом факте. Во-первых, пятно было еще влажное, а это значит, что мороженое было съедено минут пятнадцать назад. То есть в четверть одиннадцатого – вскоре после окончания

киносеанса. И притом где-то неподалеку отсюда, в одном из ближайших кафе-кондитерских. Во-вторых, уместно спросить, что заставило мужчину вроде тебя, любящего пропустить рюмочку сливовицы и закусить мясом, баловаться мороженым, да еще поздно вечером? Тут возможен один разумный ответ: этот мужчина был с дамой. В-третьих, как ты посадил пятно? И тут возможно лишь одно разумное объяснение. Ты ел свое мороженое стоя и, как всегда, согнув левое колено. Разговаривая с женщиной, ты глядел ей в лицо. Случилась маленькая неприятность, и ты ее, вполне естественно, не заметил!

Но почему вы ели мороженое стоя? Очень просто – заведение маленькое и не нашлось свободного столика. Где есть вблизи подобное заведение? Напротив, в угловом доме, у самой трамвайной остановки. Примем во внимание время, когда вы ели мороженое, и местоположение кафе. Последнее полно посетителей в четверть одиннадцатого, когда кончается сеанс в ближайшем кинотеатре. Логично предположить, что вы попали в то заведение не случайно, и не случайно именно в тот час. Какой вывод из перечисленных фактов? Вывод таков: ты был с девушкой и кино, и притом в кинотеатре «Балкан». Об этом мне рассказало маленькое коричневое пятнышко у тебя на левом колене... Я ошибаюсь?

Инженер слушал его с полуоткрытым ртом и застывшим взглядом.

– А кто была эта девушка? – слегка усмехнулся Аввакум. – Каждый молодой человек волен пойти с какой-либо девушкой в кино и угостить ее мороженым. А я сразу же уточнил, сказав, что девушка – Сия, и не ошибся. И я не

основывался только на своих предчувствиях и догадках, а ты сам подсказал мне и адрес ее, и кто она... Итак, начнем опять с этого несчастного пятна. Когда я тебе сказал о нем, ты смутился и, вынув платок, тотчас же начал вытирать. Ты был действительно смущен, милый мой, а когда человек смущен, он теряет способность обращать внимание на самые обыкновенные и пустячные вещи.

Так, например, ты не заметил, что вместе с платком из кармана выпал трамвайный билет; мне удалось незаметно поднять его и рассмотреть у окна. О чем он мне рассказал, этот билет?

По нему я определил, когда ты вышел из дому и какой избрал маршрут. В пять часов – сперва «шестерка», потом пересадка на «четверку». Куда ведет эта линия? Бесспорно, на восток, к парку, к улице царя Ивана Асена II. Хотя эта улица носит имя великого болгарского царя, она, представь себе, не вызывает у меня исторических ассоциаций, а напоминает мне о русоволосой девушке с капризными зубками и веселыми глазами. Она живет напротив скверика с фонтаном, в том же ряду домов, где висит скромная вывеска с красной надписью. Почему я знаю, что ты заходил к Ахмеду и Сали? И что именно Сали имел честь и удовольствие начистить до блеска твои итальянские ботинки?

Во-первых, взглянув на твои остроносые мокасины, сразу догадаешься, что они начищены всего лишь несколько часов назад, и не рукой любителя, а мастером своего дела. Ты скажешь: неужели ботинки можно почистить только у Ахмеда и Сали? Виноват, я далеко не уверен в этом! В Софии немало других подобных заведений, но я готов биться об заклад – сто тысяч против одного, – что в

пять часов десять минут ты сел в кресло к Сали и что именно Сали наводил глянец на твои итальянские ботинки. Почему? Потому что у Сали есть один неискоренимый недостаток: он усердно начищает лишь носки и задники, изо всех сил старается, чтобы они блестели как зеркало, а к внутренним изгибам относится со «служебным равнодушием», то есть не вкладывает в эту часть работы никакой творческой страсти. Взгляни, пожалуйста, на свои ранты: с внешней стороны туфель они чистые, снежно-белые, словно только что от сапожника. А с внутренней – они серы, кажутся старыми и загрязненными. Это уж слабость Сали – тут он неисправим...

Все это, дружище, я знаю по собственному опыту. Девушка, которая живет напротив скверика с фонтаном, наша общая великодушная знакомая с капризными губками и веселыми глазами, имеет дурную привычку опаздывать на свидания, в чем, как я подозреваю, ты тоже имел прекрасную возможность убедиться. Ну, а что станешь делать, когда девушка опаздывает? Практичные люди вроде нас с тобой пользуются в подобных случаях услугами Сали...

Аввакум расправил плечи, бросил взгляд на обалдевшего приятеля и засмеялся.

– Ты только что заявил, будто я за вами следил. Это вздор, мой милый! Я и в глаза ваших физиономий не видел сегодня. Пятнышко на левом колене, трамвайный билет и ранты ботинок – все эти мелочи сами рассказали историю о твоём сегодняшнем свидании!

В комнате Аввакума между тахтой и книжными полками стоял старинный дубовый, окованный железом сундучок. Крышка его была инкрустирована перламутром – от

большого перламутрового солнца расходились по всей крышке такие же перламутровые лучи. Из этого сундучка Аввакум достал бутылку вина и две терракотовые чаши, архистаринные, изготовленные, вероятно, еще во времена старика Гомера.

– Это память о моем отце, – объяснил Аввакум и наполнил чаши вином.

Он чокнулся с приятелем, пожелал ему успеха в любви, сделал несколько больших глотков и задумался. Потом, рассеянно глядя на дымок сигареты, произнес:

– Вот в эти античные сосуды мы наливаем вполне современное вино. Это тебе ни о чем не говорит?

Инженер пожал плечами.

– Существует в мире неписанный закон: красивые женщины влюбляются в простофилю! – Аввакум весело захохотал. Он впервые за этот вечер смеялся от души.

Затем он взял чашу, осушил ее одним духом и показал на рисунок на ее выпуклой стороне: стремительно бегущую серну догоняет оперенная стрела.

– А это ты по крайней мере знаешь, что означает? – спросил Аввакум. – Нет, конечно? Ладно, я растолкую тебе, что означает сие изображение, хотя это не входит в круг твоих культурных интересов. Смысл его в двух словах: истина, вечно бегущая впереди человека, и человеческий дух, вечно устремляющийся к ней. Иногда он настигает ее, иногда она уходит от него, но это не столь важно. Она – женщина и часто обманывает того, кто гонится за нею. В чем же суть?

– В том, чтобы стрела настигла серну! – быстро ответил инженер.

– Летящая стрела! – усмехнулся Аввакум.

Когда инженер наконец ушел, Аввакум долго ходил взад и вперед по комнате. Он несколько раз принимался за чтение третьего тома «Истории древнего Рима», но никак не мог сосредоточиться; он курил то сигареты, то трубку. В эту ночь ему не читалось.

Он вынул из ящика письменного стола небольшой альбом и принялся рассматривать открытки, фотографии, но, видимо, и это ему надоело, потому что он снова принялся шагать от окна к двери и обратно.

Попробовал думать о предстоящих днях. Завтра он уже в отпуску, однако радости от этого он почему-то не испытывал. Так его застал рассвет.

И вот раздался телефонный звонок. Звонили из управления.

7

Начальник контрразведывательного отдела полковник Манов, кивнув Аввакуму, указал ему на кресло и снова углубился в чтение лежащих перед ним бумаг.

В просторном кабинете было светло и как-то торжественно тихо и спокойно. Стрелки электрических часов на стене показывали семь.

Закончив чтение, полковник выпрямился, стряхнул воображаемые пылинки с лацкана своего белого пиджака и широко и добродушно улыбнулся.

– Неприятный утренний сюрприз в первый день отпуска, не правда ли, товарищ капитан? – При этих словах, хотя глаза его глядели добродушно, полковник метнул быстрый, словно вспышка молнии, взгляд на Аввакума.

Рассматривая в простенке между окнами карту Болгарии, Аввакум почувствовал на себе этот взгляд.

– Я не против сюрпризов, товарищ полковник, – спокойно ответил Аввакум.

– Даже когда они неприятны?

Он сел против Аввакума и скрестил на коленях руки.

– Есть сведения, что начиная с десятого августа и по сегодняшний день чья-то ультракоротковолновая радиостанция трижды обменивалась шифrogramмами с районом, находящимся в радиусе двадцати километров к северу и к югу от горного массива Карабаир. Первая передача, которую засекли наши пеленгаторы, происходила в ночь с десятого на одиннадцатое августа. Полученные координаты указывают точку юго-восточнее Карабаира – в дикой, труднодоступной, особенно ночью, местности. Станция заработала точно в десять часов вечера. Шифrogramма короткая, но станция работала пятнадцать минут, так как и передающий и принимающий дважды меняли волну. Разумеется, тотчас же были приняты меры – блокированы дороги вблизи Карабаира, прочесан весь этот район. Однако меры эти не дали положительных результатов.

Девятнадцатого августа та же станция снова дала о себе знать в десять часов вечера. В горах находились наши люди; они были начеку. Станция заработала у них за спиной – примерно в двух километрах восточнее села Момчилово. Там есть урочище Змеица, где, если захочешь скрыться, сам черт тебя не сыщет. Запеленгованная передача была совершенно необычной. Она состояла из одной-двух зашифрованных фраз, а потом последовали какие-то таинственные звуки и шумы, которые, казалось, исходили из-под земли.

К сожалению, эти радиогаммы еще не расшифрованы. Из-за того, что менялись волны, наши «охотники» пропустили несколько слов, а это усложняет расшифровку.

Чтобы представить себе, насколько это сложно, ты должен знать, что каждая радиогамма имеет по два ключа и составлена на иностранном языке.

В этом же районе, в селе Момчилово, сегодня ночью имело место следующее происшествие. Кто-то забрался через окно в помещение военно-геологического пункта, похитил секретную схему и две тысячи левов. Несший охрану милицейский старшина подвергся нападению. Он ранен в голову и усыплен с помощью хлороформа. Арестован местный учитель.

Полковник снова стряхнул воображаемые пылинки с лацкана пиджака и вопросительно посмотрел на капитана.

«Таинственные сигналы, исходящие из-под земли, похищенная схема, хлороформ...» – Аввакум не смог сдерживать усмешку.

– Простите, но это напоминает детективный роман!

Полковник нахмурился.

– Капитан, я вас поднял с постели не затем, чтоб спросить, что вам это напоминает. Да и ничего похожего на роман я не вижу во всем этом!

– Жду ваших распоряжений, товарищ полковник, – сухо сказал Аввакум.

– А вы напрасно обижаетесь! – заметил с усмешкой полковник. – Я не хотел вас обидеть. – Он немного помолчал, потом спросил: – Вы в отпуску, не так ли?

– С вашего разрешения, товарищ полковник.

– Так, так. Ну что ж, отдыхайте себе... Поезжайте к морю, купайтесь!

– Непременно, товарищ полковник.

Аввакум в душе усмехнулся, но лицо его оставалось все таким же строгим и непроницаемым.

– Непременно буду купаться, – повторил он.

– А таинственные сигналы, похищенная схема, хлороформ? – в глазах полковника вспыхнули лукавые огоньки. Он наклонился к Аввакуму: – Разве это тебя не интересует? Враг тянет через границу руку!.. – И, резко сменив тон, он вдруг закончил сухо. – Я распорядился, чтоб Пловдивское окружное управление послало на место происхождения капитана Слави Ковачева. К этому человеку я отношусь с большим доверием.

– Да, он довольно энергичен, – не особенно охотно согласился Аввакум.

Полковник повернулся и бросил взгляд на электрические часы.

– Сейчас семь двадцать. Обстановка в данный момент такова. Район Момчилова и само село находятся под наблюдением соответствующих пограничных отрядов. По дорогам расставлены секреты. Даны инструкции пограничным заставам. Капитан Ковачев выедет из Пловдива в девять тридцать. – Он помолчал немного, потом сердито спросил: – А вы, товарищ Захов, когда соблаговолите отбыть на ваше Черноморье?

«И к чему эта игра в прятки?» – подумал Аввакум и встал.

– Товарищ полковник, – сказал он, – я надеюсь догнать капитана Ковачева где-нибудь на полпути между Пазарджиком и Батаком. Мотоцикл, который по вашему приказанию будет дан в мое распоряжение, уже на старте. Когда

я входил в министерство, то видел машину у восточного входа.

– Вы, капитан, слишком много видите, – нахмурился полковник. Потом тем же недовольным тоном спросил: – Неужто вы и в самом деле решили отложить отпуск, чтоб вместе с капитаном Ковачевым участвовать в предварительном следствии?

– Я просил бы вас дать мне приказ – он лежит у вас на столе, – спокойно сказал Аввакум.

Полковник, не говоря ни слова, развел руками, потом подошел к письменному столу, взял исписанный лист бумаги и подал капитану.

Теперь в его глазах, усталых и потускневших от бессонницы, не было ни молний, ни лукавых огоньков, – одна лишь радость, чистая и теплая, как раннее солнечное утро, светилась в них.

8

Месяц назад Аввакум строил совсем другие планы, в мыслях он был очень далек от того, чем ему пришлось заняться сейчас. У него было намерение вдвоем с Сией совершить путешествие по реке Ропотамо. Лилии не очень-то привлекали его, но зато какое широкое поле деятельности: ловить и жарить рыбу, собирать валежник и разжигать по вечерам большие костры, распознавать по крику ночных птиц, покуривать трубочку у входа в палатку, где спит Сия... Ну, а когда все это начнет ему надоедать, он повезет Сию в Мадар, покажет ей знаменитого Мадарского конника, этот чудесный памятник Первого болгарского цар-

ства, былой славы болгар. И образовавшийся сам собой в глубокой древности амфитеатр покажет ей, и покрытые плющом и красным мхом скалы, гигантским каменным козырьком врезающиеся в небо. Оттого, что здесь они от-весно громоздятся одна на другую, человеческий глаз подвержен странной иллюзии: если Аввакум отойдет хотя бы метров на двадцать от Сии, то покажется ей маленьким, совсем крохотным, как игрушечная кегля. Вот иллюзия, обманчивость которой он с превеликим удовольствием ей разъяснит... Потом они махнут в Преслав, к руинам Абобы и Плиски: в этих местах ему и самому пришлось поорудовать киркой и лопатой, когда там велись раскопки. И еще небольшой отрезок пути, вероятно через Тырново, чтобы хоть раз искупаться в водах родной Янтры и выкурить трубочку, сидя под старой виноградной лозой у отцовского дома, как когда-то, босиком, в рубахе нараспашку.

Таковы были его планы месяц назад. А потом появился веселый инженер-электрик и, словно внезапный порыв знойного ветра, унес ко всем чертям его планы и замыслы. Он даже не знал, о чем ему стоило больше жалеть – о девушке, которой лишился, или о несостоявшейся рыбалке на реке Ропотамо, о большом костре и трубке, которую мечтал выкурить у палатки?

На рассвете, перед тем как ему забыться в полусне, в его голове созрело новое решение: он попросит, чтоб его зачислили в экспедицию, которую в ближайшие дни намерена организовать секция археологии Академии наук. Три недели раскопок и поисков среди каменистых осыпей, настоящая охота за древностями, компенсировали бы в какой-то мере невыкуренную трубку.

Этот проект тоже пришлось послать к чертям – и не по каким-то сентиментальным причинам, а потому, что «тихий фронт» неожиданно предложил настоящую, большую и захватывающую охоту, поединок не на жизнь, а на смерть с неизвестным врагом.

Выехав на Момин-проход, Аввакум остановил на обочине шоссе мотоцикл, выбрал в зарослях укромное место и, пристроив на ветке карманное зеркальце, принялся составлять себе новый «паспорт». Через каких-нибудь пять минут из-за куста вышел совсем другой человек. Фигурой он напоминал Аввакума, но на спине у него выпирал небольшой горб, а левое плечо было немного выше правого, с верхней губы подковкой свисали коротко подстриженные усы, а на загорелой левой щеке, у самого глаза, краснел след свежей ссадины. В потертой кожаной куртке и надвинутой на лоб мятой кепке, человек этот вполне походил на механика авторемонтной мастерской, заядлого любителя мотоциклетного спорта.

Совершенно преображенный, Аввакум снова вскочил в седло и, оставив позади перевал с часто встречающимися на нем поворотами, помчался со скоростью сто километров в час к Пазарджику.

Он надеялся догнать капитана Слави Ковачева где-нибудь на полпути к Батаку, но было похоже, что его коллега «дул» с не меньшей скоростью. Лишь у водохранилища, далеко впереди, мелькнула его машина; Аввакум еще стремительнее пустился следом за ним, сигналив клаксоном точки и тире – слово «стоп». Эхо подхватывало дребезжащие звуки и уносило дальше, но услышать и понять их было трудно – точки и тире сливались с ревом мотора и завыванием ветра в ущельях.

А на синей глади водохранилища, то ослепительно искрящейся, то темной, как чернила, стояла, казалось, совсем неподвижно легкая яхта, и ее парус напоминал собой взметнувшееся к небу крыло. Стремительно мчась вперед, Аввакум все же повернул голову, окинул мимолетным взглядом лазурь, мягко сияющую слева от дороги, и неизвестно почему подавил вздох. Может быть, потому, что влажный воздух здесь, в горах, от обилия растворенного в нем аромата хвои казался сладковатым. «Вместо Золотых песков мы с Сией могли бы чудесно провести недельку здесь», – подумал он, но тут же нахмурился и с не свойственной ему нервозностью включил газ: преодолевая подъем, мотоцикл потерял инерцию и начал задыхаться.

В одном-двух километрах от развилки, где начиналась дорога на Момчилово, капитан Ковачев услышал рев догоняющего его мотоцикла. Он попробовал оторваться, но не смог: Аввакум с треском и грохотом пронесся мимо, опередил его шагов на сто и нажал на тормоз – покрышки взвизгнули, и мотоцикл замер на месте.

Ковачев последовал его примеру. Он заглушил мотор шагах в двадцати позади, спрыгнул с седла и сунул руку в правый карман тужурки.

Тем временем Аввакум закурил сигарету, расправил плечи и оглянулся. Совсем рядом круто вздымался высокий склон – на нем сплошной стеной в буйной зелени кустарника и папоротника стояли вековые сосны и пихты. С другой стороны зияло ущелье, на дне которого, несмотря на солнечную погоду, было сумрачно, лежали густые зеленоватые тени. Кругом тихо, спокойно, глухо, как всегда в горных дебрях, среди непроходимых хвойных лесов.

Ощувив суровость девственно-дикой природы и безлюдье этой глухомани, Аввакум вдруг понял, почему капитан Ковачев все еще держит руку в кармане тужурки. «Его палец на спусковом крючке», – подумал он и усмехнулся.

– Алло, коллега! – крикнул он капитану. – Смотрите, как бы у вас не заныли суставы от металла, который вы сжимаете в руке. Это вредно! – И медленным широким шагом направился к нему.

Пока он шел, капитан Ковачев не сдвинулся с места. Он был ровесником Аввакума, но с виду казался моложе и крепче. У него было мужественное, жесткое лицо, дымчато-синие глаза смотрели решительно, немного дерзко, а во взгляде чувствовалось упрямство и самонадеянность человека, не терпящего возражений.

– Вы что ж, все еще не узнаете меня? – спросил Аввакум, ничуть не стараясь скрыть язвительные и самодовольные нотки в голосе. – Какой же из вас детектив!

Слави Ковачев вынул из кармана руку и молча пожал плечами. Он подошел к своему мотоциклу, взялся за руль и перекинул ногу через седло.

– Вы всегда были маньяком в этих делах – гримируетесь, словно актер, – вздохнул он. – Только гримировка и детектив теперь такие же устаревшие понятия, как и ходкие когда-то криминалистские книжонки. – Он поставил правую ногу на педаль. – Все это производит впечатление только на детей пионерского возраста!

– Верно! – усмехнулся Аввакум. – Я в этом убедился, направляясь к вам и наблюдая за вашей правой рукой. У вас не свело указательный палец?

Оба они участвовали в нескольких операциях. Напряжение и риск общего дела сблизили их, знакомство постепенно превратилось в приятельские отношения. Но всякий раз, когда случай сводил их вместе, они задирали друг друга, незлобиво правда, — иногда это походило на ожесточенную дуэль на безопасных рапирах.

— Вот приказ, — показал Аввакум документ. — Хотите посмотреть поближе на печать?

— В этом нет надобности, — отмахнулся Слави Ковачев и добавил с веселой усмешкой: — Вы допускаете, что выполняющий вместе с вами общее оперативное задание человек может оставаться в неведении?

— Ага! — Аввакум стукнул себя по лбу. — Так потому, что это было вам известно, вы не заметили номера моего мотоцикла, да?

Слави Ковачев. помрачнев, поставил ногу на педаль.

— Вы бывали когда-нибудь в Момчилове? — прокричал он сквозь рев мотора. — Нет? Тогда поезжайте за мной да глядите в оба, а то дорога после развилки скверная!

И, не взглянув на Аввакума, он понесся вперед. Минут через пять они достигли развилки. Белое шоссе, по которому они ехали, круто спускаясь вниз, извивалось, как полотнище, растянутое на солнце, между круч, и исчезало далеко на востоке, за синеватым холмом. Прямо на юг тянулась укатанная проселочная дорога; с обеих сторон ее теснили густые кустарники. Местами она то выбегала на открытые поляны, петляя среди буйных зарослей дикой ежевики и папоротника, то плутала в лесной чащобе, где меж сосен тут и там возвышались гигантские пихты — их могучие почерневшие стволы, казалось, принимали на себя

всю тяжесть неба. Порой дорога пробиралась между совершенно отвесных спусков, покрытых мхом, черным и серым лишайником; кроны деревьев над нею смыкались, образуя сплошной туннель.

Здесь давно не было дождя, но тенистые участки пути были сыроватыми, на них виднелись следы копыт и шин. Аввакум ехал со скоростью тридцать километров в час и сразу заметил эти следы, но сначала не обратил на них особого внимания. Однако на одном из поворотов он притормозил и соскочил с мотоцикла. Вырвав из записной книжки листок, он встал на колени, приложил его к следу шины и слегка прижал ладонью. Затем, обведя контуры карандашом – на всякий случай! – он вскочил в седло и с трудом догнал Ковачева, который успел отъехать далеко вперед.

После десяти минут стремительной езды дорога вывела их на горную поляну. Под ними внизу, в неровной котловине, лежало Момчилово. А чуть подальше высилась косматая громада Карабаира.

Не выходя из машины, капитан Ковачев указал рукой:

– Поглядите-ка налево, какое впечатление производит на вас эта картина?

Километрах в двух восточнее села Аввакум увидел беспорядочно вздымавшиеся вершины – одна пониже, другие повыше, все бурые, голые, скалистые. Эти невысокие, громоздящиеся в хаотическом беспорядке горы с круто падающими склонами разделялись многочисленными расселинами, из глубины которых выползала кудель белесой мглы.

Хотя стояла жара, при виде этого пейзажа по спине Аввакума побежали мурашки.

– Это место называется Змеица, – сказал Слави Ковачев. – Я там не бывал, но слухи о нем ходят самые неприятные. На протяжении нескольких километров тянутся одни только голые скалы да непроходимые заросли кустарника. Продираешься, продираешься – сплошная стена, кусты по колено, до плеч, да острые растрескавшиеся скалы – направо, налево, куда ни глянь... Глушь страшная, ни дорог, ни тропинок. Летом на скалах греются всевозможные твари – змеи, ужи, ящерицы – может, поэтому и прозвали это место Змеицей. А расщелины там такие узкие, что, если глянешь снизу вверх, покажется, будто в самую преисподнюю попал. Говорят, в них очень сыро, и, видимо, так оно и есть: в жаркие дни от испарений там просто марево стоит. Видите?словно с каминойей кто бродит. А если в жару разыграется буря, то страшнее всего лютует она в этих местах. Что ей надо – дьявол ее знает... Еще хуже бывает зимой! Два года назад тут случилось несчастье: волки разорвали лесничего. Как мне рассказывали, там пропасть волков, целые стаи. Они все у дороги рыщут, у той, что идет от Лук к Момчилову и дугой огибает Змеицу... В прошлом году в октябре в тех местах наши пограничники захватили диверсанта Кадемова. Вы, наверно, знаете эту историю? Кадемов был родом из села Луки. Он тогда задумал переметнуться на юг. Теперь только дух его бродит среди этих мрачных гор, – Слави Ковачев усмехнулся, – то в образе одинокого волка, то змеи; словом, во всем этом диком крае Змеица – самое неприятное место. Но я, если нужно, решился бы и в полночь исходить ее всю – ничего, что она такая страшная, – мне бы только с собой надежный фонарь. А вы? Отважились бы пойти туда ночью?

– Только с двумя фонарями, – ответил с невеселой усмешкой Аввакум.

9

На третий день после происшедших событий полковник Манов читал рано утром рапорты обоих сотрудников и не мог не удивляться – выводы, касающиеся учителя Методия Парашкевова были совершенно противоречивы; так же противоречивы были характеристики арестованного. Слави Ковачев писал:

«Ему 45 лет, холост, с виду типичный горец или человек, привыкший скитаться в горах и зимой и летом; среди жителей Момчилова слывет умелым охотником.

Родом из города Преслава. Родители были зажиточными, владели большим виноградником. Отец умер в 1945 году, а мать – годом позже. Братьев и сестер у него нет. Учителем (до Девятого сентября) в Шумене и Провадии. После Девятого сентября до конца 1946 года жил в Софии, нигде не работал (?), затем в начале 1947 года сам пожелал, чтоб его назначили учителем в одно из родопских сел (?).

В Момчилове о нем сложилось хорошее мнение, но я думаю, что мы имеем дело с опасным и очень хитрым врагом. Судя по всему, во время своего пребывания в Софии он установил связь с вражеской агентурой и по ее указанию отправился учительствовать в Родопы, поближе к границе. Чтоб иметь возможность поддерживать связь с соответствующими резидентами и лицами, которые неле-

гально переходят границу, он выдает себя за страстного альпиниста и заядлого охотника. Все это для того, чтоб беспрепятственно бродить где ему вздумается, то есть встречаться в тайных местах с предателями – шпионами, диверсантами и другими.

Улики, что именно он похитил схему из военно-геологического пункта, неопровержимы. Милицейскому старшине был нанесен удар пистолетом по голове всего лишь через полминуты после того, как с ним разговаривал учитель. Смоченное хлороформом полотенце принадлежит учителю – его хозяйка и соседи могут подтвердить это. В ящике стола мы нашли хлороформ – большая ампула, снабженная пульверизатором. Во дворе, у разбитого окна, мы подобрали окурки с третьесортным табаком фабрики «Бузлуджа» – его обычное курево. При обыске мы нашли пачку «Бузлуджи» с семью сигаретами в его пиджаке. Задержан он в момент, когда готовил в дорогу рюкзак. Видимо, наше появление было для него неожиданным – он не успел спрятать хлороформ.

Свидетели сообщают, что в последнее время он возвращался домой к полуночи (?).

На допросе держался очень самоуверенно, даже принимал позу оскорбленной невинности. Это обычная тактика врагов: припертые к стене, они начинают изворачиваться.

На мой вопрос: «Где вы были до полуночи, перед тем как встретиться со старшиной?» – он ответил: «Я гулял в окрестностях села». Я у него спросил: «В каких окрестностях?» Он ответил: «К западу от Момчилова». Свидетель же Марко Крумов, проживающий на восточной окраине

села, рассказывает, что видел его часов в десять вечера на дороге, которая ведет в село Луки и проходит возле Змеицы. Это не западнее, а восточнее села. Там в прошлом году был окружен и ликвидирован диверсант Кадемов, уроженец Лук.

На мой вопрос: «Как могло случиться, что именно ваше полотенце оказалось на голове дежурного старшины?» – он ответил. «Разве такое полотенце – единственное во всей Болгарии?» Я спросил: «А где оно у вас висело, ваше полотенце?» Он ответил. «На вешалке в сених» Мы тщательнейшим образом осмотрели и сени и его комнату, но не нашли такого полотенца.

На мой вопрос: «Как вы объясните наличие у вас хлороформа?» – последовал ответ: «Я занимаюсь исследованиями в области естествознания, он мне необходим для некоторых опытов с животными и насекомыми». По специальности Методий Парашкевов химик, окончил химический факультет Софийского университета.

Принимая во внимание все данные о Парашкевове, учитывая обстоятельства, при которых подвергся нападению и был ранен милицейский старшина, и неискренние ответы Методия Парашкевова на первом допросе, я глубоко убежден, что именно он совершил покушение и что в данном случае мы имеем дело с сознательным и организованным шпионажем. Есть ли соучастники и кто они – это необходимо теперь путем следствия установить.

Прилагаю: полотенце, окурок сигареты «Бузлуджа», пачку «Бузлуджи» с семью сигаретами, ампулу с хлороформом и пять осколков стекла из разбитого окна военно-геологического пункта».

Полковник Манов раскрыл вторую папку и прочитал в ней:

«На двух осколках оконного стекла, представленных для исследования, нами обнаружены отпечатки, абсолютно идентичные отпечаткам пальцев гражданина Методия Парашкевова. Не может быть сомнения в том, что гражданин Методий Парашкевов прикасался пальцами к этому стеклу.

Следы пальцев на окурке, который также был нам представлен для исследования, не ясны, но, насколько нам удалось их сопоставить с отпечатками пальца правой руки Методия Парашкевова, есть основание предполагать, что и тут налицо известная идентичность: судя по всему, сигарета была выкурена и брошена гражданином Методием Парашкевовым».

Полковник Манов прочел и другой документ из этой папки:

«Представленный для исследования окурок сигареты „Бузлуджа“ слегка придавлен в верхней части ребристым железным предметом. Можно предположить что это след ботинка с туристской набойкой».

Полковник Манов задумался на минуту, затем срочно потребовал связать его по телефону со Смоленским окружным управлением милиции. Уже через десять минут оттуда ответили, что задержанный гражданин Методий Парашкевов носит ботинки с железными туристскими набойками.

Все собранные до сих пор улики были против Методия Парашкевова. Создавалось впечатление, что капитан Слави Ковачев напал на верный след. Учитель не кто иной, как завербованный шпион! Он похитил для вражеской разведки топографическую схему стратегического значения. Сейчас следовало установить, успел ли он передать эту схему. Если нет, то надо всеми возможными средствами помешать этому. Требовалось узнать, кто является соучастником преступления, и раскрыть всю вражескую сеть!

«Шпионская организация на границе!» Полковник Манов стукнул кулаком по столу и нервно зашагал по кабинету.

Но вот Аввакум Захов, человек, в которого он так верил, которого любил, как родного сына, почему он лишь вскользь коснулся всех этих столь очевидных фактов, не обратил на них внимания, прошел мимо них, как самый легкомысленный новичок?

Полковник Манов был недоволен, и не без оснований. Несколько лет назад, будучи оперативным работником, он сам обучал Аввакума искусству контрразведчика, начиная с самых азов. И в послужной список Аввакума за короткое время была внесена добрая дюжина записей, свидетельствующих о его блестящих успехах. Впоследствии, став начальником управления, Манов часто говорил: «Чему тут удивляться? Аввакум – мой ученик!» Он втайне даже чуть-чуть завидовал ему – конечно, не черной завистью – завидовал тому, что Аввакум имеет возможность «гореть» на непосредственной оперативной работе, и тому, что у Аввакума чутье оказалось заметно острее, чем у него самого.

«Божий дар», – говаривал в таких случаях Манов.

И вот этот самый Аввакум представил рапорт, способный лишь рассмешить своей наивностью.

«Должен в самом начале признать, – читал, наверное, уже в десятый раз полковник, хмуря брови, – что в деле Методия Парашкевова я придерживаюсь особого мнения. Я пока не берусь оправдывать его полностью, не выдаю ему свидетельства о невиновности, но мне что-то подсказывает, что это неплохой человек, что такой человек, как он, не может быть преступником. Верно, что улики, которыми в настоящее время мы располагаем, решительно против него. Если судить по этим уликам – показания старшины, полотенце, хлороформ, окурок сигареты, вероятно принадлежащие ему, – Методий Парашкевов, мягко выражаясь, представляет собой объект следствия. Но то, как было совершено преступление, и особенно вторая часть его – взлом и ограбление пункта, – остается загадочным, труднообъяснимым и в какой-то мере рассеивает уверенность, что Методий Парашкевов – действительно преступник. При встрече я расскажу, что, по моему мнению, в этой истории „загадочно“ и „труднообъяснимо“.

За короткое время, которым я располагал, я сумел собрать лишь некоторые сведения об этом человеке. Они характеризуют учителя с положительной стороны. Он происходит из семьи среднего достатка, родители его умерли. И до и после Девятого сентября он ни разу не давал повода считать, что ему присущи какие бы то ни было реакционные взгляды. Учителяствуя, он изучал минералогию, углублял свои знания в химии. Научил жителей села

возделывать овощи и разводить пчел. Ведет самый скромный холостяцкий образ жизни. У него собрана богатая коллекция по естествознанию. Он заядлый охотник, страстный альпинист, очень любит природу».

Полковник вздохнул. «Создается впечатление, что эта характеристика написана рукой археолога, а не контрразведчика Аввакума!» Он нажал кнопку звонка и приказал дежурному лейтенанту вызвать обоих капитанов.

10

До встречи с полковником оставалось два часа. Аввакум немного постоял перед фотовитринами Театра молодежи; рассматривая со скептической усмешкой гримерские ухищрения артистов, снисходительно пожал плечами. Подойдя к трамвайной остановке, он вдруг заметил, что у него давно не чищены ботинки и вид у них довольно неприглядный. «Надо обязательно зайти к Сали», – подумал он.

Увидев его на пороге. Сали расплылся в улыбке. «Сегодняшний день начнется с хорошего бакшиша», – смекнул мальчуган и так хлопнул щеткой о щетку, что его брат Ахмед, сидевший спиной к двери, подскочит на своем стульчике как ужаленный.

– Сали! – сказал Аввакум. – Смотри, чисти и с внутренней стороны, слышишь? Иначе сверх таксы ни гроша!

У паренька блеснули зубы, ему хотелось выкинуть какую-нибудь штучку, сказать что-то смешное, но взглянув в мрачное, усталое лицо клиента, он опустил глаза и принялся усердно счищать пыль с манжет его брюк.

Сидя в кресле. Аввакум разглядывал от скуки розовый фасад противоположного дома, его окна, задернутые узорчатыми тюлевыми занавесками, и балкончики, огражденные железным кружевом решеток, окрашенных в желтый цвет.

– Сали, а мой знакомый, тот, у которого голубой галстук с серебряными цветочками, заходил к вам на днях? – спросил неожиданно для самого себя Аввакум.

– Заходил, – кивнул Сали. – В понедельник днем был тут. – Он презрительно скривил красные губы и мотнул головой. – Жадина!

– Плохой человек, – усмехнулся Аввакум.

На одном из балкончиков за ажурной решеткой вдруг появилась молодая женщина. В кремовом платье без рукавов она стояла под лучами утреннего солнца и ее волосы отливали золотом.

«Настоящий цветок», – подумал Аввакум и улыбнулся.

Молодая женщина постояла в раздумье за желтым кружевом перил, потом повернулась и быстро исчезла за дверью. А Аввакуму казалось, что он по-прежнему видит кремовую розу, и, так как этот цветок всегда очень нравился ему, он продолжал неотрывно глядеть на балкон.

– Сали, – сказал он и нетерпеливо передернул плечами, – не стоит особенно драить ботинки. Внутри все равно не видно!

– Я же еще не начинал! – засмеялся Сали.

– Ничего. – Аввакум махнул рукой. – В следующий раз почишь!

Он встал, сунул в руку Сали монету и выскочил на улицу. Мальчик, разинув от удивления рот, глядел ему вслед.

Неизвестно как это получилось, но они встретились точно в центре скверика с фонтаном. Разумеется, это произошло совершенно случайно. Сия обходила бассейн с западной стороны, а Аввакум – с восточной. Если бы дорожки не пересекались, они бы, вероятно, не встретились. При этом ни один из них, казалось, не подозревал о присутствии другого. Они с увлечением наблюдали затейливую игру водяных струй. Столкнувшись с Аввакумом, Сия очень удивилась. Она даже покраснела, и ему показалось, что перед ним уже не роза, а алый мак.

– Ах! – воскликнула она. – Какими судьбами? Вот так встреча!

Аввакум, у которого всегда был наготове подходящий к случаю ответ, на этот раз промолчал.

Они вспомнили наконец, что забыли поздороваться, и поспешили пожать друг другу руки. Сия почему-то была очень смущена. Здороваясь, Аввакум успел заглянуть ей в лицо. Глаза ее как будто улыбались, но в глубине были невеселы, и от этого улыбка ее вышла довольно грустной. Заметил он и легкие тени под глазами, и маленькие складки у рта, и то, что у нее подрагивали губы – как крылья бабочки, перед тем как ей взлететь. «Так дрожат губы у плачущего ребенка, когда он старается засмеяться» – подумал Аввакум.

– Я в отпуску, – сказала Сия и отвернулась.

– Знаю, – кивнул Аввакум и тоже отвел взгляд в сторону.

Они обошли вокруг бассейна, облицованного цветной плиткой. Все так же журчала вода фонтана, но они уже не обращали на нее внимания.

– Я знаю, что ты в отпуску, – повторил Аввакум. – Ведь мы же договорились взять отпуск в одно время, не так ли?

Она не ответила, только тихонько вздохнула. Собственно, вздох она сразу же оборвала. Аввакум мог побиться об заклад, что глаза ее влажны. «Так обрывается вздох, когда на глаза набегают слезы», – подумал он и небрежным тоном спросил:

– А ты видела нашего общего знакомого?

И так как она медлила с ответом, Аввакум пришел ей на помощь, уточнив:

– С понедельника не видела?

– Я больше не намерена его видеть, – с недовольным видом бросила она.

Фонтан вдруг зажурчал как-то особенно весело.

– До чего милы эти розовые фасады домов! Они мне очень нравятся.

– Серьезно? – усомнилась Сия. – Но ведь три месяца назад ты был другого мнения. Ты твердил, что они безобразны, что они напоминают развешанное белье! Помнишь?

– Что-то не припоминаю, – сказал Аввакум и засмеялся.

– Я тоже нахожу, что они красивы. – Сия сказала это с какой-то особой нежностью в голосе. Потом она спросила, как в былое время: – Хочешь, пройдемся по парку?

– А почему бы и нет? – обрадовался Аввакум. И он, как когда-то, взял Сию под руку и наклонился к ее уху:

– Через пятнадцать минут у меня заседание в Институте археологии. Давай встретимся завтра, идет?

Сия пожала плечами, но потом улыбнулась и сказала:

– Хорошо.

– Итак, – заговорил полковник Манов. – я прочел оба ваши доклада, и, как мне кажется, у меня тоже теперь есть некоторое представление об этой темной истории. – Он взглянул в сторону Аввакума, помолчал немного и продолжал: – Кроме того, мною получены дополнительные сведения, которые полностью подкрепляют тезис капитана Ковачева. А именно: в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа учитель Методий Парашкевов совершит покушение на милицейского постового старшину Стояна Стоименова, и тогда же Методий Парашкевов разбил окно в помещении военно-геологического пункта и похитил стратегически важную схему и две тысячи левов... Товарищу Аввакуму Захову, который все еще сомневается в виновности Методия Парашкевова, теперь необходимо учесть: экспертиза установила, что на кусках разбитого стекла есть отпечатки пальцев учителя; на окурке сигареты тоже эти отпечатки; кроме того, окурок был затоптан его ботинком. Эти бесспорные факты вместе с другими доказательствами – рассказ милицейского старшины, полотенце и хлороформ – создают ясное и твердое убеждение, которое, я еще раз повторяю, полностью совпадает с выводами капитана Слави Ковачева. Неискренность Методия Парашкевова во время первого допроса, то есть его желание версией о ночной прогулке ввести следственные органы в заблуждение, надо расценивать как первую попытку преступника ускользнуть от обвинения. Меня удивляет лишь то, позволю себе заметить, что такой опытный работник, как товарищ Аввакум Захов, не сумел вовремя

сориентироваться в этой сравнительно простой обстановке!

– Это иногда случается! – весело рассмеявшись, заметил Слави Ковачев.

– Смеяться здесь нечему, – нахмурившись, сказал полковник. Переведя взгляд на Аввакума Захова, он озбоченно спросил: – Как же это вы не заметили столь очевидные факты?

Аввакум попросил разрешения закурить, жадно затянулся несколько раз и, помолчав немного, ответил:

– Вся эта история гораздо более запутанна и более темна, чем это кажется моему коллеге Слави Ковачеву. Нет ничего проще, чем, основываясь лишь на нескольких фактах, обвинить человека в смертном грехе. Гораздо труднее установить истину, особенно когда кажущиеся бесспорными доказательства толкают следствие на ложный путь.

– Бесспорные доказательства – для него «ложный путь»! – Слави Ковачев развел руками.

– Вы его не перебивайте!

Полковник снова нахмурился. В последнее время он старался не курить – у него было неблагополучно с кровяным давлением, да и застарелая язва давала себя знать. Но на этот раз не выдержал: порывшись в ящике стола и найдя среди бумаг сигарету, с удовольствием закурил, воспользовавшись спичкой, которую поднес ему Аввакум.

– Пусть мой коллега Слави Ковачев воспроизведет происшествие так, как ему подсказывает воображение, – настаивал Аввакум. – Тогда я укажу, где он совершенно очевидно допускает серьезные ошибки. И вы увидите, что картина не так проста, как это может показаться на первый взгляд.

Полковник уселся поудобнее в кресле и с видимым удовольствием снова затянулся.

– Что ж, раз товарищу Захову не ясна картина происшествия, я ее воспроизведу так, как было на самом деле! – начал в довольно высоком регистре Слави Ковачев. Прищулив глаза, он продолжал: – Случилось это после полуночи, между часом и двумя. Методий Парашкевов возвращается из Змеицы. Змеица – место страшное, куда не всякий отважится пойти в ночное время. Он проходит через двор военно-геологического пункта и торопливо обменивается несколькими словами с постовым. Но, едва скрывшись в темноте, резко поворачивает обратно и металлическим предметом ударяет постового по голове. Постовой, потеряв сознание, падает на землю. Тогда Методий Парашкевов вынимает из карманов полотенце и ампулу с хлороформом, смачивает им полотенце и обматывает голову своей жертвы. Тем самым он обеспечивает себе на какое-то время безопасность и свободу действий.

Это первая часть драмы. Вторая начинается так: Методий Парашкевов подходит к окну. Он ведь высокого роста и запросто достает его рукой. Первый удар по стеклу – тихий, чтобы не поднять шума, – наносит металлическим предметом. Образуется отверстие, размеры которого позволяют просунуть руку и ухватиться за железную решетку. После этого, встав ногой на цоколь, он начинает осторожно вынимать из рамы осколки стекла. Покончив с этим, спускается на землю, чтобы передохнуть, и закуривает. Естественно, он прячет сигарету в руке. Но время не ждет. Затоптав недокуренную сигарету, Парашкевов снова становится ногами на цоколь и принимается пилить один из

железных прутьев. Прут податлив, он из мягкой стали. Чтобы перепилить его, требуется не более десяти минут. Он загибает перепиленный прут – теперь в окне достаточно большое отверстие, чтобы проникнуть в комнату. Все это происходит в каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут. Забравшись внутрь, он открывает отмычкой небольшой шкаф с документами и деньгами. Забирает нужный ему чертеж, а чтобы придать преступлению характер простого ограбления и скрыть его шпионскую сущность, прихватывает и деньги, две тысячи левов, лежащие на верхней полке шкафа... Затем наш герой возвращается к себе – я не я и хата не моя! И сразу, не раздеваясь, ложится спать. На рассвете он принимается укладывать свой рюкзак – на прогулку, видите ли, собирается или на охоту. А в действительности сборы его связаны с намерением подальше спрятать хлороформ и в первые часы после того, как преступление обнаружится, не быть дома.

Слави Ковачев потер рукой лоб и бросил на Аввакума снисходительный взгляд: «Надеялся найти слабые места в моих доводах? Как бы не так! Ну-ка попробуй!» Некоторое время все трое молчали.

– Могу я сделать несколько замечаний? – спросил затем Аввакум. Полковник кивнул.

Аввакум встал и принялся медленно, мелкими шажками расхаживать по комнате – от окна к двери и обратно.

– Расстояние от земли до нижней части окна составляет точно два метра и пятнадцать сантиметров. На такой высоте оконное стекло могло быть разбито лишь с помощью палки, прута или другого подобного предмета. При условии если преступник не боится сильного шума, оно могло

быть разбито и брошенным в него камнем. Предположив, что преступник разбил окно одним из упомянутых способов, последуем дальше.

Известно, что оконная рама на палец выступает над поверхностью стены. Попробуйте-ка разбить стекло! Что получится? Во всех случаях получится одно и то же: крупные или мелкие осколки непременно упадут на землю. Но обычно падают те, что покрупнее. Я прошу обратить на это внимание: на земле под разбитым окном не было обнаружено ни крупных, ни мелких осколков, ни даже стеклянной пыли. Я обследовал по месту с помощью лупы и не нашел признаков битого стекла.

Дальше. Коллега Слави Ковачев утверждает, что преступник просунул руку через первоначально образовавшееся в стекле отверстие, уперся ногой в стену и начал вынимать стекла и опускать их на пол. Это утверждение, по-моему, абсолютно несостоятельно. И вот почему. Когда человек закрепится на стене, он в любом случае непременно оставит на ее поверхности какие-то следы. Пусть даже он разулся, следы все равно будут. Обутая нога или в одном носке обязательно оставит какой-то отпечаток или след. А на стене, непосредственно под разбитым окном, справа и слева от него, не было обнаружено абсолютно никаких следов. Я обследовал с помощью лупы поверхность стены и не заметил ничего такого, что напоминало бы след обуви, носков или босых ног. Извольте!

Аввакум вынул из портфеля целую кипу снимков и разложил их перед полковником.

— Это части стены, которые я заснял, пользуясь специальным фильтром, чтобы были заметны поры штукатурки.

Участки стены пронумерованы, и, если сложите снимки с учетом нумерации, вы увидите всю поверхность той части штукатурки, которая находится на высоте одного метра от земли. – Аввакум усмехнулся: – Никаких признаков туристских набоек, не правда ли?

Закурив новую сигарету он продолжал медленно расхаживать взад и вперед по комнате.

– Коллега Слави Ковачев утверждает, что преступник, ухватившись за один из железных прутьев и упершись в стену ногами, другой рукой принялся вынимать осколки стекла и опускать их на пол. Я позволю себе задать вопрос: почему именно на пол, а не на землю? Ему было куда удобнее бросать куски стекла на землю, нежели внутрь, в комнату. Ну, так и быть! Оставим эту деталь. Человеческая душа не под стеклянным колпаком, трудно разгадать ее намерения, не правда ли? Лучше вернемся к осколкам, это проще.

Итак, злоумышленник вынимает крупные и мелкие осколки и опускает их на пол. Мы обнаружили и послали на исследование два осколка величиной в полторы пяди и с десяток поменьше, с мужскую ладонь. Теперь я прошу принять во внимание два обстоятельства. Первое – что пол в Илязовом доме выложен каменными плитами. Второе – что расстояние от подоконника до пола составляет один метр и пятьдесят три сантиметра. Если кусок стекла опустить с такой высоты на камень, то, разумеется, он разобьется вдребезги. Любой осколок окажется значительно меньше мужской ладони. Я не очень-то сведущ в стекольном деле, но полагаю, что в окнах Излязова дома не венское стекло.

Дальше. Коллега Слави Ковачев утверждает, что преступник перепилил стальной пилой железный прут оконной решетки, а потом отогнул этот прут, чтобы можно было влезть в окно. Верно, там есть перепиленный и отогнутый прут. Но я прошу обратить внимание на такую деталь. След пилы на концах прута шире с внутренней стороны, то есть со стороны, обращенной в комнату. Если вы висите за окном и держите в одной руке пилу, вам будет в тысячу раз удобнее распиливать мешающий вам железный прут с внешней, то есть со своей, стороны, а не с противоположной. Второе. Если вам куда-то нужно протиснуться и железный прут служит вам помехой, то, перепилив, вы, естественно, согнете его. Но как вы это сделаете? Вы непременно станете гнуть концы прута от себя, а не на себя. Из рассказа моего коллеги следует, что преступник избрал второй путь, то есть согнул прут на себя. Едва ли во всем мире найдется такой глупый и несообразительный преступник. Но предположим, что наш преступник архи-глуп и архинесообразителен и поэтому отогнул прут на себя. В таком случае уместно задать вопрос: как при подобном положении концов прута он сумел протиснуться в комнату? Направление его движения и направление торчащего прута прямо противоположны друг другу.

Аввакум достал из портфеля и положил на стол фотоснимок.

— Судите сами, — сказал он. — Может ли человек протиснуться вот здесь и не порвать о концы распиленного прута своей одежды и не оцарапаться? Должен сказать, что я осмотрел с помощью лупы эти концы и не обнаружил на них никаких следов одежды или крови.

Еще одно только замечание, и я кончаю. Коллега Слави Ковачев утверждает, что преступник держался за железный прут рукой. Это верно, но только отчасти. Я обследовал прут с помощью лупы и не смог заметить на нем следов прикосновения пальцев или ладони. Я заметил другое – ржавчина на поверхности прута несколько стерта, как будто ею касались чем-то шерстяным. На подоконнике, среди железных опилок, я обнаружил, также с помощью лупы, несколько синих волосков. Не может быть сомнения, что преступник действовал в перчатках. Как видите, он и не архинесообразителен и не архиглуп! Он орудовал в перчатках.

Аввакум сел в кресло. Все молчали.

Немного погодя Аввакум сказал:

– Из всех этих мелких замечаний, которые тоже покоятся на бесспорных доказательствах, можно сделать основной вывод. Этот вывод помогает найти ключ к следствию: окно в помещении военно-геологического пункта было разбито не снаружи.

Слави Ковачев поднял голову.

– Хорошо, я принимаю эту маленькую поправку. Методий Парашкевов забрался в дом не через окно, а через дверь. Большое дело! Воспользовался отмычкой и влез!

– Вот те на! – рассмеялся Аввакум. – Зачем же тогда Методию Парашкевову понадобилось разбивать внутри окно, вынимать осторожно осколки из рамы, оставлять на них отпечатки своих пальцев и опускать на пол? Зачем ему понадобилось после этого надевать перчатки, пилить железный прут, выгибать концы его наружу? Да еще при наличии ключа или отмычки, позволивших ему открыть наружную дверь и бесшумно проникнуть в дом?

Слави Ковачев покраснел и опустил голову.

— Моя гипотеза в данном случае такова. — Аввакум встал и снова начал ходить по комнате. — Некто Икс — он нам пока что не известен — получил задание похитить документы стратегического значения. Это один вариант. Возможен и другой: некто Икс не получал никакого задания, а просто-напросто хотел навлечь серьезное подозрение на человека, мешающего ему или очень для него опасного. Возможен и третий вариант: комбинация двух первых.

Каким-то загадочным способом Икс сумел заготовить осколки стекла с отпечатками пальцев Методия Парашкевова. Дальнейший ход событий ясен. Некто Икс, открыв с помощью ключа дверь, проникает в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа в помещение пункта. Непременно с помощью ключа, потому что, уходя, он позаботился о том, чтобы снова ее запереть. Он открыл окно, разбил стекло и унес часть осколков с собой; на полу оставил лишь те куски стекла, на которых — в чем он был уверен — имелись отпечатки пальцев Парашкевова. Затем, чтобы кража казалась более очевидной, перепилил железный прут, отогнул его концы и, когда со всем этим было покончено, благополучно скрылся. Вы скажете: ну, а хлороформ, а полотенце? А окурки, на котором остался след Методиева ботинка?

Ответить на эти вопросы совсем не трудно. Представьте себе, что мы все трое живем в Момчилове. И что у товарища Манова имеется, к примеру, цианистый калий. И о том, что у него имеется цианистый калий, известно некоторым людям. Между тем я тайком добываю себе такой яд

и умерщвляю им моего коллегу Слави Ковачева. О том, что у меня есть этот яд, никому не известно, и поэтому, по крайней мере в первое время, я вне подозрений. Но товарища Манова заподозрят многие, так как вспомнят, что именно он, товарищ Манов, располагает таким редким ядом. И вот неизвестный Икс, зная, что у Методия Парашкевова есть хлороформ и что в Момчилове только он один имеет его, решает воспользоваться не каким-либо другим оружием, а именно хлороформом. На деле Икс действовал, как в поговорке: одним выстрелом убивал двух зайцев. То есть сделал нужное ему дело, а подозрение навлек на другого человека. В данном случае Икс пользовался собственным хлороформом. А что касается полотенца — я думаю, что он выкрал его у учителя накануне происшествия. Ну, а окурок — это чистая случайность, он действительно мог принадлежать учителю. Проходя мимо окна, тот бросил недокуренную сигарету и наступил на нее ногой.

Как видите, Икс не лишен сообразительности, у него достаточно изобретательное воображение. Его ни в коем случае не следует искать среди простаков или людей ограниченных.

Но, несмотря на все свои «способности» и вопреки своей осведомленности, Икс допустил в данном случае несколько непростительных для него просчетов. Если бы преступники не совершали ошибок, их преступления никогда не удавалось бы раскрыть, не правда ли? Наша задача состоит в том, чтобы эти ошибки вовремя заметить.

Я считаю, что план диверсии Икс в общих чертах умно задуман и хитро разработан. Но при его осуществлении

Икс допустил несколько весьма грубых ошибок. Во-первых, он не позаботился о том, чтобы оставить на стене дома несколько царапин, которые напоминали бы следы ног. Во-вторых, не догадался разбросать на земле под окном хоть несколько осколков стекла. В-третьих, Икс поступил очень неосмотрительно, начав пилить железный прут изнутри и загнув его концы наружу, а не внутрь. Его грубая ошибка также в том, что он оставил на каменном полу крупные осколки стекла.

Если бы некто Икс избежал этих мелких, но роковых ошибок, я не сумел бы раскрыть диверсионный характер совершенного преступления, я бы тоже предположил, как это делает коллега Слави Ковачев, что преступление совершил учитель Методий Парашкевов.

Аввакум остановился у окна. Внизу, по другой стороне улицы, не спеша проходил молодой человек в мягкой фетровой шляпе. Он рассеянно глядел прямо перед собой. «Обычно у мужчин шляпа немного сдвинута к правому уху, – подумал Аввакум. – А у этого наоборот – к левому». Тут Аввакум опомнился и упрекнул себя: «Стоять спиной к полковнику неприлично и не полагается по уставу». – Он быстро обернулся и пошел к своему креслу.

Тем временем полковник рылся в ящике своего стола: искал сигарету, завалившуюся среди бумаг; он делал это с большим усердием, очень сосредоточенно.

Аввакум снова вспомнил о молодом человеке в фетровой шляпе. «Узнал неприятную новость или чем-то взволнован, что-то спутало его планы», – подумал он.

Слави Ковачев сдержанно вздохнул, потрянул головой и встал. Он еще сохранял самоуверенный вид, но немного

побледнел, и морщины на его лбу и возле глаз как будто удлинились и стали глубже.

«Сейчас его честолюбие мечется, как змейка, на которую наступили ногой», – подумал Аввакум и тут же почувствовал даже какую-то жалость, только он не мог понять, кого больше жалел в это мгновение – взволнованного молодого человека в фетровой шляпе или своего расстроенного коллегу.

Полковник нашел наконец сигарету, повертел перед глазами, потом, будто рассердившись, смял ее и швырнул в корзинку. Он поднял глаза на Слави Ковачева и, пожав плечами, сказал:

– Ну, что, товарищ капитан, вы, кажется, дожидаетесь разрешения уйти?

– Да, если позволите, – тихо сказал Слави Ковачев. Полковник встал и протянул ему руку.

– Благодарю вас за старание.

Слави Ковачев поморщился, словно у него неожиданно заболел коренной зуб.

– Вы можете сегодня же приступить к своим служебным обязанностям, – сухо добавил полковник.

Слави Ковачев подошел к Аввакуму. Он пожал своей влажной рукой его руку и улыбнулся. Влажная рука, улыбка, искренне дружеское рукопожатие – все это навевало на Аввакума еще большую грусть. Он как-то сник в своем кресле, и взгляд его остановился на пестром узоре ковра.

Полковник Манов встал возле него и положил ему на плечо руку.

– Сегодня ты будешь моим гостем, пойдешь ко мне

обедать. Я сейчас скажу Христине, чтоб приготовила лапшу со свежей капустой и черным перцем. Ведь это твое любимое блюдо, не так ли? Да еще чтобы поставила под кран две бутылки «Карловского муската». Твое венгерское блюдо мы запьем нашеньским вином, и получится весьма недурно.

Пока Аввакум подбирал слова, чтобы поделикатней отказаться от приглашения, начальник управления уже говорил по телефону с женой. Лицо его было радостным, он даже казался моложе – вот таким его помнил Аввакум, когда они вместе работали в оперативном отделе. Водворив телефонную трубку на место, полковник положил руку на стол и откашлялся.

– Товарищ Захов, – начал он и снова кашлянул, чтобы перейти на официальный тон. – Если я не ошибаюсь, вы в отпуске, верно?

– Да, в отпуске, – ответил Аввакум. «Опять начинается игра в прятки», – подумал он и добавил: – Мне пришлось на время прервать свой отпуск, но завтра я смогу возобновить его.

– Так-так... – кивнул по привычке полковник. – Очень хорошо! Это ваше право, разумеется. Море, пляж, солнце – все это приятно, что и говорить. Лежишь, отдыхаешь, никаких забот. Словом, живешь в свое удовольствие.

Аввакум вдруг вспомнил, что на завтра он назначил свидание Сие, и улыбнулся.

– Да, – вздохнул полковник. – Что ж, я очень рад. А между прочим, ваш Методий Парашкевов на волосок от смерти. Должен вам сказать, что этому человеку на лучшее рассчитывать не приходится.

Аввакум почувствовал, что у него запылали щеки.

– Вы, кажется, собирались ехать в Варну, на Золотые пески или что-то вроде этого? – продолжал полковник. – Я каждый год даю себе слово поваляться летом на этих песках, но дальше источников в селе Банкя не выбираюсь. А вот зимой мне иногда случается бывать на море. По службе, конечно... Так вот что. Должен вам сказать, положение этого Методия Парашкевова незавидное. Вы, вероятно, знаете, что правосудие руководствуется очевидными фактами и бесспорными доказательствами. А очевидные факты и бесспорные доказательства не в пользу вашего учителя, как ни печально это для вас... Я уверен, что ваши гипотезы в данном случае абсолютно верны, но для правосудия важны факты, а не гипотезы. Отпечатки пальцев Методия Парашкевова на разбитом стекле – это факт, верно? А то, что железный прут оказался загнутым наружу, а не внутрь – на это наплевать! Прутья можно гнуть куда угодно, на то они и прутья. Так что должен вам сказать, товарищ Захов, только когда ваша гипотеза станет фактом, то есть, когда будет обнаружен и пойман некто Икс, только в этом случае Методий Парашкевов увидит, как говорится, белый свет... Дело касается не одного Методия Парашкевова. Если следствие начнется и закончится обвинением только учителя, все произойдет так, как планировали враги: настоящий преступник, шпион останется на свободе, и у него будут развязаны руки... На границе орудует хитрый и ловкий шпион – вы представляете, Захов, что это значит? Да... А вот некоторые утверждают, что Солнечный берег куда приятнее Золотых песков. Это правда? В таком случае, почему бы вам не поехать туда...

Будете загорать на дюнах, дышать влажным морским воздухом... Там, может статься, и своей любимой лапши со свежей капустой отведаете в каком-нибудь ресторане...

Аввакум уже не ощущал жары, напротив, его стало познабливать. Полковника он слушал рассеянно, отдельные его слова пропускал мимо ушей; перед глазами Аввакума мелькали розовые фасады домов с желтыми балконами, а до слуха его как будто доносилось знакомое журчание фонтана. Потом он подумал: «А все-таки почему она больше не желает встречаться с инженером?» Полковник пророчит Методию Парашкевову виселицу, а ему сулит лапшу с капустой. Говорит про Солнечный берег, но почему-то вместо песчаных дюн Солнечного берега перед глазами Аввакума стоит белесая мгла, которую он видел в глубоких расщелинах Змеицы. И он спросил себя: «Неужели Методия Парашкевова действительно повесят?» И вдруг почувствовал, что на душе у него очень спокойно. Полковник распространялся о тушеной капусте и морском воздухе, а он, весь уйдя в себя и наслаждаясь спокойствием своей души, видел рисунок, который рука древнего художника запечатлела на терракотовой чаше: летящая оперенная стрела настигает серну.

— Товарищ полковник, — улыбнулся он. — Если вы не против, я могу отложить свой отпуск. В конце концов, и в Момчилове климат неплохой! Вы знаете, там есть такая местность, Змеицей называется, так она по красоте, как мне кажется, немногим уступает Солнечному берегу.

Полковник опять шарил в своем столе — ему хотелось закурить. Хотя у него не было насморка, он шмыгнул носом и нахмурился — вероятно, потому, что не нашел в

ящике сигареты. Он взялся за телефонную трубку и, повернув к Аввакуму просиявшее, взволнованное лицо, сказал торжественным голосом:

– Сейчас я скажу Христине, чтобы поставила под кран еще одну бутылку. Ты не возражаешь?

12

Происшедшие события я описываю так, как вижу и понимаю их сейчас, когда все уже выяснилось и давно позади. Ведь с тех пор прошло больше года.

Так уж получилось, что дня за три до всей этой истории – дело было в субботу под вечер – отправился я прогуляться по дороге, ведущей в соседнее село Луки. Я очень люблю эту дорогу. Она мягкая, ровная, всегда покрыта толстым слоем серой пыли. Когда идешь по ней, кажется, что движешься по бескрайнему пушистому ковру. С обеих сторон к ней подступают округлые холмы. Одни по самые плечи утонули в сосновых лесах, другие, кажется, завернулись в зеленые покрывала с мохнатой родопской бахромой, то тут, то там разукрашенные брусникой и боярышником. Глядишь, среди дороги стоит заяц – прежде чем ее пересечь, он, наострив уши, внимательно прислушивается. Потом подбросит кверху серый зад, скок-скок – и пропал в придорожных кустах. Мне хорошо знакомы повадки этого кроткого воришки: проберется в один из момчиловских огородов и давай лакомиться курчавой капустой, сладким перчиком. Да с каким аппетитом!

В сумерках здесь носятся летучие мыши. Прошелестят над головой – и след простыл. В воздухе пахнет хвоей,

травами. И такая тишина кругом, что если раздастся где ранний крик еще сонной ночной птицы, то покажется, будто над ухом взревел лесной зверь. Сколько раз я, так глупо обманутый, вздрагивал, как последний трусишка! Особенно там, где дорога огибает Змеицу... Правда, это место я обычно прохожу форсированным маршем – упражняюсь в быстрой ходьбе; говорят, она укрепляет сердце. Упражняюсь до тех пор, пока не отдаюсь от таинственной Змеицы шагов на сто. И тогда снова перехожу на обычный темп.

С пастбищ, что разлеглись между Момчиловом и Луками, временами доносится успокаивающий перезвон медных колокольчиков – там пасутся отары овец. Далекий собачий лай звучит в моих ушах, как сердечный привет. От него становится веселей на душе. Пусть себе лают, на то они и собаки!

Вот за все это я очень люблю дорогу из Момчилова в Луки. Случается, что по ней ходит и доктор Начева, когда ее зовут к больному в какую-нибудь момчиловскую слободу. Но это несущественная деталь. Я прогуливаюсь там главным образом для того, чтоб любоваться природой. Конечно, бывает, иногда мы встретимся – я хорошо знаю, в какое время она обычно возвращается от своих пациентов. Но это, как я уже сказал, пустяковая и совершенно несущественная деталь.

С этой деталью мне довелось совсем случайно столкнуться однажды, когда я отправился на очередную прогулку в сторону Лук. На ее плечах был мягкий шерстяной платок цвета резеды; из-под его длинной бахромы виднелись обнаженные по локоть руки. Ее сопровождал босо-

ногий мальчуган, чей носишко здорово напоминал запятую первоклассника. Остановившись, мы, как всегда, поболтали о том, о сем. Моя коллега доктор Начева возвращалась из Инджевой слободы – осматривала молоденькую помачку³, которая должна была скоро рожать. Муж ее работал в Мадане, там он стал ударником и зарабатывал хорошие деньги. Молодая женщина все допытывалась: «Мальчик будет или девочка?»

Очень ей, бедняжке, хотелось родить мужу мальчика! Начева, конечно, сказала, что непременно будет мальчик. Тогда помачка позвала своего братца и велела ему проводить «дохторку» до самых Лук.

– Я ему говорю, возвращайся, а он ни в какую, – весело смеется доктор Начева. – Посмотрит на меня умильно вот этими своими угольками и опять семенит за мной, как на веревочке!

Внимательно слушая эту историю, замечаю, что моя коллега посматривает на меня лукавым, я бы сказал, интимным взглядом, и думаю: «А не сказать ли ей, что от коровы Рашки сегодня получен рекордный надой молока?» Только хотел было я поделиться с ней этой важной новостью, как она вдруг повела плечом, и от этого движения платок цвета резеды распахнулся на ее груди.

– Ну, а вы как поживаете? – спрашивает она, и я улавливаю в ее голосе чересчур уж лукавую нотку.

Мне кажется, что это не вполне подходящий момент, чтобы сообщать ей такую новость. К тому же не очень-то к лицу солидному, серьезному человеку вроде меня глазеть

³ Помаки – болгары-магометане, живущие в Родопских горах.

со столь близкого расстояния на ее бюст. Поэтому я опустил голову и принялся чертить носком ботинка в дорожной пыли какие-то геометрические фигуры. Тогда доктор Начева совершенно неожиданно говорит:

– Ну, пойдем, Али! А то скоро начнет смеркаться!

При этом она обернулась в мою сторону и весело захохотала, от смеха даже за бока ухватилась. А я хоть и обиделся на нее за этот смех, но все же не мог не заметить, что ноги у нее стройные, как у серны, да и талия тоненькая.

Когда я брел обратно, настроение у меня было не такое уж бодрое. Почему она вдруг рассмеялась? Эта мысль не давала мне покоя. Видимо, я долго думал над этим, потому что когда поднял голову и поглядел вокруг, то обнаружил, что Змеица осталась уже далеко позади. Выходит, прошел это неприятное место так же, как по утрам прохожу мимо старой корчмы. Я остался доволен собой и почувствовал, что мое упавшее было настроение поднялось по крайней мере на одну десятую градуса.

Но в этот вечер судьба уготовила мне еще большую неожиданность. Уже возле самого села я увидел, что прямо на меня стремительно надвигается густое облако пыли. «Легковая машина», – сказал я себе и предусмотрительно сошел на обочину. Через одну-две секунды мимо меня прошмыгнул темно-зеленый «газик». Стараясь разогнать клубящуюся в воздухе пыль, я махал перед носом рукой; в это время позади завизжали тормоза, послышался шум шуршащих по сухой земле шин. Я тут же обернулся. Вижу, из машины ловко выскочил человек и устремился ко мне. Не успев опомниться, я оказался в чьих-то крепких объятиях.

Это был Аввакум.

Он немного похудел и выглядел чуть старше своих лет: морщины на его лбу как будто стали глубже. Виски совсем поседели. Взгляд был все такой же пронизательный, твердый, пытливый и словно что-то оценивающий. Только вот прежде едва заметная задумчивость теперь как будто сосредоточилась в его зрачках.

– Ты ходил в Луки на свидание с Начевой? – улыбаясь, спросил он, продолжая держать меня за плечи. – А получилось не свидание, а ерунда, совсем не то, на что ты рассчитывал; вот ты и скис. Эх, ты, звездочет от ветеринарии, не смог научиться у капитана Калудиева, как вести себя с женщинами!

Я что-то промямлил, он снова обнял меня и похлопал по спине. Затем сообщил, что едет по делам в Смолен, и так как у него очень мало времени, то он не смог задержаться в Момчилове. Зато на обратном пути, недельки через две, непременно заглянет и погостит у меня несколько дней – пусть тетка Спиридоница имеет это в виду и упрячет куда-нибудь, хоть к черту на рога, своего голошеего вампира.

Прощаясь, он мне сказал:

– Через месяц на Змеицу приедут горняки. Ты слышишь, мечтатель из коровника? Там забурлит такая жизнь, какой момчиловцы и во сне не видели. Змеица, как предсказывал учитель Методий, действительно будет давать драгоценную руду!

Он пожал мне руку так, что она онемела, кинулся к «газику», который тут же тронулся с места, и сел рядом с шофером. Машина скрылась в облаках пыли. Дома меня встретила улыбающаяся тетка Спиридоница.

– Я сварила тебе куриный суп, – радостно сообщила мне хозяйка. После ужина я забрался на сеновал и улегся на свежее сено, подложив руки под голову. Что-то тихо зашуршало по черепице. Пошел мелкий дождик. «Первый осенний дождь», – подумал я.

Я старался представить себе, как тяжелые тучи надвигаются на голую вершину Карабаира. Картина не из веселых. Повернувшись на правый бок, я вспомнил про Аввакума.

А на следующий день, вернувшись из фермы, я принялся писать продолжение этой темной истории.

Дождь лил не переставая.

13

Пообедав у полковника Манова, где круглощекая, проворная Христина на славу угостила его любимым блюдом, Аввакум отправился в библиотеку Археологического института и просидел там до ночи. Он просмотрел все, что в ней было, об интересующем его уголке Родоп, сделал кое-какие заметки и к девяти часам вечера с отяжелевшей от долгого чтения головой вернулся к себе. Всю ночь ему снились всадники в шлемах и кольчугах, разрушенные крепостные стены и высокие горные перевалы, охраняемые зубчатыми башнями. Ему даже показалось, что одна из этих башен окрашена в ярко-розовый цвет и среди бойниц к ней прилепился маленький балкончик, похожий на птичье гнездо из прутьев или скорее, из тростника. А в этом гнезде стоит во весь рост Сия; ее волосы так блестят на солнце, словно они из золота. Приложив руку к глазам,

она смотрит куда-то вдаль, и ему очень хочется крикнуть: «Я здесь!». Но почему-то у него не оказалось голоса. Потом он спросил себя: «А где же я в самом деле нахожусь?» У него было такое чувство, будто башня с балкончиком постепенно отдаляется, а он стоит на месте и ему не видно, что происходит в тростниковом гнезде. Но стояло задать себе вопрос «где я?», как башня и гнездо исчезли, словно унесенные ветром, пропали в бескрайних лесных дебрях. Он проснулся и тотчас же сообразил, что лежит в своей постели, и, хотя глаза у него были закрыты, почувствовал, что ночь уже на исходе.

Аввакум не любил нежиться в постели; проснувшись, он тут же вскочил, потянулся и на цыпочках пошел на кухню умыться. Вернувшись к себе в комнату, достал из шкафа темно-серый костюм, оделся и очень старательно завязал синий галстук. Он терпеть не мог, когда плохо завязан галстук, а в нагрудном кармашке пиджака нет платочка, когда на ботинках пыль или – боже упаси! – грязь. Если в его одежде что-либо было не в порядке, он нервничал, злился по самому пустячному поводу, чувствовал себя, как путешественник, забывший дома самую нужную вещь.

Потом Аввакум занялся своим огромным чемоданом. Со сноровкой портного он сложил белье и спортивный костюм. Затем аккуратно разместил несколько пузырьков с химикалиями, две пачки патронов и короткую стальную лопатку в кожаном футляре. Когда все было готово, запер секретные замочки и стянул чемодан поверх чехла ремнями. Написав несколько букв и цифр на маленьком кусочке картона, он привязал его пестрым шнурком к ручке, еще раз осмотрел все и подошел к телефону.

Через четверть часа из управления прибыл дежурный сержант.

– Этот чемодан имеете с портативной коротковолновой радиостанцией отправьте в Смоленское окружное управление, – распорядился Аввакум. – Отошлите со служебной машиной, и пусть он находится там, пока я не затребую.

Оставалось еще два дела, сообщить о своем отъезде Сие и проститься с хозяйкой.

С Сией было куда сложнее. Ему не хотелось об этом думать, но он прекрасно помнил, что с вечера, перед тем как уснуть, ломал голову над вопросом, как дать ей знать о своем отъезде. Сегодня она будет ждать его на остановке, будет оглядываться и снова ждать. Придет в своем самом красивом платье, с самой очаровательной улыбкой и с самой лучшей помадой на губах – чтоб он не задавал ей неприятных вопросов, не расспрашивал про инженера. К дьяволу этого инженера! Пускай себе занимается своими сильными токами и не попадает на глаза. Но как же все-таки сообщить ей?

Если просто пойти к ней и сказать: «Так, мол, и так, меня в срочном порядке посылают на какие-то там раскопки», – она спросит: «Но почему же так неожиданно? И где они находятся, эти раскопки?»

Что ей тогда ответишь? Погребенным под землей древностям все равно – доберется он до них днем раньше или днем позже. Тут его позиция, конечно, крайне уязвима. И потом в Болгарии нет Сибири или Дальнего Востока, чтобы можно было сказать: «Будем производить раскопки где-то в районе Алтая, а где именно, я и сам толком не знаю». В Болгарии все как на ладони.

Лучше ей ничего не говорить. На какое-то время он просто исчезнет.

И все-таки она не должна томиться в напрасном ожидании. Девушке и самом красивом платье, с самой очаровательной улыбкой зря ждать на остановке неловко и неприятно, разумеется. Он бы всю жизнь себя презирал, если бы по его вине случилось такое.

Остается одно: послать ей телеграмму. «Срочно уезжаю на новый объект». Но телеграмма – это слишком официально, от нее повеет педантизмом и канцелярщиной. Девушке, которая уже испытала однажды разочарование и теперь с такой надеждой ждала этого свидания, ей, этой девушке, послать лаконичную телеграмму – все равно что вместо теплого приветствия высокомерно и бездушно кивнуть головой. Он не хочет, чтобы она сочла его высокомерным и бездушным, ему противно прощаться одним кивком головы, как это делают некоторые надутые начальники, расставаясь с подчиненными. Короче говоря, надо написать си письмо. Слава богу, на свете существует срочная почта, и Сия получит письмо раньше, чем закончит свои приготовления к свиданию.

«Сия, – Аввакум не употреблял при обращении эпитетов, он не любил их, – меня включили в бригаду, которая через четверть часа выезжает. А не позвонил, потому что не хотел тебя будить.

Мне кажется, будет разумно и полезно, если ты проведешь отпуск в деревне. Скоро сбор винограда, и в деревне будет очень хорошо.

Я надеюсь, что через месяц наши раскопки закончатся. Говорят, объект интересный и обещает ценный археологический материал.

Возможно, я не стану писать тебе, чтобы не отвлекать на себя твоего внимания. Но думаю, что в свободные минуты мысленно буду с тобой. От всей души желаю тебе быть веселой»

Тут Аввакум поставил подпись.

Он дважды перечитал письмо, подправил несколько нечетко написанных букв и остался вполне доволен. Письмо ничего не раскрывало, ничего не обещало. И ни к чему ее не обязывало.

«Пуускай себе живет, будто я и вовсе не существую на свете», – вздохнув, подумал он.

Было около восьми. Он вошел в кухню и любезно пожал руку хозяйке, которая, надев массивные очки, только что принялась перебирать рис.

– Отправляюсь в дальний путь, – улыбнулся Аввакум. – Буду участвовать в нескольких археологических экспедициях, так что раньше чем через месяц-два меня не ждите.

Старуха сдвинула на лоб очки и посмотрела на него с удивлением.

– Вот вам плата за комнату на два месяца вперед, – Аввакум положил на стол несколько банкнот. – Если почему-либо я задержусь дольше, то пришлю деньги по почте.

– Остерегайтесь гадюк, – сказала хозяйка, не сводя с него глаз. – На всяких там пустырях, где вам приходится копаться, полным-полно гадюк, не забывайте об этом. А теплый свитер взяли?

Аввакум кивнул головой.

– А хинин?

Час спустя он уже летел на самолете в направлении

Варны. Над Балканским хребтом их неожиданно встретили тучи, и стало темно, как в сумерки. Самолет задрал нос, пробил громаду облаков, и через несколько секунд его тень стремительно заскользила поверх облачного ковра.

Приземлились на аэродроме в окрестностях Горна Оряховицы. Аввакум вышел из самолета. Багаж его состоял лишь из легкого плаща, который он нес, перекинув через плечо.

Вздохнув полной грудью, он сделал несколько шагов и улыбнулся: ведь это был его родной край! Час езды – и он в Тырнове.

«На обратном пути обязательно заеду», – подумал он и, оглянувшись, быстро вошел в телефонную будку.

Когда самолет скрылся из виду, Аввакум закурил и направился по дороге в город. Там его ожидала серая «Победа». Шофер, высокий парень, облокотившись на капот и весело поглядывая вокруг, грыз семечки.

– Здравствуй, – обратился к нему Аввакум. – Может, и мне дашь горсточку позабавиться?

Парень молча посмотрел на него и продолжал грызть семечки. Аввакум засмеялся.

– А в Тырговиште меня отвезешь?

Услышав эти слова, шофер выпрямился, щелкнул каблучками и тотчас же открыл дверцу машины.

– Я прислан в ваше распоряжение, – сказал он.

«Победа» пронеслась мимо села Арбанаси и уже через несколько минут мчалась по старой восточной части города. Аввакум опустил занавески, забился в левый угол машины и закрыл глаза. «Площадь Девятого сентября, – принялся угадывать он. – Сейчас спускаемся к городскому

народному совету... Первый поворот, второй... – Он прижался к спинке. – Вот проезжаем мимо нашего дома, мимо дворика с виноградной лозой и тремя акациями. Может быть, мама глядит сейчас со двора мне вслед».

Он закурил и нахмурился. Когда сигарета догорела и начала жечь пальцы, он посмотрел вперед – машина, едва касаясь черной ленты шоссе, стремительно мчалась на Козаревец...

В Тырговиште у почты остановились на несколько минут. Пока Аввакум разговаривал по телефону, шофер достал из кармана горсть семечек и снова принялся их грызть. Было жарко, душно, пахло пылью и раскаленным щебнем.

В три часа дня они прибыли в Преслав. Аввакум вышел из машины, пожал руку шоферу и зашагал к центру городка. Улицы были пустынные, на покрытых пылью плодовых деревьях не шелохнулся ни один листок, все будто погрузилось в какую-то ленивую, беззаботную дрему.

Заказав в гостинице комнату, Аввакум подозвал возницу обшарпанного фаэтона и велел везти его в старый город. Когда они подъехали к парку, соединяющему новый и старый Преслав, он послал извозчика вперед, а сам не спеша пошел по главной аллее пешком. Возле памятника погибшему антифашисту Борису Спирову стоял невысокий, довольно полный мужчина в белом пиджаке и черных брюках. На его круглом лице блестели капельки пота.

– Делайте вид, что не знаете меня, – бросил ему Аввакум, заметив, что тот заулыбался. Он посмотрел вокруг и тоже остановился перед памятником.

Мужчина в белом пиджаке встал рядом.

– Мне необходимы сведения о Методии Парашкевове, сказал Аввакум. – О нем, о его родителях и обо всех родственниках. А также сведения о людях, с которыми он был в более или менее близких отношениях. Кто они, где проживают и чем занимаются. Завтра вечером на этом же месте мы снова встретимся и вы передадите мне эти сведения... – Он помолчал. – Только глядите в оба. – В голосе Аввакума чувствовалась строгость. – Я археолог и с сотрудниками милиции не имею ничего общего, ясно?

Мужчина кивнул головой.

– Я изучу полученные материалы ночью. Если понадобятся дополнительные сведения, вы меня застанете на следующий день часов в восемь утра в маленькой кондитерской напротив гостиницы. Если нет – меня там не будет. Тогда можете считать, что задание выполнено хорошо.

Он взгляделся в надпись на памятнике, потом повернулся и неторопливо пошел к выходу из парка. Там его, как было условлено, ждал обшарпанный фаэтон. Возница, надвинув на глаза барашковую шапку и раскрыв рот, сладко дремал на козлах.

С этого момента и до следующего вечера Аввакум был только археологом. Методий Парашкевов, некто Икс, таинственное урочище Змеица вдруг как бы перестали для него существовать. Прежде всего, он нанес визит вежливости директору музея и имел с ним длинный разговор. Потом осмотрел экспонаты, хотя некоторые из них он видел десятки раз, и покинул музей лишь с наступлением сумерек. На следующий день он побродил немного у развалин внутренних стен крепости, набросал в записной книжке орнаменты карнизов Золотой церкви и, сев в фа-

этон, поехал на правый берег Тичи. Среди зелени кустарников на солнцепеке громоздились руины знаменитых в древности преславских монастырей. Аввакум расположился в тени, набил трубку и с удовольствием закурил.

В горячем воздухе дым вился колечками. Над головой пролетали крикливые сороки, а высоко, в бледной синеве плавно парил орел, неподвижно распластав крылья. Груды камня, заросли, где наверняка водились змеи, запах горячей земли и прелой листвы и тяжелая душная тишина. Аввакум улыбнулся: «*Sic transit gloria mundi*⁴!» Может быть, именно здесь царь Симеон Черноризец Храбрый, отточив гусиное перо, вспоминал кровавую Ахелой⁵ и изнывал от неутоленной жажды власти, мечтая вступить на царьградский престол... «*Sic transit gloria mundi*!» Важно, чтобы о тебе осталась добрая память.

Вечером Аввакум принес к себе в номер большой конверт, в нем были записи, сделанные от руки и на пишущей машинке, – сведения о Методии Парашкевове.

Тут возникает вопрос. Допустим, что в соответствии с гипотезой, изложенной им полковнику Манову, преступление совершил некто Икс. Он оглушил постового милиционера, разбил окно в помещении военно-геологического пункта, похитил схему стратегического значения и прочее. А Методия Парашкевова – момчиловскою учителя, человека, ни в чем неповинного, – просто-напросто оклеветали. Почему же в таком случае Аввакум собирает сведения о невинном человеке, и притом не открыто, а в строгой тайне, с тысячью предосторожностей?

⁴ «Так проходит земная слава» (лат.)

⁵ В сражении на р. Ахелой войска болгарского царя Симеона 20 августа 917 года разгромили византийцев.

Мне, летописцу этой истории, можно задать не один, а десятки подобных вопросов, и я всегда отвечу вполне серьезно и с большим удовольствием. Что касается Аввакума, то он только усмехнулся бы сдержанно, как обычно, и промолчал.

Он был глубоко убежден, что поступает правильно и делает именно то, что следует. Если диверсия против Методия Парашкевова есть плод личной мести, то Аввакум надеялся найти в биографии учителя тот ключ, которым он легко откроет дверку и обнаружит за ней автора диверсии, некоего Икс. Но если в биографии учителя нет ничего такого, что указывало бы на его более особые отношения с кем-либо, тогда станет ясно, что в преступлении не следует искать проявления личных чувств и субъективных мотивов.

В этом деле была еще одна сторона, над которой Аввакум часто задумывался. Опасение, что какая-либо случайность поставит его гипотезу с ног на голову. Он строил свою версию на основе нескольких трудноуловимых, но очевидных ошибок преступника. До сих пор все шло хорошо, все покоилось на железной логике: ошибки в конце концов уличают и раскрывают преступника. Прекрасно. Но как в математике, так и в разведке при решении сложных задач иногда приходится пользоваться методом «от противного». Аввакуму был знаком этот математический метод, и, когда нужно, он применял его в своей практике. Отсутствие битого стекла на земле, следов на штукатурке и то, что железный прут был перепилен с внутренней стороны и отогнут наружу, крупные осколки стекла на каменном полу — это действительно могло быть ошибкой

преступника. Но кто мог с полной уверенностью утверждать, что все это сделано не преднамеренно, не с умыслом?

И Аввакум попробовал идти «от противного»: некто Икс умышленно делает ошибки, чтобы навести разведку на мысль, что она имеет дело с мнимой, а не с настоящей диверсией, или, проще говоря, что Методий Парашкевов сам выдает себя за жертву диверсии, из чего следует, что некто Икс и Методий Парашкевов – одно и то же лицо.

В этой контргипотезе был какой-то процент вероятности. Ничтожный, правда, процент, потому что она предполагает исключительные способности преступника, что в практике встречается очень редко. Во всяком случае, Аввакум решил подвергнуть контргипотезу самой придирчивой проверке, чтобы не осталось ни капли сомнения в возможности тою, что Методий Парашкевов и загадочный Икс – одно и то же лицо. Он проследит за жизнью учителя Методия Парашкевова с его юношеских лет вплоть до того полночного часа, когда было совершено преступление. Эта работа должна послужить как бы введением к решению загадки.

Он вынул записи, набил табаком трубку, уселся удобнее за столом и принялся читать.

На следующее утро ровно в восемь часов человек в белом пиджаке вошел в маленькое кафе-кондитерскую, окинул взглядом столики и облегченно вздохнул. Хотя человек этот еще не завтракал, он заказал лимонад и с наслаждением выпил его залпом.

Из Преслава Аввакум уехал в Шумен, но остановился не в городе, а снял на несколько дней комнату в ближнем

селе Мадар. Сюда ему были доставлены два объемистых пакета – первый вручили в большой пещере, а второй – три дня спустя у развалин над селом; оба пакета содержали сведения о Методии Парашкевове и о людях, с которыми он дружил и общался.

Затем Аввакум отправился в Провадию. Там он пробыл три дня и почти не выходил из своего номера. Лишь вечером совершал небольшие прогулки по улочкам, прилегающим к гостинице.

На одиннадцатый день после того, как он покинул Софию, он приехал в Пловдив. С вокзала на квартиру, которая была заранее приготовлена для него, он добрался на служебной машине. Ехали с задернутыми занавесками: сержант, сопровождавший его, за всю дорогу не проронил ни слова.

Квартира оказалась просторной, солнечной, с ванной и закрытой верандой, на которой вдоль стен стояло несколько пестрых шезлонгов. Обслуживала ею пожилая женщина, которая приходила из кухни только по вызову.

Аввакум дал сержанту денег и попросил купить костюм, чтобы можно было переодеться, и флакон одеколона. Затем он помылся, укутался в прохладные, безупречно чистые простыни, закрыл глаза и тотчас же уснул.

Спал он до самого вечера. Когда стемнело, выбритый, чистый, надушенный вышел на улицу. Узнать его, правда, было нелегко – в очках, с коротко подстриженными усами. Перекинув через плечо бежевый плащ, с рассеянным, беззаботным видом побрел он к центру города.

На квартиру Аввакум вернулся ранним утром, когда шли на работу рабочие первой смены.

Так он проводил в Пловдиве все дни и ночи: вечером уходил из дому и возвращался утром.

По вечерам Аввакум шел в управление, запирался в комнате секретаря и вооружившись записной книжкой и карандашом, перелистывал целые горы дел. Его интересовали те из них, в которых содержался материал об имевших место в последние два-три года пограничных происшествиях: переброска из-за границы диверсантов, обнаружение и раскрытие шпионской резидентуры, шпионаж на границе и прочее. С предельным вниманием он читал и снова перечитывал страницы, где местом действия были пограничные участки, находящиеся в районе Момчилова.

Каждый день, прежде чем идти в управление, Аввакум забегал в отдаленный от центра ресторан «Фракия», где ужинал в укромном уголке и полчаса слушал музыку. Здесь был хороший оркестр, и обычно исполнялись веселые мелодии, но почему-то от этой веселой музыки Аввакуму становилось грустно, словно с эстрады веяло холодом, а угол, в котором он уединялся, находился где-то на краю света. В такие минуты ему очень хотелось заказать чего-нибудь горячительного, и он начинал стучать перстнем по тарелке, но когда появлялся официант, Аввакум мрачно требовал счет и быстро уходил.

Он ложился спать в семь утра и вставал в двенадцать. Освежившись под холодным душем, садился есть. Обед его состоял из двух больших чашек кофе и тонкого бутерброда. Затем, положив перед собой сигареты и обставившись пепельницами, он принимался за работу.

Еще находясь в Мадаре, Аввакум запросил из управ-

ления дополнительные сведения о Методии Парашкевове, так как о его учительской деятельности между Девятым сентября и началом 1947 года ничего не было известно. Кроме того, он попросил полковника Манова прислать ему координаты пунктов тайных радиопередач, засеченных нашими пеленгаторами, и личные дела сотрудников момчиловского военно-геологического пункта.

Материалы были ему переданы на следующий же день после его прибытия в Пловдив.

Облик Методия Парашкевова уже начал вырисовываться в сознании Аввакума. Разумеется, он видел его пока лишь в «три четверти». Чтобы получился полный «анфас», в характеристике учителя недоставало момчиловского периода. Но даже и так он целиком совпадал с тем первоначальным представлением об учителе, которое создалось у Аввакума.

В роду Методия Парашкевова ни по отцовской, ни по материнской линии не было никого, кто был бы уличен в каких бы то ни было проявлениях реакционных настроений. Все его близкие и дальние родственники усердно работали теперь в сельскохозяйственных кооперативах, а два двоюродных брата за успехи в выращивании десертных сортов винограда «димят» были награждены серебряными медалями. Став учителем, Методий Парашкевов по-прежнему сторонился политической борьбы; правда, в некоторых материалах имеются намеки на его «скрытые симпатии» к прогрессивно настроенным учащимся. Однако нигде в документах нет ни одного свидетельства даже о «скрытых симпатиях» к правым.

В большинстве материалов Методий Парашкевов ри-

суется как человек необычайно скромный, пренебрегающий бытовыми удобствами, спартанец по духу. Утверждали, что он несколько молчалив, замкнут, у него довольно тяжелый характер. По общему мнению, он прекрасный педагог, интересуется научной литературой, любит бывать «среди природы». После химии вторым его увлечением была геология – везде, где ему приходилось учительствовать, он оставлял в качестве наглядных пособий небольшие, тщательно подобранные коллекции минералов. По мнению некоторых, именно это увлечение и помешало ему жениться: он терял много времени на собирание различных камешков и вечно транжирил деньги на книги, инструменты, всевозможные препараты и химикалии.

Не было ни одного свидетельства, где бы не упоминалось о его необыкновенной страсти к охоте. У него она была наследственной. Дед его по отцовской линии, Игнат, слыл на всю околию опытным охотником на волков. А Методий был не только метким стрелком, но и искусным препаратором: всюду, где он работал, кабинет по естествознанию украшали чучела препарированных им зайцев и лисиц, сов и куропаток, которые выглядели совсем как живые.

Трудно было, однако, понять, что заставило его прервать свою учительскую работу и поселиться в Софии. Сведения об этих двух годах его жизни были довольно скудными. Удалось установить немного: он жил на деньги, полученные им от продажи отцовского виноградника; приобрел у какого-то иностранца, вероятно, у англичанина, охотничье ружье; подавал заявление о приеме

его на работу в горно-геологический институт. В этот институт его не приняли – на заявлении значится резолюция заведующего отделом кадров: «Не соответствует политически». Хозяин квартиры, где он жил в ту пору, паровозный машинист, сообщил о нем такие данные: «Молчалив, нелюдим, много читает, часто ходит на охоту. У него хорошее ружье, патроны делает сам, убитую дичь раздает всем, кто пожелает. Человек он тихий, замкнутый. Василка, жена моя, ужасно сердилась из-за камней, которыми он завалил всю комнату. На столе всегда держал большие и маленькие пузырьки со всякими химикалиями, разные увеличительные стекла и молоточки. Как-то даже купил себе у старьевщика маленький микроскоп, видать, неплохой, потому что блестел, словно сделан из золота. В тот день мы даже слышали, как он насвистывал у себя в комнате. Видимо, микроскопу радовался. Гости к нему не ходили, за комнату платил в срок, а вот тратиться на одежду скупился. Жена моя, Василка, стирала ему белье, и ей приходилось вечно штопать воротнички его рубашек. Нам он был не в тягость, да и нами был доволен. Когда сказал, что уезжает в деревню учительствовать, жена очень огорчилась. Он оставил нам на память замечательную спиртовку, заграничную».

Выбрав главное из всех этих сведений, Аввакум удовлетворенно потирал руки: теперь уже не было никаких оснований сомневаться в том, что некто Икс и Методий Парашкевов не одно и то же лицо.

На пятый день Аввакум покинул Пловдив и уехал в Смолян.

В Смоляне его застало письмо полковника Манова. Полковник писал:

«...Итак, я перечитал протоколы первых допросов обвиняемого Методия Парашкевова. Перечитал я их с большим вниманием и должен тебе сказать, что сейчас мне по этому делу известно столько же, сколько и в самом начале. Прежде всею я хочу процитировать тебе несколько мест, которые лично мне представляются интересными.

На первом допросе, чтобы вызвать его на разговор, ему задали обычный вопрос: «Что вы можете рассказать о себе?» Методий Парашкевов вздохнул. «Что же вам рассказать, если вы лишили меня возможности закончить важное и полезное дело, на которое я возлагал большие надежды!» – «Что вы имеете в виду?» – спросил его следователь. Методий помолчал и улыбнулся. «Я собирался жениться, – ответил он и тут же добавил не переводя дыхания. – Для такого старого холостяка, как я, это могло бы стать значительным событием, о котором стоит поговорить, не так ли?» Следователь спросил его: «Чем объяснить ваши частые прогулки в горы?». Методий ответил: «Хожу на охоту». – «На охоту ходят с ружьем, а вы часто бываете там без ружья. Разве без ружья охотятся?» – «Нет, конечно, – согласился учитель и добавил: – Но, кроме охоты, у меня есть и другие интересы» «А именно?» – спросил его следователь. «Я изучаю природу».

Следователь задал ему новый вопрос: «Вы утверждаете, что вечером двадцать второго августа вы прогуливались западнее села Момчилова, а свидетели встречали вас на

дороге, которая ведет в село Луки, – направление, противоположное тому, что указываете вы. Почему вы нас вводите в заблуждение?» «Это мое личное дело», – поджав губы, ответил учитель. И больше не сказал ни слова.

На втором допросе следователь спросил его: «В прошлом году в урочище Змеица в перестрелке был убит диверсант Кадемов, уроженец села Луки, Вы знали этого человека?» «Знал, – ответил Методий. – У него был меткий глаз и твердая рука. Замечательный был охотник». – «Вы часто ходили на охоту с Кадемовым?» «Я несколько раз встречался с ним в горах». «А вы не припомните, когда вы последний раз видели его?»

Методий ответил весьма спокойно: «Мне кажется, это было за год до того, как он бежал на юг». – «И больше вы не виделись с ним?» – «Мы могли бы увидаться в день его похорон, но мне не захотелось тащиться пешком до Лук». – усмехнулся Методий.

Во время третьего допроса следователь спросил: «Вы, гражданин Парашкевов, отрицаете свое участие в нападении на военно-геологический пункт. Как же в таком случае вы объясните наличие отпечатков ваших пальцев на разбитом стекле?» «Если бы я был детективом, я бы постарался как-нибудь удовлетворить ваше любопытство, – пожав плечами, сказал Методий Парашкевов. И после некоторую раздумья добавил: – Тут возможно только одно: кто-нибудь стащил пальцы моих рук, когда я спал. Взял их, пошел к пункту и разбил ими окно. Потом вернулся обратно и водворил их на место. А вы как считаете?» – «Это не серьезно», – сказал следователь. «Наоборот! Это настолько же серьезно, насколько серьезно ваше обвинение

против меня!» – сказал Методий и метнул на него сердитый взгляд.

Тогда следователь распорядился, чтоб принесли ампулу с хлороформом, полотенце и окурок, и спросил его «Вы узнаете эти вещи?» – «Как же мне их не узнать?» – сказал Методий. – «Ампула и полотенце, безусловно, мои, я их покупал на собственные деньги. А что касается окурка, – он некоторое время осматривал его, – то я не уверен, мой он или нет. Окурки, они все похожи друг на друга, как близнецы». – «Насчет окурка вы, пожалуйста, не беспокойтесь, – заметил следователь, – мы позаботились о том, чтобы его исследовать, и экспертиза установила на нем след набойки вашего ботинка». – «Тогда и окурок мой, – усмехнулся учитель и добавил: – «Если мне память не изменяет, я, проходя мимо пункта, действительно бросил сигарету где-то неподалеку от окна, но тогда дул сильный ветер, и я, чтобы не натворить беды, затоптал его». – «У вас отличная память, – сказал следователь. – Поэтому вам нетрудно припомнить, каким образом ваше полотенце пропиталось хлороформом и оказалось намотанным на голову старшины Стояна».

Методий Парашкевов долго молчал. «Ну, говорите!» – нетерпеливо потребовал следователь.

«В тот вечер, – заговорил Методий, – не была израсходована ни одна капля моего хлороформа: я отлично помню деление на ампуле – черточку, до которой доходила жидкость. Сейчас она точно на том же уровне». – «А кто может это подтвердить?» – рассмеявшись, спросил следователь. Методий пожал плечами, потом и он рассмеялся.

«Послушайте, – сказал он, – эта история с моим поло-

тенцем действительно любопытна, как прелюбопытен и случай с отпечатками моих пальцев. Если вы хорошие следователи, то должны разгадать эти загадки и для себя и для меня. Но если вы будете тратить время на мою скромную персону, то, уверяю вас, из этого ничего путного не выйдет» – «Пока что все факты вертятся именно вокруг вашей скромной персоны», – припугнул его следователь.

Парашкевов немного помолчал, потом снова заговорил.

«Я за себя не боюсь, потому что в этой темной истории я не принимал абсолютно никакого участия и потому что найдутся разумные люди, которые установят это. Неужели в наше время могут осудить человека за преступление, которого он не совершал? Не говорите, пожалуйста, мне смешных вещей, я не из тех, кто любит много смеяться».

Так закончился третий допрос.

Похоже, что обвиняемый не сознает всего ужаса положения, в которое он попал. Такая наивность и хороша, и в то же время трагична. Хорошо, что человек сохраняет спокойствие, не испытывает страха. Но трагичны его оптимизм, его вера в то, что все кончится хорошо и ему не грозит опасность. Он не представляет себе, что фактов и вещественных доказательств вполне достаточно для того, чтобы предать его суду. Попытка совершить предумышленное убийство, нападение на военно-геологический пункт, похищение документа стратегического значения – тебе-то известно, как закон карает за это. И если обвинение до сих пор не попало в руки прокурора, то вовсе не потому, что нет доказательств против обвиняемого – такие доказательства налицо, и они бесспорны! А потому, что мы хотим распутать все нити этого преступления, то есть об-

наружить его организаторов, людей, участвовавших в нем, центр, который ими руководит. Разумеется, если мы дадим маху, если следствие затянется и потеряет перспективу, Методий Парашкевов, пусть единственный, все равно будет предан суду. Таково положение вещей в данный момент.

Что касается тех контрмер, которые мы приняли, помимо командирования тебя в Момчилово, то результаты их не ахти какие, но ты должен знать о них. Во-первых, схема стратегического значения, по всей вероятности, не переброшена за границу: как момчиловский, так и соседние пограничные участки находятся под усиленным наблюдением. Не установлено ни одной попытки даже приблизиться к границе. Но отсюда вовсе не следует, что этот документ не попал в руки иностранной разведки. Во-вторых, неусыпно следящими пеленгаторами перехвачена лишь одна шифрограмма, переданная тайной радиостанцией двадцать четвертого августа из района, находящегося в двадцати километрах к северо-западу от Момчилова. Место действия тайной радиостанции не было зафиксировано точно – передача длилась всего полминуты. Во время передачи вблизи границы пролетал иностранный самолет.

Я тебе пришлю, вероятно, завтра координаты пунктов, откуда велись две предыдущие радиопередачи, а также приблизительные координаты места, откуда была передана последняя шифрограмма. К сожалению, все три шифрограммы еще не прочитаны. Однако установлено, что прием вела одна и та же станция. Позаботься о том, чтобы наладить регулярную и срочную связь со Смоленским окруж-

ным управлением, и обеспечить себе – пусть в большинстве случаев как «археологу» – помощь и сотрудничество со стороны верных людей. Будь внимателен и вне населенных пунктов никогда не ходи без оружия. Я распорядился, чтоб тебе обеспечили круглосуточную связь с Софией».

Аввакум прочитал письмо в номере гостиницы, где остановился на ночь. Записав кое-какие данные себе в блокнот, он достал спичку и сжег письмо.

Облокотившись на подоконник, он долго смотрел на улицу. Утро было пасмурное, серое. Над холмами нависало свинцовое небо.

15

О первой встрече с этим человеком у меня остались самые мрачные воспоминания. Вот как это произошло.

В Момчилове есть две корчмы (подобные заведения я именую по-старому); над входом одной из них – той, что побольше и поновее, – красуется внушительная вывеска: «Ресторан Карабаир». «Ресторан» занимает половину недавно построенного здания сельского кооператива. Его широкие окна выходят на площадь. Внутри заведения чистота, порядок, на столах белые скатерти; за полированной стойкой до самого потолка тянутся полки буфета. Момчиловцы очень гордятся своим новым рестораном, с удовольствием заходят сюда, чтоб опрокинуть рюмочку мятной настойки, послушать радио, хотя при виде белых скатертей и гладко выстроганного деревянного пола некоторые из них испытывают неловкость. Здесь обычно обедают местные учителя, бухгалтер сельскохозяйственного кооператива и майор Стефан Инджов. По вечерам к

этой солидной компании присоединяются еще двое – молодой агроном и его жена, с лица которой не сходит счастливая улыбка, а из-за уха всегда выглядывает желтый цветок.

Вторая, старая момчиловская корчма находится в восточной части села, у самой развилки дорог, одна из которых ведет к Верхней слободе, другая – в Луки. Это низкий одноэтажный дом, обветшалый и облупившийся от времени, с одним-единственным зарешеченным окошком; перед узкой входной дверью четыре каменные ступеньки; под нависшей крышей из плитняка не видно никакой вывески, если не считать выцветшей и смытой дождем корявой надписи, сделанной, возможно, четверть века назад рукою тогдашнего ее владельца: «Спиртные напитки и табак в розницу». Ниже, где, вероятно, прежде значилось имя корчмаря, была проведена, судя по всему, сравнительно недавно, жирная красная черта. Эту корчму момчиловцы называют Илчова корчма.

Внутри Илчова корчма неблагоустроена еще больше, чем это может показаться по наружному виду. В просторном помещении стоит с десятков дощатых столов. Пол земляной, толстые балки потолка почернели. Деревянная стойка устроена против входа, может быть, чуть-чуть правее. Слева в углу виднеется старинный очаг и свисающая над ним цепь. Свод очага маслянисто-черный: видимо, языки пламени и дым десятилетиями лизали его.

Между очагом и стойкой была прежде дверь, но потом ее сняли, сохранились только косяки с наличниками. Отсюда можно пройти в небольшую комнату с низенькими лавками вдоль стен. Лавки покрыты потертыми пестрыми

домотканными ковриками, в расцветке которых преобладает желтый цвет – широкие желтые полосы между красными и синими прямоугольниками. Посреди комнаты стоит длинный, уже изрядно охромевший стол. Свет проникает в комнату через единственное узкое продолговатое оконце, выходящее прямо на перекресток. Корчма расположена на небольшом холме, и через это оконце виден даже минарет покосившейся мечети в Верхней слободе и дорога на Луки.

Большая часть постоянных клиентов старой корчмы перешла, конечно, в «Карабаир». В «Карабаире» есть и радио, и пиво летом, и горячие супы, и мною всяких закусок под ракию. Его посещают все уважаемые момчиловцы, он стал чем-то вроде клуба в разбогатевшем за последние годы кооперативном хозяйстве. «Карабаир», так же как и современное здание школы, был для момчиловцев как бы олицетворением нового в их жизни.

Илчова корчма, славившаяся прежде своей бурной жизнью, вдруг захирела, обезлюдела, стала похожа на заброшенный памятник, напоминающий о далеких и безвозвратно ушедших временах. Сюда большей частью навещались старики, несколько смиренных пьянчужек, иногда заходили лесозаготовители из Верхней слободы, которые все еще никак не могли привыкнуть к белым скатертям «Карабаира». О том, что заведение безнадежно устарело, подобно старой водяной мельнице на какой-нибудь речушке, спору нет. Но что в его бочках не перевелось более выдержанное, крепкое и чистое вино, чем в «Карабаире», – в этой истине могут усомниться лишь люди неискушенные.

Марко Крумов, на которого сельский кооператив воз-

ложил ведение хозяйства Илчовой корчмы, не признавал никаких мятных настоек, ликеров и прочих искусственных напитков, которыми уставлены буфетные полки «Карабаира». Однако Марко Крумов всегда держал под стойкой несколько бутылей с желтой сливовицей, неизвестно откуда и как доставленной, с душистой, огненной сливовицей, которая заставляет седовласых стариков вспоминать свою молодость, а верхнеслободских лесорубов хвататься за нож и по рысьи сверкать глазами. «Карабаир» гордится своими закусками, но ему и не снились «фирменные блюда» Илчовой корчмы. Взять хотя бы жаренный в масле горький перчик с винным уксусом. Верно, и в «Карабаире» подавали перец, но какой! – облагороженный, сладкий или чуть-чуть с горчинкой. А вот перец в Илчовой корчме – это ни дать ни взять язычки зеленого пламени, вырвавшиеся из самого пекла. Надо иметь нёбо, подшитое двумя слоями подошвенной кожи, чтобы не прослезиться, до того он лют.

В Илчовой корчме не бывало никаких супов. Марко Крумов обычно угощал своих верных клиентов жирной вяленой бараниной – пастырмой, подрумяненным на жару свиным салом, яичницей с луком и брынзой, жарил им под крышкой откормленных петухов.

А что собой представлял этот Марко Крумов? Внешне с директором «Карабаира» у него не было ничего общего. Тот был сухой, строгий, смотрел на всех недоверчиво, напоминая охотника в засаде. У Марко же был солидный живот и по-юношески розовые щеки, хотя ему уже перевалило за пятьдесят. Лихо закрученные кверху гайдуцкие усы придавали его свежему лицу молодецкий вид. Глаза Марко Крумова, всегда согретые лукавой усмешкой, из-

гоняли из сердца человека тоску и постоянно напоминали, что в бременной жизни нашей, кроме забот, есть еще целое море радостей и удовольствий. Вообразите: щетка седых волос на голове, огромные волосатые ручки, обнаженные по локоть, толстый живот, обвязанный фартуком, который никогда не отличался белизной, — и вы будете иметь представление о том, кто управлял Илчовой корчмой.

Ах, как я любил эту старую развалюху! И не за лютый жареный перец, от которого хотелось вопить благим матом. Я через силу глотал это адово зеленое пламя, чтобы почтенные посетители Илчовой корчмы не поглядывали на меня с насмешкой и презрением. И к желтой сливовице я никогда не питал слабости. А вяленой баранины вовсе не выношу. Конечно, я не стану кривить душой — говорить, что мне не нравилось вино. Нет, вино, да еще с жареным петушком, всегда было мне по душе. Я любил и буду любить и вино и петушков, хотя такая любовь не очень-то может украсить положительного человека вроде меня. Перечитав множество книг, я ни в одной из них не обнаружил подобной слабости у ветеринарных врачей.

Но все равно! Будь в Илчовой корчме только один лимонад и злой жареный перец, я все равно ходил бы туда, а чем она меня привлекала, я до сих пор не могу понять. В обеих ее горницах всегда было сумрачно и печально, но в очаге потрескивал огонь, плясали языки пламени, и я часто сиживал на треногом стульчике у очага и ковырял прутиком в золе. Это доставляло мне большое удовольствие, особенно в осеннюю пору и зимой. Я слушал, как в дымоходе нашептывает ветер, как завывает снежная метель, и оставался один на один со своими мыслями. Я думал, ра-

зумеется, о корове Рашке, потому что я ветеринарный врач, а Рашка – гордость нашего кооперативного хозяйства. Мелькало у меня перед глазами и кое-что другое, например, платок цвета резеды моей коллеги доктора Начевой или ее ресницы, на которых однажды, когда я глядел на нее, блестели снежинки. А порой мне казалось, что возле меня у очага сидит на такой же треноге, протянув руки к тлеющим углям, существо в белом платье. Я очень ясно видел маленькие белые руки, тянущиеся к огню, и мне становилось смешно. Да и как было не смеяться? Как не будешь смеяться при виде такой картины: девушка в летнем белоснежном платье сидит с протянутыми руками у огня. Если бы на плечах у нее был платок цвета резеды, а под платком желтый свитер, какой носит доктор Нечева, все было бы в порядке и я бы не стал смеяться... Но я, пожалуй, больше думал о нашей Рашке, потому что она ведь рекордистка и мы очень гордимся этим.

Так что на вопрос, почему я любил заходить в Илчову корчму, мне и теперь трудно ответить. Может, я заходил туда, чтобы посидеть у очага, чтобы испечь картошку в горячей золе.

С прибытием из Софии геологической группы обстановка в Илчовой корчме несколько переменилась. В начале, правда, все члены группы, как и следовало ожидать, удостоили своим вниманием чистенький новомодный «Карабаир». В этом не было ничего удивительного – они привыкли к удобствам, к тому же их, видимо, привлекало и радио. «Карабаир» ежедневно предлагал им супы и разные горячие блюда.

Илчова корчма продолжала жить тихонько, по старин-

ке. Кроме меня, сюда изредка навещивался учитель Методий Парашкевов, да бай Гроздан, председатель кооперации, направляясь в «Карабаир», частенько заходил сюда, чтобы промочить горло рюмочкой анисовки. Он это делал на ходу, возле стойки, – ему, видите ли, даже присесть некогда, дела. Я прекрасно понимал, что торопился он по другой причине – опасался, как бы кто не сказал: «Гляди-ка, а председатель наш поддерживает старое!» Поэтому-то он и пил анисовку стоя. А Методий Парашкевов в отличие от других старых холостяков мало говорил, мало пил, зато вдоволь наедался острым перцем с хлебом. Он приносил, бывало, Марко Крумову зайца или фазана. Бай Марко готовил дичь по-мужски, по уже забытым гайдуцким обычаям. Но и эти торжественные для завсегдатаев старой корчмы случаи не очень-то трогали Методия Парашкевова. Он, знай себе ел да ел злющий перец, макал и свирепую подливку огромные ломти хлеба, а к дичи почти не притрагивался. Вполне возможно, что он заботился о нас, хотел, чтобы нам больше досталось, и поэтому сам отказывался есть.

Однажды на такой торжественный обед – в глиняном горшке гостей дожидался тушеный заяц – Методий Парашкевов привел заместителя начальника геологической группы Бояна Ичеренского. Боян Ичеренский любил полакомиться – он один уничтожил добрую половину зайца и столько же вкуснейшего винного соуса. Нас с Марко Крумовым вовсе не привел в восторг его аппетит, но Методий Парашкевов прямо-таки таял от блаженства. Можно было подумать, что это он сам уписал половину зайца.

В этот-то день в старой корчме и наступила та перемена, о которой давеча зашла речь.

Наевшись досыта и влив литр, а то и больше вина, Боян Ичеренский расстегнул ворот рубашки и, глубоко вздохнув, стал с любопытством разглядывать все вокруг. Обедали мы в меньшей горнице.

— Ну и берлога! — засмеялся Ичеренский и смолк. Потом снова засмеялся. — Ведь отсюда до моей квартиры рукой подать, а я не знал про эту лисью нору, тащился в центр, в ту харчевню! Как тебе это нравится, учитель?!

Методий Парашкевов радостно закивал головой. Мне и самому стало приятно, я пробормотал: «В самом деле, в самом деле», — однако Боян Ичеренский не обратил на меня никакого внимания. А Марко Крумов, приведенный в восторг откровением геолога, тут же подал на стол еще две бутылки вина.

Пользуясь случаем, я скажу еще несколько слов и про этого Бояна Ичеренского. В день, когда случилось происшествие на Илязовом дворе, он подался в Пловдив, к своей жене, поэтому я и не спешил знакомить вас с ним. Внешность у него была довольно приметная, хотя его нельзя было сравнить с таким красавцем, как капитан артиллерии Матей Калудиев. Боян Ичеренский производил внушительное впечатление своим массивным торсом и столь же массивной головой. Хотя ростом он был не выше ста семидесяти сантиметров, но не казался толстым, хотя и весил точно сто килограммов — я собственными глазами видел, как он взвешивался на весах сельского кооператива. Плечи у него были, как у борца тяжелейшего веса, да и шея тоже — короткая и крепкая, а мышцы такие, что самый дюжий верхнеслободский лесоруб позавидовал бы. Голова же у него была, что называется, львиная: широкий лоб, высту-

пающие скулы и мощные челюсти с квадратным подбородком. Особенно примечательны были его желто-коричневые глаза. Когда он был зол или весел, в них преобладала желтизна, а в минуты задумчивости или усталости – коричневый цвет. Голос у него был теплый, чистый, движения – мягкие, точные и легкие, что казалось удивительным для такого массивного тела. Ичеренский умел развеселить окружающих, сам же смеялся мало. Он умел настроить на песенный лад других, но я ни разу не слышал, чтобы он пел сам. У него были немалые заслуги: в бассейне Марицы и в лесных дебрях Странджи он открыл залежи весьма ценных ископаемых, но он не любил ни сам о себе говорить, ни слушать похвалы в свой адрес.

В характере его были свои особенности и странности, но о них расскажу потом, когда придет время. Сейчас напомним лишь об одном. Боян Ичеренский был очень любезен и обходителен со всеми и в то же время он как бы никого не замечал, говорил со знакомыми ему людьми так, словно перед его глазами пустота. Таков он был и по отношению ко мне. А я ведь все же ветеринар крупного участка!

Впрочем, это частный вопрос. Речь идет о перемене, наступившей в Илчовой корчме. Уже на другой день Боян Ичеренский привел с собой капитана Калудиева и горного инженера Кузмана Христофорова. Капитану Матею Калудиеву обстановка старой корчмы сразу пришлась по душе. Он плюхнулся на стул и довольно бойко крикнул Марко Крумову:

– Старшина!

Тот подбежал и стал навтыяжку, прижимая руки к краям фартука.

– Что за снаряды в твоих зарядных ящиках – боевые или холостые?

– Только боевые, товарищ капитан, – отчеканил Крумов, и усы его лихо взметнулись вверх.

С этого дня в маленькой мрачной комнатухе строй корчмы снова забурила веселая жизнь. Геологи во главе с капитаном, учитель и ваш покорный слуга регулярно в обед и по вечерам сидели за низким длинным столом, болтали и спорили обо всем на свете, пели песни, и время летело, как говорится, незаметно. Я только что упомянул о песнях, но мне придется тут же оговориться – пели только мы вдвоем, капитан и я, да учитель тихонько подпевал нам. Ичеренский же, постукивая пальцами о стол, отбивал такт, а Кузман Христофоров привычно хмурился и тяжело вздыхал. Но в общем и целом было весело. А как только на столе появлялся знаменитый жаренный под крышкой петух, становилось еще веселее.

Бай Гроздан, председатель кооператива, обнаружив в старой корчме столь внушительную компанию, набрался мужества и тоже присоединится к нам. Этот непревзойденный специалист по табачной рассаде превосходно пел; как затянет, бывало, задушевные, немного печальные родопские песни, даже Кузман Христофоров и тот, подняв глаза к потолку, вроде бы виновато и с растроганным видом покачивает в такт головой.

Один лишь начальник, майор Инджов, не присоединялся к нам. Но и он время от времени заходил в старую корчму: ему ведь полагалось надзирать за своими подчиненными. Появится, бывало, – вид у него строгий, как всегда, – сядет в самом конце лавки и молчит.

«Старшина» Марко Крумов тут же подносил ему на деревянной тарелочке рюмку сливовицы, обильно подслащенную медом, и дела несколько поправлялись. Но вообще-то начальник подолгу не засиживался с нами. Он ведь как-никак начальник, и мы на него не были в обиде.

Так, незаметно, как я уже сказал, проходил наш досуг. Мне очень полюбились эти люди, хотя Боян Ичеренский по-прежнему не замечал меня, а капитан артиллерии все чаще и чаще навещался в Луки: в этом селе была амбулатория, и властвовала в ней доктор Начева. Она любила выходить на прогулку, накинув на плечи платок цвета резеды. Но как бы там ни было, я не имел оснований глядеть на капитана косо за то, что он часто навещался в Луки. На своем-то мотоцикле почему бы ему на съездить туда?

Рашка исправно давала высокие надои, в районе не было ни сапа, ни куриной чумы, кооператоры рассчитывали получить осенью кругленькую сумму дохода, и вдруг эта неприятность – происшествие на Илязовом дворе. Мы были так встревожены, так потрясены, словно нас громом поразило. Гром и в самом деле нас не миновал: арестовали нашего славного сотрапезника Методия Парашкевова.

Его место на лавке пустовало.

Мы по-прежнему собирались в старой корчме, но куда девалось былое веселье? Капитан, человек далеко не сентиментальный, то и дело вздыхал, Боян Ичеренский помрачнел, замкнулся и походил на зловещую градовую тучу. Один Кузман Христофоров как будто не изменился. В глазах его даже вроде бы проглядывало злорадство, но он по-прежнему молчал.

В таком вот прескверном настроении нас и увидел

впервые Аввакум Захов. А почему у меня осталось мрачное воспоминание о нашей первой встрече, я сейчас расскажу.

16

Мы только сели было обедать – Марко Крумов потчевал нас яичницей, – как вдруг с площади доносится автомобильный сигнал. Все прислушались, а Боян Ичеренский встал и выглянул в окошко. Мы были в полном сборе – это означает, что майор Инджов тоже находился среди нас и молча потягивал свою медовицу. И только он один, пожалуй, не обратил внимания на сигнал.

– Машина окружного совета, – скачал Боян Ичеренский и снова сел за стол. Потом, отламывая кусок хлеба, он добавил – Эта машина уже приезжала сюда. Я запомнил номер.

Бай Гроздан почесал в затылке.

– Наверное, окружной агроном. – На его лице вдруг появилась озабоченность.

Пока мы гадали, кто бы это мог приехать, наш «метр-дотель» уже громко приглашал кого-то в корчму.

– Просим! Пожалуйста, заходите!

И авторитетно отдавал распоряжения:

– Мальчик, тащи сюда чемодан, чего стоишь!

Вот на пороге появились двое; одного мы сразу узнали – это был секретарь окружного совета. Другого – он был тоньше, ростом выше и моложе – я видел впервые. На нем был серый спортивный костюм, на руке висел бежевый плащ, одним словом, вид у него был вполне элегантный. Его лицо, строгое и немного усталое, не отличалось привлекательностью и красотой капитана Калудиева. Но его

облагораживали необычайно глубокая сосредоточенность и спокойствие.

Секретарь окружного совета очень торопился. Он выпил у стойки полстакана вина, поблагодарил и коротко представил нам своего спутника. Нам стало известно, что Аввакум (он назвал его подлинное имя, но какое это имеет значение для рассказа?) Захов – историк, археолог, прислан Академией наук изучать далекое прошлое края, и потому он некоторое время будет жить в нашем селе.

– Ба! – хлопнув себя по лбу, воскликнул бай Гроздан. – То-то нам в совет прислали письмецо из какого-то института, просили оказывать кому-то содействие. – Он задумался. – Совсем недавно дело было, дня два назад!

Секретарь окружного совета выразил уверенность, что мы поможем Аввакуму получше устроиться, и, так как он очень спешил – его где-то ждали, пожелал нам успешной работы и отбыл. Майор, допив свою медовицу, вышел проводить его.

Серая машина исчезла в направлении Лук.

Боян Ичеренский, которого мы с молчаливого согласия избрали нашим старейшиной, пригласил Аввакума сесть возле себя, налил ему стакан вина и попросил бай Марко приготовить гостю что-нибудь поесть. Потом, как и подобает в таких случаях, стал представлять приезжему каждого из присутствующих.

– Это бай Гроздан, – кивнул он в сторону председателя и добродушно усмехнулся ему. – Председатель кооперативного хозяйства, наш отец-кормилец. Человек очень славный, а его сосед, что сидит насупившись, будто целый мешок зеленых яблок съел, – это известный горный ин-

женер Кузман Христофоров. Он много пьет и столько же молчит. Загадочный экземпляр. Теперь прошу обратить внимание! – Он показал головой на капитана. – С их милостью не советую меряться силами на поприще любви. Смахнет, как букашку. У него немало талантов; кроме всего прочего, он артиллерист. Окончил академию, и, если его раньше времени не погубит какая-нибудь Станка, он непременно дослужится до генерала. Простите меня за откровенность, капитан, но я вас очень люблю! Ваше здоровье!

– А почему вы забыли этого молодого человека? – спросил Аввакум.

Речь шла обо мне. Я покраснел.

– Вот этого? – Боян Ичеренский пожал плечами и снисходительно усмехнулся. Потом пояснил: – Он весь на виду, судите сами, что он собой представляет. О нем я ничего не могу сказать, – и выпил залпом вино.

Аввакум тоже осушил свою рюмку. Я вздрогнул и потупился.

– Этот молодой человек (господи, он не больше чем лет на пять старше меня, а я для него «молодой человек»!)... этот молодой человек, – начал Аввакум, глядя в окно, как будто я не сидел прямо против него, а находился где-то на улице, – душой поэт, а занимается ветеринарией. Он, вероятно, ветеринарный врач. Притом я готов биться об заклад, несмотря на поэтические наклонности, он хорошо знает свое дело. И, как мне кажется (тут Аввакум тихонько вздохнул), он влюблен, и к тому же несчастливо. Впрочем, в том, что человек влюблен, нет ничего плохого. Хорошо быть влюбленным, даже если девушка не отвечает взаимностью.

Я чувствовал себя так неловко, мне было так стыдно, что я готов был сквозь землю провалиться. А капитан Матей Калудиев захохотал, и притом так нагло, – я же точно знал, что доктор Начева вовсе не приглашала его к себе, он сам за нею волочился.

Боян Ичеренский молчал и удивленно смотрел на нашего нового знакомого.

– Когда же вы успели так подробно изучить его биографию? – полюбопытствовал он.

То, что я оказался предметом общего разговора, меня, разумеется, задело, и не знаю почему, мне стало вдруг неприятно и тоскливо.

– Ничего я не изучал, – сказал Аввакум. – Я приехал прямо из Смоляна и вот сейчас впервые ступил на момчиловскую землю. Если я что-то правильно подметил в этом молодом человеке, то этим я обязан прежде всего своему чутью реставратора. Вы должны знать, что я археолог и в то же время реставратор. Я занимаюсь реставрацией всевозможных старинных вазочек, горшочков и других бытовых вещей, которые мы находим в земле уже разбитыми на десятки кусочков. В Софийском археологическом музее имеется двенадцать древних глиняных сосудов, восстановленных моими руками. Это довольно доходное дело, оно хорошо оплачивается, но требует ловкости и очень острой наблюдательности. Прежде всего наблюдательности. Я хочу сказать, что моя профессия научила меня видеть все в мельчайших подробностях. Одна из таких подробностей – глаза этого молодого человека. Реставратор сразу подметит, что они очень чисты и мечтательны. Другая подробность – его лоб: он у него высокий,

гладкий. Эти две детали – глаза и лоб – навели меня на мысль, что молодой человек обладает поэтическими наклонностями. А что он занимается ветеринарной практикой, это каждый может определить, стоит только обратить внимание на левый карман его куртки – оттуда выглядывает неврологический молоточек для обследования крупного скота. Товарищ Христофоров не носит с собой такого молоточка – он не занимается ветеринарией. А на основании чего я заключаю, что молодой человек влюблен и что ему не везет в любви? Поглядыте на круги у него под глазами – это результат бессонницы. Но по его виду не скажешь, что он ведет разгульную жизнь. Этот молодой человек не спит или спит мало, а почему? Потому что у него на сердце камень. Счастливый влюбленный спит как младенец. У счастливого влюбленного прекрасный аппетит и хороший сон. Верно, товарищ капитан?

Пока он говорил, Марко Крумов поставил перед ним тарелку с яичницей и свежеподжаренной домашней колбасой.

– Вот, приятного аппетита! – обратился к нему бай Гроздан.

– Я на свой аппетит никогда не жалуясь, – засмеялся Аввакум и, ловко разрезая колбасу, спросил Ичеренского: – Гожусь я в реставраторы, как, по-вашему?

– Что и говорить! – тотчас же согласился геолог и как-то задумчиво усмехнулся.

Аввакум посмотрел на него довольно нахально и сказал:

– Но за каждую реставраторскую работу мне платят деньги. Я не привык тратить время зря и болтать попусту.

Вот и вам за то, что я нарисовал, так сказать, духовный портрет товарища ветеринара, придется платить за мой обед.

Ичеренскому стало вдруг весело. Все от души рассмеялись. Только бай Гроздан, председатель, недовольно покачал головой.

– Нехорошо, что ты все сводишь к деньгам, – сказал он. – Ученый человек, а только и разговору, что о деньгах!

– Ну, не сердись на меня, товарищ председатель. – дружески улыбнулся ему Аввакум. – Великий Наполеон Бонапарт сказал однажды: «Дайте мне деньги, и мир будет мой!» Я чуть поскромней Наполеона и потому говорю, дайте мне деньги, я хочу оборудовать в своей будущей квартире ванную и ватерклозет. Наш строительный кооператив, в котором я состою пайщиком, отказывается оборудовать в моей квартире ванную с душем и еще один маленький душ более интимного назначения. А я без этих вещей жить не могу.

Все снова расхохотались; даже бай Гроздан усмехнулся. Я тоже заставил себя засмеяться.

Потом Аввакум обратился к Марко Крумову:

– За то, что я тут съел, заплатит сей почтенный муж, – и он указал на Ичеренского. – А теперь налей-ка всем нам вина, и себя не забудь! Тут речь зашла о жилье для Аввакума.

Бай Гроздан, которому археолог, очевидно, не очень понравился, начал хитрить: есть, мол, на селе несколько приличных комнат, но их снимают учителя и геологи. Так что нелегко будет подыскать жилье.

– Он может временно расположиться в моей амбула-

тории, – сказал я, хотя у меня было достаточно причин не выказывать особой любезности этому человеку.

– Это разумно, – сказал Ичеренский. Аввакум вздохнул.

– Я человек очень чувствительный, – заметил он. – Стоит мне увидеть больное животное, как у меня портится настроение. А уж если я узрю шприц с иглой, то впадаю в меланхолию на целую неделю.

– А мне хоть тысячу шприцев покажи – все трын-трава! – усмехнулся Матей Калудиев. И тут же наш весельчак добавил: – Я не имею ничего против, если мы вдвоем будем жить в моей комнате. У меня просторно, южная сторона.

– Прекрасно, – кивнул Аввакум. – У меня слабость к комнатам, обращенным на юг. Два окна моей будущей квартиры расположены с южной стороны. Но я очень плохо сплю, у меня очень обострен слух, и я не выношу храпа. Чуть только услышу, что кто-то захрапел, на меня тут же нападает ипохондрия...

Бай Гроздан нетерпеливо пожал плечами, но смолчал.

– Я не храплю, – неожиданно отозвался Кузман Христофоров. Все почему-то вздрогнули и как по команде смолкли. Возобновил разговор Аввакум.

– Большое спасибо за добрые чувства, – сказал он, напряженно всматриваясь в лицо Христофорова. – Я бы с удовольствием поселился вместе с таким замечательным горным инженером. Я всегда уважал горных инженеров. Но ты, дружище, имеешь обыкновение бормотать во сне, верно? Так что весьма сожалею.

– Не стоит! – сказал Кузман и налил себе вина. Снова наступило молчание.

– Ваша милость, как я вижу, любит удобства, – заго-

ворил, пристально вглядываясь в лицо Аввакума, бай Гроздан. – Такая комната есть у Балабаницы: просторная, с тремя окнами, на втором этаже – тихая независимость!

– У Балабаницы? – лукаво взглянул на него Матей Калудиев и подмигнул.

– Эх ты! – нахмурился Ичеренский. Он отщипнул кусочек мякиша и принялся сминать его пальцами.

Бай Гроздан посмотрел в его сторону, и на лице его вдруг появилось выражение, какое бывает у человека, понявшего, сколь непростительную ошибку он допустил. Он хотел было что-то сказать и открыл уже рот, но потом опустил голову и не издал ни звука.

Матей Калудиев присвистнул и повернулся к окну.

– Что, эту удобную комнату вы уже кому-нибудь пообещали? – спросил Аввакум.

Мы переглянулись. На столь лобовой вопрос определенно должен был ответить Ичеренский. В конце концов, мы уже уполномочили его быть старшиной нашего стола.

Так и получилось.

Ичеренский откашлялся и взял слово.

– Тут дело несколько особое, – сказал он. – Бай Гроздан упомянул про комнату Балабаницы. Комната эта действительно имеет ряд удобств, это верно.

– Да и сама Балабаница кое-чего стоит, – лукаво подмигнул Матей Калудиев.

– Тут шутки неуместны! – одернул его Ичеренский. Он немного помолчал. – Но есть и одно неудобство: неизвестно, что может случиться с человеком, который ее снимал!

– Будьте спокойны, – сказал Аввакум. – Этот человек едва ли скоро выйдет из тюрьмы.

Мы все устали на Аввакума. Лицо бай Гроздана утратило жизнерадостность, а по губам Кузмана Христофорова скользнула какая-то злорадная и в то же время страдальческая усмешка.

Боян Ичеренский шумно высморкался в платок, хотя все мы знали, что никакого насморка у него нет.

– Его непременно повесят, – с веселой улыбкой повторил Аввакум. Он закурил сигарету и удобно устроился на лавке. – Секретарь окружного совета рассказал мне об этом учителе. Методий или как его...

– Методий Парашкевов. – буркнул я.

– Именно... Человек во всем сознался от начала до конца.

– Странно, – сказал Ичеренский.

Бай Гроздан тяжело вздохнул. Как будто не Парашкевова должны повесить, а его самого.

– И подобный субъект сидел тут, за этим столом, среди нас! – вдруг воскликнул капитан Калудиев и, стукнув кулаком по столу, схватился за кобуру.

От удара кулака, которым он мог свалить теленка, рюмка Кузмана Христофорова подскочила, и вино, пролившись на стол, полилось ему на колени. Однако он даже не шелохнулся.

– Кто не умеет смеяться и не любит говорить о женщинах, тот не заслуживает доверия, – глубокомысленно заключил капитан и угрожающе затряс головой.

– Мне везет! – расхохотался Аввакум. – Как видите, все складывается в мою пользу. Год назад, когда мы были на раскопках под Никополисом, одна старая цыганка гадала мне на бобах и сказала, что я родился под счастливой

звездой. Так прямо и сказала: «Ты, сынок, родился под счастливой звездой. Но эта звезда восходит на небе, когда созревает виноград и наступает пора убирать кукурузу. В эту пору, за что ни возьмешься, любое дело будет спориться». Вот что мне нагадала цыганка среди руин под Никополисом, и я полагаю, она не ошиблась. Иногда эти цыганки знают про тебя все. Судите сами: какая сейчас пора? Ранняя осень. Созрел виноград, начинается уборка кукурузы. То есть моя звезда уже засияла. Значит, у меня будет удобная квартира и приятная хозяйка. А это, согласитесь сами – вы ведь тоже люди науки, – имеет в научно-исследовательской работе немалое значение.

Капитан Калудиев неожиданно заявил:

– А мы с тобой, братец, будем хорошими друзьями.

Он налил в рюмку Аввакуму, налил в свою и, потянувшись к археологу через весь стол, звучно поцеловал в левую щеку.

Аввакум в свою очередь сделал то же самое. Они чокнулись и выпили до дна.

– И все же, – сказал Ичеренский, к которому снова вернулось хорошее настроение, – я бы тебе не советовал устраиваться в этом доме. Подумай только: разве приятно жить в комнате повешенного?

– Но, друзья мои, – засмеялся Аввакум. – Неужели я похож на человека, который боится привидений?

Мы молча согласились, что на такого человека он не похож. Тут Ичеренский поднялся со своего места, шумно зевнул и медленно направился к двери.

– Ты, приятель, забыл заплатить, – бросил ему вслед Аввакум. Я вздрогнул. Который уже раз в этот день! Разве

можно так дерзко вести себя с заслуженным человеком, ученым, который открыл столько месторождений меди! Хотя я его не любил в душе, но относился к нему с уважением и – сам не знаю почему – боялся его, как в свое время боялся учителя математики.

Но Ичеренский только улыбнулся.

– Не беспокойся, мой мальчик! – сказал он. – Сегодня среда, а по средам я всегда плачу за все, что поедается за этим столом, в том числе и за то, что съедят гости. Тебя это устраивает?

– Очень, – сказал Аввакум. – Я вполне удовлетворен. И торжественно клянусь перед всей честной компанией, что отныне каждую среду я буду твоим гостем.

– Благодарю, – кивнул Ичеренский. – Разумеется, мне будет очень приятно. Я люблю учтивых людей.

Не успел он переступить порог, как Аввакум кинулся за ним.

– Да покажите мне, где дом этого злодея и его прелестной хозяйки! – смеясь, попросил он.

По лицу Ичеренского как будто пробежала тень. Он остановился, помолчал мгновение, словно раздумывая, стоит ли отчитать нахала и какими словами. Но тут же, сменив гнев на милость, сказал спокойно и вполне любезно:

– Дом злодея? Но он отсюда виден, мне и провожать тебя нет нужды. – Он показал через окно: – Вон смотри, третий слева, напротив него кирпичная ограда.

– Ага, – сказал Аввакум. – Вижу.

– Я провожу, – вздохнул бай Гроздан. – Мне надо са-

мому зайти с тобой. Балабаница не примет тебя без представителя совета – такой у нас порядок. – Взмахом руки он сдвинул набок свою барашковую шапку. – Что ж, пойдем!

Аввакум уже стоял на пороге.

17

Вот какое ужасное впечатление осталось у меня от первой встречи с этим человеком. Разумеется, сейчас у меня о нем совсем другое мнение. И отношение к нему другое. Но если кто-нибудь спросит, какое же оно, я, прежде чем ответить, подумаю как следует. И тем не менее я не уверен, что ответ мой будет точен, что я не ошибусь. Однако две вещи мне совершенно ясны. Во-первых, я им восхищаюсь. Но это восхищение несколько необычно. Я могу восхищаться, например, ярким цветком, лесной поляной. Но когда я думаю об этом человеке, мне кажется, что перед моими глазами встает панорама каких-то суровых гор с головокружительными стремнинами под ногами и с еще более головокружительными вершинами. Меня оглушает грохот водопада, перед глазами над вспененной пучиной сверкают обломки радуги; высоко в небе неподвижно парит орел. Подобная картина тоже радует меня, но ей я радуюсь несколько иначе – не так, как яркому цветку или маленькой полянке, затерявшейся в тиши зеленой лесной чащи.

Во-вторых, когда я думаю об этом человеке, я как будто забываю о своем возрасте, о своем общественном положении и о том, что я ветеринарный врач большого участка.

Я чувствую то же, что чувствовал бы тщедушный, близорукий мальчишка, стоя рядом с могучим Спартакoм. Это очень неприятно, потому что мне уже тридцать лет, рост метр семьдесят три и рекордные надои Рашки даже при ее огромном вымени — как-никак моя заслуга. Это чувство, как я уже сказал, не из приятных, но избавиться от него у меня недостает сил. Разумеется, если все наши коровы станут такими же высокоудойными, как Рашка, и если доктор Начева, встречая меня, перестанет смеяться, тогда, быть может, я не буду в его присутствии чувствовать то же, что чувствует тщедушный, близорукий мальчишка, стоя рядом со Спартакoм. Во всяком случае, так мне кажется.

Когда я говорю об Аввакуме, мне, естественно, хочется быть объективным, но из-за уже перечисленных обстоятельств, да и по другим причинам мне это не удастся. Лучше всего, если я и впредь буду выступать в роли беспристрастного летописца.

Я должен сделать лишь одно замечание. Замечание это пустячное и не имеет прямого отношения к рассказу. А именно: тому, что говорит обо мне Аввакум, не следует верить. Не следует потому, что у него вообще ошибочное представление о моем характере. Так, например, он считает, что я романтик, даже поэт, застенчивый мечтатель, но во всем этом нет ни грамма правды. Я ветеринар крупного участка, и на его территории, как я уже говорил, нет ни сапа, ни куриной чумы. Да и корова Рашка свидетель, хоть и бессловесный, что я свое дело знаю. Ну, а раз так, то о какой поэзии, о какой романтике может идти речь! А его утверждение, что я застенчивый мечтатель, совершенно беспочвенно. Когда доктор Начева стала водить дружбу с

капитаном, я тут же прекратил прогулки по дороге в Луки. А ведь на такой решительный шаг не способен ни один застенчивый мечтатель. Когда же капитан убрался во-свояси, я опять возобновил прогулки как ни в чем не бывало. О какой застенчивости может тут идти речь?

Совершенно очевидно, что у Аввакума ошибочное представление о моем характере. Но я на него не сержусь – кто на свете не ошибается? Даже гениальный Шерлок Холмс и тот ошибался.

Балабанице уже давно стукнуло тридцать, но с виду даже самый отчаянный скептик не дал бы ей больше двадцати пяти: высокая, пышногрудая, со стройными бедрами, тонкая в талии. Рот у нее маленький, а темные глубокие глаза всегда влажны, как у косули в весеннюю пору.

Муж ее, бай Балабан, был мастером на сыроварне; пять лет назад он скоропостижно скончался от разрыва сердца. Соседки, женщины завистливые, утверждали, что в его преждевременной смерти повинна сама Балабаница, потому что она, мол, в любви ненасытна, как ламия⁶. Но разве бывает, чтобы о молодой и бездетной женщине не зло-словили болтливые кумушки? Сколько времени им кололи глаза два кунтушика, которые ей справил Методий Парашкевов! Не потому ли они столько шушукались и зло-словили? Но все это, так сказать, мелочи частного характера. Балабаница слыла на сыроварне работягой; у нее всегда было много трудодней; зарабатывая достаточно, она не торопилась вторично выходить замуж. Это была женщина сноровистая во всяком деле и очень жизнерадостная.

⁶ Ламия – в болгарском народном творчестве сказочное существо с собачьей головой и змеиным хвостом

Когда бай Гроздан и Аввакум вошли к ней во двор, а затем в сени и остановились перед распахнутой дверью, ведущей внутрь дома, Балабаница, присев на корточки, мыла блестящий бидон. Сидя к ним спиной и подавшись вперед всем своим гибким телом, она ловко орудовала щеткой. Ее черная шерстяная юбка немного приоткрывала ноги выше колен, и смущенный бай Гроздан дважды кашлянул. Аввакум же оставался совершенно спокойным. Балабаница слышала лишь тогда, когда председатель кашлянул в третий раз.

Она поднялась и с улыбкой отвела прядку черных волос, упавшую ей на лоб.

— А ты почему не на работе? — спросил с напускной строгостью председатель.

— Сперва следует поздороваться, — отрезала Балабаница, искоса поглядывая в сторону Аввакума, — а тогда уж и спрашивать! Неужто со вдовой здороваться не стоит?

— Ну, будет тебе! — нахмурившись, сказал бай Гроздан. Аввакум тотчас же подал ей руку, и хозяйка протянула свою, хотя та и была мокрая.

— Здравствуйте! — Аввакум энергично потряс ее руку. — Бай Гроздан сердит потому, что я не дал ему доесть обед. Тут виноват я.

— Так почему же ты не на работе? — упорствовал председатель, но уже без прежней строгости в голосе.

— Я во второй смене, бай Гроздан, — ласково взглянула на него Балабаница. — Потому-то я и дома. Добро пожаловать, заходите! — пригласила их хозяйка и пододвинула к очагу стульчики.

Так Аввакум попал в дом Балабаницы.

Когда председатель сообщил ей, по какому случаю они пришли, она опечалилась, ее большие глаза наполнились слезами. Было видно, что женщине искренне жаль учителя. Приветливости, с какой она встретила Аввакума, теперь как не бывало. Ей даже смотреть не хотелось в его сторону.

– Сложи все вещи учителя в сарае или еще где, – продолжал уже смущенно председатель. – А этого человека устрой в его комнате – пусть живет у тебя, пока будет в нашем селе.

Балабаница вздохнула.

Что касается Аввакума, то он прямо-таки ликовал: не успел он, как говорится, ступить обеими ногами на момчиловскую землю, как ему улыбнулась удача. Разумеется, удача эта не вспорхнула с дерева и не села ему на плечо, словно золотая птичка из сказки. Аввакум сознательно стремился к ней – внимательное и детальное изучение дома, где жил Методий Парашкевов, его обстановки было в его плане пунктом номер один.

Они поднялись по витой скрипучей лесенке на второй этаж. Она прямо со двора вела на длинную узкую галерею, опоясывающую дом со стороны огорода. Тут были две двери, сколоченные из сосновых досок, когда-то покрашенные, вероятно еще при жизни бай Балабана, серой, теперь уже выцветшей краской. Обе двери были опечатаны – на красном сургуче значилась печать Момчиловского народного совета. Председатель колебался некоторое время. То ли ему самому сорвать печати, то ли позвать в свидетели кого-нибудь из членов совета? Но, подумав, что он, «отец-кормилец», и сам член народного совета, а может, просто чтоб не терять больше времени с этим навязчивым

софийцем, дернул цветные шнуры с такой решительностью, какая совсем не шла к его добродушному лицу.

– Ну, в добрый час! – сказал он Аввакуму и, словно испугавшись своей дерзости, стал торопливо спускаться по витой лесенке вниз.

Балабаница отперла ту дверь, которая была чуть подалеже от лестницы, и молча кивнула Аввакуму.

Комната была бедная, гораздо беднее, чем он мог себе представить. Напротив окна стояла железная койка, застланная солдатским одеялом. Шкаф, видимо для одежды, высокая этажерка, большой стол, покрытый оберточной бумагой, и два стула – вот все, что здесь было. Над кроватью висела охотничья двустволка с кожаным патронташем. На столе поблескивал микроскоп, стояли два штатива для пробирок. Кроме того, тут были пинцеты, спиртовка, молоточки и несколько коричневых бутылочек с кислотами.

Все эти вещи Аввакуму были знакомы по докладу Слави Ковачева. Пока он с лупой и сантиметром обследовал разбитое окно Илязова дома, Слави Ковачев осматривал комнату учителя. И так как Аввакум питал к своему пловдивскому коллеге полное доверие и учитывал его педантичную добросовестность, а времени было мало, то он удовлетворился сведениями, которые почерпнул из его доклада. Теперь он мог убедиться, что Слави Ковачев не пропустил ни одного сколько-нибудь значительного предмета.

Балабаница остановилась посреди комнаты.

– Вот только кровать и одеяло мои, да еще шкаф, – сказала она, показав рукой. – Остальное, что ты здесь видишь, – учителиво, и все, что в шкафу, – тоже его. Я дала

расписку на эти вещи. Если что пропадет, мне придется отвечать.

– Будь спокойна, – усмехнувшись, сказал Аввакум. – Я буду беречь их как зеницу ока. Можешь отсюда ничего не уносить. У меня, как видишь, багаж невелик, и его вещи мне не помешают.

Пока она меняла простыни и выносила одежду учителя. Аввакум стоял к ней спиной, однако он слышал, как она тихонько всхлипывала и шмыгала носом. Он прикусил губу и нахмурился. «Если я ничего не добьюсь, – подумал он, – то едва ли эти вещи когда-нибудь попадут на прежнее место. Учителю тогда уже не вернуться в Момчилово».

Он выглянул в окно. Отсюда открывался вид на ошестинившуюся Змеицу. Над бурыми осыпями нависало мрачное дождливое небо.

«А эта женщина любила его, – подумал Аввакум. – Потому-то она и плачет». Он глядел на развилку дорог и вспоминал ее маленький рот и тоскливый взгляд темных глаз. «Наверно, жила с ним». Он вздохнул. И вдруг вздрогнул: его удивил собственный вздох. В том, что она, может быть, любила учителя и жила с ним, не было ничего грустного. Вздыхать тут ни к чему.

Он вышел на галерейку и открыл соседнюю дверь. Она вела в маленькую комнатку, заваленную всякой рухлядью. Тут лежали кучей старые книги, газеты, тетради, торчали чучела белок, глухарей, лисицы и маленького бурого медвежонка. Закрепленный на деревянной подставке медвежонок стоял на продолговатом ящике. На трухлявой полке среди паутины и пыли поблескивали склянки со спиртом. В них плавали скрученные спиралью змеи с бе-

лесым брюшком и пестрой спинкой, ящерицы, саламандры. Одно из чучел белки глядело стеклянными глазами в единственное в этом чулане окошко – маленькое, квадратное, с не мытым годами стеклом, заделанное толстыми железными прутьями.

Аввакум почувствовал на себе взгляд Балабаницы. Он медленно обернулся.

– И это тоже все учителево, – сказала она. Глаза ее были красны. – Для школы все делал. – Она помолчала некоторое время. – Здесь ничего не описано. Да здесь и нет ничего особенного. Зря они дверь опечатывали! Я снесу все это вниз, а тут поставлю ткацкий станок.

Она повела плечом, искоса взглянула на Аввакума; он заметил, что в глазах ее больше нет слез.

– Тут я поставлю станок, – повторила она и добавила несколько тише: – Если проживешь у меня подольше, коврик тебе сотку. Ты женатый?

– Да еще шестеро детей вдобавок!

– Несчастный! – Она как-то странно засмеялась и, помолчав немного, снова повела плечом. – Пойду на сыроварню, – сказала она, не оборачиваясь. – Вернусь к вечеру. Если будешь уходить, ключи бери с собой!

– Обязательно, – заверил Аввакум.

Она неторопливо стала спускаться вниз, может быть, даже медленнее, чем следовало.

Проводив взглядом хозяйку, Аввакум спустился во двор и внимательно осмотрел дом со всех сторон. У вы-

ходящего на юг окна широко раскинула ветви суковатая сосна. Ее верхушка была на уровне крыши, а некоторые ветки толщиной с руку почти касались окна.

«Вот откуда можно входить без приглашения», – подумал Аввакум.

Он постоял под деревом, мысленно вскарабкался по суковатому стволу вверх, продрался сквозь плотно сплетенную зеленую крону к стене дома и преспокойно уселся на карнизе. Да, все это не так уж трудно.

Окно это выходило в сливовый сад. Довольно запущенный, он зарос густой, уже пожелтевшей травой. От старой сосны до плетня высотой по пояс Аввакум насчитал тридцать шагов. Плетень отделял сад от глухой улочки, по которой вряд ли могла проехать повозка. Улочка протискивалась между плетнями, ничем не отличавшимися от плетня Балабаницы. Через сад проходила утоптанная тропинка – она вела к хозяйственным постройкам: к свинарнику, где не было свиней, к пустому хлеву, сеновалу с черной, прогнившей соломенной крышей и широкому навесу для хранения дров. Под навесом стояла колода с воткнутым в нее топором и лежало воза два крупноколотых сухих сосновых поленьев. Было ясно, что тропинка не зарастала только благодаря этому навесу.

Больше тропинок в саду не было.

Аввакум снова вернулся к суковатой сосне и начал внимательно осматривать пространство между нею и глухой улочкой. На его напряженном лице появилась едва заметная улыбка: кое-где виднелась примятая трава – стебельки были желтее и суше других. Прежде чем трава увяла, по ней ходили, в этом не могло быть никакого сомнения.

Два вполне различных следа привели Аввакума к забору. В этом месте из плетня было выдернуто несколько веток терновника. Они валялись в густом бурьяне. Перелезть здесь взрослому мужчине ничего не стоило. Но если бы это захотела сделать женщина, ей пришлось бы прежде чем встать ногой на плетень, дольше топтаться около него. Аввакум нагнулся, но у самого плетня почти не было следов.

Здесь проходил только мужчина. И проходил не один раз, а несколько, притом путь его оставался открытым – иначе ветки терновника были бы водворены на место. По-видимому, мужчина собирался пользоваться этим перелазом и в будущем. Или же ему просто не хватило сообразительности – одно из двух.

Аввакум задумался: может быть, это следы влюбленных? Может быть, ночью какой-нибудь уса́тый Ромео пробирался к красотке вдовушке. Но в таком случае следы должны были бы вести к ее двери, к комнате, где спит она.

Он тихонько присвистнул и удовлетворенно потер руки.

Следы вели не к ее двери, они начинались у суковатой сосны и кончались суковатой сосной.

Аввакум быстро вернулся в комнату учителя. «Если окно закрыто изнутри на крючки, я сам себе дам пощечину», – подумал он и бросил взгляд на оконную раму. Нижний крючок лежал на подоконнике, верхний свободно висел. Они сильно заржавели. Он слегка нажал на раму – обе створки окна со скрипом распахнулись и уперлись в зеленые ветки.

Аввакум достал из внутреннего кармана плаща боль-

шую лупу и снопа спустился во двор. Подойдя к стволу старой сосны, он запрокинул голову. «Надо обследовать третью и четвертую ступеньки – они самые трудные. Чтоб добраться до кроны, до больших ветвей, надо крепко ухватиться руками именно за эти сучья».

Поднимаясь по стволу, он достиг четвертой ступеньки – остатка обрубленной ветки – и, держась левой рукой, начал рассматривать сквозь толстую лупу его чешуйчатую поверхность.

Это продолжалось не более трех минут.

И тут он чуть было не выронил лупу: впился взглядом в стекло и почувствовал, что перед его глазами завертелись синеватые круги.

Он на мгновение прикрыл веки, глубоко вздохнул и опять посмотрел – перед глазами замелькали искры. Спрятав лупу, он вынул перочинный ножик, открыл его зубами, срезал кусочек чешуйчатой коры и осторожно слез на землю.

Вернувшись в комнату, он отделил пинцетом чешуйку от коры, положил ее на стеклянную пластинку микроскопа и посмотрел в окуляр. На стеклянной пластинке лежал волосок синего цвета.

Синий волосок от шерстяной пряжи.

Аввакум взял сигарету и жадно затянулся.

Затем он достал из портфеля пергаментную бумажку, в которой лежал другой, такой же синий волосок. Он нашел его на подоконнике Илязова дома среди железных опилок и поврежденного прута. Аввакум сравнил волоски под микроскопом: по цвету и толщине они были совершенно одинаковы.

Он встал и принялся медленно расхаживать по комнате.

Теперь ему было точно известно, что перелаз на плетне, тропка, суковатая сосна и не закрытое на крючки окно связаны невидимой нитью с Илязовым домом. Одна и та же перчатка прикасалась к обрубленному суку сосны и согнутому пруту в разбитом окне.

Но разве на свете одна синяя перчатка? А если другой такой нет, то где эта единственная и кто ее владелец?

Все же сделанные им открытия были важными звеньями в цепи событий, предшествовавших преступлению. У него не было оснований быть недовольным собой.

Спрятав свою находку, Аввакум вошел в чуланчик. Здесь, казалось, не было ничего такого, что обращало бы на себя внимание. Чучела животных и птиц месяцами не сдвигались с их мест – об этом говорила паутина, образовавшаяся вокруг них. Он уже собрался уходить, как вдруг взгляд его остановился на маленьком буре медвежонке. Он был совершенно чистенький – даже на подставке, к которой прикреплен, совсем нет пыли. Единственный чистый предмет среди множества окутанных паутиной и покрытых пылью – это не могло не привлечь внимания Аввакума. Значит, сравнительно недавно медвежонка касалась рука человека. Но почему среди стольких чучел животных один лишь бурый медвежонок удостоился такой чести?

Аввакум подошел к медвежонку и поднял его. Под деревянной подставкой находился продолговатый ящик. Аввакум зажег электрический фонарик и увидел на дне ящика кучку камней, разных по цвету и по величине.

Ничего другого в ящике не было. Но один камень,

размером с кулак, был обернут листком, вырванным из ученической тетради, и перевязан красной шерстяной ниткой. Он лежал на самом верху кучки.

Аввакум просунул руку, взял камень и под желтым лучом фонарика прочитал: «Змеица, 7 августа».

Надпись была сделана нечетко, химическим карандашом.

«Какой-то минерал, найденный Методием Парашкевовым в урочище Змеица за пятнадцать дней до происшествия в Илязовом дворе», – подумал Аввакум. Подержав камень в руке, он положил его в ящик, на прежнее место, и поставил медвежонка так, как он стоял.

Начал моросить дождик.

Серые тучи лизали своими косматыми языками голые осыпи Змеицы. В открытое окно проникал холодный воздух, напитанный запахом хвои и влажной земли.

В доме было тихо и как-то очень пусто и тоскливо.

По телу Аввакума пробежал озноб. Чувство одиночества, казалось, проникало в его душу вместе с резким холодом. «Я должен обязательно уснуть», – подумал он. Аввакум укутался с головой своим плащом и закрыл глаза. Капельки дождя словно бы ощупывали оконные стекла, и этот слабый звук делал тишину еще более тягостной.

Его разбудил тихий стук наружной двери. В сенях раздались шаги. Он прислушался и узнал по ним Балабаницу. Ему больше не хотелось лежать в темноте. Он зажег лампу, открыл шкаф и стал приводить в порядок свою одежду. На кровати остался один только плащ. Под его подкладкой были два глубоких кармана, в которых Аввакум хранил нужные ему вещи: веревку, запасную бата-

рейку для карманного фонаря, пачку патронов и маленькую, но прочную стальную лопатку в кожаном футляре.

За окном продолжал моросить дождь.

Аввакум распахнул обе створки, накинул на плечи плащ, сошел вниз и остановился в сенях. Он кашлянул.

Через секунду дверь отворилась и в освещенном проеме появилась Балабаница.

— Чего же это ты стоишь в сенях? — удивленно спросила она. — Заходи, погреешься, смотри, какой я огонь развела!

Пламя очага за ее спиной то вспыхивало, то словно замирало. Аппетитно запахло печеным картофелем.

— Спасибо, — сказал Аввакум. Он вдруг почувствовал голод и сглотнул слюну. — Я настроился уходить. А то бы с удовольствием зашел к вам погреться.

Балабаница продолжала стоять на пороге.

— Подожди немного, пока перестанет дождь, — сказала она.

— Впрочем, верно, — усмехнулся Аввакум. — Почему бы мне не переждать? Дождь скоро прекратится.

Он сел у очага и с наслаждением протянул к огню руки. Затем достал трубочку и, набив ее табаком, закурил.

Пока Балабаница сновала по комнате, готовя ужин, Аввакум по привычке осматривал домашнюю утварь, непрестанно вслушиваясь в мягкое шлепанье босых ног хозяйки.

Комната была просторная, вдоль стен тянулись полки, у входа на железных крючьях висели два медных котла. В левом углу темнела открытая дверь — там, вероятно, была спальня. Он вспомнил, что окно ее выходит туда, где в глубине сада видны заброшенные хозяйственные постройки.

– Послушай, Балабаница, а тебе не холодно босиком? – спросил Аввакум.

Она на мгновение приостановилась. Казалось, эти слова ее очень удивили.

– Мне, холодно? – она посмотрела на свои ноги, неизвестно зачем приподняла юбку и весело засмеялась. – С какой стати мне будет холодно! Придумал тоже! Я привыкла, – и, опустив юбку, кивнула головой в сторону, где стоял накрытый стол. – Ну, давай будем ужинать, а то остынет. Угощать, правда, мне тебя нечем – одна ведь я, одинешенька.

Чтобы не обидеть вдову, Аввакум сразу же подсел к столу. Перед ним стояла глубокая тарелка с печеным картофелем, брынза, яичница на сковородке и большая миска простокваши. Посередине горкой лежали ломти хлеба.

– Как говорится, одной головке и обед варить неловко, – вздыхала Балабаница, энергично уничтожая яичницу. – Пока бедняга Методий был здесь, он часто составлял мне компанию, не брезговал, сам он тоже бобылем жил. Бывало, и баницу испеку, и то, и другое сготовлю, а как его взяли – все ни к чему. Ем всухомятку, куски в горле застревают.

Аввакум, правда, не заметил, чтобы у нее куски застревали в горле, она ела с завидным аппетитом, и лицо ее выглядело очень свежим.

– Скажи, Балабаница, – спросил Аввакум, – к Методию часто заходили гости? Когда я был холостяком, ко мне по десятку вваливались каждый вечер.

– Да что ты! – Балабаница тряхнула головой. На лоб ей упала черная прядка волос, но она не подняла руки, чтобы

отбросить ее. – Какие там гости! Никто не приходил к Методию. У него доброе сердце, только он, бедняжка, нелюдим. Как и я.

– Не может быть, чтоб у такого человека не было друзей, – усомнился Аввакум.

– Нет, не было, – Балабаница покачала головой. – Он был хорош со всеми, и к нему все хорошо относились, но дружить ни с кем не дружил.

Она помолчала немного и нахмурилась.

– Был один, да вот уж три года, как того человека загрызли на Змеице волки. Охотились они вместе. Лесничим он был.

Аввакум задумался. Он почувствовал, что на этот раз касаться темы «Методий» больше не следует.

Разговор зашел о сыроварне. Балабаница похвасталась, что брынза в этом году жирнее прошлогодней, что теперь у них перерабатывается вдвое больше молока, чем раньше. Еще сказала, что они должны выиграть в соревновании с Луками и что все рассчитывают осенью получить много денег.

– Что ж ты станешь делать со своими деньгами? – спросил Аввакум. – Небось, замуж выйдешь?

Она весело рассмеялась. Ее ситцевая блузка так разволновалась на груди, словно изнутри ее надували порывы южного ветра.

– Стоит мне только захотеть, я завтра же приведу себе мужика, – ответила она. – И такого, какого захочу. Экая невидаль – муж. Меня сейчас другое беспокоит, это дело поважнее. Мой муж большой мастер был варить брынзу, и я вот тоже решила стать таким же мастером, как он. В па-

мать о нем. Очень уж мне по душе эта работа. И получается у меня неплохо. Но, чтобы стать мастером, мне еще надо малость подучиться, во всяком деле есть свои тонкости.

В ее глазах вспыхнули огоньки, и она засмеялась.

– Весною обещали послать на курсы. Это для меня важнее замужества. Как сделаюсь мастером, сыроварня станет мне настоящим домом, а сюда буду заглядывать, только чтобы моему муженьку не было скучно, – если заведу себе мужа.

– Только ради этого будешь заглядывать домой? – спросил Аввакум.

– Еще затем, чтобы поспать на пружинах, – лукаво усмехнулась Балабаница. – У меня пружинная кровать. Лежишь на ней и не чувствуешь ее под собой. Очень удобная.

После столь интересного разговора Аввакум снова набил свою трубочку табаком, пересел поближе к очагу и молча закурил.

Балабаница убрала со стола, затем пошла в другую комнату и зажгла лампу. Через открытую дверь Аввакум видел часть высокой кровати с картинками на железной спинке. Она была застлана ослепительно белым одеялом из козьего пуха, а на стене над ней висел вязаный коврик.

Балабаница шумно зевнула, лениво потянулась и принялась разбирать постель.

В дымоходе тихонько вздыхал ветер.

Аввакум встал. Он надел плащ и кашлянул.

– Ты уходишь? – спросила его Балабаница. Она держала в руках белое одеяло.

– Мне пора, – сказал Аввакум.

Вместо того чтоб сложить одеяло – она уже принялась

было это делать, – Балабаница снова покрыла им кровать. Постояв немного в задумчивости, она спросила:

– Уже есть девять часов?

– Больше, – ответил Аввакум.

Она опять задумалась. Теперь глаза ее глядели не на Аввакума, а куда-то мимо него.

Он застегнул плащ и пошел к двери.

– Ты долго будешь спать завтра? – спросила вдруг Балабаница. Аввакум застыл на месте: в ее голосе были нотки, показавшиеся ему странными. И то, что она снова застелила кровать одеялом, и ее молчаливое раздумье, и взгляд, устремленный куда-то мимо него, – все это, казалось ему, было неспроста.

– Долго ли я буду спать? – повторил ее вопрос Аввакум, чтоб обдумать ответ. – Вот что, хозяйюшка, сегодня я, видно, не буду ночевать дома. Я сегодня в гостях у бай Гроздана. Он просил зайти поболтать, выпить стаканчик вина, и я наверняка останусь у него ночевать.

– Хорошо придумал, – повела плечом Балабаница. Больше она не промолвила ни слова.

– Комнату я запер, и ключ у меня, – добавил Аввакум. – Спокойной ночи!

Он вышел.

Дождь лил сильнее прежнего.

Аввакум сильно хлопнул калиткой и осторожно побрел по широкой дороге, которая вела к Верхней слободе. Тьма была непроглядная. Добравшись до первого перекрестка, – он определил это чутьем, – Аввакум тотчас же повернул влево и отсчитал десять шагов. Осторожно касаясь рукой плетня, он стал ощупью искать перелаз.

Еще несколько шагов, и колючки кончились.

Он подобрал полы плаща и перепрыгнул через плетень: впереди, в темноте, виднелся дом Балабаницы. Аввакум пошел напрямик.

В увядшей листве шумел дождь. Подойдя к дому, Аввакум прислонился к тому углу, который был ближе к окну, и стал ждать. Не прошло и минуты, как свет погас. Балабаница вышла на крыльцо, огляделась вокруг и торопливо зашагала к калитке. Вскоре ее фигура растаяла в темноте.

Подождав немного, Аввакум, пригнувшись, бегом пробрался к лестнице, поднялся на галерею и бесшумно закрыл за собой дверь своей комнаты.

В распахнутое окно ветер задувал сырой воздух и мелкие капельки дождя.

Однажды я спросил у Аввакума:

– Зачем ты обманул Балабаницу, сказав, что не будешь ночевать у себя? Что у тебя было на уме, зачем тебе понадобилось врать? Или ты и самом деле был уверен, что кто-то придет ночью в дом?

Аввакум пожал плечами.

– Я ничего особенного не имел в виду, и никаких определенных планов у меня не было. Просто хотелось вернуться в комнату незамеченным – я так и сделал!

Помолчав немного, он улыбнулся.

– У меня было предчувствие, что в эту ночь что-то случится, или, точнее, должно что-то случиться...

Он лежал на кровати одетый, покрывшись одним плащом, успевшим основательно намокнуть под дождем. Ле-

жал, вслушиваясь в постукивание капель по оконной раме, в тихий разговор ветра с суковатой сосной, и ни о чем не думал.

Время как будто остановилось.

Вдруг он услышал, как глухо скрипнула входная дверь. Кто-то открыл ее, затем прошел через сени, щелкнул замок, и снова все потонуло в тишине.

«Дверь скрипнула только один раз? – подумал Аввакум. – Значит, она сейчас открыта, как будто ждет кого-то. И ключ щелкнул один раз».

Он лежал в темноте с открытыми глазами.

Но вот ему показалось, что кто-то еще прошел по сеням – шаги более тяжелые и уверенные. И снова тишина.

Дождь по-прежнему дробно стучал в оконную раму.

Аввакуму стало смешно: стоит ли зябнуть под мокрым плащом ради любовных свиданий Балабаницы?

Однако он не шевельнулся. Все ждал, что случится нечто, имеющее прямую связь с впечатлениями, которые наслоились в его сознании на протяжении сегодняшнего дня.

Вдруг по его спине побежали мурашки: кто-то поднимался по лестке – скрипнула одна ступенька, потом скрип повторился уже у самой галереи.

Он оставил дверь незапертой. То ли он нарочно это сделал, то ли просто забыл повернуть ключ – не мог вспомнить.

Видно, поднявшийся на галерею человек не собирался входить в его комнату. Он открыл соседнюю дверь и вошел в чуланчик.

Что ему там делать, среди чучел птиц и животных да

всякого старья? Это произошло так неожиданно, что Аввакум от удивления чуть было не вскочил с кровати.

Он овладел собой лишь после того, как снова скрипнула ступенька. Человек уже спустился во двор.

Дальнейшие события произошли в течение одной-двух минут. Аввакум бросился к окну, перемахнул через подоконник и, вцепившись руками в сук старой сосны, стал быстро спускаться вниз. Едва ощутив под ногами землю, он стремглав кинулся к плетню. Перед ним бежал человек.

Аввакум сунул руку в карман, чтобы выхватить фонарик, но поскользнулся и упал навзничь на мокрую траву.

Поднимаясь на ноги, он горько усмехнулся от сознания, что первая схватка кончилась для него поражением.

Аввакум долго не мог уснуть. Упустить такой момент! Почему он не зажег фонарик, направив его прямо в лицо неизвестному, когда тот находился в чулане? Это способна сделать любая женщина...

Скрипнув зубами, он повернулся к стене и закрыл глаза.

На заре Аввакума разбудил сильный ветер; он метался в ветвях старой сосны, гнул и ломал их. По небу бежали рваные тучи, в их просветах блестели синие лоскутки умытого дождем неба.

Казалось, ветер развеял и его дурное настроение; когда он открыл глаза, ему почудилось, что вокруг несутся звуки знакомой мелодии, очень веселой, вероятно, вальса.

«Сейчас я должен посмотреть, что произошло в чулане», – решил Аввакум. Он схватил полотенце и спустился во двор. Он мылся и плескался холодной водой до тех пор, пока не покраснела кожа.

«Сейчас посмотрю, что произошло в чулане», – снова

подумал Аввакум, но занялся бритьем; вдруг он вспомнил, что мелодия, звучавшая в его ушах, когда он проснулся, из «Евгения Онегина».

Он надел новый пуловер, начистил ботинки, смочил одеколоном волосы и стал причесываться перед маленьким зеркальцем, которое пристроил на штативе с пробирками. Все это время он насвистывал вальс из «Евгения Онегина», как будто перед ним была не ощерившаяся Змеица, а розовый с желтыми балкончиками фасад знакомого дома.

На галерейке было мокро. Дверь чулана тоже всю ночь поливал дождь. Не было смысла искать на дверной ручке какие бы то ни было следы.

Внутри все оставалось на своих местах.

Стоя на пороге, он внимательно осматривал одну вещь за другой.

Так продолжалось минут десять.

Наконец он улыбнулся. Подставка, на которой был укреплен медвежонок, сдвинута примерно на два пальца влево, и виден верхний левый угол ящика. Вчера он сам ставил сюда медвежонка и отлично помнит, что все углы ящика были одинаково хорошо прикрыты подставкой. А теперь левый угол пальца на два приоткрыт. Кто-то сдвинул чучело в сторону, очевидно, для того, чтобы заглянуть в ящик и просунуть туда руку. А потом, так как было темно, не сумел поставить медвежонка в прежнее положение. «Образовавшееся смещение равно двум сантиметрам», – определил Аввакум.

Он поставил медвежонка на пол и посмотрел в ящик. Внутри как будто ничего не изменилось. Та же кучка разноцветных камешков, а на ней – самый большой камень,

завернутый в листок из тетради с надписью: «Змеица, 7 августа». Он лежит на том же самом месте, где его оставил Аввакум. И бумага и надпись те же. Только цвет самого камня стал иным. Аввакум отлично помнил, что тот камень был коричневый. Этот, что сейчас у него в руках, по размеру и форме почти такой же, а вот цвет другой, какой-то белесый.

19

Со стороны Лук показалось солнце, и небо над Змеицей заалело. Далекие осыпи и зубчатые скалы потонули в призрачной розовой дымке.

Аввакум спустился по лестнице вниз и чуть было не столкнулся в сенях с Балабаницей.

– Мне уже пора быть на сыроварне, а я вот проспала! – улыбнулась она, поспешно пряча под платок кудряшку, упавшую на лоб.

Поверх ситцевой блузки она надела кунтушик с короткими рукавами. Он был открыт на груди, и в вырезе, отделанном золотистыми отворотами, поблескивала ее гладкая молочно-белая кожа.

– Что поделаешь, – сказал Аввакум. – Кто ночью мало спит, тому утром трудно проснуться!

Балабаница посмотрела на него удивленными, искрящимися глазами, пожала плечами и весело засмеялась. Смех ее был чистый, звонкий. Она уперлась руками в бока, блузка натянулась, обрисовывая пышную грудь.

– Что поделаешь, такова уж моя вдовья доля! – вздохнув, сказала она с грустью в голосе.

Но глаза все еще продолжали смеяться.

Аввакум поглядел ей вслед. Он проснулся в бодром настроении, ему даже хотелось насвистывать.

Когда она скрылась из виду, он быстро вернулся в дом, отпер маленькой отмычкой дверь ее комнаты, прошел в спальню и опустился на колени. Некрашенный дощатый пол был чист, на нем никаких следов. «Сюда он входил в носках, – подумал Аввакум. – Ботинки оставил в первой комнате, а там пол земляной, неровный, и, после того как его подмели, разглядеть ничего не удастся».

В черепке от разбитого кувшина пышно цвела пеларгония – в комнате стоял приятный запах; он сливался с ароматом цветущей герани, которая красовалась на окне, напоминая о беззаботной юности, о давно прошедшем.

Быстро заперев дверь, Аввакум вышел на улицу и торпливо зашагал к старой корчме. Марко Крумов накормил его тюрей из поджаренного хлеба, брынзы и горького перца. Он уничтожил ее с волчьим аппетитом, и у него долго еще жгло во рту.

Бай Гроздан наливал себе на кухне рюмку анисовой водки, когда увидел, что к нему во двор вошел Аввакум. Сердце у него почему-то екнуло, и он, глубоко вздохнув, мрачный и недовольный, спрятал бутылку в буфет.

А тем временем жена его, Грозданица, уже болтала с Аввакумом возле дома.

«Почему я не ушел минут на пять раньше!» – досадовал на себя председатель. Он важно откашлялся, вышел в сени и широким жестом пригласил Аввакума в дом.

– Милости просим! – сказал он, глядя на гостя исподлобья. Пока он думал, предложить ли Аввакуму стул, сюда

вбежала тетка Грозданица, с виду женщина сердитая, и накинулась на мужа:

– Что ты за человек, Гроздан! Пришел гость, а ты стоишь посреди дома, как столб, разве так можно! – гортанным голосом выговаривала она ему. Потом распахнула дверь горницы, кинулась к столу, торопливо разгладила кружевную скатерть, снова подбежала к мужчинам. – Заходите, заходите, присядьте, как положено, а я соберу скоренько на стол, что бог послал!

Аввакум поклонился и почтительно поцеловал ей руку.

Грозданица покраснела и с невиданной доселе гордостью взглянула на мужа.

Бай Гроздан от смущения закашлялся.

Вошли в горницу, сели друг против друга.

Тут стоял гардероб, комод с будильником на нем и широкая кровать с разрисованными спинками; сиденья стульев были застланы вязаными салфетками, на стенках висели лубочные картинки, на окнах – белые занавесочки. В сравнении с этой комната Балабаницы казалась убогой кельей.

– Славно вы живете, – улыбнулся Аввакум. Тут не хватало лишь пахучей пеларгонии.

– Да уж как есть, – в третий раз прокашлялся бай Гроздан.

– Наверно, хорошо зарабатываете?

Бай Гроздан pokruchивал ус.

– Неплохо, – ответил он. – В этом году заживем еще лучше.

Аввакум посмотрел на дверь, достал свое служебное удостоверение и подал его председателю. Затем закурил и подошел к висящим на стене фотографиям.

– А это не сын твой, такой богатырь? – спросил он.

Бай Гроздан молчал. Насупив брови, он рассматривал печать. Аввакум взял удостоверение и спрятал его, затем уселся поудобней на стуле и вытянул ноги.

– Это сын твой? – снова спросил Аввакум, указывая головой на портрет.

– Сын – служит республике. В Благоевграде сейчас, – шепотом сообщил бай Гроздан.

Аввакум рассмеялся.

Вошла Грозданица. Она принесла полную миску меду, брынзу и хлеб.

– Подай-ка, мамаша, немного анисовки, – ласково попросил Аввакум, принимая из ее рук угощение. – Мы должны выпить за здоровье вашего сына, который служит республике в Благоевграде. Верно, бай Гроздан?

Они чокнулись и отпили из рюмок...

Когда они снова остались вдвоем с председателем, Аввакум сказал:

– Пришел я к тебе, бай Гроздан, не потому, что ты председатель богатого кооператива и член народного совета, а потому, что очень ответственные люди мне рассказывали о тебе как о надежном человеке, которому я могу довериться. Мы знаем о твоей преданности с двадцать третьего года⁷, тяжелые времена умудрили тебя и научили хранить тайну. Пришел я затем, чтобы открыть тебе, для чего я в действительности приехал в Момчилово и в чем ты мне должен помочь. Но прежде всего я хочу тебя преду-

⁷ В сентябре 1923 года в Болгарии вспыхнуло первое в мире антифашистское восстание.

предить: из твоих уст никто и никогда – ни сегодня, ни завтра, ни во веки веков не должен узнать, кто я такой, ясно?

– Об этом не беспокойся, – кивнул бай Гроздан. Я только тогда скажу про тебя что-нибудь, когда Карабаир заговорит по-человечьи.

– Верю, – сказал Аввакум. – Думаю, что если даже Карабаир заговорит, ты и тогда будешь молчать. Дело вот в чем. Во-первых, ты должен выяснить, насколько это возможно, разумеется, кого из здешних жителей в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа не было в селе. Запомнил? Во-вторых, кто из момчиловских мужчин носил или носит перчатки из синей шерсти. Если тебе не удастся вспомнить об этом или обнаружить такого человека, который носил или носит перчатки из синей шерсти, то постарайся узнать, где и когда продавалась синяя пряжа и кто в Момчилове или в соседних селениях занимается вязанием.

– Вот оно какая штука! – удивленно протянул бай Гроздан.

– Это очень важно, – заметил Аввакум.

Бай Гроздан помолчал. Потом наклонился к гостю и тихонько спросил:

– Неужто учителя повесят?

– Это меня не касается, – пожал плечами Аввакум.

Сквозь белые занавески в дом заглянул солнце. Здоровенная черная муха оторвалась от окна и загудела над тарелкой с медом.

– То, что я тебе поручил, ты должен делать осторожно, чтобы все было шито-крыто, – предупредил Аввакум. Он

зачерпнул ложкой меду и отпил глоток анисовки. – Все делай так, чтобы никто ни о чем не догадался, чтобы не бросалось в глаза...

Взглянув на часы, он встал.

– Мы увидимся во время обеда у бай Марко. Если узнаешь что-нибудь такое, что потребуется сообщить мне, закажи бутылку лимонаду и предложи мне распить ее с тобой. Это будет наш пароль. Запомнил?

Бай Гроздан кивнул головой и, разгладив усы, широко ухмыльнулся.

Прощавшись с председателем кооператива, Аввакум направился к Илязову дому. Старшина Георгий окинул его недоверчивым взглядом с головы до ног и не дал ему переступить порога до тех пор, пока не получил на это разрешение майора. Аввакум вошел в мрачную, облицованную камнем прихожую и вдруг почувствовал свое сердце – оно колотилось так, словно он только что пробежал стометровку. «Что за дурацкая слабость», – подумал он и насупился. Помещение и в самом деле напоминало средневековую темницу. Стены из серого гранита, холод, сумрак. Недоставало только тяжелых железных цепей, жаровни и крючьев для пыток, чтобы иллюзия была еще более осязаемой и полной.

В доме было три комнаты, расположенные обе стороны прихожей, одна против другой. В каждую вела массивная дубовая дверь, обитая несколькими рядами крупных кованых гвоздей. Комната слева служила складом, там геологи хранили приборы, инструменты, чертежи и деньги для хозяйственных нужд. Эта комната и стала объектом ограбления, совершенного в ночь на двадцать третье августа.

Разбитое окно давно застеклили, перепиленный прут был заменен новым, более толстым, а само окно было снабжено двойными ставнями, которые запирались теперь изнутри секретным замком.

Начальник военно-технологического пункта, майор Инджов, встретил гостя с подчеркнутой холодностью. Пока он читал командировочное удостоверение, выданное Институтом археологии Академии наук, Аввакум окинул взглядом его лицо и подумал: «Печальный случай. Этот человек страдает язвой – на столе коробочка с питьевой содой. Лицо у него худое и бледное, зрачки не в меру расширены. Не спал эту ночь – глаза усталые и немного грустные. Ожидал повышения – это видно по новым погонам на поношенном кителе, а получил взыскание, партийное и служебное: одна звездочка снята с погона, от нее остался лишь след».

Майор прочитал командировочное удостоверение и молча вернул его. Затем сухо спросил:

– Что от меня требуется?

– Ничего особенного, – сказал Аввакум. – Я просто зашел представиться вам.

Они замолчали. Было холодно. Воздух от табачного дыма казался синеватым.

– В нашей работе есть много общего, – сказал Аввакум.

– Вы не находите?

– Нет, не нахожу, – ответил майор.

– А почему? – удивился Аввакум. – Вот вы, например, ходите по горам, изучаете местность. То же самое делаю и я – хожу по горам и осматриваю местность.

– Это лишь внешнее сходство, – сказал майор. Аввакум усмехнулся.

– Но все-таки это сходство, не так ли?

Майор не ответил.

– Я хочу установить – приблизительно, конечно, – северные границы Момчиловского царства. Мне необходимо изучить район к югу и юго-востоку от Карабаира и попытаться найти в этих местах какие-нибудь следы этого царства.

– Ищите себе на здоровье, – отрезал майор.

– А вы ничего не припомните такого, что могло бы мне пригодиться? Ведь вы довольно основательно изучили здешние места.

– Ничего такого, что представляло бы для вас интерес, я не заметил.

– Это очень важное обстоятельство! – обрадовался Аввакум. – Раз уж вы – три специалиста – ничего не заметили, значит, и я не замечу, тем более что я один.

– Это ваше дело, – сказал майор.

– Верно, – согласился Аввакум. – Мне нет смысла ходить по тем местам, которые вы исходили: южнее и юго-восточнее Карабаира.

Затем он спросил.

– У вас, наверное, есть координаты обследованной местности?

– Разве картограф может работать без координат? – вышел из себя майор. Он достал сигарету из портсигара и с недовольным видом закурил.

– Прекрасно! – с улыбкой заметил Аввакум. – Дав мне ваши координаты, вы избавите меня от излишних скитаний по здешним кручам.

– На это вы не рассчитывайте, – заявил майор.

– Почему?

– Потому что вы молодой человек и должны приучаться к труду! – Майор посмотрел на него исподлобья. – И потому что моя служба не имеет с вашей ничего общего. И потому, наконец, что я не намерен копаться на складе и терять драгоценное время, чтобы поощрять вашу леность. Вот почему!

– Пожалуйста, – смиренно сказал Аввакум. – Я ведь только спросил.

– Ну вот, а я ответил. – Майор нахмурился еще больше.

– Все же я очень доволен нашим разговором. Позвольте с вами проститься.

Майор подал ему руку.

– Без труда ничего не добьешься, – вздохнул он.

– Да, труд – мать всех благ земных! – засмеялся, прощаясь, Аввакум.

В коридоре его ждал старшина Георгий.

Проходя мимо двери склада, Аввакум уронил цепочку, которую вертел на пальце; он нагнулся, чтоб поднять ее. Выпрямляясь, взглянул на замок и присвистнул от удовольствия. Замок был массивным, как кремневое ружье.

В бодром настроении Аввакум пересек Илязов двор. У него в блокноте были записаны координаты того места, где принимала распоряжения и вела передачу неизвестная радиостанция неизвестного Икс. Еще находясь в Смоляне, он попробовал найти это место на топографической карте и нашел; оно оказалось в гористой местности юго-восточнее Карабаира, примерно в двух километрах от границы. Он сразу же связался с соответствующим пограничным отрядом. Ему сообщили, что район юго-восточнее Карабаира

находится под усиленной охраной и никто другой, кроме геологов момчиловской группы, по тем местам не проходил.

Тогда он запросил у пограничников более точные данные: проходили ли геологи в том секторе, где был засечен радиопередатчик? Погранотряд ответил, что геологи бывали в районе юго-восточнее Карабаира, но появлялись ли они в засеченном пеленгаторами месте, неизвестно.

Аввакум составил себе следующее разведывательное уравнение:

Известные величины	Местонахождение радиопередатчика — Y Район его расположения — Z Время радиопередачи — ночь на 11 августа Пограничные войска гарантируют, что в районе Z проходили только геологи
Неизвестные величины	Находились ли геологи в ночь с 10 на 11 августа в пункте Y или где-нибудь поблизости?

Решение:

Ключ: установить, обозначены ли в разработках военно-геологической группы координаты пункта Y или другие сходные координаты.

Он потому и пошел к начальнику военно-геологического пункта. Однако выудить у него то, что ему требовалось, не смог. Правда, разговор с ним оказался не бесплодным: Аввакум узнал, что столь интересующий его маршрут, по которому геологи двигались из района Z, отражен в их разработках, а они хранятся за массивной дверью складского помещения.

Замок на двери внушительных размеров, но открыть его проще простого. Проникнуть же незаметно на склад было детской забавой.

Теперь в руках Аввакума были уже две улики против неизвестного преступника: координаты радиопередачи десятого августа и два синих волоска.

Расчеты, сделанные им в Смолене, показывали, что вторая радиопередача, состоявшая из таинственных звуков, велась, видимо, из урочища Змеица или вблизи него. Какой смысл допытываться, кто в тех местах бывал? Это неизбежно привлекло бы к себе внимание. К тому же мимо Змеицы проходит дорога на Луки, а по этой дороге днем и ночью снуют повозки и пешеходы.

Другое дело координаты радиопередачи десятого августа и два синих полоска – они заслуживали самого пристального внимания. Теперь надлежало установить, куда ведут эти следы. И настоящие они или ложные. Потому что в разведывательной работе всегда бывают и те и другие.

То, что произошло вчера вечером, несколько осложняло обстановку. Делало ее более неясной и запутанной. Какую роль играл в этой темной истории подмененный камень?

Выйдя с Илязова двора, Аввакум спросил у девочки, которая пасла двух гусынь, где живет ветеринарный врач. Девочка, глядя на него с боязливым любопытством, молча указала на Нижнюю слободу – там находился дом бай Спиридона.

Я опять беру слово, правда, ненадолго, потому что я ни за что на свете не хочу подчеркивать свою роль в этой истории. Голошейей вампир разбудил меня очень рано – он, проклятый, страдал от бессонницы, а мне так хотелось

спать: с вечера я допоздна читал интересный роман. Вообще-то меня романы не привлекают, я человек прикладной науки; романы я читаю только по вечерам, лежа в постели. Словом, в нерабочее время.

Мне ужасно хотелось спать, но я все же встал, оделся наспех и отправился на ферму. Доярка как раз доставала ведро из-под вымени Рашки. Завидев меня, доярка смутилась – я как-никак ветеринарный врач и в вопросах гигиены крайне строг.

Уходя с фермы, я заметил непорядок, или, скорее, небрежность, в своем туалете. Хотя доярки передо мной уже не было (она осталась возле Рашки, смущенная моим слишком ранним приходом), я, кажется, сильно покраснел.

Вернувшись домой, я взялся составлять недельный отчет. Работа не очень спорилась, потому что я часто вспоминал о романе и прочих делах. К тому же дул сильный ветер, и по небу, как ладьи, плыли тучи, а это способно отвлечь, внимание самого сосредоточенного человека.

В таком состоянии меня и застал Аввакум.

Он казался веселым, жизнерадостным, у него было хорошее настроение. Похоже было, что он прекрасно выспался, притом спал сном беззаботного младенца. Я втайне ему завидовал, хотя и сознавал, что у меня перед ним есть ряд преимуществ.

Я смутился, совсем как та доярка, – видимо, меня рассердило то, что его приход прервал мою работу над отчетом.

Он же дружески похлопал меня по плечу и, хотя на столе у него перед глазами лежал отчет, довольно бестактно спросил:

– Что, стихи сочиняешь, поэт?

– Нет, составляю отчет, – возразил я и указал рукой на бумагу.

– А как составляешь – в рифму или белым стихом?

Оставалось только пожать плечами. Мне было не до шуток.

Он уселся напротив меня, достал сигарету и с крайне беззаботным видом закурил. Вообще он держался так, как будто мы были с ним приятели с незапамятных времен. Может, мне следовало рассердиться, сказать, что я не собираюсь попусту тратить время, что, если ему нужен какой совет, пусть пожелует в амбулаторию: я принимаю там ежедневно с десяти до двенадцати. Но, как я ни старался, мне так и не удалось ожесточить против него свое сердце – вопреки всем моим понятиям о дисциплине и порядке мне было приятно, ужасно приятно, что он пришел. Чувство, что вот здесь со мной сидит сильный человек, снова овладело мной.

Но вот с чего он начал разговор, этот сильный человек.

– Послушай, доктор, – сказал он, – ты, конечно, знаешь Балабаницу?

Я даже рот открыл от изумления.

– Это очень славная женщина, – продолжал Аввакум.

– Да, – опомнился я и язвительно спросил: – Только когда же ты успел в этом убедиться?

– В том-то и дело, – засмеялся Аввакум, – что я еще ни в чем не убедился.

– Погоди-ка, – сказал я и обрадовался, что у меня появилась вдруг возможность припереть его к стенке. – Как же в таком случае ты пришел к заключению, что она славная женщина?

– Это только предположение, – пошел на попятную Аввакум. Я был удовлетворен его ответом и замолчал.

Аввакум пустил колечко дыма и вонзил в меня пристальный взгляд.

– Я надеюсь, что ты мне расскажешь кое-что об этой женщине, – сказал он. – Передашь свои личные впечатления или то, что ты слышал от людей. Меня это очень интересует.

Я пожал плечами.

– Сожалею, – сказал я, – но никакого интереса к этой особе я не испытываю. Мне известны лишь некоторые очевидные вещи, то, что ни для кого не тайна. Эта красотка хотя и не первой молодости – отличный работник, у нее есть все данные стать лучшим мастером момчиловской сыроварни. Лично я восхищался, и притом не раз, образцовой чистотой, которую она постоянно поддерживает на своем рабочем месте. Халат у нее всегда ослепительной белизны, ногти на руках коротко подстрижены, волосы спрятаны под безукоризненно чистой косынкой.

– Любовники у нее есть? – спросил Аввакум.

Я посмотрел себе под ноги и замолчал. По этой части у меня не было сведений.

– А не случилось ли, что кто-нибудь перепрыгивал к ней ночью через забор?

Вопрос был слишком грубый, и я имел полное право обидеться, потому что был ветеринарным врачом, и не каким-то там соглядатаем, высматривающим, что делается в чужих дворах. Я снова посмотрел себе под ноги и промолчал.

– Хочешь, чтоб мы стали хорошими друзьями? – спросил совершенно неожиданно Аввакум.

– О, – только и произнес я и сел на кровать – было как-то неучтиво торчать перед ним. Его вопрос ошарашил меня.

– Я очень нуждаюсь в твоей дружбе, – продолжал с улыбкой Аввакум. – В дружбе с таким человеком, который бы мне верил и не думал бы обо мне худо.

– Что ж, ладно, – сказал я и почувствовал, как у меня горят щеки. – Мне кажется, ты человек неплохой.

Тогда у меня не было особых оснований верить в его добродетели, и я изрек эти несколько слов просто так, произвольно.

Он протянул мне руку, и мы улыбнулись друг другу.

Так началась наша дружба.

Затем Аввакум попросил меня разузнать о некоторых интимных сторонах житья-бытья нашей Балабаницы.

– Я научный сотрудник, – сказал Аввакум, – и ни в коем случае не хотел бы нанести ущерб престижу института, который я представляю. Если Балабаница поддерживает какие-нибудь сомнительные связи любовного характера, то мне, разумеется, не место в ее доме. Заинтересованная личность начнет смотреть на меня косо, и, чего доброго, поползут сплетни – на что только не способна ревность! Все это, естественно, не в моих интересах.

После такого вступления, которое меня до крайности удивило своим пуританизмом, Аввакум поторопился уточнить:

– Как мой хороший друг, ты должен узнать, поддерживает ли она с кем-нибудь особо близкие отношения, и если да, то кто этот человек. Разузнать все проще простого от ее соседок, потому что у всех соседок на свете наме-

танный глаз и отлично развитый нюх. Только будь осторожен в расспросах, соседки – народ честолюбивый! Ты иди к соседке ради нее самой, а если дело коснется Балабаницы – делай вид, что тебе это безразлично и что ты не больно к ней расположен. Упаси тебя бог стать на ее сторону, из этого ничего хорошего не получится!

Когда я вышел на улицу, чтобы проводить его, Аввакум прошептал мне:

– Постарайся кое-что разузнать до обеда. От бай Марко мы выйдем вместе, и ты расскажешь мне все, что тебе станет известно.

Стоит ли говорить, что от сознания возложенной на меня задачи я испытывал одновременно и гордость и некоторую растерянность. Во всяком случае, я приступил к ее выполнению довольно бодро и не в меру самоуверенно. Правда, когда я приближался к Надкиному двору – Надка была соседкой Балабаницы, – я почувствовал вдруг слабость в коленях. Видимо, эта слабость была вызвана тем, что я слишком быстро шел.

Надка сидела во дворе и толкла перец. Я любезно поздоровался.

– Как поживаете? Что новенького, какие вести от мужа? Здоров ли он?

Ее муж работал в Мадане.

Надка обернулась ко мне, и на ее белом личике расцвела улыбка.

– Все хорошо, – ответила она. – Слава богу.

– Очень рад, – сказал я. Постояв немного у открытой калитки, я заговорил снова: – А как ваш боровок, есть аппетит?

– Он и меня скоро сожрет, проклятый! – засмеялась Надка. Затем она вздохнула и добавила озабоченно: – А все тощий какой-то, совсем не нагуливает жир, не то что человек.

Она отставила ступку в сторону и поднялась со своего стульчика. Надка была маленькая, белолицая и круглощечная, как луна.

– Заходи, – пригласила она меня. – Может, пропишешь ему чего. Я тут же согласился.

Мы вошли в свинарник.

Надкин боров лежал ничком и тяжело пыхтел. Заплавший жиром, он напоминал гигантский пузырь вольнки с глазами и ножками.

– Ничего страшного нет, – сказал я. – К рождеству нагуляет.

Надка взглянула на меня доверчиво и снова вздохнула, но на этот раз вздох ее не был таким горестным.

– Очень рад за вас, – сказал я.

Мы все стояли и смотрели на борова. Кроме него, поблизости не было ни одной живой души. Надка молчала.

– Очень рад, – повторил я. И спросил: – А как свинья у Балабаницы, хорошо ест?

Она схватилась за бока и расхохоталась.

– И придумает же доктор! – сказала она. – Зачем Балабанице свинья?

– Мало ли зачем, – возразил я. – Женщина и замуж может выйти, всякое бывает!

– Это она-то?! – в Надкиных глазах вспыхнул недобрый огонек. – Больно ей нужен муж, когда к ней по ночам через плетень лазят...

Я на самом деле удивился.

– Надка, вы это серьезно говорите?

Она будто даже обиделась.

– Что же, по-твоему, я выдумываю? Пока учитель не начал увиваться за той, за вдовой лесничего, она меньше хвостом крутила, на что-то надеялась. Да и с учителем ей неплохо было.

– А сейчас? – спросил я и нетерпеливо сглотнул.

– Сейчас? – Она подошла ко мне так близко, что я почти ощущал ее дыхание. – Балабаница не из тех, что гоняются за мелюзгой, – сказала она.

– А может, тебе только так кажется, – подзадоривал я ее.

Я перешел с ней на «ты», потому что мы стояли, почти касаясь друг друга.

– Как это «кажется»? – повысили голосок Надка. – Собственными глазами видела, как майоров помощник приходил к ней в гости. – Она немного помолчала. – А он ни с того ни с сего в гости к ней ходить не станет.

От радости у меня заколотилось сердце.

Мы были одни. Кроме борова, возле нас не было ни живой души.

– Надка, – сказал я и чуть отстранился. – Твой боров к рождеству непременно прибавит в весе. Будет неплохо, если ты малость уменьшишь его дневной рацион, иначе у него не окажется мяса даже на приличное жаркое!

Я говорю, а она смотрит на меня с как будто не очень-то верит моим словам. На лице ее удивление и даже какое-то недовольство. Видно, ей не понравился мой прогноз относительно ее борова.

Обед в этот день прошел очень весело: бай Марко подал нам жареного петуха, теплый калач, брынзу и горький перец. Вино было густое, черное, от него исходил аромат разогретого на солнце янтаря.

Боян Ичеренский подозвал к себе Аввакума, чокнулся с ним, похлопал его весьма покровительственно по плечу и спросил:

– Ну, как ты провел ночь на момчиловской земле, любезный историк? Спокойно ли тебе спалось, не нарушило ли что твой покой?

– Благодарю! – Аввакум отпил немного вина. – В общем провел я ночь неплохо. Случилось, правда, одно происшествие: какой-то субъект, вероятно, по ошибке, чуть было не вломился ко мне в комнату. Я любопытствовал, кто он, этот тип, мне захотелось подробнее осведомить его о расположении комнат; увидеть его мне не удалось – он оказался проворней меня и успел улизнуть раньше, чем я поднялся.

Ичеренский и капитан захохотали. Затем Ичеренский сказал:

– Не стоило преследовать беднягу. Он шел не с дурными намерениями, уверяю тебя. Видимо, это был какой-то неисправимый ревнивец: решил проверить, не засиделась ли случайно его возлюбленная у нового квартиранта дольше, чем полагается. Отелло встречаются повсюду – и в Момчилове они есть. Ты должен привыкать к подобным вещам!

– Господи боже мой, но ведь у меня жена к маленькие детки, – вздохнул Аввакум. – Что же с ними будет?

– Веди добродетельную жизнь! – наставнически изрек геолог.

– Глупости! – возразил капитан. Он обернулся к Аввакуму – Отдубась ревнивца как следует, и он успокоится... Ради Балабаницы стоит потрудиться!

Они продолжали шутить в том же духе, но тут вмешался бай Гроздан.

– Ребята, это уж слишком, мне подобные шутки не нравятся. Балабаница – женщина порядочная. К тому же на ней вся наша сыроварня держится, и вообще мы ею довольны. Это серьезный человек.

– Любовь витает всюду! – философски заметил капитан. Поскольку разговор зашел о любви, Ичеренский опять, взял слово.

– Любовь – чрезвычайно интересное явление, – сказал он. – Возьмем, к примеру, их милость, – он указал на капитана. – Для него благородное чувство – вроде бы то же самое, что «здравствуй» и «до свидания». Для моего друга Кузмана Христофорова любовь – это египетские письмена. Он даже и не подумает ломать над ними голову! Для товарища ветеринара любовь – это вздохи и бессонница. Но бессонница в собственной постели! Бай Гроздан практичнее вас, для нею любовь это домик, здоровые дети и верная жена. Такое понимание любви – самое здоровое и полезное для общества. А для вашего покорного слуги любовь – это забота. Но забота, которая приносит и радость, и страдание, и большое наслаждение, и всевозможные тревоги.

Вы знаете, что каждую субботу я после работы уезжаю и Пловдив. Если вы думаете, что эти поездки полны романтики, вы глубоко ошибаетесь. Судите сами! В Пловдив

я приезжаю к вечеру. Подыскав в какой-нибудь гостинице комнату, я звоню жене. Она, бедняжка, живет у своей тетки, ее там поместили в комнате вместе с детьми, и вы сами понимаете, что ночевать там мне крайне неудобно.

В один такой вечер, кажется это было тогда, когда произошла эта история с Методием Парашкевовым, я чуть бы то не подрался с дежурным администратором «Тримонциума». Этот тип хотел сунуть меня в убогую комнатушку на четвертом этаже! Вы только подумайте – двести километров пути, чтобы провести ночь любви на четвертом этаже! Но у меня хватило упорства, и я получил номерок двумя этажами ниже, с ванной и со всеми прочими удобствами, которые так необходимы в подобных случаях: ведь мы с женой имеем в своем распоряжении лишь несколько часов в неделю.

Вот с какой романтикой связаны мои поездки в Пловдив. Но я не жалею. Я ездил и буду ездить, пока живу в Момчилове. В дальнейшем будет то же самое, потому что такова моя профессия – скитаться по горам и лесам. И вот порой приходит мне в голову мысль: был ли бы я счастлив, если бы вел оседлый образ жизни и, так сказать, держался за юбку жены? Едва ли! Это было бы существование без забот и тревог. А такое существование похоже на дом без очага. Заботы и тревоги – без них, друзья, нет настоящего счастья в нашей жизни!

Он отпил из своего стакана и немного помолчал. Словно бы тень легла на его лицо. Потом он тряхнул головой, окинул нас взглядом и усмехнулся.

– Мы с вами заговорили о том, что такое любовь. Позвольте по этому случаю рассказать вам одну маленькую

историю, связанную с личностью нашего бедного учителя Методия. Может быть, он будет повешен, как предсказывает мой новый сосед по столу, и, вероятно, будет заслуженно повешен, но нам не следует наряду с плохим забывать и то хорошее, что носил в своей душе этот человек.

О тех добрых делах, которые он делал для момчиловцев, о том, как он научил их разводить пчел и фруктовые сады, получать более жирную брынзу, – обо всем этом вам может более подробно рассказать бай Гроздан, так как это относился к сфере его интересов. Я расскажу лишь об одном случае более интимного свойства. Прежде всего я должен заметить, что Методий считал меня своим другом, потому что я много помогал ему в его занятиях микрометрией и кристаллографией. Надумал он как-то собрать для школы большую коллекцию, но ему не доставало опыта, поэтому он пользовался моей скромной помощью. С научной точки зрения он был обыкновенный дилетант и в известной мере маньяк. Но в его дилетантстве, в его мании великих открытий было что-то очень благородное и возвышенное, и это заставляло меня относиться к нему сочувственно и закрывать глаза на смешное. Он считал меня своим другом и, хотя был человеком неразговорчивым, иногда поверял мне, особенно после стакана вина, и свои маленькие тайны.

Так вот она, история, о которой идет речь. Как вы убедитесь, она находится в прямой связи с нашим разговором о любви.

Три года назад в Момчилово прибыл новый участковый лесничий. Лесничий оказался прекрасным охотником, и между ним и Методием установилась замечательная

дружба. Люди думают, что их связывала общая страсть к охоте. Но истина кроется не только в этом. Дружеские чувства лесничего к Методию, может, и основывались на этом. Но для самого Методия куда значительнее было другое – поздняя любовь. Вы, вероятно, догадываетесь, я имею в виду жену лесничего и нашего старого холостяка.

Она лет на десять моложе своего мужа. У нее есть девочка, которая тогда жила у бабушки, потому что Момчилово находится на краю света, да и лесничий тоже не собирался поселяться тут надолго. Женщина эта – существо хрупкое, миловидное, – казалось, совсем не подходила для огрубевшего учителя. Потому-то и любовь их была необычной – она чувствовалась лишь в их глазах, в голосе, в их несмелых рукопожатиях, когда они говорили друг другу «добрый день» и «до свидания».

И вот, к великому огорчению Балабаницы, Методий стал все чаще и чаще навещать лесничего. Носил туда зайцев и фазанов, пил там кофе и холодный айран.

Однажды – это было зимой – друзья решили пойти поохотиться на волков. Они уже вышли из дому, как вдруг Методий заметил, что забыл шерстяной шарф. Он возвратился, чтобы взять шарф; что там произошло – одному богу известно, но когда он догнал лесничего, он был смущен и все время смотрел себе под ноги. Не подумайте чего-нибудь плохого – он задержался в доме лесничего не больше одной минуты. За это время нельзя даже и поцеловаться как следует. Однако он шел позади лесничего и смотрел себе под ноги.

Вы, вероятно, знаете, чем кончилась эта охота: лесничего в одном из ущелий Змеицы растерзали волки. Опус-

тился густой туман, и друзья потеряли друг друга из виду; когда стая волков набросилась на лесничего, Методий был от него далеко, и, пока он бежал к нему на помощь, звери перегрызли лесничему горло, обглодали лицо и руки.

Что же произошло потом?

Потом Методий, перебиваясь сам, как говорится, с хлеба на воду, собрал деньжат и купил для вдовы подержанную вязальную машину. Она взяла девочку к себе, записала ее в момчиловскую школу. Каждый месяц Методий треть своего жалованья посылал по почте на имя ребенка.

И все это в память о той чудесной минуте, когда он вошел к ним в дом, чтобы взять забытый на лавке шарф.

Может быть, вы думаете, что за прошедшее после трагической гибели лесничего время это чудесное мгновение превратилось во взаимную любовь?

Вот в этом-то и суть вопроса, что такое любовь, с которого начался наш разговор. Для моего друга Кузмана Христофорова любовь – это загадочные письма. Для ветеринара – вздохи в одиночестве. А для Методия Парашкевова – получасовая беседа с вдовой лесничего за чашкой кофе, и непременно на дворе, под открытым небом; если же льет дождь или воет вьюга, беседа происходит на кухне, возле гудящей печки, и всегда в присутствии маленькой дочки.

Вот что называется любовью у такого человека, каким был Методий Парашкевов. Я говорю о нем в прошедшем времени, поскольку мой замечательный сосед справа утверждает, что его повесят. Но если его пророчество не сбудется, и дай бог, чтобы оно не сбылось, я опять посажу его справа от себя, а их милость поставлю у двери: пусть слушает нас оттуда, как провинившийся школьник.

Ичеренский закончил свой рассказ и умолк.

Мы все молчали. И Аввакум тоже. А капитан стал очень грустным и смотрел куда-то в сторону.

Геологи отправились в Илязов дом. Аввакум все вертелся возле мотоциклов, принадлежащих Ичеренскому и капитану; он разглядывал их с огромным любопытством и даже трогал рукой.

Что же касается меня, то я никогда не питал слабости к этому довольно опасному виду транспорта; я даже слышал, что мотоциклисты часто страдают от ревматизма коленного сустава.

Небо опять заволокло тучами, густая серая мгла окутала темя Карабаира. Улицы опустели. Начал моросить дождь.

– Ну, Анастасий, – обратился ко мне Аввакум. – Узнал что-нибудь?

После некоторого колебания я собрался с духом и назвал имя геолога.

Я ожидал, что Аввакум будет очень удивлен и засыплет меня вопросами. Но он только устало зевнул и с поразительным равнодушием протянул мне на прощание руку.

22

Не успел Аввакум дойти до дома Балабаницы, как ему повстречался бай Гроздан.

– Ты что, забыл о нашем уговоре? – сердито, с усмешкой спросил Аввакум.

– Я-то не забыл, да вот лимонад кончился! – досадливо развел руками бай Гроздан.

Он сообщил ему, что ходил в сельский кооператив, узнавал о пряже, и там ему сказали, что такого товара не было и не могло быть. Они вдвоем с секретарем партийной организации силились вспомнить, кто зимой носит перчатки из синей пряжи, и в конце концов пришли к убеждению, что в Момчилове не появлялся человек – ни свой, ни чужой, – на руках у которого были синие перчатки.

– Не клеится у меня с этим делом, – вздохнул бай Гроздан. – Ничего не получается. А что касается той ночи, про которую ты меня спрашивал, то тут вот какая история. Балабаница была в сыроварне. Ее смена заступила вечером и ушла утром, с восходом солнца. Так что Балабаница не была дома всю ночь. Дед Манаси, хозяин Кузмана Христофорова – инженера, значит, – тот оставался на пасеке с предыдущего дня. Ичеренский, как ты знаешь, каждую субботу уезжает в Пловдив. А капитан в тот вечер был на посиделках в селе Луки. Вот они какие, мои сведения. Больше я ничего не знаю.

Аввакум огляделся по сторонам, вынул из плаща платочек и начал старательно чистить свои ботинки.

Во дворе напротив Надка сердито разгоняла кур.

– Спасибо тебе за помощь, – сказал Аввакум, отворяя калитку. – Кое-что из того, что ты упомянул, очень интересно. Буду иметь это в виду!

Он поднялся к себе в комнату, лег на кровать и так, не шевелясь, пролежал больше часа.

Окно было раскрыто, и сквозь редкие ветки суковатой сосны проглядывали осыпи придавленной тяжелыми тучами, окутанной туманом Змеицы. Тянуло холодом, по подоконнику стучали дождевые капли. Наверху, на чердаке, поскрипывала дверь, которую забыли закрыть.

Что он будет иметь в виду? Он сказал председателю, что будет что-то иметь в виду. Но что? Нити запутывались все больше и больше, следы настоящего преступника, вместо того, чтобы вырисовываться яснее, начинали исчезать, теряться в какой-то непроглядной мгле, вроде той, что окутала Змеицу.

К тому же его вдруг одолела усталость, мысли рассеивались, он ни как не мог сосредоточиться на том главном, над которым размышлял дни и ночи подряд. Этого главного как будто вовсе не было – он знает лишь цепь ненужных и незначительных фактов.

Он прислонился к стене и закрыл глаза.

Эта дрема продолжалась всего пятнадцать минут. Он встал, расправил плечи – от сырости его пробирала дрожь, – закурил и начал по привычке расхаживать взад-вперед по комнате.

Какой-то человек в синих перчатках разбил окно военно-геологического пункта и украл важный чертеж стратегического значения.

Аввакум подумал: «А ну-ка, начнем отсюда – с перчаток».

Итак, преступник действовал в перчатках... Почему? Естественно, чтобы не оставить следов своих пальцев! Но какой преступник действует в перчатках? В перчатках действует тот, над чьей головой уже висит какая-то опасность, – человек, играющий с огнем и имеющий намерение продолжать свою игру. Случайный преступник не станет прибегать к таким мерам предосторожности. Случайный преступник не замешан в преступлениях и не станет помышлять о новых. Над ним не тяготеют никакие подозре-

ния, он не связан с другими преступниками, которые, будучи раскрытыми, могли бы навлечь беду на его голову. Следовательно, он не нуждается в подобных мерах предосторожности. Таким образом, человек, проникший на пункт, боится разоблачения, он прилагает усилия к тому, чтобы остаться неразоблаченным, значит, он вообще замешан в опасной и преступной деятельности.

Аввакум нагнулся, посмотрел в окно, затем опять начал ходить по комнате.

Он снова ухватился за пойманную нить.

Председатель и секретарь партийной организации утверждают, что не встречали в селе человека, который носил бы синие перчатки. Этим людям надо верить; и тот и другой не отсиживаются дома у печи, они местные жители и знают здешних людей до девятого колена. Притом синяя пряжа в селькоопе не продавалась, и надо полагать, что такая пряжа не поставляется и селькоопам других сел. В этом районе хорошо развито овцеводство, каждая семья получает шерсть на трудодни, и любая хозяйка сама в состоянии сделать себе несколько мотков пряжи. Но такая пряжа груба и жестка, волоконца у нее короткие и не выются в спирали и колечки. А волоски, которые он обнаружил среди железных опилок и на чешуйках сосновой коры, длинные и в завитках, словно кусочки микроскопической пружины. Вывод прост — синие перчатки неизвестного связаны из мягкой фабричной шерсти. Пряжа из такой шерсти продается только в больших городах.

В больших городах продают и готовые перчатки. Он видел такие перчатки, и не в одном магазине. Но ни в одном магазине он не видел перчаток из пряжи, окрашенной в

синий цвет. Среди готовых перчаток попадались бежевые, серые. Иных в продаже не бывает. Следовательно, синие перчатки Икса сделаны из фабричной пряжи, но связаны «частным образом» в Момчилове женщиной, которая систематически занимается вязанием, доставая пряжу в городе.

Есть ли в Момчилове такая женщина? Есть. Это вдова лесничего, которого растерзали волки в Змеице. Женщина, которую Методий Парашкевов любил и, может быть, любит и поныне. Разумеется, нет никаких оснований утверждать, что именно эта женщина связала перчатки неизвестному преступнику. Тем не менее это факт, достойный серьезного внимания.

Аввакум достал записную книжку, оперся на стол и записал: «1. Проверить, вязала ли вдова лесничего перчатки из синей фабричной пряжи в начале весны».

Он улыбнулся. Безусловно, в начале весны! Если бы она связала до того, как кончилась зима, Икс носил бы их в зимние холода, и в этом случае кто-нибудь да заметил бы, что в Момчилове есть человек, который носит синие перчатки.

Он закрыл блокнот и продолжил расхаживать между кроватью и рабочим столом Методия Парашкевова.

Обычно люди запасаются перчатками поздней осенью или в самом начале зимы. Никто не покупает теплых шерстяных перчаток весной. Это может случиться лишь в особых случаях, когда какие-нибудь необычные обстоятельства заставляют купить или заказать такие перчатки. Если удастся установить, что вдова лесничего вязала шерстяные перчатки из синей пряжи в течение весны или

лета, то тот, кто их заказывал, безусловно, имел в виду нечто необычное. Стремление скрыть следы собственных пальцев и есть это нечто необычное.

Аввакум тихонько присвистнул и остановился посреди комнаты.

Но разве для этой цели негодились бы самые обыкновенные кожаные перчатки? Такие перчатки продаются в любом городе, их столько везде, что, как говорится, хоть пруд пруди.

Обзавестись человеку кожаными перчатками — раз плюнуть. Нужно только, чтоб он жил в городе, где есть магазины, торгующие подобным товаром! Но если человек живет в деревне, притом в летнее время, и обстоятельства вынуждают его в предельно короткий срок, в какой-то день-два, сделать нечто необычное, для чего необходимы перчатки, как тогда? И если он не хочет ввиду особых обстоятельств брать их «взаймы»? И у него нет возможности вырваться в город, чтобы купить их? В таком случае он, естественно, воспользуется тем, что доступно, то есть тем, что можно без труда достать на месте.

Аввакум усмехнулся и удовлетворенно потер руки. Синие шерстинки подсказали ему еще две интересные вещи: неизвестный вынужден был выполнять свою задачу в предельно короткий срок и без предварительной подготовки; это лицо состоит на такой службе, которая не позволяет ему незаметно в течение дня отлучаться, оставлять своих знакомых и коллег даже на несколько часов!

Воистину благословенны эти разговорчивые шерстинки.

Аввакум громко рассмеялся.

«Это признак усталости, – подумал он. – Мне не свойственно так смеяться».

Затем он спустился во двор, чтоб проверить, вернулись ли с работы Балабаница. Ни в доме, ни во дворе никого не было.

Закрывшись на ключ у себя в комнате, Аввакум отпер секретный замок чемодана и осторожно достал оттуда портативную радиостанцию. Он раскрыл ту страницу записной книжки, где был записан шифр, наладил связь и заработал ключом. Менее чем за минуту он передал в эфир свою первую шифrogramму из Момчилова. Она была крайне лаконична: «Немедленно устройте выезд из села группы геологов хотя бы на одни сутки». И на этом кончил. Он снова спрятал радиостанцию и задвинул чемодан под кровать.

Начало смеркаться.

Надев спортивную куртку, он пересек двор. Теперь видимые сквозь тонкую сеть дождя запустелые хозяйственные постройки казались еще более мрачными и безнадежно заброшенными. Недоставало лишь традиционного ворона на прохудившейся крыше амбара, чтобы картина казалась полностью выдержанной в зловещем духе криминальных романов.

Аввакум засучил рукава куртки, положил на колоду полено и принялся колоть его. Наколов добрую охапку дров, он вдруг почувствовал, что кто-то стоит за его спиной. Он знал, что это Балабаница, но делал вид, что не замечает ее.

А она, после того как некоторое время молча наблюдала за ним, звонко, с насмешкой сказала:

– Смотри, какой молодец! А мне и в голову не приходило, что объявится такой помощник!

Аввакум отбросил топор и улыбнулся.

– А ты, может, еще воз дров привезешь?

Он подошел к женщине и внимательно посмотрел ей в лицо. Косынка ее намокла, капельки дождя блестели и в упавших на лоб прядях волос. От нее и от ее кунтушика, обшитого лисьим мехом, исходил пьянящий запах свежести.

– Хочу, чтобы в нашем очаге горел сегодня большой огонь, – сказал Аввакум.

Балабаница молча смотрела на него.

– Чтобы ты могла согреться и отдохнуть после трудового дня, – добавил он, вдыхая исходящий от нее запах свежести.

Она подошла к колоде и, присев на корточки, стала складывать в передник наколотые дрова.

– Я не устала и не замерзла, – сказала она.

Войдя в дом, они развели в очаге огонь, и в комнате стало светло и весело. Потрескивали дрова, по стенам заплясали розовые языки. Медные котелки в углу стали золотыми.

В законченной трубе порой слышались завывания ветра. Иногда на угли падали одинокие капли дождя.

Пока в висящем над огнем котелке клочкотал картофель, Балабаница, присев на стульчик возле Аввакума и опершись голыми локтями на колени, кротко, задумчиво улыбаясь, глядела на почерневшую цепь.

– Послушай, Балабаница, – заговорил Аввакум, потягивая трубочку. – Если я попрошу тебя кое о чем, ты исполнишь мою просьбу?

Она посмотрела на него искоса, не поворачивая головы, и пожала плечами.

– Раз ты был сегодня у меня работником, то, выходит, я у тебя в долгу! – И засмеялась звонким, раскатистым смехом. – Говори, какую плату требуешь, я ведь должна знать твою цену!

Аввакум вытряс над очагом из трубки пепел и потом еще раз-другой стукнул ею о ладонь.

– Плату я потребую очень высокую, – сказал он.

От ее мокрого передника струился пар. Она приподняла его, ее крепкие ноги, освещенные пламенем, казались отлитыми из меди.

– Хочу, чтобы ты мне спела какую-нибудь старинную песню, – продолжал Аввакум.

Балабаница молчала некоторое время, глядя в сторону.

– Только одну? – спросила она.

Аввакум кивнул головой.

– Не такая уж я песельница, – вздохнув, сказала Балабаница. – Но раз ты просишь – так уж и быть! Сегодняшний вечер ты в моем доме хозяин.

Она склонила набок голову, словно читая невидимые строки на черном своде очага, потом, прикрыв глаза, запела:

*Девушка-раскрасавица,
Правду узнать хочу я,
Правду открой, скажи мне:
С неба ль ты к нам упала,
Из-под земли ль явилась?
Нет тебя лучше на свете,
Белолицей и румяной,
Румяной и черноокой.*

Балабаница помолчала мгновение, потом отвела глаза от очага, взглянула Аввакуму в лицо и лукаво усмехнулась.

*Ой, молодец, ой, разудалый,
Ни с неба я не упала,
Ни из-под земли не явилась.
Мать родила меня, парень,
Парным молоком поила,
Черным виноградом кормила,
Хмельным вином угощала.
От молока белолица,
В очах моих цвет виноградин,
Вино дало мне румянец.*

Она наклонилась, чтоб перевернуть в очаге головешки; при этом вырез ее ситцевой блузки широко открылся.

– Ты, наверно, тоже была, как лесная русалка, – сказал Аввакум.

– А нешто я сейчас нехороша? – стрельнув глазами, спросила Балабаница, и блузка на ее груди туго натянулась.

– Наоборот, сейчас ты стоишь двух русалок, – засмеялся Аввакум. Он чувствовал, что глаза его говорят больше, чем нужно, и потому зевнул с видом усталого человека, расправил плечи и встал.

– Ты что ж, уходишь? – спросила Балабаница, глядя на него со своего стульчика с грустью и удивлением.

– Нужно, – сказал Аввакум, – обещал своим приятелям-геологам зайти.

Она ничего не сказала. Посмотрела рассеянно на огонь, на клекотавший котелок и чуть слышно вздохнула.

У Аввакума сжалось сердце: в этой просторной комнате, празднично освещенной буйным огнем, Балабаница выглядела очень одинокой.

– Я могу и не ходить, – сказал Аввакум.

Она посмотрела на него снизу вверх и кротко улыбнулась.

– Ступай, а то будут тебя зря дожидаться! Я перекушу немного и лягу спать. Чего ради томиться тебе одному дома?

23

Утро выдалось холодное, мглистое. Аввакум натянул теплый свитер и подумал: куртку надеть или плащ? Куртка удобнее, но он предпочел плащ – в нем глубокие внутренние карманы, в которые вмещалось все самое необходимое. Балабаница уже ушла.

Отворяя калитку, Аввакум усмехнулся. «От молока белолица, в очах моих цвет виноградин, вино дало мне румянец», – вспомнил он слова песни и снова усмехнулся. А в сердце, сам не зная почему, чувствовал непонятную печаль.

Сегодня бай Марко накормил его парой вареных яиц и куском брынзы. Аввакум расспросил его, где живут геологи. Потом, когда полез в карман, чтоб достать деньги, усатый момчиловский метрдотель пренебрежительно махнул рукой.

– Слушай, парень, – сказал он ему, – зачем тебе каждый раз беспокоиться и меня затруднять? Мы с твоими приятелями завели тут такой порядок: каждый в начале месяца платит наперед одну сотенную, а я даю ему блокнотик. Он

каждый день записывает расход, а когда приходит тридцатое число, я предлагаю ему подсчитать: если дал больше денег – возвращаю, если мне должен – беру с него разницу сверх ста левов. И ему удобно и мне облегчение. Хочешь, и мы с тобой договоримся так же?

Аввакум пожал плечами: ему, мол, все равно.

Бай Марко достал из-под стойки несколько блокнотиков и подал ему. Это были обыкновенные блокнотики, с бумагой в клеточку. На обложке первого было написано химическим карандашом: «Кап. М. Калудиев». Половина страниц блокнота была исписана нечетким почерком аптекарей. Второй блокнот принадлежал Кузману Христофорову. Этот мрачный и замкнутый человек писал крупными красивыми закругленными буквами, как настоящий художник-каллиграф. «Даже не верится», – подумал Аввакум. В третьем блокнотике были записи Ичеренского. Его сильная рука писала четко, но буквы были мелкие-мелкие. Каждая строчка в этом блокнотике напоминала нитку самого мелкого бисера, какой только можно найти в сельской лавке. «Попробуй определи характер по этим почеркам», – усмехнулся Аввакум и бросил блокнотики на стойку.

Он оставил аванс, как предложил ему бай Марко, спросил, где дом вдовы лесничего, и вышел на улицу. Моросил холодный, почти невидимый дождик.

Вдова лесничего Мария жила выше Илязова дома, за пустошью, отделяющей центральную часть села от Верхней слободы. Пустошь, местами бугристая, местами изрезанная неглубокими оврагами, сплошь заросла мелким кустарником и ослиными колючками. Ее пересекало не-

сколько извилистых тропинок, но сравнительно прямая и наиболее удобная шла мимо дома Марии. Тут она круто сворачивала на юг и выходила на проселочную дорогу, которая, огибая Змеицу, ведет в Луки.

Дом вдовы лесничего был низкий, как и большинство момчиловских домов, деревянный, крытый плитняком, но чистый, побеленный известью; на окнах вышитые занавесочки. Посреди дворика – раскидистая груша, под нею широкая скамейка, а вблизи дома клумбочки с дикой геранью и пышными георгинами.

Аввакум постучал в дверь, потом, подождав, постучал еще. Никто не открывал. Когда он, уже собравшись уходить, вышел на тропу, из-за соседского плетня высунула голову какая-то старуха; смерив его недоверчивым взглядом, она сказала, что Мария пошла за молоком и вернется не раньше чем через полчаса.

Аввакум снова пересек пустошь, постоял над обрывчиком, откуда Методий спрыгивал в Илязов двор, и вдруг заметил, что там сегодня царит необычное оживление. Обойдя забор, он вошел во двор, как подобает, через ворота.

Под могучим вязом стояли два кротких мула, и геологи навьючивали на них всевозможную поклажу. В сущности, этим делом были заняты Ичеренский и капитан, а Кузман Христофоров курил в сторонке и рассеянно смотрел себе под ноги. Старшина Георгий и погонщик мулов привязывали веревкой большой тюк.

– Куда это вы собрались, друзья? – спросил удивленно и немного грустно Аввакум. – Если меня не обманывают глаза, вы готовитесь в дальний путь?

– Как в воду смотрел! – улыбнулся капитан и сдвинул на затылок фуражку.

Ичеренский словно не замечал присутствия Аввакума. Он с сосредоточенным видом рылся в каком-то мешке.

– Уезжаем, дорогой! – весело добавил капитан и указал рукой на юг, – Долг зовет нас на новые подвиги на ниве мирного труда.

– Ты все видишь одни только подвиги! – погрозил ему пальцем Ичеренский. – Шагомер-то забыл взять?

Капитан побежал за шагомером. Только теперь Ичеренский повернул голову к Аввакуму и, не произнося ни слова, взглянул ему прямо в глаза.

– Далеко собираетесь? – спросил Аввакум.

– Тебе бы лучше не задавать неуместных вопросов, – глухо ответил Ичеренский. – И не проявлять любопытства относительно дел, кои не находятся ни в какой связи с работой, для которой тебя сюда прислали.

– Да ну! – воскликнул Аввакум и усмехнулся. – А я именно в связи с работой и спрашиваю. Вы, вероятно, будете странствовать по тем местам, которые и меня интересуют.

– Где мы будем странствовать, это наше дело, – хмуро заметил Ичеренский. Затем, глядя на него исподлобья, пробурчал: – И нечего совать нос куда не следует. У тебя есть эта дурная привычка. Гляди, чего доброго, останешься без носа!

Сейчас он был совсем не похож на Ичеренского из старой корчмы.

– Упаси бог! – сказал Аввакум. – Я очень дорожу своим носом. И вообще, я о нем очень высокого мнения. Спасибо за добрый совет!

Он коснулся рукой кепки, кивнул на прощание Кузману и пошел. Проходя мимо старшины, он спросил:

– Ваша милость будет командовать обозом?

– Чего ради! – пожав плечами, возразил Георгий.

– Очень хорошо, – усмехнулся Аввакум. – Сейчас ведь сыро, передвигаться тяжело.

По-прежнему моросил мелкий дождь.

Аввакум пошел по дороге на Луки, потом свернул налево и взобрался на один из многочисленных небольших холмов на подступах к Змеице. Он укрылся среди зарослей кустарника, достал трубку и закурил.

Примерно через час показался караван геологов. Первым шел майор. За ним Ичеренский и капитан – эти двое рядом. Следом тащились два мула. В арьергарде – Кузман Христофоров и погонщик.

Когда караван, огибая холмы, скрылся из виду, Аввакум поднялся, постоял немного в раздумье, затем обернулся и начал торопливо продираться сквозь кустарник в западном направлении. Его предположение оказалось верным: минут через десять он вышел на широкую тропу и, шагая по ней, скоро очутился перед маленьким домиком лесничего.

Вдова лесничего Мария действительно была созданием хрупким и миловидным. У нее были худенькие плечи, грустные голубые глаза и маленький рот. Она улыбалась смущенно и печально, наклонив набок голову, и чем-то напоминала белокурых куколок, которых часто дарят маленьким девочкам.

Стоя у порога своего домика, она слушала Аввакума, тихим, теплым голоском отвечала на его вопросы и смущенно посматривала на соседний двор.

– Похоже, что эта соседка проявляет большое любопытство к вашим заказчикам? – спросил Аввакум, спокойно набивая трубку.

Она не ответила, только опустила голову.

– Я узнал, что вы вяжете замечательные перчатки, – сказал Аввакум. – У меня такая работа, что большую часть времени приходится быть на улице. Поэтому я пришел просить вас, чтобы вы как можно скорее связали мне хорошие перчатки. Можно это сделать?

– Можно, – ответила вязальщица. – Только вы должны принести пряжу.

– Я разве у вас нет своей? – удивился Аввакум.

Она отрицательно покачала головой.

– Это очень досадно, – вздохнул Аввакум и поднес к трубке спичку – Жаль. Я видел перчатки из синей шерсти вашей работы, и они мне очень понравились. Я хотел, чтобы вы и мне связали такие же.

– Сейчас у меня нет такой шерсти, – сказала Мария.

– Когда же вы успели ее израсходовать? – возроптал Аввакум. – Еще несколько дней назад она у вас была, а теперь уже нет!

Наморщив лоб, она взглянула на свои маленькие худые руки и едва слышно вздохнула.

– Где там несколько дней, – возразила она. – Синяя шерсть у меня кончилась давно, летом. Ее было очень мало. Я берегла для себя...

– Понимаю, – сказал Аввакум. – Вы голубоглазая, и синий цвет вам идет. Вам надо было сохранить эту шерсть для себя, а этому... – Он потер лоб и с досадой махнул рукой. – ...Ах, будь он неладен, забыл, как его зовут!

– Кузман Христофоров, – подсказала ему Мария. Аввакум сделал глубокую затяжку и помолчал.

– Кузман Христофоров, – повторил он. – Да... Повезло человеку! Почему бы вам было не связать ему перчатки из другой пряжи?

– Другой не нашлось, а он очень торопил меня.

Она повела плечами и взглянула на дверь.

– Очень жаль, – сказал Аввакум и улыбнулся. – Извините, что я заболтался и задержал вас.

Ее бледные щеки покрылись румянцем.

Перед тем как выйти со двора, он вдруг обернулся и указал рукой на широкую скамейку под грушей.

– Вот тут отдыхал ваш добрый знакомый, бедный учитель Методий, в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа, не правда ли?

Вязальщица так и замерла на месте, словно оцепенела.

– Не бойтесь, – мягко сказал Аввакум. – Я его друг, и он мне кое-что поверял.

И он быстро вышел на улицу. Но, едва сделав несколько шагов, почувствовал, как сердце его пронзила острая жалость: она, словно колючка, вонзалась все глубже, огнем жгла тело, сковывала ноги.

Он решительно повернул обратно, толкнул калитку и очень обрадовался, когда увидел, что женщина по-прежнему стоит посреди двора.

– Чуть было не забыл, – сказал Аввакум, подойдя к ней.

Он сунул руку в бездонный карман своего плаща, достал оттуда красивую авторучку с золотым пером и маленьким рубином на колпачке. Он хранил ее как память о Советском Союзе, куда ездил в научную командировку два года назад.

– Эту ручку учитель Методий посылает вашей девочке. Чтобы она писала ею свои домашние упражнения...

Женщина взяла ручку, и, как ни старалась быть спокойной, в уголках ее глаз блеснули слезы.

– Вы не тревожьтесь, – стал успокаивать ее Аввакум. – Верьте в то, что эта большая неприятность кончится благополучно. Может быть, он вернется в село еще до первого снега.

Шагая по тропе, Аввакум больше не чувствовал у себя на ногах жести кандалов. Разумеется, это был сентиментальный поступок: он хмурился, стыдясь собственной слабости. Но ему стало легче, и он даже принялся насвистывать.

24

Домик деда Манаси находился на западном краю села, недалеко от дороги, которая связывает Момчилово с Пловдивским шоссе. Перед домом раскинулась лужайка, а двор с хозяйственными постройками позади дома граничил со спускающимся с гор сосновым лесом. Дедушка Манаси долгие годы жил один – он был вдовец, а его единственный сын уехал работать в Кырджали и там женился и обосновался. Большую часть времени дед Манаси проводил на кооперативной пасеке, где присматривал за пчелами. Там, в небольшом шалаше, он спал, а домой навещался только раз в неделю, чтобы взять кое-что переодеться.

Домишко был старый, маленький, приземистый. Он состоял из кухоньки с очагом и комнаты с низким потолком, земляным полом и узким зарешеченным оконцем, которое глядело на лужайку.

В комнате жил Кузман Христофоров, а старик, когда приходил в село, спал на узком топчане возле очага.

Хотя опасности быть замеченным не было – дом стоял на отшибе, и в эту пору над селом спускалась мгла, – Аввакум все же забрался во двор дедушки Манаси со стороны сумрачного соснового бора. Замок на двери не служил преградой, достаточно было приподнять его и легонько дернуть вниз, чтобы язычок освободил ржавую скобу.

Осторожно прикрыв за собой дверь, Аввакум некоторое время стоял, не двигаясь, чтобы глаза привыкли к полумраку. В доме пахло сырой землей и хвоей. Низкий топчан, покрытый в несколько слоев домоткаными ковриками, сундук с выпуклой крышкой – он, видимо, служил для старика платяным шкафом – вот и вся обстановка этой части дома. С полок свисала густая почерневшая паутина, кое-где виднелись глиняная миска или закопченный горшок.

Против очага вырисовывался проем раскрытой двери. Оттуда и проникал слабый свет, позволявший разглядеть кухню. Аввакум переступил высокий порог и оглянулся. Помня неряшливую внешность инженера, он рассчитывал увидеть в его комнате несусветную грязь, страшный кавардак, но тут, оказалось, царил строгий военный порядок: пол тщательно подметен, серое одеяло на кровати застелено без единой морщинки, стол покрыт чистым зеленым картоном. Одежда инженера висит на крюке, глубоко вбитом в стену.

Что синих перчаток здесь не могло быть – в этом Аввакум нисколько не сомневался. Он придерживался железного правила: упорно идти к своей цели, даже если ве-

роятность успеха мала, как маковое зернышко. В данный момент перчатки действительно были главным следом, но Аввакум был уже умудрен опытом: даже к большой реке ведут самые маленькие ручейки.

Первым делом он осмотрел стол. Простой, дощатый, без ящиков. На нем нет ничего, кроме обструганной дощечки, из которой торчит заостренный металлический стержень. На эту наколку нанизаны какие-то бумаги.

Аввакум снял бумаги, наклонился и начал внимательно разглядывать их; это была педантично хранимая документация, состоящая из командировочных предписаний, расписок за наем жилья, кассовых счетов на полученное жалованье – все на имя Кузмана (исключая расписки по найму жилья), с неразборчивыми подписями и гербовыми печатями. Документы лежали в хронологическом порядке – с начала апреля до конца сентября.

Он достал фонарик и каждый листок в отдельности просветил под лупой. Этот первый простейший анализ бумаг не говорил о наличии тайнописи. Аввакум нанизал документы в том же порядке, в каком они находились прежде. Затем заглянул под подушки и матрац, под кровать. Снова вернулся к подушкам и матрацу и внимательно их ощупал. Оставалось осмотреть одежду. В карманах он нашел несколько спичек и семечки подсолнуха. И еще очки от солнца в верхнем левом кармане спортивной куртки.

Очки были обычные. Но, держа их в руках, Аввакум задумался. Стекла, особенно вблизи оправы, были густо покрыты беловатой пылью. Он рассмотрел ее в лупу – пыль сливалась в одну общую массу твердых зернистых частиц.

В Момчилове и его окрестностях дороги грунтовые,

следовательно, пыль, которая тут поднимается, не что иное, как верхние слои почвы. Такая пыль очень мелка и образует на стеклах очков, когда они запотевают вблизи оправы, тонкую, совершенно гладкую корочку.

На очках же инженера корочка была зернистой и состояла из крохотных каменных осколков. Такая пыль поднимается на дорогах, имеющих щебеночное либо булыжное покрытие.

Когда человек идет пешком, на его очки ложится незначительное количество таких пылинок. Если ехать на велосипеде или мотоцикле, их количество увеличивается в несколько раз. В холодное время они образуют тонкий налет, в теплое – плотную корку.

Итак, Аввакум прочитал на стеклах очков, что инженер ехал в теплое время на велосипеде или мотоцикле по дороге, вымощенной щебнем или булыжником.

Прежде чем положить очки на место, он еще раз засунул руку в карман и нащупал в нем какую-то тонкую скомканную бумажку.

Это была квитанция на получение бензина. Педант по привычке не выбросил даже эту совершенно ненужную бумажку.

Аввакум с бьющимся сердцем развернул квитанцию. Она была выдана в Пловдиве дежурной бензоколонки в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа.

Этот «ручеек» действительно способен привести к большой воде!

Он списал с квитанции все данные и покинул это мрачное жилище.

Дальнейшие события развивались так.

Из конторы кооператива он связался по телефону со Смолянским окружным управлением и потребовал, чтобы ему тотчас же прислали мощный мотоцикл. Вскоре он зашагал по дороге в Луки.

Он встретил мотоцикл у самого села. Сказав водителю, чтобы тот возвращался обратно в Смолян, Аввакум вскочил в седло и помчался к Пловдивскому шоссе.

Было десять часов утра.

Все так же моросил невидимый дождик. По лесистым холмам полз густой белый туман.

Машина поглощала километры с бешеной скоростью. Аввакума беспокоило лишь одно: как бы где-нибудь на крутом повороте не занесло мотоцикл – дорога была скользкая.

Он приехал в Пловдив вскоре после обеда, разыскал нужную бензоколонку, показал кассирше номер Кузмановой квитанции и попросил установить, в котором часу приблизительно она была выдана. Кассирша полистала квитанционную книгу; оказалось, эту квитанцию она выдала после того, как приняла смену.

– Клиент получил бензин примерно в час двадцать ночи, – сказала она.

Аввакум поблагодарил ее.

Совершенно ошеломленный, он вышел на улицу. Если Кузман Христофоров получил бензин в час двадцать ночи, он прибыл в Момчилово не раньше четырех часов утра. Почти два часа спустя после происшествия на Илязовом дворе.

Значит, Кузман Христофоров и Икс, совершивший преступление, не одно и то же лицо.

Ну, а синие перчатки? Ведь не кто-нибудь, а Кузман Христофоров получил от вязальщицы синие перчатки. Ведь шерстинки, найденные им на подоконнике разбитого окна в Илязовом доме, от этих перчаток?

Отведя мотоцикл подальше от бензоколонки, Аввакум закурил и погрузился в размышление.

Некоторое время спустя он обратил внимание на то, что стоит напротив витрины парикмахерской. Он вошел. Пока парикмахер занимался его лицом. Аввакум продолжал думать о Кузмани Христофорове и синих перчатках.

Вдруг по его губам скользнула усмешка.

– Вы довольны? – спросил парикмахер, обмахивая щеткой его пиджак.

– Очень – весело сказал Аввакум.

Вскоре он уже был в окружном управлении. Вызвав дежурного лейтенанта, Аввакум поручил ему сходить в гостиницу «Тримонциум», просмотреть книгу записей и сообщить по телефону, останавливался ли в гостинице в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа гражданин Боян Ичеренский.

Через полчаса лейтенант позвонил:

– Названному вами лицу была предоставлена комната номер двести семь; номер был освобожден в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа, точное время ухода неизвестно.

– Отлично! – сказал Аввакум. – Доставьте мне заполненную им адресную карточку, но только вместе с карточками других постояльцев – вам понятно зачем?

Когда дежурный лейтенант извлек из пачки адресных карточек ту, что его интересовала, и подал ее, Аввакум

удовлетворенно кивнул головой: карточка Бояна Ичеренского была заполнена рукой Кузмана Христофорова. Он сразу узнал его почерк – крупный, округлый почерк каллиграфа!

Уже через двадцать минут из Софии сообщили серию и номер паспорта Ичеренского. Данные полностью совпали с тем, что было указано в его адресной карточке.

Аввакум поблагодарил лейтенанта и отослал его со всеми карточками обратно в гостиницу.

Теперь он точно знал, что в ночь с двадцать второго на двадцать третье августа Кузман Христофоров обеспечил Бояну Ичеренскому беспорное алиби. У Бояна Ичеренского был фальшивый паспорт – на его имя и с его данными, но с фотографией Кузмана Христофорова.

Прежде чем уйти, Аввакум попросил Смолянское управление вызвать под каким-нибудь предлогом обоих милицейских старшин, охраняющих военно-геологический пункт в Момчилове, и на их место прислать других. Новые постовые должны в любое время пропускать его в Илязов двор. Он сообщил пароль и положил трубку.

Порывшись в картотеке адресного бюро, Аввакум выписал себе какой-то адрес. Около двух часов дня он покинул управление.

Дом, который он разыскивал, стоял в средней части улицы, проходившей за городским театром. Это был массивный двухэтажный особняк, близкий по стилю к барокко, с жалюзи на окнах и лепными карнизами под двумя балконами.

Открыла ему пожилая женщина в темном пеньюаре, с худым нежным лицом, которое, несмотря на морщины, хранило следы былой красоты.

– Госпожу Ичеренскую? – спросила пожилая женщина. Она помолчала немного, потом добавила: – А кто ее просит?

– Коллега ее мужа, – ответил, улыбаясь, Аввакум.

Она ввела его в небольшой холл, отделанный красным деревом, с лепным орнаментом на потолке. Эта красивая комната была загромождена обветшалой мебелью и казалась покинутой и старой, как и эта женщина.

– Я прихожусь тетей госпоже Ичеренской, – сказала она. – Тут живут наши квартиранты, а мы ютимся наверху, на втором этаже.

Она указала ему на внутреннюю винтовую лестницу, тоже отделанную красным деревом, с колонками и полированными перилами.

Ступеньки, покрытые потертой, местами рваной плюшевой дорожкой, скрипели, но, как показалось Аввакуму, как-то сдержанно, с подчеркнутым благородством и достоинством.

Тетка Ичеренской ввела Аввакума в гостиную, предложила ему сесть и сказала, что сейчас же придет племянницу, которая не ждала гостей и была неглиже. Гостиная, как и холл на первом этаже, была заставлена всевозможной мебелью; некоторые вещи, например, круглый столик с коричневыми ножками и плюшевое кресло на колесиках, носили на себе печать позднего барокко начала века.

Из соседней комнаты доносились звонкие детские голоса.

Минут через десять вошла жена Бояна Ичеренского. Это была высокая стройная женщина лет тридцати, яркая

блондинка с полными, только что накрашенными губами. Лицо у нее было удивительно белое, красивое, с мягкими чертами, но чуть увядшее, как у человека, который мало спит. На ней было коричневое платье, украшенное на груди золотой брошью.

Она подала руку, и Аввакум очень галантно поцеловал ее.

– Я привез вам пламенный привет от вашего супруга, – сказал Аввакум, учтиво пододвинув к ней плетеный венский стул. – Он крайне огорчен и приносит тысячу извинений, что завтра не будет иметь удовольствия встретиться с вами.

– Вот как, – сказала Ичеренская с поразительным безразличием в голосе. Она села на стул и слегка приподняла плечи. – Очень жаль.

Но и это было сказано таким же холодным и равнодушным тоном.

Аввакум заглянул ей в глаза, и, если бы не его умение сохранять спокойствие даже при самых неожиданных обстоятельствах, он воскликнул бы от удивления. У нее были глаза Ичеренского – тот же продолговатый разрез, желтые с коричневым оттенком. В это мгновение они были скорее коричневые, чем желтые.

Аввакум достал сигареты, предложил ей закурить; она не отказалась.

Поднося спичку к ее сигарете, он заметил, что указательный и средний пальцы ее руки пожелтели от табака.

Она не спрашивала, почему не приедет ее муж. Глубоко затягивалась табачным дымом и молчала.

– Наши геологи получили срочное задание и ушли в

горы, — сказал Аввакум, всячески стараясь казаться веселым. — Я тоже командирован в Момчилово, но с совершенно другой целью: изучать историческое прошлое этого интересного края. Вероятно, вы часто наезжаете в Момчилово, не так ли?

— Напротив, — Ичеренская покачала головой. — Я еще ни разу не была в вашем Момчилове. — И, выпустив струю дыма, добавила: — И не испытываю особого желания ехать туда.

— Вы очень много теряете, — улыбнулся Аввакум. — Момчиловский пейзаж просто великолепен. К тому же в тех краях некогда подвизался воевода Момчил — вы, конечно, помните из истории этого замечательного героя? Столица его была на юге, в долине, но крепостью, вероятно, был неприступный Карабаир. Я надеюсь обнаружить там какие-нибудь его следы. Но вы не любите гор, это плохо.

— Да, плохо, — подтвердила Ичеренская.

— А ваш брат тоже не любит гор?

Брови ее дрогнули, она посмотрела по сторонам.

— У меня нет брата.

После некоторой паузы Аввакум усмехнулся.

— Вы бы хоть в детях своих воспитывали любовь к природе, — сказал он и посмотрел ей в глаза.

Зрачки ее вдруг расширились, словно она увидела перед собой что-то ужасное. Она отпрянула назад, как будто ей грозил удар по голове.

— У меня нет детей, — прошептала она.

— Гражданка Виктория, — Аввакум запнулся, — как звали вас по отцу? Извините, но я люблю называть дам полным именем.

– Стефанова Стратева, – впервые улыбнулась Ичеренская.

– Гражданка Виктория Стефанова Стратева, – торжественно возгласил Аввакум. – Господь милостив, не отчаивайтесь. Вы еще так молоды! У вас наверняка еще будет полдюжины детей!

Она пожала плечами и снова замолчала. Аввакум встал.

– Будет ли от вас какое поручение? Может, что-нибудь передать вашему супругу?

– Нет, не будет, – прошептала Ичеренская.

На прощание он снова поцеловал ей руку, засмеялся, хотя чувствовал, как что-то сдавило ему горло, а в ушах, казалось, рокотал водопад.

Аввакум погнал мотоцикл к управлению, а когда вошел туда, сразу же попросил срочно доставить ему сведения о пловдивском семействе Стратевых.

Через полчаса, прикуривая сигарету от сигареты, Аввакум внимательно листал небольшую стопку бумаг.

Стефан Стратев, уроженец Пловдива, долгие годы был комиссионером и представителем английских фирм сельскохозяйственных машин. Жена его, Иллария Печеникова, тоже уроженка Пловдива, в тысяча девятьсот двадцать втором году бежала с каким-то чиновником английского консульства, взяв с собой четырехлетнего сына Иллария. Шесть лет спустя Стефан Стратев вступил вторично в брак; от второй жены у него родилась дочь Виктория. Перед самым началом второй мировой войны мать Виктории умерла, а в конце тысяча девятьсот сорок четвертого года умер и сам Стефан. По непроверенным сведениям, Иллария, брошенная своим английским другом, нашла в Англии

какого-то болгарина, за которого вышла замуж, но это только слухи...

Часов в пять вечера Аввакум отправился обратно в Момчилово.

25

Балабаница встретила его у порога – улыбающаяся, веселая, с засученными рукавами.

– Эй, человек божий, да ты совсем с глаз пропал! – сказала она, преданно глядя на него. – Где ты скитался целый день?

– Слонялся по окрестностям, – ответил Аввакум. – Такова моя работа – колесить по дорогам да выискивать старину!

– Старину! – громко рассмеялась Балабаница. – Нашел за чем ездить! Старина у тебя дома, вот перед тобой. Я-то для чего? – Она стояла в сенях и лукаво глядела ему в лицо.

– Такой старины, как ты, я боюсь как огня, – сказал Аввакум. – Того и гляди загорюсь!

– Да ведь я же тебе в матери гожусь, бог с тобой! – хохотала Балабаница, подбоченясь.

– Мамулечка, роднулечка, – засмеялся Аввакум и положил ей на плечо руку, – найди-ка мне какую-нибудь дерюгу накрыть мотоцикл, а то, пожалуй, ночью опять дождь пойдет.

– Об этом не беспокойся, – ответила Балабаница, делая вид, что не замечает его руки. – Ступай в дом да согрейся и обсушись, а то промок весь, как мышь. Смотри, как бы не оставил вдову с шестью сосунками.

– Сохрани господь! – со вздохом воскликнул Аввакум.

– А за твою доброту, Балабаница, я от всего сердца тебя благодарю, но мне первым долгом необходимо заглянуть к бай Гроздану, так мы с ним условились.

Балабаница слегка отодвинулась и нахмурила брови.

– Вчера друзья, сегодня бай Гроздан, а завтра еще кто-нибудь! – погрозила она ему пальцем.

Из дома доносился запах горячих хлебцев. Аввакум проглотил слюну – с самого утра у него крошки не было во рту.

– Ничего, зато проголодаюсь как следует, – сказал Аввакум, направляясь к калитке. – Сейчас у меня что-то нет аппетита!

Вечер был ветреный, холодный, мрак стоял непроглядный.

Он шел по окраинным улочкам и несколько раз чуть не поскользнулся. До Илязова дома было меньше километра, но, чтобы дойти, ему потребовалось минут сорок. Когда наконец он добрался до высоких ворот, фосфоресцирующие стрелки его часов показывали десять.

Он сделал глубокий вдох, провел рукой по лицу и немного постоял. Кровь стучала в висках; казалось, земля убегала из-под ног.

Аввакум подумал: «Сменили ли охрану?»

Он кашлянул и тихо открыл калитку. В нескольких шагах раздался зычный голос:

– Кто идет?

Голос был незнаком.

– Я хочу проверить часы, – сказал Аввакум. – Который час?

– Проходи, – ответил более мягко постовой.

Приходилось работать без света, поэтому время, пока он возился с наружным замком, показалось ему вечностью.

Войдя наконец в мрачную каменную прихожую, он опустился на пол, чтобы отдохнуть минуту-две. Опершись головой о стену, он закрыл глаза и испытал невообразимое блаженство. «Как хорошо!» – со вздохом подумал он. И тут же почувствовал, что погружается в тихое, спокойное море тьмы, расцвеченное тут и там зелеными и лиловыми пятнами.

Открыв глаза, Аввакум испугался: неужели он проспал самое подходящее для работы время? Было такое ощущение, будто он провел во сне много часов, столько видений промелькнуло перед глазами.

Взглянул на часы – двадцать минут одиннадцатого.

Как он и предполагал, огромный замок складского помещения только пугал своими размерами, на самом деле это был весьма примитивный механизм. Аввакум, который не испытывал удовольствия от легких побед, даже нахмурился. Прежде всего он завесил окошко своим пиджаком, а поверх его пристроил еще плащ. Потом зажег фонарик, нашел в карманах две булавки и приколот края «занавесок» к раме, чтобы не было просветов.

После этого зажег лампу.

Посреди комнаты были свалены в беспорядке всевозможные инструменты: большие и малые кирки, треноги с приборами для измерений и нивелировки, секстанты, рулетки, отвесы. Тут же лежали готовальни, бутылочки с тушью, логарифмические и прочие линейки. Против окна находился стеллаж. На средней полке лежало несколько папок, они-то и привлекли внимание Аввакума. Он про-

тянулся к самой большой и не ошибся: в ней был маршrutный дневник группы. Аввакум уселся на пол и начал листать его. Восьмого августа геологи вместе с капитаном Калудиевым в четвертый раз отправились исследовать местность юго-восточнее Карабаира. Указывались координаты нескольких пунктов. Последний пункт и по долготе и по широте был в непосредственной близости – с разницей в несколько десятых градуса – с пунктом, в котором пеленгаторы засекли передачу тайной ультракоротковолновой радиостанции.

Аввакум усмехнулся, полез было за сигаретами, но опомнился: курить ему не придется. Он взглянул на дату под последней записью; ниже подписи майора Инджова было отмечено красным карандашом десятое августа.

Итак, десятого августа в заштрихованном секторе, где группа вела изыскания, или, точнее, на восточной границе этого сектора, неизвестная радиостанция передала в эфир зашифрованную радиограмму.

Аввакум начал прослеживать миллиметр за миллиметром картографическую схему. Радиостанция находилась у восточной границы заштрихованного сектора. От этой границы был обозначен пунктирной линией обратный путь группы, следовавшей в северо-западном направлении, он кончался в котловине между Момчиловом и Луками.

Аввакум закрыл папку и положил ее на место. Теперь он знал, что находящийся в составе группы неизвестный Икс, идя позади своих товарищей, отстал от них и, задержавшись минут на тридцать, успел связаться с заграничным центром и передать в эфир зашифрованную радиограмму. Учитывая, что передача велась в ночное время,

Аввакум был уверен, что Икс либо помнил шифр наизусть, либо пользовался им с помощью фонаря, либо же сам шифр был светящимся.

Он погасил свет и, когда стал одеваться, вдруг почувствовал ужасную усталость.

Поднявшись на галерейку, Аввакум увидел возле своей комнаты стульчик, а на нем ломоть остывшего хлеба и кусок брынзы; все это было завернуто в белое холщовое полотенце.

Он переложил еду на стол, даже не попробовав ее, достал радиопередатчик и погасил свет. Насвистывая, чтобы не было слышно, как стучит ключ, он передал в Софию короткую зашифрованную радиограмму:

«Проверьте, есть ли среди болгар, живущих в Англии, человек по фамилии Ичеренский. Жду сведений о нем и о его семье. Экстренно. Точка».

Спрятав радиопередатчик, он присел на кровати, чтобы составить план действий на завтра.

За окном завывал ветер, ветки суковатой сосны тихо постукивали по стеклу. Проснулся Аввакум в той же позе — прислонившись к стене, одетый, в ботинках. Посмотрел на часы — скоро два. Найдя ощупью плащ, он приоткрыл створки окна и осторожно забрался на толстые ветки сосны. Затем прикрыл окно и, защищая глаза от колючей хвои, потихоньку спустился на землю.

Он пошел не к калитке, а зашагал по тропке, которая вела к плетню.

Выбравшись на улицу, Аввакум немного постоял, напряженно прислушиваясь. Он улавливал лишь шум да посвистывание ветра в плетнях и у безмолвных домишек.

Припомнив, что бай Марко Крумов рассказывал ему про дом, где жил Боян Ичеренский, Аввакум сделал шагов двадцать в южном направлении и оказался в широком проулке, который огибал старую корчму и выходил на дорогу, ведущую в Луки. Отсчитав четыре дома с правой стороны, он приблизился к пятому. В этом доме за высокой кирпичной оградой жил Боян Ичеренский. По словам Марко Крумова, геолог один пользовался этим жилищем – хозяева его еще в минувшем году переселились в Мадан.

Подойдя к дому, Аввакум замер: у его ограды, словно бы выплыв из мрака или выскочив из-под земли, стояла автомашина. Вокруг разносился едва уловимый запах нагретых шин и бензина.

Аввакум крадучись приблизился к машине. Это был открытый четырехместный «виллис».

В кирпичной ограде зиял проем – человек, вышедший из «виллиса», оставил калитку открытой настежь.

«Опередили меня», – с горечью подумал Аввакум. В ту же секунду он шмыгнул во двор и увидел, что на верхнем этаже, опоясанном узеньким балкончиком, светилось окно.

Вспомнив про запах нагретой резины и бензина на улице, он подумал: «Этот приятель только что вошел сюда».

Все так же крадучись, он проскользнул к входной двери, слегка нажал на дверную ручку и выругался про себя: дверь оказалась запертой изнутри.

Он отступил на несколько шагов назад и от досады скрипнул зубами. Ногти впились в ладони, сердце, казалось, вот-вот разорвется. Но так продолжалось только одну-две секунды. Овладев собой, Аввакум сунул руку в

бездонный карман плаща и извлек оттуда пятиметровую веревку со стальным крючком. Подбежав к балкончику, он забросил конец веревки вверх – крючок зацепился за тонкую планку перил. Аввакум снял ботинки, ухватился за веревку и, упираясь ногами в стену, взобрался на балкон. Пригнувшись, он подкрался к окну и заглянул в него.

Поистине это была ночь больших неожиданностей.

В комнате стояла Виктория Ичеренская, на ней была зеленая куртка, а выбеленные перекисью волосы покрывал платок. Она лихорадочно шарила в ящике кухонного стола. Вытащив оттуда кучу вилок и ножей, она швырнула их на пол и, засунув руку еще глубже, вынула оттуда большую серебряную чашу. Пододвинув стул, Ичеренская уселась возле стола и, поставив чашу на колени, затеяла какую-то странную возню. Похоже было, она чистила верхний край чаши. Но что она делала в действительности, Аввакум не мог видеть, так как Ичеренская сидела к нему вполоборота. Но вот она схватила со стола ручку и листок бумаги и, опуская ручку в какой-то маленький пузырек и все время поглядывая к себе на колени, написала несколько строк. Отшвырнув ручку и выплеснув содержимое пузырька на пол, она взяла карандаш и написала на том же листке еще несколько строк. Листок сунула в толстую книгу, лежавшую на столе, и снова принялась чистить верхний край чаши.

Все это длилось около пяти минут.

Затем Виктория Ичеренская встала, сняла с головы платок, расстелила его на полу и сложила в него разбросанные ножи и вилки. Сверху положила серебряную чашу. Завязав все это в узел, она сунула его в кожаную сумку,

которую Аввакум только сейчас заметил на полу возле стола. Взяв сумку в левую руку, правой она потянулась к лампе.

В тот же миг Аввакум отскочил к перилам, перемахнул через них, повис на веревке и спрыгнул, сильно ударившись при этом о землю. Несмотря на острую боль в ступнях и щиколотках, он не задержался ни на секунду, а, перебежав двор, юркнул в калитку. Оказавшись на улице, оглянулся, лихорадочно соображая, что предпринять дальше, еще раз оглянулся. Во дворе слышались шаги. Он быстро забрался сзади под машину.

По-прежнему выл ветер, ветки фруктовых деревьев стонали, как будто просили сжалиться над ними.

Виктория поставила сумку между передним и задним сиденьем, села за руль и нажала на стартер. Стартер взвизгнул и затих. Она пробовала еще и еще – мотор не заводился. Она выскочила из машины, подняла капот и, как по звукам догадался Аввакум, стала подкачивать бензин в карбюратор.

Тем временем Аввакум выбрался из-под машины и ухватился руками за запасное колесо.

Виктория снова нажала на стартер: на этот раз мотор загудел. Пока она выжимала сцепление и давала газ, Аввакум встал, а в момент, когда машина тронулась с места, навалился животом на спинку заднего сиденья, протянул руку и схватил кожаную сумку. Виктория включила вторую скорость, и Аввакум благоразумно откинулся назад. Он упал ничком, зарылся лицом в грязь, но кожаную сумку из рук не выпустил.

«Виллис» скрылся в темноте, Аввакум поднялся весь

исцарапанный, перепачканный в грязи, но с радостным чувством в душе.

26

Он вернулся той же дорогой и попал к себе в комнату, взобравшись по стволу старой сосны. Хотя было уже около четырех часов, мрак был такой глубокий, словно близилась полночь, а не рассвет.

Он зажег лампу, взглянул на себя в карманное зеркальце и рассмеялся. Положив кожаную сумку на стол, он принялся вытаскивать из необъятных карманов своего плаща другие трофеи, захваченные в доме Бояна Ичеренского: пустой пузырек, содержимое которого Ичеренская вылила на пол, два других пузырька, наполненные красной жидкостью, и листок бумаги с несколькими торопливо написанными цифрами.

В створке окна, через которое он наблюдал за Викторией Ичеренской, не хватало одного стекла. Как видно, оно было вынуто специально, и притом осторожно – в пазах рамы не было ни единого гвоздика, все они были выдержаны. Рама была без замазки, и дырочки от гвоздиков казались совсем свежими. Аввакум измерил длину и ширину вынутого стекла и записал размеры на листочке, лежащем теперь у него на столе. Он и воспользовался этим отверстием в окне, чтобы, просунув руку, открыть задвижку и забраться в комнату.

Два пузырька он нашел в кухне, среди множества других пузырьков. А жидкость, содержащуюся в них, – вероятно, вино, налил из двух совершенно одинаковых бу-

тылок, которые он обнаружил в нижнем отделении кухонного шкафа. Обе бутылки были наполовину пусты, имели одинаковые этикетки «Болгарское шампанское», и он, вероятно, не обратил бы на них особого внимания, если бы на этикетке одной из них не заметил маленького кружочка, выведенного химическим карандашом.

Выложив свои трофеи, Аввакум вымыл спиртом руки (спиртом горемычного учителя Методия!), открыл сумку и занялся серебряной чашей. Диаметр верхней и нижней части чаши был одинаков, но внутри донная часть ее была значительно меньше. Судя по мягкому матовому блеску, это было старинное серебро. Сверху чашу обрамлял массивный инкрустированный венчик – он-то и привлек внимание Аввакума. Обычно ювелиры не украшали цилиндрические чаши такими венчиками. Их зачастую можно видеть на конусообразных чашах – тем самым ювелиры создают равновесие между верхней и нижней частью. В данном случае венчик был признаком безвкусицы.

Тем не менее он существовал, мало того, бросался в глаза своей массивностью. Аввакум знал по опыту, что если что-то бросается в глаза, элемент случайности необходимо исключить из расчетов.

Некоторое время он глядел на чашу, не мигая, потом вдруг стал вертеть верхнюю часть ее справа налево, и она легко и плавно начала отвинчиваться от нижней части.

Резьба у нее была небольшая, но очень мелкая, как у бинокля. Когда резьба кончилась, показалась другая, скрытая, внутренняя сторона чаши из какого-то тонкого и легкого металла. «Дюраль», – подумал Аввакум.

Поверхность ее была разграфлена на маленькие квад-

ратики, и в каждом квадратике была выгравирована одна латинская буква. Буквы составляли слова и строки. Строк было четыре. Располагались они одна под другой, как стихотворные⁸.

Аввакум заметил еще одну деталь: вырезы букв были плотно заполнены каким-то зеленоватым веществом.

Он погасил лампу, и миниатюрные буквочки в тот же миг сами засветились.

Это было красиво, очень красиво, и Аввакум изумленно рассматривал строки и, улыбаясь, любовался ими.

Но время шло, во дворе напротив закукарекал петух, Аввакум очнулся и поступил так, как поступил бы каждый на его месте: передал по радио в Софию английские слова – буква за буквой, в том порядке, в каком они располагались в квадратиках. Сообщил общее число квадратиков, не пропустив и тех, что оставались пустыми или имели знак препинания. Затем, подумав несколько секунд, добавил:

«Немедленно отдайте распоряжение Пловдивскому управлению об аресте Виктории Ичеренской, а также владельца „виллиса“, на котором она в эту ночь приезжала в Момчилово».

Дважды сообщил кодированное «весьма срочно», условился о связи на два часа дня и на этом закончил.

Убрав в чемодан свои «трофеи», он юркнул под одеяло и тут же заснул.

⁸ Стихи Шелли. Несколько месяцев спустя после этих событий я перевел их, но мой перевод так же далек по красоте от оригинала, как наша Земля, например, от лучезарной Утренней звезды. Я ведь всего-навсего ветеринарный врач и с поэзией ничего общего не имею. Вот он, мой перевод:

Сквозь сон я грезил о тебе
Среди глубокой ночи.
Когда чуть веял ветерок
И звезд сияли очи.

На дворе светало. Наступало туманное, хмурое утро.

В девятом часу Аввакум зашел в старую корчму, чтобы позавтракать. Слово за слово разговор зашел о жене Ичере́нского.

– Будь я на его месте, – сказал Аввакум, – я бы не оставил ее одну в Пловдиве. У геолога тут хорошая квартира. Что им мешает жить имеете, как все люди?

Бай Марко пожал плечами.

– И она так ни разу и не приезжала в Момчилово? – продолжал допытываться Аввакум.

– Ну как же! Была, даже, пожалуй, раза два была. Верно, приезжала ненадолго, на несколько часов, как мне кажется, – сказал бай Марко.

Через час Аввакум был уже в Смоляне. Он отправил на анализ вино из двух пузырьков и в ожидании результата решил позвонить по телефону Сии. Была суббота, ее выходной день.

Он сделал глубокую затяжку, и прижав телефонную трубку к губам, спросил:

– Сия, это ты?

На другом конце провода молчали. Ему показалось, что у нее в комнате играет радио и рядом смеется какой-то мужчина.

– Сийка занята, – ответил мужской голос. – Кто ее спрашивает?

Аввакум положил трубку.

Он не двинулся с места, пока не выкурил до конца сигарету. Потом долго и сосредоточенно гасил окурок в стеклянной пепельнице, словно это было делом чрезвычайно важным и деликатным.

Когда он вышел на улицу, ветер, подхватив на дороге кучку сухих листьев, окружил их и рассыпал на него, словно конфетти.

Было сыро, в воздухе стоял густой запах увядшей листвы, запах осени.

Лабораторный анализ подтвердил предположения Аввакума: в одном пузырьке было обычное вино, а в другом оно было с примесью быстродействующего снотворного.

Работник управления сел сзади Аввакума на мотоцикл, и они помчались. Доехав до Змеицы, Аввакум слез и пошел в Момчилово пешком, а работник управления возвратился на мотоцикле в Смолян.

Аввакум прошел мимо старой корчмы, и только когда уже был возле калитки Балабаницы, вспомнил, что еще не обедал. «Завтракал я поздно, – подумал он. – Не стоит возвращаться».

Он прилег на кровать. До условленной радиовстречи оставалось полчаса.

«Где же находилась столица Момчила?» – спросил себя Аввакум. Он попробовал представить себе равнину южнее Карабаира, залитую солнцем, золотую, с легкой зыбью зеленых холмов, с разбросанными повсюду оливковыми рощицами и виноградниками. Но из этого ничего не вышло, потому что перед его глазами непрестанно клубились туманы.

На часах было без пяти два. Он надел наушники, включил станцию и стал ждать. Тихо прозвучал условный сигнал. Аввакум взял карандаш и начал записывать. Передача длилась около часа.

Прежде всего ему ответили на его вчерашний запрос

относительно Ичеренских в Англии и сообщили, что Виктория Ичеренская и владелец «виллиса» арестованы сегодня в восемь утра. Затем продиктовали содержание трех шифрограмм – от десятого, девятнадцатого и двадцатого августа. Они были расшифрованы с помощью английского стихотворения. Четверостишие служило ключом шифра.

Когда София объяснила сложную систему шифровки, Аввакум предупредил, что начинает передачу. Он попросил сообщить ему, на волне какой частоты иностранная радиостанция связывалась с тайным радиопередатчиком на нашей территории, ее позывные и позывные тайного передатчика.

Через каких-нибудь пять минут он уже имел в своей записной книжке и частоты волн и соответствующие кодовые знаки.

Аввакум закончил «встречу» и спрятал передатчик.

27

Когда Аввакум постучался в дверь бай Гроздана, тот как раз просыпался – кончался его послеобеденный отдых. Аввакум увел его во двор и спросил с улыбкой:

– Вздремнул маленько?

Председатель кивнул головой. Аввакум отошел с ним подальше от дома и зашептал:

– Во-первых. Немедленно свяжись с секретарем партийной организации, подберите четырех толковых, заслуживающих доверия парней. Двое из них пусть держат под наблюдением Ичеренского, а двое других – Кузмана Христофорова. Если кто-либо из этих красавцев попыта-

ется улизнуть из села, немедленно предупредить меня. Я буду либо у Балабаницы, либо у Анастасия, ветеринарного врача. Запомнил? Во-вторых. Позвони из канцелярии кооператива вот по этому номеру в Смолян. – Аввакум вытащил из кармана какую-то бумажку и дал ему. – Как только тебе ответят, прочтешь то, что я тут написал, раз, потом еще раз, чтобы тебя правильно поняли. Под вечер к тебе приедут двое; так вот, ты должен их устроить на квартиру в том доме, что против двора Балабаницы. Запомнил?

– Все это я отлично запомнил и сделаю, как ты велишь, – помолчав немного, сказал бай Гроздан. – Ну, а разве геологи сегодня вернутся?

– Вернутся, – подтвердил Аввакум. – Они взяли у бай Марко продуктов на два дня.

Аввакум незаметно пожал председателю руку и направился к дому бай Спиридона.

В пятом часу из Смоляна прибыли два лейтенанта в гражданской одежде. Они представились закупщиками торговой организации, и председатель устроил их у Надки, в ближайшем соседстве с Аввакумом.

Немного позже вернулись геологи. Когда они показались со стороны Лук, Аввакум сидел в старой корчме. Он их встретил и как-то особенно торжественно поздоровался с Бояном Ичеренским.

– Я сделал несколько интересных открытий, – сказал он.

– Вот как? – Геолог поднял брови. – Я очень рад.

– Похоже, что столица Момчила находилась у подножия южных склонов Карабаира.

– Превосходно! – усмехнулся Ичеренский. – Это истине великое открытие.

– По такому случаю завтра я тебя угощу стаканом вина, – с серьезным видом сказал Аввакум и протянул ему руку.

Подходя к дому Балабаницы, он заметил у забора Надки незнакомого мужчину – тот стоял возле калитки и курил сигарету. Аввакум нагнулся, чтобы очистить от грязи ботинки.

– Вас зовут Асен? – спросил его незнакомый.

– Мое имя Петр, – ответил Аввакум.

Они поговорили минуту-две, потом Аввакум поднялся к себе в комнату. Он запер дверь на ключ, вынул передатчик и передал в Софию радиogramму.

«Весьма срочно. Распорядитесь, чтобы сегодня вечером, без четверти десять, над Карабаиром кружил самолет. Повторяю...»

Закончив передачу, он сел за стол, достал листок с английским стихотворением, блокнот, где записано, как пользоваться ключом, и начал терпеливо составлять сложную шифrogramму; получилось пять колонок пятизначных чисел.

В сенях давно хлопотала Балабаница. Он открыл дверь и вышел на лестницу.

– Ты не спустишься сюда? – спросила Балабаница.

– Нет, – сказал Аввакум и зевнул. – Сегодня я столько отмахал пешком! Лазил на Карабаир! – Он снова зевнул и добавил: – Так что я лягу спать, милая хозяйюшка, а завтра вечером мы с тобой разведем большой огонь и будем болтать до первых петухов.

Он снова запер дверь, еще раз проверил шифрограмму, затем погасил свет и закурил трубку.

В ветвях сосны за окном шумел ветер. Пошел дождь.

Минуты текли медленно. Ему казалось, что они ползут как черепахи. Чтобы не заснуть, он проглотил две таблетки кофеина.

Было без двадцати минут десять. Он раскрыл обе створки окна, сел у передатчика и прислушался. Дождь о чем-то шептался со старой сосной.

Часы фосфоресцирующими стрелками гипнотизировали его. Их механизм, отсчитывая секунды, как будто учащал биение его сердца.

Точно без пятнадцати десять послышался далекий гул. Он то нарастал, то становился слабее, то снова тревожно рокотал в притихшей темноте.

Над Карабаиром летел самолет.

Аввакум надел наушники, зажег фонарик и нажал на ключ. Через каждые три секунды он посылал в эфир условный сигнал. Звал ультракоротковолновую станцию, искал ее в ночи.

На лбу у него выступил холодный пот.

И когда он ощутил, как от напора крови готово разорваться сердце, мембран коснулись первые точки и тире ответных кодовых сигналов.

Аввакум сжал губы, вперил взгляд в шифрограмму и передал тайной радиостанции:

«Слушайте внимательно. Немедленно ликвидируйте археолога, не теряя ни минуты, еще до полуночи. Передатчик и шифр отдайте ветеринарному врачу. Прекратите

всякую связь. Очистите свою квартиру. Подробности вам сообщит ваша жена. Конец. Повторяю...»

Дождь усилился, временами налетали порывы холодного северо-восточного ветра.

Аввакум отбежал на несколько шагов от старой сосны и приник к траве, головой к окну. Не прошло и трех минут, как у перелаза появилась фигура Ичеренского. Был он без пальто и без фуражки. Подойдя к дереву, он постоял под ним немного и начал быстро и бесшумно взбираться вверх. Достигнув уровня окна, он приподнялся и заглянул в комнату, потом протянул к окну руку.

Сквозь тихий шум дождя слуха Аввакума достигли отрывистые металлические щелчки.

«Стреляет в меня из бесшумного пистолета», – подумал Аввакум. Ичеренский спустился с сосны так же ловко, как и взобрался, и, не оглядываясь, устремился обратно к перелазу.

28

В это время я сидел у себя в комнате, как говорится, в трепетном ожидании. Не то чтобы меня одолевал страх от того, что могло случиться, нет. Просто было холодно, и я озяб, сидя на стуле. У меня тряслись даже колени и плечи. Я всегда дрожу, когда холодно.

Сегодня после обеда Аввакум страшно удивил меня. Он пришел ко мне и прямо, без обиняков, спросил, готов ли я оказать небольшую помощь в спасении невинного человека.

Я тут же изъявил согласие, хотя и почувствовал при этом, как у меня защемило сердце.

Тогда Аввакум вынул свое служебное удостоверение, поднес мне его к глазам, и я добросовестно прочитал, что в нем значилось.

Но от того, что я прочитал в его удостоверении, щемлящая боль в моем сердце ее только не ослабла, а как будто удвоилась. В этот день я, видимо, слишком переутомился на работе.

Но у Аввакума настроение было хорошее. Он предложил мне сесть (хотя я сам должен был предложить ему стул) и сказал:

— Будем говорить как мужчины и как коммунисты. Дело это довольно опасное, но если к нему отнестись с душой, то все кончится благополучно.

— Конечно, ведь речь идет о спасении невинного человека, не так ли? — сказал я. — Можешь на меня рассчитывать.

Он закурил, и, хотя я не курю, рука моя тоже потянулась к его сигаретам. Мне просто хотелось составить ему компанию. Так приятнее.

— Итак, — сказал Аввакум, нахмутив брови, — ты не должен выходить из дому до тех пор, пока все не будет полностью завершено. Скоро к тебе придет человек, он будет твоим гостем до десяти часов. Этот человек принесет с собой маленький аппаратик, который ты не мешай ему поставить туда, куда он сочтет нужным.

— Конечно, я не стану мешать, — сказал я. Потом спросил: — А хозяйева? Бай Спиридон и тетка Спиридоница?

Аввакум усмехнулся.

— Я позабочусь, чтобы эти милые люди провели время где-нибудь и другом месте. До десяти часов вечера тут

будет полное спокойствие. А как пробьет десять, твой гость перейдет в комнату напротив, и ты останешься один.

– Ладно, – сказал я, и снова мое сердце сжалось от неприятного предчувствия.

– И вот тогда начнутся твои испытания, – сказал Аввакум. – Но они продлятся недолго. К тебе явится один наш общий знакомый. В руках у него, вероятно, будет сверток. Запомни, дорогой, ты должен изображать абсолютное спокойствие и делать вид, что ты его ждал как дорогого и приятного гостя... Когда наш общий знакомый вручит тебе сверток, ты спросишь у него: «Сумел разделаться с тем хитрецом?» Смысл этого вопроса таков: сумел ли он разделаться со мной, с археологом, понимаешь?.. В дальнейшем режиссуру я приму на себя!

Итак, я сидел в комнате, посматривал на часы и дрожал от холода. Мой гость установил нечто вроде магнитофона у меня под кроватью, – услышав шаги второго моего визитера, я должен был тут же дернуть за проволочку, спрятанную под одеялом.

Около одиннадцати я услышал шаги во дворе, и кто-то тихо постучал в оконное стекло. Я вскочил со стула, потянул за проволоку и открыл дверь.

И едва удержался на ногах: передо мной стоял Боян Ичеренский.

– Погаси лампу – прошептал он. Я погасил лампу.

– Не беспокойтесь, – сказал я. – Бай Спиридона и Спиридоницы нет дома.

– А почему их нет? – зловещим шепотом спросил Ичеренский.

– Повезло! – ответил я, запирая за ним дверь. – Их пригласили в Луки на свадьбу.

Ичеренский положил на пол какой-то тяжелый предмет и глубоко вздохнул.

– Где спрячем передатчик? – спросил он.

– Для него место приготовлено, – ответил я и спросил в свою очередь: – А вы сумели разделаться с тем хитрецом?

– Не задавай глупых вопросов! – прошипел сквозь зубы Ичеренский. – Держи!

Он сунул мне в руки нечто вроде записной книжки, обернулся, открыл дверь и переступил порог.

Тут я услышал глухой удар, и Боян Ичеренский рухнул на пол. На него навалилась какая-то фигура, а затем из комнаты напротив выскочил мой первый гость, и в желтом луче его фонарика я увидел ужасную картину: Аввакум, упершись коленями в грудь геолога, заломил ему назад руки и быстро опутывал их длинной веревкой.

Через минуту пленника втащили в комнату и оставили на полу, у стола. Я подтянул его к стене и поднес к его губам стакан воды. Он раскрыл глаза и так на меня посмотрел, что я едва не выронил стакан.

Тем временем Аввакум развернул сверток и с любопытством знакомился с устройством радиопередатчика.

– Гражданин Ичеренский, у вас неплохая станция, слов нет, только она малость устарела. В некоторых отношениях она уже, как говорится, вышла из моды.

Ичеренский поднял голову и бросил на него злобный взгляд.

– К вашему сведению, я это вижу впервые!

– Неужели? – воскликнул Аввакум.

Он усмехнулся, затем, склонившись над Ичеренским, быстрым движением извлек из заднего кармана его брюк

массивный пистолет. Оружие неприятно отливало холодным металлическим блеском.

– Наверно, это тоже не ваше? Хотя на нем видны отпечатки ваших пальцев и полчаса назад вы израсходовали четыре патрона из обоймы, когда, думая, что я лежу на кровати, стреляли мне в голову. Неужто вы станете уверять, что этот пистолет тоже не наш?

– Я впервые вижу эту штуку, – презрительно скривив губы, заявил Ичеренский.

– Прекрасно, – сказал Аввакум. – Предположим, что мы принесли сюда эти предметы, чтобы вас шантажировать. Это нечто вполне вещественное, его легко перенести из одного места в другое. Но позвольте мне задать вам такой вопрос: можно записать речь человека, когда он молчит?

– Глупости, – сказал Ичеренский. Аввакум засмеялся.

– Десять минут назад вы обменялись несколькими словами с ветеринарным врачом. Вы с ним говорили с глазу на глаз, а мы позаботились о том, чтобы этот разговор был записан. Сейчас вы услышите свой голос, и, так как записать голос человека, когда он молчит, невозможно, нам придется безоговорочно признать два очевидных факта: во-первых, что этот голос ваш и, во-вторых, что слова тоже ваши.

Мой первый гость вытащил магнитофон, нажал на какую-то кнопку, подрегулировал, и мы затаили дыхание.

– Погаси лампу! – прозвучал голос Ичеренского.

– Не беспокойтесь, бай Спиридона и Спиридоницы нет дома.

– А почему их нет?

– Повезло! Их пригласили в Луки на свадьбу.

Какой-то стук, словно положили что-то тяжелое.

– Где спрячем передатчик? – тихо спрашивал Ичеренский.

– Для него место приготовлено. А вы сумели разделиться с тем хитрецом?

– Не задавай глупых вопросов. Держи!

Человек у магнитофона снова нажал на кнопку, и аппарат умолк.

Ичеренский устался на свои колени. Его высокий лоб покрылся испариной.

Аввакум пододвинул стул и сел возле геолога. Я выпил стакан воды – меня мучила жажда – и отошел в угол, чтобы не мешать Аввакуму. Он закурил сигарету, глубоко затянулся и, склонившись над геологом, спросил с усмешкой:

– Как себя чувствуете, гражданин Иллариий Стратев?

Геолог молчал.

Аввакум обратился ко мне:

– Вас, может быть, удивляет, что я его так называю? Не удивляйтесь, пожалуйста! Ну-ка, поставьте на спиртовку кофейничек, приготовьте для всех нас по чашке кофе, а я тем временем расскажу одну очень интересную историю. Не столько для вас, сколько для Иллария. Любопытно, не сделает ли он каких-либо поправок.

Итак, в 1918 году у жителя города Пловдива Стефана Стратева – представителя английских фирм сельскохозяйственных машин – родился сын, которого окрестили Илларием. Четыре года спустя супруга Стефана Стратева влюбляется в чиновника английского консульства и бежит с ним в Лондон, захватив с собой маленького Иллария. Через некоторое время обольститель бросает свою лю-

бовницу, но судьба бывает милостива: красотка встречает на своем пути болгарского эмигранта, и тот женится на ней. ИллариЙ живет в болгарской семье и учится в английской школе. Учится он хорошо и скоро становится стипендиатом адвентистской церкви, которая проявляет особые заботы о детях иностранцев, нашедших убежище в Англии. Эта церковь посылает Илларию в королевский горно-геологический институт изучать геологию. Как вам известно, геология это наука, находящая себе применение во всем мире: геологи разъезжают повсюду, для них есть работа во всех уголках земного шара. Может быть, именно по этим соображениям из ИллариЯ и сделали геолога, чтобы при первой необходимости его можно было послать и на Ближний и на Дальний Восток. Специальные учителя обучали ИллариЯ радиodelу, шифровке, тайнописи и многим другим вещам, которые будущему тайному агенту необходимы как воздух.

В это самое время в Лондоне живет другой молодой болгарин, по имени Боян Ичеренский. Боян – сын Христати Ичеренского, переселенца из Фракии, варненского торговца оливковым маслом и южными фруктами, Христати – вдовец, у него нет в Болгарии никаких родственников. В 1938 году волею случая он отправляет своего сына с неким мистером Ральфом, капитаном грузового судна, в Англию, и тот определяет его в Лондонский политехнический институт. В 1942 году студент политехнического института Боян Ичеренский был убит гитлеровской бомбой. Вскоре и Христати переселяется в мир иной, так и не узнав в силу военной обстановки о трагической кончине своего сына. Видимо, судьба этой семьи была известна кое-кому из тех,

кто пристально следит за жизнью болгарских эмигрантов. Вот почему в начале 1946 года в Болгарию прибывает геолог Иллариий Стратев, но под именем и с документами Бояна Ичеренского. Что может быть легче – вернуть из небытия имя человека, у которого нет ни близких, ни дальних родственников?

Вы, может быть, спросите, зачем понадобилось возвращать Илларию на родину под чужим именем? Очень просто! Чтобы он не имел ничего общего с богатой и известной семьей Стратевых. Сын беженца Христаки Ичеренского это одно, а Иллариий, наследник Стратевых, – совсем другое, верно?

Старый Стефан Стратев умирает вскоре после Девятого сентября. От второй жены у него дочь Виктория. Чтобы оградить себя от каких бы то ни было подозрений, сын Стефана Стратева женится на своей сестре Виктории Стратевой, которая... – не впадайте в панику, доктор! – ведь, по существу, она не приходится ему единоутробной сестрой.

Итак, образованный, умный и талантливый Иллариий становится известным геологом и хорошо законспирированным иностранным разведчиком. Он открывает для родины новые месторождения руд и в то же время продает родину иностранной разведке. Он восторженно говорит о чистой любви – помните, доктор, его рассказ о чудесной дружбе между учителем Методиём и вязальщицей Марией? – и спит в одной постели, как законный муж, со своей сестрой Викторией...

Впрочем, предоставим психологам разгадывать, противоречие ли это характера или мастерская игра опытного

актера. В данном случае для нас представляют интерес действия человека, а не лабиринты его души. В начале апреля Боян Ичеренский в составе геологической группы прибывает в Момчилово. Он заводит дружбу с учителем Методием Парашкевовым. Я не берусь утверждать, что уже на первых порах он завел эту дружбу в корыстных интересах. Но от учителя Методия Парашкевова он узнает один очень любопытный факт. Первоначально это было только предположение, бедняга учитель доверил ему свою гипотезу. А именно: что в урочище Змеица, судя по некоторым признакам, находится месторождение очень ценной руды, имеющей стратегическое значение. В шифрограмме, которую Ичеренский передает иностранному разведывательному центру, обозначен атомный вес важнейшего ее химического компонента.

Как я уже сказал, Ичеренский уверен, что гипотеза учителя не имеет под собой сколько-нибудь серьезной основы. Он считает, что это суший бред, наивная фантазия дилетанта. Но седьмого августа Методий показывает ему образец руды, и опытный геолог после проверки, хотя и поверхностной, убеждается в том, что образец этот содержит признаки редкого элемента стратегического значения. Разумеется, он возвращает образец учителю, не сказав ему ничего ободряющего, с оценкой абсолютно пессимистичной. А десятого августа сообщает своим друзьям, что «кто-то из местных» обнаружил в урочище Змеица руду стратегического значения. Заграничный центр тут же дает ему указание произвести тщательное исследование и более аргументированно подтвердить наличие в руде стратегического элемента.

Двадцатого августа Боян Ичеренский отправляется в Змеицу и подключает радиометр к своему ультракоротковолновому передатчику. К этому самому, доктор, который сейчас имеет честь лежать у вас на столе! И с помощью звуковых сигналов радиометра, принимающего излучение из недр, получает подтверждение о наличии в Змеице запасов важнейшей руды. В заграничном центре это вызывает переполох; оттуда агент получает распоряжение любой ценой скрыть сам факт обнаружения этой руды.

Но как скрыть? Бояну Ичеренскому ничего не стоит убить учителя, однако, как опытный агент, он сознает, что загадочное убийство в пограничной зоне неизбежно повлечет за собой самые неприятные последствия. Кто может сказать, к чему приведет расследование, что оно в конце концов не коснется его самого!

Итак, опытный агент, которого обучали самые крупнейшие специалисты международной разведки, решает убить свою жертву не пулей, а шантажом. Он начинает обдумывать всевозможные тактические приемы, но одно непредвиденное обстоятельство ускоряет ход событий. Учитель сообщает «другу», что в ближайшие дни он намерен отправиться в Софию и отдать пробу на лабораторный анализ.

Времени терять нельзя! Двадцать первого августа Боян Ичеренский поручает своему соучастнику Кузману Христофорову купить у вязальщицы Марии пару шерстяных перчаток, а через свою жену или через кого-то другого получает из Пловдива или из Смоляна пузырек хлороформа. В тот же вечер он приглашает учителя к себе, чтобы наедине завести «важный разговор» о руде. Во время этого

важного разговора он угощает учителя вином, потом снова угощает, но уже другим вином, в которое предварительно подливает снотворного. Бедный учитель блаженно засыпает, и, пока он спит, Ичеренский делает отпечатки его пальцев на стекле, вынутом из своего окна. Вскоре после этого Ичеренский будит его, и смущенный учитель спешит к себе домой.

На другой день рано утром Ичеренский идет на пункт и, никем не замеченный, меняет стекло в наружной раме. Это ему удалось легко, потому что размер стекол совпал и на раме не было замазки.

Суббота. Ичеренский прекрасно знает, что каждый субботний вечер его «друг» ходит к вязальщице Марии ужинать и что возвращается поздно, притом всегда одной и той же дорогой – через двор пункта. Он дает Кузмону Христофорову только что изготовленный фальшивый паспорт и тут же отправляет на своем мотоцикле в Пловдив, чтоб обеспечить себе алиби, а сам, укрывшись в зарослях Змеицы, дожидается наступления вечера. Затем идет к учителю на квартиру, выкрадывает у него полотенце и, пользуясь темнотой грозовой ночи, забирается на дерево во дворе Илязова дома и укрывается в его огромной кроне.

И пока Методий беседует с вязальщицей Марией о временах прошлых и будущих, Боян Ичеренский, скорчившись, сидит на суку гигантского вяза и дожидается, когда его «друг» будет возвращаться домой. Ну, а дальнейшая история известна... Похищение чертежа и денег, разумеется, камуфляж.

Гражданин Иллариий Стратев, допустил ли я в чем-нибудь ошибку?

Боян Ичеренский поднял голову. По его полным губам проползла вымученная усмешка. Он смотрел на Аввакума с немим удивлением – как борец, положенный на ковер более сильным и достойным противником.

На другой день мы пришли к Балабанице. Она была очень весела. Мы развели большой огонь и зарыли в горячую золу целый передник картофеля.

Балабаница спела нам несколько старинных родопских песен.

Аввакум тоже был весел; правда, порой он как будто задумывался о чем-то, и тогда глаза его казались усталыми и немного грустными.

Тем не менее он был весел и много смеялся.

На улице идет дождь. Осыпи Змеицы заволокло беле-сой мглой. И я думаю об Аввакуме и о том солнечном дне, когда в диких ущельях нашей Змеицы раскатисто зазвучит мужественная песня горняцких кирок и лопат.

До чего же будет здорово!

Тогда я выйду на дорогу, что ведет в Луки, и, встретив доктора Начеву, смело спрошу:

– Хочешь прогуляться по Змеице?

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ПОЛНОЧЬ

1

Спустя несколько месяцев после описанных событий учитель Методий Парашкевов, первооткрыватель залежей стратегической руды в урочище Змеица, вернулся наконец в Момчилово.

Два дня подряд старая корчма ходуном ходила, сотрясаясь от богатырского смеха и песен; молодежь лихо отплясывала хоро на перекрестке, а бай Гроздан, председатель кооператива, ради такого случая велел заколоть пару барашков, чтобы пир шел горой, как при дедах в старину.

Вскоре из Софии прибыли геологи и инженеры, разбрелись по скалам и осыпям Змеицы, перемерили ее всю вдоль и поперек. К осени, когда небо затянуло тучами и пошли затяжные дожди, изыскатели облачились в клеенчатые плащи и высокие крестьянские шапки и продолжали упорно трудиться все дни напролет. По раскисшим дорогам загудели грузовики и самосвалы, проворные «газики» с промокшими тентами сновали между ними, как жуки. Нарушился извечный покой этих нетронутых человеком мест, и старик Карабаир, привыкший лишь к перезвону колокольцев пасущихся на его склонах отар, накрыл свою голову шапкой туч и густых туманов.

Началась пора больших перемен в нашем краю.

Конечно, в те мглистые дни поздней осени самые дальновидные момчиловцы не могли предугадать грядущих новшеств. Даже я, участковый ветеринарный врач, не поверил бы, что всего через год у нас появится и кино, и

клуб, и стадион, что Балабанице, которую не так давно перевели на молочную ферму, присвоят звание образцового бригадира и что бай Гроздан станет председателем объединенного трудового кооперативного земледельческого хозяйства, но Илчова корчма, несмотря на всеобщий расцвет, безнадежно дряхлая и приходила в запустение. Только я да учитель Методий каждый день поднимались по ее каменным ступеням. Мы пили вино, молчали, а иногда вспоминали Аввакума.

Я думал, что после объединения хозяйств мои отношения с доктором Начевой вступят, как говорится, в более благоприятную фазу. Ведь объединение это предвещало столько добра и благополучия для кооператоров, а я-то был и телом и душой с ними. Но мои радужные надежды не оправдались. Новая, более высокая общественная фаза, в которую вступили наши коллективы, не смогла согреть нашу остывшую дружбу. Налицо было совершенно очевидное нарушение закономерности явлений, но я с моей ветеринарной подготовкой был бессилён постичь причины этого. Судите сами. Когда капитан Матей Калудиев вместе с другими геологами в конце концов укатил от нас куда-то к черту на кулички, у меня словно гора с плеч свалилась. Теперь, подумал я, бедняжке Начевой больше уже не придется терпеть ухаживания этого навязчивого, бесцеремонного типа, хотя, правда, лично ко мне он относился очень мило и я не мог жаловаться ни на что. Поэтому, провожая капитана, я радовался не за себя, а за доктора Начеву, которой он причинял много беспокойства. Короче говоря, я решил возобновить нашу старую дружбу и ни единым словом не поминать капитана – как будто его вовсе

и не было. Я позвонил ей по телефону, а потом вышел прогуляться на дорогу, ведущую в Луки.

Настроение у доктора Начевой было необычайно веселое. Она держалась со мной куда свободнее, чем прежде, и так, можно сказать, интимно, что я сперва даже опешил. Чтобы сгладить неловкость положения, я поднял с земли какой-то блестящий камешек и начал его подбрасывать, а затем завел разговор об овечьих глистах и о калорийном питании для стельных коров. Говорил я с увлечением, но моя собеседница вдруг спохватилась, что ей надо навестить какую-то больную или роженицу, и бросила меня посреди дороги, даже не пожав на прощание руки.

А вечер был чудесный. Розовая дымка окутала высокое чело Карабаира; таинственная Змеица погрузилась в море голубого сумрака. Из-за бора со стороны Лук поднималась луна, в потемневшем небе мерцали Большая Медведица и Полярная звезда. Вечер был чудесный, но я вернулся домой в прескверном настроении, как ученик, неожиданно получивший двойку по любимому предмету.

Следующие дни и недели не принесли никакого улучшения. Доктор Начева почти не замечала меня. Да и я со своей стороны прикинулся равнодушным человеком, на которого женщины, вроде нее, не производят никакого впечатления. Но я почему-то стал дольше обычного задерживаться в старой корчме. Дни стояли дождливые, дул холодный ветер, а в закопченном очаге так весело потрескивал огонь! Как хорошо! Я разгребал прутиком золу, сооружал из нее горы, поля и даже домики с двориками. По извилистым тропинкам между ними шла женщина с платком цвета резеды на плечах, стараясь не зацепиться за ка-

кой-нибудь колючий куст. Она ступала, как по льду, смешно прижимая к себе юбку. Я знал, что она непременно пройдет мимо меня и, когда мы встретимся с глазу на глаз, я скажу ей нечто интересное и чрезвычайно важное. Но слова не шли в голову. Я ковырял прутиком в золе, а в трубе завывал холодный ветер, и время от времени сверху падала капля дождя и тотчас испарялась на тлеющих углях.

Выпал первый снег, замерзли дороги. Возле Змеицы выросли, словно грибы-подосиновики, деревянные постройки под черепичными крышами.

Рабочие в кожах и ватниках рыли котлованы для мачт линии высокого напряжения. Земля затвердела от холода. По утрам кооперативный грузовик останавливался у барачных и проворные руки выгружали из кузова дюжину бидонов с парным молоком. Только что поднявшиеся с постелей парни, накинув свои кожаные и ватные, дружески кивали шоферу и наперебой угощали его сигаретами. Из трубы кухни к хмурому небу поднимался струйкой сизый дымок. А высоко поднятый на шесте красный флаг огненным крылом трепетал под напором северного ветра.

Я часто обходил скотные дворы и молочную ферму. Уходя из дому, я набивал карманы сахаром – угощением для моих четвероногих друзей. Я разламывал сладкие кубики и подносил кусочки к их влажным губам. Они с аппетитом похрустывали, качали головами и терлись косматыми лбами о мои руки. Я чесал у них за ушами, а Балабаница укоризненно смотрела на меня, поджав губы. Я ни разу не сказал ей худого слова, но с того вечера она почему-то стала косо смотреть на меня.

Кто знает, до каких пор продолжалось бы все это, если бы сама жизнь не прояснила наши омраченные отношения. Как-то утром она встретила меня с тревогой в глазах. Я было подумал, что захворала корова Рашка, и сердце у меня упало.

– В Змеицу прибыли еще люди, – сказала Балабаница, поправляя косынку.

Заглядевшись на крутой изгиб у нее над фартуком, я пробормотал:

– Чудесно! – и тихонько вздохнул.

Балабаница заметила мой необычный интерес к этому изгибу и насупилась.

– Было бы чудесно, если бы хватало молока! – сказала она с резковатыми нотками в голосе. – Людям есть надо, а у нас молока меньше становится!

Она была явно раздражена, и фартук волнующе колыхался у нее на груди.

Я не сразу вник в смысл ее слов. И не удивительно: на ферме было душно, а в духоте быстро не сообразишь.

– Да, – подтвердил я, – проблема удойности – весьма важная проблема. Ее надо решить, и в положительном смысле.

Балабаница недоуменно пожала плечами и вздохнула. Я так и не понял, почему она вздыхает.

Лишь потом до меня дошло, в чем дело. Мне стало жаль парней в кожах и ватниках, которые останутся без стакана молока к завтраку. Я всегда увлекался зоотехникой – даже награды за нее получал. Я схватил Балабаницу за руку.

– С этой трудностью можно справиться, – мужественно заявил я, глядя ей в глаза.

Возможно, она вздрогнула от моей решительности, потому что тотчас же выдернула руку.

– Ты не болтай, – сказала она, – а надоумь нас, как сытнее кормить скотину, – и снова принялась поправлять косынку.

Балабаница – женщина деятельная, и поэтому я не обиделся на нее. К тому же в глубине души я сознавал, что она права: сложную проблему удойности можно решить только практическими мерами.

Припомнив ряд премудростей из области концентратов и использования калорийных пищевых отходов, я уселся на ворох сена и вынул свой блокнот. Не прошло и часа, как я исписал несколько страниц всякими полезными рецептами.

Впоследствии я узнал, что Балабаница созвала лучших доярок Момчилова и Лук, чтоб обсудить предложенные мною рецепты. Они внесли поправки в дозировку и состав некоторых моих рационов, а кое-что совсем вычеркнули из списка. Но важно не это. Важно то, что вскоре наши коровы стали давать столько молока, что дояркам пришлось дополнительно выписывать с кооперативного склада ведра.

Этот успех вернул нашей дружбе с Балабаницей прежнюю прелесть. Наши отношения вновь стали прекрасными. Теперь, встретив меня на улице, Балабаница самым бодрым тоном говорила: «Добрый день!» – и даже слегка кивала головой.

Аввакум сдержал свое обещание и с первым снегом навестил меня, но пробыл у нас всего три дня. С учителем Методием ему так и не привелось увидаться, потому что тот переехал в Смолен, где занял весьма важный пост в окружном народном совете. А Балабаница, узнав, что

приехал Аввакум, вырядилась в свой новый кунтуш и стала будто ненароком прохаживаться мимо нашего забора, игриво изгибая стан.

Но Аввакум даже не спросил о ней. Я бы на его месте непременно помянул ее добрым словом и даже предложил бы ей прогуляться, например, до коровника. Вид оттуда изумительный: покрытые снегом поляны, сосны в снежных шапках, с обшитыми белым кружевом ветвями. Воздух прозрачен, а в солнечный день все вокруг блестит и сияет, как расплавленное серебро.

– О! – сказал бы я, встретив случайно Балабаницу. – И вы здесь? А как там наша Рашка?

Или что-нибудь еще в таком духе.

Во всяком случае, я не молчал бы, как Аввакум.

2

В начале апреля пришел приказ перевести меня из Момчилова в Триград. Я тотчас съездил в Смолян, и там мне разъяснили, что дела нашего момчиловского участка обстоят прекрасно, что благодаря моей деятельности санитарно-гигиеническое состояние кооперативного стада более чем удовлетворительно, а проблема высоких удоев – опять-таки благодаря моей ветеринарной деятельности – вступила в многообещающую фазу. Я слушал эти лестные для себя слова, и щеки мои горели от волнения. Ведь здоровый скот и высокие удои – факторы общегосударственного значения. Но в то же время я сознавал, что большие достижения и бесспорные заслуги вовсе не повод для перемещения работников с одного места на другое, даже если

они ветеринарные врачи участкового масштаба. Вот почему, слушая, как меня хвалят, я порядком недоумевал: для чего меня перемещают из передового во всех отношениях района (с такими знатными доярками, как, например, Балабаница) в какую-то глухомань у самой границы. Стоило призадуматься. Но когда мне сказали, что меня посылают в Триград именно потому, что край там глухой, прирост скота неудовлетворительный, а удои ниже всякой критики, я понял все и сразу успокоился. В конце концов, подумал я, работа на обжитом уже месте, где ветеринарная служба на высоте и все в полном порядке, – это не предмет гордости, а только преимущество. В условиях благополучия просто скучно работать, пусть даже рядом такая замечательная доярка, как Балабаница. Любопытно, что тогда у меня просто из головы не шла Балабаница. Хотя ничего удивительного в этом нет. Я всегда уделял большое внимание проблеме квалифицированных кадров. А Балабаница, как я уже сказал, была высококвалифицированной дояркой. Перспектива работы в отсталом районе, где придется все начинать сначала и не известно, с какими кадрами, показалась мне настолько заманчивой, что я чуть не поперхнулся от удовольствия. У меня перед глазами раскрывался широкий простор для деятельности, где я мог полностью проявить свои деловые качества специалиста-ветеринара.

Вернувшись в Момчилово, я принялся собирать вещи. Настроение у меня было приподнятое. Перед самым отъездом я сходил в Змеицу. Там царило большое оживление – строители закладывали первую шахту. Я вспомнил, какая дикость и запустение были там еще год назад, как зловеще выглядело это богом забытое место, и невольно задержался

лишних полчаса у котлована. Потом я пошел по дороге в Луки, причем не очень быстрым шагом, потому что окрестные виды просто восхитительны. Вот, думал я, возле этого валуна я как-то почти десять минут проговорил с доктором Начевой. А выше, на той полянке, она любила лежать в траве среди золотистых лютиков и, прищурив глаза, глядеть, на небесную синеву. Я бегал вокруг, ловил пестрых бабочек и собирал цветные камешки. У меня с детства страсть ловить бабочек и собирать цветные камешки. У каждого из нас есть свои странности, не правда ли? Отец мой, например, питал слабость к старинным монетам. До сих пор помню, как вздыхала моя коллега, лежа на траве. Ей, наверное, было завидно глядеть, как я гоняюсь за бабочками. Женщины – существа особые. Когда мы собирались уходить, я предлагал ей выбрать самый красивый из моих крылатых цветов, но она с презрительной гримасой сердито отмахивалась. Порой мне кажется, что я никогда не постигну некоторых загадочных особенностей женской души. Теперь я думаю: как хорошо, что она недавно вышла замуж за нового момчиловского агронома. Бабочки для него не существуют, он сам говорит, что готов отдать душу за помидоры, особенно за кричимские. Чудесный человек! Хочется верить, что моя романтично настроенная коллега будет в восторге от него.

Дорога к Лукам привлекала меня не только красотой видов – их много и в других местах. Мне помнится, что я предпринял эту долгую прогулку в сумерках лишь потому, что селение Луки входило теперь в нашу объединенную Момчиловскую общину. Пахли сочные травы, стрекотали цикады. А может быть, мне так казалось, ведь в то время мои мысли были заняты совсем другим.

Провожали меня исключительно сердечно. Когда я усаживался в повозку, пришли прощаться секретарь партийной организации с женой, бай Гроздан, моя хозяйка Спиридоница и одноглазый Адем. У него в прошлом году гадюка ужалила осла, и мне пришлось изрядно повозиться, чтобы отходить животное. Спиридоница дала мне на дорогу теплый каравай, завернутый в белую салфетку. Но Адем просто растрогал меня, и, если бы не моя черствость, я прослезился бы от умиления: он подарил мне резное блюдечко для соли и других приправ. Он сам выдолбил его своим кривым кинжалом. Это блюдечко я до сих пор берегу; оно мне так же дорого, как первое и единственное любовное письмо от женщины. Однажды, когда я у себя в деревне готовился к экзаменам в университет, я получил от девушки, по имени Теменужка – ей тогда было шестнадцать лет, – такое письмецо: «Милый Анастасий! Одолжи мне, пожалуйста, твой рюкзак, потому что завтра мы с Раданом пойдем собирать липовый цвет, а у меня нет рюкзака. Твоя подружка Теменужка». Радан был мой одноклассник и готовился в политехнический. Но дело не в этом. Важно, что Теменужка приписала к моему имени «милый», слово с глубоким и радостным значением. Вот и блюдечко Адема мне так же дорого, как это первое любовное письмо.

Балабаница не пришла проводить меня, но я на нее не в обиде. Ее, женщину впечатлительную, наше расставание слишком бы растревожило. Да и дел у нее на ферме было по горло.

Так я расстался с Момчиловом и момчиловцами.

Мне хочется вкратце описать окрестности Триграда.

Если спускаться от Доспата к Девину, то справа от Тешела вы увидите поворот на Триград. Сразу же за мостом вы попадаете в тенистое и прохладное ущелье, которое поразительно напоминает вам описанные в книгах величайшие каньоны мира. Разумеется, Триградское ущелье выглядит миниатюрой по сравнению с этими каньонами, но красота его так своеобразна, что ее трудно передать словами. По обеим его сторонам вздымаются к небу отвесные скалы; они то гладкие и ровные, как стена, то зубчатые, нависающие. Узкое и сумрачное ущелье местами сужается шагов до тридцати, а по дну его, бросаясь из стороны в сторону, стремительно и шумно мчит свои вспененные воды река. Она мечется в каменистом русле, как испугнутое стадо оленей, и то образует крохотные водопады, то зеленые водовороты, то превращается в кипящую под гигантскими мраморными глыбами снежно-белую пену, стихая лишь на миг в глубоких зеленых или синих омутах, в которые удивленно глядится из-за скал высокое, далекое небо. Ущелье вскоре поворачивает на юго-восток, и если вы за поворотом оглянетесь назад, то увидите перед собой еще один могуче взнесенный вверх, отвесный, как стена, горный склон. Остановитесь на этом месте – пусть там холодно и сыро, – прислушайтесь, заатайте дыхание! В воздухе носятся брызги и водяная пыль, пахнет вьющейся по скалам дикой геранью. Из расщелин свешиваются кисти сирени – белые, лилово-розовые; на камнях разостланы бархатные мшистые дорожки. Непомолчный шум и грохот реки тщетно ищет выхода на простор – он бьется о скалы, рокот ее несется по ущелью,

как эхо далеких раскатов грома. Не торопитесь, постоит на этом месте, полюбуется несказанной красотой! Вы увидите и загадочные пещеры, и ручьи, журчащие среди скал, и если вы захватили с собой удочку, то подойдите к таинственному изумрудному омуту – там шныряет юркая форель в поисках лакомого кусочка. Когда же вы озябнете, ступайте дальше, идти тут есть куда. Минуйте прорубленный в скалах туннель, шагайте дальше по тенистому ущелью, и вы дойдете до самого Триграда.

Некогда, во времена царя Асена, здесь стояла неприступная крепость. И византийцы, и полчища императора Болдуина зарились на эти земли, но крепость, видимо, крепкой костью засела у них в горле. Конечно, сейчас никто в деревеньке не помнит древних зубчатых башен. Ничего здесь не сохранилось от тех далеких времен. Несколько десятков домиков, сложенных из камня, под тесовыми крышами и за ними гряда безлесных зеленых холмов, пасторальная тишина и нежное южное небо – вот что такое Триград.

Отсюда начинается пограничная зона. Зеленые овраги, девственные заросли кустарников, луга, покрытые папоротником и сочной душистой травой, шумные потоки и болтливые тихие речушки, дремучие, темные боры, которым, кажется, нет ни конца, ни края; то тут, то там стоят кооперативные кошары, крохотная гидростанция в деревянном сарае, одинокая линия электропроводов. Слышится звон медных колокольчиков, тихий и напевный, старей-престарый, как легенда о родопском Орфее. Кто знает, быть может, когда-то Орфей и бродил по здешним местам. Край этот не только красив, но и очень удобен для разве-

дения скота. Условия для массового выпаса кооперативного стада просто отличные!

А дальше к югу тянутся лесистые отроги, прочерченные козьими тропами. Тишину здесь нарушают летом лишь ночные птицы и серны, а зимой волчий вой. Пограничная полоса извивается черной лентой по хребту, спускается в мрачные ложбины, снова поднимается и исчезает в безмолвной голубой дали.

В этом царстве гор, вдали от городов и асфальтированных шоссе, на редких открытых местах сгруппировались маленькие деревеньки. Там, где на поверхность выходит мягкий каменный плитняк, домики каменные, а близ отрогов, заросших лесом, — деревянные. Эти деревеньки вместе с Триградом и образуют мой живописный ветеринарный участок. Мягкие проселочные дороги и извилистые тропинки ведут от деревни к деревне, и нет для меня большего удовольствия, чем бродить по ним, особенно когда нет ни тумана, ни дождя.

Обуваю я туристские ботинки, взваливаю на плечи ветеринарную сумку и с палкой в руке обхожу свои владения. В хозяйствах скота много, но рабочих рук не хватает; окрестные шахты и заводы в Рудоземе и Мадане, как магнит, притягивали молодежь. Молодые покидали деревню, устраивались на работу, получали квартиры, а за ними плелись и старики. Поэтому многие дома стояли пустые и на воротах висели замки. В таком же положении оказалась и деревня Видла.

До чего же красиво это орлиное гнездо, свитое меж двух холмов среди лугов и лесов, под бездонным лазурным куполом южного неба! Воздух благоухает цветами и со-

сновой смолой, в зарослях папоротника и ежевики журчат ручейки, а вокруг, насколько хватает глаз, там и сям белеют, словно рассыпанные бобы, стада.

Но деревня выглядела печально. На многих воротах висели тяжелые замки, из красных кирпичных труб давно уже не вился дымок.

— А хозяевам и горя мало — гребут денежки на шахте... Ну и пусть! — говорил, хмуро поглядывая из-под бровей, седовласый Реджеп, когда встречался со мной на маленькой деревенской площади.

Он был председателем кооперативного хозяйства и местной организации Отечественного фронта.

Я останавливался у него в домике. Даже когда Реджеп говорил о делах радостных, он все равно тихонько вздыхал. Я знал, что тяготило старого Реджепа. В хозяйстве было двадцать молочных коров, более ста овец и много гектаров тучных лугов, которые давали за лето несколько укосов. А людей было в обрез: всю молодежь по пальцам пересчитаешь! Хотя моя, так сказать, основная база находилась вовсе не в Видле, я надолго засел там. Сам удивляюсь, что влекло меня в эту глухую деревеньку. В домике деда Реджепа было две комнатухи, крохотные, как коробочки, и кухня. В одной жил он со своей внучкой Фатме, а в другой — я. Фатме шел восемнадцатый год. В той местности только старухи ходили с закрытым лицом, и это было очень хорошо. Итак, до сих пор я не знаю, что удерживало меня в Видле. Во всяком случае, я надавал кооператорам тысячу полезных советов. Научил их закладывать в ямы силос, сушить сено в приподнятых копнах, чтобы не прело от дождя. Показал им, как небольшим количеством пита-

тельных кормов повысить удои, как сделать брынзу более жирной и вкусной и как удлинять срок ее хранения. Лечил заболевших животных, рвал зубы, даже сам подковал лошадь деду Реджепу.

А Фатме была похожа на серну. Когда я впервые увидел ее, то сразу же вспомнил Теменужку, такую же светлорусую, с глазами синими и ясными, как безоблачное утреннее небо над Видлой. Но Фатме была выше ростом и стройнее, ее босые ноги будто не касались земли. Она ходила в темном сукмане⁹, широком в плечах и узком в талии. А из-под него белела, спускаясь почти до икр, белая посконная рубашка, обшитая по низу кружевами. Загорелые ноги Фатме были цвета темной бронзы, и от этого рубашка казалась еще белее.

Фатме вставала до восхода солнца, и я слышал, как ее босые ноги проворно шлепают по глиняному полу. Она раздувала погасший огонь в очаге, доила свою белую козочку и вешала над огнем на закопченной цепи котелок с парным молоком. Утро в горах отличается приятной свежестью, особенно на заре, поэтому я бодро вскакивал с топчана и выходил во двор. Фатме рубила хворост и с привычной сноровкой растапливала печь. Я, как умел, помогал ей: дул изо всех сил на сухую солому и хворост, так что глаза слезились от дыма, а Фатме смеялась; приносил воду из родника и, наполняя корчаги, выливал добрую половину себе на ноги, вызывая у Фатме неудержимый хохот. Когда она смеялась, два ряда бус так и прыгали у нее

⁹ Сукман – старинное женское крестьянское платье без рукавов из шерстяной ткани.

на груди, и я любовался разноцветными бусинками – они казались мне необыкновенно красивыми! Впрочем, Фатме стала надевать свои бусы лишь вскоре после того, как я остановился у них на квартире. Тогда же у нее появился и розовый целлулоидный браслет.

Она соскребала с хлеба подгоревшую корочку, покрывала стол сине-белой скатеркой, поливала деду на руки и, налив молоко в глубокие глиняные мисочки, садилась завтракать вместе с нами, непринужденно повернув колени в мою сторону. Она очень уважала дедушку и не хотела стеснять его за столом.

А когда солнце высывало из-за гор свой багровый лоб, Фатме бежала на ферму выгонять коров на пастбище.

Седой Реджеп вздыхал и уже в который раз принимался рассказывать о семейных невзгодах. Три года назад мать Фатме скончалась от укуса гадюки. Такова, видно, была воля божья. Сын уехал в Мадан на рудники, скопил денег, женился на какой-то разведенной, вызвал к себе Фатме и устроил ее на хорошую работу. Казалось бы, чего лучше? Но в деревне дела пошли из рук вон плохо. Обезлюдели поля, некому стало пасти скот. Тогда дед не стерпел и поехал в Мадан за внучкой. И хорошо, что приехал вовремя: непоседа уже успела вскружить голову одному парню, а это вовсе не входило в расчеты председателя. Коровы остались без присмотра, а от молока и брынзы зависело благополучие всех кооператоров. Сын не соглашался, и Фатме упиралась, но старик настоял на своем. «Если старый и малый разбредутся по шахтам, – сказал он, – кто будет пахать, пасти коров и овец? С голоду околеете!» Дед подхватил Фатме и увез с собой в деревню. Теперь она

пасет коров, и Реджепу стало легче. Ведь он, как председатель, должен заботиться о всех. Но осталась у него заноза в сердце, которая не дает покоя. Фатме пора уже замуж, пора обзаводиться своей семьей и домом, а Видла оскудела женихами. Правда, есть несколько парней, но двое из них моложе Фатме, а трое других давно уже обручились, и если год выдастся хорошим, то осенью они справят свадьбы. Если же выйти ей за парня из другой деревни, тоже плохо: кто тогда будет пасти коров, сгребать и складывать сено? Земля требует своего. И он, Реджеп, должен заботиться о всех, потому что он председатель, а людей не хватает.

Вот какие заботы одолевали деда Реджепа.

Но сама Фатме и не думала тужить. Ее веселый, жизнерадостный смех разносился по двору; глаза сияли, а бусы так и прыгали на ее девичьей груди.

Должен сказать, что я с усердием выполнял свои обязанности. Вылечив овец, научив крестьян по-новому сушить сено и показав им другие полезные приемы, я начал бродить по пастбищам, чтобы на месте изучить выпасы и нагул коров на подножном корму. Это тоже входило в мои обязанности. Поэтому я часто встречался с Фатме, и мы с ней подолгу беседовали. Собственно, говорили мы мало, потому что она больше смеялась, без толку гонялась за коровами и, как ласточка, кружилась вокруг меня. Если бы я не сознавал, что мне, как ветеринарному врачу, следует держаться солидно, я бы пустился за ней вдогонку, и нам обоим было бы весело.

Однажды вскоре после полудня я отправился вверх по течению видловской речки, которая вытекала из глубокого, заросшего папоротником оврага и разливалась как раз по

тому лугу, на котором паслись кооперативные коровы. Фатме куда-то запропала, а с коровами остался какой-то курносый мальчонка.

Было душно, в знойном воздухе жужжали пчелы, порхали бабочки, а в тихой ложбине веяло прохладой, пахло тысячелистником и полынью.

Кругом ни души – лишь тихий шепот ручья да шорох камешков под ногами нарушали сонную тишину.

Не прошел я и десяти шагов, как у меня вдруг перехватило дыхание, руки и ноги одеревенели. За поворотом, где расступались заросли папоротника, всего в нескольких метрах от меня открылась такая картина, что я просто остолбенел и не знал, куда деться: среди небольшой заводи стояла Фатме. Она черпала горстями воду, выплескивала ее на грудь и жмурилась от удовольствия. На камнях валялись небрежно сброшенные сукман и белая рубашка.

...Не могу сказать, сколько времени длилось мое оцепенение – минуту или час. Очевидно, не больше минуты. Фатме заметила меня и тоже смутилась. Но она куда быстрее пришла в себя и, приложив мокрый палец к губам, другой рукой стала энергично махать мне. Мне было не ясно, что она хотела сказать этим жестом, настолько он был неопределен, и я истолковал его по-своему: повернулся и помчался прочь, да так, словно за мной гнался, щелкая зубами, матерый волк. Я чувствовал себя очень виноватым перед Фатме.

Вечером, когда мы сели ужинать, я просто не смел взглянуть ей в глаза. Но она держалась спокойно и непринужденно, как будто ничего не произошло, что-то спросила меня про сап и дважды подливала мне в миску

огненной, люто перченной картофельной похлебки. Дед Реджеп все время охал: весна выдалась влажная, трава вымахала по колено, а косить некому. Он вздыхал, крутил усы. Что и говорить – у председателя забот полон рот. Еще не опомнившись от послеобеденного происшествия, я молча глотал похлебку и думал: до чего же не похожи эти люди на своих тезок из некоторых литературных произведений!

Ночью я спал плохо. Белое видение стояло перед глазами, по его шее и груди стекали капли воды. Вокруг тень, прохлада, а я как в огне... Скрипели доски топчана, шелестела солома, и сон бежал от меня.

Однако на заре, когда снова слышался знакомый топот босых ног, я вдруг почувствовал прилив бодрости. Наскоро одевшись, я вышел во двор, чтобы полюбоваться ясным солнечным восходом. Фатме приветливо улыбнулась и показала глазами на пустые ведра. Я побежал к роднику и, пока наполнял ведра, успел облиться почти до колен. Она смотрела на меня, весело и звонко смеялась, а бусы задорно прыгали на ее груди. Как прекрасно было то розовое утро!

Когда подошла пора выгонять коров, Фатме равнодушно бросила мне через плечо:

– Придешь в полдень на луг?

Я почувствовал на щеках жар, хотя солнце еще не показалось из-за гор. Вопрос девушки был самый бесхитростный: в том, чтобы прогуляться по лугу, ведь не было ничего особенного? А мне почему-то стало жарко. Я даже не смог выговорить «да», а лишь кивнул головой.

Потом я пошел в конюшню посмотреть жеребца деда

Реджепа. Прихватил ведро и скребницу и с таким рвением принялся за конский туалет, будто готовился к выставке республиканского масштаба.

Незаметно летело время. Когда же солнце поднялось к зениту, я стал собирать вещи. Впрочем, весь мой багаж состоял из сумки с лекарствами и инструментами и заплечного мешка. Выйдя из деревни, я зашагал не к лугу, а по дороге в Триград.

Было душно, жужжали пчелы, пахло нагретой травой и цветущей бузиной. Я шел, постукивая палкой по земле, любовался голубыми далями, на душе у меня было так весело и спокойно, что я даже стал что-то насвистывать.

3

Однажды вечером, вернувшись домой, я застал своего хозяина дядюшку Стефана за разговором с каким-то странным человеком. Дядя Стефан сидел посреди двора на колоде и строгал ножиком щепку, а незнакомец стоял рядом, посасывая короткую глиняную трубочку и выпуская изо рта густые клубы едкого дыма. Долговязый и сухой, как жердь, чуть сутулый в плечах, косматый и небритый, с отвисшими пожелтевшими усами, он был одет в домо-тканые шаровары, подпоясанные широким красным поясом, и деревенскую куртку, а голову повязал куском холста. И шаровары и куртка были сплошь в заплатках.

Как только я вошел во двор, он уставился на меня своими большими темными глазами; оглядев с головы до ног, он покачал головой. Мне показалось, что усы у него чуть шевельнулись в легкой, слегка грубоватой, добродушной улыбке.

– Так этот паренек и есть доктор? – спросил он. Дядюшка Стефан молча кивнул головой.

– А я-то думал, что наш ветеринар с бородой до пояса, а он вишь какой: тоненький и беленький, как барышня! – рассмеялся незнакомец, бесцеремонно зацокав языком.

Почесав косматый затылок, он поднял с земли корзиночку, разгреб зеленевшие сверху листья и попросил взглянуть. В корзинке лежало несколько крупных форелей.

– Это для доктора, – сказал он и благосклонно похлопал меня по плечу.

Я вынул деньги, чтобы рассчитаться с ним, но он лишь махнул пренебрежительно рукой.

– В другой раз!

Шевельнул усами и ушел.

Я спросил дядюшку Стефана:

– Кто этот чудак?

Дядюшка Стефан спрятал ножик, швырнул щепку на землю и молчал, словно не знал, что ответить.

– Это Ракип Колибаров, – наконец промолвил он и нахмурился. – Живет на краю деревни, у дороги на Кестен. Лучше всего не иметь с ним дела, вот и все. – И снова замолчал.

Прошла неделя или две. Ракип повадился носить мне рыбу, но денег брал мало, лишь бы не обидеть меня. Чудак, да и только! А ведь другого такого искусного рыбака, говорят, не было во всей округе.

В последний день июня я получил заказное письмо на официальном бланке и с гербовой печатью. Меня на два месяца откомандировывали в Софию прослушать цикл лекций о последних новинках ветеринарной науки, а за-

одно ближе познакомиться с различными видами новых лекарств. Ну и скука! Я не на шутку расстроился. Ведь я совсем уж было собрался заглянуть в Видлу, чувствуя, что там нуждаются в моей помощи, да и прогулка по чудесным видловским лугам обещала быть приятной.

Но даже не будь на свете ни видловских лугов, ни деда Реджепа, ни Фатме, все равно мне не хотелось бы уезжать отсюда. Почему? Словами трудно выразить те чувства, которые охватывают тебя, когда встанешь еще до того, как порозовеют горные хребты на востоке, когда слышишь скрип телег на пыльных дорогах, звяканье ведер на коромыслах, видишь пышногрудых девах и молодых, идущих за водой, чувствуешь приятное пощипывание в носу от запаха проходящего стада. Как хорошо, взвалив на плечи свою сумку, отправиться по фермам и овчарням, отвечать бодрым «здравствуй!» чабанам и дояркам, которые застенчиво встречают тебя теплыми, приветливыми взглядами. Кто знает... Вот почему, откровенно говоря, это письмо на официальном бланке со строгой печатью даже расстроило меня. Одно лишь утешало меня – в Софии я встречу с Аввакумом.

Я снял номер в гостинице «Болгария». Будь на моем месте иной ветеринарный врач, пусть тоже участкового масштаба, он устроился бы в гостинице поскромнее. Но я решил остановиться непременно в «Болгарии». Невелика беда, если все суточные уйдут на оплату номера! Черт с ними, с деньгами – у меня их более чем достаточно: в Триграде при всем желании их негде тратить.

Мне отвели номер на третьем этаже – маленькую продолговатую комнатку с окном, выходящим на глухую

стену. Выглядела она довольно мрачно, но зато здесь была ванная с душем, стеклянной полочкой и большим зеркалом. И удобно, и красиво. В свободное время можно спуститься в холл и посидеть в кресле среди персидских ковров и вазонов с экзотическими цветами. Но больше всего мне понравилась лестница. Только ради нее стоило платить бешеные деньги за мою каморку. Плотная плюшевая дорожка устилала ступеньки, и шагов совсем не было слышно. Ходишь как во сне. Я поднимался и спускался только по лестнице; лифт не привлекал моего внимания.

Пока я мылся в ванной и наводил городской лоск, меня одолевала искуcительная мысль. «Вот почему; — думал я, — хорошо жить в большом городе, можно помыться, когда захочешь, на столе телефон и кнопки для вызова горничной или официантки. Кроме того, можешь вволю ходить вверх и вниз по лестнице, а если надоест — прокатиться в огромном бесшумном лифте. Разве сравнить с этими благами все красоты Триграда, луга Видлы, стада на горных пастбищах, южное небо и журчащие днем и ночью горные потоки?» Эта мысль так рассмешила меня, что я чуть не порезался. Хорошо, что лезвие было не очень острое.

Затем я отправился к Аввакуму.

Должен сказать, что сердце у меня неистово забилося, когда я постучал к нему. На меня скверно действует холодная тишина музеев.

Аввакум рассеянно взглянул на меня, да с таким ледяным равнодушием, что мне стало не по себе, захотелось повернуться и бежать куда глаза глядят. Но все это длилось одну-две секунды.

– Неужто Анастасий? – прошептал Аввакум.

Он втащил меня в мастерскую, положил руки на плечи, и глаза его засияли, как будто в них вспыхнули невидимые огоньки.

– Анастасий! – тихо повторил он.

Похлопывая своей тяжелой рукой по спине, Аввакум прижал меня к груди, потом подал мне стул, сам уселся на табуретку и тепло улыбнулся.

Всего лишь год мы с ним не виделись, но он как-то постарел и осунулся. На лицо его легла печальная тень усталости. Но оно было таким же мужественным, со строгими складками вокруг рта, с пронзительным взглядом глаз.

– Ну, что – постарел я? – спросил он.

Я вспомнил его удивительную способность читать, как по книге, чужие мысли, отвел глаза и пробормотал:

– Напротив!

Он рассмеялся.

– О, добрейший мой Анастасий! А когда ты прибыл?

Я ответил довольно сухо. Мне не понравились покровительственные нотки в его голосе. Ведь он не намного старше меня!

– Ты остановился в гостинице «Болгария» – не так ли?

Я разинул рот от удивления.

– Но ведь это совсем прозрачная тайна! – усмехнулся Аввакум. – Почему скрываешь? Ты приехал в восемь, а сейчас без четверти десять. За час сорок пять минут даже самый проворный человек не сможет помыться, побриться и подъехать к музею, если только не остановился где-то поблизости.

– Поблизости есть и другие гостиницы, – ехидно заметил я.

– Но ты остановился именно в «Болгарии». В «Балкане» и «Славянской беседе» нет свободных номеров. Вчера вечером из Варшавы прибыл профессор Витезлав Мах, археолог. Так как мне предоставили честь устраивать его, я звонил и в «Балкан» и в «Славянскую беседу», но свободные номера оказались только в «Болгарии». Ты принимал душ – это видно по твоим волосам: они еще влажные. Ты брился не в парикмахерской, а безопасной бритвой – на подбородке у тебя осталось несколько предательских волосков. Когда бреешься безопасной, это часто случается. Комната хорошая?

– Отличная! – воскликнул я и покраснел.

Аввакум посмотрел на меня, помолчал и покачал головой.

– Управляющий – мой знакомый, – сказал он. – Я попрошу его при первой же возможности перевести тебя в солнечный номер.

На это мне нечего было сказать. Я поблагодарил его и стал разглядывать мастерскую.

Затем Аввакум завел разговор о Момчилове, вспомнил наших старых знакомых, расспросил о работе на новом участке. Но говорил он без души, словно через силу. Про Балабаницу, например, даже словом не обмолвился. И не удивительно – что ему до нашего глухого края!

Аввакум подошел к одной из полок и поманил меня рукой. Он вынул из-под глиняных обломков длинный альбом, стряхнул с него пыль и стал перелистывать. На страницах альбома среди набросков ваз, амфор и прочих

древних посудин я увидел знакомые, милые сердцу мотивы. Некоторые рисунки были выполнены карандашом, другие – углем, но все они были на редкость схожи с натурой. Я увидел мрачный, затянутый тучами Карабаир со стороны Момчилова, и зловещую Змеицу с ее зазубренными скалами, и склонившуюся к дороге, словно придавленную горами Илчову корчму, и домик Балабаницы с галерейкой. Вот в очаге пылает огонь, а рядом сидит на трехногом стульчике женщина... Ошеломленный, я смотрел на Аввакума. А он в ответ лишь пожал плечами, захлопнул альбом и небрежно швырнул его на полку с глиняными черепками.

– Любительские забавы, – сказал он, застегивая пуговицы на своем синем халате, словно ему вдруг стало холодно. – Нацарапал по памяти, и вовсе не от скуки, уверяю тебя. Мне многое надоедает, но я никогда не скучаю. Скука, по-моему, синоним душевного оскудения. Когда я остаюсь без дела – а это бывает очень редко, – то составляю интегральные уравнения и с наслаждением решаю их или же беру в руки задачник по теории вероятностей и строю различные гипотезы. Где уж тут скучать?.. Делаю по памяти наброски домов, витрин, уголков в скверах и парках, а потом хожу и проверяю, насколько удалось соблюсти формы и пропорции, не пропустил ли какие-нибудь существенные детали.

– А ты не собираешься наведаться в Момчилово, чтобы сверить на месте, например, некоторые детали на рисунке с очагом и трехногим стульчиком? – заметил я со смехом.

Он тоже засмеялся и погрозил мне пальцем, а затем спросил:

– А что если я уже произвел такую проверку?

От Аввакума всего можно было ожидать, поэтому я предпочел промолчать.

Я не спешил уходить. Аввакум показал мне две корзинки, доверху полные обломков терракоты.

– Две прекрасные ионические гидрии, – сказал он, и лицо его впервые оживилось. – Завтра примусь за реставрацию. Это будет чудесно!

Я смотрел на черепки, не различая в них никаких ваз, и не понимал, что же будет чудесным: восстановленные реликвии древности или же сама работа по восстановлению. Мне сдавалось, что под словом «чудесно» мой приятель подразумевал предстоящую работу. Что это было – жажда творчества? А может, состояние напряженного поиска – естественная стихия его ума?

Аввакум обладал врожденным, свойственным подлинному художнику чувством меры. Решив, видимо, что слишком долго занимает меня своей особой, он тотчас изменил тему разговора и стал расспрашивать, как «поживаю» я во владениях Мехмеда Синапа, будто я не знаю, что Мехмед Синап в наши края и не заглядывал. Но, подстегиваемый его вопросами, я сам слово за словом выложил ему все о своем житье-бытье. Опустил, правда, только встречу с Фатме у реки. Впрочем, это ведь была совсем пустячная подробность.

Аввакум внимательно слушал и что-то чертил карандашом в своем внушительном блокноте. Очевидно, рисовывал какие-нибудь вазочки. Я, например, пытаюсь изобразить овечьи головы, когда мне приходится слушать кого-нибудь из вежливости.

Когда подошло время обеда, Аввакум ненадолго отлучился, чтобы умыться и переодеться. Меня так и подмывало посмотреть, что за вазу нарисовал Аввакум в блокноте. Но внутреннее чутье подсказывало мне, что на этот раз Аввакум изменил своей привычке и вместо ваз и черепков изобразил самые примечательные эпизоды моего рассказа. А рассказывал я с увлечением и, кажется, довольно живописно.

Но Аввакум вовсе и не помышлял о зарисовках! На листке вместо рисунков я обнаружил вот какую запись:

«Триград – Бор (S.S – E): 7-8 км. Дорога – проселочная. Река. Два перехода вброд. Другие ручьи – 20 мин. Лес: 2 км – W, 1 км. S. E. На 6-м км – лесопилка (заброшена). Поляна. Все при хорошей видимости – 100 мин.

Бор – Видла (E от Триград, после E – S): 6 км. Дорога – проселочная. 2 км – лес (смешанный); 4 км – луга. Видимость! Все – 60-70 мин.»

Вся эта дремучая скука была испещрена разными топографическими знаками: треугольниками, кружочками с точкой посередине и еще какими-то иероглифами. Я узнал только один знак – тот, которым топографы обозначают сосновый лес, – потому что он немного напоминает настоящую сосну.

Напрасно я вглядывался в листок, выискивая следы своего восторженного рассказа. Непонятный человек этот Аввакум!

А потом мы отправились обедать. Аввакум был одет «а катр эпенгл», как говорят французы, – скромно, но элегантно, и я подумал, что он поведет меня в какой-нибудь из больших столичных ресторанов. Да и я ведь не зря повязал

свой голубой галстук – наверное, во второй или в третий раз за последние три года. Правда, стояла ужасная жара, но мне, как ветеринарному врачу, положено соблюдать все правила приличия.

Когда Аввакум взял такси, мои надежды дообедать в лучшем ресторане превратились в уверенность. Я был очень доволен, тем более что давно не ездил в легковой машине; грузовики и вездеходы – «газики» мне осточертели. Поэтому я не обратил внимания на разговор Аввакума с шофером. Мне было все равно, где отобедать – в «Балкане» или же в Венгерском клубе.

Но когда такси помчалось в сторону от центра города и, пробравшись сквозь муравейник на бульваре Георгия Димитрова, свернуло влево к большому мосту через Владайскую речку, я начал было беспокоиться, но утешил себя тем, что неплохо пообедать и вне Софии, в каком-нибудь загородном ресторане. Я искоса взглянул на Аввакума, но он молчал.

За мостом машина замедлила ход и остановилась. Пока я с удивлением оглядывался вокруг, Аввакум расплатился с шофером и весьма любезно пригласил меня выйти. Он даже открыл мне дверцу. Разумеется, я и сам мог бы открыть ее, если б не загляделся.

С унылым видом я сошел на тротуар. Аввакум взял меня под руку и повел в какое-то совсем неказистое заведение, по-моему, даже без вывески. Пока мы пробирались между столиками, я уловил чрезвычайно приятный запах. Пахло шашлыком, черным перцем и выдержанным пивом. По винтовой лесенке мы поднялись на галерею, огибавшую зал в виде буквы П. Столики белели чистыми скатертями,

было уютно и спокойно, сидя здесь, можно было видеть как на ладони весь зал и залитый солнцем противоположный тротуар. Ресторанчик мне сразу понравился, и я даже улыбнулся.

К нам подошла курносенькая официантка. Белая ленточка перехватывала ее белокурые волосы, а гофрированный передничек оттенял красивыми мягкими складками ее высокий бюст. Она улыбнулась Аввакуму, и я тотчас заметил это. Аввакум тоже улыбнулся. Сделав заказ, он сказал ей:

– Этот молодой человек – мой друг. Нравится он тебе?

Я думал, что девушка рассердится, потому что вопрос был не очень деликатен. Но она лишь подняла свои длинные ресницы, и в ее голубых глазах мелькнула смешинка.

А потом мы уплетали за обе щеки лучшие в мире кебапчета¹⁰, пили лучшее в мире пиво, и нам было очень весело. Угощал Аввакум, как хозяин, но всякий раз, когда девушка с лентой в волосах подходила к нам, он просил меня заказать что-нибудь еще. Она склонялась над моим плечом так, что я ощущал ее дыхание на щеке. А один раз я невольно прикоснулся к ее руке. Аввакум добродушно и снисходительно улыбался, покуривая свою трубочку, и делал вид, что ничего не замечает.

Как хорошо, что мы не пошли в большой ресторан! Я был очень признателен Аввакуму.

¹⁰ Кебапчета – национальное болгарское блюдо – продолговатые котлетки из рубленого мяса, запеченные на углях, с острой приправой.

После обеда я отправился в Управление по борьбе с эпизоотиями к начальнику отдела снабжения лекарствами доктору Петру Тошкову. На нем лежала обязанность освежить мои познания в ветеринарной фармацевтика, которые, судя по тону полученного мною письма, значительно отстали от развития науки.

Немудрено, что я вошел к нему в кабинет в несколько подавленном настроении. А увидев его, огромного, грубоватого, в расстегнутой не по-начальственному рубашке, внушительного, как директор мясокомбината республиканского масштаба, я и вовсе упал духом. Кто знает почему, но такой тип начальников скверно действует на мои нервы.

Пробормотав: «Добрый день!», я молча положил письмо на стол. Следовало бы отрекомендоваться, но мне не хотелось тратить лишних слов.

Доктор Петр Тошков равнодушно взглянул на меня и звучно зевнул во весь рот. Возможно, он хотел сразу же поставить меня на место и внушить мне, сколь серьезно я должен относиться к предстоящим занятиям. Но напрасно – ни один мускул не дрогнул на моем лице. Недаром я поработал в тех местах, где подвизались такие личности, как легендарный Момчил и бесстрашный Мехмед Синап.

– Так, значит, ты и есть Анастасий Буков? – воскликнул начальник отдела. Он протер глаза и еще раз зевнул. – Ах, чтоб тебе пусто было. А я-то думал, что ты с виду совсем другой. Ну ничего, мне все равно приятно. Садись.

Он написал на письме какую-то резолюцию, вызвал

посыльного и велел ему отнести письмо в архив. Когда посыльный вышел, доктор покровительственно кивнул мне и сказал:

– Зайди завтра к кассиру, получишь суточные. Деньги на земле не валяются.

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Я не спешу. Еще есть время, – сказал я и деликатно спросил, как подобает командированному, который не злоупотребляет оказанным доверием: – А где будет проводиться инструктаж, товарищ начальник? Объясните, пожалуйста!

Доктор откинулся назад, смерил меня удивленным взглядом и широко развел руками, которые взметнулись над столом, как крылья ветряной мельницы. Мне пришлось видеть ветряные мельницы на картинках.

– Инструктаж? – переспросил доктор Тошков и бестактно расхохотался. – К чему эти модные словечки, дорогой мой? Это первое. И какой-токой инструктаж тебе втемяшился в голову? Наш директор, Светозар Подгоров, тоже любит такие словечки: инструктаж, переквалификация и прочие *tutti quanti*. Но на то он и директор. А ты, Анастасий, говори по-человечески, просто. Неужто ты так и калякаешь со своими туземцами в Триграде? Нет? Тогда зачем тут важничаешь? Хочешь лимонаду? Не хочешь? Ну, тогда я сам выпью. – Он подошел к большому шкафу в глубине кабинета, распахнул дверцы и достал из ведра красную бутылку. – Холодненький, прямо со льда. Лед искусственный – твердая уголекислота. В самом деле, не хочешь? Жаль мне тебя. – Бутылка в его огромной лапище выглядела, как детская соска. – За твое здоровье! – Утерев ладонью пухлые губы, он снова уселся за стол. – Что ка-

сается вопроса о так называемом инструктаже, то его выдумал Подгоров, наш директор. Ему, видите ли, понадобилось, чтобы «кадры на местах» – так он называет вашего брата из районов – приезжали по одному в Софию и собственными глазами узрели, а носами унюхали новые виды лекарств, а заодно пощупали новейший ассортимент клещей и ланцетов в нашем ведомственном складе. Этот самый инструктаж можно было и по-другому устроить: разослать каталоги с нумерацией, объяснениями и картинками для наглядности. Просто и хорошо! А то, что придумал Подгоров, – пустая трата времени. Я сам ему про то говорил и на коллегии выступал. Но у него своя теория, будто воду лучше всего пить прямо из источника. Так ли это? Вздор! А я вот пью лимонад, разве мне плохо? Как раз наоборот. Точно так же и с инструктажем. Ты, дорогой мой, первый экземпляр из наших кадров, которого я имею честь просвещать. Пусть даже в твоём районе все тихо и мирно. Но в разгар лета отрывать человека от работы – это никак не укладывается у меня в голове. А теперь что поделаешь. Наслаждайся красотами столицы и каждый вечер клади три поклона ветеринарному богу, чтобы сохранил живой и здоровой триградскую скотину, пока ты не вернешься в свою землю обетованную.

– Как будут проводиться занятия? – спросил я угасшим голосом, ибо горло у меня почти пересохло.

– Занятия? – Доктор Тошков снова развел руками. – Дам тебе адрес нашего складского хозяйства. Там найдешь одного чудесного парня, который все знает.

– Только и всего?

– Успеется, Анастасий! – Доктор весело рассмеялся. –

Зачем торопиться? Тише едешь – дальше будешь! Я мотоциклист и хорошо знаю это из опыта. На мотоцикле едь!

Я отрицательно покачал головой.

– Рыбачишь?

– Нет.

– А любишь смотреть, как другие ловят рыбу?

– Люблю, – соврал я.

– Ну, тогда мы с тобой станем друзьями, – сказал доктор Тошков, потирая руки. – Я посажу тебя на заднее седло, и будем ездить вместе. А когда вернешься в Триград, позовешь меня в гости. Ладно?

– С большим удовольствием, – ответил я.

– А форель водится в ваших речках?

Я сказал, что наши речки просто кишат форелью и что один триградец, по имени Ракип Колибаров, каждый день ловит по несколько килограммов.

– Ракип Колибаров, – задумчиво повторил доктор.

Он заморгал, словно припоминая что-то. А я подумал: почему при имени Ракипа Колибарова люди умолкают?

Доктор Тошков потянулся и взглянул на часы. Было около пяти.

– Анастасий, – сказал он, – ступай в соседнюю комнату к товарищу Ирине Теофиловой. Попроси ее объяснить тебе кое-что, а когда надо будет уходить, я зайду за тобой. Ладно?

– Конечно! – согласился я и с воодушевлением добавил: – Непременно буду вас ждать.

В соседней комнате было два стола, и за каждым из них сидела молодая женщина. Когда я встал в дверях, они од-

новременно подняли головы и с любопытством посмотрели на меня.

Кто знает почему – наверное, от жары, – но я стоял в дверях и молчал. Я глядел на ту, что слева, и не мог отвести от нее глаз. Что за лицо, боже мой! Казалось, я его видел уже много раз, так оно мне было знакомо, но я все же сознавал, что вижу его впервые. Ах, да! Если бы не жара, я, конечно, сразу догадался бы. Лицо напоминало мне картину эпохи Ренессанса: пышные каштановые волосы, темные брови, загнутые кверху ресницы мадонны и глаза большие, светлые, как южное небо над Видлой. Но небо над Видлой было прозрачно-голубое, а ее голубые глаза отливали мраморным блеском, сияли, как флюориты, и в то же время были непроницаемы, как у Аввакума.

Пожав плечами, она приподнялась со стула, и я увидел ее во весь рост. Довольно высокая, с округлыми формами, но не полная, она источала красоту зрелости – это было раннее лето женской красоты.

– Что вам угодно? – спросила она, спокойно оглядев меня с головы до пят.

– Я к товарищу Ирине Теофиловой, – объяснил я и закашлялся, потому что мне хотелось пить.

Она кивнула головой, но я не понял, что это означает, и продолжал стоять в дверях.

Тогда из-за стола справа встала другая женщина, и я должен признаться что и она произвела на меня прекрасное впечатление. Правда, волосы ее были черные и выглядела она более худощавой. В ее карих глазах не было ничего примечательного, но мне показалось, что они смотрят как-то чересчур смело и даже вызывающе. В отличие от

первой на ней было более открытое платье с короткими рукавами. Посреди декольте пролежала симпатичная складка.

– Вы, товарищ, прибыли из провинции? – спросила она и неизвестно зачем поправила брошку как раз там, где пролежала симпатичная складка.

Вопрос был, что называется, в упор.

– Из провинции, – ответил я. – Из Триграда. А как вы узнали?

Так я познакомился с персоналом доктора Петра Тошкова. И секретарь Ирина Теофилова и машинистка Христина Чавова оказались очень любезными – напоили меня водой, развлекали разговором. Больше говорила Христина Чавова. Она сказала, что мне идет загар и что мой голубой галстук удачно подобран в тон глазам. При этих словах Ирина Теофилова улыбнулась с подчеркнутой снисходительностью – и напрасно, потому что галстук в самом деле подходил к моим глазам, хотя и был чуть темнее. Я сразу понял, что у Теофиловой характер более суровый, и поэтому чаще обращался к Чавовой. А она успела рассказать мне, что их профсоюзная организация развивает активную деятельность и устроила, в частности, для служащих управления в чердачном помещении удобную двухместную душевую с зеркалом.

– Вы тоже можете пользоваться душем, как командированный в наш отдел, – сказала Чавова. – Хотите, проведу вас?

При этих словах Теофилова опять усмехнулась.

В этот момент вошел доктор Тошков. Он успел застегнуть рубашку, но я ужасно удивился, увидев у него под белым летним пиджаком толстый шерстяной джемпер.

– Анастасий, – сказал доктор, – рабочий день окончен. Пора идти.

Я любезно распрощался с Чавовой, а Теофиловой лишь холодно кивнул головой Доктор Тошков поступил наоборот: он небрежно кивнул Чавовой, а руку Теофиловой, как мне показалось, задержал в своей ручище дольше, чем следовало.

Я займу своим рассказом еще несколько страниц, а потом предоставлю Аввакуму продолжить эту историю до конца. Когда мы вышли на улицу, доктор Гошков попросил меня минутку подождать, а сам шмыгнул на задний двор. Оставшись в одиночестве у центрального входа, я ощутил какое-то гнетущее чувство. Я думал, а что если сейчас выйдет Христина Чавова и скажет: «Товарищ Буков, не хотите ли вы пройти со мной» или: «Не могли бы вы проводить меня до дому?» Мне пришлось бы согласиться. В конце концов, все равно надо было ведь как-то убить время. Как я думал, так и вышло – в дверях показалась Чавова. Она весело болтала с каким-то молодым человеком и прошла, даже не заметив меня.

Не успел я проводить ее глазами, как меня вдруг оглушила страшная трескотня. Оседлав рычащий красный мотоцикл, подъехал доктор. Он властно махнул мне рукой и прокричал сквозь рев мотора:

– Садись сзади! Повезу тебя на Искырское водохранилище!

Поскольку Чавова ушла не заметив меня, и не было нужды извиняться перед ней, я был волен распоряжаться собой. Но в эту минуту я вспомнил про Аввакума и вздрогнул.

– Товарищ Тошков, – пробормотал я, – у меня есть приятель, археолог, я обещал ему...

– И его возьмем! Ну, давай садись! – рявкнул доктор, топнув ногой по мостовой. – Подумаешь, большое дело! Где твой приятель?

Я растолковал ему, как ехать, но он погнал машину в противоположном направлении. Куда мы мчимся и куда посадим Аввакума, оставалось для меня загадкой. У мотоцикла было ведь только одно седло для пассажира!

Вскоре выяснилось, что мои тревоги оказались напрасными. В двух минутах езды от управления у доктора был небольшой гараж – деревянный сарайчик во дворе четырехэтажного дома. Он вытащил оттуда как раз то, что было нужно – коляску, – и поднес ее к машине с такой же легкостью, с какой я ношу свою сумку с лекарствами.

Мы понеслись во весь опор к музею.

Аввакум, которого было трудно застать врасплох, на этот раз немало удивился.

– Так, значит, вы археолог? – вскричал доктор, пожимая ему руку. – Здорово! А я – Петр Тошков! Руковожу этим парнем по линии лекарств. Садитесь в коляску – повезем вас рыбачить на водохранилище!

Аввакум пожал плечами, но, человек действия, он раздумывал недолго и уселся в коляску.

Когда мы выехали на шоссе, доктор нажал «на всю железку», ветер засвистел в ушах и мир стремглав помчался нам навстречу.

Я уткнулся носом в широкую спину доктора и зажмурился.

Минут через тридцать мы подъехали к водохранилищу.

Когда я слез с седла, мне показалось, что земля убегает из-под ног: доктор «жал» свыше ста километров в час. Но Аввакум потянулся и зевнул.

– Что так тихо ехали? – сказал он. – Я совсем было заскучал.

Доктор почесал в затылке.

– Можно было бы и побыстрее, но я побаивался за парня. Того и гляди, вывалится на повороте. А тогда что?

– Тогда Фатме из Видлы изошла бы вся слезами, – сказал Аввакум, подмигивая мне.

Я чуть было не упал, хотя земля под моими ногами уже немного поуспокоилась.

– Какая Фатме? – пролепетал я.

– Та самая, с бусами. Неужели забыл?

Я разлегся на траве. Веял тихий ветерок, по небесной шири плыли маленькие серебристые облачка с кудрявыми крылышками. Мне вспомнилось, что поэты часто сравнивают облака с парусниками, плывущими по небесному океану. Очень красиво выглядит эта флотилия, когда смотришь на нее снизу, лежа на спине. Насмотревшись на облака, я устремил взгляд на воду, на синеющие вдали берега водохранилища и долго любовался этим ценным приобретением нашего народного хозяйства.

Тем временем мой друг Аввакум и доктор Тошков вели оживленный разговор. Выяснилось, что они оба мотоциклисты-фанатики, оба предпочитают всем остальным одну и ту же марку машин, признают езду только на предельной скорости и одинаково пользуются в трудную минуту ручным и ножным тормозом. Охваченный воодушевлением доктор хлопал Аввакума по плечу, а тот угощал его

сигаретами, после чего они обнаружили, что курят одни и те же сигареты и их одинаково по утрам мучает кашель.

– А горькие перчики любишь? – спросил доктор.

– Очень!

– И я тоже. А жареную рыбу?

– Обожаю.

– И я. Вино какое предпочитаешь – белое или красное?

– Красное.

Столь необыкновенное единомыслие чрезвычайно растрогало доктора.

– Как же это я до сих пор с тобой не познакомился – воскликнул он в умилении. – Я всю жизнь искал такого побратима, как ты! Вот здорово! – Доктор на секунду задумался. – Ну, а теперь давай взглянем на другую сторону медали, на, так сказать, духовную. Я, например, всегда борюсь с чем-нибудь. А ты?

– И я.

– Мои враги – бациллы. А у тебя есть враги?

– Я археолог. Мой враг – время.

– Дай руку! Вот так. – Доктор опять призадумался. – Тебе какие женщины больше нравятся?

– Брюнетки.

– Провалиться на этом месте! И мне тоже.

– Почему же «провалиться»?

– Моя как раз брюнетка. Я сделал выбор и решил жениться. Она жгучая брюнетка.

– Чудесно!

– Вовсе не чудесно. Ты моложе и выхватишь ее у меня из-под носа!

– Нет. – Аввакум протянул доктору руку. – Parole d'honneur! Я держу свое слово.

Последовало рукопожатие до хруста в суставах.

Я взглянул на Аввакума. На губах его блуждала обычная добродушно-снисходительная улыбка, но глаза смотрели холодно. «Играет роль», – подумал я, и мне стало жаль доктора. Чудак горячился и искренне волновался, в то время как Аввакум лишь «изображал» горячность ради забавы, а может, и чтобы «прощупать» собеседника.

После столь задушевного разговора доктор взял удочку и пошел искать укромное местечко. По всему было видно, что он сгорал от желания поймать хотя бы парочку сазанов, – ведь надо хорошо угостить своего нового друга и побратима. Аввакум подсел ко мне, молча посидел немного, потом лег на бок и тотчас же заснул.

Стало смеркаться. Ветер усилился, вода потемнела. Противоположный берег растаял и исчез в сумраке наступающего вечера.

Доктор вернулся удрученный. Он шагал по траве совсем бесшумно, но Аввакум и во сне расслышал шаги, поднялся на ноги, опередив меня, усмехнулся и покачал головой.

– Не клюет! – вздохнул доктор.

– Ничего, – утешил его Аввакум, – купим рыбы в ресторане.

Он сел за руль, а доктор с трудом втиснулся в коляску. Я занял свое прежнее место. Я знал, что Аввакум будет гнать машину с сумасшедшей скоростью, но ни капли не боялся: чувствовал себя за его спиной так же спокойно и удобно, как у себя за столом.

Было около девяти часов, когда мы подъехали к микрорайону «Исток». Свернули на главную улицу; еще один поворот – и доктор показал нам на третий дом слева.

— Друзья, — сказал он, окинув нас победоносным взглядом, — видите ли вы на первом этаже окна, заклеенные изнутри газетами? Там живет доктор Петр Тошков. Предлагаю вам зайти к нему в гости. Вперед, товарищи!

Верхние этажи дома еще достраивались, и, чтобы добраться до входа, нам пришлось перепрыгивать через кучи песка и щебня. В подъезде пахло цементом и известкой. Доктор отпер дверь и любезно пропустил нас вперед.

Квартира начиналась просторной прихожей, посреди которой стоял лишь круглый стол, накрытый старыми, пожелтевшими от времени газетами, и несколько стульев. Кабинет доктора был похож на походный аптечный склад и на запущенную лабораторию. Среди банок, коробок и уймы пузырьков с лекарствами и кислотами поблескивали всевозможные реторты и колбы, валялись в пыли пробирки и спиртовки. Все было свалено в кучу в таком ужасном беспорядке, что посетитель, забывший здесь шляпу, ни за что не нашел бы ее в джунглях склянок, реактивов и картонных коробок.

— Анастасий, — обратился ко мне доктор с заблестевшими от гордости глазами, — как тебе нравится эта святая святых ветеринарной мысли?

— О! — воскликнул я, с любопытством оглядывая потолок.

— Наберись терпения! — сказал доктор, похлопав меня по плечу. — В этом святилище есть всего понемногу. Я сам готовлю лекарства, а кой-какие и придумываю сам. Здесь и только здесь твое училище!

Я безмолвствовал, и поэтому доктор счел нужным подкрепить свои доводы.

– Я, дорогой мой, кроме медицинского, окончил еще биохимический; поэтому кое-что смыслю в лекарствах и настойках. Так что ты держись за меня и не бойся!

После «святая святых» мы осмотрели и другие комнаты. В спальне стояла всего лишь широченная кровать, неумело заселенная несколькими солдатскими одеялами. Из свежеокрашенных стен торчали вбитые гвозди и крюки. Подобного варварства не увидишь не только в Триграде, но даже в хибарке деда Реджепа. На гвоздях и крюках висели одеяния нашего биохимика.

Кухня отличалась от кабинета только тем, что здесь всюду валялась кухонная утварь. Нам пришлось смотреть в оба, чтобы не ступить нечаянно в кастрюлю или же не испачкаться о закопченную сковороду.

– Доктор, – спросил Аввакум, – насколько я понял, ты холостяк. Для какого черта тебе все эти атрибуты?

Мне показалось, что доктор смутился; он уставился себе под ноги, как будто там был написан ответ на вопрос Аввакума.

– Что поделаешь, – пробормотал он, – есть у меня слабость к кухонной утвари, а отчего – бог знает! Иду мимо хозяйственного магазина, непременно зайду и куплю то кастрюлю, то чайник или сковородку. В подвале у меня навалено вдвое больше, чем тут!

Он посмотрел на разбросанную утварь и улыбнулся.

– Кто знает, может, когда-нибудь и понадобится! Всякое бывает.

Аввакум тотчас согласился, что в этом мире все случается. Вот он, например, покупает детские книжки с картинками. Он с жаром заявил доктору:

– Я уже две этажерки забил ими доверху. И еще столько же держу на чердаке.

– Ты смотри, а я-то до детских книжек не додумался! – озадаченно проговорил доктор.

– Ничего, – ободрил его Аввакум. – Если когда-нибудь тебе понадобятся, рассчитывай на меня.

Доктор погладил подбородок и добродушно рассмеялся.

Я бывал на квартире у Аввакума и достоверно знал, что у него нет ни одной детской книжки.

Доктор надел белый передник, завязал его сзади бантиком и принялся с виртуозной сноровкой чистить рыбу. Мы с большим интересом следили за его работой. Но он вдруг опустил руки и тяжело вздохнул.

– И компания чудесная, – сказал он, грустно глядя на нас, – и рыба что надо, и вина я припас. Одного только не хватает для полноты картины...

– Брюнетки! – усмехнулся Аввакум. Доктор ласково взглянул на него и кивнул головой.

– Слушай, доктор, – решительно заявил Аввакум, – если ты ничего не имеешь против, я мог бы пригласить от твоего имени брюнетку и бьюсь об заклад на что угодно, что она удостоит нас своим посещением. Но только при одном условии. А именно...

– Что именно? – грозно переспросил доктор, насупив брови.

Он швырнул очищенного сазана на стол и скрестил руки на груди. Ему не хватало при этой позе только усов и трико, чтобы сходство с прежними чемпионами по классической борьбе было полным.

– Ее адрес, – ответил со смехом Аввакум.

Доктор опустил руки и расплылся в широкой, до ушей улыбке.

– Ее адрес!.. Ирина Теофилова, улица Брод, дом тридцать три. Недалеко отсюда. Записать на бумажке?

Аввакум небрежно махнул рукой.

Когда и как возникла эта любовь?

Она пришла неожиданно, подобно порыву южного ветра в теплую, летнюю ночь. Может быть, она пришла в юг вечер вместе с первым взглядом, с первой улыбкой. А когда он утром проснулся, любовь уже цвела в его душе. Так в конце весны расцветают сады: с вечера они стоят зеленые, с закрытыми бутонами, а когда розовый рассвет озарит мир, они уже в подвенечном уборе.

Ирина Теофилова и Христина Чавова болтали, наверное, как всегда, о скучных, повседневных делишках на маленьком дворике за кирпичным зданием.

Появился Аввакум и сказал:

– Ваш начальник, доктор Петр Тошков, приглашает вас обоих на скромный ужин.

Доктор послал его только за Ириной, но Аввакум, пожалев Чавову, пригласил на свой риск и ее.

Из распахнутого окна первого этажа струился желтый свет. Открытые, округлые плечи Ирины, ее руки и шея сияли мягким блеском старинной позолоты. А в черной глубине глаз светились крохотные, еле видимые, далекие звездочки.

– Будет свежая рыба, – заявил Аввакум.

– О боже, как я люблю свежую рыбу! – воскликнула, всплеснув руками, Христина Чавова.

Ирина молчала.

– Доктор ждет, – сказал Аввакум.

Она пожала плечами, и глаза их встретились. Она спокойно, сосредоточенно смотрела на него, ничуть не смущаясь и не торопясь отвести взгляд.

Аввакум выдержал ее взгляд и сам загляделся на нее так же спокойно и сосредоточенно, но впервые в жизни не сделал никаких выводов из своих наблюдений. Счетная машина, которая всегда без осечки реагировала своими колесиками на внешние восприятия, вдруг застопорила, как будто выключили ток, приводивший ее в действие.

– А вы нас проводите домой? – спросила Ирина, не спуская с него глаз.

В счетной машине промелькнула искорка жизни.

– Конечно, – сказал Аввакум, – непременно провожу – А сам подумал: «Что на это скажет доктор?»

Ужин прошел весело. Я растолковывал Христине Чавовой сложность лечения куриной чумы, доктор жарил рыбу, а Ирина с Аввакумом накрывали на стол. Руки их иногда встречались, и тогда они виновато поглядывали на сияющего от счастья доктора. Когда мы сели за стол, Ирина стала очень любезной с доктором и даже ласковой; касалась его плечом, подливала вина, а про Аввакума совсем забыла.

К одиннадцати часам доктор стал позевывать, потом, облокотясь на стол, задремал.

Мы поспешили распрощаться и вышли на улицу.

Светила луна. Мы с Христиной Чавовой шли впереди и оживленно разговаривали об овечьих глистах. Ирина молчала. Аввакум тоже был не в духе – уж чересчур лю-

безно держалась Ирина со своим начальником. Когда мы стали прощаться, она слегка кивнула мне головой и мило улыбнулась Аввакуму грустной, немного виноватой улыбкой. Стояла тихая, светлая ночь.

Так состоялось знакомство Аввакума с доктором Петром Тошковым, начальником отдела снабжения лекарствами, и с его темноволосой секретаршей Ириной Теофиловой.

Ирина работала секретарем отдела снабжения лекарствами, а в свободное время много читала – готовилась к конкурсным экзаменам в аспирантуру при университете.

Было что-то необычное, противоречивое в ее жизни и поведении, и это не скрылось от Аввакума. В обществе доктора она старалась всячески угодать ему, терпеливо сносила его грубые шутки, позволяла подолгу держать себя за руку, часто и громко смеялась. Но стоило ей остаться наедине с Аввакумом, как при одном лишь упоминании о докторе ее корбило и в глазах вспыхивали злые огоньки.

А к заведующему складом отдела снабжения лекарствами, красавцу Венцеславу Рашкову, любимцу Петра Тошкова, Ирина относилась подчеркнуто грубо, с расчетливой жестокостью и не упускала случая унижить его и высмеять, особенно на людях. Бедняга был не очень начитан, и она нередко разыгрывала его. Спросит например: «Венцеслав, что ты думаешь о Бернардe Шоу? Ведь это величайший французский писатель, не правда ли?» А когда Венцеслав кивнет утвердительно головой, спросит; «Ты читал его роман „Три мушкетера?“»

– Как будто читал когда-то, – бормочет Венцеслав. А Ирина хохочет весело, до слез.

Но бывали дни, когда она после работы брала его под руку и уводила на далекие прогулки. Они уезжали на автобусе к Витоше или же бродили по полям близ Драгалевцев.

После первой встречи у доктора последовали другие. Ирина стала особенно ласковой к Аввакуму, шепталась с ним, клала голову на плечо и всем видом показывала, что не будет противиться, если он поцелует ее. А он, стремясь к ней всей душой, продолжал разыгрывать платоническую дружбу, помня, что дал доктору честное слово не отбивать возлюбленную. Трудно давалась ему эта бессмысленная игра, но он, стиснув зубы, продолжал строить из себя романтического Сирано.

Если бы Аввакум подверг привычному анализу лишь несколько слов и поступков Ирины, он разгадал бы многие черты ее характера и многие подробности ее жизни. Не осталось бы и следа от ее «необычности» и романтичности, и вся ее загадочность исчезла бы вмиг так же внезапно, как внезапно пришла любовь.

Но Аввакуму не хотелось ни анализировать, ни изучать. Небо казалось ему более лазурным, звезды ярче, а интегральные уравнения увлекательнее, чем когда либо раньше. Он стал чаще улыбаться, склонившись над терракотовыми черепками и уже не засиживался, как прежде, в мастерской. Оказавшись за городом и почувствовав дуновение теплого ветерка, он уже не отмечал про себя «юго-юго-восточный», а становился лицом к нему и, закрыв глаза, прислушивался к его песне, словно слышал ее впервые.

Мы часто совершали прогулки по окрестностям Софии, а иногда прихватывали с собой Христину Чавову и Венцеслава Рашкова.

Мне лично больше всего нравилось, когда Ирина с Венцеславом уходили на футбольный матч – оба были отчаянные болельщики. Когда Петр Тошков ловил рыбу и молчал, Аввакум тоже молчал, зато нам с Христиной было очень весело. Никогда мне не удавалось наловить столько бабочек, как в те солнечные дни...

Теперь все это в прошлом. Когда вспоминаю те тихие, беззаботные часы, мне почему-то приходит на память эпиграф Тургенева к его повести «Вешние воды»:

*Веселые годы,
Счастливые дни –
Как вешние воды,
Промчались они!*

Вот, кажется, и пришла мне пора ретироваться со страниц рассказа. Ведь я как-никак ветеринарный врач и детективные истории не в моем вкусе. Я предпочитаю луга вокруг Видлы. Тем более что проблемы пастбищного выпаса кооперативного скота представляют для меня куда больший интерес.

5

Двадцать седьмого августа около девяти часов утра Смолянское окружное управление передало короткую радиogramму. Через несколько минут полковник Манов, начальник контрразведывательной отдела госбезопасности, уже читал расшифровку:

«Вакцина, отправленная Центром, не оказывает дей-

ствия. На сегодняшний день весь пограничный район от Доспата до Смоляна на тридцать километров в глубину охвачен ящуром. Бедствие быстро распространяется на север. Вирус сохраняет свою стойкость. Положение угрожающее».

Полковник еще раз прочитал радиограмму, подчеркнул красным карандашом слова: «Вакцина, отправленная Центром, не оказывает действия», долго раздумывал, облокотившись на стол. Потом встал и прошелся по кабинету, нервно покусывая губы и хмуря брови.

Что значит «Вакцина, отправленная Центром, не оказывает действия»? Он вынул из ящика стола переписку со Смолянским управлением и стал перелистывать краткие резюме отдельных сообщений.

«17 августа. Триград. Внезапная вспышка ящура в самой острой форме. Массовые и одновременные заболевания в направлении юг-север. Тревога среди населения пограничных деревень».

Слова «одновременные», «юг-север» были подчеркнуты толстыми красными линиями.

«18 августа. Только за минувшие сутки эпизоотия охватила районы Доспата, Борино, Лук. Граница блокирована. Полный карантин и прекращение движения по дорогам».

«19 августа. Массовая эпизоотия и в районе Девина».

«20 августа. Ящур распространился по всему Смолянскому округу»

«23 августа. Ничего утешительного. Принятые меры не дают никаких результатов. Эпизоотия продвигается к равнине».

В переписке имелись два распоряжения: министра земледелия и министра внутренних дел. Предупреждая, что бедствие может достигнуть общегосударственного масштаба, министр внутренних дел приказал пограничным войскам, органам госбезопасности и санитарным властям принять срочные меры по локализации эпизоотии и по выявлению диверсантов, распространивших доставленный из-за границы вирус ящура.

Встревоженный и мрачный, полковник Манов, наверное, уже в двадцатый раз перечитал приказ и снова принялся ходить взад и вперед по кабинету. «Госбезопасность должна, конечно, схватить за руку тех, кто принес и разжигает на нашей земле эпизоотию ящура, — думал полковник, — но дело Центрального управления по борьбе с эпизоотиями — локализовать и пресечь ее. Тогда что же значат слова «вакцина не оказывает действия»?»

Он велел телефонистке соединить его с доктором Светозаром Подгоровым, начальником Центрального управления. Полковник был с ним знаком и потому сразу заговорил на «ты».

— Слушай, друг, — начал он, стараясь говорить спокойно. — Ты можешь сказать, какое сегодня число?

— Двадцать седьмое августа, — четко и невозмутимо ответил Подгоров.

— Так... — полковник перевел дух и провел языком по губам. — Неделью назад ты уверял меня, что эпизоотия ящура у границы будет ликвидирована твоими людьми за пять-шесть дней. Ты помнишь?

— Вирус оказался слишком устойчивым, — ответил Подгоров.

— А как же твоя вакцина? — взорвался полковник. — Ты же мне клялся, что это не вакцина, а чудодейственный эликсир!

— Во-первых, — сказал доктор, — вакцина не моя. Честь ее открытия мне не принадлежит. Во-вторых, она произведена на фармацевтических заводах Германской Демократической Республики, закуплена нашим правительством и принята согласно протоколу специальной комиссии, назначенной приказом министра. Все это, как мне кажется, необходимо иметь в виду, прежде чем говорить об упомянутой вакцине. И, в-третьих...

— В-третьих, — перебил его полковник, — я хочу знать... Госбезопасность хочет знать, почему твоя доброкачественная вакцина не действует, как ей положено соответственно протоколу специальной комиссии? Почему она не создает иммунитет? Я прошу тебя объяснить этот незначительный факт. Надеюсь получить ответ до обеда. — Полковник выжидающе замолчал. На другом конце провода тоже молчали. — До обеда — ты понял? — повторил полковник и бросил трубку.

Он примял недокуренную сигарету, сдул пепел, просыпавшийся на переписку со Смоленским окружным управлением, и нажал кнопку звонка.

В рамке двери возник дежурный лейтенант.

— Позвоните Аввакуму Захову и передайте, чтобы немедленно явился ко мне, — приказал полковник и взглянул на часы.

Было без четверти десять.

Аввакум вошел в кабинет начальника, отрапортовал по уставу и продолжал стоять у двери, пока полковник не подошел к нему с протянутой для пожатия рукой.

Лицо полковника прояснилось, в глазах появились радостные огоньки, по губам скользнула приветливая улыбка. Но это длилось лишь несколько секунд. Полковник деланно закашлялся и, нахмурившись, принялся по обыкновению стряхивать воображаемую пушинку с отворота пиджака. Наконец он тихо спросил:

— Много у тебя работы в музее?

Аввакум понимал, что этот вопрос — лишь вступление к последующему деловому разговору, поэтому лишь усмехнулся, пожал плечами и, попросив разрешения закурить, вынул сигареты, закурил и не спеша глубоко затянулся.

— Можно подумать, что у нас установилось какое-то негласное расписание, — неторопливо сказал он, любуясь кудрявым колечком дыма — В прошлом году, если помните, вы тоже вызвали меня в конце августа и отправили в Родопы. Я имею в виду момчиловское дело. Тогда я был занят восстановлением большой расписной греческой амфоры. Сейчас я работаю над двумя чудесными ионическими гидриями, и вы снова вызываете меня в такое же время, чтобы опять-таки отправить в Родопы. Благодарю. В эту пору в районе Триграда уже прохладно, и ехать туда одно удовольствие.

Аввакум уселся поудобнее в кресле и вытянул ноги. Его тонкое лицо с чуть прикрытыми глазами и плотно сжатыми губами было неподвижно, как у спящего.

Взглянув на Аввакума, безмятежно развалившегося в кресле с легкой, снисходительно-добродушной улыбкой, затаенной в прищуренных глазах, полковник чуть не подпрыгнул на стуле. Потом развел руками и, опираясь грудью

на полированную кромку письменного стола, сказал, глядя в упор на Аввакума:

– А ты откуда, товарищ Захов, знаешь... что, собственно, дало тебе повод полагать, что я пошлю тебя в Родопы и именно в Триград?

– Бактериологическая диверсия, – тихо ответил Аввакум.

– Но почему ты думаешь, что я вызвал тебя в связи с бактериологической диверсией? А быть может, я задумал пустить тебя по следу пропавшего документа, в котором изложены наши секреты производства меди?

– Это тоже очень важно, – заметил Аввакум. – Но я готов на любое пари, утверждая, что вызвали меня именно по поводу ящура в Родопах. Берусь доказать! Хотите?

Полковник потер лоб, огляделся, словно проверяя, нет ли в кабинете еще кого-нибудь, и пожал плечами.

– Посмотрите, пожалуйста, – сказал, улыбаясь, Аввакум. – На вашем столе лежит папка. В ее верхнем правом углу видны номер и наименование, красиво выписанные красным карандашом. Конечно, наименование условное, но я хорошо знаю, что это кодовый знак Смолянского управления. Я запомнил его еще с той поры, когда занимался момчиловским делом. Значит, прежде чем вызвать меня, вы просматривали переписку со Смолянским управлением – это ясно как дважды два. Но что происходит сейчас в Смолянском округе? – Аввакум стряхнул пепел с сигареты и, выдержав паузу, продолжал:

– В Смолянском округе сейчас свирепствует сильнейшая эпизоотия ящура. Один мой друг, ветеринарный врач, служит в Триграде. Сейчас он в командировке в Софии, и

через него я познакомился с некоторыми работниками Центрального управления по борьбе с эпизоотиями. Вот откуда мне известно, что в Смоленском округе уже десять дней свирепствует ящур.

Он погасил сигарету и скрестил ноги.

— Итак, на вашем столе лежит переписка со Смоленским окружным управлением. Из-под обложки выступает краешек какого-то листка. Скорее всего, это сообщение, возможно радиограмма, которую вы только что получили. Это сообщение взбудоражило вас, иначе вы не вызвали бы меня так спешно, будто на пожар. Но что же, в сущности, случилось? Готов поспорить, что из Смолена радируют: «SOS, положение усложняется, шлите помощь». Тут вы и вспомнили, что у меня есть кое-какой опыт работы в тех краях, и тотчас же приказали послать за мной.

Полковник молчал.

— Еще два слова, — продолжал Аввакум. — Разрешите? Возникает вопрос: почему эпизоотия не затухает, а не-удержимо разрастается? Ведь еще девять дней назад Центр отправил вакцину для предохранительных прививок. Похоже на то, что она не действует, не создает иммунитета. Вакцина негодная. Уверен, что и из Смолена пишут: вакцина негодная.

Полковник кивнул головой.

Аввакум закурил новую сигарету и умолк, машинально барабанил пальцами по подлокотнику. Огоньки, горевшие у него в глазах, пока он говорил, померкли, но на лице еще ощущался отсвет. Оно напоминало строгий фасад дома, окна которого затенены мягкими, светлыми, но непроницаемыми шторами.

Полковник сидел недвижно, словно был еще во власти только что прослушанной великолепной симфонии. В его взгляде, устремленном на собеседника, в наклоне головы, в неподвижно сомкнутых на столе руках читались удивление и восторг.

— Товарищ полковник, — нарушил молчание Аввакум. — Вы экстренно вызвали меня, значит, время не терпит. Я в вашем распоряжении. — Аввакум взглянул на своего начальника, и по его тонким губам пробежала еле заметная улыбка. — Вы по собственному опыту знаете, сколь роковыми могут оказаться даже несколько упущенных минут. Генерал Груши опоздал на полчаса, и Наполеон проиграл сражение при Ватерлоо!

Полковник рассмеялся.

Он не стал вдаваться в обычные сухие протокольные напутствия, подошел к Аввакуму и, положив ему руку на плечо, попросту спросил:

— С этого ты и начнешь? С загадки вакцины?

В этом вопросе было все: приказ действовать и постановка предстоящей оперативной задачи.

Аввакум поднялся и взглянул на часы. Стрелки показывали ровно одиннадцать.

6

Склады Центрального управления по борьбе с эпизоотиями находились в четверти часа ходьбы от министерства земледелия. Аввакум вызвал машину, уселся поудобнее на заднем сиденье и закрыл глаза.

Ему было нетрудно преодолеть инерцию сидячей

жизни, потому что работа археолога-реставратора – тоже своего рода детективный сыск. По признакам частного, по отдельным частям предмета он восстанавливал картину целого – точную форму предмета. Изучая причудливые узоры и линии излома терракотовых черепков, он угадывал точные контуры античного сосуда и расположение обломков. Тот же самый индуктивный метод исследования он применял и в своей работе контрразведчика. Причем, разумеется, в обоих случаях он исходил из обширного и глубокого знания дела.

Сознавал ли Аввакум внутреннее единство обоих видов своей разносторонней деятельности? Он не любил говорить о себе, а тем более слушать, когда другие говорили о нем.. Лишь однажды, в споре с не в меру самонадеянными молодыми художниками, он обронил фразу: «Я служу прекрасному больше, чем все вы, вместе взятые!» Возможно, что избыток ракии на столе способствовал этому единственному в его жизни признанию. Я очень близко знаю Аввакума, но до сих пор не могу сказать, что именно он имел тогда в виду, говоря о служении прекрасному, – свой труд искусного реставратора или же секретную работу в контрразведке?

Как бы то ни было, а машина мчала его к складам Центра по борьбе с эпизоотиями, и Аввакум улыбался про себя, радуясь, что на этот раз случай сведет его со знакомыми людьми. С Венцеславом Рашковым, начальником склада, он ездил на прогулку к Искыру. Этот молодой человек, словно сошедший с первомайского плаката, заводи́ла в спорте и танцах, отличался безупречной дисциплинированностью. К таким красавцам, «приятным во всех

отношениях», Аввакум относился с добродушной снисходительностью. Он предсказывал им быстрое повышение по службе до поста начальника отдела, счастливую семейную жизнь и заграничное путешествие по выигранной в лотерею путевке. Он сам не раз подзадоривал Венцеслава: «У тебя счастливая звезда, тебе надо играть в „спортлото“!» – и смеялся беззлобным смехом. Венцеслав не обижался. Характер у него был такой, что и при желании он не смог бы рассердиться... Шутки Аввакума он воспринимал как проявление дружеских чувств и отвечал ему искренней привязанностью. А что касается «спортлото», Венцеслав не нуждался в советах. Иногда он выигрывал мелкие суммы и тогда, вне себя от счастья, угощал своих товарищей и начальника отдела рахат-лукумом.

Собираясь якобы случайно заехать к нему, Аввакум имел намерение незаметно похитить пару флаконов с вакциной: один из партии, рассылаемой по зараженным пограничным районам, а другой – из запасов, хранящихся в фирменной упаковке. Оба флакона следовало сдать в лабораторию госбезопасности, чтобы установить, есть ли между ними различие. Были у него и еще кой-какие замыслы, но, чтобы реализовать их, необходимо было сориентироваться на месте.

Остановив машину неподалеку от склада, Аввакум отпустил шофера и оставшуюся сотню шагов прошел пешком по небольшой невзрачной улочке, пыльной и грязной, рядом с переходом над товарной станцией Сердика. Мостовая была разбита вереницами телег, громыхающих с утра до вечера, узкие тротуары тянулись вдоль низких домиков и мощеных дворики, в которых кое-где росли сирень и старые акации, серые от зноя и пыли.

Склад помещался в массивном одноэтажном квадратном здании, фасад которого выходил на улицу, а задняя часть упиралась в покосившийся ветхий забор, из-за которого торчали стены недостроенного, заброшенного дома. Подобно всякому складу, здание выглядело мрачно, а облупившаяся штукатурка и зарешеченные окна придавали ему мрачный, почти тюремный вид.

Аввакум шел по противоположному тротуару, попутно изучая подходы к складу со стороны улицы. Он испытывал странное беспокойство, что случалось с ним очень редко. Скорее, это было не беспокойство, а своего рода угрызение совести: оглядывая мрачное здание, он сожалел о своем холодном и снисходительном отношении к его хозяину. Веселый молодой человек, вынужденный проводить так много времени в этом огромном гробу, безусловно, заслуживал более теплого и уважительного отношения.

«Сейчас я скажу ему что-нибудь хорошее и приятное», – подумал Аввакум и нажал кнопку звонка.

Он позвонил еще раз, но никто не открывал. Подождав немного, Аввакум взглянул на часы. Было половина двенадцатого. Он поднял было руку, чтобы позвонить в третий раз, но еще не успел коснуться кнопки, как замок резко и громко лязгнул, словно пушечный затвор, тяжелая дубовая дверь распахнулась, будто отброшенная мощной пружиной, и перед ним возник перепуганный, буквально ошалевший от ужаса человек.

На вид ему было лет пятьдесят. Он был лысый, со сморщенным, как старая гармоника, лицом. На нем был синий замусоленный халат, высоко над его остреньким носом, словно приклеенные, на выпуклом лбу виднелись очки с проволочными дужками.

Аввакум мог всего за несколько секунд увидеть и запомнить десятки мелких подробностей внешности и одежды любого случайно встреченного человека. Это была редкая способность, присущая очень немногим людям, наделенным обостренной наблюдательностью и памятью. Зрительная память у таких людей похожа на невидимую, но всевидящую кинокамеру. У Аввакума была еще одна особенность, поистине исключительная. Мимолетным взглядом он улавливал не только подробности и их особенности, но раскрывал по ним черты характера, угадывал действия и намерения людей.

Стоявший перед ним человечек в синем халате испуганно глядел на него и молчал.

— Я инспектор из министерства, — представился Аввакум, приветливо улыбаясь.

Он шагнул вперед и тихо закрыл за собой дверь. В тот же миг любезная улыбка сменилась у него суровым, даже грозным выражением. Он вдруг схватил растерявшегося человечка за отвороты халата и, наклонившись к нему, уставился в его помутневшие от страха глаза.

— Вы зачем подглядывали в замочную скважину? — спросил Аввакум.

Человек раскрыл рот, его узкие плечи затряслись, как будто по нему пропустили электрический ток.

Не выпуская его из рук, Аввакум запер дверь и прислушался: было тихо, словно в доме больше никого не было. Слева от небольшого вестибюля, в котором они стояли, тянулся длинный темный коридор.

— Пустите меня! — взмолился шепотом человечек. — Я должностное лицо!

– Должностные лица не подсматривают в замочные скважины! – зло усмехнулся Аввакум.

– Но я не подсматривал, товарищ инспектор!

– Не хитрите! – Аввакум притянул его к себе. – Как это не подсматривали? А почему у вас халат над правым коленом испачкан мастикой для полов? Почему покраснел правый глаз? Вы дальнзоркий – это видно по очкам, – а зачем сдвинули на лоб очки?

Человечек в халате облизал посиневшие губы и с трудом перевел дух.

– Товарищ инспектор, – сказал он осипшим, нетвердым голосом, – все было точно так, как вы говорите. Я действительно смотрел в замочную скважину, и очень хорошо, что вы вовремя подошли. Вы будете моим свидетелем, и мы вместе разберемся, в чем дело.

– Я всегда прихожу вовремя, – сказал с усмешкой Аввакум.

– Прошу вас, не смейтесь – дело очень серьезное.

Человечек в халате опустил на нос очки, и его морщинистое лицо сразу стало более спокойным.

– Здесь есть еще кто-нибудь? – спросил Аввакум.

Человечек пожал плечами, и в глазах у него снова появился страх.

– Товарищ инспектор, – сказал он, – я кладовщик и служу здесь уже десять лет. Наружную дверь я всегда запираю специальным ключом, а ключ ношу с собой. Сюда никто не может войти, если я не отопру. Вы сами убедились в этом. Сегодня утром точно без пяти восемь пришел товарищ начальник. Он всегда приходит на работу без пяти восемь, а я прихожу, как положено, товарищ инспектор, на

пятнадцать минут раньше. За все десять лет я ни разу не опоздал. Впустив товарища начальника, я запер дверь, прибрал ключ и пошел в свою конторку. Как вы увидите, в этом коридоре только две служебные комнаты. Остальные четыре помещения заняты медикаментами, и я всегда держу их запертыми. Моя конторка находится за первой дверью налево, а кабинет товарища начальника – через две комнаты по той же стороне. При этом прошу вас заметить, что дверь моей конторки наполовину застеклена, так что по коридору даже муха не может пролететь незаметно от меня. С без пяти минут восемь до момента, когда вы позвонили, и я открыл вам, никто из посторонних не входил сюда. Могу поклясться вам своими сыновьями, которые служат в самых опасных местах – старший у меня сержант авиации, а младший проходит военную службу на южной границе. Никто не входил сюда товарищ инспектор! А товарищ начальник только два раза вызывал меня: первый раз – занять у меня сигарету, потому что свои у него кончились, а во второй – просил придумать ему комбинацию цифр для «спортлото». Когда он позвал меня во второй раз, было точно без четверти десять. Я запомнил это потому, что в десять часов я регулярно выпиваю бутылку михалковской минеральной воды. До той поры все шло нормально, товарищ инспектор. Но минут за пятнадцать до вашего прихода я пошел к товарищу начальнику, чтобы подписать последнюю накладную. Постучал, нажал на ручку и... если бы гром грянул с ясного неба, я бы так не удивился! Дверь оказалась запертой, а ключ – в замке... Я три года работаю у товарища Венцеслава Рашкова, и он ни разу не запирался изнутри! Я еще раз нажал на ручку и

постучал. Подождал и опять постучал – на этот раз погромче. Никакого ответа, товарищ инспектор! Меня даже в пот бросило. Я начал стучать, ломиться в дверь, кричать: «Товарищ начальник! Товарищ начальник!» А в кабинете тишина. Жуткая тишина. И тогда, как вы сказали, я стал на колени, чтобы заглянуть в замочную скважину. Но мешал ключ!

Аввакум не стал слушать дальше. Он побежал по коридору и остановился перед четвертой дверью слева. Ловко и проворно с помощью специального ножа он вытолкнул ключ и вставил универсальную отмычку. Замок щелкнул, и Аввакум нажал на ручку двери.

7

Перед глазами Аввакума открылась левая половина кабинета. На потертом ковре фабричной работы сверкало небольшое солнечное пятно; в ярком пучке лучей, струившихся через открытое окно, плясали микроскопические серебряные пылинки. За окном виднелся двор, заросший бурьяном и высокой, пожелтевшей от засухи травой, среди которой пестрели ромашки.

Все вокруг казалось, было погружено в тяжелую, безмолвную дремоту полуденного зноя.

Немного вправо от солнечного блика на ковре виднелись ноги Венцеслава, обутые в резные сандалии с белыми подметками из каучука. Носки сандалий раскинулись в разные стороны, как у разморенного сном усталого человека. Аввакум вошел в кабинет, а какой-то автомат в его

сознании отметил: «Обувная фабрика имени Девятого сентября, размер сорок третий».

Распростертое тело Венцеслава Рашкова, казалось, заняло почти весь пол. Он лежал, спокойно раскинув в стороны руки, будто наконец нашел самую удобную для отдыха позу. Но запрокинутая назад голова и задранный вверх, к выбеленному потолку подбородок выглядели неестественно.

Аввакум опустился на колени и вгляделся в лицо. Казалось, оно было облитو желтовато-синей краской. Желтоватый оттенок на лбу переходил в синеватый на скулах и шее. Остекленевшие глаза были широко раскрыты, а губы так плотно сжаты, что совершенно слепились и слились.

Не теряя времени, Аввакум расстегнул на лежащем серую трикотажную рубашку и приложил ухо к груди. Кожа была холодной и сухой, сердце не подавало признаков жизни. Аввакум вынул карманное зеркальце и приложил его к ноздрям Венцеслава. На блестящей поверхности не появилось ни пятнышка. Аввакум обратил внимание на височные вены — они были не голубоватые, а ярко-багровые.

Смерть сделала свое дело.

Аввакум пожал плечами. Он не отличался чрезмерной чувствительностью, но почему-то подумал: «Опоздал я, так и не успел сказать бедняге доброго слова». Нахмурившись, он принялся обследовать труп. Ему не удалось обнаружить никаких следов насилия — ни царапин, ни синяков.

И в карманах мертвеца не оказалось ничего примечательного: обеденные талоны ведомственной столовой,

четыре билета «спортлото», заполненные фиолетовыми чернилами, и горсть семечек. В потертом бумажнике, кроме паспорта и двух фотографий молодых женщин, лежала крупная сумма денег. Аввакум насчитал восемьдесят банкнот по сто левов.

Осмотр трупа и одежды занял не более десяти минут. Все это время кладовщик молча стоял у двери, понурый и убитый, как приговоренный к смерти. Аввакум приказал ему не двигаться с места, а сам занялся осмотром кабинета.

Это была квадратная комната, примерно четыре на четыре метра. В юго-восточном углу рядом с подоконником стоял письменный стол, и, кроме простой сосновой этажерки у стены позади стола, другой мебели в комнате не было.

Первым делом Аввакум осмотрел бумаги, лежавшие на столе. Рядом с газетами «Работническое дело» и «Народен спорт» лежала папка с документами – копиями фактур и накладных. Чья-то рука нарисовала фиолетовыми чернилами на листке промокашки женскую головку с челкой на лбу. Аввакум вынул из кармана складную лупу, с которой никогда не расставался, и внимательно исследовал рисунок. В местах прикосновения пера волокна бумаги были придавлены и сдвинуты. Следовательно, рисунок был сделан часа полтора-два назад. Аввакум поднял правую руку покойника – на указательном пальце виднелись следы фиолетовых чернил. Было очевидно, что к десяти часам утра Венцеслав был еще жив и здоров.

Обе тумбы стола были забиты папками, а в среднем ящике лежал один-единственный предмет – переплетенное руководство по мотоспорту. На верхней полке этажерки

поблескивал в сумраке полутемной комнаты обыкновенный пузатый графин для воды. На горлышко был надет простой стакан толстого стекла со слегка отогнутой кромкой.

Графин был не полон, уровень воды был пальца на три ниже горлышка.

— Когда наливали воду? — спросил Аввакум безразличным тоном и не оборачиваясь.

Кладовщик вздрогнул — Аввакум увидел это по отражению в графине — и дрожащим голосом ответил:

— Сегодня утром, товарищ инспектор... Лично я не видел, но знаю, что уборщица каждое утро наливает свежую воду. У нас в подвале водопровод.

Аввакум повернул графин к окну — вода была совершенно прозрачной, без каких-либо следов осадка на дне или налета на поверхности. Он снял стакан и, поставив его на ладонь, стал внимательно осматривать кромку. Глаза его вдруг загорелись, суровые складки на лице разгладились, как у картежника, который наконец получил нужную карту, чтобы вести тяжелую и рискованную игру.

Он водрузил стакан на прежнее место и, повернувшись к кладовщику, спросил:

— Вы чего торчите у двери, словно наказанный?

Кладовщик открыл рот, но так ничего и не произнес.

— Идите к себе в конторку, — коротко приказал Аввакум, — возьмите лист бумаги и запишите все, что давеча рассказали мне в вестибюле. Если найдется что добавить, например, есть ли у кого еще ключ от входной двери, это будет вам на пользу. Ступайте!

Подождав, пока он уйдет, Аввакум отложил пыльную

папку с перепиской и снова взялся за стакан. Обойдя труп, он подошел к окну, снова вынул лупу и с еще большим вниманием стал всматриваться в прозрачные края стакана.

Губы его растянулись в глубокомысленной улыбке.

Поставив стакан на стол, он склонился над потертым ковром. Дождя давно не было, на улице было сухо, и поэтому на ковре не оказалось никаких следов. Только он собрался выпрямиться, как его взгляд остановился на продолговатом мокром пятне.

Пятно было неправильной, конусообразной формы. Заостренная часть была обращена к двери, а основание почти упиралось в ноги трупа. Аввакум раскрыл нож и вырезал из пятна на ковре длинную узкую полоску, сложил ее в несколько раз и, завернув в чистый лист бумаги, положил в карман.

Он посмотрел на часы – было ровно двенадцать.

Аввакум подошел к столу, снял трубку и набрал номер министерства внутренних дел.

В ожидании сотрудников из госбезопасности Аввакум продолжал свои исследования. Теперь на очереди было окно. Карниз его находился приблизительно в ста двадцати сантиметрах от земли. Толстые двустворчатые ставни, закрывающие окно снаружи, были сейчас распахнуты и прикреплены двумя крюками к стене.

Прежде всего Аввакум осмотрел в комнате штукатурку под окном и особенно тщательно возле самого пола. Светло-зеленая краска выцвела и стерлась местами от времени, но на ней не было никаких следов прикосновения какого-либо твердого предмета – ни царапин, ни вмятин. Подоконник, когда-то окрашенный коричневой масляной

краской, был довольно гладок и даже блестел. Пыли на нем не было; очевидно, утром уборщица прошла по нему тряпкой. Но Аввакум более тщательно осматривал то, что на первый взгляд казалось ясным и бесспорным. Явная очевидность всегда вызывала у него сомнения, настраивала на скептический лад и заставляла быть начеку.

Глядя на чистую ровную поверхность подоконника, он строил в уме две системы предположений:

1. Если подоконник действительно протирали утром, например, за полчаса до прихода Венцеслава, и после этого никто не прикасался к нему, его поверхность должна быть всюду одинаково чистой или одинаково (хотя бы едва заметно) запыленной.

2. Если поверхность подоконника не всюду одинаково чистая или запыленная (пусть даже едва заметно), то это значит, что кто-то за последние часы прикасался к нему и оставил на нем свои следы.

Аввакум тщательно протер лупу и склонился над подоконником: под прозрачным глазом линзы возникли рои белесых пылинок. До середины подоконника их плотность и блеск коричневой краски были повсюду равномерны. Но примерно на расстоянии одной пяди до середины подоконника среди роев пылинок заметны были совершенно чистые места, одинаково округлые по форме. Аввакум насчитал пять таких пятен. Далее, на протяжении примерно тридцати сантиметров подоконник был совершенно свободен от пылинок и настолько чист, словно эта его часть была протерта шелковым платком. Вторая половина подоконника в точности повторяла первую: снова пять просветов между пылинками и полоса равномерно осевшей белесой пыли.

Аввакум усмехнулся. Не было никакого сомнения в том, что кто-то перелезал через окно и что это был человек худощавый, с тонкими пальцами и не очень высокий. Если бы он был чуть повыше, то влез бы в окно, не садясь на подоконник. Когда он влез в комнату со двора, то оставил отпечатки пальцев, а на обратном пути перешагнул через подоконник, не касаясь его руками.

Этот факт был настолько очевидным, что именно поэтому нуждался в тщательном исследовании и объяснении.

Аввакум обошел здание со двора и принялся сосредоточенно осматривать штукатурку под окном на уровне земли. Но, как он ни вглядывался в шершавый грязный цоколь, ему так и не удалось что-либо прочесть на нем.

Раздосадованный, он хотел было уже прекратить поиски, как вдруг его внимание привлекла продолговатая вмятина глубиной в полсантиметра, проходящая перпендикулярно окну на расстоянии одной пяди от земли.

Аввакум потерял руки, и на его лице отразилось удовлетворение. Его радовало не столько это маленькое открытие, сколько торжество логического мышления, которое предвидело необходимость подобного следа.

Один след должен был неизбежно вести за собой другой. Его надо было искать среди бурьяна на заброшенном дворе. Определив на глаз кратчайшее расстояние до улочки, Аввакум, наклонившись пониже к земле, медленно зашагал по двору. Сухая погода не благоприятствовала следопыту, но некоторые признаки недвусмысленно говорили о том, что в этом направлении часа два-три назад ступала нога человека. Там и сям через одинаковые промежутки упругая, побуревшая трава была примята. Авва-

кум заметил несколько надломанных стебельков ромашек; из свежих переломов еще сочился сок.

Склонившись к земле, Аввакум стал измерять пядями расстояние между примятыми участками травы. Отрезки оказались неожиданно короткими – не более тридцати сантиметров. Что это означало? А то, что человек, пробиравшийся сквозь бурьян, был небольшого роста и шаг у него был короткий.

Итак, Аввакум уже располагал некоторыми сведениями. Около десяти часов по заброшенному двору прошел невысокий худощавый человек с тонкими пальцами и маленькими ногами. Пролезая в окно, он острым носком обуви ободрал штукатурку на стене, сел на подоконник, пробыл некоторое время в комнате и вернулся тем же путем.

В этом предположении следовало сделать одну оговорку: неизвестный мог быть и женщиной. В таком случае ее рост можно определить как средний. Остальные признаки оставались в силе.

Не успел Аввакум вернуться в кабинет, как столкнулся с кладовщиком, который с таинственным видом сказал:

– Товарищ инспектор, кто-то звонит у входа!

– Неужели? – шепотом спросил Аввакум.

Кладовщик вытаращил глаза, и лицо его, не успев обрести нормальный вид, снова побледнело.

Аввакум молча смотрел на него. У двери продолжали настойчиво звонить.

– Ступайте отоприте и перестаньте дрожать, – сказал со снисходительной улыбкой Аввакум.

В кабинет вошли трое. Первым – врач Парутш Аврамов

с сумкой в руках. Если бы не эта сумка, но всякий догадался бы, что перед ним врач, и притом судебно-медицинский эксперт. В элегантном летнем костюме, панаме, ярком галстуке, в очках с позолоченной оправой, тщательно выбритый, он походил скорее на дипломата, по меньшей мере – на секретаря посольства. За ним вошел капитан Слави Ковачев, недавно переведенный из Пловдивского управления в Софию. Вельветовые брюки, светло-синий пиджак и белая рубашка с отложным воротником придавали ему вид художника. Выражение лица его было надменное, слегка пренебрежительное.

У дверей остался одетый в форму красавец лейтенант. Врач кивком головы поздоровался с Аввакумом – им приходилось встречаться в лаборатории исследовательского отдела, – положил панаму на письменный стол, достал салфетку величиной с платок и бережно расстелил ее возле трупa.

Пока он осматривал тело, Слави Ковачев отвел Аввакума к окну и тихо спросил:

– Вы обыскали этого типа в синем халате?

Аввакум отрицательно покачал головой.

– Упустили время? – сказал со вздохом Слави Ковачев.

– Сегодня я почему-то рассеян, – промолвил Аввакум, закуривая сигарету.

Подойдя к окну, он стал разглядывать двор, а Слави Ковачев тем временем занялся осмотром комнаты. Он тоже перелистал служебную переписку, заглянул в ящики стола, исследовал ковер и стены. Остановился его взгляд и на графине. Он понюхал его содержимое, потом стакан, отлил немного воды на ладонь и попробовал ее пальцем.

Врач поднялся, спрятал сумку, салфетку и инструменты, надел панаму и, взглянув на Аввакума, пожал плечами.

Слави Ковачев посмотрел на часы.

— Товарищ Аврамов, — начал он строгим, категорическим тоном, — в котором часу, по вашему мнению, этот молодой человек потерял сознание и как скоро за этим последовала смерть?

Врач и Аввакум, словно сговорившись, усмехнулись.

— Мне кажется, что признаки жизни исчезли далеко не сразу, — многозначительно заявил Слави Ковачев.

— Доктор, — заметил Аввакум, выпуская изо рта голубоватый клуб дыма, — позвольте мне, пожалуйста, расшифровать вам мысль моего коллеги. Он хочет знать, действительно ли час назад, то есть, когда я прибыл сюда, в жилах этого несчастного теплилась хоть искра жизни. Другими словами: тем, что я не оказал ему вовремя врачебной помощи в виде, например, инъекции камфары или адреналина, искусственного дыхания, массажа сердца и тому подобного, не упустил ли я возможность спасти ему жизнь или хотя бы принять все меры, чтобы оказать ему помощь. Таков смысл его вопроса.

Доктор Аврамов снял панаму, и за стеклами его очков блеснула холодная улыбка. Он повернулся к Аввакуму:

— В котором часу вы пришли сюда?

— В одиннадцать сорок, — спокойно ответил Аввакум.

— Видите ли, — сказал врач, обращаясь к Слави Ковачеву, — тогда было слишком поздно думать о какой-либо помощи. Несчастный проглотил яд примерно за час до этого, то есть, приблизительно в половине одиннадцатого.

– А через пять минут он был уже мертв – относительно и абсолютно. – Аввакум улыбнулся снисходительной, беззлобной улыбкой. – Если бы вы объяснили товарищу Ковачеву, что это не случайное отравление, а результат действия цианистого калия, он не стал бы намекать на несчастный случай. Он вспомнил бы, что цианистые соединения действуют на организм со скоростью экспресса. Парализуя способность клеток усваивать кислород, цианистый калий за две-три минуты полностью убивает весь организм. Так ведь, товарищ Аврамов? Здесь налицо типичные признаки отравления цианистыми соединениями. Бедняга давно уже перестал дышать и уже остывал – был ли смысл поднимать на ноги скорую помощь? Эта минута была нужна мне для более осмысленной деятельности, и я использовал ее как надо.

– Все же есть правила для подобных случаев, – заметил Слави Ковачев, стараясь не глядеть в глаза Аввакуму.

– Когда есть необходимость, я забываю о правилах, – сухо ответил Аввакум.

Врач откашлялся и взял со стола сумку.

– Теперь вы можете спокойно заявить в районную поликлинику, – сказал он. – По-моему, незачем беспокоить скорую помощь. Мое заключение таково: на трупе нет никаких признаков насильственной смерти; этот молодой человек проглотил концентрированный раствор цианистого соединения. В тот момент он стоял у стены слева от стола. Почувствовав, что теряет сознание, он инстинктивно оперся о стол, сделал шаг к окну и медленно повалился на пол. Все произошло, как правильно заметил товарищ Захов, в течение лишь нескольких секунд. Конечно, после вскрытия вы узнаете больше подробностей.

– Еще один, последний вопрос, – сказал Слави Ковачев.
– Здесь, как вы видите, есть графин с питьевой водой и стакан. Как вы полагаете, могут ли предметы послужить вещественными доказательствами? Следует передать их в лабораторию для экспертизы?

– Делайте все, что вы сочтете полезным для следствия,
– ответил врач с неудовольствием в голосе.

Он, видимо, торопился уйти, но снова раскрыл свою сумку, вынул из нее все необходимое и принялся тщательно исследовать воду в графине и стакан.

– Я более чем уверен, – сказал он через несколько минут, – что в стакане сейчас нет ни следа цианистого калия. Дно и стенки мокрые, но это самая обыкновенная вода, прозрачная и без запаха. Принюхайтесь к запаху изо рта у покойника, и вы на всю жизнь запомните, как пахнет цианистый калий. А у стакана запах обычный, как у всех стаканов для воды. О графине не стоит и говорить: можете наливать из него воду и пить, если вам хочется.

Он еще раз взглянул на труп и добавил, пожав плечами:

– Впрочем, тому, кто решил отравиться и раздобыл для этой цели цианистый калий в сухом или жидком виде, все равно, как проглотить яд – с водой или без воды. Ему заранее известно, что яд действует наверняка и с молниеносной быстротой.

Врач попрощался, и лейтенант проводил его к выходу.

Слави Ковачев бегло осмотрел те немногие предметы, которые Аввакум извлек из карманов умершего, и, увидев пачку денег, присвистнул от удивления.

– Неужели это его деньги?

– Не знаю, – ответил Аввакум, – но они лежали в его бумажнике.

Слави Ковачев покачал головой и, поплевав на пальцы, пересчитал банкноты. Затем подозвал лейтенанта.

– Вы, товарищ Марков, составьте протокол и отметьте, что при осмотре трупа в карманах пострадавшего были обнаружены такие-то вещи и такая-то сумма денег. Обыщите также старикашку, сделайте обыск и в его конторке. Пусть он проведет вас по всему зданию, пусть откроет все комнаты, и если вы заметите что-нибудь подозрительное, немедленно сообщите мне. Затем позвоните в поликлинику и доктору Светозару Подгорову, руководителю Центра по борьбе с эпизоотиями, и немедленно распорядитесь опечатать квартиру покойного.

– Будет сделано, товарищ капитан! – ответил лейтенант, щелкнув каблуками.

Когда лейтенант вышел, Слави Ковачев сказал:

– Мне очень приятно, товарищ Захов, что приказ нашего начальника снова предоставил нам возможность работать вместе. А как вы относитесь к такой перспективе?

– Я очень рад.

– В прошлом году в это же время мы с вами распутывали момчиловское дело. Тогда моя гипотеза оказалась ошибочной, а ваша – верной.

– Надеюсь, что на сей раз вы не ошибетесь, – сказал с улыбкой Аввакум.

– В моей практике ошибок было не так уж много. – Слави Ковачев сделал паузу и продолжал: – Я целую неделю изучаю бактериологическую диверсию в Родопах, и, кажется, некоторые нити уже у меня в руках.

– Значит, это вы взяли под наблюдение моего приятеля, доктора Петра Тошкова? – рассмеялся Аввакум, но, взглянув на мертвеца, осекся.

Капитан Ковачев покраснел и, чтобы скрыть смущение, стал усиленно сморкаться.

– Вы часто встречаетесь с доктором Тошковым, ходите к нему в гости, – заговорил он, утирая нос платком, – поэтому не удивительно, что заметили наблюдение за ним. Впрочем, я получил на то особое разрешение.

– Э, вы напрасно беспокоитесь, – сказал Аввакум, слегка похлопав его по плечу. – Я человек дисциплинированный, в дела своих коллег не вмешиваюсь и умею хранить служебную тайну. Могу вас заверить, что доктор Тошков ничего не подозревает, живет спокойно, как и птичка божия, совсем недавно получил прекрасную квартиру. – Аввакум заглянул собеседнику в глаза. – А что, вы серьезно полагаете, что доктор Тошков замешан в этом деле?

Раздраженный похлопыванием по плечу, Ковачев с недовольным видом отошел в сторону.

– Знаете что? – сказал он. – Не лучше ли будет, если каждый из нас будет идти к истине своей дорогой?

По лицу Аввакума пробежала тень, жилы на висках вздулись, как натянутые бечевки.

– Я вполне вас понимаю, – холодно и резко ответил он. – У вас, конечно, есть серьезные основания отклонить мое сотрудничество. Ну, что ж! Действуйте, как сочтете нужным. Желаю успеха, – с усмешкой закончил Аввакум.

Он вышел из кабинета, решив осмотреть складские помещения. Когда он вернулся, у него в карманах лежало несколько флаконов с немецкой вакциной. Четверо санитаров из районной поликлиники выносили труп Венцеслава. За носилками брел, как лунатик, сморщенный че-

ловечек в синем халате. У выхода Ковачев пропустил вперед санитаров, а человечка взял под руку и повел по коридору. Кладовщик плелся, еле передвигая ноги, чем-то напоминая старую куклу из реквизита бродячего кукольника.

Встретив удивленный и вопросительный взгляд Аввакума, Ковачев вызывающе вздернул голову, словно пресекая возможные вопросы.

– Буду просить разрешения задержать его, – объяснил Ковачев, хотя Аввакум не промолвил ни слова.

Стиснув зубы, Аввакум отвернулся.

Он подозвал лейтенанта Маркова и, отойдя с ним в конец коридора, спросил:

– Хотите работать со мной?

Работать вместе с Аввакумом Заховым! Лейтенант Марков даже не мечтал о такой чести. Он вытянулся, собрался было щелкнуть каблуками, но Аввакум остановил его.

– Я попрошу полковника Манова отдать соответствующее распоряжение, – сказал он. – А пока я хотел бы поручить вам просмотреть переписку между отделом снабжения лекарствами и складом, и прежде всего письма и распоряжения, подписанные доктором Тошковым, начальником отдела. Прочтите все, что относится к противоящурной вакцине. И еще одно: выясните происхождение восьми тысяч левов, найденных в бумажнике Венцеслава Рашкова. Он родом из города Сандански, в Софии у него нет близких. Не мудрствуйте, тут нет никакой тайны, а наведите справки в сберкассе. Я буду премного благодарен, если сегодня к десяти вечера вы позвоните мне на квартиру и я смогу выслушать ваш маленький доклад.

Пора было уходить.

В вестибюле он снова столкнулся с капитаном Ковачевым. Капитан, желая избежать с ним разговора, поспешил к выходу.

— Уходите? — спросил Аввакум.

— Я сделал все, что положено, — ответил Ковачев, не оборачиваясь. — Пора обедать.

— Приятного аппетита! — с усмешкой крикнул вслед Аввакум. Когда дверь за капитаном захлопнулась, Аввакум пошел в кабинет покойного и огляделся, отыскивая глазами стакан. Он стоял там же — на письменном столе. Аввакум бережно завернул стакан в кусок газеты и с улыбкой победителя вышел на улицу. У входа в склад дежурил милиционер.

8

В тот же день и час, когда Венцеслава Рашкова нашли мертвым у себя в кабинете, доктор Тошков бежал во весь дух к себе в управление. Конечно, ему было далеко до спортивной формы, потому что весил он более девяноста килограммов, да и года перевалили за пятьдесят, но благодаря своему почти двухметровому росту он развивал приличную скорость и человек нормального сложения не угнался бы за ним. При этом он так размахивал руками, что все встречные либо отлетали в сторону, либо сами еще издалека уступали ему дорогу.

Он пересек бульвар Христо Ботева и двинулся напрямик к главному подъезду. Обливаясь потом и еле переводя дух, он остановился в нерешительности у входа, затем,

надвинув шляпу на глаза, миновал подъезд и шмыгнул во двор за мусорными баками.

Между баками можно было пройти к черному ходу. Дверь его была не заперта. Прежде чем войти, Петр Тошков огляделся по сторонам и вздрогнул – ему показалось, что кто-то следит за ним из-за низкой ограды.

Витая лестница круто поднималась вверх, но он, перебежав через несколько ступенек, одним духом взлетел на третий этаж, свернул по коридору направо и через несколько шагов оказался перед широкой дверью своего кабинета. В комнате было жарко и душно – и пол, и стены, и даже часть лепного потолка были залиты потоками знойных лучей полуденного солнца.

Первым делом он опустил шторы, и комната сразу же погрузилась в приятный желтоватый полумрак. Он перевел дух, бросил шляпу на вешалку, опустился в изнеможении на стул и только тогда отер лицо. Платок сразу стал мокрым, хоть выжимай.

Взгляд его упал на лежащую перед ним на столе потертую кожаную папку с текущей перепиской, и он поморщился. Не ветхий вид папки расстроил его – он давно махнул рукой на внешний вид своих канцелярских принадлежностей. Доктор вспомнил, что должен явиться с докладом к Светозару Подгорову, а папка хранила в себе все то, что ждало директорского «да» или «нет». Вот почему она так удручающе действовала на доктора Тошкова – от одного ее вида его клонило ко сну, будто он не спал всю ночь.

Он с грустью поглядел на папку и вздохнул. Потом подошел к большому шкафу в глубине комнаты и открыл

его. Оцинкованное ведро в шкафу было доверху заполнено бутылками из-под лимонада. Доктор перебрал пустые бутылки и совсем помрачнел. Вынув из ящика стола круглое карманное зеркальце, он наскоро причесал свои поредевшие волосы и нажал кнопку звонка.

На этот раз секретарша Ирина Теофилова появилась на пороге почти мгновенно, и доктор, не успев спрятать расческу и зеркальце, накрыл их папкой и повернулся к двери. Он все еще досадовал на то, что не осталось лимонада, но при виде стройной фигуры секретарши брови его сами собой приняли обычное положение, и лицо стало, как всегда, добродушным. Заметив, что ее волосы влажны, как после купания, он покачал головой.

– Вы опять принимали душ в служебное время, – сказал он, но без упрека в голосе, даже ласково.

Теофилова молчала.

– С тех пор как наверху устроили душ, вы все время бегаєте по лестнице и постоянно рискуете простудиться. Нехорошо это.

Как иначе мог он разговаривать с этой красивой женщиной, на которой днем и ночью мечтал жениться?

– Нехорошо, – повторил он.

Теофилова стояла у двери и молчала. Ее обычно смуглое лицо было болезненно-бледным.

«Наверное, от освещения», – подумал Тошков и поглядел на спущенные шторы. Дневной свет за окном казался матово-желтым.

– Товарищ Подгоров дважды звонил вам, – глухо сказала Теофилова.

Доктор поморщился. Потому ли, что не сумел как сле-

дует пожурить секретаршу, или же оттого, что, несмотря на свою марафонскую пробежку, не поспел к директорскому звонку, он сам не знал. Но он чувствовал, что разговор с Теофиловой не клеится. Пока он раздумывал, с чего начать – с беседы ли на служебные темы или же с разговора о погоде, раздался резкий звонок телефона. «Третий раз звонит», – подумал доктор, снимая трубку.

Раздраженным тоном, коротко, без лишних слов Подгоров велел Тошкову немедленно явился к нему. Доктор положил трубку и поднялся из-за стола. Он потянулся было за папкой с перепиской, но, вспомнив, что под ней остались зеркальце и расческа, лишь махнул рукой.

Высокий, сухощавый, с худым, продолговатым лицом, женственными бледными губами и гладко зачесанными поседевшими волосами Светозар Подгоров выглядел молодежлив и подтянутым для своих пятидесяти лет. Его голубые глаза глядели спокойно, сосредоточенно, с какой-то стеклянной холодностью. Одевался он строго и добротнo, как подобает руководящему работнику: брюки в полоску, темный пиджак, крахмальная рубашка. Шелковый галстук, приколотый золотой булавкой с рубиновой головкой, говорил о склонности к изяществу, присущей артистам, но в целом он производил впечатление строгого, педантичного человека.

Он стоял у окна, наклонив голову и скрестив на груди руки. Шторы были опущены, на большом круглом столе, покрытом зеленым сукном, бесшумно кружил свои крылья вентилятор.

Когда доктор Тошков вошел в кабинет, Подгоров

вздвинул и, подняв голову, некоторое время, как слепой, смотрел отсутствующим взглядом на стену. Порывшись в карманах пиджака, он вынул коробку с сигаретами, подумал и, не закулив, положил обратно.

— Забыли спички? — спросил с виноватой улыбкой доктор Тошков и протянул ему коробок.

Подгоров нетерпеливо отмахнулся.

— Опять ругался с моими строителями, — стал со вздохом оправдываться доктор Тошков. — Потому и опоздал немного.

— Садитесь, — тихо сказал Подгоров. Наступило молчание.

В кабинете за обитыми клеенкой дверьми и закрытыми наглухо окнами было тихо, как в пустом отцепленном вагоне.

— Послушайте, доктор, — спросил Подгоров, снова скрестив на груди руки, — у вас есть сведения о том, как действует ваша противоящурная вакцина? Создает ли она надежный иммунитет?

Голос его звучал глухо.

— А почему бы и нет? — удивился Тошков и, пожав плечами, рассмеялся.

— Я спрашиваю — есть ли у вас такие сведения? — нахмулив брови, строго переспросил Подгоров.

Тошков посмотрел себе под ноги и ничего не ответил.

Теперь рассмеялся Подгоров, но смех его звучал язвительно и зло.

— Я вас не понимаю, — сказал Тошков, потирая лоб рукой.

— Неужели?

Подгоров помолчал, сел на стол, вынул сигарету и закурил.

– Товарищ Тошков, – неторопливо заговорил он, упорно не глядя на доктора, – скоро обеденный перерыв, и я больше не стану задавать вам вопросов. Отдохните, покушайте как следует – ведь вы всегда отличались хорошим аппетитом, – а после обеда пожалуйста сюда на небольшое совещание за этим круглым столом. Я созываю коллегия, чтобы выслушать вашу информацию о том, как действует наша противоящурная вакцина в Триградском районе. Надеюсь, что вы успеете подготовить небольшой, но интересный для коллегии доклад.

– Это можно, – заявил уверенно доктор.

Ему почему-то стало весело, и он громко расхохотался. Подгоров резко поднялся.

– Товарищ Тошков, – сказал он, откашлявшись, – хорошо смеется тот, кто смеется последним, не так ли? В народных поговорках содержится глубокая мудрость. Я бы посоветовал вам сейчас же зайти к заведующему кадрами. От него вы узнаете печальную, но весьма интересную для вас новость. Она наверняка испортит вам настроение и отобьет охоту смеяться.

– Что за новость? – спросил, привстав, доктор.

– Услышите, – тихо сказал Подгоров. Застегнув пиджак, он подошел к двери, открыл ее и, вежливо пропуская доктора вперед, добавил – Неприятное происшествие в вашем отделе. Прошу вас!

Когда доктор вышел, Подгоров долго стоял неподвижно, затем тяжело опустился в свое просторное кожаное кресло и, обхватив голову руками, задумался.

На следующий день в одиннадцать часов утра в кабинете полковника Манова состоялось краткое совещание, на котором присутствовали полковник, капитан Ковачев и Аввакум. Капитан был в бодром, приподнятом настроении, даже весел и любезен, что бывало с ним довольно редко. Бросалась в глаза и либеральная вольность в его одежде, несовместимая с его строю установившимся консервативным вкусом, – впервые в жизни он надел яркую трикотажную рубашку. Аввакум, наоборот, выглядел как никогда мрачным. Он много курил, молчал и словно не замечал никого вокруг. Казалось, весь мир стал ему глубоко безразличным. И если бы не лихорадочные огоньки в глазах и нервные движения пальцев, можно было бы подумать, что это апатичный, смертельно уставший человек.

– Итак, – начал полковник Манов, упираясь руками в стол, – вам предоставляется слово. Кто начнет? Разрешаю курить и докладывать сидя.

– Разрешите мне иногда вставать, чтобы поразмяться, – тихо заметил Аввакум, стряхивая пепел в стеклянную пепельницу.

Полковник кивнул головой.

– У него вид ищейки, которая искала-искала, но так и не нашла след, – весело расхохотался Ковачев.

Аввакум пропустил мимо ушей эту грубую шутку, а полковник поморщился и нахмурил брови.

– Можно подумать, капитан, что вы уже ухватили быка за рога, – сказал он. – А не думаете ли вы, что после момчиловского дела вам следовало бы держаться поскромнее?

— О! — воскликнул Ковачев, — момчиловское дело — старая история и не представляет ничего особенного.

— Пусть даже так, хотя я не разделяю вашего мнения, — сухо заметил полковник и приказал: — Докладывайте!

— История эта запутанная и сложная, — начал капитан, потирая руки и, как обычно, излишне громко, — но я уже держу главную нить в руках, добрался до важнейших выводов и рассчитываю на успех. Мой метод очень прост, я не люблю усложненных гипотез. По-моему, чем запутанней преступление, тем проще должен быть метод его раскрытия. В данном случае я рассуждал следующим образом. Во-первых: вспышки ящура возникли в районе Триграда, рядом с границей. У нас есть кое-какой опыт в таких делах, и мы знаем, что если в пограничном районе возникает эпидемия, то это не случайно. Во-вторых: противоящурная вакцина, которую Центральное управление по борьбе с эпизоотиями послало в пораженный район, оказалась вдруг негодной. Это знаменательно. Если, например, на каком-нибудь важном заводе вспыхнет пожар и пожарная команда выедет туда с пустыми цистернами или с испорченными насосами, то это, безусловно, не будет простой случайностью. Тут несомненна связь поджигателей с теми, кто опорожнил цистерны или повредил насосы. Оба факта взаимно дополняют и объясняют друг друга. В нашем случае Центр по борьбе с эпизоотиями играет роль пожарной команды. Кто-то один или группа лиц из Центра поддерживает связь с теми, кто распространяет ящур. Такова моя основная гипотеза. Значит, необходимо прежде всего обнаружить тех, кто поддерживает связь с иностранными шпионскими организациями. Где следует их ис-

кать? Конечно, не среди плановиков и машинисток. Плановики и машинистки не имеют дела с сыворотками и лекарствами. Этим занимается отдел снабжения лекарствами, и прежде всего начальник отдела доктор Тошков, заведующий складом Венцеслав Рашков и его помощник Кынчо Настев. Я полагаю, что один из них и есть главное действующее лицо в этой истории. Само собой разумеется, что я ни на минуту не забывал о том, что, кроме них, в деле замешаны и другие. Но стоит потянуть за одну петельку, как распустится весь чулок.

Знакомясь с биографиями этих лиц, я между делом наткнулся на такой примечательный факт. В сообщении Триградского пограничного участка о возникновении и распространении ящура я обнаружил знакомое имя. Оно упоминалось в числе имен тех, кто проехал по шоссе между Тешелом и Девином, не имея специального пропуска для передвижения в пограничной зоне. Четверо из них оказались местными крестьянами, проверенными людьми, и на них не падает никакого подозрения. Но пятнадцатого августа, за два дня до получения первого сообщения о случаях заболевания ящуром, около десяти часов утра дежурный старшина остановил мотоциклиста в тот момент, когда тот собирался повернуть на Триград. За рулем оказался доктор Петр Тошков, начальник отдела снабжения лекарствами Центрального управления по борьбе с эпизоотиями. У него был пропуск на проезд в Девин. Когда его спросили, зачем он едет в Тешел и почему сворачивает на Триград, Тошков ответил, что ему захотелось, поглядеть на триградские скалы, а заодно половить в речке форель. При этом он показал служебное удостоверение и справку о том,

что командирован по делам службы в Девин и его окрестности. Тогда старшина на свой страх и риск разрешил ему остаться до обеда у развилки, но категорически запретил входить в ущелье.

Около трех часов дня пограничный патруль задержал Тошкова на середине ущелья, довольно далеко от проходящего в скалах туннеля. Он удил рыбу возле омута, а рядом с ним сидел житель селения Триград – Ракип Колибаров. Надо сказать, что этот Колибаров довольно темная личность, хотя у нас и нет никаких прямых улик против него. Известно только, что брат его бежал за границу, а дядю в прошлом году убили неизвестные лица. Поскольку у доктора Тошкова не было пропуска для передвижения в районе Триграда, то возникли большие осложнения. Его отвели на заставу, оттуда звонили в Смолян, из Смоляна – в Софию, и только к вечеру Тошкова отпустили, потребовав от него письменное объяснение. Между прочим, он написал, что не знает Ракипа Колибарова, что в тот день видел его впервые, что Колибаров сам подошел к нему поглядеть, как клюет форель.

Это произошло пятнадцатого августа, за два дня до вспышки эпидемии ящура в районе Триграда.

Случай этот побудил меня тщательно заняться изучением биографии доктора Тошкова. Он родился в городе Сандански в 1910 году. Отец его был зажиточным человеком, содержал лавку и корчму, имел много виноградников. Петр Тошков окончил ветеринарный институт в Софии и был послан на стажировку в Швейцарию, в Женеву. По возвращении из-за границы его сразу же назначили окружным ветеринарным врачом в город Горна-Джумая. В

1942 году его перевели в министерство земледелия, а годом позже повысили в должности, назначив инспектором. В качестве инспектора он объезжал исключительно южные и юго-западные районы страны. Политикой он не интересовался. Любил кутнуть в компании, сорил деньгами. После Девятого сентября вступил в должность, которую занимает и сейчас.

Петр Тошков страстный рыболов. Он завел себе мотоцикл «Ява» и колесит на нем в праздники и во время отпуска по всей стране. Я хочу обратить ваше внимание и на такие факты. В документах госбезопасности его имя косвенно упоминается дважды в связи с другими лицами. В прошлом году второго января два дипломатических работника, высланные впоследствии из страны как «персона нон грата», проводили время в окрестностях Боровца. Вместе с ними был и Петр Тошков. Седьмого мая этого года Петр Тошков отправился на рыбную ловлю под село Сливница и весь день провел с неким Крумом Хаджихристовым из этого села, в прошлом фельдфебелем царской армии, осужденным в свое время Народным судом.

Итак, Петр Тошков поддерживает связи с дипломатами, объявленными «персонами нон грата», встречается с бывшими политическими преступниками, разъезжает без разрешения вдоль южной границы и при этом попутно встречается с лицами, у которых родственники стали изменниками родины и якшаются со шпионской агентурой. Не так уж трудно предположить, что человек с такой характеристикой способен отправить негодную вакцину в пораженные районы. Доказательства? Пожалуйста!

Вчера по окончании рабочего дня я имел возможность

просмотреть переписку между отделом снабжения и складом. В этом отношении, – Слави Ковачев поглядел на Аввакума, – я очень рад, что и вы, товарищ Захов, идете по моим следам и работаете по моему методу, так как я застал вашего помощника, лейтенанта Маркова, за разборкой этой же самой переписки. Не знаю, каковы ваши выводы, но у нас с лейтенантом Марковым данные полностью совпадают. Что побудило меня заняться упомянутой перепиской? Я просто хотел узнать, какую вакцину получил отдел из Германской Демократической Республики, что хранится на складе Венцеслава Рашкова и каковы были распоряжения и указания его начальника Петра Тошкова.

Прежде всего мы просмотрели исходящую корреспонденцию, копии распоряжений, которые Петр Тошков адресовал складу. Нам бросилось в глаза одно сравнительно длинное письмо, в котором начальник давал указания, как надлежит хранить немецкую вакцину, а именно (цитирую буквально): «...держат в холодильном шкафу, в темноте и ни в коем случае при температуре выше шести градусов по Цельсию». Письмо, датированное четвертым марта, было подписано справа Петром Тошковым. а слева – Ириной Теофиловой, секретарем отдела. «Давайте посмотрим, соблюдал ли эти условия Венцеслав Рашков», – предложил лейтенант Марков, но я сказал: «Прежде надо проверить, получил ли он это письмо».

Мы взяли папку, в которой Кынчо Настев, помощник Венцеслава Рашкова, хранил входящую корреспонденцию, нашли оригинал письма от четвертого марта и с первого взгляда увидели, что оно хоть и похоже, но не совсем то. Мы переглянулись, а потом стали слово за словом сличать

копию с оригиналом. И на том месте, где в копии говорилось: «...держат в холодильном шкафу, в темноте и ни в коем случае при температуре выше шести градусов по Цельсию», текст оригинала был изменен таким образом: «...держат в шкафу и ни в коем случае при температуре выше двадцати шести градусов по Цельсию». Были пропущены слова «холодильном» и «в темноте», а к цифре шесть была приписана спереди двойка. Конечно, пропущенные слова и приписанная двойка должны были рано или поздно лишить вакцину ее иммунного воздействия.

Мы сличили шрифты копии и оригинала. Оба документа были написаны на одной и той же пишущей машинке. Эта машинка марки «Континенталь» оказалась в канцелярии отдела; на ней работает машинистка Христина Чавова, девушка проверенная в политическом отношении, дочь погибшего подпольщика. Взяв другие письма, мы стали сличать подписи. Подпись Петра Тошкова совпала с другими – никакой разницы ни в написании, ни в росчерках, ни в утолщениях. Но этого нельзя было сказать о подписи Ирины Теофиловой. На других документах буквы «о» и «в» на ее подписи замкнуты, как и на копии письма от четвертого марта. А на оригинале эти буквы разомкнуты и удивительно похожи на своих тезок из подписи Петра Тошкова. И еще одно бросается в глаза: Ирина Теофилова вообще пишет слитно, цепляя букву за букву, а здесь буквы растянуты и расстояния между ними вполне совпадают с промежутками в подписи доктора. Мы тотчас же сфотографировали оба документа, и вы, товарищ Захов, располагаете обоими экземплярами. Лейтенант Марков, специалист по графологии, утверждает, что подпись Теофи-

ловой на оригинале письма сделана рукой Петра Тошкова. Не знаю, что думаете по этому поводу вы, но я полностью разделяю мнение лейтенанта.

Аввакум пожал плечами и промолчал. Ковачев выжидал.

– Продолжайте, – сказал ему полковник.

– Оставив переписку в канцелярии, мы пошли на склад. В подвале, где мы рассчитывали найти вакцину, ее не оказалось. Искали на первом этаже, но тоже безрезультатно. Тогда мы решили заглянуть в чердачное помещение. Там наши поиски увенчались успехом: в закутке под самой крышей на обычной полке стояло около полусотни картонных коробок, вмещающих по двадцать флаконов вакцины. Некоторые коробки оказались пустыми – их содержимое, очевидно, было отправлено в Родопы.

Мы посмотрели на висящий у двери термометр – ртутный столбик показывал двадцать восемь градусов по Цельсию: Венцеслав Рашков перестарался, выполняя указания своего шефа.

Прежде чем окончательно сформулировать свою гипотезу, я хочу сказать несколько слов об остальных двоих. Венцеслав Рашков родился в городе Сандански, заметьте – в том же городе, что и Петр Тошков. Знаменательно, не правда ли? Прибавьте к тому, что сего молодого человека приняли на работу в Центральное управление по рекомендации доктора Тошкова. Если вы затребуете из отдела кадров его личное дело, то найдете там целых три страницы, на которых доктор в самых восторженных словах расписывает достоинства Рашкова. Много лестного пишет он и о его родителях – какие они были трудолюбивые, че-

стные, передовые люди и так далее и тому подобное. Венцеслав Рашков окончил торговый техникум, отбыл военную службу в танковых частях и работал инструктором на автомотокурсах ДОСО. Он ярый поклонник всех видов спорта и фанатик автомотодела. Кроме зарплаты, никаких других доходов не имел. Последнее время хвастал перед друзьями, что скоро купит мощный мотоцикл «Ява».

Кынчо Настев, помощник Венцеслава Рашкова, родом из города Хасково. Он работает на складе Центра более двадцати лет и слывет скромным, незаметным человеком. У него собственный одноэтажный домик в районе «Модерно предградие», но за последний месяц он приобрел материалы для надстройки второго этажа.

Разве это не симптоматично, что два месяца назад доктор Тошков приобретает квартиру в жилищном кооперативе «Изток», Венцеслав Рашков говорит о покупке дорогостоящего мотоцикла, а в день смерти у него в бумажнике обнаруживается солидная сумма денег? Тихоня Кынчо Настев, который всю жизнь получал более чем скромную зарплату, покупает по коммерческим ценам строительные материалы и собирается надстраивать второй этаж. Как видите, все трое быстро разбогатели, они не стесняются в средствах, покупают квартиры, дорогие мотоциклы, расширяют свои дома.

Обобщая все эти факты, я прихожу к следующей гипотезе. Во время пребывания в Женеве Петр Тошков был вовлечен в сеть германской разведывательной службы. С помощью ее резидентов в Болгарии он был назначен инспектором тех южных пограничных районов, к которым иностранные разведчики на Балканах проявляли особый

интерес. Когда война окончилась, Петра Тошкова оставили в покое, и можно полагать, что он длительное время не занимался шпионажем. «Законсервированный» шпион жил относительно спокойно. Но три года назад его снова привлекли к работе, на этот раз другая западная разведка. Для начала на неё была возложена скромная задача – окружить себя на работе своими людьми. И Петр Тошков назначает заведующим складом своего молодого земляка Венцеслава Рашкова, в преданности которого он не сомневается. Их семьи дружили между собой; кроме того, карьера Венцеслава была всецело в руках Тошкова. Остается лишь установить, чем занимался Петр Тошков во внеслужебное время за последние три года: где колесил на мотоцикле по южным районам, с какими еще «персонами нон грата» поддерживал связи, зачем ездил к бывшему фельдфебелю из Сливницы и тому подобное.

Но вернемся к последним событиям. Сразу же после прибытия немецкой вакцины или незадолго до ее получения Петру Тошкову приказывают немедленно сделать все необходимое, чтобы в кратчайший срок вывести препарат из строя. Четвертого марта Петр Тошков диктует секретарше вышеупомянутое письмо. Секретарша передает черновик Чавовой, и та слово в слово перепечатывает его. Я забыл вам сказать, что черновик сейчас сколот с копией и они полностью совпадают. После этого секретарша подписывает оба экземпляра и относит их на подпись к начальнику. Что же делает начальник?

Он вовсе не спешит отправить письмо на склад, а задерживает его у себя. После конца работы, когда в канцелярии никого нет, Петр Тошков усаживается за машинку

Чавовой и пишет на чистом бланке новое письмо, выпуская два слова и приписав цифру, подписывает его, подделывает подпись Теофиловой, притом довольно удачно, а подлинник уничтожает.

На следующее утро, пятого марта, он вызывает посыльного и велит ему отнести копию и черновик в архив, а фальшивый подлинник сдать под расписку кладовщику.

Если вы откроете разносную книгу отдела снабжения лекарствами, то увидите, что Кынчо Настев действительно получил упомянутое письмо пятого марта.

Вы спросите, почему такие опытные люди, знатоки хранения лекарств, как Настев и Рашков, не заметили вовремя несуразности в распоряжении начальника? Неужели им пришлось впервые получать и хранить вакцину? Я думаю, что они оба заметили неладное. Но Венцеслав Рашков молчал потому, что такова была воля его покровителя и шефа и, кроме того, он на худой конец всегда мог умыть руки, сославшись на официальный документ – указание начальника! А Кынчо Настев молчал по той простой причине, что его непосредственный начальник ни словом не обмолвился по этому вопросу. Я думаю, что в данном случае в той или иной форме были пущены в ход и деньги. Столько денег, сколько нужно для надстройки второго этажа и для покупки мощной «Явы». Доктор давал деньги заведующему складом, а тот – кладовщику.

Пятнадцатого августа Петр Тошков поехал в Девин якобы инспектировать местную санитарно-лекарственную ветеринарную базу, а на самом деле – для того, чтобы встретиться с резидентом иностранного шпионского центра. Надо будет выяснить, кто такой Ракип Котибаров –

резидент или же его связной, зачем ездил к нему Тошков: чтобы передать бациллы ящура или чтобы убедиться в их получении.

Итак, ящур вспыхивает с грозной силой. Доктор Светозар Подгоров бьет тревогу и приказывает отделу немедленно слать в пораженные районы на автомашинах и самолете спасительную немецкую вакцину.

Петр Тошков со своим помощником проявляют поразительную активность. Партийное бюро и профсоюзная организация выносят им благодарность за самоотверженную, круглосуточную работу.

Проходит несколько дней, неделя, другая, и в Центр начинают прибывать тревожные сообщения: вакцина не обеспечивает иммунитета. Но Петр Тошков спокоен; он в тот же день катит на мотоцикле к водохранилищу Искыр ловить рыбу, а вечером кутит с друзьями...

Слави Ковачев умолк и многозначительно взглянул на Аввакума.

— Совершенно верно, — сказал Аввакум. — Я познакомился с доктором как раз в те дни, о которых вы говорите, и несколько вечеров провел у него за столом в новой квартире.

В кабинете воцарилось неловкое молчание. Полковник Манов стал рыться в ящике стола в поисках сигареты, но Аввакум любезно предложил ему свой портсигар и, повернувшись к Ковачеву, спросил с усмешкой:

— Почему же вы прервали свой рассказ на самом интересном месте?

— Ладно, — буркнул Ковачев, — буду продолжать. С восемнадцатого августа эти люди у меня на виду и мне из-

вестен каждый их шаг... Итак, за три дня до самоубийства Венцеслав Рашков разговаривал по телефону со своим братом в городе Сандански. Двадцать шестого он и Петр Тошков идут в ЦУМ и там долго вертятся возле стенда с мотоциклами. Выходя из магазина, они покупают в книжном отделе туристскую карту Болгарии и отправляются в закусочную на площади Славейкова. За едой Петр Тошков что-то чертит на карте, а Венцеслав Рашков что-то записывает на полях, затем складывает карту и кладет в левый карман пиджака. Эти карты не редкость, их можно купить за два лева в любом киоске. Я сотворил грех во имя общественной безопасности – у выхода из закусочной столкнулся с ним и вытащил у него карту. Вот она! – Слави Ковачев быстро развернул у себя на коленях сложенную карту. – Вот эти линии красным карандашом начертил собственноручно Петр Тошков. – Слави Ковачев выдержал паузу. – Маршрут по шоссе София-Триград, – торжественно провозгласил он. И, понизив голос, продолжал: – А знаете ли, что написано рукой Рашкова на полях? Венцеслав Рашков черным карандашом записал одно лишь имя, которое я уже не раз сегодня упоминал: Ракип Колибаров.

Он вскинул голову, чтобы полюбоваться произведенным эффектом, но в этот миг кабинет огласился громким смехом.

Смеялся Аввакум, откинувшись на спинку стула.

Нахмуренное лицо полковника Манова побагровело.

– Прошу прощения! – сказал Аввакум, привстав с места. – Признаю, что мой смех неуместен. Но я вдруг представил себе удивление коллеги Ковачева, когда он увидел имя Ракипа. Это и рассмешило меня.

– А, по-моему, вы напрасно смеетесь, – сухо сказал полковник.

– Напротив – меня это имя вовсе не удивило, – возразил Ковачев с подчеркнутым достоинством. – Я уже догадывался, куда клонится дело. Петр Тошков понял, что махинации с вакциной зашли слишком далеко и что земля уже горит у него под ногами, и поэтому решил отделаться от своего главного соучастника. Он внушил Венцеславу, что положение безнадежно, что ему, заведующему складом, грозит неминуемое разоблачение, суд и, возможно, виселица. По всей вероятности. Венцеслав Рашков сделал попытку спрятаться за указания официального письма от четвертого марта, но коса нашла на камень. « Не надейся на это письмо, – сказал ему, наверно, доктор. – Оно лишь клочок бумаги, не больше. У меня есть копия с той же датой и номером, и там указано, как на самом деле надлежит хранить вакцину, а твой оригинал – просто подделка. Я заявлю, что ты сам сочинил его, подделал подпись, а подлинник уничтожил. Что ты на это скажешь?» И тут же предложил Венцеславу переправить его за границу, рассчитывая, что Колибаров сумеет покончить с ним. Доктор дал ему денег на мотоцикл, обозначил на карте дорогу на Триград и назвал имя человека, который проведет его через пограничную полосу. Но тут на передний план выдвигается новое обстоятельство – карта исчезает. Написав своей рукой имя Ракипа Колибарова, Венцеслав подписал себе приговор – сообщники поняли, что карта попала в наши руки. Около семи часов вечера они расстаются возле памятника патриарху Евфимию. Доктор сказал Венцеславу, что зайдет к нему утром. Быстрая ликвидация Венцеслава стала для Петра Тошкова вопросом жизни или смерти.

Наступило двадцать седьмое августа. В начале одиннадцатого доктор является к Венцеславу, но проникает в кабинет не через главный вход, а через окно, со стороны двора. Он запирает дверь и шепотом сообщает Венцеславу, что напротив входа на тротуаре дежурят двое агентов. Венцеслав тоже видел их, когда утром шел на работу. Должен сказать, что и мой помощник тоже заметил таинственную пару, но, как и следовало ожидать, предположил, что это наши люди. Мы навели справки, и оказалось, что никто не посылал ко входу сотрудников и не может дать никаких объяснений. Для меня до сих пор эти двое наблюдателей – загадка, точно так же как и тот, кто послал их следить за складом. Это очень любопытная загадка.

Услышав, что неизвестные продолжают стоять у входа, Венцеслав насмерть перепугался и впал в полнейшую прострацию. Проведя накануне бессонную ночь, угнетенный страшной неизвестностью, нависшей над ним, он потерял власть над собой, и доктор сумел хорошо воспользоваться этим. Он подсунул Венцеславу яд: единственное средство, чтобы спасти хотя бы имя и честь семьи. Петр Тошков, вероятно, сказал ему, что цианистый калий убивает быстрее и безболезненнее, чем петля виселицы. Несколько минут они разговаривали, стоя у письменного стола. Затем Петр Тошков подходит к этажерке, берёт графин и наливает стакан воды.

Этот жест доктора окончательно убеждает Венцеслава в бесполезности сопротивления, он чувствует, что участь его решена, – подносит руку к губам и проглатывает яд. Стакан у него перед глазами – он одним духом пьет до дна и ставит пустой стакан на стол.

А доктор, даже не взглянув на него, перелезает через окно и через двор выбирается на улицу. Через полчаса он является на работу, но, чтобы остаться незамеченным, проходит к себе в кабинет через черный ход. Мои люди вчера видели, как доктор, потный и раскрасневшийся от быстрой ходьбы, прокрадывался во двор Центрального управления, чтобы незамеченным подняться к себе на третий этаж. Он знал, что медицинская экспертиза точно установит время отравления, и поэтому лез из кожи вон, чтобы поскорее оказаться в своем кабинете. Другими словами, он торопился обеспечить себе алиби. Так, по-моему, развивались события в последние дни.

Слави Ковачев вытер вспотевший лоб, глубоко вздохнул и уставился на полковника Манова.

— Все это очень интересно! — заметил полковник и, помолчав, в раздумье спросил: — Но почему после исчезновения карты Петр Тошков не действует немедленно, тотчас же, как поступил бы любой на его месте, а откладывает исполнение задуманного до десяти часов следующего дня? — Полковник снова призадумался. — К десяти часам следующего дня органы госбезопасности успели бы схватить за шиворот и Венцеслава Рашкова и Ракипа. Доктор знал, что при таком быстром и неудержимом распространении ящура органы госбезопасности будут действовать без промедления и используют любой след тотчас же, как только он попадется им на глаза. Чем объяснить эту проволочку в действиях Петра Тошкова, да и в ваших, товарищ капитан?

Слави Ковачев вздрогнул и покраснел.

— Позвольте мне ответить на ваши вопросы по порядку,

— сказал он, не поднимая глаз с ковра. — Неподдалеку от памятника патриарху Евфимию есть стоянка такси. Доктор взял машину и поехал по направлению к Русскому бульвару. Я немедленно последовал за ним на другой машине, но на перекрестке, у трамвайной линии, светофор переключился на красный и нам пришлось уступить дорогу трамваю, идущему к площади Славейкова. Когда дали зеленый свет, я приказал шоферу гнать быстрее по бульвару Толбухина, но машина с доктором уже исчезла. Я счел благоразумным вернуться на стоянку. Через пятнадцать минут такси вернулось. Из слов водителя я понял, что доктор хитро провел меня за нос. Вместо того чтобы ехать по какому-нибудь определенному адресу, он сошел перед ЦУМом со стороны бульвара Георгия Димитрова. По-моему, он понимал, что ему грозит опасность, но не имел возможности активно действовать. Нужно было время, чтобы обдумать, как при создавшейся обстановке убрать Венцеслава. Очень вероятно, что он решил посоветоваться со своими сообщниками. Поиски цианистого калия и установление связи с Ракипом Колибаровым отняли у него все время до десяти часов двадцать седьмого августа. Что же касается меня. — Слави Ковачев пожал плечами, — я лишь сегодня уяснил себе некоторые детали и поэтому не запросил разрешения на арест Петра Тошкова. Но я отправил в Смолян шифровку с указанием не упускать из виду Ракипа Колибарова...

Полковник записал что-то у себя в блокноте и обратился к Аввакуму:

— А у вас, товарищ Захов, есть своя версия по этому поводу? Или же вы полностью согласны с выводами товарища Ковачева?

Аввакум встал, размялся и медленно зашагал взад и вперед по кабинету.

– Вчера, кажется, я вам говорил, что знаком с некоторыми работниками Центрального управления по борьбе с эпизоотиями. Мой приятель Анастасий Буков, ветеринарный врач из Триграда, который сейчас в командировке в Софии, познакомил меня с начальником отдела снабжения лекарствами – милейшим человеком – доктором Петром Тошковым.

Полковник удивленно поднял брови.

– Эпитет «милейший» вы, конечно, берёте в кавычки?

– Ничего подобного! – Аввакум поморщился и замолчал. – У меня нет никаких оснований брать этот эпитет в кавычки. По крайней мере сейчас. Что-то подсказывает мне – возможно, мой скромный житейский опыт, – что возле имени этого человека и в будущем не появится необходимости ставить какие бы то ни было кавычки...

– В моей версии я основываюсь исключительно на фактах, – вставил вдруг Ковачев. – Вам бы следовало пункт за пунктом опровергнуть приведенные мною факты, а это невозможно. Моя гипотеза построена на фактах, как здание из кирпича и бетона...

Аввакум закурил, и по губам его скользнула обычная снисходительная улыбка. Но на этот раз не добродушная и незлобивая – от нее веяло холодом, а это не предвещало Ковачеву ничего хорошего.

– Товарищ Ковачев, – прервал его Аввакум, продолжая прогуливаться по ковру, – прежде всего я позволю себе,

если товарищ полковник разрешит, сделать вам несколько комплиментов. Они касаются прежде всего вашего метода. Вы, без сомнения, проявляете блестящие способности в собирании и накоплении фактов. Слушая вас, я узнал много новых подробностей, которые раньше мне были неизвестны. Я поздравляю вас и одновременно выражаю вам признательность. Особенно ценно для меня сообщение о двух таинственных личностях, которые вели наблюдение за складом, и то, что вы, заметив отсутствие Петра Тошкова на работе, засекали точное время его возвращения к себе в кабинет. Это замечательно. Ваши сведения исключительно полезны для дальнейшего следствия. Как я сказал, в собирании и накоплении фактов вы энергичны и обнаруживаете недюжинный талант.

— О! — воскликнул польщенный Слави Ковачев, покраснев до ушей. — Это сущие пустяки!

— И в целенаправленном комбинировании фактов вы обнаруживаете недюжинные способности. Стажировка Петра Тошкова в Швейцарии, его прогулки вдоль границы, встреча с нежелательными иностранными дипломатами, поездка в Триград и встреча с Ракипом Колибаровым... подделанное письмо — такая комбинация поистине может подвести человека к виселице. Хорошее, реалистическое воображение вы проявили и при восстановлении эпизода с отравлением. Маленький штрих — как была налита в стакан вода — мне очень понравился.

В начале вашего рассказа вы заметили, что идете по моим стопам, сославшись на то, что наши методы исследования совпадают... В качестве примера вы упомянули изучение служебной переписки. Верно, что мы оба, неза-

висимо друг от друга, взялись за документацию. Но из этого факта вы делаете поспешное заключение о тождестве наших методов. Вы обратились к документам, чтобы установить, почему вакцина не действует. Вы ищете причину, чтобы по ней обнаружить преступление. Я же сначала обнаружил преступление, а затем стал искать причины. Вчера в обеденный перерыв мы оба были на складе, но вы, товарищ Ковачев, не сочли нужным сразу же осмотреть полки, чтобы проверить, в каком состоянии находится вакцина и нет ли в нем чего-либо особенного или ненормального. Вам даже в голову не пришло сделать это. Я же заглянул на полки и обнаружил, что вакцина хранится в чердачном помещении на свету при двадцати восемью градусами тепла. Я знаю, что вакцина, которая хранится длительное время в подобных неблагоприятных условиях, неизбежно теряет свои иммунные свойства. Когда я сопоставил этот факт со сведениями из пораженных районов, мне стало ясно, что особенное и ненормальное в хранении вакцины далеко не случайное явление. В объяснении причин этого неслучайного явления и лежит ключ к загадке. Изучение служебной переписки – лишь нить к этому ключу.

Итак, то, что в моем методе исследования стоит на первом месте, у вас отходит на второе. Вот почему я полагаю, что вы слишком поспешно отождествляете наши методы исследования.

Как в момчиловском деле, так и здесь вы серьезно недооцениваете роль наблюдения. Я имею в виду наблюдение не вообще, а первый осмотр места происшествия. Вы производите осмотр торопливо, небрежно, многие под-

робности упускаете из виду, схватывая лишь некоторые бьющие в глаза следы совершенно элементарного характера. А такие следы всегда и во всех случаях приводят к элементарным обобщениям, к шаблонному мышлению. Так, например, вы чисто умозрительно пришли к выводу, что Петр Тошков пробрался в кабинет Венцеслава Рашкова через окно. Это типичный логический шаблон, который раскрывает лишь половину факта, а именно, что кто-то проник в кабинет Рашкова не через главный вход, а через низко расположенное окно. Но кто этот человек? Любое предположение, прежде чем стать основой для осмысленной гипотезы, нуждается в проверке. Вы уверяете, что неизвестное лицо – Петр Тошков. Я же утверждаю, что это был не Петр Тошков. И вы не в состоянии убедить меня, потому что у вас нет непосредственных наблюдений в защиту вашего тезиса. Я произвел наблюдения, которые бесспорно доказывают, что неизвестный, который пролез в кабинет через окно, имеет и рост, и руки, и ноги значительно меньшие, чем у Тошкова.

– Фантазия, – скептически усмехнулся Слави Ковачев.

– Когда я обобщаю факты и строю гипотезу, то прибегаю к фантазии, и довольно часто, я этого не отрицаю. Но когда я произвожу осмотр, то действую, как математик, с точностью до миллиметра. Но ближе к делу: я еще не все сказал о вашей скверной черте – поверхностном отношении к осмотру. Так, например, вы заметили стакан, но, узнав со слов доктора Аврамова, что в нем нет следов цианистого калия, потеряли интерес к нему, даже забыли про него. Вы ограничились тем, что приписали стакану некое психологическое воздействие. Это получилось у вас кра-

сиво, даже поэтично. Но, придерживаясь логического шаблона, «в стакане нет следов цианистого калия, и, следовательно, он не является вещественным доказательством», вы не сочли нужным подробно исследовать его. И напрасно – вы обнаружили бы на кромке весьма интересные следы.

– Не было никаких следов, – заявил Слави Ковачев, потряхнув головой.

– Все зависит от того, как смотреть, – холодно усмехнулся Аввакум. – Далее. Опустившись на ковер, вы осмотрели труп, но не заметили на ковре слева от тела довольно большое мокрое пятно. Вы обратили внимание, что на этом месте из ковра была вырезана узкая длинная полоска?

– Излишне, ненужные подробности, – отпарировал Слави Ковачев, передернув плечами.

– Зачем нервничать? – сказал с притворно ласковой улыбкой Аввакум.

– Слушайте спокойно и не перебивайте! – сказал Ковачеву полковник.

– Но он засыпает нас излишними подробностями, а до сих пор не сказал ничего конкретного в защиту своего приятеля Петра Тошкова! Мы напрасно теряем дорогое время.

По лицу Аввакума пробежала тень. Оно стало еще суровее, а серо-голубые глаза сверкнули стальным блеском.

– Товарищ полковник, – спокойно сказал он, не повышая голоса и остановившись посреди кабинета, – я не откажусь от этого дела, даже если мой коллега убедит вас в том, что я проявляю пристрастие и субъективный подход к

доктору Тошкову. Поскольку доктор – мой знакомый, возможно, будет уместным отстранить меня от следствия. Уверяю вас, что это нисколько не огорчит меня. Отстраняйте. Но и как частное лицо, как рядовой гражданин я сумею сделать все что нужно, чтобы спасти жизнь и честь невиновного и очень полезного человека.

– Хм! – ухмыльнулся Слави Ковачев. Полковник постучал по столу.

– Товарищ Захов, – сказал он. – Если бы Петр Тошков был вашим родным братом, то и в этом случае я не отстранил бы вас от следствия. Пожалуйста, продолжайте, но постарайтесь говорить конкретнее. В этом отношении товарищ Ковачев до некоторой степени прав. Вы должны привести конкретные доказательства невиновности доктора, точно так же, как товарищ Ковачев изложил конкретные доказательства его виновности. Ваше слово.

– Благодарю!

Аввакум уселся в кресло, и некоторое время молчал, постукивая пальцами по широким, мягким подлокотникам.

– Критикуя метод товарища Ковачева, – спокойно заговорил он затем, – я косвенно защищал доктора. Но вы хотите, чтобы я высказался более обстоятельно и конкретно. Пожалуйста!

Во-первых, доктор не передавал Венцеславу Рашкову никаких денег. Легенда о происхождении восьми тысяч левов, найденных в бумажнике покойного, абсолютно несостоятельна. Вчера вечером я разговаривал по телефону с братом покойного. Восемь тысяч левов составляют половину стоимости отцовского дома. Брат продал полученный в наследство дом и половину вырученной суммы переслал

Венцеславу. Я справился на почте и узнал, что двадцать третьего августа был получен перевод на имя Венцеслава на сумму восемь тысяч левов. Однако я частично согласен с мнением товарища Ковачева – деньги эти действительно предназначались для покупки мотоцикла. Бедняга Венцеслав был страстным любителем мотоспорта! Но, во всяком случае, доктор не имеет никакого отношения к этим деньгам.

Во-вторых, следы на подоконнике и следы во дворе, ведущие от окна к улице, оставлены человеком, у которого рост, руки и ноги гораздо меньше, чем у доктора.

В-третьих, возле тела Венцеслава, как я уже сказал, виднелось широкое мокрое пятно. Я вырезал на этом месте полоску из ковра и сразу же отнес ее в лабораторию для химического анализа. Жидкость, образовавшая пятно, представляла собой воду с ничтожным количеством цианистого калия. Если верить той версии отравления, которую нам изложил товарищ Ковачев, то ему как режиссеру надо будет внести в сцену серьезную поправку. И тогда она будет выглядеть так: Венцеслав проглотил яд не в порошке, а предварительно растворив его в воде. Выпив достаточно крепкий раствор, он снова налил воды в стакан, сполоснул его и выплеснул воду на ковер. Известно, что цианистый калий действует на организм молниеносно, как электрический ток. Абсурдно полагать, что у Венцеслава осталась возможность рассуждать, наливать воду, споласкивать стакан и выплескивать воду на пол. Да и зачем было делать все это? Я более чем уверен, что все эти действия были совершены другим лицом, которое принесло яд и присутствовало в комнате.

В чем смысл этих действий и какова их логическая подоплека? По-моему, в них нет никаких логических оснований. Бессмысленно споласкивать стакан, после того как яд выпит. Яд перешел в тело покойного и будет обнаружен при вскрытии – зачем же уничтожать следы яда в стакане?

Споласкивание стакана имеет исключительно психологическое обоснование. Лицо, принесшее яд, было свидетелем смерти Венцеслава. Несчастный, в ужасе от первых умопомрачительных спазм, инстинктивно сделал несколько шагов к неизвестному, и тот отшатнулся к окну. Через несколько минут Венцеслав уже корчился на полу. Зрелище было поистине ужасное. Неизвестному надо было немедленно бежать, спастись, прыгать за окно, но он был потрясен до потери сознания. Первое, что приходит в голову человеку, когда ему дурно и он теряет силы – это мысль о глотке воды. Но почему неизвестный не пьет прямо из графина, а споласкивает стакан? Интересно, не правда ли? Но ответ очень прост. Неизвестный не привык пить из графина, а без привычки вода растекается по подбородку и льется на грудь. Очевидно, неизвестный остерегался появиться на улице в залитой водой одежде. Поэтому и воспользовался стаканом.

Вот в каких событиях участвовал стакан... Но из каждого действия следует делать выводы, не так ли? Я спрашиваю вас: кто теряет присутствие духа, кому становится дурно при виде ужасного зрелища? Естественно, слабохарактерному человеку.

Поэтому я прибавляю еще одну черту к характеристике неизвестного лица: он среднего роста, с небольшими но-

гами и тонкими длинными пальцами. Он впечатлителен, обладает легко возбудимой нервной системой.

Как видите, ни одна из перечисленных черт не подходит к такому великану и невозмутимому человеку, как Петр Тошков!

В-четвертых, внесу еще одну поправку в вашу режиссуру, товарищ Ковачев. Вчера я ходил в морг взглянуть на труп Рашкова и поговорил с доктором Аврамовым. При предварительном осмотре, как вы помните, он не установил никаких видимых следов насилия. Но вчера он раскрыл рот покойнику, оттянул верхнюю губу и показал мне пинцетом на две припухлости над верхними клыками. «Следы от удара твердым, в то же время гладким предметом!» — сказал мне доктор Аврамов. Я не думаю, что Венцеслав сам нарочно ударился зубами. Он был слишком веселым и жизнерадостным парнем, чтобы истязать себя. Я строю такое предположение: проглотив часть раствора, Венцеслав спохватился, рука его дрогнула. Но когда человек решил принять цианистый калий и знает, что уже после первого глотка ничто не спасет его, он не останавливается на полпути, а пьет одним духом, чтобы скорее покончить с собой, прежде чем заговорит инстинкт самосохранения. Это типично для всех самоубийц — раскаяние если и наступает, то после решительного жеста. Но в нашем случае Венцеслав дрогнул после первого же глотка. И в этот миг, чтобы не дать несчастному опомниться, неизвестный ударил по дну стакана вверх. Толстая кромка ударила по деснам над верхними клыками, жидкость выплеснулась в горло несчастному, и он, чтобы не захлебнуться, инстинктивно проглотил остальное содержимое. У меня есть

и другие основания полагать, что Венцеслав не подозревал о том, что вода отравлена. По всей вероятности, яд был подмешан тайком и стакан был поднесен ему с самым невинным видом. Отсюда неожиданность, а в результате неожиданности пауза после первого глотка.

В-пятых, сегодня я отнес поддельное письмо в нашу химическую лабораторию и попросил снять чернила с обеих подписей. Когда это было сделано, на бумаге ясно проступили следы карандаша. Автор письма сначала набросал подписи карандашом, а затем обвел их чернилами. Спрашивается: если автор письма Петр Тошков, зачем ему понадобилось набрасывать свою собственную подпись?

Письмо сейчас находится в лаборатории. Сходите туда, и вы убедитесь, что подписи Ирины Теофиловой и ее начальника Петра Тошкова были вырисованы сначала тонко очинённым простым карандашом.

Из сказанного можно сделать два вывода: что доктор Петр Тошков и Венцеслав Рашков не имеют никакого отношения к эпизоотии ящура и что Венцеслав не покончил с собой, а его убили.

Во время этого долгого разговора Аввакум пользовался минутными паузами не только для обдумывания. Он непрерывно курил, чередуя сигареты и свою любимую трубку. Высказав свои соображения, он снова набил трубку, окутался клубами ароматного дыма, вытянул ноги и умолк.

Слави Ковачев взглянул на часы.

— Вы хотите что-нибудь сказать? — обратился к нему полковник.

— Да что тут говорить? — ответил, пожав плечами, Слави

Ковачев. – Из контрдоказательств товарища Захова только два заслуживают внимания: денежный перевод на имя Венцеслава Рашкова и следы простого карандаша на фальшивом письме. Но то, что Венцеслав собирался покупать мотоцикл на собственные деньги, ни на йоту не изменяет мой тезис. Ведь держал же он вакцину в неподходящих условиях? Держал. Точка. Заставил ли изменить эти условия его начальник? Нет, он не сделал этого. Чего тут толковать! А встречи с иностранцами, поездка без разрешения в Триград, свидание с Ракипом Колибаровым за два дня до вспышки ящура? А карта? Может быть, в отдельных деталях моя версия и нуждается в поправках – я не возражаю. Но в основном она сохраняется. По-моему, доктор Петр Тошков и Ракип Колибаров должны быть немедленно арестованы.

– Товарищ Захов, – обратился полковник к Аввакуму, – вы поставили под сомнение некоторые основные моменты версии товарища Ковачева. Но в то же время вы обошли стороной некоторые важные обвинения, выдвинутые им против доктора Тошкова. Допустим на минуту, что вы правы и Тошков не имеет ничего общего с этой бактериологической диверсией. Кто же тогда стоит за кулисами и руководит ею? У вас есть суждения по этому поводу?

– Пока этот вопрос находится в стадии изучения, – тихо ответил Аввакум.

Полковник долго молчал.

– Что касается эпизоотии, – заговорил он, – мы приняли экстренные меры, чтобы пресечь ее распространение. Пораженные районы оцеплены карантинными постами. Можно сказать, птица не успеет пролететь, как ее уже

продезинфицируют и проверят, откуда и зачем летит. Так что на этом фронте следует ожидать затишья и медленной, но верной нормализации положения. Но это, разумеется, не может нас успокоить: на нашей территории действует вражеский аппарат. — Полковник задумался, покачал головой и, усмехнувшись, продолжал: — Я предлагаю договориться следующим образом. Давайте оставим Петра Тошкова и Ракипа Колибарова на свободе, но под наблюдением до первого сентября. Если до истечения этого срока, до ноль-ноль часов первого сентября, товарищ Захов не откроет и не арестует хотя бы одного из главных организаторов диверсии, вы, товарищ Ковачев, получите полную свободу действий. Итак: ноль-ноль часов первого сентября. Достаточно ли вам этих четырех дней, товарищ Захов?

Аввакум, постучав о пепельницу, извлек из недокуренной трубки остатки табака и молча кивнул головой.

11

На совещании у полковника Манова капитан Ковачев изложил свою версию, основанную на трех основных моментах:

1. Указание Петра Тошкова хранить вакцину в непригодных условиях.

2. Поездка Петра Тошкова без пропуска в Триград и его встреча с Ракипом Колибаровым за два дня до начала эпизоотии.

3. Покупка туристской карты и нанесение на нее маршрута София-Триград, имя Ракипа Колибарова на полях

карты, написанное рукой Венцеслава под диктовку Петра Тошкова.

Знакомство с иностранцами в Боровце само по себе не вызывало бы подозрений – с каждым может произойти такая встреча и случайный разговор. Но встреча с иностранцами, высланными впоследствии как «персона нон-грата», в сочетании со встречами с Ракипом Колибárovым и скомпрометированным фельдфебелем из Сливницы переходила уже в разряд сомнительных случаев, которые, бесспорно, вызывают подозрения.

И в отношении Венцеслава Рашкова гипотеза капитана Ковачева была неплохо обоснована. Капитан мотивировал его самоубийство рядом бесспорных и очевидных фактов:

1. Соучастие в порче вакцины.
2. Раскрытие вредительства.
3. Провал подготовляемого бегства за границу.
4. Неминуемый арест.

Все это, по мнению капитана Ковачева, вполне объясняло безвыходность положения и отчаяние Рашкова, которые в конечном счете привели молодого человека к самоубийству.

Аввакум Захов не выступил с вполне законченной гипотезой. Он высказал лишь предположение, что Венцеслав Рашков не покончил с собой, а был убит, и выдвинул контртезис, что доктор Петр Тошков не имеет никакого отношения к диверсии.

Какие были у Аввакума основания столь решительно возражать против главных положений версии капитана Ковачева? Его личное знакомство с доктором и Венцеславом Рашковым? Но он был знаком с ними не более двух

месяцев и время, проведенное в компании с ними, не превышало сорока часов, то есть двух суток? Конечно, в своей работе Аввакум всегда придавал большое значение собственным впечатлениям о людях. Так, например, первое впечатление о Бояне Ичеренском породило и первое сомнение – явный гурман и выпивоха, он был весьма сдержан и умерен в компании; властный и нетерпимый к подтруниванию, этот человек с его львиной головой, резким «начальническим» голосом и холодно-расчетливыми глазами вовсе не походил на сентиментального человека, лирического героя. Поэтому его сочувственные вздохи по арестованному учителю Методию Парашкевову казались преувеличенными, малосущественными. Это было явно не в его характере. И наметанный глаз Аввакума сразу же подал сигнал «Внимание!», когда геолог стал снова вздыхать, но теперь уже о жене. Она жила в Пловдиве, в двухстах километрах от Момчилова. Ичеренский сам завел разговор о ней и, хотя его никто не спрашивал, стал рассказывать, как он каждую субботу приезжает к ней, в том числе и в ту субботу, когда стряслась вся эта непонятная история в Момчилове. Каждую субботу, как молодой влюбленный? Но Ичеренский был в годах и не походил на сгорающего от страсти мужчину. Трудно было поверить, что уже не молодой, остепенившийся человек бросит вдруг и службу и веселую компанию и ради супружеской ночи будет трястись двести километров на мотоцикле по горным дорогам. Это было непохоже на него. Аввакум был знаком с ним совсем мало, но был уже уверен, что вздохи Ичеренского по тоскующей супруге ведут лишь к одной цели – навязыванию бесспорного алиби. Но зачем ему надо было

упорно выпячивать свое отсутствие именно в ночь накануне происшествия? Ведь его никто ни в чем не подозревал?

Таким образом, первое впечатление вызвало у Аввакума и первое сомнение.

Но в его методе расследования субъективные впечатления всегда играли второстепенную роль. Скептик по природе, ставший еще более скептическим из-за частых столкновений с мерзостями жизни, он постепенно начал смотреть на людей сквозь темные очки. Он соприкасался с преступным миром, где политическое предательство и моральное падение шли рука об руку. Предатели типа Ичеренского, которые спали со своими сестрами, не представляли ничего исключительного в этом мире. Бывали типы и похуже. Грязь там была так непроходима и зловонна, что любой свежий человек, соприкоснувшись с нею, поневоле становился скептиком. И поскольку Аввакум отдавал себе отчет в этом, он обычно опасался, и не без основания, как бы её скептицизм не сказался на объективности его же оценок; он знал, например, и в этом был убежден абсолютно, что большинство людей не подлецы и не могут стать подлецами. Однако в мире, с которым ему приходилось сталкиваться, он постоянно имел возможность наблюдать, как таланту сопутствует подлость. Боян Ичеренский был талантливым геологом, но талант не мешал ему стать предателем. В моральном отношении Виктория Ичеренская была для всех безупречной, но тем не менее стала сожительницей своего брата. Да, Аввакум был твердо убежден, что большинство людей – честные, и все же, несмотря на всю бесспорность этой истины, скеп-

тицизм пускал все более глубокие корни в его душе. И хотя у него еще не было промахов в работе, он подчас опасался за объективность своих оценок людей, особенно когда эти оценки основывались только на личных впечатлениях.

На совещании у полковника Манова он высказал убеждение, что Венцеслав Рашков был убит. И, действительно, каждый, кто близко знал покойного, сказал бы то же самое. С какой стати наложит на себя руки веселый и жизнерадостный человек, которому всегда и во всем, кроме, пожалуй «спортлото», так везло? Но из-за тотализатора у нас никто еще не кончал жизнь самоубийством. Аввакум знал и другие стороны характера Венцеслава: он был дисциплинированным и исполнительным работником. Такие люди, как Рашков, бесхитростные, легкомысленные, с весьма ограниченным кругом интересов, не самоубиваются, даже когда узнают, что любимая изменила или ушла с другим. Они быстро находят замену, снова смеются, как ни в чем не бывало ходят на матчи и играют в «спортлото». Исходя из своих личных впечатлений о Венцеславе, Аввакум мог со всей решительностью заявить: самоубийство исключается! Но к такому выводу Аввакум пришел бы, даже если б никогда не встречался с Венцеславом. Поэтому свои личные впечатления о Венцеславе Аввакум оставил «про запас» в укромном уголке сознания.

В том, что Венцеслав не отравился, а был отравлен, Аввакум убедился сразу же после непосредственного изучения деталей обстановки на месте происшествия. Даже если бы происхождение найденных в бумажнике восьми тысяч левов не было установлено и оставалось бы сомнительным, это ничуть не поколебало бы убеждения Авва-

кума. Внимательное же изучение места происшествия убедило его в том, что молодой человек был убит и что в гипотезе капитана Ковачева нет ни грана истины.

Что касается главного обвиняемого – доктора Петра Тошкова, Аввакум тоже высказал прямо противоположное мнение: он вне подозрений. Аввакум решительно вычеркнул его имя из списка возможных обвиняемых. На совещании у полковника Манова капитан Ковачев выдвинул кучу обвинений против доктора, причем некоторые из них обосновал как будто бы неопровержимыми фактами. Любой на месте Аввакума серьезно призадумался бы, узнав о встречах доктора со скомпрометированными иностранцами, с подозрительными личностями, вроде Ракипа Колибарова и фельдфебеля из Сливницы. Одна лишь недозволенная поездка Тошкова в Триградское ущелье за два дня до вспышки эпизоотии ящура в этом районе давала основания для серьезных подозрений. Аввакум ничего не знал об этих похождениях доктора и даже не поинтересовался его биографией. Впервые за последние годы он сдружился с человеком, не ознакомившись предварительно с его прошлым. И тем не менее он, не опровергнув ни одного обвинения, связанного с сомнительными знакомствами и странствованиями доктора, грудью встал на его защиту.

Такой способ действий напоминал игру в жмурки, столь обычную в тех сочинениях, где автора вывозит пресловутый «интуитивный дар» детектива. Но Аввакум никогда не играл вслепую и в своей практике признавал только одну «интуицию» – умение наблюдать.

Чтобы понять, почему Аввакум так смело атаковал версию капитана Ковачева, надо мысленно вернуться к

событиям двадцать седьмого августа. Тогда Ковачев спросил доктора Аврамова, содержат ли обнаруженные в кабинете Венцеслава графин и стакан следы цианистого калия. Он хотел знать, можно ли приобщить эти предметы к делу в качестве вещественного доказательства. Доктор Аврамов исследовал сначала воду, а затем стакан и дал отрицательный ответ. Ни в воде, ни в стакане не оказалось никаких следов цианистого калия. Капитан Ковачев перестал интересоваться этими предметами, поскольку они не могли служить уликами.

Когда Аввакум только приступал к осмотру места происшествия, он, конечно, обратил внимание и на графин и на стакан. Он знал и цвет и запах цианистых соединений, и ему было нетрудно установить, что их нет ни в воде, ни в стакане. Но в отличие от капитана Ковачева Аввакум не ограничился поисками очевидных следов. Каждый предмет несет на себе множество следов, и, если хотя бы один подскажет нечто интересное, поиски оправдывают себя.

Итак, в стакане не оказалось следов цианистого калия. Но о чем говорила его кромка, соприкасающаяся при питье с губами? Изгибы верхней и нижней губы индивидуальны для каждого человека, различна и структура кожи, и угол смыкания губ – он зависит от величины рта. По углу смыкания можно судить о форме лица: у круглолицых рот бывает шире, у скуластых – уже. Угол смыкания губ у широкого рта более острый, а у маленького – приближается к прямому. Следовательно, по величине этого угла можно приблизительно судить о форме лица. Обо всем этом могла рассказать изогнутая кромка стакана, если, конечно, на ней остались какие-то следы.

Но и внешняя часть стакана могла рассказать многое. Когда человек пьет, он обычно держит стакан тремя пальцами, причем упираясь большим пальцем против среднего и указательного. И, так как отпечатки пальцев индивидуальны и неповторимы, каждый пьющий из стакана оставляет на нем свою «визитную карточку».

Конечно, если стакан моют после употребления, то следов не остается. Но в противном случае на стенках его остается столько следов, что разобраться в них не под силу самому опытному дактилоскописту.

Со слов Кынчо Настева – человечка в синем халате – Аввакум знал, что в тот день никто из посторонних не входил в кабинет Венцеслава. Значит, стаканом пользовался только Венцеслав и другие следы мог оставить лишь некто, проникший в окно между десятью и одиннадцатью часами утра.

Так рассуждал Аввакум, рассматривая стакан.

Вначале ему показалось, что стекло одинаково прозрачно со всех сторон. Аввакум раскрыл лупу и, держа стакан за донышко, начал просматривать его на свет. На стенках ясно проступили следы от большого пальца, а вокруг него – несколько пятен, похожих на следы пальцев, но без извилин. Сравнивая оба типа пятен, Аввакум пришел к выводу, что их оставили два человека. За стакан бралась крупная рука с массивными пальцами. Очевидно, то были пальцы Венцеслава. Но к стеклу прикасались и другие руки – маленькие, с тонкими, хрупкими пальцами.

Меньшие пятна напоминали своей продолговатой, узкой формой женские пальцы, обтянутые тонкой летней перчаткой.

Вот к каким выводом привел осмотр стакана.

Первые выводы неизбежно наталкивали мысль на дальнейшие поиски следов. Незвестная женщина вряд ли брала стакан из любопытства. У стаканов только одно предназначение – пить из них. А когда из стакана пьет женщина, на его крае неминуемо остаются хотя бы ничтожные следы губной помады.

Аввакум поднес лупу к кромке стакана, и глаза его загорелись от радости. Он не обманулся в своих предположениях. На кромке снаружи отчетливее, чем изнутри, виднелись следы губной помады. По расположению отпечатков можно было заключить, что угол смыкания губ широкий, близкий к прямому и, следовательно, у неизвестной женщины лицо удлинненное, а не округлое.

Это было очень важное открытие, и, не будь перед Аввакумом безжизненного тела Венцеслава, он по привычке присвистнул бы. Он повертел стакан в руках, и в глазах его вспыхнуло удивление: против первого пятна помады расположилось еще одно – той же формы и величины, но более яркое – оказывается, незнакомка дважды и в разное время пила воду.

На первый взгляд этот факт выглядел заурядным, лишненным какой бы то ни было загадочности. Но Аввакум задумался: значит, неизвестная посетительница явилась сюда тайком после десяти часов утра и так же тайком удалилась, не пробыв и часа; разговор с Венцеславом занял у нее не более получаса. За это время она дважды пила воду, и притом с перерывом. Допустим, что первый раз она пила, чтобы утолить жажду, хотя обычно женщины не пьют по утрам воду. А второй раз? Тут уж, видимо, дело обстояло не вполне обычно.

В чем состояла эта «необычность», должны были рассказать другие следы: пятно на ковре, отпечатки на окне и на траве заброшенного двора. У них был свой язык, и Аввакум хорошо понимал его.

Аввакум вышел из здания склада с вполне сложившимися и немаловажными впечатлениями. Он узнал самое главное, о чем не подозревал капитан Ковачев: что в начале одиннадцатого неизвестная женщина влезла через окно в кабинет Венцеслава Рашкова, пробыла там, не снимая перчаток, около получаса, дважды пила воду и ушла тем же путем, пробравшись через заброшенный двор на улицу. Он узнал и некоторые отличительные черты неизвестной. Это была брюнетка, среднего роста, с небольшой ступней и длинными, тонкими пальцами рук. У нее продолговатое лицо с небольшими упругими губами, накрашенными ярко-красной помадой. На ногах остроносые сандалеты. Царапина на стене под окном сделана обувью с острым носком. Расстояние между шагами говорило о том, что женщина среднего роста. Отпечатки пальцев на стакане и на подоконнике свидетельствовали о руке с тонкими, длинными пальцами. Пятна губной помады характеризовали строение рта, а рот косвенным путем определял вероятную форму лица. Ярко-красный цвет помады обычно предпочитают брюнетки.

И еще кое-что удалось выяснить Аввакуму. Незнакомка была не старше сорока и не моложе тридцати лет. У нее были длинные крепкие ноги, и она не занималась физическим трудом. Женщина старше сорока лет, да еще с более короткими ногами не смогла бы перемахнуть через окно, не коснувшись руками подоконника. По виду утопанной

травы можно было судить о приблизительном весе незначительной — между шестьюдесятью и шестьюдесятью пятью килограммами. Женщины среднего роста моложе тридцати лет обычно не достигают такого веса. А тонкие, хрупкие пальцы бывают только у женщин, не занимающихся физическим трудом.

Довольный собой, Аввакум бодро шагал по раскаленному от солнца тротуару. Он уже не жалел о заброшенных гидриях — пусть подождут! Предстояла интересная, напряженная, трудная игра.

Он не заметил, как пришел домой. Обычно, идя по улице, он заглядывался на прохожих, изучал их лица, походку, одежду. Старался отгадать их мысли, душевное состояние, черты характера, словно пытаюсь заглушить какой-то внутренний неутолимый голод. Без этого развлечения он чувствовал себя усталым, в душу закрадывалась тоска, и тогда он брался за решение интегральных уравнений или же вспоминал о ресторанчике с курносой хохотушкой официанткой, а иногда уединялся на весь день в мастерской.

На этот раз он был в приподнятом настроении. Бегом поднялся по лестнице, приветливо улыбнулся хозяйке, но против обыкновения не задержался, чтобы поговорить с ней о погоде, ревматизме, о целебных свойствах чеснока. Он сразу же прошел к себе в комнату, распахнул окна и вздохнул полной грудью.

Половину комнаты занимали полки с книгами, а на другой стояла тахта, письменный стол и старинный дубовый, окованный железом сундучок. На столе несколько луп, старинный кувшинчик с дюжиной цветных каранда-

шей, кисет с табаком, логарифмическая линейка, террако-
товые черепки, заменяющие ему пепельницы.

Не раздеваясь, Аввакум сел за стол, вынул из ящика новый альбом, открыл его и принялся торопливо рисовать. Минут через пятнадцать на белом листе возникла фигура женщины — мягких округлых форм, с высокой грудью, широкоплечей, но стройной. Вырисовывались упругие чувственные губы, полуприкрытые длинными изогнутыми ресницами глаза, свисающие на лоб черные вьющиеся пряди волос, нежные, тонкие пальцы. Яркое летнее платье обтягивало высокие бедра и тонкую талию, а на ногах были белые остроносые сандалеты.

Он подержал рисунок перед глазами. Вдруг рука у неё дрогнула, меж бровей пролегла глубокая складка. Он шумно вздохнул, отбросил альбом и, закулив сигарету, с понурым видом зашагал по комнате.

Рисунок напоминал хорошо знакомую женщину, которая в последнее время заняла особое место в его жизни. Сходство было поразительное.

С трудом отделавшись от этой навязчивой мысли, Аввакум вынул записную книжку и отяжелевшей рукой стал набрасывать план действий на вторую половину дня:

1. Проверить вакцину. Установить, утратила ли она свое иммунное действие и насколько.

2. Просмотреть переписку между складом и Центром. Выявить, кто и когда дал указание хранить вакцину при высокой температуре и на свету.

3. Выяснить происхождение восьми тысяч левов, найденных в бумажнике Венцеслава Рашкова.

4. Дать на анализ вырезанную из ковра полосу.

5. Исследовать и сфотографировать отпечатки пальцев на стенках стакана.

6. Исследовать отпечатки губной помады на стакане и определить марку помады.

7. Еще раз осмотреть тело Венцеслава Рашкова.

Три первых дела Аввакум решил поручить лейтенанту Маркову, а остальными заняться самому. Он вырвал из альбома лист с портретом «незнакомки», задумчиво оглядел его и, бережно согнув, вложил в записную книжку. Он почувствовал какую-то тяжесть в груди, словно кто-то стиснул его сердце холодной, тяжелой рукой.

Было около трех часов дня, когда он прибыл в лабораторию института. На него пахло знакомым запахом кислот, реактивов, спирта, ацетона, и он с грустью вспомнил о тех днях, когда беззаботно и сосредоточенно изучал здесь дактилоскопию, тайнопись, микрофотосъемку и токсичность различных ядов. Откуда возникла эта непонятная грусть и почему? Откуда это ощущение подавленности, предчувствие какой-то катастрофы, к которой её неминуемо приближал каждый шаг?

Приветливо поздоровавшись с дежурным лаборантом. Аввакум вручил ему стакан.

– Здесь написан целый роман, – сказал он, стараясь не терять бодрого тона. – Я буду весьма признателен вашим людям, если они сумеют за час прочитать его.

Дежурный лаборант знал, с кем имеет дело, и ему было не до шуток. Он взял стакан за донышко и внимательно осмотрел его со всех сторон.

– Меня интересует подноготная тех людей, которые брались за этот стакан, – продолжал Аввакум. – Обратите

внимание: здесь выделяются два противоположных пятна от губной помады. Меня интересует обладательница губ, оставивших эти пятна. Если вы разгадаете, какая это помада – болгарская или заграничная, я как-нибудь доберусь и до ее владелицы. Могу я надеяться?

Дежурный лаборант отнес стакан в соседнюю комнату, а Аввакум занялся изучением вырезанной из ковра полоски.

Через час он уже знал химический состав жидкости, оставившей на ковре мокрое пятно – вода с ничтожной примесью цианистого соединения. Для смертельного исхода потребовалось бы выпить не менее литра подобного раствора. Такое количество яда в стакан не вольешь, да и вряд ли найдется столь неразумный самоубийца, который станет утруждать себя литром раствора, вместо того чтобы добиться желаемого результата с помощью двадцатой или десятой части литра. Было ясно, что в стакан наливали воду непосредственно после того, как из него выпили небольшое количество концентрированного раствора яда. Стакан сполоснули, чтобы смыть остатки яда, а воду выплеснули на ковер.

Иначе и не могло быть. Но ход событий казался невероятным: самоубийца выпивает до дна концентрированный, мгновенно действующий раствор цианистого калия, затем споласкивает стакан и выплескивает воду на ковер. Ведь он пьет цианистый калий, а не сидро! Допустим, что самоубийца отличается крепкими нервами и сильной волей. Но зачем ему мыть стакан, как примерной хозяйке, ожидающей гостей?

Это была трудная загадка, и Аввакум пока не мог ее

разгадать. Только он успел закончить анализ вырезанной из ковра полоски, как дежурный лаборант принес стакан и снимки отпечатков. Они подтверждали предположение Аввакума: на стенках стакана обнаружился только один отпечаток – большого пальца. Остальные отпечатки оказались плоскими, без извилин: очевидно, их оставила рука, обтянутая тонкой гладкой перчаткой. Что касается анализа следов помады, ответ был более обнадеживающим: она импортная – в Болгарии не изготавливают помаду такого цвета, состава и жирности.

Каждая минута была дорога. Аввакум поблагодарил лаборанта, попросил его оформить протоколы анализов и ушел.

Аввакум взял такси и отправился по комиссионным магазинам – первым летом в те, что находились в центре, куда обычно устремлялись машины. Наконец после полутора часов поисков он заметил в витрине одного из магазинов позолоченные тюбики заграничной помады. Блестящие трубочки, украшенные розетками изумрудного и рубинового цвета, привлекали взоры прохожих.

Аввакум знал, что в комиссионных магазинах при продаже каждого предмета выписывается квитанция. Он показал продавщице удостоверение инспектора министерства финансов и попросил ее предъявить корешки квитанций за последние дни. Просмотр их занял более часа. Заграничная помада стоила недешево, и это облегчало поиски.

Когда терпение Аввакума было на исходе и ему захотелось забросить ко всем чертям объемистую папку и бежать прочь из магазина, на глаза ему попало как раз то,

что он искал. Спокойный, всегда владеющий собой, Аввакум чуть не вскрикнул от удивления, смешанного с чувством облегчения. Имя, написанное небрежными каракулями на квитанции, оказалось знакомым, но то было имя другой женщины, не той, за которую он боялся. На квитанции значилось: «Губная помада две шт. – Христина Чавова. Ул. Брод, 33». Была обозначена и цена, но до нее Аввакуму не было дела.

Прежде чем уйти из магазина, он купил тюбик помады «Ша Нуар», отказался от сдачи, несмотря на уговоры продавщицы, и радостно, с бьющимся сердцем выскочил на улицу. Хлопнула дверца такси: Аввакум приказал шоферу гнать полным ходом к больнице. Седьмой час был на исходе.

Машина рванулась с места, и нахлынувшее было чувство радости стало таять и исчезло. Христина Чавова, машинистка отдела снабжения лекарствами, хотя и была шатенкой, но красилась такой же ярко-красной помадой, как и черноволосая секретарша отдела Ирина Теофилова. Разумеется, о вкусах не спорят. Но Христина Чавова жила в одном доме с Ириной. Незамужние женщины, которые живут и работают вместе, обычно дружат между собой. Чавова купила два тюбика губной помады. Но зачем ей покупать сразу два? Даже один тюбик парижской помады не по карману простой машинистке. Что из этого следует?

Следует предположить, что один тюбик предназначался для Ирины Теофиловой. Заботясь о себе, Чавова не забыла и о приятельнице.

Но кто из них пил из злополучного стакана? А что если ни та, ни другая не покидали работы между десятью и одиннадцатью часами?

К девяти часам вечера Аввакум вернулся домой и вызвал по телефону лейтенанта Маркова, чтобы узнать от него подробности о поддельном письме, отправленном администрации склада. Когда лейтенант рассказал ему, откуда взялись найденные у Венцеслава деньги, Аввакум грустно улыбнулся и пожал плечами.

— У меня для вас два поручения, — сказал он после недолгого раздумья. — Во-первых, отнесите письмо в лабораторию и попросите лаборанта снять чернила с обеих подписей. Во-вторых, узнайте, уходили ли с работы служащие отдела снабжения лекарствами Христина Чавова и Ирина Теофилова между десятью и одиннадцатью часами утра. Эти сведения и обработанное письмо должны быть у меня не позже девяти утра. — Аввакум взглянул лейтенанту в глаза и улыбнулся. — От вашей точности многое зависит.

Проводив лейтенанта, Аввакум закурил сигарету и жадно затянулся. Теперь, после того как он увидел двойной отпечаток губ на стакане, вздутия на деснах покойного, узнал состав жидкости, оставившей мокрое пятно на ковре, он мог с математической точностью воспроизвести последние минуты несчастного молодого человека.

Представляя себе эту сцену, он пока еще не мог ответить на два вопроса: кто та женщина, которая тайком растворила яд в воде, и почему Венцеслав по цвету и запаху сразу же не заметил, что в стакане яд?

Последний вопрос вызывал у Аввакума просто недоумение. Неужели Венцеслав полностью лишился обоняния, сидел в цветных очках и потому не успел заметить, что перед ним смертоносная жидкость?

Вопрос этот был чисто профессиональный, техниче-

ский. Как бы то ни было, Венцеслава отравила неизвестная женщина, тайком проникшая к нему в кабинет.

Отсюда начиналось самое страшное. Сердце Аввакума болезненно сжалось, словно стянутое колючей проволокой. Еще никого не подозревая, он набросал в альбоме предполагаемый образ, руководствуясь лишь обнаруженными следами преступления. Конечно, эти сведения не были настолько исчерпывающими, чтобы создать по ним завершённый, вполне точный портрет. Недостающие детали пришлось восполнить воображением, но не наугад, а в строгом соответствии с имеющимися данными. Можно ли, например, пририсовать незнакомке широкий рот, если угол смыкания отпечатков губ на стакане превышает 45 градусов?

Он рисовал на основе математического расчета, и, когда закончил рисунок, с белого листа ему лукаво улыбалась хорошо знакомая женщина – секретарь отдела снабжения лекарствами Центрального управления по борьбе с эпизодиями.

12

Аввакум слыл непревзойденным мастером грима. Не скольких минут ему было достаточно, чтобы преобразиться в сгорбленного седого старика или же в развязного бездельника, поклонника рок-н-ролла. Он даже мог появиться на улице в виде бродяги, терзаемого пляской святого Витта.

Сейчас он приклеил себе коротко подстриженные усики, горбинку на носу и лохматые, нависшие над глазами брови, надел синий рабочий комбинезон, измятый и заму-

соленный, сунул в верхний карман отвертку и сразу стал похож на монтера. Затем он достал из кованого сундучка потертую кожаную сумку, в какой монтеры обычно носят инструменты. Но содержимое его сумки выглядело довольно необычно: отмычки, крюки, наборы ключей для американских замков, электрические батарейки, карманный фотоаппарат, пакетики с реактивами, длинная тонкая, но крепкая веревка со стальным крюком на конце.

Через полчаса он уже шагал по обезлюдевшим улицам тихого квартала. Улица Брод пролежала к востоку от Парка Свободы, между новым жилым кварталом и Пловдивским шоссе.

Темные тучи закрыли все небо, а на севере уже поблескивали далекие зарницы.

В этом отдаленном, укрывшемся за парком квартале ночь как будто наступала быстрее. Небольшие дома были скрыты густыми деревьями, так что свет из окон еле пробивался сквозь их листву. Редкие фонари с трудом отодвигали тьму на несколько шагов вокруг.

Налетал порывами ветер, и деревья тихо поскрипывали. На земле, на освещенных местах, колыхались их тени, образуя гигантское кружево из золотистых и черных, как смола, пятен.

Подходя к дому Ирины, Аввакум увидел стоявший на другой стороне улицы легковой автомобиль. Аввакуму бросилось в глаза, что машину поставили на пустыре возле двора, в глубине которого виднелся двухэтажный домик, где жила Ирина.

Ни в машине, ни возле нее никого не было, огни были погашены, а стекла подняты. Это был «москвич»; при вспышках зарниц он казался лимонно-желтым.

В нижнем этаже домика было две комнаты. Одну снимала Ирина, а другую вместе с кухней занимали хозяева – одинокая супружеская пара учителей-пенсионеров. Вряд ли они ожидали гостя на «москвиче». На верхнем этаже жила Христина Чавова и еще две работницы фабрики «Текстильная слава». Девушки работали в ночной смене, и в окнах наверху света не было.

Первый этаж с восточной стороны заканчивался небольшой верандой. Там Ирина устроила себе летнюю спальню. Аввакум знал, что в душные августовские ночи она предпочитает спать на открытом воздухе, и поэтому рассчитывал без помехи проникнуть в ее комнату через окно, выходящее на запад. Тут был самый тенистый уголок двора. Рядом стояла, раскинув скрюченные ветви, старая шелковица. Намерения Аввакума были несложны – рассмотреть под лупой носки сандалет, чтобы проверить, нет ли на них царапин, и сравнить губную помаду с отпечатками на стакане. А может быть, удастся найти и кое-что другое, полезное для следствия! В комнате такой женщины, как Ирина, можно наткнуться на любую неожиданность.

Аввакум старательно готовился к охоте за уликами, но всей душой желал, чтобы на сандалете Ирины не обнаружилось никаких царапин, а цвет помады оказался иным, чем у отпечатков на стакане. Он многое отдал бы, чтобы только не оправдались его догадки. Впервые в жизни он радовался бы своей ошибке.

Но вот, оказывается, кто-то другой опередил его и сидит в комнате у Ирины. Отрицать это – значит верить в чудеса.

Аввакум выждал очередную вспышку зарницы, чтобы заметить номер машины. Он опустился на землю, быстро вывернул вентиль переднего левого колеса и положил его в карман. Свист выпущенного воздуха утонул в шуме надвигающейся грозы. Обойдя машину, Аввакум вынул из сумки пузырек и плеснул из него на задние шины. Итак, самые необходимые предохранительные меры приняты.

Затем, перебежав через пустырь, он прижался к низкому сараю чтобы переждать очередную вспышку молнии, и, когда все вокруг снова погрузилось в мрак, бесшумно перелез в маленький, заросший травой дворик. Только несколько шагов отделяли его от старой шелковицы. Сколько приятных минут провели они с Ириной здесь, между шелковицей и покосившимся забором!

Как он и ожидал, окно Ирины светилось. Обе створки были распахнуты настежь, но между ними трепетала на ветру тонкая тюлевая занавеска – ничтожное, но досадное препятствие.

Аввакум залез на дерево, уселся верхом на первый толстый сук и впился глазами в желтеющий прямоугольник окна. Положение оказалось далеко не безнадежным, занавеска позволяла кое-что видеть.

Среди знакомой обстановки комнаты Аввакум различил два силуэта. В одном он сразу узнал Ирину. Она сидела у окна и как будто дремала, склонив голову на стол. Ее темные волосы рассыпались по плечам. Другой силуэт принадлежал мужчине, высокому и худому, в темном пиджаке. Заложив руки за спину, мужчина расхаживал по комнате.

Аввакуму почудилось, что сквозь шум ветра слышится

женский плач. Но возможно, что слух обманывал его, потому что кругом скрипели ветви и листва под порывами ветра шумела, как водопад.

Мужчина остановился посреди комнаты, и Ирина тотчас подняла голову. Он вынул что-то из бокового кармана пиджака и показал ей. Она вскочила со стула и, словно отпущенная пружина, метнулась к его руке. Мужчина размахнулся, ударил ее по лицу, и она упала на пол. Потом подползла к нему, обхватила его ноги, бессильно опустив голову на ковер.

Аввакум закусил губы. Он готов был ворваться в комнату, схватить негодяя за шиворот и разбить ему голову о стену. Но он продолжал сидеть на дереве, ошеломленный, подавленный: лицо мужчины, завуалированное частой сеткой занавески, худое и длинное, показалось ему знакомым. Правда, шевелящиеся от ветра занавески не позволяли рассмотреть его черты.

Мужчина вырвался из рук Ирины, грубо рассмеялся и, наклонившись, похлопал ее по спине. Он сел на ее место, а она подползла на коленях к кровати, вытащила из-под матраца небольшой пухлый саквояжик, с которыми обычно ходят врачи, бросила его к ногам мужчины и закрыла лицо руками.

Ее платье высоко вздернулось над коленями, но на мужчину это не произвело никакого впечатления. Весело насвистывая, он поправил у зеркала галстук, поднял саквояжик и направился к двери.

В тот же миг Аввакум соскользнул на землю, перемахнул через забор, пробегая мимо машины, плеснул еще раз из пузырька под левое переднее колесо и скрылся во

мраке. Подождав с минуту, он снова зашагал к машине. Владелец «москвича» включил подфарники и в их тусклом свете засуетился около левого переднего колеса.

Аввакум шел неторопливо и, чтобы заглушить звук шагов, старался ступать по траве. Мужчина заметил его лишь шагах в десяти от «москвича». Аввакум включил фонарик, и мужчина, попав под сноп ярких лучей, оторопело заморгал глазами. Он резко отвернулся, но было поздно – Аввакум сразу же узнал его. Это был не кто иной, как Светозар Подгоров, начальник Центрального управления по борьбе с эпизоотиями. Аввакум, догадываясь, кто был запоздалым гостем Ирины, готовил себя к столь неожиданной встрече, но все же фонарик дрогнул в его руке.

– Что – резина спустила? – спросил он равнодушно. Саквояжика не было видно – он, конечно, уже лежал в багажнике.

– Да и погодка подходящая, – ухмыльнулся Аввакум. – В самый раз чтоб менять скаты. Запаска есть?

– А тебе какое дело? – не оборачиваясь, грубо ответил мужчина. Аввакум погасил фонарик.

– Думаешь – набиваюсь в помощники? – хрипло засмеявшись, ответил он. – Как бы не так! – И, чтобы хоть немного облегчить душу, выругался так смачно, как никогда еще в жизни.

Мужчина ничего не ответил и снова склонился над колесом.

– Идиот! – сказал Аввакум и плюнул себе под ноги.

Он едва удержался, чтобы не съездить кулаком по этому знакомому надменному лицу, и медленно побрел дальше.

Пройдя шагов двадцать и убедившись, что тьма снова надежно прикрыла его, Аввакум вдохнул побольше воздуха и пустился к шоссе. Возле троллейбусной остановки был телефон-автомат. Набрав номер лейтенанта Маркова, Аввакум приказал ему немедленно явиться на остановку с собакой-ищейкой. Затем позвонил к себе в Управление дежурному и потребовал тотчас же сообщить ему домашний адрес Подгорова. Записав адрес, Аввакум присел на скамейку, стоявшую на остановке, чтобы немного передохнуть. Он сидел и считал проносящиеся мимо машины. Необходимо было отвлечься – день выдался такой трудный, было столько острых переживаний, что от усталости Аввакума даже затошнило.

Минут через пятнадцать подъехал лейтенант Марков с собакой. Гроза приближалась, все чаще слышались раскаты грома. Каждую минуту мог хлынуть проливной дождь.

Аввакум протянул лейтенанту листок с адресом.

– Гони машину по этому адресу. Узнай, в какой квартире живет этот тип и вернулся ли он домой. Если не вернулся, установи наблюдение за домом. Мне надо знать, привезет ли он с собой небольшой саквояж, или же вернется с пустыми руками. Возможно, что он подъедет на светлом «москвиче». Номер машины тоже записан на листке.

Аввакум погладил собаку.

Лейтенант все еще с удивлением всматривался в Аввакума.

– Монтер – хоть куда! Не правда ли? – сказал Аввакум, ухмыльнувшись.

Он взял поводок и энергично зашагал к улице Брод.

Остановившись там, где стоял светлый «москвич», он дал псу обнюхать землю, погладил его и, наклонившись, шепнул в ухо: «Ну, Ингус, ищи!»

Пес тихонько заскулил, приник носом к земле, прижал уши и, весь напрягшись, как тетива, пошел по следу.

Они пересекли улицу Настурции, затем другие улицы и вышли на пустынную, без фонарей дорогу, ведущую в Симеоново. Стояла такая непроглядная тьма, что Аввакум не различал даже собаки, хотя она сопела в двух шагах от него.

Гроза внезапно стихла, и лес справа от дороги, казалось, вдруг онемел и заснул.

Вскоре за железнодорожным переездом Ингус свернул вправо, повертелся на месте, и Аввакум почувствовал, как пёс тянет его в какой-то двор. В эту минуту над Витошей блеснула молния, разодрав нависшее над лесом небо. Аввакуму было достаточно этого мгновения, чтобы сориентироваться. Он заметил название улицы, цвет калитки, против которой они стояли, номер на эмалированной табличке. На сетчатке глаза сохранились очертания дома: островерхая альпийская кровля, второй этаж с эркером, опущенные шторы, две сосны спереди. Окна дома были темны, ни один лучик света не проникал из-за штор.

Пошел дождь. Крупные капли, словно бичом, хлестали пересохшую землю.

Аввакум натянул поводок и с трудом оттащил собаку от калитки. Не останавливаясь, он пересек квартал и вышел на бульвар Яворова. Мокрый и грязный, с отяжелевшими ногами, он дотащился до телефона-автомата, позвонил дежурному и вызвал машину.

Приехав домой, он отправил Ингуса с шофером. Не успел он войти к себе в комнату, как зазвонил телефон. Лейтенант Марков сообщил, что владелец «москвича» вернулся с пустыми руками.

– Жаль, – усмехнувшись, заметил Аввакум и спросил: – Ты очень устал? Нет? Тогда приезжай ко мне на чашку кофе!

Пока закипала вода, он успел принять душ, облачиться в халат и набить трубочку.

Лейтенанту было поручено немедленно установить наблюдение за домом с островерхой крышей, узнать, кто в нем живет, когда и какие люди посещали его. Кроме того, сделать выписку из личного дела Светозара Подгорова и проверить, живет ли кто-нибудь еще у него в квартире. Аввакум вынул из шкафа бутылку коньяка и две рюмки. Кофейник вскипел.

За окном по-прежнему шел дождь.

13

Утро сияло улыбкой. Светлая радость, казалось, наполнила весь мир, и, может, именно поэтому Аввакум еще острее ощущал охватившую душу тревогу. Новости, которые принес лейтенант Марков, не сулили ничего хорошего. Он узнал, что обе подписи под фальшивым письмом были первоначально набросаны простым карандашом. Подпись доктора была скопирована – в этом не было никакого сомнения. А подпись Ирины? Почему были сделаны незначительные, еле заметные изменения в некоторых буквах?

Все было подстроено очень наивно. Отклонения в написании некоторых букв навязчиво говорили: «Вот видите, некто пытался подделать подпись Ирины Теофиловой, но не совсем удачно». А что мешало этому «некто» скопировать ее подлинную подпись, так же как подпись Петра Тошкова? Ведь у него под рукой были десятки писем, подписанных Ириной.

Было ясно, что автор поддельного письма, умышленно изменив очертания букв в подписи Ирины, хотел тем самым выгородить ее в случае, если подделка обнаружится.

Лейтенант Марков установил, что двадцать восьмого августа ни Христина Чавова, ни Ирина Теофилова не уходили с работы между десятью и одиннадцатью часами. Следовательно, Ирина невиновна, ибо не могла же она быть одновременно и в управлении и в кабинете Венцеслава! Алиби Ирины разбивало в пух и прах все умозаключения Аввакума. Но под конец лейтенант подчеркнул и такую небольшую подробность: между десятью и одиннадцатью часами Ирина Теофилова выходила из канцелярии, чтобы принять душ. Услышав это, Аввакум развел руками и лицо его омрачилось.

– Ставлю тысячу против одного, – сказал он, – что в душевой есть еще один выход на другую площадку, откуда спускается узкая винтовая лестница. С этой лестницы можно попасть на любой этаж и выйти к черному ходу, а также в подвал здания.

Отправив лейтенанта немедленно проверить свое предположение, Аввакум, чтобы скоротать время, пошел на кухню сыграть с хозяйкой партию в домино.

Лейтенант не заставил долго себя ждать.

– Можно подумать, что вы сами обошли все здание или же изучили план! – сказал он со смехом. – Та дверь, о которой вы говорили, и есть настоящая. Она без замка и запирается изнутри на крючок. Другая дверь, судя по штукатурке, сделана недавно и запирается на ключ и на задвижку. Внутри установлен только один душ.

Аввакум призадумался. Время подходило к одиннадцати, пора было идти к полковнику с докладом.

– Не сводите глаз с обеих квартир, – сказал он со вздохом, – что вы разузнали о доме с островерхой крышей?

Лейтенант смущенно пожал плечами.

– Да, на это вам не хватило времени, – сказал Аввакум с виноватой улыбкой. – Извините. Я вызову вас после обеда.

Голос его звучал тихо и глухо.

Алиби Ирины не стоило и выеденного яйца. В десять часов она вышла из канцелярии, сказав Чавовой, что «сбегает» наверх, чтобы принять душ. То же самое она сообщила уборщице и, возможно, еще кому-нибудь. Она поднимается в душевую, открывает краны, спускается другим ходом по черной лестнице во двор и выходит на улицу Димо Хаджидимова, откуда до склада не более пятнадцати минут хода. Если поторопиться, то можно дойти и за десять минут! Когда с Венцеславом было покончено, она тем же путем вернулась обратно. Умывшись и смочив волосы теплой водой, она как ни в чем ни бывало появилась в канцелярии.

Меньше чем за сутки Аввакум успел достаточно глубоко проникнуть во многие детали преступления. У него в уме уже сложилась вполне стройная гипотеза, но он пока остерегался предложить ее полковнику в качестве основы для разработки плана действий.

Ведь он еще не определил несколько неизвестных. В его распоряжении оставалось семьдесят три часа – трое суток, – чтобы раскрыть до конца заговор, изобличить истинных виновников и спасти жизнь невинного человека.

Во второй половине дня должны были состояться похороны Венцеслава. Аввакум позвонил Ирине на работу, но Чавова ответила ему, что Ирина нездорова и осталась дома. Тогда он вызвал служебную машину и, отпустив шофера, сам сел за руль.

Он рассчитывал застать ее в комнате, но ошибся. Она сидела под шелковицей и читала. «Наверное, какой-нибудь роман, – подумал Аввакум. – Пытается отвлечься, ведь сейчас хоронят Венцеслава».

На Ирине было скромное ситцевое платье с веселым узором. На ее миловидном задумчивом лице глаза смотрели, как всегда, смело и открыто.

Сидя на траве, поджав под себя ноги, она протянула ему руку и улыбнулась беззаботной и радостной улыбкой.

– Ты пришел кстати, – сказала она, привлекая его к себе. – Садись рядом! Я уже устала читать.

Аввакум подсел к ней, их плечи касались друг друга, а ее волосы щекотали его лицо. Подул ветерок, старая шелковица шумно вздохнула, тонкая юбка Ирины надулась парусом. Где-то рядом насвистывал дрозд. Было так хорошо...

У Аввакума потемнело в глазах. Его охватило неодолимое желание обнять ее, крепко сжать это нежное тело, такое близкое и доступное. Только большим усилием воли ему удалось сохранить невозмутимый вид.

– Что ты читаешь? – спросил он, откидываясь на траву.

В бездонной сини неба плыло белое облачко с кудрявыми, посеребренными солнцем краями, Дрозд продолжал насвистывать в кустах.

— Что читаю? — Ирина положила руки на колени и звонко, как вызванная к доске школьница, ответила: — О химических свойствах водорода и о многоуважаемом водородном ионе в частности! Очень интересно! — И она весело рассмеялась.

— А наш общий друг, наверное, уже покоится в земле, — сказал Аввакум.

Он смотрел на белое облачко и жмурился от солнца.

— Наверно, — тихо ответила Ирина. Она наклонилась и сорвала травинку. — Я хотела пойти на похороны, но утром проснулась с ужасной головной болью. Очень сожалею.

— О чем? — спросил Аввакум. — О головной боли или о Венцеславе?

— Не надо подшучивать над мертвыми, — сказала она, приложив пальцы к его губам.

Аввакум взглянул на нее — над верхней губой Ирины выступили мелкие капельки пота.

Наступило молчание.

— Ирина, — спросил Аввакум, — какие у тебя планы на будущее? О чем ты, например, мечтаешь?

Он взял ее руку и стал перебирать пальцы.

— Мечты мои самые скромные, — ответила Ирина. Глубоко вздохнув, она вытерла капельки пота над верхней губой и тряхнула головой. В глазах ее появился прежний блеск. — В сущности, у меня лишь одна мечта — ни от кого не зависеть.

— Слишком обще, — с усмешкой сказал Аввакум. Она молчала, потом сорвала травинку.

– Что значит – ни от кого не зависеть? – продолжал Аввакум.

– Очень многое, – порывисто дыша, заговорила она. – Лишь бы попасть в университет, тогда все дальнейшее будет зависеть только от меня.

Ветер уносил облачко на восток.

– Ирина, – спросил Аввакум, – почему рука у тебя такая влажная? И почему холодная?

– Наверное, от того, что у меня болит голова, – сказала Ирина, вздрогнув и отдернула руку.

Она склонилась, и Аввакум почувствовал на губах ее теплое дыхание. Он мог обнять и целовать ее, но руки повисли как плети. От прежнего страстного желания не осталось и следа. Одна лишь жалость, мучительная и тяжелая, давила грудь.

– Сегодня ты похож на сборник вопросов, – сказала она с усмешкой. – Позволь и мне задать тебе один вопрос: чья это машина?

– Музея, – ответил Аввакум. Она еще ниже склонилась над ним.

– Хочешь, чтоб мы прокатились вместе?

– Я за тем и приехал.

Оглянувшись по сторонам, она прильнула к его губам, потом вскочила и побежала в комнату переодеваться.

Аввакум уже сидел за рулем, когда вышла Ирина. Она была во всем белом – белое платье, белые сандалеты и даже лента в волосах белая. Он сразу заметил, что сандалеты у нее без носков, а губы накрашены ярко-красной губной помадой.

«Займемся для начала губной помадой», – подумал он,

услужливо открывая дверцу машины. Белое одеяние Ирины еще более опечалило его.

Он повел машину к Орханийскому шоссе, а когда миновали мост через Искыр, нажал на газ и стрелка спидометра заколебалась где-то возле цифры девяносто. Он знал, что каждая минута дорога, но не увлекался скоростью. Все ходы были рассчитаны далеко вперед, и торопливость могла только повредить. Но еще в тот момент, когда он пересекал улицу Брод, чтобы выехать на Пловдивское шоссе, ему показалось, что какая-то синяя «волга» увязалась за ними и следует по пятам, то приближаясь, то отдаваясь, но не упуская их из виду. «Если „волга“ будет выжимать девяносто – картина ясна», – подумал Аввакум и прибавил газу. Синяя машина тотчас осталась далеко позади.

Он спросил свою спутницу:

– Ну как – хорошо?

Встречный ветер с шумом бился в стекла, и она, наверное, не расслышала вопроса. Ирина сидела, прикрыв глаза, и молчала.

«Знала бы она, что едет на любовную прогулку со своим палачом!» – мрачно усмехнулся про себя Аввакум.

Он глянул в наружное зеркало, и брови его сдвинулись: в глубине вогнутого кружка, как огромный жук, маячила синяя «волга».

Аввакум сбавил газ. Они проехали Йорданкино и приближались к партизанскому памятнику над источником. Выехав на небольшую площадку перед мемориальной плитой, Аввакум круто свернул влево и резко затормозил.

– Куда мы приехали? – спросила Ирина.

Она удивленно оглядывалась по сторонам, словно очнувшись от глубокого забытья.

– Сойди с машины, посмотри вокруг, и ты поймешь, – холодно ответил Аввакум.

Еще несколько минут назад он жалел ее, но, заметив гнавшуюся за ними по пятам синюю «волгу», почувствовал леденящий холод в душе. Прежде чем нажать на тормоз, он взглянул на руку Ирины, опущенную у его колена. «Она могла бы и меня угостить цианистым калием», – подумал он, поворачивая руль.

– Чего тут смотреть, – сказала, рассмеявшись, Ирина. – Горы, асфальт, источник и красивая беседка.

– И память о людях, – добавил сухо Аввакум.

Пожав плечами, она отвернулась от плиты, зевнула и, потянувшись, спросила:

– Долго ли мы будем стоять здесь?

В это время подкатила синяя «волга». Из машины вышел невысокий, круглолицый, с оттопыренными ушами лысоватый человек. Он был в желтой, узкой не по дюжим плечам вельветовой куртке. Глаза его прятались за синими защитными очками.

Захлопнув хозяйским жестом дверцу, он сплюнул себе под ноги и твердым шагом направился к источнику. На Ирину он не обратил никакого внимания, но Аввакум ощутил на себе его взгляд. Мужчина склонился над струей, отпил несколько глотков, прополоскал рот.

Со стороны Софии показался мотоциклист. Он промчался мимо источника и исчез за первым же поворотом. Надрывно завыл грузовик, груженный бочками, и в воздухе запахло горелой соляжкой. Не успел он проехать, как ти-

шина снова раздробилась в осколки – громыхая, словно миномет, примчался на мощной гоночной машине еще один мотоциклист.

Хотя он был в тужурке и кожаном шлеме, Аввакум сразу узнал его – это был лейтенант Марков. Он подвел машину к кювету, выбрал тенистое место и растянулся на траве.

Мужчина в вельветовой куртке открыл капот мотора и с озабоченным видом стал копаться в двигателе. Вынув гаечный ключ, он принялся подтягивать ремень вентилятора.

«А этот сообразительнее лейтенанта», – подумал с внутренней усмешкой Аввакум.

Ирина, казалось, окаменела, повернула голову и перевела дух. Лицо ее стало бледнее ленты в волосах, плечи поникли: как загипнотизированная, она не сводила глаз с синей «волги».

Аввакум тронул ее за плечо.

– Тебе плохо?

– Опять разболелась голова, – тихо ответила Ирина. Аввакум побежал к машине и вернулся со стаканом в руке.

– Выпей воды, – сказал он, подавая ей до половины наполненный стакан. – Горная вода освежает. Я нарочно привез тебя сюда, чтобы ты попробовала. Нравится?

– Очень, – прошептала Ирина. – Благодарю.

Аввакум обнял ее за талию.

– Пора возвращаться, – сказал он. – Уже четыре часа, а в пять у меня встреча с председателем археологической секции Академии наук. В следующий раз я увезу тебя дальше.

– Куда? – спросила она, взглянув ему в глаза.

— Очень далеко, — ответил он, глядя в сторону и чуть не выпустив из рук стакан.

Когда он разворачивал машину, мужчина в вельветовой куртке все еще возился с вентиляторным ремнем.

Только еще раз Аввакум заметил за собой синюю «волгу», она мелькнула в зеркале, стала маленькой, как муха, и исчезла.

Итак, все развивалось в полном соответствии с предварительно намеченным планом. В том, что Ирина Теофилова и «неизвестная» с рисунка одна и та же женщина, Аввакум уже не сомневался, но ему хотелось получить «наглядное» доказательство.

Хотя сомнений у него уже не было, но, когда он поставил рядышком на стол оба стакана, у него перехватило дыхание, а руки стали холодными и влажными...

Он долго протирал ватой свою самую сильную лупу, закурил и несколько раз сильно затянулся.

Отпечатки на обоих стаканах были абсолютно одинаковы по цвету. Идеально совпадали размеры и очертания кровеносных сосудов. На обоих отпечатках ясно виднелось небольшое, с чечевичное зерно, утолщение в верхней части.

Аввакум отложил лупу, облокотился на кресло и закрыл глаза.

Он знал, что отпечатки совпадут, и все же...

Несколько минут просидел он в оцепенении, а когда поднялся — складки у рта обозначились резче, странная усмешка застыла на губах. В ней была и горечь, и ирония, и старчески мудрая снисходительность.

Он отпер свой кованный сундучок и положил в него оба

стакана. Разделся, накинул халат, набил трубочку, взял с полки первый том «Всемирной истории» и, усевшись поудобнее в кресло, углубился в чтение.

Косые лучи заката наполнили комнату розовым светом.

Лейтенант Марков прибыл через полчаса, раскрасневшийся от ветра, в насквозь пропыленной тужурке. Аввакум уступил ему свое место в кресле, заставил выпить рюмку коньяку, угостил сигаретой и затем спросил:

– Мужчина в желтой вельветовой куртке живет в доме с островерхой крышей, не так ли?

Лейтенант чуть было не поперхнулся коньяком.

– Ничего удивительного, – усмехнулся Аввакум. – Сегодня утром около восьми я вышел прогуляться и сам не заметил, как оказался возле того дома. Вы, наверное, помните, что вчера вечером шел сильный дождь, и заметили, что улица немощеная, а тротуаром служит простая земляная насыпь. Возле зеленой калитки я увидел следы шагов, идущих со двора к шоссе. Прочитав эти следы, я мимоходом узнал довольно многое. Это были следы мужчины. Небольшая нога, шаг меньше среднего, глубокая вмятина. Что это значит? Вы, конечно, догадываетесь, что мужчина невысокого роста, солидного веса. Отпечатки обуви на размякшей земле сохранились очень хорошо – узкие носы, удлиненная подошва, часть ее между подметкой и каблуками сжата и приподнята. Вы человек, следящий за модой, и сразу скажете, какая обувь подходит к этому описанию?

– Итальянская, – весело ответил лейтенант.

– Совершенно верно, обувь такого фасона у нас не выпускают, и поэтому она сразу же бросается в глаза. Из

дворика с двумя соснами вышел невысокий, полный мужчина, обутый в итальянские ботинки. Человек в вельветовой куртке тоже невысокий, полный и в итальянских ботинках. Налить вам еще? Пейте, сегодня вечером вам не придется разъезжать на мотоцикле. Кто же этот человек?

— Его зовут Прокопий Недялков, — ответил лейтенант, отпив из рюмки. — Он родом из Павликени, закончил французский коллеж в Софии. Высшее образование получил в Италии, в качестве стипендиата католической церкви. Там он специализировался по лесоводству. Читал у нас лекции на агрономическом факультете и вот уже три года работает инспектором по лесам в министерстве земледелия. Дом с островерхой крышей принадлежит ему. В настоящее время он находится в отпуске, а его семья отдыхает в Павликени. Отец его — католический священник на пенсии. Инженер Прокопий Недялков — личность аполитичная, но ни в каких реакционных действиях или проступках замечен не был, на службе пользуется большим авторитетом.

Сегодня утром он вышел из дому в семь часов. Через пятнадцать минут был на улице Самодивско Кладенче, в доме номер 17, где находится его гараж. Точно в восемь он уже был в квартире нашего вчерашнего знакомого — владельца светлого «москвича». Пробыв там около получаса, он затем вышел вместе с ним из дому и подвез на своей «волге» к зданию Центрального управления по борьбе с эпизоотиями. Там они расстались. Прокопий Недялков вернулся домой, а машину оставил на улице возле зеленого забора. Точно в половине четвертого он быстро вышел из дому, сел в машину и понесся в сторону Пловдивского

шоссе. Он остановился неподалеку от поворота на улицу Брод и ждал там появления вашей машины.

– А когда вы увидели, что он пристроился мне в хвост, – перебил его с улыбкой Аввакум, – вы организовали «блестящее» преследование на двух мотоциклах. Очень мило с вашей стороны.

– Вы же сами приказали не спускать с него глаз, – смущенно оправдывался лейтенант, опустив голову.

Аввакум промолчал.

– Вы принесли справку о Светозаре Подгорове?

Лейтенант вынул из портфеля сложенный вдвое листок и подал его Аввакуму. Листок дрогнул в его протянутой руке. Аввакум взял бумажку и покачал головой.

– Надо закалять нервы, – сказал он со своей грустной, снисходительно-насмешливой улыбкой. – Вы можете встретиться на своем пути и с более неожиданными вещами. Верно, что слово «человек» звучит красиво, но не во всех людях есть красота. Человек способен на все – вооружитесь этой философской концепцией, и рука у вас никогда не дрогнет. Вы установили, кто живет с ним в квартире?

– Он проводил жену в Варну и сейчас остался один. Аввакум посмотрел на часы.

– У меня такая просьба к вам: передайте полковнику Манову, что я прошу его срочно вызвать к себе Подгорова, необходимо занять его разговором до десяти часов. Пусть, например, они прокатятся куда-нибудь за город – это будет лучше всего. Немедленно отправляйтесь к полковнику, а затем доложите мне о результатах.

Лейтенант встал.

– Ни на секунду не выпускайте из виду дом с острой верхой крышей. Ставьте меня в известность о каждом шаге Прокопия Недялкова. Сегодня ночью или завтра он обязательно выедет из города. Очень прошу вас тотчас же известить меня! И еще одно: попросите полковника предоставить в мое распоряжение машину с радиопередатчиком.

Аввакум вынул из шкафчика картонный квадратик и протянул его лейтенанту.

– Здесь записан мой кодовый пароль. Советую вам ни в эту ночь, ни завтра не отлучаться из отдела – ожидаются важные события и придется изрядно потрудиться. – Невесело улыбнувшись, Аввакум протянул лейтенанту руку.

Проводив лейтенанта, он быстро оделся, опустился в кресло и закрыл глаза.

14

Лейтенант Марков позвонил через полчаса.

– Все будет так, как вы просили. На нужном месте не будет никого до десяти часов. Остальное выполняю.

– Желаю удачи! – сказал Аввакум, опуская трубку. Захватив с собой вчерашнюю монтерскую сумку, он вышел на улицу.

Вечер выдался теплый, дул легкий ветерок. Улицы сияли огнями.

Найдя нужный дом, он огляделся по сторонам и быстро скользнул через двустворчатую дверь в подъезд. Там не было никого. Он поднялся по лестнице на площадку второго этажа. Внизу сработал автоматический выключатель, и свет погас; Аввакум нажал на кнопку. На коричневой

двери блестела бронзовая дощечка: «СВЕТОЗАР ПОДГОРОВ».

Замок системы «Ялле» Аввакум знал как свои пять пальцев, ему не понадобилось рыться в сумке. Вынув из кармана пиджака универсальную отмычку, он тут же отпер дверь.

Освещая себе путь синим светом электрического фонаря, он прошел через отделанный красным деревом вестибюль с продолговатыми зеркалами на стенах и оказался в просторной гостиной-ротонде с мраморным полом и лепным потолком. Посреди журчал маленький фонтанчик, в бассейне, выложенном разноцветной плиткой, резвились золотые рыбки. Из гостиной три двери, прикрытые красными плюшевыми портьерами, вели в комнаты.

Аввакум открыл наудачу одну из дверей и улыбнулся: с первой же попытки он попал в кабинет Подгорова. В комнате было немного мебели: роскошный письменный стол красного дерева в стиле барокко, высокое кресло с изогнутой спинкой и две картины в легких, изящных рамах. Аввакум поднял фонарик: тут были цветные репродукции с картин Ренуара «Цветы в бронзовой вазе» и «После купания». Больше в комнате ничего не было. Единственный ящик стола был не заперт, в нем валялись пустяковые предметы – несколько карандашей, чистый блокнот и пузырек зеленых чернил для авторучки.

Аввакум отвернул ковер – паркет всюду был одинаково гладок. Простукал стены – никаких признаков пустот. Он почувствовал, как кровь стучит в висках, – неудачный поиск не даст ответа на очень важный вопрос.

Он снова направил фонарик на картины. «Цветы в

бронзовой вазе» висели на стене ровно, как по нивелиру. Но картина «После купания» была чуть сдвинута вправо и нагая девушка неестественно клонила набок. Аввакум пододвинул к стене стул и, застелив сиденье носовым платком, бережно снял картину с крючка. Подложки за репродукцией не было, да и гвоздики, прикреплявшие ее к раме, очевидно, никогда не вынимались. Они были забиты до отказа, а на головках не было следов клещей.

И все же картину трогали, и притом недавно. Светозар Подгоров, человек педантичный, вряд ли оставил бы у себя над головой криво висящую картину. Аввакум поднес фонарик к самой стене и отдернул руку, будто укололся. Так вот в чем была хитрость! Крючок оказался срезанной головкой тонкого ключа. Повернув его, Аввакум потянул крючок на себя и из стены откинулся небольшой железный ящичек. Он так идеально вписывался в углубление в стене, что на зеленых обоях не виднелось ни щелки. «Но с помощью лупы я все-таки обнаружил бы его», – подумал Аввакум.

В ящичке лежала книга в переплете, а на ней фотография. Он взглянул на снимок, нахмурился и положил его в бумажник. Визит без приглашения завершился весьма удачно. Но зачем была спрятана в тайник эта книга? Аввакум открыл ее и прочитал заглавие: Иван Вазов, «Под игом». Издание было из последних, без автографа и не представляло библиографической редкости. Такая книга была и в библиотеке Аввакума.

Покачав озадаченно головой, он стал быстро листать страницы, следя за цифрами. Когда он перевернул тридцать пятую страницу, по губам его скользнула тихая, торжест-

вующая улыбка. Рядом с колонцифрой 35 были приписаны два нуля, а под ними небрежным почерком нацарапано слово: «Вазови». Конечно, это ключ шифра!

Положив книгу на место, он оставил все как было.

Около девяти он вышел на улицу. Наскоро подкрепившись в первом попавшемся ресторанчике, Аввакум в десять был уже у себя дома. Собрав кое-какие вещи в чемодан, он погасил свет и, не раздеваясь, прилег на кушетку.

Сквозь охватившую его дремоту он услышал резкий звонок телефона.

– Инспектор выехал из города на своей машине десять минут назад, – сообщил лейтенант Марков с торжественными и тревожными нотками в голосе. – Полным ходом движется к Пазарджику!

– Хорошо, – сказал Аввакум, зевая, – Даже очень хорошо.

Схватив чемодан, Аввакум тихо выскользнул на улицу. Близилась полночь. Аввакум поглядел на небо – звезды скрылись за облаками.

Впереди вспыхнули и погасли фары. Навстречу мчался автомобиль.

Первое радиосообщение настигло его за Ихтиманом. В наушниках раздались какие-то странные резкие звуки; точки и тире запищали, как отчаянный вопль о помощи, затем все сразу стихло и в мембранах трижды, с краткими паузами, прозвучали кодовые позывные.

Аввакум сбавил скорость и остановил машину у обочины. При тусклом свете верхней лампочки он открыл передатчик, настроился на волну и передал в эфир: «Прием». Вскоре последовало сообщение: «Синяя „волга“»

только что вышла со станции Белове. По указанию полковника за вами движется приданная вам вездеходная машина ГАЗ-69А. Водитель вам знаком». Аввакум отступал: «Понял. Благодарю», – нажал на стартер и понесся дальше по асфальтированному шоссе.

Каждые пятнадцать минут его регулярно извещали о маршруте синей «волги». Прокопии Недялков ехал со средней скоростью семьдесят километров в час, и Аввакуму ничего не стоило сократить расстояние между ними, но он остерегался чрезмерного сближения. Заподозрив недоброе, инспектор, конечно, постарался бы пропустить Аввакума вперед.

Проехав Звыничево, Аввакум снова свернул на обочину, выключил мотор и открыв дверцу, прислушался. Ветерок тихо шумел в листве невидимых в темноте деревьев. Аввакум с насаждением закурил сигарету и посмотрел на часы. Был третий час ночи.

Захлопнув дверцу, он поднял стекла и установив связь с управлением запросил последние сведения о синей «волге». Ему ответили, что машина десять минут назад, выехала из Пизарджика и движется к Пловдиву.

– Записывайте, – продиктовал Аввакум – Во-первых: наш приятель поедет через Кричим к Девину. Прикажете останавливать его на каждом противоящурном кордоне и тщательно дезинфицировать и его самого и машину. Не-плохо будет подстроить ему прокол шины или какое-нибудь другое «случайное» препятствие, чтобы за-держать на час-два и не допустить в Тешел ранее восьми часов утра... Записали?.. Второе: немедленно свяжитесь со Смолянским управлением и передайте, чтобы дорогу Те-

шел-Триград и окрестности Триграда поставили под усиленное наблюдение. Опишите приметы инспектора и к утру поднимите на ноги местные партийные организации. Записали?.. Третье: немедленно установить негласное наблюдение за подозрительными лицами в Триграде, а особенно за Ракипом Колибаровым. Точка... Как только инспектор свернет к Девину, немедленно известите меня. Буду на приеме возле Пазарджика. Постараюсь в Доспате догнать синюю «волгу»... Конец.

Лоб и руки у него вспотели. Открыв дверцу, он перевел дух. Когда он закуривал, мощный луч желтого света осветил машину. В нескольких шагах слева из темноты вдруг ярко выступило раскидистое дерево с позлащенными листьями. «Как в сказке», – улыбнулся Аввакум и почувствовал, что его неудержимо клонит ко сну.

Скрипнули тормоза, желтый свет погас. Исчезло и дерево; пахло нагретым машинным маслом и бензином.

– Здравия желаем! – услышал Аввакум, как сквозь плотную завесу, знакомый мужской голос.

«Непременно надо передохнуть», – подумал Аввакум и спросил:

– Хорошо ли переключаются скорости?

– Отчего бы нет – еще как! – рассмеялся шофер.

– Ты поедешь в моей машине, а я пересяду на «газик», – сказал Аввакум.

Шофер стоял возле машины и молчал.

– Садись рядом, – сказал Аввакум. – Вот тебе наушники. Так. Теперь ты похож на заправского летчика. Впрочем, мы с тобой второй раз меняемся рулями... Ты помнишь?

Аввакум прислонился лбом к холодному стеклу дверцы и прикрыл глаза. И сразу же погрузился в какой-то мрачный, бездонный колодец: вокруг клочьями плыл сизо-белый туман, как тот, что в непогоду чалмой окутывал голое темя Карабаира. Откуда ни возьмись, перед глазами мелькнуло румяное лицо Марко Крумова из Илчовой корчмы. Все это было так нелепо, что Аввакум даже зажмурился. Причем тут Марко Крумов?.. Момчиловский корчмарь исчез, и на его месте возникло яркое освещенное дерево с золотящейся листвой. «Как в сказке, – подумал Аввакум. – Если дерево напоминает мне сказку, значит, я не сплю!» Ему захотелось снова опуститься в мрачный колодец с туманами, но в голове вдруг засел навязчивый вопрос: «А почему ты непременно хочешь заснуть?» Аввакум не привык оставлять вопросы без ответа, но в эту минуту ему не хотелось отвечать ни на какие вопросы. «Поболтаю-ка лучше с шофером», – решил он и полез в карман за сигаретами.

– Товарищ капитан, – легонько подталкивая Аввакума локтем, сказал вдруг шофер. – Вызывают!

Из Софии сообщали:

«Синяя „волга“ только что выехала из Кричима. Приняты меры, чтобы не допустить ее в Тешел ранее восьми. Ваши распоряжения переданы. Свяжитесь в Триграде с лейтенантом Георгиевым».

«Следую через Пештеру в Доспат. – передал Аввакум. – Пусть лейтенант Георгиев ждет меня в Тешеле у моста».

Аввакум не бывал в Триграде, но из рассказов Анастасия знал, что ущелье заканчивается у моста.

Время близилось к трем часам ночи.

Аввакум, взяв с собой передатчик, пересел на «газик», а

шоферу наказал следовать за собой, предупредив, что от Доспата до Борина проселок сильно разъезжен грузовиками, а местами совершенно разбит. Пожелав ему счастливого пути. Аввакум включил зажигание и дал газ. Мотор взревел, задыхаясь, потом заработал ровно, и машина помчалась по шоссе. Красный свет стоп-сигнала быстро растаял в чернильном мраке ночи.

15

На второй же день после вспышки эпизоотии ящура в пограничном районе, Смоленское окружное управление направило в Триград лейтенанта Георгиева. Он прибыл туда с двумя помощниками и мулом, навьюченным полосатыми мешками и другими геодезическими инструментами. В сельсовете он предъявил свои документы, и через полчаса все триградцы уже знали, что в село прибыли геодезисты делать план будущей сельской площади. Помощники Георгиева расположились в школе, а начальник, как положено по чину, устроился в кабинете председателя общинного совета. Там ему поставили топчан, принесли тюфяк, одеяла, и начальник почувствовал себя как дома.

Этот грузный, рано облысевший, коренастый мужчина с влажными желтоватыми глазами и толстыми губами держался особняком. К делу своему относился по пословице. «Работа не волк – в лес не убежит», спал допоздна, а проснувшись, потягивал через соломинку холодную сливовицу из расписной баклажки и, усевшись на подоконник председательского кабинета, заигрывал с сельскими молодухами и весело хохотал на все село. Раз или два в день

он выходил к своим помощникам, важно прищурясь, глядел в нивелир, бранил их и заставлял вытаскивать колышки и переставлять на несколько сантиметров в сторону. Затем, хмуро поглядывая на посеревшее от зноя небо, лениво обходил несколько раз площадь и скрывался в тени председательского навеса.

Триградцы невзлюбили его, очевидно, из-за шуточек, которые он щедро отпускал по адресу молодых женщин. Один только Ракип Колибаров подружился с ним – несколько раз приносил ему свежую рыбу, а однажды прислал с женой горшок овечьего кислого молока.

Так выглядел «начальник» днем. Но поздно вечером, после ужина, этот неповоротливый человек преображался: он становился проворным, как рысь, – перескакивал через заборы, пробирался вдоль плетней и устраивал в укромных местах встречи то с секретарем парторганизации, то с председателем кооператива, то с офицерами пограничной заставы. Но, несмотря на все ухищрения, разведка не принесла ценных сведений.

Двадцать второго августа около семи часов утра на лугу, прозванном «Джуклево гумно», видели жену Ракипа Колибарова – она пасла там телку. В это же время там слонялся Ахмед Парутев, племянник бригадира животноводов Халила Бумбова, якобы выслеживая у Даудовой кошары кабаньих выводок. Женщина подогнала телку к кошаре – заброшенной, полусгнившей хижине, где ее поджидал Ракип. Пошептавшись о чем-то в кустах за хижинкой, они разошлись. Ракип пошел по дороге, ведущей в Видлу, а жена его вернулась на Джуклево гумно. То же самое повторилось и двадцать шестого августа, но на этот

раз Ракип пошел не в Видлу, а направился по тропинке через лес в деревню Кестен. Лейтенант хорошо помнил, что двадцать второго и двадцать шестого августа Ракип приносил ему свежую форель к ужину.

В остальные дни жена Ракипа выгоняла телку на луга к востоку от села. Ахмед Парутев по-прежнему выходил на заре «поохотиться» возле Джуклева гумна. То была дикая, безлюдная местность, трава и папоротник поднимались там выше пояса.

В Тешел Аввакум прибыл на рассвете. Лейтенант Георгиев отвел его «газик» на постоянный двор, вскинул на плечо рацию и быстрым шагом пошел по мосту к проселку, ведущему на Триград. Пока они добирались до зарослей, где лейтенант спрятал свой мотоцикл, он рассказал Аввакуму все, что успел разузнать о Ракипе.

Аввакум с трудом передвигал ноги, глаза у него слезились. Он все время зевал и поеживался от холода.

– В прошлом году вы выглядели куда лучше, – озабоченно заметил лейтенант.

Аввакум кивнул головой.

– Отвести вас в мою резиденцию?

– Ведите меня прямо к Ахмеду Парутеву, – хмуро сказал Аввакум. В ущелье было мрачно, над пенящейся речкой стелился легкий туман. Чемодан привязали к багажнику, рацию Аввакум закинул за плечи, и мотоцикл затахтел по неровной дороге. Подъезжая к селу, лейтенант повернул вправо и по ложбинам и полянам выехал на западную окраину. Домики здесь стояли в отдалении друг от друга, среди зеленеющих кустов и лесной поросли на месте старой вырубki. Лейтенант остановился перед низкой ог-

радой из плитняка, толкнул ногой калитку и вошел в маленький дворик, где стоял приземистый домик с замшелой черепичной крышей и зарешеченными оконцами, стенами из плетня, обмазанного глиной. Аввакум закурил, вынул из портмоне две таблетки кофеина и поморщившись, проглотил. Небо затянуло тучами, собирался мелкий, затяжной дождь.

Лейтенант вернулся к калитке с красивым стройным парнем, мускулистым, тянущимся ввысь, как горный бук.

– Это Ахмед, – сказал он, кивая на парня, – ему можно довериться, как родному брату.

Аввакум протянул Ахмеду руку, и тот порывисто пожал ее.

– Ахмед, – вполголоса спросил Аввакум, – далеко ли отсюда до «Джуклева гумна»?

– Полчаса ходу через лес, – тихо ответил Ахмед. Аввакум поглядел за ограду.

– Кто здесь живет?

– Я один, – сказал Ахмед. – Это наш старый дом. Мы живем в селе возле общинного совета.

– Отнеси эти вещи в дом и хорошенько запри дверь, – приказал Аввакум.

Когда Ахмед ушел, Аввакум сказал лейтенанту:

– Передайте на заставу телефонограмму, чтобы усилили охрану полосы и спустили собак. Если кто-нибудь попадется на границе, шума не поднимать. Прекратить наблюдение за женой Ракипа, но с него не спускать глаз. Не чинить никаких препятствий инспектору, который приедет из Софии, но следить за каждым его шагом. Поднимите на ноги всех надежных людей и поручите самым смышленным

парням следить за Ракипом и инспектором. Вы оставайтесь в сельсовете. Я буду поддерживать с вами связь через Ахмеда.

Дорога через притихший темный бор вывела Аввакума поистине на сказочную поляну. Вокруг темнели вековые сосны, вся она заросла высоченным папоротником, ежевикой и сочной травой. К югу поляна слегка приподнималась, и там, где снова вдавалась в лес, торчала обожженная молнией, сломанная пополам гигантская сосна. Почерневшая, без хвои, она напоминала вылезшего из преисподней мертвеца.

Аввакум не сводил глаз с этой сосны и молчал.

— Вот это и есть «Джуклево гумно», — прошептал Ахмед. Было тихо, ни одна былинка не шелохнулась в этот утренний час.

— Если мы не опоздали, то все в порядке, — тихо заметил Аввакум. Дав знак Ахмеду стоять на месте, он пошел в обход поляны, начав от обгорелой сосны.

Пограничная полоса проходила южнее поляны, и было естественно полагать, что агент из-за границы выходит на поляну с юга.

Аввакум ни минуты не сомневался в том, что Светозар Подгоров сообщается со своими иностранными хозяевами только через связных. После провала Бояна Ичеренского радиопеленгаторные посты не засекли ни одной тайной передачи в этом районе. Следовательно, местная агентура, поддерживая связь со своими заграничными контрагентами, обходилась без помощи радио, пользуясь простейшим, «классическим» способом — связным. О том же говорил и

найденный в тайнике Подгорова код шифра. Два нуля, приписанные к колонцифре 35, и слово «Вазови» раскрывали упрощенный шифр, составленный либо на основе текста «Под игом», либо путем определенной замены букв. Подобные упрощенные шифровые системы не применяются в радиопередачах. Если координаты передатчика и частота волн засечены, то быстрая расшифровка радиogramмы ведет к неминуемому провалу, как это было с Ичеренским. Найденный в тайнике Подгорова ключ шифра недвусмысленно свидетельствовал о письменном характере связи с заграницей. Третьим доказательством в пользу того же довода служил инспекторский пост Прокопия Недялкова. Помощник Подгорова, будучи инспектором, имел возможность разъезжать по всей стране, встречаться с кем и когда угодно, а значит, имел возможность получать и передавать любую информацию и документы. Зачем полагаться на рискованную радиосвязь, если есть такие удобные связные?

Отсюда Аввакум вполне логично сделал весьма важный вывод — Светозар Подгоров поддерживает письменную связь со своими заграничными хозяевами.

Из поездки Прокопия Недялкова в район Триграда следовал другой, не менее важный вывод, что его там ждет агент с какой-то передачей. Прокопий Недялков спешил приехать пораньше, к началу дня. Это значило, что передача уже доставлена накануне вечером или же ночью.

Надо было успеть перехватить эту передачу.

Стараясь ступать бесшумно, Аввакум вышел на южный край поляны и стал внимательно осматривать землю. Но земля была засыпана толстым, как тюфяк, многолетним

слоем опавшей хвои. Следов не было видно, но Аввакум заметил, что местами хвоя придавлена, перепревшие иглы надломлены и свалились. Опустившись на колени, он сантиметр за сантиметром продвигался вперед от следа к следу.

Так он подошел к обгоревшей сосне.

Даже неопытный глаз заметил бы, что хвоя вокруг ствола плотно утоптана. Аввакум несколько секунд стоял, оглядывая подножие и ствол сосны. Не было никаких вмятин ни под ногами, ни на стволе. Вдруг Аввакум улыбнулся: на обгорелой верхушке дерева, валявшейся рядом с торчащим остатком ствола, меж засохших ветвей выделялся своим оттенком более гладкий участок коры. Очевидно, к этому месту прикасались руки. Обхватив верхушку дерева обеими руками, Аввакум сдвинул ее в сторону.

Меж корней обнажилось небольшое углубление, присыпанное хвоей, но в нем ничего не было. Аввакум закусил губу – было ясно, что кто-то успел опередить его.

Теперь этот «кто-то» спешит в Тешел к Прокопию Недялкову. А быть может, они уже встретились и синяя «волга» мчится обратно в Софию. Возможно и третье: Прокопий Недялков спокойно завтракает в какой-нибудь корчме, а его посыльный направляется в Девин и следы его теряются.

Аввакум горько усмехнулся – счастье, видимо, изменило ему: «Груши опоздал на полчаса, и Наполеон проиграл битву при Ватерлоо», – вспомнил он, как обычно в такие минуты, но ему было не до смеха.

Сидя на поваленной верхушке дерева и глядя маши-

нально на углубление меж корневищ, Аввакум обратил внимание на лежащую рядом почерневшую сосновую шишку. Конечно, шишка не с неба свалилась.

Кровь снова застучала у него в висках. Разумеется, шишка положена как условный знак, у которого могут быть только два значения: либо «я взял», либо «ищи».

Аввакум погрузил руку в хвою почти до запястья и вытащил сложенный пополам листок, отбежал в кусты и, бросившись на землю меж деревьев, положил его перед собой, затем вынул записную книжку и карандаш. Как он и предвидел, перед ним оказался образец примитивного шифра с заменой букв. Вспомнив ключевое слово «Вазови» с тридцать пятой страницы спрятанного в стене экземпляра «Под игом», он моментально набросал на листке ключевую схему:

		1	3	5	7	9	0
1	0	В	А	З	О	В	И
3	2	Б	Г	Д	Е	Ж	К
5	4	Л	М	Н	П	Р	С
7	6	Т	У	Ф	Х	Ц	Ч
9	8	Ш	Щ	Ь	Э	Ю	Я

Колонки из двух цифр гласили:

«Прекратите временно распространение заразы, прервите связь с Ракипом. Никаких встреч. Уничтожьте все следы. Ждите указаний из Пловдива. Эль Тепе».

«Почуяли опасность», – усмехнулся про себя Аввакум.

Теперь перед ним возникла новая задача, которая кроется за словом «Пловдив». Вырвав еще страничку из записной книжки, он, глядя на схему, зашифровал цифровыми колонками такое сообщение:

«Провал из-за случая „В“. Нам сообщили, что милиция гонится за вами. Категорический приказ – переходите границу. Возьмите с собой остатки культуры бацилл и немедленно вылетайте в Пловдив. Любой ценой привезите туда И. В Тешеле у моста вас будет ждать горбун. Пароль: „Знаете ли вы дорогу на Видлу? – Знаю дорогу в Кестен“. Безоговорочно исполняйте указания. Эль Тене».

Сложив листок так, чтобы он не отличался от прежнего, он бережно спрятал его в углублении под обгорелой верхушкой сосны.

Седьмой час был на исходе. С помрачневшего неба посыпал мелкий дождь. Аввакум еще раз обогнул поляну и подошел к Ахмеду.

– Ахмед, – сказал он, глядя парню в глаза, – сможешь ли ты сделать одно очень важное дело?

Парень усмехнулся и пожал плечами.

– Спрячься где-нибудь поблизости, но так, чтоб и птицы не заметили тебя. Не спускай глаз с обгоревшей сосны. Меня очень интересует, придет ли кто-нибудь сюда и будет ли шарить под сосной.

– Только и всего?

– Только и всего, – ответил Аввакум.

– И если придет, не трогать его? – озадаченно спросил Ахмед, берясь за рукоятку кинжала.

– Он не должен заметить ни твоей тени, ни дыхания. Не должен видеть и следов. Ты понял меня, Ахмед? – строго спросил Аввакум.

– Понял, – со вздохом подтвердил Ахмед.

– Превратись в слух и зрение, – продолжал Аввакум и прислушался. Где-то в зарослях прокричала птица, и тишина стала еще более гнетущей. – Буду ждать тебя в твоём доме. Дай мне ключ.

Аввакум разулся, взял ботинки в руку, и через несколько секунд его высокая, чуть сутуловатая фигура исчезла в лесном сумраке.

Часа через полтора скрипнула калитка. Аввакум поднялся с топчана. Глаза Ахмеда горели, как у волка, ноздри раздувались от быстрого бега. Он зачерпнул тыквенным ковшиком воды из котелка и с жадностью отпил несколько глотков. Утерев губы ладонью, он покачал головой.

– Колибарица, – сказал он, присев на трехногую табуретку у очага. – Жена Ракипа. Пришла с телкой и прямиком к сосне, той самой, обгорелой. Присела возле дерева и сует что-то за пазуху. Можно было бы узнать что, но вы наказали только посматривать, и я стерпел. Уж очень чесались руки... Когда я спустился в село, отец отвел меня за дом и говорит: «Беги, скажи гостю, что Колибарица встретилась с мужем на дороге в Видлу и что Ракип, чтоб его змея удушила, пустился бегом через луг, вышел на гешелскую дорогу, подошел к синенькому автомобилю и разговаривал с его хозяином. После этого автомобиль уехал, а Ракип полез в воду ловить рыбу». Отец сказал, что Ракипа видел

мальчишка Халила Алитева. Мальчишка забрался в пещеру над дорогой; оттуда все хорошо видно. И еще он сказал, чтобы я смотрел в оба и держал язык за зубами, не то не сносить мне головы, если что случится с нашим гостем. А я сказал, что тоже не лыком шит и не в первый раз занимаюсь таким делом.

Аввакум поднялся с топчана и потянулся.

– Ахмед, – сказал он, – не мог бы ты затопить очаг?

Когда хворост разгорелся, Аввакум вынул из чемодана передатчик, поставил его на топчан и, подсев к огню, быстро составил шифрограмму в управление. Минут через двадцать он уже передавал: «Синяя „волга“ возвращается в Софию. Обеспечьте ей спокойный проезд. Не задерживайте на дороге. Наведите Ирину Теофилову и Подгорова на мысль о том, что за ними следят. Ожидайте прибытия инспектора и не спускайте с него глаз. После того как он встретится с Ириной и Подгоровым, арестуйте его. Лейтенант Марков должен занять место в самолете, на котором Ирина с Подгоровым вылетят в Пловдив, а также вести наблюдение за ними по дороге к городу. Владельца машины, который доставит их в Тешел, арестовать. Если и владелец последует за ними дальше, то арестовать его на обратном пути. Теофиловой и Подгорову не чинить никаких препятствий в пути».

Отстучав «конец», он долго сидел у передатчика, понутив голову. Ахмед стоял у двери, вытянувшись в струнку, словно новобранец. Аввакум улыбнулся ему, спрятал передатчик в чемодан и взглянул на часы – было около девяти. «Еще успеют на последний самолет», – подумал он, устало зевая.

– Ахмед, – сказал Аввакум, – подбрось дров в очаг и быстро отправляйся в село. Найди человека, который привел меня сюда, и скажи ему, чтобы сейчас же арестовал Ракипа Колибарова, но жену его чтобы никто не беспокоил. Запомнил?

– Запомнил, – ответил, улыбаясь, Ахмед.

– Слушай дальше! – продолжал Аввакум, потирая лоб. – Скажи тому человеку, чтобы приготовил мне телегу с парой лошадей. Пусть положит в нее сена и два одеяла. К девяти часам он должен выехать на тешелскую дорогу и там дожидаться. Ты придешь сюда на полчаса раньше, и мы с тобой пойдем к нему.

Аввакум протянул руки к огню и замолчал.

– Наверху на полке есть хлеб и брынза, – смущенно сказал Ахмед.

– Большое спасибо, – сказал, рассмеявшись, Аввакум и прислушался. В трубе завывал ветер, несколько капель дождя прошипели, упав в огонь.

16

Аввакум набил трубку, прислонился к теплой стенке очага и прикрыл глаза. Все неизвестные в уравнении были определены, оставалось только записать ответ. Но это была уже чисто механическая работа и над ней не стоило ломать голову.

Были ли случайные моменты в этой сложной игре? Находка тайника под обгоревшей сосной на первый взгляд выглядела счастливой случайностью, но о какой случайности может идти речь, если он еще в Софии знал, что

около Триграда непременно должна быть явка, тайник, откуда резиденты получают приказы заграничного центра и сами отсылают сообщения за границу?

Жизненный опыт научил его, что целенаправленный поиск быстро увенчивается успехом, потому что всегда и всюду на подмогу идут десятки добровольцев вроде Ахмеда. Имея под руками такие «глаза» и «уши», не трудно открыть самый хитрый тайник.

Конечно, и речи не могло быть о «счастливой» случайности. Может быть, ему повезло с разоблачением Светозара Подгорова? Но, не будь Подгорова, другой возник бы на его месте. И этот «другой», так же как и Светозар Подгоров, кружился бы по орбите вокруг Ирины.

Механика шпионажа имеет свои неумолимые «законы тяготения», и Аввакуму они были хорошо известны. Достаточно открыть одну из «планет» системы, как в ее поле тяготения немедленно и неизбежно обнаруживаются другие тела.

Аввакум выбил из трубки пепел и усмехнулся. Здесь, как и в момчиловском деле, он не надеялся на случайности. В обоих случаях преступники широко пользовались шантажом, чтобы подчинить себе других. Боян Ичеренский держал в своих руках Кузмана Христофорова, зная о его неблаговидной деятельности за границей. Светозару Подгорову удалось завлечь в свои сети Ирину потому, что иностранная разведка снабдила его одним обличительным документом.

Аввакум вынул из бумажника небольшой снимок, обнаруженный в тайнике Подгорова, и долго смотрел на него. Виднелась кормовая часть верхней палубы небольшого

речного парохода. На диванчике возле каюты развалился молодой офицер-эсэсовец. У него на коленях сидела девушка в летнем платье, с цветком на груди. Ее правая рука была небрежно опущена, а левой она грациозно обнимала офицера. Девушка улыбалась и выглядела очень счастливой.

То была Ирина Теофилова.

На обороте фотокарточки была надпись: «Вена, апрель 1944 г.».

Аввакум знал, что отец Ирины служил механиком дунайского торгового флота и пользовался репутацией честного человека. Каким образом его дочь угодила на колени эсэсовскому офицеру?

Впрочем, это было не так интересно. Важно было то, что этот снимок попал в руки Светозару Подгорову и он хорошо воспользовался им как обличительным документом.

Аввакум спрятал фотографию и снова набил трубку. Ветер тихо завывал в трубе, огонь догорал, а в окна стучали редкие капли дождя.

Я не буду подробно описывать заключительную сцену этой сложной драмы. Как-никак я ветеринарный врач и не люблю трагических сцен. Но мне хочется, хотя бы мимоходом, упомянуть о двух интересных эпизодах.

Когда совсем стемнело и Ахмед зашел в дом, где его ждал Аввакум, перед ним стоял горбун с лохматыми усами и козлиной бородой. Горбун был очень похож на умершего муллу и бедный Ахмед вытаращил глаза и замер от ужаса, приняв его за привидение. Однако Ахмед был не из роб-

кого десятка; поборов страх, он тут же выхватил кинжал и с волчьим рычанием набросился на незваного гостя. Но тот ловко вывернул ему руку и кинжал упал на пол. Горбун хохотал во все горло...

Аввакуму пришлось дважды снимать бороду и усы, чтобы успокоить недоверчивого Ахмеда.

Когда они добрались до Даудовой кошары, была уже ночь. Светозар Подгоров легко спрыгнул с телеги, но Ирина пошатнулась и Аввакуму пришлось придержать ее за талию. Войдя в кошару, Аввакум сказал условную фразу: «Ахмед, зажги огонь!» Ахмед чиркнул спичкой и дрожащей рукой зажег фонарь. И тогда гости увидели, что они не одни в кошаре. «Землемеры» стояли по обеим сторонам двери с пистолетами в руках, а их начальник, мрачно улыбаясь, держал в руках две пары блестящих наручников.

Светозар Подгоров мгновенно сунул руку в правый карман плаща, но Аввакум ударом в затылок сбил его с ног. Подгорова связали и оставили в покое.

Ирина вдруг снова пошатнулась. Плечи ее дрожали как в лихорадке, лицо пожелтело, как у мертвеца, в уголках губ выступила пена. Упав на колени, она протянула руки к Аввакуму. И он почему-то тоже опустился на колени рядом с ней, а она, взяв его за руку, приникла губами к большому серебряному перстню, в который была врезана римская монета с изображением богини Дианы.

Она узнала этот перстень еще в тот момент, когда Аввакум помотал ей садиться в телегу. Догадавшись, что игра проиграна, она, лежа под одеялом, приняла какой-то сильный яд.

Аввакум понял, что догорают ее последние минуты. Он приподнял ее поникшую голову и громко спросил:

– Чем ты замаскировала цианистый калий? Яд в стакане с чем смешала?

Она попыталась улыбнуться, но судорожно скривила рот. Чуть слышно она прошептала:

– Лимонадная таблетка... за один лев.

Он опустил ее на глиняный пол и долго держал за руки, пока в ней не угасла последняя искорка жизни.

Вскоре после этих событий я как-то спросил Аввакума:

– Ну а все-таки, почему она отравила Венцеслава? Почему Венцеслав не догадывался, что портит вакцину, держа ее на свету и при двадцати шести градусах? И что за личность Светозар Подгоров?

На лице Аввакума появилась невеселая улыбка. Он закурил сигарету, глубоко затянулся и пожал плечами.

– В конце августа 1944 года Светозар Подгоров, фармацевт центральной русенской аптеки, вместе с двумя молодыми рабочими пристани принимал участие в потоплении немецкой баржи. Немецкая комен датура приговорила всех троих к смерти, но Светозар Подгоров чудом ускользнул из-под ареста. Потопление баржи подстроило гестапо, чтобы создать ореол героизма вокруг имени своего секретного сотрудника. Западная разведка, захватив как трофеем агентуру Канариса, долгое время держала этого героя гестапо на «консервации». Хитрый и беспринципный, Светозар Подгоров сделал хорошую карьеру, но вот пришел и его час. Ему было приказано распространить ящур в пограничном Триградском районе. Тогда он под видом командировки отзывает в Софию местного ветери-

нарного врача Анастасия Букова и в то же время через Прокопия Недялкова и Ирину Теофилову пересылает культуру бацилл Ракипу Колибарову. К Недялкову Подгоров питал абсолютное доверие, но в Ирине он сомневался. Он установил за ней слежку начиная с момента, когда приказал ей отравить Венцеслава, и до ее последней прогулки со мной к источнику в Йорданкино.

Венцеслав был отравлен по приказу Подгорова.

Утром двадцать седьмого августа после разговора с полковником Мановым начальник Центрального управления по борьбе с эпизоотиями почувствовал, что его окончательно приперли к стене. Со слов полковника он понял: Госбезопасности кое-что известно о «необъяснимой» слабости противоящурной вакцины. Он знал, что неминуемо начнется следствие и первым делом возьмутся за Венцеслава. Венцеслав же будет твердить «Так мне было приказано» и тогда весь клубок распутается до конца. Но покончивший с собой Венцеслав разделит всю вину лишь с мнимым автором поддельного письма, то есть, со своим непосредственным начальником доктором Тошковым.

Аввакум снова улыбнулся невеселой улыбкой.

— На нашего общего приятеля свалилось столько дьявольски переплетенных случайностей, что, не будь того стакана и мокрого пятна на ковре... — Аввакум махнул рукой и умолк.

Немного погодя он снова заговорил:

— Несчастный Венцеслав был влюблен в Ирину, а влюбленные большей частью наивно и безмерно верят своей любимой. Я думаю, что Ирина, написав по приказу Подгорова фальшивое письмо, не пожалела сил и прочего,

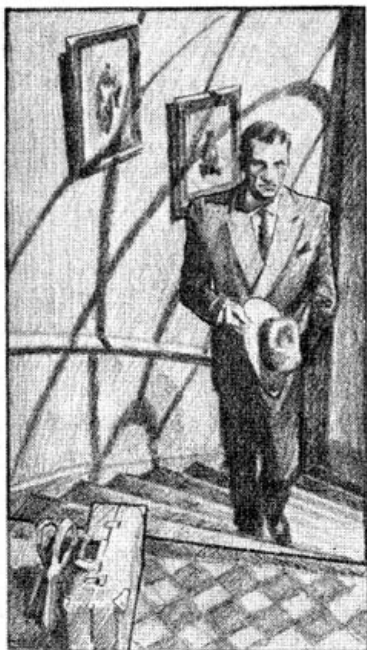
чтобы убедить Венцеслава в том, что он должен слепо исполнять все указания «сверху» и ни на миг не сомневаться в умственных способностях начальства.

Я не стал больше расспрашивать Аввакума. Я давно заметил, что, когда речь заходит об этой диверсии, Аввакум сразу мрачнеет, много курит и выглядит таким усталым и постаревшим.

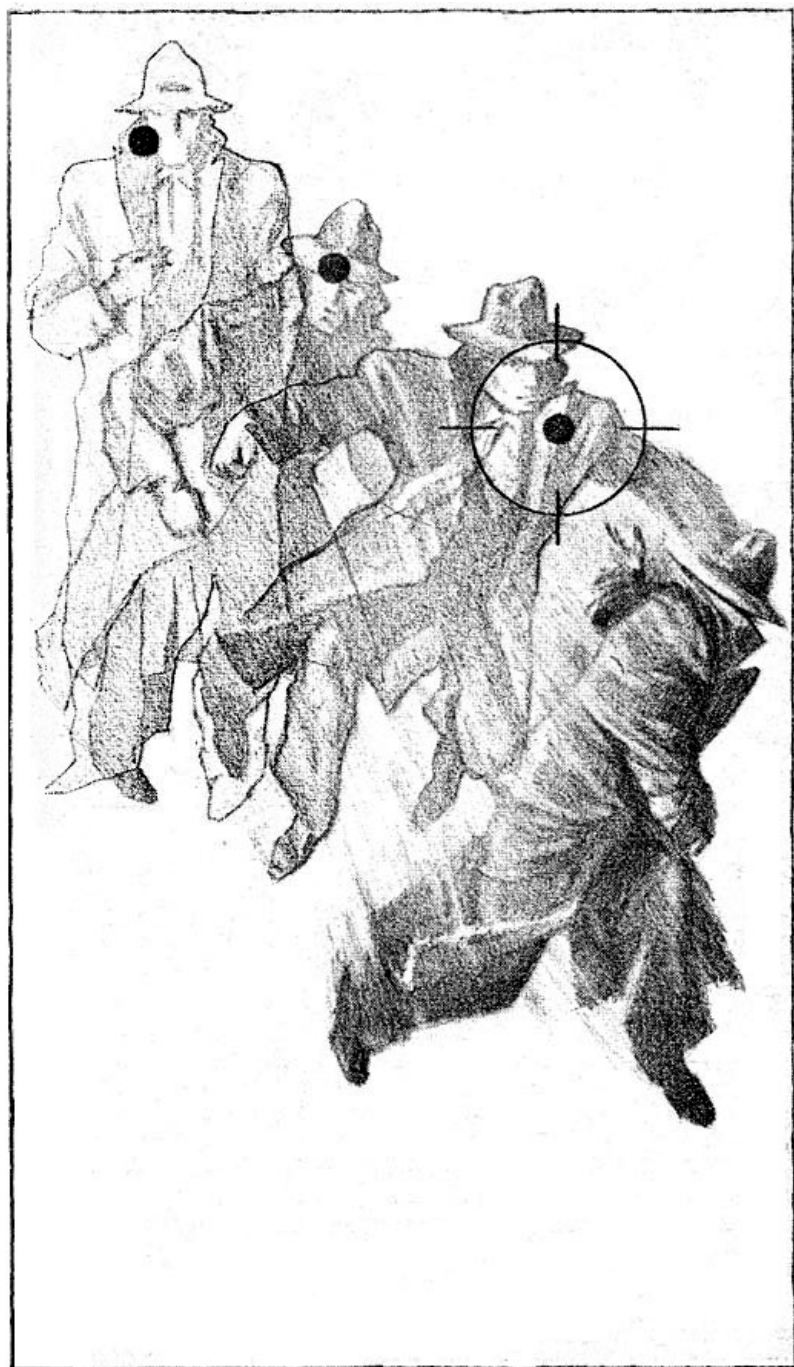
А я что вам сказать о себе? Я счастлив. В хорошую погоду брожу по лугам возле Видлы, изучаю подножное кормление скота и иногда подолгу разговариваю с Фатме.

Она по-прежнему носит свои пестрые бусы, и они очень ей к лицу. Я собираюсь подарить ей нитку жемчуга, но опасаясь, как бы она не рассердилась на меня.

А когда остаюсь один, часто думаю об Аввакуме.

ДОЖДЛИВОЙ ОСЕНЬЮ

1

Аввакум вернулся из Триграда совершенно разбитый – и физически и душевно. Участие Ирины Теофиловой в бактериологической диверсии и ее самоубийство, быстрое и своевременное распутывание хитро задуманных ходов Светозара Подгорова, чуть было не выскользнувшего у него из рук, крайнее физическое и нервное напряжение во время ночной погони, когда все было поставлено на карту, – такое испытание оказалось слишком тяжелым даже для его железной выносливости.

Но больше всего, разумеется, его угнетала вся эта странная история с Ириной Теофиловой. Он старался не думать об Ирине, хотя и понимал бессмысленность такой игры в прятки с самим собой и тщетность попыток вычеркнуть из памяти ее образ. Видно, ему суждено было еще долго переживать и помнить все, что было связано с этой женщиной – и любовь, из-за которой он, слепо доверившись чувству, отказался от присущей ему рассудительности; и свое упорство во имя фанатической верности истине, обрекавшее несчастную женщину на смерть, и свое двуличие и лукавство – облаченный в тогу академически бесстрастного ученого, он действовал, как палач. С чувством безнадежности и неотвратимости он снова и снова переживал и обдумывал минувшее. Ирины уже не существовало, она исчезла так же, как ушли в прошлое светлые, беззаботные дни их первых свиданий.

После того как был подписан акт о вскрытии тела,

Ирину похоронили на самом краю триградского кладбища. Аввакум медленно побрел по дороге, идущей в горы, которая начиналась от крайних домишек Триграда и терялась в густой чаще лиственного леса и молчаливого ельника. Он долго плутал по еле заметным козьим тропкам возле самой пограничной полосы, выслеживая и ловко обходя секретные посты пограничной охраны. На каждом шагу его подкарауливала пуля, но игра со смертью как будто бы отвлекала мысли и придавала силы измотанным нервам.

Увлеченный этой игрой, он не заметил, как пролетело время и заходящее солнце склонило свой заалевший диск к далекой голой вершине Карабаира. В глубоких ложбинах вечерний сумрак уже накладывал синь, а верхушки сосен, выстроившихся на высоких склонах, все еще блестели, словно золоченые. Невидимые летучие мыши пролетали над полянками, а разморенные дневным сном совы расправляли крылья и с любопытством озирались вокруг. Синие и розовые тени сплетались в кружевные узоры на узких лесных тропинках, редкие серебристые звезды удивленно поглядывали на землю, и над всем этим сиенующим царством гор разливалось море тишины и покоя.

За полдня Аввакум отшагал много километров, карабкаясь по горным склонам, продираясь сквозь чащу. Но именно сейчас, когда озаренные яркими красками заката горы раскрыли перед ним всю свою спокойную красоту, он почувствовал вдруг усталость – она наваливалась на мозг, словно ледяная глыба. Его охватило неодолимое желание броситься на землю, зарыться руками в прелую листву, ничего не видеть, ничего не слышать, не думать о том, что произошло в Даудовой кошаре, забыться в непробудном сне.

Как это было бы чудесно! Он уже предвкушал покой, ощущая всем телом влажную, мягкую грудь земли. Но рассудочное начало, которое в критические моменты жизни всегда брало в нем верх, с педантичной последовательностью уже отдавало отчет о возможных последствиях: и тяжелый сон, который намертво пригвоздит его к зарослям папоротника, и ночной обход и сторожевую собаку пограничников, которая непременно почует и обнаружит его. В лучшем случае эта история закончится на пограничной заставе, где дежурный старший лейтенант встретит его укоризненным и недоумевающим взглядом. Но был возможен и другой исход, зависевший от многих слепых и неприятных случайностей. Ночью нервы пограничника напряжены – ведь граница всего в сотне шагов – глядь, и нажал нечаянно на спуск! Аввакум презирал случайности, и возможность такого конца была совсем не в его вкусе.

Совсем другое дело – как вот сейчас – красться засветло вдоль пограничной полосы, высматривая и обходя секретные посты – вести игру со смертью как искусный противник, который умеет виртуозно наносить удары и ловко парировать их, имеет цель в жизни и знает, как бороться, чтобы достигнуть ее. Увлечшись опасной игрой, он шел навстречу смерти не как сентиментальный безвольный Вертер, а зорко всматриваясь и безошибочно выбирая и прокладывая себе путь. Стараясь бежать от самого себя он в то же время оберегал себя – в этом-то и состоял смысл его игры.

Но почему же он так поступал? Возможно, это просто инстинкт самосохранения, хотя Аввакум никогда не за-

думывался над тем, что составляет его сущность. Скорее всего, под личиной этого инстинкта крылись и его неумное вдохновение археолога-реставратора, воскрешающего погребенную красоту античных мозаик, амфор и гидрий; и неутолимая жажда открытий неутомимого исследователя и искателя истины: и глубокая, извечная страсть охотника, который гонится за опасным зверем, чтобы проверить свою храбрость. Все это существовало в нем, наполняло его и предьявляло свои права.

Поэтому холодный подсчет всех «за» и «против» взял верх над усталостью и Аввакум продолжил свой путь. Верхушки сосен утратили свое золотистое сияние. Померкло сплетение розовых и синих теней на горных склонах, исчезла лиловатая шелковистость неба. Мягкий сумрак опустился на землю.

Аввакум вернулся в Триград освеженный, пропахший смолистой сосной. Таким, во всяком случае, он показался Ахмеду, сыну Парута. Ахмед боготворил Аввакума, испытывал к нему, помимо безграничного удивления, чувство откровенного преклонения, граничащего с суеверным ужасом. Чувствуя во всем – в походке, в каждом движении, в непререкаемо уверенном голосе – силу Аввакума, он ни разу не посмел взглянуть ему в глаза. А если б и осмелился, то вряд ли разгадал бы, о чем говорят лихорадочные огоньки в глубине его расширенных зрачков, приняв его проявление мучительной душевной боли за выражение некой сверхъестественной силы, сжигающей ум.

Аввакум попрощался с Ахмедом и подарил ему на память свою зажигалку. Лейтенант Георгиев довез его на мотоцикле до Тешела. Всю дорогу Аввакум насвистывал

какую-то веселую песенку, и у лейтенанта осталось впечатление, что его седок – кипящий от избытка энергии баловень судьбы, рожденный под счастливой звездой.

Пересев на «газик». Аввакум выключил фары, плавно обогнул площадь и, к великому удивлению лейтенанта, вдруг резко свернул на дорогу к Доспату. Лейтенант знал, что Аввакум едет в Софию, и этот неожиданный поворот крайне озадачил его.

Он долго глядел вслед машине и, когда мерцающий красный огонек стоп-сигнала исчез во мраке, пожал плечами и усмехнулся с невольной завистью. Не каждому дозволено идти на такой риск.

А «газик», разрезая мрак и набрасывая на выбитую колею складчатые золотистые полосы, мчался в Момчилово. Время от времени на крутых поворотах мелькали дремлющие сосны и черные пихты, темнели глубокие лощины или же вдруг вспыхивали отраженным светом отлогие скалы, поросшие красноватым лишайником и мхом.

Час спустя «газик» уже несся через Луки. Селение казалось обезлюдевшим – оно спало крепким сном. На каменистых осыпях Змеицы, когда-то диких и жутких, горели электрические фонари, а у подножия холма, где стояли бараки горняков, сияло ослепительное зарево пятисотваттных ламп. Ничто уже не напоминало здесь прежней таинственной и зловещей Змеицы. Глядя на мигающие по осыпям огни, Аввакум вдруг подумал об учителе Методии и рассеянно улыбнулся. И он тут же вспомнил многое: дикую Змеицу, учителя с его причудливой судьбой, вдову лесничего, вязальщицу Марию. Учитель переехал в Смолян и теперь, наверное, нежно прижимает к себе Марию, которая наконец-то стала его женой.

Огни горняцкого поселка остались позади. «Газик» летел по проселку, выющемся меж лугами, прямо к не видимому в ночном мраке Карабаиру. Стрелка спидометра колыхалась уже за цифрой восемьдесят. Вот и Момчилово, спящее еще более непробудным сном, чем Луки, знакомая развилка между Верхней и Нижней слободой и угнездившаяся, как наседка, старая, сумрачная Илчова корчма. В какую-то секунду ему захотелось остановиться – с нею было связано так много ярких воспоминаний.

Но Илчова корчма и этот поздний час была темна и безжизненна, лишь на миг мелькнули перед ним ее стертые каменные ступени.

Погасив фары и сбавив газ, Аввакум бесшумно вырубивал в густом мраке по узким, кривым улочкам, безошибочно ведя машину почти вслепую. Потом затормозил и заглушил мотор.

Глаза еще ничего не различали, но он был уверен, что остановился в нужном месте. Некоторое время он просидел в машине, чтобы привыкнуть к темноте. Мрак как будто немного поредел и перед ним возник длинной тенью низкий колючий плетень.

Аввакум невольно усмехнулся – он не только нашел ограду, но остановился как раз у запомнившегося с прошлого года перелаза. Успех освежил его, как глоток крепкого старого вина.

В этом месте часть жердей повалилась в высокий бурьян, и перескочить через плетень не составляло труда. Отсчитав тридцать шагов от плетня, он вышел к знакомой суковатой сосне. Побеленные стены двухэтажного домика едва проглядывали в ночной тьме. На душе Аввакума было

спокойно, словно он после долгого пути вернулся в родной дом.

Он тихо постучал в окошко. Прислушался и снова постучал. Заметив, что изнутри отдергивают занавеску, он чиркнул спичкой и закурил, осветив лицо слабым желтым светом. Ему почудился возглас удивления. Аввакуму стало немного неловко, и он виновато улыбнулся.

А дальше все было так, как и бывает в подобных случаях. Необычное осталось позади, за порогом дома, а перед ним стояла в одной сорочке его бывшая хозяйка, от которой веяло здоровьем и теплом постели. Хотя все выглядело странно и появление Аввакума было неожиданным, Балабаница ничуть не смутилась. Она молча заперла за ним дверь на засов и не спеша тщательно задернула занавеску на окошке, не оставив ни щелочки. В комнате стало темно, как в преисподней, и Аввакум, стоя неподвижно у порога, лишь по легкому шарканью босых ног догадывался, куда движется Балабаница.

Он» зажгла керосиновую лампу над очагом, убавила фитиль, поставив стекло и повернулась к гостю. Только тогда он увидел, как широко открыты ее глаза, как испуганно и смущенно вздрагивают ее красиво очерченные губы. Увидел и ее широкие плечи, и голые колени, и выглядывавшие из-под выреза рубашки тугие груди. Но она не оробела под его взглядом, а старалась улыбнуться ему доброй, приветливой улыбкой.

Аввакум хорошо помнивший неопределенные отношения между ними, понял ее улыбку. Балабаница была удивлена и не знала, как встречать его – то ли как гостеприимной хозяйке, то ли как женщине, которая сама от-

крыто предлагала ему свою любовь. По всему было видно, что он пришел к ней как к женщине, но она все же боялась ошибиться – а вдруг он и на этот раз прикинется слепым?

Но на сей раз у него не было причин отворачиваться от нее. Ему была нужна ее любовь, ее первобытная жизненная сила, чтобы влить эту силу в свою душу. Он искал ее любви, любви, не приправленной сантиментами и романтикой, как усталый путник ищет крохотный ручеек, чтобы утолить жажду и с новыми силами шагать дальше. Вот почему он сразу же обнял ее и нетерпеливо потянулся к губам, хотя сознавал с горечью, что это вовсе не любовь.

Близилась полночь, пришла пора уходить, и Аввакум поднялся с постели. А она, положив ему руку на плечо и глядя с мольбой, тихо и робко спросила, неужели он действительно собрался уходить.

Аввакум молча кивнул.

После недолгого раздумья она согласилась, что ему не следует оставаться у нее, и сдержанно спросила, так ли он к ней равнодушен, что совсем не интересуется ее заботами, радостями и успехами.

Аввакум попытался уверить ее, что всегда интересовался ее жизнью и работой. Ему, например, хорошо известно, что она стала бригадиром на молочной ферме. Но голос его звучал вяло и неуверенно – он стыдился самого себя и старался не глядеть ей в глаза.

Она кротко улыбнулась, одернула сорочку и проворно поднялась с постели.

– Поторапливайся, – сказала она – скоро светать будет. Если еще раз поедешь через Момчилово, то не заходи ко мне.

Она обняла руками его шею и звонко поцеловала.

Когда он вышел из дома, три яркие звезды созвездия Орион уже сверкали высоко над головой. Дул ветер, и небо над Карабаиром было покрыто тучами. Все предвещало дождь.

Он осторожно, на самой малой скорости лавировал по кривым улочкам. Через несколько минут машина выехала на проселочную дорогу, ведущую в Доспат. Аввакум включил фары и вздохнул с облегчением – Момчилово осталось позади.

Машина неслась по проселку, подпрыгивая на ухабах и сердито ворча на разбитую колею. Дул встречный ветер. Вскоре по натянутому тенту застучали первые капли осеннего дождя.

2

Дело Ичеренского, а затем бактериологическая диверсия в Родобах принесли Аввакуму немалую славу. И, хотя слава эта не получила широкой огласки из-за особого характера деятельности Аввакума, она тем не менее легла тяжким бременем на его плечи, угрожая постоянной, растущей опасностью для самой его жизни. Еще не было точных данных, что иностранной разведке удалось раскрыть Аввакума, но некоторые перехваченные сообщения подсказывали, что за ним охотятся и что кольцо вокруг него медленно, но верно сжимается. Возникла необходимость прекратить на некоторое время его деятельность в органах госбезопасности, порвать связь с людьми, привлеченными к делу Ичеренского и к расследованию бак-

териологической диверсии в Родопах, и снова превратиться в реставратора археологических находок, в ученого, целиком поглощенного исследованием древностей. Окружив его подобным «мертвым пространством», органы госбезопасности до поры до времени решили держать в состоянии консервации своего лучшего оперативного сотрудника.

Закончив свой последний деловой разговор с полковником Мановым (они встретились «случайно» на «нейтральной» квартире), Аввакум отправился домой и, облачившись в свой длинный шелковый халат, стал рыться в вещах и бумагах, чтобы уничтожить все, имеющее хоть какое-нибудь отношение к его работе в контрразведке. Он пощадил только некоторые мелочи, с которыми никак не мог расстаться: коробочку с алюминиевым порошком, копировальную ленту, несколько пузырьков с растворителями, складную лупу и тюбик с гримом. Не смог он выбросить и столь ценные для него наборы отмычек для обыкновенных и американских замков – инструменты, которые он сам сделал в экспериментальной физической лаборатории института. Добравшись до серебряной чаши Ичеренского, Аввакум задумался. Этот незаурядный шпион заявил присутствовавшему при его казни прокурору, что дарит свою серебряную чашу Аввакуму, а геологический молоток – учителю Методию Парашкевову. Учитель с омерзением отказался от подарка, а Аввакум с большим удовольствием принял чашу. Она понравилась ему прежде всего как произведение искусства и как память о трудной победе над равным по силе противником.

Серебряная чаша навевает странные воспоминания,

какие-то видения из давних снов. Аввакум закуривает сигарету, задумчиво улыбается и долго расхаживает взад и вперед по приведенной в полный беспорядок комнате. Аввакуму очень хотелось оставить у себя чашу, которая так нравилась ему, но, перебрав в уме целый ворох доводов за и против, он в конце концов подумал так: «На кой черт Ичеренский завещал мне этот предмет? Боян Ичеренский был не сентиментальным и великодушным рыцарем, а хладнокровным, расчетливым убийцей, который, уничтожая жертву из засады, наслаждается собственной ловкостью и хитроумием. От такого человека не жди подарка от чистого сердца, этого он и при желании не сможет сделать, ибо нет у него чистого сердца. Еще менее вероятно, что Ичеренский за несколько минут до того, как получить пулю в лоб, проникся добротой и всепрощенчеством. Басни о милосердных злодеях и благородных проститутках – просто наивные и смешные выдумки. Ясно, что Ичеренский до последнего дыхания оставался верен себе. Изолированный в тюрьме и зорко охраняемый во время следствия, он был лишен возможности сообщить своим друзьям, кто такой Аввакум, как его опознать и где искать, предупредить их, чтобы они остерегались его и при первой же возможности уничтожили. Поэтому он еще при жизни позаботился оставить им свой посмертный след – серебряную чашу редкой работы. «Ищите серебряную чашу, и она наведет вас на того, кто одолел меня». Так ведь? «Мне не повезло в последней схватке, но пусть недолго ликует негодяй: я укажу вам на него даже из могилы». Такие мысли, вероятно, вертелись в голове у Ичеренского, когда он излагал прокурору свое последнее желание. А геологический

молоток был только маскировкой. Простодушный учитель Методий и на этот раз оказался в роли ширмы. Нельзя было отрицать, что Боян Ичеренский до конца действовал с артистической виртуозностью. По сравнению с ним Светозар Подгоров выглядел вульгарным ремесленником».

Так размышлял Аввакум, держа чашу в руках и машинально свинчивая и развинчивая обе ее части. Конечно, замысел Ичеренского пока не дал никаких практических результатов, потому что Аввакум засунул чашу на дно своего кованого сундучка тотчас же, как получил ее из рук полковника Манова на следующий день после казни Ичеренского. Ни прокурор, ни другие свидетели казни не знали, кто такой мнимый археолог, а имя, упомянутое Ичеренским, они слышали впервые. Он назвал некоего Ивана Стоянова, но лишь в одной Софии Иванов Стояновых несколько тысяч. Прокурор отправил чашу в следственный отдел. Здесь только главный следователь по делу Ичеренского знал, кто скрывается под банальным псевдонимом «Иван Стоянов».

Следователь переслал чашу полковнику Манову с просьбой вручить ее лично мнимому археологу.

Уложив бумаги и вещи в чемодан, он отнес его в прихожую и попросил хозяйку отдать человеку, которого он пришлет за ним. То немногое, что он оставил у себя, свободно разместилось в старинном дубовом сундучке, окованном железными полосами, с перламутровым солнышком на пожелтевшей крышке.

Прибрав в комнате и поставив сундучок на место, Аввакум почувствовал вдруг страшную пустоту и одиночество. Он набил трубку и стал перебирать свою библиотеку,

перелистывая старые журналы, разглядывая иллюстрации, словно разыскивая что-то. Вскоре он поймал себя на том, что ничего в сущности не ищет и что рытье в книгах — пустое и бесцельное занятие. Оставив книги в покое, он взял альбом и, усевшись поудобнее в глубоком кожаном кресле, с глубокомысленным видом принялся за рисование. Один за другим появлялись рисунки: сначала коринфская колонна, за ней фасад дома в стиле барокко, собака, ищущая след. Но колонна осталась без капители, фасад — без окон, а собака — без ног. За что бы он ни брался, все тут же валилось из рук, и на душе становилось тоскливо. Чувство одиночества разрасталось, и ему казалось, что оно, как ядовитый газ, постепенно пропитывает все его существо, что в нем самом и вокруг него расстилается пустыня — бескрайняя, душная, придавленная желтым маревом.

Он отложил альбом и карандаш и принялся расхаживать по комнате, закуривая то сигарету, то трубку. Во рту стало горько, а голова отяжелела. Он всячески пытался убедить себя, что настроение, которому он поддался, глупо, сентиментально и ему вовсе не к лицу, тем более что сам он всегда презирал сентиментальных людей, которые постоянно хнычут и сетуют на скуку и одиночество. «О каком одиночестве может идти речь, — убеждал он себя, — когда у меня столько друзей в институте? Разве не глупо жаловаться на скуку, если в реставраторской меня ждет так много интересной работы, если надо готовиться к новым раскопкам и писать книгу об античной мозаике, если в сборнике задач по высшей алгебре осталось еще столько нерешенного и, наконец, как ни странно, если еще осталось столько неразгаданных секретных замков, к которым пало

подобрать ключи; все это ждет моего ума и моих рук – да как я смею хныкать от скуки и жаловаться на одиночество?!»

Против таких доводов возразить, конечно, было нечего, и Аввакум был готов поднять руки и сдаться. Но капитуляция не всегда помогает побежденному. Пустыня в его душе ширилась и еще больше угнетала своей безграничной серостью.

Вдруг он вспомнил, что в шкафу стоит бутылка хорошего коньяка. В минуты усталости он подливал коньяку себе в чай – и только. Он никогда не испытывал влечения к алкоголю. Но теперь, вспомнив о бутылке, он так обрадовался, словно ему предстояло приятное свидание с женщиной или же чтение интересной книги, вызвавшей восхищенные отзывы серьезных читателей.

Лукаво улыбаясь, Аввакум с видом заговорщика направился к шкафу. Но ему не пришлось отвести душу и за коньяком. Не кто иной, как Слави Ковачев, его постоянный и незадачливый соперник, помешал времяпрепровождению, приятность которого он уже предвкушал.

Слави Ковачев, в темном «официальном» костюме, с крахмальным воротничком, выглядел слегка смущенным и расстроенным. Войдя, он тщательно вытер ноги – на улице шел дождь и, прежде чем усесться в кресло, не забыл расстегнуть две пуговицы своего двубортного пиджака.

– Чему я обязан такой чести? – спросил его Аввакум с кислой улыбкой. – Разве вы не знаете, что я временно «изъят из обращения» и поэтому не совсем уместно встречаться ее мной?

Слави Ковачев покраснел, посмотрел зачем-то себе под ноги, уныло улыбнулся и махнул рукой.

– Не тревожьтесь, – сказал он – Никто за мной не следил и не следит, ни единым глазом. Мне далеко до вашей славы, и я не представляю интереса для иностранной разведки. Я пришел, чтобы лично поздравить вас с недавним успехом. Я имею в виду историю с ящуром. Вы проявили большое чутье и мастерски нанесли удар.

– О господи! – Аввакум поморщился и развел руками. – Если вы думаете, что ваша высокая оценка доставляет мне удовольствие, то вы заблуждаетесь. Это все равно, что угощать непьющего дорогим вином. Жаль вина, не правда ли? Что же касается «чутья», о котором вы упомянули, то я, хотя и «изъят» временно из «обращения», все же позволю себе сделать вам серьезное замечание: забудьте эти глупости. Нет ни чутья, ни интуиции. Есть умение наблюдать и умение рассуждать. Если хотите, назовите это умение талантом – все равно. Но слово «чутье» исключите из своего лексикона – оно отдает мистицизмом.

Слави Ковачев с рассеянным видом пожал плечами. Ему не хотелось спорить.

– Конечно, – продолжал Аввакум, ощущая потребность в собеседнике, – недостаточно одного лишь умения наблюдать, разумно анализировать и обобщать. Спору нет, это основные средства при поисках истины. Но если мы ограничимся только ими, мы окажемся неисправимыми схематикам, будем лишь ходить вокруг да около – двигаться по орбите истины, а в саму истину едва ли проникнем. Вам ясно?

Слави Ковачеву далеко не все разглагольствования Аввакума казались ясными. Но боясь, что его примут за тугодума, он утвердительно кивнул головой.

– Необходима еще техника, информация и многое другое, – сказал он.

Аввакум пристально посмотрел на него и покачал головой. Огонек в его глазах погас, желание спорить пропало. Он снова почувствовал, что его охватывает отвратительное, болезненное чувство одиночества.

– А не выпить ли нам по рюмке коньяку? – предложил вдруг он. Они чокнулись. Аввакум одним духом опорожнил свою рюмку и налил еще по одной.

У Слави Ковачева словно прибавилось смелости.

– В сущности, я пришел к вам попрощаться, – заговорил он. – Завтра, можно сказать, – он театральным жестом взмахнул рукой, – я опускаю паруса и бросаю якорь в тихой заводи. Получил новое назначение – начальник районного управления милиции в городе Русе. Работа более ответственная, но куда тише и спокойнее, чем здесь.

– Да, – заметил Аввакум и замолчал. Новость не очень удивила его. – Вы сами хотели, чтобы вас переместили? – почти равнодушно спросил он.

– Сам, – подтвердил Слави Ковачев – Бактериологическая диверсия в Родопах заставила меня серьезно подумать о себе: нелегко пережить две неудачи подряд. За этот год я дважды дал маху. А наше дело не пустяковое. Ошибочная гипотеза может стоить жизни невинному и причинить страшный ущерб. Дрожь пробирает, как подумаю о Парашкеове и о Тешкове. Я, можно сказать, человек с железными нервами, но в последнее время просыпаюсь по ночам, таращу глаза в темноте и не могу заснуть. Кстати говоря, успехами по службе я вовсе не так уж обижен. Но теперь, похоже, настали другие времена, а я оказался не

подготовленным к переменам. Мне всегда везло, когда противник действовал дерзко, жестоко, но обыкновенно. Сколько разных типов, например, переходят границу и проникают в страну. Ну что ж! Я вынюхивал их явки, связи, устраивал засады. Бывала и стрельба и погоня, и риск был, подчас приходилось туго, но в большинстве случаев я справлялся с делом. Теперь же они действуют по-другому, исподтишка, в перчатках. Так скрыто и замаскированно действуют, что дух захватывает, как подумаешь. Будто в шахматы с нами играют. И горе тебе если ты окажешься малоопытным игроком! Я вполне согласен с вашим замечанием о чутье. Раньше, когда мы гонялись за ними по лесам, чутье играло большую роль. Пойдет негодяй по той или иной тропинке, осмелился ли спуститься с гор на явку – все это я в большинстве случаев чуял и долго не раздумывал. А теперь, чтобы разгадать их ход, придется решать математические задачи, и притом сложнейшего типа. Случай в Момчилове и диверсия с ящуром были задачами как раз такого рода. Я пытался их решить, работал на совесть, для меня это было делом чести, – но провалился. В обоих случаях оказался несостоятельным. Либо школа моя устарела, либо математический подход не по мне. Одно из двух. Но, во всяком случае, я сделал для себя правильный вывод. Вы как думаете?

Аввакум отпил из рюмки и пожал плечами.

– Я ничего не думаю, – сказал он. – Знаю только, что Русе – приятный город. Есть театр, опера, завод сельхозмашин. И судостроительный, если не ошибаюсь. За последнее время русенские футболисты стали делать явные успехи. А вы как считаете?

Слави Ковачев хотел было что-то сказать, но умолк и махнул рукой.

– Да! Я забыл еще про Мост дружбы, – улыбнувшись, заметил Аввакум.

Наступило молчание.

Слави Ковачев поднялся, прокашлялся и, покраснев от смущения, протянул Аввакуму небольшой сверток.

– Портативная кинокамера, – сказал с улыбкой Аввакум. – Конечно, ведь по форме она напоминает пистолет с барабаном. Это нетрудно определить даже сквозь газету. – Он взял сверток. – Зачем вы ее принесли?

– Дарю вам.

Аввакум нахмурился и положил аппарат на столик.

– Возьмите его, – сказал Слави Ковачев. – Я не испытываю никакого влечения к съемкам, уверяю вас. Этот аппарат мне привезли из Германии года два назад, и он так и лежит без пользы. А вам такая вещичка пригодится. Возьмите.

У Слави Ковачева даже выступила испарина на лбу. Он был очень самолюбив, и нерешительность Аввакума задела его за живое.

– Сегодня я в третий раз получаю «мат», – сказал Аввакум, пытаясь улыбнуться. – Прежде всего, я не ожидал, что вы все же поймете собственные слабости. Далее, мне никогда и в голову не приходило, что вы посетите мой дом. И, наконец, что именно вы осчастливите меня таким ценным подарком. Итого: три плохих отметки по психологии – предмету первостепенной важности в нашей профессии. Это очень серьезный пробел, и мне остается только утешаться поговоркой, что человек учится, пока жив.

Ему хотелось пошутить, сказать что-нибудь веселое, но, как назло, все шутливые слова и мысли словно выскочили из головы. Слави Ковачев вытянулся по-военному и подал руку.

– Будьте здоровы, дружище. Желаю радости и счастья!
– сказал с улыбкой Аввакум.

Проводив Слави Ковачева, он, не глядя, убрал кинокамеру в ящик стола, распахнул обе створки окна и высунился наружу. Монотонно и тихо моросил холодный дождь.

3

Прежде чем приступить к третьей главе моего рассказа, я хотел бы несколько слов посвятить самому Аввакуму – его привычкам, вкусам, образу жизни.

Что касается одежды – он всегда был элегантен. Но я сразу же должен оговориться, что его элегантность не бросалась в глаза, в ней не было ничего преднамеренного, никакого подчеркнутого следования моде. Он терпеть не мог пестро-крикливую одежду спортивного стиля, которой чрезмерно увлекается молодежь. Он предпочитал темные костюмы и белые рубашки с крахмальными воротничками и манжетами. Запонки в виде золотых розеток с выпуклой яшмой в середине были сделаны по заказу.

Даже в жару он не ходил в одной рубашке, не признавал он и джемперов, предпочитал им строгие жилеты, несмотря на их традиционность и старомодность. Традиционен и несколько старомоден был и покрой его костюмов – всегда свободных и умеренно официальных.

Высокий и еще более стройный в своих свободных,

подчеркнуто строгих костюмах, с седоватыми висками, он походил на пожилого холостяка, на мопассановских художников, переживших славу своей блестящей, безнадежно угасающей школы.

Из искусств Аввакум предпочитал изобразительное и хореографическое. Драматический театр и концерты он почти не посещал, но зато не пропускал ни одной выставки, будь то известный или начинающий художник. Его часто можно было застать в каком-нибудь углу картинной галереи, возвышающегося на целую голову над остальными посетителями и большей частью со скептическим или кислым выражением на лице. Археолог и реставратор по профессии, он имел дело с классикой, но вне своей мастерской всегда был ярким противником тех, кто грубо и механически копирует классические формы, не сообразуясь с ритмом и особенностями современной жизни. К попыткам бежать от реализма, примеры которых встречались на любой выставке, он относился критически. Но в то же время его раздражал и закоряченный реализм, чуждый поискам новых форм и цветовой выразительности.

Хорошие балетные премьеры были для него настоящим праздником. Наблюдать гармоничный ритм движений и отгадывать их психологический подтекст доставляло ему не меньшее удовольствие, чем решать труднейшие алгебраические задачи.

Он любил читать, но главным образом научную литературу – по археологии и истории.

Аввакум не ходил на спортивные состязания, но до тонкостей знал все спортивные новости.

Он не был скрягой, но и не сорил деньгами. Дружил с

художниками и археологами, иногда ночи напролет проводил в кругу друзей. Но более всего любил он бродить по улицам, разглядывать прохожих, фасады домов; по вечерам, закурив трубочку, расхаживать по комнате, а в холодную погоду, когда в камине горит огонь, – задумчиво глядеть на пламя, погрузившись в огромное кожаное кресло.

В тот год ранняя осень в Софии была чудесной – теплой и тихой. Над городом кротко сияло ясное лазурное небо. В Парке Свободы, в его рощицах и аллеях, золотистые краски долго сохраняли свой чистый блеск. Только после первых неожиданных ноябрьских заморозков золото померкло и мертвящие краски охры наложили свой тоскливый отпечаток на смиряющуюся со своей судьбой природу.

Вскоре ползущие с Дуная черные тучи перевалили через хребет Стара-Планины и, гонимые северным ветром, залили неудержимым потоком небесный простор над Софийской равниной. Стало мрачно и холодно; зарядили тихие, нудные дожди.

Аввакум запер мастерскую, надел свой длинный непромокаемый плащ и побрел по улицам. Дождь хлестал в лицо, не позволяя вглядываться в прохожих; прогулка утрачивала свой смысл.

Мысленно кляня дождь и мерзкое настроение, он машинально прочитал надпись на угловой табличке – улица Веслец. Где-то неподалеку жила официантка из рестораника в котором он угощал когда-то обедом добряка Анастасия.

Он подружился с ней еще в ту пору, когда Сия вышла замуж за его приятеля инженера с завода электрооборудо-

вания. Однажды Аввакум случайно столкнулся лицом к лицу с молодоженами, деваться было некуда, и все трое испытывали страшнейшую неловкость. Сия уставилась себе под ноги, инженер залепетал что-то невразумительное, принося извинения за то, что не пригласил Аввакума на свадьбу, а Аввакум натянуто улыбался и недоумевал – неужто он когда-то любил стоявшую перед ним пунцовую от смущения светловолосую куклу? Когда-то он целовал ее и она в долгу не оставалась, а супруг и не подозревал об этом – история, достойная сожаления и совсем не во вкусе Аввакума. Однако он первым вышел из положения и с присущей ему любезностью предложил выпить за здоровье новобрачных. Приглашение явно отдавало грубым злорадством, но растерявшиеся молодожены не нашлись, как отговориться.

Они зашли в ближайший ресторанчик. После первого же бокала вина Аввакум повеселел, а после второго вдруг заметил, как мила пухленькая курносая девушка, обслуживавшая их столик. Официантка улыбнулась Аввакуму, что очень не понравилось Сии. Глаза у нее сверкнули, и это очень понравилось Аввакуму. Инженер ничего не заметил – он любил хорошо поесть и увлекся закуской.

Затем пожелав по обычаю новобрачным счастья, Аввакум вышел проводить их. Сия обиженно повернулась к нему спиной, а супруг, расчувствовавшись с благодарностью пожал Аввакуму руку и даже лукаво подмигнул на прощание.

Когда молодожены ушли, Аввакум вернулся к столику, подозвал официантку, поболтал с ней о том, о сем, а вечером они вдвоем отправились в цирк. Сидя плечом к плечу

рядом с ней, он видел перед собой сверкнувшие глаза Сии. Вот что вспомнил Аввакум, раздумывая, стоит ли заглянуть в знакомую комнатку под крышей.

А дождь моросит по-прежнему.

Зачем подниматься на пятый этаж, если после на душе станет еще тоскливее?

Он повернул обратно. Остановится на минуту перед витриной книжного магазина, пробежал глазами по названиям. «В последнее время я стал мало читать» – упрекнул он себя. Аввакум зашел уже бы то в магазин, но вспомнив, что вся комната у него уже и так завалена книгами и если купить еще, то их придется складывать на пол или на стулья, он быстро вышел и направился к парку.

Привычка к ассоциативному мышлению постепенно подвела его к проблеме, которой он еще не занимался. Наконец-то ему удастся хоть чем-то занять свой ум, чем-то воодушевиться. Это было похоже на то, как еле заметное живительное дуновение южного ветра предвещает наступление весны.

Огромная энергия его ума, скованная бездействием и цепью личных разочарований, наконец нашла лазейку к свету.

4

Расставаясь с Аввакумом полковник Манов посоветовал ему перебраться на новую квартиру и деликатно намекнул что неплохо бы поселиться на тихой улице повыше этажом и чтобы окно выходило в достаточно просторный открытый двор. Конечно, полковник имел в виду удобства профессионального характера. На тихой улице легче за-

метить слежку и запомнить преследователя. В просторном и открытом дворе тайному наблюдателю труднее укрыться, тем более что окно позволяет занимать командную позицию. Полковник протянул Аввакуму сложенный листок с адресами. Аввакум, учтиво поблагодарив, положил листок в бумажник и заверил полковника, что за несколько дней справится с этим делом.

Но он был настолько утомлен и подавлен предшествовавшими событиями, что вопрос о переезде как-то испарился из его памяти. Теперь же когда он оказался перед витриной книжного магазина, вопрос этот вдруг всплыл в его сознании.

Зачем покупать книги, если из-за тесноты в комнате ими нельзя пользоваться? Полки были забиты ими до отказа. Книги громоздились стопками за шкафом, за креслом, под столом и под тахтой, на которой он спал. На полу и на стульях тоже лежали груды книг, причем в таком беспорядке, какого не увидишь в самом захудалом букинистическом магазине. Но это еще полбеды. Беда начиналась тогда, когда приходилось отыскивать нужную для работы книгу. Ее почему-то не оказывалось ни на столе, ни на полках. Она лежала, притаившись, в какой-нибудь из груд. Приходилось ползать на коленях, прыгать по комнате, перебирать десятки томов и томиков, чтобы откопать то, что требовалось. Во время этих долгих поисков желание работать по большей части пропадало. Он шел в ванную отмывать почерневшие от пыли руки. Но в маленькой кухоньке по дороге в ванную его всегда перехватывала своими разговорами хозяйка. Увидев Аввакума, старушка тотчас же ставила на спиртовку кофейник и торжественно

выносила коробку со старым домино. Чтобы не огорчать старую больную женщину, Аввакум садится напротив и со смиренной улыбкой отсчитывал себе семь косточек. Играл он всегда так, что в конце концов проигрывал. Вернувшись к себе в комнату, он обычно обнаруживал, что от желания работать не оставалось ничего.

В таком беспорядке и тесноте нельзя было браться за какую-либо работу. Эскизы и задачи по алгебре были только развлечением – рисовать и решать задачи можно даже с тетрадкой на коленях. Но пытаться написать на коленях труд, посвященный древним архитектурным памятникам и античным мозаикам, было не только наивно, но и смешно.

Именно тогда, когда его мысли вернулись к задуманной год назад книге, он в какой-то миг почувствовал давно не испытываемую радость. «Древние архитектурные памятники и античные мозаики» – вот она, прекрасная спасительная цель, которая может на несколько месяцев приковать к себе все его внимание, ибо потребует обширных исследований и огромного труда. Отчего бы не попытаться? Хотя бы только для того, чтобы стряхнуть с себя мерзкое чувство бесцельности? Да и к тому же у него созрели кое-какие свои идеи, и он давно горел желанием дать им жизнь.

Порыв радости всколыхнул все его существо. Словно благодатная влага, это радостное чувство оживило его душу, не оставив и следа от прежней пустоты.

Но прежде всего надо было подыскать подходящую квартиру.

На листке полковника Манова было записано два ад-

реса. На одном значилась улица Велико-Тырново, и Аввакум тотчас же зачеркнул его. Полковник, видимо, жил еще старыми представлениями о тишине софийских улиц. Улица Велико-Тырново действительно когда-то напоминала уединенную аллею, но Аввакум знал, что небольшие особняки в стиле барокко давно исчезли, что на их месте высятся многоэтажные современные дома, а по асфальту день и ночь снуют автомобили. С «детективной» точки зрения улица Велико-Тырново была неподходящей.

При этой мысли он невольно усмехнулся. Только что он, как ученый, строил планы насчет большого научного труда, и вдруг в последний момент «детективная» жилка взяла верх... Но он лишь махнул рукой и обратился ко второму адресу. Это была юго-восточная окраина города, неподалеку от Охотничьего парка. Аввакум вспомнил, что по соседству находится фанерная фабрика, а восточная сторона улицы граничит с сосновой рощей.

Он вышел из кондитерской, куда зашел, чтобы ознакомиться с адресами, застегнул плащ и быстро пересек скверик, направляясь к стоянке такси. Взяв машину, он уселся поудобнее на заднем сиденье и с удовольствием закурил.

Это был добротный двухэтажный дом, издали похожий на виллу. Стоял он в глубине небольшого, вымощенного каменными плитами двора. Возле дома росла высокая черешня, и ее ветви поднимались до веранды второго этажа.

В нижнем этаже проживала семья военного врача, вышедшего на пенсию. Он же был и управляющим этого дома, принадлежавшего городскому совету.

На второй этаж вела отдельная лестница. Там было две комнаты — одна просторная, видно, прежде служившая гостиной, и вторая продолговатая, поменьше. Обе комнаты опоясывала крытая веранда.

— А у вас есть право на две комнаты? — спросил его отставной врач. Он был толстяк, страдал одышкой и держал свою облысевшую массивную голову, слегка откинув назад, словно опасаясь чего-то.

— Есть, — ответил Аввакум и подумал: «Дальнозоркий — надевает очки, только когда пишет или читает». А вслух добавил: — Я научный работник — мне положен отдельный кабинет.

— Та-ак, — протянул толстяк. — Рад за вас. Мне очень приятно. А я специализировался по глазной хирургии в Вене. Вам нравится у нас?

Аввакум вышел на веранду. Из рощи доносился запах хвои и влажной земли. Раскисшая от дождей улица выглядела печальной, заброшенной.

Он повернулся к сопевшему за его спиной доктору и, утвердительно кивнув головой, сказал:

— Нравится. Место тихое, удобное для работы.

— Да, — вздохнул отставной врач. — Даже чересчур тихое. Человеку, который, как я, прослужил сорок лет в армии и свыкся с шумной казармой, это место кажется краем света, чуть ли не уголком обетованной земли.

Он запахнул свой потертый мундир без погон и покачал головой.

— Для старого человека, мой молодой друг, нет ничего неприятнее уединения. Кто говорит обратное, тот лжет. Такие глупости иногда болтают люди и помоложе, когда

толкуют о преждевременной старости. Я лично предпочел бы этой отвратительной тишине канонаду тяжелых гаубиц, уверяю вас. С удовольствием променял бы эту сосновую рощу со всем ее озоном на шумную и пыльную городскую площадь. Откровенно вам говорю...

— Вы, очевидно, пишете мемуары? — спросил Аввакум. Отставной врач смущенно улыбнулся, пожевал губами и провел ладонью по отвисшему подбородку.

— Я участвовал в двух войнах, молодой человек, пережил двух царей, одно регентство, видел, как безнадежно гибнет старый строй, и являюсь современником молодого, нового мира. Многое помню, воспоминаний уйма. А впрочем, как вы догадались, что я пишу мемуары?

— Сразу видно, — сказал Аввакум. Ему понравилась и улица и квартира; он не прочь был постоять еще на веранде и поболтать со стариком. — Сразу видно, — повторил он. — Для этого есть не только психологические предпосылки, но и красноречивые наглядные доказательства. Прежде всего у вас есть что вспомнить — вы многое видели и пережили. К тому же ваши воспоминания имеют главным образом общественный характер, потому что связаны с армией, с ее жизнью и интересными личностями, которые играли значительную роль в жизни страны. Итак, первая предпосылка для мемуаров налично. Вы энергичный человек, армейская служба приучила вас к деятельной жизни, не в вашем характере сидеть сложа руки. Вы не выносите праздности, скука и тишина вас пугают. Вот вторая предпосылка. Наконец, наглядные признаки систематического писания. Они весьма очевидны. Вы дальнзоркий, но часто надеваете очки. Это видно по глубокой и свежей вмятине на

переносице. Когда дальнозоркий пользуется очками? Вполне понятно: когда читает или пишет. Но когда человек только читает или листает журналы, он не пачкает пальцы чернилами. А у вас указательный и средний пальцы правой руки изрядно испачканы фиолетовыми чернилами. Более того – перед первым суставом среднего пальца ясно выделяется характерная ямка, сделанная простой ручкой от нажима указательным пальцем. Вы пишете простой ручкой и при этом торопливо, как большинство врачей. Могу вам еще сказать, что ваша ручка красного цвета. На сгибе между большим пальцем и ладонью, как видите, слабый отпечаток красной краски. Вы человек солидной комплекции, руки у вас при работе потеют. Пот разъедает и растворяет краску, а краска в свою очередь оставляет следы на коже. Так ведь, доктор? – Аввакум выпустил кольцо дыма и лукаво улыбнулся: – Я полагаю, что вы согласны со мной. А может, у вас есть возражения?

Старик стал рыться в карманах мундира, нашел очки и, водрузив их на свой широкий нос, с удивлением уставится на Аввакума.

– Вы довольно интересный индивидуум, – сказал он, пожевав губами. – У вас сильно развита зрительная память и врожденные математические способности. Из вас, знаете ли, мог бы выйти отличный артиллерист! Жаль, что у вас нет военного образования. А в бридж вы играете, молодой человек? Да? А в шахматы? Э, тогда я не дам вам скучать – обещаю. Не угодно ли сойти вниз и выпить чашку кофе?

Так Аввакум познакомился со Свинтилой Савовым, подполковником медицинской службы в отставке, съемщиком квартиры на первом этаже. Это был одинокий,

давно овдовевший старик. У него были женатые сыновья и замужние дочери, но они редко вспоминали о его существовании. Заботились о нем две женщины, абсолютные антиподы и по характеру и по возрасту: домашняя работница Йордана, старая дева лет шестидесяти, и внучатая племянница Виолетта, веселая и своенравная девушка, студентка первого курса Академии художеств.

Когда они сошли вниз, Йордана окинула Аввакума таким бесцеремонно критическим взглядом, будто только от нее одной зависело его дальнейшее пребывание в этом доме. Но, видимо, его добротный бежевый плащ и шляпа с широкими полями произвели на нее хорошее впечатление, потому что на ее птичьем лице появилась одобрительная улыбка. Она любезно поздоровалась с гостем, проворно повесила плащ и шляпу на бронзовый крюк старинной вешалки и пригласила в гостиную. Хозяин дома куда-то вышел, и Аввакум остался один.

Здесь все напоминало о давно ушедшем времени с его укладом, со славой, вкусами и о печальной, бедной старости, смиренно ожидающей своего неизбежного конца. Когда-то великолепный персидский ковер так вылинял, что узор еле различался. Красный плюш на креслах с вычурными спинками и подлокотниками с львиными головами протерся и лохматился до неприличия. Высокое старинное зеркало в багетовой раме, украшенной фигурками обнаженных женщин, потемнело. Гипс на нем местами потрескался и облупился, но женщины тем не менее выглядели веселыми и радостными, словно только что получили приглашение на новогодний бал во дворце. По углам стояли столики красного дерева с тонкими витыми нож-

ками украшенные резными фигурками, кружевными узорами и гирляндами, – буржуазно-мещанское рококо, порожденное безвкусицей разбогатевших выскочек начала века. Между двух окон эркера стоял небольшой комод золотистого цвета, уставленный фарфоровыми статуэтками, перламутровыми коробочками, серебряными пудреницами и доброй дюжиной фотографий. Среди этого сверкающего хаоса вздымались бронзовые часы без стрелок, с навсегда остановившимся маятником. По обеим сторонам маятника держали друг друга за руки фарфоровые юноша и девушка – вероятно, Павел и Виргиния или же Герман и Доротея. На голове у Виргинии-Доротеи красовался венок.

С фотографий глазели усатые мужчины в мундирах; пышнотелые женщины в кружевных блузках и сборчатых юбках до пят расточали из-под своих широкополых шляпок знойные взгляды. Этот старый мир, отдающий жизнерадостностью болгарской деревни, как-то не уживался и с будуарными миниатюрами, и с хрупкой фарфоровой Доротеей, и со всеми этими зализанными, простоватыми завитушками рококо. И уж совершенно чужеродным, словно прибежавшим из второй половины следующего века, выглядел снимок молодой девушки, такой свежий, будто был сделан всего несколько дней назад. У фотографии, как у незваного пришельца в отцветший мир прошлого века, даже не было постоянного места. Ее прислонили к портрету гвардейского офицера в высокой шапке. В сущности снимок не представлял собой ничего особенного – девушка в кокетливо сдвинутом набок берете, из-под которого выбивались пышные кудри, весело улыбалась кому-то, а может быть, просто оттого, что была в хорошем настрое-

нии. Маленький берет, прическа, выражение и черты лица – уже капризные и утратившие первобытную свежесть, присущую их названным сестрам в фижах и кружевах, – были вполне современными, городскими, недвусмысленно напоминали о сегодняшнем дне.

Девушку нельзя было назвать красавицей, но Аввакум долго не отводил глаз от снимка. Странные ассоциации неведомыми путями возникали, громоздились в его сознании, мгновенно исчезая, словно развеянные холодным ветром. Образ на фотографии растворялся и терялся то в каких-то цветущих кустах, освещенных ярким солнцем, то на поляне, пламенеющей от маков, то вдруг каким-то чудом превращался в звонкий и беззаботный девичий смех. Аввакум заметил, что вздернутый носик девушки похож на Сиин, что кудри у нее такие же, как у Ирины. Она была похожа и на Сию и на Ирину, но моложе их обеих, совсем юная девушка. А может быть, ему только так показалось, потому что, строго говоря, девушка на снимке не была похожа ни на Сию, ни на Ирину в отдельности. В конце концов, это была фотография незнакомой девушки, которой он, видимо, годился в отцы.

Он продолжал смотреть на снимок и отвел от него взгляд, только когда услышал шаги за спиной. Вошел подполковник, успевший переодеться в мундир поновее.

– Рассматриваю фотографии ваших близких, – сказал Аввакум с улыбкой. – Что и говорить – красивые и представительные господа!

Старик кивнул и лениво погладил подбородок.

– Да-а, – подтвердил он. – Когда-то люди умели показывать себя с лучшей стороны, красиво одевались, соблюдали

приятность в обращении. – Он подошел к комоду и облокотился на оставшийся незанятым уголок. – Посмотрите на эту роскошь, прошу вас! Какие изумительные талии, соблазнительные бюсты, поэтичные линии бедер! Просто дух захватывает, как представишь себе все это. Современные женщины выглядят просто жалкими по сравнению с этим великолепием, и вы, молодой человек, не пытайтесь спорить. У меня богатый житейский опыт, и я знаю, что говорю. Теперешняя женская мода обезличивает женщину. Посмотрите-ка, прежде было продумано, как подчеркнуть красивое, намекнуть на него. Возьмите, к примеру, длинные юбки. Знаете ли вы, как шуршат и играют складки на молодой, стройной женщине? А эти подчеркнуто удлиненные талии – ведь они отчетливее выделяют то, что выше них! Где вы теперь увидите такую прелесть? Современная мода, молодой человек, убивает по крайней мере половину того, что называется женственностью. Как жаль, что теперешние женщины совсем не понимают сего печального факта! Скажите мне откровенно, разве не радуется глаз и душу созерцание этого бывшего великолепия? Правда? Вот вам одно наглядное доказательство, прошу вас! Видите ту блондинку со страусовыми перьями? Насколько женственней, загадочней и более зрело выглядит она по сравнению с этой современной девчонкой, которая по-мальчишечьи нахлобучила набекрень берет. Им обеим по девятнадцать лет, но станете ли вы отрицать, что та, с перьями, больше похожа на женщину?

Та, что с перьями, – моя сестра, молодой человек, а девчонка – моя внучатая племянница, дочь сына моего брата. Сестра похожа на женщину, у которой уже было

несколько романов, а у этой девушки вид абитуриентки, только что выскочившей из гимназии. В действительности, молодой человек, это лишь внешнее различие, обязанное исключительно моде. Обе они ровесницы и обе одинаковые дурехи. Сестра в то время была помолвлена с вон тем усатым артиллерийским поручиком. Вскоре он стал ее мужем, а еще немного погодя его разорвало английским фугасом в излучине Черны. Девушка в этом году поступила в класс живописи Академии художеств и тотчас же обручилась. Позавчера представила мне своего красавчика – кинорежиссера. Как видите, молодой человек, между ними обеими можно поставить знак равенства, и если та, с перьями, выглядит более женственной, соблазнительной и во всех отношениях великолепной, то этим она обязана только чудесной прежней моде и доброму старому вкусу.

В это время Йордана подала на серебряном подносе коньяк и кофе. Аввакум провозгласил тост в честь доброго старого вкуса, и подполковник прослезился от гордости и умиления.

В гостиной было сумрачно и тихо. Каждый раз, когда разговорчивый подполковник умолкал, слышалось, как назойливо-нудно стучит по стеклам дождь. Приближалось время обеда, и Аввакум с искренним сожалением поднялся с места.

5

Следующие несколько дней Аввакум был всецело поглощен устройством на новом месте. С неподозреваемым у себя педантизмом, с увлечением и даже вдохновением он

обставил спальню, кабинет и подсобные помещения. С утра до вечера он перетаскивал и расставлял вещи, как будто всю жизнь только тем и занимался. Наконец к вечеру четвертого дня все как будто оказалось на своих местах. Аввакум подошел к старинному камину и поднес к растопке горящую спичку. Тяга жадно подхватила и раздула огонек, и в тот же миг холодная, сырая комната ожила. Бодро запорхало пламя, и на противоположной стене весело заиграли розоватые отблески.

Аввакум набил трубочку, устроился поудобнее у огня и вытянул ноги. Угасал серый дождливый день. Ветер тихо завывал в ветвях склонившегося у веранды дерева и время от времени швырял в стекла входной двери частые, стремительные капли дождя.

Последние несколько дней прошли в хлопотах незаметно, без каких-либо происшествий. Он покупал книжные шкафы и другую мебель, приводил в порядок книги.

Отставной подполковник в первый же день познакомил его с внучкой, но им удалось обменяться лишь несколькими словами во время этой случайной встречи во дворе.

— Вот она, моя девчушка! — сказал отставной подполковник и, напустив на себя шутливый тон, спросил, глядя свысока на девушку:

— Как тебя зовут, девочка?

— Ты меня спрашиваешь, дедушка? Меня зовут Виолетка, — ответила она притворно пискливым голоском.

— Куда идешь, Виолетка?

— В школу, дедушка.

— А эта рамка зачем тебе?

— Рисовать буду, дедушка.

– Так, так, – старик прокашлялся. – Познакомься с этим хорошим дяденькой. Он будет жить над нами.

– О, я очень рада. – Девушка улыбнулась и протянула руку. «Рука у нее маленькая, как у Сии», – подумал Аввакум и в свою очередь спросил:

– Кто вам преподает рисование?

Виолетта назвала имя профессора.

Аввакум поглядел ей в глаза. Чуть более секунды она выдержала его взгляд, а затем покраснела и отвела глаза.

– Даст вам жизни этот профессор, – сказал Аввакум. – Он большой педант и не выносит хитрецов.

Девушка пожала плечами и ничего не ответила.

Дождь усилился, и Аввакум поспешил в дом.

Раза два они встречались после этого, но у обоих находились срочные дела и им было не до разговоров.

А сейчас Аввакум сидел у огня, курил и лениво размышлял о своей будущей работе. Но ветер, поскуливавший за дверью, шорох дождя, потрескивание огня в камине рассеивали мысли и незаметно уносили в дрему. Уже стемнело, игривые отблески пламени покраснели и утихомирились, как вдруг за спиной зазвонил телефон, всполошив все вокруг.

Это был первый телефонный звонок в новой квартире.

Аввакум взял трубку и удивился, услышав мягкое сопрано Виолетты. Она спрашивала, нельзя ли зайти к нему на минуточку...

– Пожалуйста, – сухо ответил он. На другом конце провода не очень были огорчены лаконичным ответом, потому что в трубке прозвучало бодрое «благодарю».

Аввакум включил люстру, и в комнате стало сразу

как-то торжественно и светло. Услышав шаги на лестнице, он открыл дверь и со сдержанной любезностью пригласил девушку войти.

– Господи, сколько света! – воскликнула она, застыв в удивлении у порога. – Словно на электростанции! И у вас не болят глаза?

– Нет, не замечал, – сказал Аввакум. Она стояла на пороге и с любопытством оглядывалась вокруг.

– А я думала, что у вас мрачно и неприветливо. Оказывается, я заблуждалась, и притом жестоко.

Аввакум незаметно наблюдал за ней. «Как будто я тысячи раз видел ее раньше», – с удивлением подумал он.

– Почему вы решили, что у меня должно быть мрачно и неприветливо?

– Почему? – переспросила она, разглядывая книги на полках, и, не оборачиваясь, сказала: – Вы ведь производите впечатление мрачного человека. Разве вы этого не знаете? Стоит лишь поглядеть вам в глаза, и – вы извините – мороз дерет по коже. Честное слово!

– Значит, у меня плохие глаза, – усмехнулся Аввакум.

– Что вы! Я не сказала ничего подобного! – Она улыбкой взглянула на него через плечо и звонко рассмеялась. – Вот и обидела вас, а я ведь не хотела! Глаза у вас вовсе не плохие – наоборот. Если бы женщинам позволялось делать комплименты мужчинам, я бы сказала, что они красивые. Но что это за красота, боже мой!

– Какая же это красота? – поинтересовался Аввакум.

– Прямо скажу – неприятная. Вы сердитесь?

– Ничуть. Продолжайте!

– И книги у вас одна скучнее другой.

Она пожала плечами с притворно безнадежным видом и прискорбно вздохнула.

– По человеку и книги! – заметил Аввакум.

Она искоса поглядела на него, усмехнулась, но ничего не сказала.

– Вы как-то сказали, что я хитрая. Вы помните?

– Ну и что? – спросил Аввакум.

– Ничего. Увидели в первый раз и сразу – хитрая! Позвольте, а на каком основании?

– Вы и сейчас хитрите, – сказал Аввакум.

– Да что вы? – Она повернулась к нему, и на щеках у нее появился легкий румянец.

– Совершенно точно. Тогда вы обманули деда, сказав, что идете на занятия по рисованию. Не так ли? Но вы и не думали идти на занятия. На урок рисования не ходят с пустым подрамником.

Она стояла у камина, потупив глаза. Щеки у нее стали пунцовыми.

– У вас не было с собой и бумаги. Ничего, кроме пустого подрамника. Вот это я и называю хитростью и, мне кажется, не ошибаюсь. Может быть, у вас в тот день было свидание с женихом?

– Это мое личное дело, – тихо промолвила Виолетта.

«До чего же она похожа на Ирину, – мелькнуло в голове у Аввакума, – Ирину во время ее поездки в Вену».

– Да, – сказал Аввакум, и голос его на миг дрогнул. – Вы абсолютно правы, этот обман – ваше личное дело. – Он немного помолчал и, глядя ей в глаза, спокойно добавил. – Однако нам надо поспешить – внизу нас ждут.

Виолетта замерла, стоя у камина, и, побледнев, молча смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– В противном случае я предложил бы вам сесть, – продолжал Аввакум. – Внизу ваш жених ходит по гостинной, посматривает на часы, и нам не следует злоупотреблять его терпением.

– Господи! – тихо прошептала Виолетта и огляделась вокруг. – Уж не попала ли я в жилище колдуна?

От смущения она еще больше похорошела, и Аввакум залюбовался ею.

Он подошел к телефону и быстро набрал какой-то номер. В трубке откликнулся твердый мужской голос. Очевидно, голос был знакомым, потому что Аввакум довольно усмехнулся и кивнул головой.

– Асен, – сказал он, – прошу тебя, наберись еще минуту терпения. И не выходи из себя: ревность, говорят, большой порок.

Виолетта слушала, вытаращив глаза.

Аввакум положил трубку, извинился и скрылся в спальне. Немного погодя он вышел в темном костюме, с крахмальным воротничком. Поваяло легким, приятным одеколоном.

– Так и быть, – заговорил он, подойдя к ней, – расскажу вам эту историю. Года полтора назад, когда мы занимались раскопками на юго-востоке, режиссер кинохроники Асен Кантарджиев получил от меня в уплату за честно выигранное пари чудесную серебряную монету. Эту античную монету вы сейчас носите на цепочке. От вашего дедушки я узнал, что жених ваш кинорежиссер. Конечно, в кино есть и другие режиссеры, кроме Асена Кантарджиева. Но только невеста Асена Кантарджиева может носить на груди такую монету, не правда ли? Вот как я узнал имя вашего жениха.

– Но как вы узнали, что он здесь, внизу? – спросила Виолетта, прикрывая рукой серебряную монету.

– Очень просто! – рассмеялся Аввакум. – Ни одна девушка не оденется столь изысканно, если не ждет гостя. Вы, конечно, ждали жениха и поэтому надели его подарок – цепочку с монетой. Но его присутствие прежде всего заметно по этой маленькой метке. – Аввакум показал на крохотный розовый кружок у нее на шее. – Слабый, бледный след от вашей собственной помады. Он поцеловал вас в губы, а потом перенес отпечаток и на это место. Почему вы смутились? У вас вид оскорбленной гимназистки. Я вас обидел?

– О, – улыбнулась через силу Виолетта. – Тут-то вы промахнулись. – Она тряхнула головой. – До сих пор вы ни единым словом не задели меня. Мой жених целовал меня! На то он и жених, чтобы целовать! – Она звонко рассмеялась, но было видно, что ей не очень весело, и сказала: – Пора кончать разговоры – нас ждут.

– Смотрите, – сказал Аввакум, шутливо грозя ей пальцем, – в другой раз идите напрямик к цели, откровенно, без хитростей. Вы сразу могли бы сказать: «Пришел мой жених, он вас знает и хотел бы повидаться с вами!» А вы начали толковать про освещение, про обстановку, высказались о моих глазах, книгах и так далее. Это, конечно, мелкие хитрости. Но они вам не к лицу.

Она сделала несколько шагов к двери и вдруг резко обернулась.

– И опять вы промахнулись! Кое в чем вы действительно оказались проницательным. Даже чересчур! Но о некоторых вещах вы просто не имеете никакого понятия.

Извините, но подчас вы просто говорите наобум!.. Не могли бы вы одолжить мне носовой платок?

Аввакум протянул ей свой белый платочек, и она, не спеша и не смущаясь, стерла с шеи крохотный розовый кружочек. В плотно облегающей золотисто-желтой блузке из джерси она выглядела слишком женственной для своих девятнадцати лет.

Приятели, как и подобает сильным мужчинам, встретились со сдержанной сердечностью, обменявшись коротким рукопожатием с хрустом суставов и взаимным похлопыванием по плечу. Обеспокоенный этим шумом отставной подполковник выглянул с любопытством из кабинета, весело рассмеялся и дружески кивнул им головой.

– Если бы не эта цепочка с монетой, – сказал Асен, – ты бы вовек не догадался, что я здесь. Монета меня выдала, признайся!

– Только монета, – снисходительно согласился Аввакум, поглядев искоса на Виолетту. – Верно, кроме нее, никаких признаков твоего присутствия здесь не было. – Аввакум помолчал и, повернувшись к Асену, сказал, покачивая головой: – Во всяком случае, ты проиграл очко!

Асен был почти одного роста с Аввакумом, но держался прямее и поэтому казался более стройным. У него были вьющиеся волосы, широкий лоб, крупные чувственные губы и умные, временами искрящиеся глаза. Он был из тех мужчин, которые без особого труда одерживают победы над женщинами.

– Да, ты, несомненно, проиграл очко, – повторил Аввакум.

– Не спеши торжествовать, Цезарь! – надменно и с ехидцей воскликнул Асен. – Прошу вас, попытайтесь узнать, что это такое?

Он торжественно поднял над головой белоснежный платочек с бледно-розовым пятнышком в уголке.

Виолетта прижала руки к груди и попятилась от смущения.

– Конечно, это мой платок, – широко и добродушно улыбаясь, заявил Аввакум. – Ты, мошенник, только что вытащил его у меня из бокового кармана, когда, как Иуда, обнимал меня.

Оба громко расхохотались.

Но Асен вдруг соорудил мрачную физиономию и задумчиво процедил, разглядывая платочек:

– Я вижу тут какие-то подозрительные пятна. От чего бы это?

Аввакум протянул ему под нос ладонь. Большой и указательный пальцы у него были слегка испачканы чем-то красным.

– Я затачивал красный карандаш, когда твоя невеста зашла за мной, – сказал он. – Прежде чем поздороваться, пришлось вытереть руки. Тебя это удовлетворяет?

– Мы квиты, – заявил Асен, возвращая платок. – Ты помнишь, в прошлый раз ты проиграл очко? Теперь мы квиты.

Виолетта украдкой посмотрела на Аввакума. В ее взгляде сквозила признательность и нежность.

Года полтора назад Археологический институт вел крупные раскопки в окрестностях далекого фракийского селения у северных отрогов Родоп. В раскопках как руководитель сектора участвовал и Аввакум. Он рассчитывал на богатые находки бытовых предметов древних македонно-фракийцев и, опасаясь, что его каждую минуту могут отозвать в Софию на выполнение заданий госбезопасности, изо всех сил старался ускорить работы. И тут к ним притащилась, неизвестно по чьему указанию, съемочная группа кинохроники во главе с режиссером Асеном Кантарджиевым. Аввакум встретил незваных гостей довольно кисло. Он вообще не любил иметь дело с людьми, занимающимися всякого рода съемками. Стоило ему увидеть фотоаппарат или кинообъектив, как он тотчас закрывал лицо рукой, отворачивался в сторону или же становился спиной к обладателю аппарата. Эту антипатию усиливала и та суматоха, которую режиссер поднимал среди рабочих. Когда он наводил аппарат, все землекопы сразу же окаменевали, как статуи на бездарной картине, стараясь принять как можно более живописную позу, да еще анфас, поближе к объективу. Строгий ритм раскопок нарушался. Но это было лишь начало бедствия. Режиссер выбегал вперед и начинал каждому показывать, что делать, куда смотреть и как смотреть. Время летело, Аввакум курил сигарету за сигаретой, но сдерживался и терпел.

Со дня на день Аввакум все более мрачнел, глядя, как бестолково уходит время, зато режиссер, освоившись с

обстановкой, чувствовал себя день ото дня все свободнее. Веселый по натуре, Асен просто не знал, куда девать энергию. Узнав, что раскопки окончатся не раньше чем через неделю, и заготовив все необходимые вступительные кадры, он махнул рукой на съемки и решил, как говорили рабочие, «дать жизни». Он не делал ничего предосудительного, а попросту стал бездельничать и вести себя, как любой жизнерадостный человек, поневоле оставшийся без дела. Он слонялся около траншей, валялся в тени под кустами, купался в речке. В этом не было ничего плохого. Но вскоре он стал появляться с плоской фляжкой ракии в кармане куртки и, собрав вокруг себя рабочих, закончивших смену, угощал их, распевая с ними веселые народные песни, пока на западе не темнело лиловое небо и над равниной не опускалась тихая, теплая ночь. За два-три дня он стал любимцем всего лагеря. Он раздобыл игральные карты, какие-то бечевки, сосновые шишки и стал показывать изумленным зрителям самые невероятные фокусы. Успех был столь потрясающим, что к нему стали сбегаться и рабочие, занятые раскопками. Где бы он ни появлялся, за ним по пятам всегда тянулась вереница ротозеев. Одни робко, а другие настойчиво просили показать «что-нибудь занятное». Неодолимое влечение к необычайному разжигало любопытство даже у самых степенных мужчин.

Дисциплина среди рабочих стала хромать, и Аввакум рассердился не на шутку. Встретившись, будто ненароком, с режиссером, он сказал:

— Почему бы вам не прогуляться куда-нибудь подальше отсюда? Например, подышать день-другой горным воздухом?

– Знаете ли, – сказал режиссер с такой добродушной и милой улыбкой, словно Аввакум был его закадычным другом, – я много думал об этом. Горы с детства влекут меня своей прохладой и тенистыми лесами. Я очень вам признателен за вашу идею и с удовольствием убрался бы отсюда, если бы не боялся упустить кульминационный момент, когда вы наткнетесь на первый камень древнего поселения. Если я прозеваю этот момент, то придется распрощаться со службой, а такая злая мысль, я полагаю, не приходила вам в голову.

В отличие от большинства людей режиссер выдерживал взгляд Аввакума и даже более того – сам старался скрестить с ним взгляды. «Вот человек с крепкими нервами, который умеет прятаться за словами, как за цветной ширмой», – подумал Аввакум.

– У кого вы научились фокусам? – вдруг спросил он и пояснил с усмешкой: – Я имею в виду карты, бечевки и прочее.

Лишь тогда Асен слегка смутился и отвел глаза в сторону.

– У меня двоюродный брат иллюзионист, – ответил он. – Вы знаете факира Руми?

– Слышал о нем.

– Он мой двоюродный брат.

– Прогуляйтесь все же куда-нибудь на денек-другой, – тихо, но внушительно сказал Аввакум. – А о кульминационном моменте не тревожьтесь. Он наступит не раньше, как дня через три.

Было жарко и душно. Аввакум растянулся на густой траве.

– Три дня, вы говорите? – спросил Асен, ложась рядом.
– Чудесно! Мне кажется, я всю жизнь мечтал о свободных трех днях. Надо побродить где-нибудь, в этом нет никакого сомнения. Но посмотрите на небо – оно какое-то стеклянное! Разве не удивительно?

– Удивительно, как факир Руми оказался вашим двоюродным братом, – зевнув, сказал Аввакум и бросил взгляд на небо. – Факир Руми родом из Северо-Западной Болгарии, из-под Видина, а вы чистейший южанин. Я готов побиться об заклад, что вы из-под Пазарджика или Чирпана. И по внешности и по выговору вы истый южанин. Вы просто нестерпимо растягиваете гласные. Это вас сразу выдает. Кроме того, жители северо-запада большей частью светлые или белолицые шатены. У вас же шевелюра цвета первосортной смолы, а лицо смуглое. Даже руки у вас смуглые, как у каменщика, хотя по форме тонкие, как у артиста. Итак, факир Руми, к вашему сведению, никакой вам не двоюродный брат.

Асен выплюнул травинку, которую жевал, и глубоко вздохнул.

– Похоже на то, – сказал он. – Но если б он и был моим кузеном, я б отрекся от него – так вески ваши доказательства. Я употребил слова «двоюродный брат» в переносном смысле. Руми умный парень, и мы с ним старые приятели.

– Этот «парень» по крайней мере лет на двадцать старше вас, – возразил Аввакум.

– Вот поэтому я и учусь у него!

Аввакум помолчал.

– А ведь вы начинаете мне нравиться, – сказал он.

– Весьма тронут, – ответил с улыбкой Асен. Он вынул

записную книжку и перелистал несколько страничек. – Я очень ценю знакомство с такими людьми, как вы. Готов поклясться, что еще с детства испытывал самое искреннее уважение к ученым. В этой книжке у меня адреса около двух десятков видных ученых, с которыми я лично знаком. Не одолжите ли мне вашу ручку, чтобы записать и ваш адрес?

– Не трудитесь, – сказал Аввакум. – У меня нет ничего общего с видными учеными.

– Ну и что же, – настаивал Асен. – На память.

Аввакум потянулся за ручкой, но впервые в жизни не нашел ее на обычном месте. Он удивленно пожал плечами и начал торопливо рыться по другим карманам.

– Не трудитесь, – сказал Асен. – Вот ваша ручка. Она самая? – Он рассмеялся, весело и добродушно.

Конечно, это была ручка Аввакума. Аввакум почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, а затем его пробрала дрожь. Небесная синь, трава, прозрачный воздух – все сразу поблекло. Стиснув зубы, он смотрел перед собой, не вымолвив ни слова. Помолчав некоторое время, он усмехнулся и протянул Асену руку.

– Чистая работа, – сказал он, – поздравляю вас.

Асен пожал руку и плутовато кивнул головой.

– Теперь мы квиты, – сказал он. – Вы поймали меня на двоюродном брате, неплохо прошлись насчет фокусов. А я отплатил вам ручкой. Мы в расчете, не так ли?

– Пока да, – ответил Аввакум.

– О, вы как будто намереваетесь продолжить игру? – удивился Асен.

– Почему бы и нет? – спросил Аввакум. – Это инте-

ресно. Кроме того, равный счет меня не устраивает. Ничья не в моем вкусе... А вы все таки прогуляйтесь немного по окрестностям, – добавил он.

– Непременно прогуляюсь, – согласился Асен.

Так завершилась их первая стычка.

Пока Асен собирался в дорогу, с юго-запада надвинулись тучи и небо потемнело. Лохматая белесая мгла затянула горы, горизонт потонул во мраке. Пошел тихий, долгий весенний дождь. Земля около траншей размякла и превратилась в лужи жидкой грязи. В двух палатках открылась течь, а о кострах не могло быть и речи – ветер и дождь делали свое дело. Поэтому к вечеру все люди, кроме кладовщика, бай Ставри, взвалив на плечи пожитки, быстрым шагом направились к ближнему селению Славовцы, расположенному у подножия гор, в двух километрах от лагеря. Для археологов и троих кинематографистов крестьяне постелили тюфяки в библиотеке читалишта¹¹, а рабочих устроили в школьном зале. Больше всех был тронут заботой и вниманием славовцев Асен. Чувствительный и экспансивный, он суетился и, сокрушенно качая головой, задумчиво приговаривал:

– Надо непременно отблагодарить этих людей. Они ничем нам не были обязаны, а проявили такое гостеприимство и чуткость. Приютили нас в культурном месте, пожалели наши городские бока, постелили толстые тюфяки, угостили в кооперативной корчме куриным супом и жареными бобами с перцем. И винца раздобыли. Правда, и

¹¹ Читалишта – традиционные общественно-просветительные очаги в Болгарии, ведущие свое начало со времен национально-освободительной борьбы против турецкого ига.

харч и вино пошли за наш счет, но важно субъективное начало – люди по собственному желанию сделали все, чтобы нам было хорошо. Сразу видно, что кооперативное хозяйство здесь богатое и крестьяне живут зажиточно. Вы видели, как расстроился председатель, когда мы не согласились, чтобы он платил за вино? У него даже усы отвисли от огорчения. Уверяю вас, если мы сумеем отблагодарить их, то они вынесут нам на дорогу бутылки с вином и жареных поросят. Вы заметили, какое у них отменное вино? По-моему, оно ничуть не хуже чирпанского мозеля и по вкусу и по аромату. Разве вы не знаете, что у них свой винный погреб? Я думаю, что, если мы устроим им небольшое развлечение, например «Вечер культуры», они непременно пригласят нас, заглянуть в погребок. Имейте в виду, что дождь зарядил надолго. В наших интересах подружиться со здешними людьми и завоевать их сердца. Они того заслуживают. Хозяева они гостеприимные, с достатком и вполне стоят этого.

На следующее утро Асен, накинув клеенчатый плащ, исчез. Шел дождь, и горы по-прежнему были окутаны мглой.

К обеду он не появился в местной корчме и лишь к вечеру заглянул в библиотеку. Он был весь мокрый, в грязи, но глаза его горели.

– Надо отблагодарить людей, – снова начал он. – Ведь они ничем нам не обязаны, а встретили нас...

– До каких пор ты будешь надоедать, – оборвал его Аввакум, отшвырнув в сторону книгу. – Делай, что хочешь, только не нуди!

– Вот этого мне и надо! – весело рассмеялся Асен. – Я

по глазам вижу, что вы согласны со мной, но страшно мучитесь оттого, что у вас нет идей. А у меня их столько, что хоть в амбар складывай. Коль вы облачаете меня своим доверием и даете мне «карт бланш», я тотчас же приступаю к действиям. Потому, что эти люди... – Он махнул рукой Аввакуму и расхохотался.

– Иди к черту! – тихо выругался Аввакум.

Дождь вконец испортил ему настроение.

Асен и к ужину не появился в корчме, а его постель всю ночь оставалась несмятой. На следующий день в обед Аввакум увидел его, слезающего с кооперативного грузовика. Очевидно, он ездил в город, потому что нес под мышками два больших зеркала без рам. Еще одно такое зеркало нес за ним его помощник – кинооператор.

– Оборудуем парикмахерскую, – подмигнул он Аввакуму. Аввакум промолчал.

Спустя некоторое время по радиосети объявили, что в восемь часов вечера в зале читалишта состоится концерт с «интересными аттракционами».

Занавес подняли лишь около девяти часов.

Сельские руководители задержались на заседании правления, и поэтому начало отложили. Они пришли возбужденные, шумно споря между собой, – им не удалось прийти к решению по последнему вопросу повестки дня. Разговор шел о бороновании озими. Одни были «за», а другие – «против». Оба лагеря продолжали спорить, даже когда подняли занавес и наиболее нетерпеливые из публики стали шикать на них.

Представление начал девичий хор читалишта. Девушки

вышли в национальных одеждах, и маленькая сцена сразу расцвела, как цветник. Там были настурции, маки, ноготки, а кое-где и пышные розы. Конферансье, стройная девушка с русыми косами и блестящими глазами, объявила программу; дирижер, местный учитель пения, сдержанно взмахнул рукой, и концерт начался.

Хмурое лицо Аввакума стало проясняться. Чистая, незатейливая мелодия увлекла его в широкие, серебристые просторы, залитые мягким солнечным светом. Звенели бубенцы, певуче перекликались колокольчики; среди пологих зеленых холмов белели далекие стада. И над этим миром звуков и красок неслась песня свирели – то игривая, как поток, то мечтательная, как старая сказка о давно минувших временах.

Затем последовали сольные песни, дуэты, а самодеятельный танцевальный ансамбль лихо исполнил свадебное хоро.

Аввакум и его коллеги горячо аплодировали, но остальная публика не разделяла их восторга – исполнители были им хорошо знакомы, а часто повторяемый репертуар уже примелькался. Поэтому все затаили дыхание, когда на сцене появился Асен. В руке у него была потертая, с помятыми полями шляпа неопределенного серо-коричневого цвета, похожая на большой подгоревший блин. Асен повернул шляпу дном к публике и спросил:

– Есть ли что-нибудь внутри?

– Нет, – почти хором ответили пять-шесть голосов из задних рядов.

– Смотрите хорошенько, – посоветовал Асен.

Он встряхнул шляпу, натянул ее на локоть и снова по-

вернул дном к публике.

– Есть что-нибудь внутри?

– Послушай, до каких пор ты будешь спрашивать? – сердито пробурчал из середины первого ряда бригадир полеводов Михал. Он был не в духе, потому что председатель запретил ему бороновать озимь.

– Весьма сожалею, – сказал Асен. – Зрение у вас неважное.

Он повернул шляпу дном книзу и вынул из нее вышитый женский платочек, головку лука и ручные часы с ремешком.

– Что я вам говорил? – обратился он к онемевшей публике. – Неважное у вас зрение! А еще сердитесь...

Зал загрохотал – люди кричали, топали, аплодировали.

– Бис! – вопил кто-то из задних рядов.

Бригадир первой полеводческой бригады смущенно улыбнулся и начал протирать глаза.

Занавес опустился, а когда снова поднялся, все увидели посреди сцены высокий круглый столик на трех ножках. Тотчас же появился Асен – он нес в руках довольно увесистый и объемистый сундучок. Поставив его на стол, он вздохнул с облегчением и отер лоб. Видимо, ноша была нелегкой.

Сам по себе сундучок не производил особого впечатления. Все видели, что он заперт на самую обыкновенную железную задвижку.

Переведя дух, Асен обратился к публике.

– Товарищи, – начал он, – этот номер только для зрителей с крепкими нервами. Если среди вас есть впечатлительные особы, то пусть они немножко прогуляются. Итак,

все видели, что я поставил на столик сундучок. Вы, наверное, не сразу поверите, что в сундучке спрятана человеческая голова. Настоящая человеческая голова. Сейчас я открою крышку, и вы сами убедитесь. Вот!

Эффектным, точно рассчитанным жестом он откинул крышку. По залу пробежал тревожный трепет. Какая-то женщина вскрикнула, где-то в середине зала расплакался ребенок.

В сундучке действительно оказалась человеческая голова! Мужская голова, зловеще посиневшая, с закрытыми глазами. Она немного напоминала голову кинооператора. Но оператор был безусый, а у головы торчали в стороны огромные, лихо закрученные усы, как когда-то у борцов тяжеловесов. Короче говоря, вид у головы был жуткий.

– Может быть, кто-нибудь из вас подумал, что это голова восковая, – продолжал Асен. – Конечно, каждый волен думать, что хочет, но истина лишь одна: то, что вы видите, – живая человеческая голова.

– Рассказывай своей бабушке, – воскликнул председатель. Он все еще злился на бригадира первой полеводческой, который нажимал на него с боронованием озими.

– Извините, – сказал Асен. – Один из ваших товарищей уже осрамился со шляпой, а теперь вы слишком поспешно судите о голове.

– Этот товарищ осрамится и с боронованием, – пробурчал председатель, – но на этот раз я не поддамся, пусть так и знает!

– Цыплят по осени считают! – тотчас отозвался бригадир. Асен поднял руку.

– Прошу внимания! Даю слово голове в сундучке. Как

видите, я стою в стороне.

В этот миг голова открыла глаза и басовито прокашлялась.

– Ой, мамочка! – взвизгнули разом несколько женщин.

Наступила суматоха, зал гудел как улей. А голова уставилась в черноглазую, грудастую деваху во втором ряду и бесцеремонно подмигнула.

– Ей, Радка, тебе подмигивает этот вурдалак! Тебе! – вскричала, обернувшись, худенькая жена бригадира Михала и так завизжала, что жилы на шее посинели.

– Прошу тишины! – крикнул Асен. – Вы видите, что у этой головы нет ни тела, ни диафрагмы, ни прочих подробностей, но она может говорить и рассуждать не хуже вас. Пусть те, кто думает, что их морочат, задают ей любые вопросы – она будет отвечать, как живая голова.

– Как твоя фамилия? – спросил кто-то.

– Бестелов, – спокойно ответила голова.

– О господи, свят, свят! – охнула и закрестилась какая-то старушка.

– Постойте, – крикнул бригадир Михал; он приподнялся, прокашлялся: – Я задам ей вопрос. Скажи-ка: как лучше сажать кукурузу – рядовым или квадратно-гнездовым способом?

– Только квадратно-гнездовым, – ответила голова категорическим тоном. И, повысив голос, выкрикнула: – Механизаторы, внедряйте квадратно-гнездовой способ – залог вашего светлого будущего.

– Я доволен, – пробормотал бригадир Михал.

– Ну и голова! – воскликнуло несколько голосов. Старушка снова перекрестилась.

– Послушай-ка, – продолжал бригадир Михал и, утерев губы ладонью, спросил: – Пора бороновать озимые или погодить? Ты как думаешь?

– День год кормит! – мудро заметила голова.

– Вот, слышишь? – просиял от удовольствия бригадир и многозначительно поглядел на председателя. – Ты хорошо слышал?

– Слышать-то слышал, но их благородие, голова, живет в сундучке и не ходит по полю. Она не знает, что корешки еще тонкие, как нитки. Пройдет борона и выдерет их начисто. Что тогда делать будем?

– Ничего не выдерет, – возразила голова. – Корешки доживут до глубокой старости. Меня слушайте!

– Был бы ты человеком, я б еще поверил, – со вздохом сказал председатель. – А то – голова без тела! Не согласен я.

В зале раздался веселый, раскатистый мужской хохот. Смеялся Аввакум. Он сидел в первом ряду и, упершись руками в колени, хохотал от души.

– Неужели вы не догадались, что это фокус! – воскликнул он, обращаясь к зрителям.

– Как не видеть, – сказал бригадир Михал. – Что это фокус и больше ничего, нам ясно. Но я хотел бы знать, как живет эта голова без тела и куда, к примеру, делось тело? Для меня это очень важно, потому что товарищ председатель заявил публично перед всем собранием, что поверит голове, если увидит, что она с телом. Так ведь, товарищ председатель?

– Есть порядок на этом свете, – степенно заметил председатель и, помолчав, добавил, глядя на публику: –

Дал слово – держи!

– Вот это настоящий председатель! – обрадовано воскликнул бригадир. – Браво!

– Браво! – закричали из публики и зааплодировали.

– Если у этой головы отрастет тело, – продолжал председатель, – и она вылезет из сундучка, пройдет на своих ногах по сцене, закурит мою сигарету, тогда я разрешу Михалу бороновать. Но пусть сначала агроном подпишет это распоряжение.

– Готов хоть сейчас подписать, – заявил молодой человек, поднявшийся из задних рядов.

– Ты сиди, – сказал председатель. – Не спеши. Пусть голова подойдет ко мне и закурит из моих. Только тогда.

Аввакум кивнул Асену, который во время этой перепалки невозмутимо стоял на сцене в позе Наполеона.

– Прикажи голове вылезти из сундучка, – сказал он, улыбаясь. – И пусть она закурит у председателя.

Асену не хотелось огорчать председателя. Он даже успел тайком подмигнуть ему, дескать, не беспокойся, я тебя понимаю и поддержу. Поэтому он недовольно и даже враждебно поглядел на Аввакума.

– Какого тела вам надо от меня! Нет у меня никаких тел! Есть только голова – умная, живая голова. И живет она одинокая и неподвижная, в этом сундучке. Оставьте меня в покое, прошу вас!

– Эй, парень, так не пойдет! – воскликнул бригадир Михал с молящими нотками в голосе.

– Именно так! – отрезал Асен, который начал сердиться. – Оставьте меня в покое. Что надо было показать, я вам показал. И за это вы должны сказать спасибо. А сейчас опустим занавес. – И Асен, огибая столик сзади, напра-

вился к левой кулисе.

– Подожди, – остановил его Аввакум. Он встал и пошел к сцене.

– Куда так заторопился? Хочешь ускользнуть, даже не поклонившись публике?

В голосе у него звенели острые, стальные нотки. Никто, кроме Асена, не видел выражения глаз Аввакума. Режиссер застыл на месте и побледнел.

– Подойди-ка сюда! – сказал Аввакум, не спуская с него глаз. – Еще! Еще один шаг! Стоп!

Теперь Асен стоял справа от столика, между передней и задней ножками. Он пытался изобразить подобие улыбки, но зрители, сидевшие в правой половине зала, начали вдруг топтать ногами, свистеть и улюлюкать.

Только старушка, которая недавно истово крестилась, с удивлением оглядывалась по сторонам, и на лице ее блуждала натянутая, глуповатая улыбка.

Между ножками столика появилось неожиданное изображение – отражение Асена от пят до пояса. Зрители сразу же разгадали фокус: пространство между ножками столика было мастерски заделано зеркалами. Так как обе кулисы и задняя часть сцены были окрашены в один и тот же зеленоватый цвет, создавалась иллюзия, что под столиком ничего нет, – сидящие в зале видели лишь отражение досок пола и боковых кулис.

Зрители мстили за обман криками и свистом. Но тут посиневшая усатая голова вдруг стала опускаться, словно проваливаясь в невидимую дыру, и наконец совсем исчезла. Затем из опустевшего сундучка высунулась рука и, помахав публике, тотчас исчезла. Это получилось так забавно, что гвалт сразу стих и зал загрохотал от аплодис-

ментов.

Смеялась и старушка, сама не зная чему.

Веселье усилилось, когда усатая голова появилась снова, но уже не в сундучке, а за столиком. На этот раз у нее появились и шея, и плечи, и руки, и все остальное, необходимое для настоящей человеческой головы. Несмотря на грим и усы, все сразу узнали в нем кинооператора.

Как и полагается человеку артистической профессии, он галантно отвесил поклон публике, поклонился со смиренной улыбкой пышногрудой красавице и, взяв под руку расстроенную режиссера, увел его с собой за кулисы.

Восторженные зрители хлопали изо всех сил.

Но восторг достиг предела, когда оператор подошел к председателю и, поздоровавшись с ним, попросил закурить. Тотчас подбежал бригадир Михал и, улыбаясь до ушей, поднес оператору зажженную спичку.

Так закончился тот веселый вечер.

Председатель устроил щедрое угощение в корчме. Хорошее вино и жареные цыплята быстро развеяли испорченное настроение Асена.

– Признайся, что ты раньше слышал про фокус с головой, – говорил он Аввакуму, с аппетитом уплетая вторую порцию цыпленка. – Я поставил зеркала так тщательно, что сам дьявол не догадался бы. Ясно как дважды два, что ты знал этот фокус! Признайся!

Аввакум вяло ковырял вилкой в тарелке и молчал. Словно через силу, он съел несколько кусочков, потом осторожно отставил тарелку, вынул трубку и закурил.

– Что же ты не отвечаешь? – настаивал Асен. – Я очень любопытен.

– Ты очень любопытен, очень прожорлив, очень ловок и очень хитер, – задумчиво проговорил Аввакум. – Все, эти качества, вместе взятые, не доведут тебя до добра.

Асен положил нож и вилку и пристально поглядел на Аввакума.

– Что ты хочешь сказать? – холодно спросил он с обидой в голосе. – Мне не ясно, на что ты намекаешь.

– Ладно, оставим это, – сказал Аввакум, отпивая глоток вина. – Что же касается твоего фокуса с головой, я очень сожалею, что разочарую тебя. Этот фокус я увидел впервые. В искусстве фокусов я круглый невежда. Например, я до сих пор не могу объяснить, как и откуда ты вытащил столько всякой всячины из шляпы. Случай с головой совсем другое дело. Ты помнишь, что я видел, как ты сходил с грузовика с двумя зеркалами под мышкой? Это выглядело очень странно. Зачем ехать в город на грузовике за парикмахерскими зеркалами? Для чего понадобились зеркала режиссеру кинохроники, приехавшему на натурные съемки археологического объекта? Но когда по радиосети сообщили о предстоящем вечере, я сразу догадался, что зеркала нужны тебе для выступления. Ты сам намекал что затеваешь что-то. Поэтому, как только представление началось, я стал искать глазами твои зеркала и прикидывал, где бы они могли тебе пригодиться. Но вот ты принес сундучок. От кулис к столику ближе и проще всею подойти по прямой линии. Но, к моему большому удивлению, ты не пошел по кратчайшему пути, а неожиданно свернул и подошел к столику сзади. Этот неестественный поворот сразу бросился мне в глаза. Затем мое внимание привлекло твое передвижение по стене. Ты расхаживал много, но всегда по

ту сторону диагоналей, проходящих через задние ножки столика. Ты ни на сантиметр не шагнул дальше этих диагоналей. И вот все это – и зеркала, с которыми я тебя видел на площади, и твое движение по сцене, и убеждение, что у головы, конечно, есть туловище, но невидимое из-за оптического трюка, – навело меня на мысль, что пространство под столиком прикрыто зеркалами, а между ними стоит на коленях человек. Должен заметить, что твой партнер очень слаб по части грима. Да... Сидящий человек откидывает крышку, вырезанную в столешнице, отодвигает подвижное дно сундучка и фокус готов. Хитрости архинаивные, вполне доступные даже для такого простака, как я...

Асен молча слушал, морщился и энергично расправлялся своими мощными челюстями с третьей порцией цыпленка. Затем он одним духом опорожнил свой стакан, глубоко вздохнул и покачал головой.

– Я не раз и в самых разных местах показывал этот фокус, – сказал он – И за границей показывал... В прошлом году на фестивале в Каннах... То есть во время фестиваля в одном увеселительном заведении.

Он налил себе еще стакан вина, отпил половину и умолк.

– Ну и что? – спросил Аввакум.

– Ничего, – сказал Асен, потирая лоб. – О чем мы говорили?

– Надо пить не торопясь, – усмехнулся Аввакум. – Речь шла о твоём фокусе в Каннах.

– Да... – Асен закурил и жадно затянулся. – Там никто не мог сразу догадаться, в чем секрет... Только ты... Ну, а если бы ты не видел, как я нес зеркала, то все равно дога-

дался бы?

– Определенно, – подтвердил Аввакум. Асен вздохнул и залпом допил вино.

– Теперь мы уже не квиты, – сказал Аввакум. Оба замолчали.

– Да, теперь ты обставил меня, – со вздохом признался Асен и понурил голову.

– Это в порядке вещей, – сказал Аввакум. – Твоей несравненной ловкости я противопоставляю одно скромное качество: умение наблюдать. Поэтому я всегда буду в выигрыше.

– Больно уж ты самоуверен, – озлился Асен, и глаза его сердито сверкнули. – Грош цена твоей наблюдательности, я уже в этом убедился, когда из-под носа у тебя вытащил ручку. Забыл, что ли?

– Второй раз проделать такую штуку тебе вряд ли удастся, – усмехнулся Аввакум.

Некоторое время оба молчали. Потом Аввакум вынул из портмоне серебряную монету и стал подбрасывать ее на ладони. По неправильной овальной форме и матовому мягкому блеску было видно, что монета древняя.

Злые огоньки в глазах Асена сразу угасли, а на лице отразились любопытство и алчность хищника.

– Какая красивая монета! – мечтательно произнес он и судорожно глотнул. – Чудесная монета. Откуда она у тебя?

– Греческая монета четвертого века до нашей эры, – пояснит Аввакум. – На одной стороне вычеканена Афина Паллада, а на другой – великий Перикл. Была в ходу во время расцвета афинского государства. Приносила своим владельцам оливковое масло и рабынь, слоновую кость и

гетер, избирательные бюллетени и почетное место на Олимпийском стадионе. И много других приятных вещей... Нравится тебе?

– О! – воскликнул Асен. – Значит, она приносит счастье ее обладателю. Чудесная монета.

«Жаден, обожает блестящие побрякушки, – мысленно дополнил Аввакум портрет режиссера. – Хищный и честолюбивый... Что за букет, создатель! – Он беззвучно рассмеялся.

– Ты чего смеешься? – спросил Асен, насупившись.

– Меня рассмешила твоя мысль, будто эта монета приносит ее обладателю счастье. Она у меня уже три года.

– Значит, ты счастливый человек, – сказал Асен.

– Очень, – подтвердил Аввакум. – Я действительно счастливiec. Говорят, что счастливые люди щедры, и это похоже на истину. Потому-то я с удовольствием дарю тебе сию античную монету. Возьми ее на память. Пусть она напоминает тебе сегодняшний урок: хороший глаз всегда берет верх над ловкой рукой. Бери!

Асен поблагодарил и от души пожал руку своему новому приятелю. Потом вдруг расхохотался и сказал:

– Ты поступил очень тактично, отдав мне монету. Потому что я все равно вытащил бы ее у тебя. Ты б и глазом моргнуть не успел! Мне сдается, что ты побоялся проиграть в нашей игре и, чтобы не сравнять счет, сам отдал монету.

«И сверх всего он еще вульгарен», – с досадой подумал Аввакум.

– Я дарю ее от чистого сердца, – сказал он, – чтобы она напоминала тебе нечто важное в жизни. Ты говоришь, что

намеревался присвоить ее непозволительным способом, надеясь на свою необыкновенную ловкость рук. Прекрасно! Своим подарком я избавил тебя от неудачной попытки и поражения. А ты не огорчайся, что у меня на одно очко больше: мир тесен, и мы с тобой, возможно, в скором времени снова встретимся. Желаю успеха!

Асен еще раз вежливо поблагодарил и пожал руку Аввакуму. «Представляю, как ему хочется стащить мой перстень», – подумал с усмешкой Аввакум, но промолчал.

– Вряд ли мне скоро выпадет случай отыгаться, – сказал Асен, сделав скорбное лицо. – Да и вообще... Через несколько месяцев я уйду из кинохроники в мультфильм. Мультипликационные фильмы – мое призвание. В них есть простор для фантазии и для всякого рода благородных фокусов. Ну, а как известно, у мультфильмов нет ничего общего с археологией. Так что пути наши разойдутся. А если даже случай снова сведет нас, то едва ли будет уместно вспоминать о реванше. Все же я тебя малость люблю, и в этом есть своя прелесть, я бы даже сказал – красота.

– Я, к сожалению, не испытываю ответного чувства, – сказал Аввакум. – Но ты интересный партнер в игре и интересный противник в состязании на остроумие и ловкость. А в состязании с интересным противником всегда есть своя прелесть, своя красота. – Аввакум наполнил стаканы и слегка улыбнулся.

– Давай выпьем за красоту, хочешь?

– Avec plaisir! С удовольствием! – галантно ответил Асен.

И вот случай снова свел их, на этот раз в гостиной отставного подполковника: Асена, немного располневшего, но по-прежнему свежего, с юношески гладким лицом, и Аввакума – постаревшего, с сединой на висках. Один выглядел совсем молодым человеком, другой – старше своих лет. Дела, которые ему довелось распутывать, отложили отпечаток мудрости и состарили лицо Аввакума; он походил на путешественника, который долго странствовал в диких краях и жизнь которого была полна невзгод и приключений. Морщины на лбу, глубокие складки в уголках губ, седина на висках... Чуть усталые, но зоркие и пронизательные глаза его излучали какую-то неповторимую красоту, не сентиментальную и не легкомысленную, а красоту, которую высекает горький житейский опыт, мудрость и несгибаемая сила духа.

Аввакум недолго пробыл в гостиной Савовых. Может быть, его утомила шумная болтовня Асена или же, заметив смущение и непонятную тревогу в глазах Виолетты, когда она изредка посматривала на него, ему просто захотелось избавиться парочку от своего присутствия: ведь влюбленные готовы возненавидеть третьего, который засиживается в их обществе сверх меры. Сославшись на неотложное дело, Аввакум пожелал им спокойной ночи и медленно поднялся к себе.

Он подбросил в камин дров, и огонь разгорелся с новой силой. Но ему уже не хотелось сидеть в кресле, не сводя глаз с пляшущих язычков пламени. Что-то давно замершее в его груди вдруг ожило, и он, расхаживая по комнате, поймал себя на том, что насвистывает какую-то мелодию.

Впервые после триградской истории на него нашло

веселое настроение. Но Аввакум не испытывал от этого угрызений совести; он продолжал насвистывать, расхаживая по комнате. Потом надел халат, потянулся и, распахнув дверь на веранду, жадно вдохнул свежий воздух. Прислушался: в оголенных ветвях черешни, окутанной мраком, тихо шумел дождь.

Он постоял несколько минут и снова ощутил, как забилось, затрепетало то, что замерло, сникло в его груди. Он закрыл дверь, сбросил халат, надел плащ и, погасив свет, почти бесшумно, как вор, спустился по лестнице и выскользнул на улицу.

Дождь струился по его лицу, но эта холодная ласка казалась приятной. Он пересек дорогу и направился к роще. Через минуту он погрузился в густую, как смола, темноту. Остановившись под раскидистой сосной, Аввакум стал терпеливо ждать.

Словно огромный камень свалился с его плеч. Настроение было доброе, приподнятое.

Минут через двадцать во дворе их дома зажегся фонарь. Осветились косые нити дождя, тонкие и прерывистые. Они возникали словно из небытия и, плеснув на миг, вплетались в ветви черешни и исчезали. Было тихо, как во сне, слышался только шорох дождевых капель.

Хлопнула калитка, и высокий силуэт пересек улицу. Человек этот, видимо, хорошо ориентировался: он перепрыгнул канавку в самом узком и удобном месте, а затем тоже вошел в рощу и остановился неподалеку от Аввакума.

Аввакум узнал Асена и замер, чтобы ни малейшим шорохом, ни движением не выдать себя. Так они стояли оба, молча и неподвижно, в непроглядной тьме в не-

скольких шагах друг от друга.

Фонарь во дворе погас. Через несколько минут исчез и желтоватый свет в окнах первого этажа. Весь дом словно окунулся в черноту. Утонула во мраке и улица. Ближайший фонарь в пятидесяти шагах едва мерцал в темноте, как лампадка.

Асен вдруг обнаружил признаки жизни; он тихонько пробрался к канавке и вышел на улицу. Аввакум глубоко вздохнул и отступил на полшага от сосны. Он не видел Асена, но по звуку его шагов догадался, в каком направлении тот идет.

Когда режиссер пересек улицу, Аввакум подбежал к канавке. Услышав тихий скрип калитки, он догадался, что Асен уже во дворе. Аввакум разулся и, взяв ботинки в руки, подбежал к забору. Прильнув к щели между досками, он стал смотреть.

Асен легко и проворно вскарабкался на черешню, словно проделывал это уже десятки раз. Добравшись до веранды, он без особых усилий перемахнул через перила. Постояв у полуоткрытой двери, он помедлил, словно раздумывая, а затем осторожно, по-кошачьи проскользнул в комнату.

Аввакум с трудом натянул ботинки, морщась от налипшей на носки холодной грязи, вошел во двор через открытую калитку и встал под черешней спиной к стене.

«Что будет, если он вернется тем же путем и мы столкнемся с ним лицом к лицу?» – подумал Аввакум и чуть не рассмеялся вслух. Встреча вышла бы комической, и стоило посмеяться заранее. «Еще очко в мою пользу!» – сказал бы он Асену, снисходительно похлопав его по пле-

чу.

Но чем в действительности была выходка режиссера: невинной забавой или же какой-то опасной игрой?

Кто он: маниакально увлекающийся трюками и фокусами субъект или же собрат Ичеренского и Подгорова? Что заставило Асена лезть на веранду – неужели одно лишь желание похвастаться ловкостью? А вдруг он отправился на поиски серебряной чаши? Если он задался целью выявить истинное лицо Аввакума, то встреча под деревом становилась явно нежелательной. Разведчик сразу поймет, что его засекли.

Ничто не мешало отойти в сторону и притаиться где-нибудь подальше от черешни. Например, у сводчатого входа на верхний этаж. Там было очень удобно, а небольшой навес защищал от дождя. Но Аввакум тотчас же сообразил, что Асен непременно спустится по лестнице, но ни в коем случае не по дереву. Слезать по дереву труднее, чем карабкаться вверх, – можно сломать ветку, наделать шуму и оказаться в неловком положении при неожиданной встрече с хозяином квартиры. Зачем рисковать и оставлять улики в виде следов, если ничто не мешает спокойно сойти по лестнице? Английские замки свободно открываются с внутренней стороны и сами запираются, стоит лишь захлопнуть за собой дверь. Создастся впечатление, будто, кроме Аввакума, никто не входил и не выходил. А если наткнешься на хозяина в прихожей, то очень просто придумать правдоподобное объяснение. Одна из дверей прихожей вела в квартиру Савовых и была лишь в двух шагах от спальни Виолетты. Дом был построен в расчете на одну семью, и некогда эта дверь соединяла столовую и гостиную

нижнего этажа со спальнями наверху. «Приходится выбираться таким путем, чтобы не пронюхала эта гадюка Йордана», – скажет Асен и подмигнет с видом заговорщика. В подобных случаях мужчины понимают друг друга с одного взгляда и не задают неуместных вопросов. Было ясно, что такой находчивый хитрец, как Асен, не упустит из виду более удобный выход – по лестнице через прихожую.

Все так же тихо моросил дождь.

Аввакум посмотрел на часы – прошло всего десять минут.

Кто-то шел по тротуару. Шаги были нетвердые – то быстрые, то заплетающиеся. «Пьяный», – подумал Аввакум. Потом почему-то вспомнилась Виолетта, и в сознании сразу же возникла навязчивая мысль о сходстве ее с молодой Ириной на фотографии, снятой семнадцать лет назад на палубе дунайского парохода.

Пьяный прошел мимо. Если бы не шум дождя, можно было бы подумать, что весь мир превратился в бесконечную темную и безжизненную пустыню.

Как хорошо, что у часов светящийся циферблат! Как ни привык Аввакум к долгому выжиданию, в такой обстановке минуты казались часами.

Прошло всего лишь двенадцать минут, и вдруг тишину нарушил резкий, как выстрел, щелчок английского замка. Аввакум, не видя, чувствовал, что Кантарджиев стоит на бетонных ступеньках крыльца, прислушивается и оглядывается по сторонам. Затем послышались тихие шаги по каменным плитам. Идущий, видимо, остановился у калитки и постоял там немного. В эти короткие секунды, пока он стоял у калитки, Аввакум испытывал странное ощу-

щение, будто находится под прицелом, словно чей-то тяжелый взгляд устремлен ему прямо в лицо. Такое ощущение нельзя было объяснить каким-либо внешним воздействием, потому что насыщенный до предела влагой мрак был абсолютно непроглядным.

Секунды тянулись томительно долго. Аввакум не решился двинуться ни на шаг в сторону, потому что тот, другой, который стоял у ворот, мог услышать шорох его шагов. Несмотря на промозглую сырость, щеки Аввакума горели, а в глазах мелькали огненно-красные и зеленые точки. Впервые в жизни он чувствовал себя таким беспомощным, словно был связан по рукам и ногам.

Прошло еще несколько секунд.

Вдруг от калитки донесся тихий, сдержанный мужской смех. Не было никакого сомнения, что смеялся Асен.

Словно тысячи игл впились в плечо Аввакума. Инстинктивно он сунул руку за подкладку плаща, в глубокую округлую складку. Но увы! Уже более месяца там ничего не было, кроме забытой отсыревшей спичечной коробки.

В тот же миг калитка скрипнула и с тротуара послышались торопливые, почти бегущие шаги, которые замерли в направлении сосновой рощи.

Аввакум потер лоб и перевел дух. Неприятное ощущение исчезло вместе со скрипом калитки, в тот момент, когда он машинально сунул руку за подкладку.

Напряжение спало, и он с удовольствием подставил лицо под дождевые струйки и постоял так, подняв голову к невидимому небу. Холодные ручьи текли за воротник рубашки, на грудь. «Стою, как безнадежно влюбленный юнец», – подумал Аввакум и нахмурился. Он был крайне

зол на себя.

Аввакум поднялся на крыльцо, отпер дверь и включил свет. На цветной мозаике лестницы не было видно никаких следов. «Либо ковер впитал сырость от подметок, либо же Асен спустился вниз разувшись, в одних носках», – заключил Аввакум, тщательно осматривая ступени.

Он вошел в кабинет и огляделся – все вокруг стояло на своих местах, но дверь на веранду оказалась закрытой.

Незванный гость закрыл дверь, которую хозяин нарочно оставил открытой, – явное доказательство, что кто-то посторонний был в комнате! Но почему посетитель оставил столь явную улику? Что это: грубый промах или же хорошо обдуманый поступок со скрытым значением?

Аввакум усмехнулся; каковы бы ни были замыслы посетителя и их последствия, с таким противником было интересно и даже приятно помериться силами. Это удовольствие было похоже на то, какое получаешь от симфонической музыки или от решения сложной математической задачи.

Аввакум повеселел и, взяв со стола несколько листов промокательной бумаги, склонился над ковром, отыскивая мокрые пятна. Но весь ковер до самой двери был сух – хитрец разулся еще у входа! Аввакум даже рассмеялся, довольный своей догадкой.

Оба потайных замка на сундучке с перламутровой инкрустацией выглядели нетронутыми. Он вынул из него коробочку с алюминиевым порошком, взял кисточку и занялся исследованием тех гладких поверхностей, на которых могли остаться отпечатки пальцев Асена: на замках, крышке сундучка, на дверных ручках, спинках стульев и

кресел. Копировальная лента не понадобилась: алюминиевый порошок не обнаружил никаких отпечатков. «Ясно как дважды два, что он орудовал в перчатках», – со вздохом подумал Аввакум.

Он тщательно осмотрел и спальню. Затем, надев халат, подбросил дров в камин. Когда дрова разгорелись, он уселся в кресло, набил трубку и закурил.

Одно было ясно – «игра» с режиссером Кантарджиевым вышла за рамки невинного состязания в находчивости и ловкости рук. Никто ради простой забавы не заберется в запертую чужую квартиру, а если и решится на это, то не станет столь старательно замечать следы, выказывая профессиональное умение опытного шпиона или афериста. И еще одно не вызывало сомнения – человек, решающийся на такое, ведет двойную жизнь и непременно продолжит «игру».

Аввакум лег спать уже за полночь, но на другой день проснулся рано, в восьмом часу, полный сил и бодрости. Такое приподнятое настроение находило на него, когда он сталкивался с какой-нибудь трудной, запутанной задачей.

Выпив свою обычную чашку кофе, который он сам готовил на спиртовке, Аввакум вызвал такси и через четверть часа был уже в центре города. У него был уговор с полковником Мановым – в случае чрезвычайных обстоятельств извещать его через курьера центрального универмага. Отправив зашифрованную записку, он пошел к себе в мастерскую и принялся за работу.

Теперь его не отвлекали ни мрачные стены, ни слезящийся глаз, уставившийся на него с каменного свода.

Дождь усилился, но Аввакум не замечал бегущих по стеклам струек. Он тихонько насвистывал, и работа над греческой гидрией значительно продвинулась вперед.

К обеду пришел курьер и принес ему справку об Асене Кантарджиеве. Из нее следовало, что отец режиссера был заурядным софийским адвокатом и скончался через два года после прихода новой власти. Мать, бывшая преподавательница математики в гимназии, сейчас на пенсии и живет у своих родственников в городе Калофере. Асен, закончив с отличием театральный институт, уже несколько лет работает в кинематографии и слывет талантливым, оригинальным, но далеко не дисциплинированным работником. Его документальный фильм «Родопские мотивы» получил поощрительную премию на кинофестивале в Каннах. Дядя Асена, престарелый профессор математики. Кирилл Радичков, до выхода на пенсию сотрудничал в органах госбезопасности как специалист по шифрам. Асен Кантарджиев живет у него в особнячке на улице Незабравка, дом 97.

Аввакум дважды прочитал эту справку, пожав плечами, разорвал листок в мелкие клочки. Ничего примечательного. Конечно, неплохо иметь в роду математиков и юриста. Один лишь дядя заслуживал некоторого интереса. Аввакум знал, что Радичков в свое время проявил себя как изумительный дешифровщик и оставил талантливых учеников, которые на славу трудились в шифровальном отделе.

Над этим стоило призадуматься. Кроме того, привлекал внимание и адрес: улица Незабравка находилась всего лишь в двадцати минутах ходьбы от дома, где теперь жил Аввакум...

И тем не менее дело ничуть не прояснилось.

Пообедав с завидным аппетитом в ближайшем ресторанчике, Аввакум вернулся домой, разжег камин и принялся за первую главу давно задуманной книги об античных памятниках и мозаиках.

Тучи снова нависли над размокшей землей. Вокруг потемнело, пошел тихий, холодный дождь.

Так в тишине, за работой незаметно прошли несколько часов. К вечеру, когда он собрался встать из-за стола, чтобы приготовить кофе, вдруг громко и настойчиво прозвенел звонок у парадного входа. Аввакум положил карандаш, вышел в прихожую и посмотрел в окно. На площадке у двери стояли, весело переговариваясь, Асен и Виолетта.

– Ты не гляди на нас, а спушись и открой дверь. Мы тут на дожде торчим, – крикнул снизу Асен.

«Ну и парень! – усмехнулся про себя Аввакум. – Отгадывает, что делается у него над головой, даже не глянув вверх. Молодец!» В отличном настроении Аввакум спустился и отпер дверь. Виолетта украдкой с любопытством поглядывала на него; в ее взгляде еще таились удивление и смущение. Но Аввакум, словно нарочно, держался отчужденно, подчеркнуто не замечал ее, сухо и лаконично отвечал на вопросы.

Они уютно устроились возле камина.

– А не порадуешь ли ты нас чашечкой кофе? – обратился вдруг к Виолетте Асен.

Виолетта, сидевшая, поджав ноги, на пушистом узорчатом ковре, с удивлением поглядела на Асена.

– Кофе, сахарницу и спиртовку ты найдешь в спальне на

столике с колесиками, – спокойно пояснил Асен.

Виолетта бросила взгляд на Аввакума. Он, усмехнувшись, молча кивнул ей.

Когда Виолетта вышла, Аввакум тихо и спокойно спросил гостя:

– Могу ли я узнать, когда и как ты догадался, где находятся все эти вещи? Насколько мне известно, твоей ноги здесь не было. Как бы ты объяснил эту малозначительную деталь?

– О, ты ошибаешься, дружище! – весело воскликнул Асен. – Моя нога уже не раз ступала в твоей квартире. Разве Виолетта тебе не говорила? – Он тихонько рассмеялся. – Знаешь ли, вчера вечером, когда мы с ней расстались, я взглянул на веранду и заметил, что дверь комнаты распахнута. Ветер, который дул как раз в ее сторону, заливал дождем комнату. Я постоял немного в роще, надеясь, что или дождь перестанет, или же ты вернешься из города. Но так как не дождался ни того, ни другого, решил сам закрыть дверь. Ведь я как-никак твой друг; у меня душа болела, глядя, как дождь пакостит тебе. Я вскарабкался по черешне – для меня это пара пустяков – и с успехом осуществил свой замысел. Еще немного – и было бы поздно; дождь уже начинал хлестать за порог. Огонь в камине еще горел, приятное тепло так и манило посидеть, погреться. Потом меня разобрало любопытство посмотреть, как ты устроился. Между прочим, должен тебе заметить, что ты обставился хотя и скромно, но с большим вкусом. И вот когда я из самого благородного любопытства заглянул в спальню, то увидел на столике кофе, сахарницу и спиртовку. Мне так захотелось сварить себе кофе, что я еле

удержался от соблазна. Как было у тебя уютно! Но я вспомнил, что незваным гостям не стоит долго задерживаться, особенно если хозяина нет дома. Спустился по лестнице... А у входа, представь себе, меня подкарауливала удивительная неожиданность. — Асен рассмеялся и лукаво подмигнул Аввакуму — Ты, собственной персоной, стоял у стены и, наверное, подпирал ее, чтобы не упала... А?

Аввакум почувствовал, как у него загорелись щеки. На миг ему показалось, что он столкнулся с исключительным, непостижимо сильным человеком, у него даже стало горько во рту. Оказывается, Асен все время наблюдал за ним, бесцеремонно разглядывал в темноте, в то время как сам он, прижавшись к стене, выглядел жалким слепцом!

— Да, ты подпирал стену и мечтал, как влюбленная гимназистка! — продолжал насмехаться Асен.

Аввакум покраснел — впервые в жизни ему пришлось краснеть перед своим противником. Он бесцельно смотрел себе на руки, не зная, что ответить. Потом он вдруг расхохотался так звонко и весело, что Виолетта выглянула из спальни и улыбнулась. «Попался, мошенник! — с облегчением подумал Аввакум, уже не чувствуя горечи во рту. — Доберусь я до твоих глаз, подожди немного!» — и продолжал смеяться беззаботным смехом человека, оставившего позади все обидные сомнения и страхи.

Зато Асен не на шутку встревожился.

— Ты выглядел очень расстроенным и озадаченным, — сказал он, — поэтому я не решился беспокоить тебя. Почему ты смеешься?

— Я потерял ключ от наружной двери, — сказал Аввакум, — и ломал голову, как войти в дом. А потом, когда уже со-

всем отчаялся, перерыв в десятый раз карманы, нашел его.

– Это действительно очень смешно, – согласился Асен.
– А тебе не пришло в голову, что ты можешь влезть на веранду по черешне?

Аввакум покачал головой.

– Я никогда не лазил по деревьям, – сказал он. – Один мой родственник упал с груши и сломал шею. Этот случай навсегда врезался мне в память.

– Но у тебя под окнами не груша, а черешня, – усмехнулся Асен.

– Все равно, – вздохнул Аввакум. – Черешня – такое же дерево, как груша. И, кроме того, я осторожный человек. Не люблю рисковать.

– Но ты не сердись на меня за вчерашний визит? – спросил Асен. – Я зашел с самыми лучшими намерениями и, мне кажется, сделал для тебя доброе дело.

– За что ты будешь в свое время достойно вознагражден! – сказал со смехом Аввакум и подбежал к Виолетте, чтобы взять у нее из рук поднос.

Разговор перешел на другие темы. Асен спросил:

– В углу за шкафом я видел небольшой кинопроектор. Зачем он тебе?

Аввакум рассказал о подарке Слави Ковачева, умолчав, разумеется, о том, чего режиссеру не следовало знать. Он вынул из ящика стола кинокамеру, и Асен от восторга захлопал в ладоши.

– И ты молчал, что у тебя такое сокровище! Обладать таким богатством и не пользоваться им! Это неслыханно! Уверяю тебя!

Он окинул аппарат опытным взглядом старого спе-

циалиста и с удовлетворением покачал головой.

– Чудесная штучка! Ты умеешь снимать обыкновенным фотоаппаратом? Да? Э, тогда ты через три дня будешь за-просто управляться и с этой камерой. Если у тебя есть хоть немного смекалки – а у меня есть основания полагать, что ты смекалист сверх меры, – то через неделю ты уже будешь крутить в этой приятной и уютной гостиной свой собственный фильм, а мы с Виолеттой будем зрителями.

«Держится со мной так, как будто уже намертво схватил меня когтями», – подумал Аввакум, раскуривая трубку.

– Не знаю, когда и как я смогу отблагодарить тебя, – ответил Аввакум с приветливой улыбкой. – Но если твоя невеста не имеет ничего против, я согласен сейчас же приступить к первому уроку.

– Если я вам мешаю, я уйду к себе, – сказала Виолетта. Она испытующе посмотрела на Аввакума и спросила, нахмутив брови: – Может быть, мне в самом деле лучше уйти?

– Как раз наоборот, – возразил Аввакум. Он отвел взгляд в сторону, чтобы не встречаться со знакомым взглядом. – Напротив, – повторил он, – ваше присутствие более чем желательно. Вы даже не представляете, как полезно ваше присутствие!

Аввакум рассмеялся, за ним рассмеялся и Асен. Они оба смеялись раскатисто, по-мужски, исподлобья бросая друг на друга молниеносные, сверкающие, как сабельные удары, взгляды. Виолетта удивленно наблюдала за ними.

А в общем вечер прошел как нельзя лучше.

Аввакум показал свои редкие книги, несколько старинных гравюр и, пока они болтали о том, о сем, распро-

сил режиссера, где он живет и доволен ли своей квартирой. У Асена почему-то развязался язык, и Аввакум разузнал много интересных подробностей. У дяди, оказывается, была квартира в центре, но он каждую осень с наступлением туманов переселялся в загородный особняк; там, на верхнем этаже, у него были спальня и кабинет. За порядком в доме следила пожилая женщина, которая приходила по утрам. В нижнем этаже помещались кухня и столовая, но ими не пользовались потому, что дяде приносили обеды из города. Помимо того, что он страдал одышкой, после инсульта он стал волочить правую ногу и поэтому редко спускался вниз. Весь первый этаж был в полном распоряжении Асена; в кухне он спал, а столовая служила ему гостиной и рабочим кабинетом. Дядя собирался на днях перебраться в свою осеннюю «резиденцию» и Асен пообещал Аввакуму познакомить их – он должен узнать, что это за человек. Попробуй поспорить с ним в решении задач, кроссвордов, одолей его в шахматы, и тогда ты поймешь, что значит мастерство и настоящий ум.

Аввакум поблагодарил за приглашение и сказал, что он с нетерпением ждет встречи с таким исключительным человеком. А про себя подумал: «Либо Асен – причудливое сочетание таланта с легкомыслием, и поэтому, нанося мастерские удары, он шутя открывает свои карты и позиции, либо, не найдя серебряной чаши Ичеренского, считает меня безвредной личностью, либо глубоко убежден, что держит меня в своих руках и может ликвидировать в любой момент, когда будет приказано». Из этих трех возможностей третья казалась Аввакуму самой вероятной и приемлемой, а именно та, что Асен возомнил, будто Аввакум

«уже у него в кармане». «Поэтому, – решил Аввакум, – надо прежде всего лишить его возможности видеть в темноте». Провожая гостей. Аввакум сказал:

– Дорогие друзья, разрешите мне сделать вам скромное предложение. Как вы знаете, я старый холостяк и очень одинок. Не хотите ли вы пойти вместе со мной в театр? Сейчас идет «Ромео и Джульетта» – прекрасный спектакль. Я берусь добыть билеты и буду ждать вас у входа. Вы согласны?

– О! – Виолетта радостно улыбнулась и, не дав Асену вымолвить слово, живо воскликнула: – Разумеется, согласны. Мы пойдем! – Прижавшись к жениху, она повторила: – Непременно пойдем!

– Да, «Ромео и Джульетта» – прекрасный спектакль, – авторитетно подтвердил Асен. – Хотя лично мне подобные пьесы не импонируют. Я предпочел бы «Макбет». «Макбет» – это пьеса! Но, чтобы сделать вам обоим приятное, я согласен и на «Ромео и Джульетту». Благодарю!

8

В последующие дни Аввакум сделал такие успехи в искусстве киносъемки, что уже запросто снимал стаи вспархивающих воробьев, тучи желтых листьев, гонимых ветром, подполковника, подкрашивающего усы и вдохновенно разглагольствующего о преимуществе дамских корсетов. Он даже сумел исподтишка запечатлеть на нескольких метрах затяжной поцелуй Виолетты и Асена.

Новое увлечение не на шутку захватило его. Можно было сказать, что в последние дни он выпускал из рук кинокамеру только за обедом и во время сна. По вечерам он

включал проектор и на гладкой стене комнаты возникал печальный голый лес, низко нависшее над почернелыми верхушками мрачное небо, круги пожелтевшей листвы у стволов, которую ветер подхватывал и равнодушно разбрасывал во все стороны... Окутавшись клубами сизого дыма, Аввакум хмуро глядел на «экран» и по нескольку раз прокручивал эти кадры, потом сменял ролики и на экране оживали другие фрагменты, хотя и менее романтические, которые он смотрел с не меньшим интересом. То были лица случайных прохожих на тихих улочках, ограды палисадников и фасады домов.

За эти дни его книга об античных памятниках и мозаиках не продвинулась ни на строчку, и причина его творческого застоя коренилась не в его очередном увлечении, не в редких приступах меланхолии. Ему попросту не хватало времени для работы. Он то снимал и просматривал заснятые кадры, то развлекался в компании своих новых друзей или же размышлял о них. С Виолеттой он мало разговаривал: о чем мог он, старый холостяк и скептик, говорить с ней – девушкой, только что окончившей гимназию? Но общение с ней доставляло ему радость вроде той, которую он испытывал, любясь ярко и сочно написанными картинами или слушая школьные песни, будившие память о светлых днях, промелькнувших в жизни, как солнечный луч. Совсем другое дело – Асен. Временами Аввакуму казалось, что этот человек наделен какой-то сверхъестественной ловкостью, способностью куда угодно проникнуть, все достать и притом обладает не только недюжинным умом, но и склонностью к опасному авантюризму. В то же время Асен был задирист до легкомыслия и

по-детски жесток. Всем своим поведением, недомолвками, колкими словечками он, казалось, говорил: «Вот видишь, любезный, я очень хорошо знаю, что ты за птица; давно держу тебя под колпаком, и никуда ты от меня не денешься. Но пока не пробил твой час, давай поиграем в жмурки, потому что ты как-никак интересный партнер и поиграть с тобой просто занятно». Нельзя было не признать, что Асен Кантарджиев как противник был галантен и не лишен чувства юмора.

Таким образом, перед Аввакумом возникли сразу две нелегкие задачи: оберегать свою жизнь и вывести на чистую воду Асена. У Аввакума пока не было никаких доказательств его преступной деятельности или связи с преступным миром и поэтому не было оснований просить содействия полковника Манова, который непременно потребовал бы доказательств и фактов. В лучшем случае полковник поручил бы расследование кому-нибудь другому, а Аввакума упрятал бы за тридевять земель...

Что осталось бы тогда Аввакуму? Античные памятники и мозаики? Кинокамера и сентиментальные пейзажи? Из-за этого лишит себя удовольствия разгадать загадку и положить на лопатки достойного противника? Жалкий выбор. Без сомнения, перспективы завязавшейся борьбы сулили куда более интересные переживания.

В день спектакля Аввакум поджидал друзей у входа в театр. Поговорив о том о сем, они выкурили по сигарете, а когда до начала осталось несколько минут, Аввакум вынул из бумажника билеты и с огорченным видом сказал:

— К сожалению, мое место на балконе, а у вас десятый ряд партера. Не удалось достать билеты в одном ряду: все

было распродано еще позавчера.

– Тогда не стоило брать такие билеты, – сказала Виолетта.

– Такова воля судьбы! – рассмеялся Аввакум. – Когда представление окончится, мы опять встретимся здесь и вместе пойдем домой.

Пожелав им получить удовольствие от спектакля, он приветливо помахал им рукой и пошел на свое место.

Когда занавес поднялся и глаза зрителей устремились на сцену, Аввакум незаметно выскользнул из театра. У противоположного тротуара стояла институтская машина, на которой он приехал. Аввакум отдал шоферу контрамарку, сел за руль и, резко рванувшись с места, помчался вперед.

«Дядюшкин» особнячок был окружен невысокой каменной оградой крытой этернитовой плиткой. Железные ворота оказались приотворенными, что избавило Аввакума от необходимости перелезать через ограду. Он осторожно пробежал по дорожке и остановился перед парадным входом, обращенным к роще. Изученный предварительно замок тотчас же поддался, и через несколько секунд Аввакум оказался в вестибюле, стены которого до половины были облицованы красным мрамором. Раздвижная стеклянная дверь вела к помещениям нижнего этажа; витая деревянная лестница, устланная желтой ковровой дорожкой, поднималась на верхний этаж.

Аввакум спустил на замке защелку, чтобы дверь нельзя было отпереть со двора. Освещая себе путь фонариком, он пересек, не задерживаясь, вестибюль и остановился перед двумя дверьми, выкрашенными белой краской. Одна вела в

кухню – узкое, продолговатое помещение, совсем без мебели, если не считать высокого кухонного шкафа с пустыми полками. Другая дверь – в столовую.

Аввакум вошел в столовую и поморщился – воздух здесь был спертым, пропахший одеколоном. Под желтым лучом фонарика вырисовывался невообразимый кавардак: неубранная постель, брошенная на ковер пижама, на всех стульях – разная одежда, письменный стол заставлен тарелками, бутылками, книгами. На стенах блестели фотографии киноактрис и приколотые кнопками цветные иллюстрации из журналов. Аввакум с досадой и горечью понял, что среди этого отвратительного хаоса ему вряд ли удастся найти интересующий его предмет. Он располагал буквально считанными минутами, чтобы сориентировался в этом плюшкинском обиталище.

Смирившись с мыслью о возможной неудаче и привыкнув к спертому воздуху. Аввакум стал прикидывать, где может быть спрятан предмет, который он должен найти. Он никогда не видел его, но догадывался, что по форме и величине он должен быть вроде коробки на сотню сигарет.

Аввакум еще раз оглядел комнату и усмехнулся: в окружавшем его хаосе найти ответ на вопрос, где спрятан этот предмет, было чистейшей наивностью. Куда проще было бы искать ответа на вопрос: где он не может быть спрятан.

Конечно, бессмысленно искать его в постели, в пижаме, в разбросанной по стульям одежде, в остывшей печке, в отдушниках, на столе – среди книг и грязной посуды.

Впрочем, не мешало бы оглядеть стол – как все столы

на свете, и этот мог рассказать кое-что.

Рассказ его оказался простым и коротким. Двое угощались сосисками. Об этом говорили два прибора: две тарелки, два ножа и две вилки. Произошло это в середине дня, не раньше, потому что кожаца от сосисок выглядела еще совсем свежей, не ссохшейся. Рядом стояли две пустые бутылки из-под вина и два стакана. На кромке одного из стаканов ясно виднелись следы ярко-красной губной помады. Виолетта никогда не красила губы таким цветом. Следовательно, за столом была не Виолетта, а другая женщина, по всей вероятности, с более темными волосами. Ее порция осталась недоеденной, но стакан был пуст. На другой стороне стола картина была иной: тарелка блестела, как вылизанная, а вино было выпито лишь наполовину. Из этого можно было заключить, что женщина была более взволнована, но не так голодна, как мужчина. Выпивоха Асен, не имевший привычки оставлять стакан недопитым, на этот раз воздержался – разумеется, для того, чтобы сохранить ясность и гибкость ума. Тема разговора, очевидно, была не из легких.

Еще многое другое мог бы рассказать стол, но время бежало, желтый луч фонарика бледнел, теряя силу. Надо было быстро действовать в направлении главной цели. Но и то немногое, что удалось прочитать по предметам на столе, могло очень пригодиться. Язык вещей в отличие от людского никогда не лжет – он всегда точен и откровенен.

Но где же все-таки тот предмет, за которым он пришел?

Аввакум осмотрел ящик и тумбочки письменного стола. Выдвижные ящики оказались доверху забитыми роликами пленки, тетрадками, записными книжками. Он от-

крыл наудачу одну из записных книжек и рассмеялся, хотя было не до смеха: на страничке в клеточку были тщательно вырисованы карандашом различные типы сложных морских узлов.

Но не было ни малейших следов того, что он искал.

Оставался платяной шкаф. Там было некоторое подобие порядка. На плечиках висели старые и новые костюмы, галстуки и рубашки. Их было так много, что Аввакум удивился, хотя считал, что сам допускает излишества в этом отношении. Но режиссер превосходил его не только количеством, но и выбором – большинство костюмов и рубашек было иностранного происхождения. Галстуки же все до единого были заграничные. Содержание шкафа говорило лишь о щегольских наклонностях его владельца. Нижний ящик был забит обувью, старой и новой, спортивной и выходной. Здесь тоже было много иностранных образцов – узконосые мокасины, нейлоновые подметки.

Но и тут не было ничего похожего на предмет, который он искал. Аввакум опустился на стул и погасил фонарик. Несколько минут он просидел неподвижно в темноте. Потом резко поднялся, размял плечи и быстро прошел на кухню. Там он провел тонким лучом фонарика по стенам, отыскивая крышечку электрического разветвителя. Наконец он нашел ее над окном – выкрашенная под цвет стены и почти невидная из-под штукатурки, она была незаметна для неопытного глаза. Выходящий из разветвителя провод, скрытый карнизом, исчезал за кухонным шкафом.

Аввакум отодвинул шкаф. За ним оказалась белая дверь – такая, какие обычно ведут из кухни в чулан. Над дверью поблескивал самодельный жестяной колпачок, который

прикрывал ввод провода, идущего от окна в чулан.

Чулан был, видимо, недавно превращен в прилично оборудованную лабораторию. На стене рядом с аппаратурой для проявления пленки поблескивал небольшой прямоугольный электрический щиток. При свете фонарика рубильник и клеммы сверкали, как серебряные. Под щитком, соединенный проводами с клеммами, лежал тот самый предмет, который искал Аввакум.

Это был миниатюрный аппарат для ночного видения, действующий с помощью инфракрасных лучей. Он имел сходство с защитными очками сварщиков, если не считать небольшой овальной коробки сверху, в которой, очевидно, находилось питающее устройство. Аппарат стоял под зарядкой. Аввакум впервые видел его, хотя был осведомлен о принципе его действия, представлял себе его внешний вид и размер, приспособленные для ношения во внутреннем кармане пальто.

Очевидно, это был один из наиболее портативных приборов такого типа. Как ни спешил Аввакум, зная, что каждая лишняя минута, проведенная здесь, увеличивает опасность для жизни, но не устоял перед искушением — отключил провода, поднес аппарат к глазам и погасил фонарик. Несмотря на всю свою выдержку, он невольно присвистнул от изумления — ему показалось, будто он вдруг погрузился в бездонную глубину моря, в таинственный и чудный мир, где все вокруг озарено рассеянным, мертво-желтым светом.

Он положил аппарат на стол и снова зажег фонарик. Никогда еще у него не возникало такого неодолимого соблазна присвоить чужую вещь. Аввакум вскрыл коробку,

взял со стола пинцет и оборвал в нескольких местах проводочки и обмотку катушек. Внешне повреждения были почти незаметны, но парализовали весь прибор. Обнаружить и устранить их мог только специалист. «Пусть помытарится и поищет себе мастера!» – подумал с усмешкой Аввакум.

Он посмотрел на часы – было около восьми.

Задвинув шкаф на прежнее место и заперев за собой дверь, он быстро выбрался на улицу – не забыв оставить ворота в том же положении, в каком застал, – и вскочил в машину. Дав чуть ли не с места полный газ, он с воем помчался по мокрой дороге.

Чувство грядущей опасности не обмануло его. Возле пересечения с бульваром Яворова, шагах в двухстах от него вспыхнули желтые лучи фар. Через несколько секунд встречная машина пересекла перекресток, выехала по правую сторону и, почти касаясь кромки тротуара, понеслась прямо на Аввакума. Водитель мигнул фарами, требуя включить ближний свет. «Как бы не так», – зло пробормотал Аввакум. Он нажал сразу акселератор и кнопку переключения света. Мощные фары его шестицилиндрового «форда» залили летевшую навстречу «варшаву» лавиной слепящего света. Растерявшийся водитель резко сбавил скорость, вильнул вправо и въехал на тротуар. Аввакум злорадно рассмеялся.

У выхода из театра Аввакум, пропустив вперед Виолетту, тихо спросил Асена:

– Ну как, понравился спектакль?

Асен собирался закурить и только что чиркнул спич-

кой.

– Спектакль? – переспросил он, зажигая вторую спичку, так как первая угасла под дождем. – Спектакль прошел хорошо. Очень хорошо.

Виолетта обернулась к нему.

– Неужели? – спросила она. В ее голосе звучали сердитые и вызывающие нотки. – Да как ты можешь судить о спектакле, если видел только три картины?

Она тряхнула головой и торопливо зашагала, вырвавшись вперед. Каблучки ее, как молоточки, застучали по тротуару.

– Почему только три картины? – с удивлением спросил Аввакум.

– Как почему! – Асен вздохнул и состроил страдальческую гримасу. – Сейчас объясню, и, быть может, ты меня поймешь.

– Уж не проспал ли ты все остальное? – спросил Аввакум.

– Хуже, – ответил Асен. – Не проспал, а попросту удрал из театра. Удрал непристойнейшим образом, как самый настоящий бай Ганю¹². И не из опасения за свои пузырьки с розовым маслом – в этом случае она не корила бы меня, будь уверен! – а из-за пустякового биноклика. Ты понимаешь?

– Ничего не понимаю! – пожав плечами, заметил Аввакум. – Какой биноклик?

Асен искоса взглянул на него, но ничего не сказал.

¹² Бай Ганю – персонаж из одноименной книги Алеко Константинова, олицетворение забывчивости.

Они шли по улице Раковского к стоянке такси на улице Аксакова. Пробравшись сквозь толпу, валившую из Театра сатиры, они остановились у скверика напротив книжного магазина «Орбис». На стоянке не было ни одной машины. Пока Виолетта с подчеркнуто сердитым видом молча разглядывала витрину магазина, Асен вкратце рассказал свою прискорбную историю. Бинобль, оказывается, был не из простых – он позволял видеть в темноте с помощью инфракрасных лучей. Асен получил его в подарок от одного французского кинооператора, с которым подружился па кинофестивале в Каннах. Но не это важно. Неприятность таилась в чисто технических причинах. Для того чтобы бинобль действовал, его надо периодически ставить под зарядку. Вот он и подключил его сегодня в электросеть. У него для этого есть специальная аппаратура в его небольшой скромной лаборатории, которую он устроил в дядюшкином особнячке. И лишь в театре он вдруг вспомнил, что зарядку надо прекратить в восемь часов. В противном случае от перегрузки могла сгореть обмотка, а такой бинобль и днем с огнем не сыщешь. Чтобы предотвратить беду, он взял такси и помчался домой. На бульваре Яворова они чуть не столкнулись с каким-то идиотом, который, нарушив правила, ослепил их фарами. Этому типу Асен с удовольствием свернул бы шею, если придется найти его среди тысяч других негодяев, населяющих нашу грешную землю. «Ух, и сверну же я ему шею!» – воскликнул он и показал Аввакуму, как он это сделает. Но Аввакум осторожно заметил, что при встрече с «негодяем» может произойти как раз обратное. Асен громко расхохотался и тут же попросил извинения у Виолетты. История с биноклем

все же закончилась печально – когда он добрался к себе, было уже поздно. Тем не менее его совесть спокойна – он сделал все возможное, даже с риском быть раздавленным каким-то идиотом.

– Этот «идиот», видно, крепко въелся тебе в печенки! – сязвил Аввакум.

Асен промолчал.

– Из-за такой редкой вещи, – сказал Аввакум, – я бы тоже рискнул головой. И не то что несколько картин, а и весь спектакль послал бы ко всем чертям.

– Вот видишь! – сказал Асен, взяв Виолетту за руку. – Аввакум говорит, что послал бы к чертям весь спектакль, а ты устраиваешь мне сцену из-за каких-то нескольких картин!

– Но он не бросил бы свою невесту! – сердито отрезала Виолетта, вырывая руку.

Асен нахмурился и замолчал.

Подъехало такси. Аввакум уселся рядом с шофером. Всю дорогу они не произнесли ни слова.

Когда стали прощаться, Аввакум сказал:

– Жаль, что так получилось с биноклем. Еще более сожалею о маленькой ссоре между вами из-за него. Я чувствую себя виноватым: ведь это я пригласил вас в театр.

– Не расстраивайся и спи как младенец! – рассмеялся Асен. – Я уже забыл об этом пустяке. Завтра напишу моему другу в Канны, и он пришлет мне пару таких вещичек. Одну из них я непременно подарю тебе на память. Как посмотришь в него, сразу вспомнишь о мире теней и на душе станет весело. Что же касается Виолетты, то она уже простила меня, ведь таков ее долг – прощать. Не так ли,

милая?

– Ошибаешься, – ответила Виолетта неожиданно твердым, но спокойным голосом. – У меня по отношению к тебе пока еще нет никакого чувства долга.

Кивнув головой на прощание, она толкнула калитку. Железная дверца жалобно скрипнула.

– Приятных снов! – крикнул ей вслед Асен и тотчас исчез в темноте за густой сеткой дождя, даже не попрощавшись с Аввакумом.

– Приходите к нам, – пригласила Виолетта Аввакума, остановившись у двери. – Я угощу вас коньяком и кофе. Я знаю – вы любите кофе. Если дедушка еще не лег, сыграем в карты. А если спит, я вам поиграю на пианино. Правда, пианистка я ужасная, но и дедушкино пианино не лучше – нечто среднее между пианино и клавесином. Придете?

Аввакум поблагодарил и через несколько минут уже сидел в гостиной, нежась в ветхом кресле с колесиками, которое, вероятно, было новым еще в пору Межсоюзнической войны¹³. Йордана, которая выглядела ровесницей кресла, но отличалась от него угловатостью и большим количеством морщин, зажгла все лампы, и от этого в гостиной стало как-то холоднее.

Вошла Виолетта в коротком домашнем платице с маленьким воротничком, которое делало ее похожей на девочку.

– Дедушка уже спит, – сказала она, склонив головку к левому плечу, – поэтому партия в карты откладывается на

¹³ Межсоюзническая война – Вторая балканская война, начавшаяся 29 июня 1913 г., в которой Болгария воевала против Греции, Сербии, Румынии и Турции и потерпела поражение.

неопределенное время.

– Ничего, – успокоил ее Аввакум. – Это не беда.

– О, не торопитесь! – сказала с лукавой улыбкой Виолетта. – Вы еще не знаете, что вас ожидает!

– Я готов ко всему, – смиренно ответил Аввакум и спросил: – Но где же пианино? Вы обещали поиграть мне.

– Оно в моей комнате, – сказала Виолетта. Она снова склонила голову и, задорно поглядев на него из-под длинных ресниц, показала на дверь. – Если вам не страшно войти в девичью комнату – милости прошу!

– Жизнь закалила меня, – с шутливым вздохом заметил Аввакум, поднимаясь с места. – Благодарю вас.

Виолетта подошла к нему и, согнув руку в локте, глазами дала знак взять ее под руку.

Прибравшая в прихожей Йордана разинула рот от удивления и демонстративно нахмурилась. Ее остренький подбородок затрясся как в лихорадке.

А Виолетта лишь звонко расхохоталась и незаметно слегка прижала к себе руку Аввакума. Он почувствовал, как вздрогнула ее упругая грудь, и ладонь его невольно напряглась.

– Я репетирую, Йордана, – воскликнула Виолетта прерывающимся голосом. – Ничего серьезного, ты не бойся!

– Репетируешь! Тогда потише, не то разбудишь дедушку! – сердито прошипела Йордана. – А ты знаешь, который уже час?

Виолетта ничего не ответила. Она толкнула ногой дверь своей спальни и, с неохотой высвободив руку, пропустила Аввакума вперед.

В комнате было тепло. В углу тихо гудела зеленая изразцовая печка. Желтый абажур у потолка заливал комнату золотистым светом. Слева, у окна, стояла низенькая, узкая кровать, приготовленная ко сну. Синий атлас одеяла, сверкающая белизна белья так и манили к себе. Очевидно, постель задержала на себе взгляд Аввакума, потому что Виолетта сбивчиво стала извиняться за вечную поспешность Йорданы, у которой была скверная привычка еще засветло стелить ко сну постели.

Она усадила Аввакума у печки, проворно подложив ему на стул вышитую подушку. От печки приятно пахло горящими дровами, а это всегда так нравилось Аввакуму. Он мечтательно вздохнул и принялся раскуривать трубку.

Музыкальный инструмент, о котором упоминала Виолетта, походил на истертую от многолетнего употребления школьную парту. Виолетта уселась перед ним, подняла крышку, легко провела пальцами по пожелтевшим клавишам. Раздался нежный, словно сотканный из серебряных нитей звук, похожий скорее на тихий вздох.

– Веселое или грустное? – спросила Виолетта.

– И веселое, и грустное, – улыбнувшись, сказал Аввакум.

Она задумалась, склонившись над клавишами, а он всей душой наслаждался теплым, интимным, тихим спокойствием маленькой скромной комнатки, испытывая одновременно и грусть и несказанное счастье. Тонкие пальцы Виолетты забегали по клавишам, и, хотя играла она не так уж хорошо, при первых же звуках мелодии очертания комнаты перед глазами Аввакума стали расплываться и исчезать. Все вокруг превратилось в чудесное сплетение

темных и ярких красок. Окрыленные бурным престо, светлые тона постепенно крепили, одолевая темные. Светлая радость сплеталась с грустью, стремление к красоте расправляло крылья и сулило никогда не достижимое счастье. Чего стоила бы жизнь без этого страстного стремления?

Аввакум не был знатоком музыки, он даже не считал себя любителем, но уже с первых звуков адажио почувствовал, как по плечам его побежали мурашки – словно электрический ток пронзил его душу и какое-то далекое, невидимое солнце осветило ее призрачным светом. Это, безусловно, был Бетховен. Его Крейцера соната – одно из немногих музыкальных произведений, которые глубоко трогали Аввакума и которые он слушал с любовью и волнением.

И в этой уютной комнате, окутанной золотистым светом абажура, он вдруг почувствовал, как заныло его сердце, рвущееся к кому-то, кого здесь нет, и к чему-то, чего не было.

Зазвучали вариации анданте. В комнату вошла Йордана с маленьким подносом в руках. Поставив поднос с коньяком и кофе на круглый столик возле кровати, насупившись, она молча постояла, но никто с ней не заговорил и она, пожав плечами, бесшумно удалилась.

Виолетта обернулась. Выждав, пока Йордана закроет за собой дверь, она прервала игру и с детским смехом шаловливо погрозила ей вслед кулачком.

– Как она караулит меня, бедняжка, – сказала она и, повернувшись на вращающемся табурете лицом к Аввакуму, добавила: – Вы заметили, что она вошла, не посту-

чавшись?

– Нет, – ответил Аввакум. – Я ничего не заметил.

– Господи, – воскликнула Виолетта, – я вас, наверное, просто замучила своей игрой. Вы выглядите таким несчастным. Я вас замучила, да?

– Напротив, – сказал Аввакум. – Пока вы играли, я чувствовал себя счастливым, даже слишком счастливым.

Она помолчала и сказала:

– Вы странный человек. Ощущение счастья придает вам такой вид, словно у вас болят зубы. А мой Асен, когда счастлив, знаете на что похож? На полную луну. Настоящая луна в полнолуние!

– У вашего Асена... – начал Аввакум и, помолчав секунду, продолжал: – У вашего Асена есть, конечно, свои странности, но вы влюблены в него и поэтому не в состоянии их заметить. Так мне кажется.

Виолетта вздрогнула, нахмурила брови, хотела было что-то сказать, но лишь покачала головой. Потом задумалась и некоторое время сидела молча. Вдруг она встрепенулась, снова оживилась.

– Ваш кофе остынет, – сказала она. – Время идет, и вас, наверное, клонит ко сну. Что поделаешь – я плохая хозяйка, не умею развлекать гостей. Пересядьте, пожалуйста, поближе. Садитесь сюда, на постель. Ведь вам не часто приходится сидеть на девичьей постели? Вот так. По вашей улыбке вижу, что вы несчастны. У вас выражение лица всегда противоположно чувствам. Вы сами это только что признали. На здоровье!

Она чокнулась с Аввакумом и улыбнулась.

– На здоровье, – ответил Аввакум и осушил рюмку. – Вы очень любите Асена? – спросил он совсем равнодушно

и начал неторопливо раскуривать трубку.

Вопрос был неожиданным. Виолетта вздрогнула и даже отшатнулась. От резкого движения юбка вздернулась и обнажила ее колени.

– Мне кажется, что я его не люблю, – сказала она, испуганно заглядывая ему в глаза.

– Я так и предполагал, – улыбнулся Аввакум. Он выпустил клуб дыма и так же равнодушно, словно речь шла о чем-то незначительном, спросил: – Зачем же вы с ним обрuchились? Разве это было необходимо?

На ее щеках выступили розовые пятна. Она опустила голову и лишь тогда заметила, что у нее обнажены колени. Лицо ее вспыхнуло.

– Все произошло как бы в шутку, – проговорила она, одергивая юбку. – Мы встречались с ним почти каждое утро по дороге на трамвайную остановку. Мне понравилось бывать с ним – он красив, умеет увлечь разговором. Женщины в трамвае засматривались на него, и я понимала, что они завидуют мне. Однажды он взял меня под руку, и я ему сказала, что так ходят только обрученные. Тогда он предложил мне обрuchиться и я согласилась – думала, что люблю его. – Виолетта помолчала и тихо добавила, стараясь выглядеть спокойной: – До недавнего времени думала, что по-настоящему люблю его.

– А вы говорили ему, что ваш отец окружной лесничий в Пловдиве? – спросил Аввакум, лениво выпуская сизые колечки дыма. Его, казалось, совсем не интересовали чувства Виолетты.

Она с удивлением посмотрела на него.

– Что общего у моего отца с этой историей? – На миг ее светлые глаза потемнели, а в голосе прозвучала обида: –

Неужели вы думаете?..

– Я ничего плохого не думаю, – перебил ее Аввакум. – Верьте мне, я прошу только об этом. Прошлый раз вы доверились мне, помните? И я помог вам выйти из неловкого положения... Итак, когда вы сказали ему, что ваш отец работает окружным лесничим в Пловдиве? До или после обручения? Я думаю, что вы сказали ему об этом до обручения. Затем вы вместе с Асеном ездили к отцу в гости и он, так сказать, «одобрил» будущего зятя и даже подружился с ним. Асен – общительный человек, знает разные фокусы, у него есть подход к людям. А потом он на пару деньков отправился поохотиться во владениях вашего батюшки. Удалось ли ему подстрелить что-нибудь, не знаю. Может быть, вы скажете, если это не секрет?

Виолетта не сводила с него глаз, изумленная и немного испуганная. Она была похожа на ребенка, который впервые увидел поезд.

– Если я ошибся, поправьте меня, – добродушно улыбаясь, изрек он свою любимую фразу. – Людям свойственно ошибаться.

Виолетта молчала.

– Знаете ли, – немного погодя сказала она, лукаво прищурясь, – если бы я не боялась, что вы исчезнете, не допив кофе, я бы перекрестилась, причем впервые в жизни. Мне еще бабушка говорила, что черти тотчас же исчезают, если перекреститься. А ну-ка наклонитесь, я посмотрю, нет ли у вас на голове рожек!

Она звонко и беззаботно рассмеялась и, ничего не говоря, доверчиво склонившись, весело смотрела на него.

– Ну и чем же все это кончится? – спросил Аввакум.

– Что? – удивилась она.

– Ваши отношения с Асеном, – пояснил Аввакум. Она пожала плечами.

– Научите меня – ведь вы ясновидец? Вы ведь все можете?

– А вы будете меня слушаться?

– Дедушка говорит, что я еще несмышленная девчушка. А маленькие девчушки и послушны и добры. Буду вас слушаться, – и она почти прижалась ухом к его губам. – Говорите!

– Берегитесь его, – тихо прошептал Аввакум. Ее пушистые волосы щекотали лицо.

9

На следующий день рано утром у парадной двери несколько раз настойчиво прозвенел звонок. Аввакум допоздна читал и только на заре заснул, но, услышав сквозь сон звонок, тотчас же вскочил и стал прислушиваться. Три продолжительных резких звонка с короткими паузами.

Звонки повторялись через более продолжительную паузу. «Три тире, – сообразил Аввакум, – буква „о“ по азбуке Морзе». То был условный знак коллег из госбезопасности. Аввакум почувствовал прилив давно забытой радости и подбежал к окну в прихожей – сигнал знакомый, но предосторожность никогда не мешает. Внизу стоял человек среднего роста в сером пальто и шляпе. Лица нельзя было разглядеть из-за поднятого воротника и низко надвинутой на лоб шляпы, которая закрывала даже часть плеч. Да и утро выдалось туманное, серое; моросил мелкий, еле

видимый дождичек.

Когда Аввакум выглянул из окна, человек внизу инстинктивно встрепнулся и поднял голову. Ему тоже не было видно лица Аввакума, но он знал, что выглядывать сверху может только жилец верхнего этажа, и негромко крикнул:

– Ты до каких пор будешь держать меня на дожде?

У входа стоял полковник Манов. Он ссутулился, выглядел мрачным, но, увидев своего любимца, не смог скрыть сердечной улыбки. Он быстро вошел в прихожую, подождал, пока Аввакум запрет дверь, и протянул ему руку. Возможно, полковник был бы не прочь обнять Аввакума или похлопать его по плечу, обстановка-то была не официальной, да и никого посторонних не было. Но Аввакум сухо извинился и, соблюдая субординацию, лишь коснулся пальцев полковника.

– Не беспокойся, – сказал со вздохом полковник Манов, вешая мокрое пальто на вешалку. – Извиняться должен я, а не ты, потому что я поднял тебя чуть свет с постели.

Аввакум жестом пригласил его пройти вперед, и они медленно поднялись по лестнице.

В кабинете Аввакум усадил полковника в кресло у еще не остывшего камина и попросил разрешения сварить кофе. Пока кипятилась вода, полковник с любопытством разглядывал жилище Аввакума, вышел на веранду, снова вернулся на свое место.

– Ты устроился как нельзя лучше! – сказал он, довольно покачивая головой. – Не предложишь сигарету? Благодарю. Ты неплохо расставил мебель. Квартира интеллигента, сразу видно по книгам. Профессорское жилище. Пишешь? Ты одно время говорил про какую-то книгу. Старинные

памятники и прочее. Продвигается?

– Не особенно, – откликнулся Аввакум из соседней комнаты.

– Вот как? – искренне удивился полковник. – Ведь у тебя идеальные условия. Что же мешает тебе?

Аввакум не ответил. Он молча разливал кофе.

– Уж не внучка ли старика – причина? – спросил полковник, постукивая ногой по полу.

Аввакум взял с подноса чашку и поставил ее перед полковником, сел напротив и принялся набивать трубку.

– У нее есть жених, – сказал он. – Кинорежиссер Асен Кантарджиев.

Полковник Манов с сочувствием поглядел на него и промолчал.

– Сожалею, – сказал он немного погодя. – Очень сожалею. Она славная девушка, из хорошей семьи. Я знаю ее отца.

– А жениха? – спросил Аввакум. – Жениха знаете?

Полковник отрицательно покачал головой.

Поговорили о погоде, о ревматизме, о зиме, которая уже стучится в двери. Полковник попросил еще сигарету, закурил и умолк.

Аввакум прекрасно понимал, что полковник ждет, когда он задаст ему вопрос, ради которого тот пришел, и потому спросил:

– А у вас как дела? Хватает и работы и заботы?

– О, – сказал полковник, и в глазах у него сразу исчезла появившаяся было усталость. – У нас все по-старому, как всегда, напряженно и беспокойно. Нет затишья на тихом фронте, увы! Не проходит недели без тревоги.

– Верю, – согласился Аввакум. – Это видно по вашему лицу. У вас черные круги под глазами, очевидно, вы мало спали последние два-три дня.

Полковник пожал плечами и тихо вздохнул.

– Может быть, у вас какой-нибудь сложный случай?

– Тебя это интересует?

– Я всегда испытывал интерес к сложным случаям, – еле заметной усмешкой ответил Аввакум.

На этот раз полковник сам взял из коробки сигарету, закурил и несколько раз глубоко затянулся.

– С некоторых пор, – начал он, глядя задумчиво на кончик сигареты, как будто на нем был записан его краткий рассказ, – с некоторых пор иностранная радиостанция, километрах в пятидесяти от знакомых тебе мест, поддерживает регулярную, разумеется, тайную, связь с кем-то из своих людей, по всей вероятности, в Софии. Говорю «по всей вероятности» потому, что для нас эта личность все еще загадка. Нам не удалось засечь его, так как этот молодой человек только принимает радиogramмы из центра, а сам ничего не передает. Очень вероятно, что он посылает сведения через курьера, пользуясь тайником где-нибудь поблизости от границы. Ты спросишь, откуда их центру известно, что агент на нашей территории в нужный момент примет зашифрованную радиogramму? По-моему, возможны два варианта: либо центр ведет передачи «на доверие», согласно предварительно согласованной и постоянно уточняемой программе, либо агент заблаговременно уведомляет центр о времени приема и длинах волн. Каким образом осуществляется это уведомление, если оно существует, мы не знаем. Лично я предполагаю, что использу-

ются средства и возможности какого-то посольства. Не исключена и непосредственная связь при помощи писем, телеграмм, телефонных разговоров и тому подобного на основе кода из символических выражений. Возможности в этом отношении богатые и обширные. Но, так или иначе, мы до сих пор не знаем, кто этот молодчик, который сам или из чужих рук получает радиogramмы от тайной радиостанции за границей.

Что нам уже известно в связи с этой новой авантюрой? Кое-что мы разузнали – и немало. Нам удалось установить ключ шифрограмм, и за последние два месяца мы перехватили и расшифровали четыре из них. В первых двух шифрограммах агенту даются указания сфотографировать или описать объекты L-Z в пограничном секторе А. Мы не знаем, что подразумевает противная сторона под буквами L-Z и А, но догадываемся. Это важные сооружения нашей пограничной системы укреплений. Если описание и координаты попадут в руки врага, это, конечно, не будет непоправимой бедой, но создаст массу неприятностей. Одним словом, это крайне нежелательно.

В третьей шифрограмме центр приказывает агентунести полученные данные на карту и приготовить материал для передачи. Отсюда можно заключить, что ему удалось кое-что сделать. Но четвертая радиogramма уже вызывает тревогу. Мы перехватили ее позавчера вечером в половине двенадцатого. Она гласит буквально следующее: «Посылаем нарочного за сведениями. Его приведет Нина. Дату, час и место сообщим завтра кодом номер тринадцать». И вот вчера без четверти двенадцать наши пеленгаторы уловили и записали короткую радиogramму. Хотя длина

волны была изменена, очевидно, это та самая радиограмма, о которой шла речь в предыдущей передаче. Она уточняет дату, час и место встречи, при которой нарочный, приведенный некой Ниной, получит сведения об участках L-Z в секторе А нашей пограничной зоны. Дешифровщики всю ночь возились с этой радиограммой и сейчас еще работают, но безуспешно. А это не сулит ничего хорошего. Допустим, что встреча назначена, например, на сегодня. Что толку, если мы разгадаем код завтра? Успеем ли мы расшифровать радиограмму вовремя? Это первая моя забота. Ну, а если шифрограмма имеет, кроме кода, и условные обозначения? Предположим, мы прочитаем: «Нина приведет нарочного десятого ноября к восьми часам вечера в Парк Свободы к бюсту Раковского». Во-первых, мы не знаем, кто такая Нина, следует ли подразумевать под этим именем женщину, а не мужчину. Во-вторых, все остальное может иметь столько же общего с действительностью, сколько я с самолетом ТУ-114. Парк Свободы может означать вокзальную площадь, а бюст Раковского – Центральную таможню. Дело, как видишь, сложное, чрезвычайно сложное. И самая главная трудность в том, что у нас до сих пор нет никаких человеческих следов. Все так хитро закручено, что, как подумаешь, мороз по коже дерет.

Ты спрашивал, какие у меня заботы. Вот я и рассказал тебе в нескольких словах про мою самую большую заботу. А она так тяжела, что давит сердце и уже два-три дня не дает спать. Кажется, воздуху не хватает. Поэтому сегодня с утра я вышел прогуляться и поразмыслить на свежую голову. Оставил шофера с машиной у автобусной остановки и думаю: дай-ка посмотрю, как живет-поживает, как уст-

роился на новой квартире капитан контрразведки Аввакум Захов, который, впрочем, на днях будет произведен в майоры.

Аввакум вытряхнул остатки табака из трубки, постучал ею о пепельницу и стал снова набивать. Сообщение о том, что его производят в майоры, ничуть не тронуло его; он мало интересовался продвижением по службе. Еще два месяца назад, когда он представил в министерство доклад о бактериологической диверсии в Родопах, заместитель министра намекнул о предстоящем повышении, но Аввакум пропустил это мимо ушей. Ему стало неловко, даже стыдно, и он нахмурился. Неужели полковник, такой славный человек, думает, что звание майора заставит его сердце забиться от радости?

При других, более обыденных обстоятельствах Аввакум даже рассердился бы, но сейчас он лишь насупился и замолчал. Подавив минутное раздражение, он с сочувствием поглядел на полковника, но, ничего не сказав, выпустил к потолку густую струю голубоватого дыма.

— Ты ничего не замечал вокруг себя? — спросил полковник. — Каких-нибудь признаков слежки?

Аввакум медлил с ответом. Он поднялся со стула и принялся по своему обыкновению прохаживаться взад-вперед по комнате. Он отлично понимал, что вопрос полковника не случаен и вызван не одной лишь заботой о нем. Но в то же время Аввакум знал, что, высказав свои подозрения, он тем самым обречет себя на неминуемое бездействие во имя своей личной безопасности. А выйти из игры против воли и не по своей инициативе, когда такой матерый игрок, как Асен, бросил ему перчатку и когда

открылись виды на исключительно интересную охоту, казалось Аввакуму недостойным, унижительным и даже глупым с чисто профессиональной, «детективной» точки зрения. Зная, что полковник безмерно благоволит к нему, Аввакум позволил себе вольность ответить вопросом на вопрос. Сев снова рядом с полковником, он спросил его, глядя на неостывшую золу в камине:

– Вы говорите, что пеленгаторная служба записала вчера вечером интересующую вас радиограмму, зашифрованную кодом номер тринадцать. В котором часу начал работать передатчик?

– Наши люди засекли передачу без четверти двенадцать. – Полковник помолчал немного и спросил: – У вас есть какая-нибудь идея?

– Есть, – добродушно усмехнулся Аввакум. – Я предлагаю вам вручить мне приказ, который лежит у вас в портфеле. Вот такая у меня идея.

Полковник улыбнулся и, упершись руками в колени, наклонился к Аввакуму:

– Ты хочешь получить приказ, чтобы начать действовать, – так я тебя понимаю?

– К чему ходить вокруг да около, – недовольно поморщился Аввакум.

Полковник откинулся на спинку стула и замолчал, слегка сконфуженный. Затем он вынул из портфеля приказ, пробежал его глазами, будто читая впервые, прокашлялся и передал его Аввакуму.

– Я полагаюсь на твоё заверение, что вокруг все чисто, – напомнил он.

Аввакум убрал приказ и лукаво усмехнулся.

– Итак, жду тебя в управлении к девяти часам, – за-

ключил полковник.

Аввакум посмотрел на часы – было около восьми.

– К сожалению, не смогу, – сказал он. – Убедительно прошу вас не настаивать на этом. – И, так как полковник выказал признаки недовольства, пояснил: – Давайте отложим наш разговор на другое, более подходящее время. В отличие от вас я попал на след, и мне надо немедленно пускаться в погоню. Не смотрите так изумленно на меня. Я действительно попал на след. – Аввакум снова взглянул на часы: – Знаете ли вы, что они уже наверняка работают над своей радиограммой?

Разговаривая с полковником, он расхаживал по комнате, нервно сплетая и расплетая длинные пальцы рук, а глаза его мечтательно улыбались. Немного погодя он остановился, лицо его как-то сразу осунулось, черты обострились. Улыбка исчезла, зрачки сузились.

– Во-первых, – сказал он, глядя в упор на полковника, – мне хотелось бы знать, какие посторонние лица побывали в пограничном районе за последние два месяца. Если я к вечеру получу такую справку, она мне очень поможет. Могу я надеяться на это? Во-вторых: свободен ли от заданий лейтенант Марков? Да? Будьте любезны препроводить его ко мне, но немедленно, буквально через полчаса. И, чтобы не терять времени, дайте ему троих помощников, коротковолновый передатчик и три машины с радиосвязью. Таковы мои потребности на настоящий момент. Я утомил вас? Налить вам коньяку?

Аввакум едва успел побриться и еще обтирался одеколоном, как прибыл лейтенант Марков, запыхавшийся,

радостно возбужденный. Можно было подумать, что он спешил на свадебный пир. Аввакум дружески обнял его, угостил сигаретой и усадил в кресло. Они не виделись со времени родопской диверсии.

– Ну как, – спросил Аввакум с улыбкой, – накапливается житейский опыт? Познание людей? Человек – это звучит гордо! – не так ли? – Он помолчал и спросил: – Вы помните Ирину Теофилову?

Вопрос застал лейтенанта врасплох. «Человек – это звучит гордо» и вдруг Ирина Теофилова! Он смущенно пожал плечами.

– Помните, как вы гнались за нами на мотоцикле до самого Йорданкина?

– Как не помнить, товарищ капитан: словно вчера было, – сказал лейтенант и вздохнул.

«Мне надо бы вздохнуть, а не ему», – подумал Аввакум.

– И мне тоже кажется, будто вчера это было, – сказал Аввакум. – Вы помните, в каком платье она была?

– В белом, товарищ капитан. И с белой лентой в волосах. Я хорошо запомнил потому, что она была черноглазая брюнетка и белый цвет ей очень шел. В тот день она была похожа на невесту, товарищ капитан.

– Лейтенант Марков, – сказал Аввакум, разливая коньяк, – выпьем за белый цвет в жизни, ибо ему, как мне кажется, принадлежит будущее. Но пока я не советовал бы вам особенно доверять ему. Любите, но не доверяйте. Любуйтесь им издалека. За белый цвет!

Аввакум чокнулся с лейтенантом, залпом выпил и поднялся. Он раскрыл портативную рацию, которую лейтенант поставил на письменный стол, привычными, лов-

кими движениями приготовил ее к работе. Затем вынул из ящичка несколько снимков и встал под люстрой. День был пасмурный, и люстра горела полным светом.

– Этого человека зовут Асен Кантарджиев, – сказал Аввакум. – Я снимал его в различных позах. Красавец парень, кровь с молоком. Но умен – в отличие от большинства красавцев. Он кинорежиссер и живет неподалеку, на улице Незабравка, 97. Запомнили?

– Улица Незабравка, 97, – повторил лейтенант. – Запомнил.

– Где ваши люди? – спросил Аввакум.

Лейтенант ответил, что они сидят в машинах, поставленных на соседних улицах, и что он поддерживает с ними связь по радио. Он дал Аввакуму карточку с кодом вызывных.

– Вы – «Дауд», а я – «Ракип», – пояснил лейтенант.

– Эта родопская диверсия не идет у вас из головы, – недовольно пробормотал Аввакум. – Ладно. А сейчас пусть «Ракип» послушает монолог «Дауда» – и внимательно, потому что повторять некогда: в нашем распоряжении считанные минуты. Вот вам пакетик. В нем ванилин, смешанный с толченым древесным углем, чтобы затемнить белый цвет ванилина. Пройдите мимо дома нашего приятеля режиссера и хорошенько посыпьте им землю у входа. Сейчас грязно, и поэтому порошок пристанет к его подметкам. Туман еще не рассеялся, никто вас не заметит.

Я следил за ним и знаю, что по утрам он выходит между десятью и половиной одиннадцатого. В вашем распоряжении сорок пять спокойных минут. Времени вполне достаточно для того, чтобы послать кого-нибудь за служебной собакой. Собаку возьмите в вашу машину.

Имейте в виду, что ваш подопечный на редкость сообразителен и ловок. Прирожденный артист! Он, вероятно, подозревает, что привлек наше внимание, и поэтому станет в десятки раз осторожнее. Вот почему задача будет не из легких и для вас и для ваших помощников.

Сегодня, скорее всего еще утром, он встретится с одной молодой женщиной. Из деликатности обозначим ее буквой «Х», тем более что она нам неизвестна. Я ее ни разу не видел, но предполагаю, что она брюнетка, и вполне уверен, что красит губы в малиновый цвет. Одевается средне – ни скромно, ни модно. Рост средний, внешность ничем не примечательна. Но вы предупредите своих людей, чтобы не спутали ее с этой девушкой, – Аввакум вынул из бумажника несколько снимков Виолетты и вручил их лейтенанту, – потому что и она брюнетка и тоже злоупотребляет губной помадой. Она подруга режиссера, живет в этом доме и часто встречается с ним. Но у нее нет ничего общего с женщиной Х.

Короче говоря, наша задача сводится к тому, чтобы обнаружить упомянутую брюнетку. Следуя по пятам за режиссером, вы доберетесь и до брюнетки. Но лишь при одном условии – если он вас не заметит. Стоит ему вас учуять, как все пойдет насмарку, даже если наденете шапки-невидимки. Смотрите в оба, чтобы не обнаружить себя! Действуйте так, как будто у него по две пары глаз и ушей!

Одну из машин поставьте вблизи автобусной остановки. Когда наш приятель сядет в автобус, следуйте за ним и поддерживайте связь со мной – я буду давать вам указания по ходу действия.

Когда лейтенант ушел, Аввакум выключил свет. За дверью веранды сквозь густой утренний туман не было видно ни перил балкона, ни почерневших ветвей черешни. Все будто утонуло и растворилось в глубинах какого-то непроглядного серовато-белесого моря.

В десять часов «Ракип» вызвал «Дауда» и сообщил, что режиссер только что вышел из дому и направился к автобусной остановке. Несколькими минутами позже «Ракип» доложил, что режиссер едет в автобусе по направлению к Комитету радиовещания. «Дауд» приказал «Ракипу» обогнать автобус и передать наблюдение следующей сзади машине. У входа на стадион вторая машина передала, что Асен вышел на остановке. «Следуйте медленно по улице Гурко и остановитесь у пересечения с бульваром Толбухина, – приказал наблюдающему „Дауд“, – и передайте „Ракипу“, чтобы держался возможно дальше от вас». Затем «Дауд» спросил, какова видимость, не рассеялся ли туман. Ему ответили, что видимость слабая. «Пусть наблюдающий выйдет из машины, перейдет бульвар и купит газету в киоске на углу, а машина следует дальше по улице Гурко», – распорядился «Дауд». Через минуту «Ракип» донес, что связался по радио со второй машиной. Последовала пауза, во время которой Аввакум чувствовал себя как на иголках. «Если Асена упустят из виду, все пойдет к чертям», – подумал он и взглянул на часы. Было половина одиннадцатого.

Прошло еще несколько томительных минут. Когда Аввакум стал терять терпение и собрался перейти на вызов, снова заговорил «Ракип». Он сообщил, что режиссер вошел в подъезд «Б» седьмого дома по левой стороне, поднялся на

второй этаж и минуты две пробыл в квартире, расположенной по правую сторону лестничной площадки, в данный момент продолжает свой путь по улице Гурко к центру города, что за ним по пятам следует вторая машина. «Возьмите под наблюдение второй этаж, – приказал Аввакум, – а вы сами справьтесь, кто проживает там и с каких пор».

Аввакум закурил и в возбуждении стал ходить по комнате. Он поглядел за дверь балкона: туман рассеивался, начал моросить дождь.

«Ракип» заговорил еще раз в четверть двенадцатого. Успешно начатая слежка потерпела неудачу. На углу улицы Раковского режиссер вскочил в такси, поджидавшее его возле конторы «Балкантуриста». Преследователи пустились за ним на второй машине, но таксист успел вырваться вперед и подъехал к центральному универмагу на двадцать секунд раньше. Режиссер исчез в толпе покупателей, лавиной заполнивших первый этаж магазина. По всей вероятности, он выскользнул через один из выходов либо на улицу Георгия Димитрова, либо на площадь перед банями. Такси было вызвано со стоянки на улице Аксакова, и водителю было сказано ждать у входа в «Балкантурист». Так окончилась погоня за режиссером. Что же касается квартиры на улице Гурко, о ней были получены такие сведения.

Квартира на втором этаже справа состояла из комнаты и кухни. Квартиродельщик – доктор Найденов – уехал на два года в Гвинею. Там временно поселилась его двоюродная сестра Лиляна Стамбова, инструктор радио-

клуба ДОСО. Прошлым вечером Лиляна Стамова уехала из Софии, а рано утром прибыла из провинции ее мать. Стоименку Стамову – так звали мать – видел между восемью и девятью часами управдом, учитель-пенсионер, живущий на первом этаже. Ее заметил и лейтенант Марков, когда она выходила из подъезда «Б» через минуту после ухода режиссера. Но лейтенант тогда не знал, что она мать Лиляны. Старуха часто навещалась в столицу, даже была прописана у дочери. Страдая ревматизмом и глухотой, она каждую весну и осень лечилась на минеральных водах Овча-Купел.

Вот и все, что удалось разузнать «Ракипу».

– Девять из десяти за то, что мы прошляпили, – тихо сказал ему Аввакум.

Он собрался было положить трубку, но из нее послышался смущенный голос лейтенанта.

– Я сделал все, что мог, – пробормотал лейтенант.

– Вы ни в чем не виноваты, – ответил Аввакум, снисходительно улыбаясь. Ему было ясно, что игра проиграна. В горле едко першило от табака. Телефонная трубка в руках казалась свинцовой. – Вы ни в чем не виноваты, – повторил он. – Вы мастерски выполнили свою задачу, и я поздравляю вас от всего сердца.

– Покорно благодарю, – ответил угасшим голосом лейтенант и после краткого молчания спросил, может ли он считать себя свободным.

– Подождите еще минут пять, – сказал Аввакум. – Наберитесь терпения – это не такой уж большой срок. – И твердым голосом добавил: – Позвоните мне через пять минут, и тогда я, быть может, отпущу вас. – И повесил трубку.

Можно ли было так изменить за пять минут создавшееся положение, чтобы поражение превратилось в победу? Надо было хорошенько поразмыслить.

Подброшенные в камин дрова уже весело потрескивали. Аввакум уселся поудобнее в кресло, вытянул ноги и закурил. За окном монотонно моросил тихий, холодный дождь, и капли струйками сбегали по стеклам.

10

Точно через пять минут зазвонил телефон.

– Выполняю ваше приказание, – доложил лейтенант.

– Вам придется еще немножко поработать, – сказал с усмешкой Аввакум. Голос его звучал бодро, в широко открытых глазах сверкали холодные огоньки. – Давеча вы сказали, – начал он, – что инструктор радиоклуба ДОСО Лиляна Стамова вчера вечером выехала в провинцию. Так? Я попросил бы вас связаться с руководством радиоклуба и спросить, куда она уехала, зачем и когда. Я был бы очень рад, если бы вы узнали точное время ее отъезда.

– Эти сведения я могу сообщить вам сейчас же, – ответил лейтенант. – Я уже говорил с руководством радиоклуба и с дежурным техником. Лиляна Стамова, отличная радистка, вышла победительницей на конкурсе и была премирована проездным железнодорожным билетом по круговому маршруту. Она заявила, что будет делать остановки в пути. Вчера вечером она выехала в Пловдив. На вокзале ее провожал дежурный радиотехник.

– Вы говорили с ним?

– От него я и узнал о конкурсе и билете. Он сам посадил ее с вещами в вагон.

– Замечательно! – воскликнул Аввакум. – Ваши сведения просто великолепны. Вы даже не представляете себе, насколько они великолепны! У меня к вам еще одна просьба. Позвоните сейчас же в город Кула и выясните, в котором часу мать Лиляны Стамовой выехала в Софию. Это нетрудно. Домашние вам скажут.

– Но, коль скоро она прибыла сегодня утром в Софию, она, естественно, ехала ночью! – не удержался от восклицания лейтенант.

– Прошу вас, оставьте естественность в покое, – сухо отрезал Аввакум. – Мне надо знать, когда она выехала в Софию. Понятно?

– Понятно. Вы хотите знать, когда мать Лиляны Стамовой выехала в Софию, – по-военному ответил лейтенант.

– Точно так, – подтвердил Аввакум. – И когда вы через четверть часа доставите мне эти данные, не забудьте захватить с собой и фотографию Лиляны. Меня интересует, как выглядит наша радистка. Запомнили?

– Запомнил. Данные об отъезде матери и фотографию Лиляны, – повторил лейтенант Марков и замолчал в ожидании новых указаний.

– Действуйте! – сказал, едва сдерживая улыбку, Аввакум. Он положил трубку и снова уселся в кресло.

Вторая половина дня была полна неожиданностей.

Лейтенант Марков прибыл через полчаса. Принесенный снимок оказался маленьким, со служебного удостоверения и Аввакуму пришлось вооружиться лупой. Со снимка на него смотрело лицо молодой женщины, худой, светловолосой, подстриженной под мальчика. Большие,

широко открытые глаза смотрели пристально и твердо. На высоком, слегка покатом лбу тянулись тонкие, почти смыкающиеся на носу брови. Такими же тонкими и прямыми были и неплотно сжатые губы. Неврастеничные губы, как-то неестественно широко раскрытые глаза и пристальный взгляд создавали впечатление о склонности к экзальтации и болезненной чувствительности. Но нельзя было не признать, что с фотографии глядело лицо интеллигентной женщины.

– Ну, – спросил Аввакум, показывая на фото, – что вы скажете об этой особе?

– Деликатная женщина, – ответил лейтенант.

Аввакум неопределенно улыбнулся и покачал головой. Он спросил, что удалось узнать о матери. Лейтенант смущенно замялся.

– Управление милиции утверждает, что она выехала сегодня утром из Кулы в Видин автобусом, который отправляется в пять сорок.

– Это невозможно! – рассмеялся Аввакум. – Вы сами сказали, что мать Лиляны приехала в Софию ночным поездом. А ночной софийский поезд выходит из Видина в восемь вечера. Вот вам расписание – смотрите! Для того чтобы приехать к ночному поезду, вовсе не надо чуть свет выезжать из Кулы. Не так ли? Тому, кто собирается ехать ночным поездом в Софию, удобнее выезжать из Кулы послеобеденными автобусами, либо в четырнадцать тридцать пять, либо в пятнадцать тридцать семь. Как вы объясните этот случай?

– Есть только одно логичное объяснение, – ответил лейтенант. – И оно очень просто: наши люди ошибаются.

Их утверждение, что мать Лиляны выехала сегодня утром, не отвечает истине. Она выехала из Кулы в Видин вчера после обеда и прибыла в Софию ночным посадом. Если бы она выехала сегодня утром из Кулы, то сейчас бы сидела на видинском вокзале, потому что ближайший поезд отправляется из Видина на Софию в тринадцать тридцать четыре. А нам известно, что мать Лиляны сию минуту принимает ванну в бане Овча-Купел или же разгуливает по софийским улицам. Следовательно, в информацию наших товарищей из Кулы вкралась какая-то ошибка. Если вы настаиваете на этой подробности, то я вторично свяжусь с Кулой и докажу нашим из управления, что они ошибаются.

Пока лейтенант с горячностью излагал свою точку зрения, Аввакум молча смотрел рассеянным взглядом в окно. Дождь шел не переставая. Некоторое время оба молчали.

– Вы кончили? – спросил Аввакум.

– Если вы настаиваете, – повторил лейтенант, – я еще раз поговорю с Кулой.

Аввакум с досадой отмахнулся.

– Незачем, – сказал он. – Наши из кульского управления абсолютно правы.

На лице лейтенанта отразилось удивление, смешанное с испугом.

– Я вас не понимаю, – пробормотал он. – Как могут они быть правы, когда старуха здесь? Мы ее своими глазами видели!

Аввакум поглядел на часы. Было около двух.

– Лейтенант Марков, – сказал он, – вы еще не обедали. А я, к сожалению, не могу вам ничего предложить. – Он

усмехнулся. – Моя квартира холостяцкая, бедная. У меня к вашим услугам только коньяк и кофе. Поэтому поспешите отобедать в каком-нибудь ресторане. Подкрепитесь как следует, потому что нам, пожалуй, придется поработать допоздна. Продолжайте наблюдение за квартирой на улице Гурко. Если понадобится, будем поддерживать связь между собой по тому же коду. Вот и все... Приятного аппетита!

Когда лейтенант ушел, Аввакум размял плечи и весело улыбнулся. Он налил себе рюмку коньяка, но только пригубил ее. Затем подошел к столу, взял карандаш и по своему обыкновению составил заключительное «уравнение» из известных и неизвестных на данный момент.

Лиляна Стамова

а) Получает в награду проездной железнодорожный билет по круговому маршруту две недели назад;

б) Заранее заявляет, что будет делать остановки в пути;

в) Откладывает отъезд на две недели. (Почему? Чтобы дожидаться «хорошей» погоды в ноябре?);

г) Едет в Пловдив. На вокзале ее провожают. Причем за несколько часов до начала передачи тайной радиостанции. (Случайность?..);

д) Но вчера вечером она принимала в радиоклубе шифрограмму тайной радиостанции. В двадцать три тридцать;

е) После половины двенадцатого вечера нет никаких поездов на Пловдив;

ж) Следовательно, поездка в Пловдив – блеф с целью обеспечить на всякий случай алиби или сбить с толку контрразведку.

Стаменка Стамова

а) Сегодня утром в десять часов вышла из квартиры дочери на улице Гурко;

б) Чтобы оказаться сегодня утром на улице Гурко, ехала ночным поездом Видин – София;

в) Чтобы поспеть к ночному поезду Видин – София, выехала из Кулы в Видин вчера после обеда;

г) Но управление милиции утверждает, что она выехала из Кулы автобусом, который отправляется в пять сорок утра;

д) Поезда Видин – София отправляются со станции Видин в тринадцать тридцать и в шестнадцать часов;

е) Следовательно, она едет дневным поездом и прибудет в Софию сегодня в двадцать два часа;

ж) И, следовательно, женщина которую заметили около десяти часов в доме на улице Гурко, была не Стаменка Стамова, а кто-то похожий на нее.

Выводы: Лиляна Стамова здесь.

В том, что Лиляна – та самая Нина, о которой упоминалось в шифрограмме, не было никакого сомнения. Ясно было, что Лиляна-Нина находится в столице, что связь между «отъездом» Лиляны и «приездом» матери не случайна, а заранее глубоко обдумана и рассчитана.

Но где в этот момент Лиляна-Нина? И кто та женщина, двойник ее матери, которую видели утром в квартире на улице Гурко?

У Аввакума уже созрели в голове ответы на все эти вопросы. Он вывел их теоретически из своего уравнения,

определив неизвестные величины через известные. Теперь надо было действовать – приближался условленный час встречи Асена с курьером заграничного центра.

Перед тем как выйти из дома, он осведомился по телефону у полковника Манова, удалось ли расшифровать радиограмму. Ответ был отрицательным.

Машина довезла его до перекрестка улицы Гурко с бульваром Толбухина. Сойдя на тротуар, Аввакум раскрыл зонтик и, наклонив его вперед, чтобы закрыть лицо, быстро зашагал к дому, где жила Лиляна. Он медленно поднялся по лестнице, остановился у двери правой квартиры второго этажа и осмотрел замок. Знакомая конструкция поддалась без особого труда его универсальной отмычке. Спокойно и уверенно он отпер дверь и не спеша вошел в квартиру с усталым и чуть скучающим видом, будто к себе домой.

Закрыв за собой дверь, он опустил защелку замка и некоторое время стоял неподвижно, весь превратившись в слух.

Он оказался в маленькой, почти пустой прихожей. Кроме старой вешалки справа от двери, в ней ничего не было. Да и на вешалке ничего не висело. Прихожая без вещей вызывала ощущение одиночества и пустоты.

В сумраке смутно вырисовывались две двери – слева и против входа, – окрашенные коричневой краской. Судя по расположению квартиры, Аввакум определил, что дверь напротив входа ведет в комнату, окна которой выходят на улицу. Так как квартира была однокомнатной, нетрудно было догадаться, что другая дверь ведет в кухню.

Стараясь не производить шума, он приоткрыл дверь комнаты и чуть слышно постучал. Никто не откликнулся.

Тогда он открыл дверь пошире. Шторы были опущены, и в комнате тоже царил полумрак, как в прихожей. Виднелась неубранная постель, стоящий в углу гардероб и туалетный столик с зеркалом в резной раме; у кровати можно было разглядеть две табуретки – вот и вся меблировка. Среди этой скудной обстановки только одно привлекло внимание Аввакума – на белеющих простынях постели лежала куча женской одежды. Бросался в глаза необычный вкус хозяйки: черная юбка из грубого домотканого сукна, из такого же сукна безрукавка, да еще шерстяная кофточка – полное одеяние пожилой крестьянки соседствовало с тонким, изящным бельем городской девушки. На коврике перед кроватью валялись две пары чулок – вязанные из черной грубой шерсти и шелковые, нежные, почти воздушные.

Аввакум усмехнулся и покачал головой. Он тихонько вышел из комнаты и прильнул ухом к двери, ведущей в кухню. Ничего не было слышно. Но сквозь щель и замочную скважину просачивались тонкие струйки пара, клубившиеся в холодном воздухе. Пахло теплой водой и душистым мылом. Очевидно, за кухней была ванная, откуда и шел теплый пар. Там кто-то мылся. И этот «кто-то» был не кто иной, как владелица разбросанной по кровати одежды.

Он вернулся в комнату и стал искать, где бы спрятаться. Угол за гардеробом был неплохой позицией, но отнюдь не наблюдательным пунктом. Аввакум быстро распахнул дверцу гардероба, раздвинул в стороны развешанные платья и с радостью отметил, что в тонких досках спинки зияли трещины, достаточно широкие для того, чтобы сквозь них наблюдать из-за гардероба хотя бы одним глазом. Он повернул ключ, чтобы выпустить задвижку замка и

не дать дверце захлопнуться наглухо, и раздвинул плаття, оставив между ними достаточный просвет. Затем отодвинул гардероб настолько, чтобы пролезть в угол, глянул в «амбразуру» и удовлетворенно кивнул головой.

Все его действия были всесторонне обдуманы, и для непредвиденной случайности не оставалось места. Если бы его заметили в прихожей, он бы ответил, что позвонил, а дверь оказалась незапертой, показал бы удостоверение инспектора пожарной охраны и все равно сумел бы осмотреть каждый уголок квартиры. Если бы за гардеробом не оказалось удобного места для наблюдения, он спрятался бы за кроватью или под ней, используя классический опыт застигнутых врасплох любовников... Можно было совсем не прятаться и тоже достигнуть цели, но ценой нежелательного саморазоблачения. И, в конце концов, если бы события не громоздились одно на другое, и не шла борьба за каждую минуту, Аввакум успел бы так изменить свою внешность, что обошелся бы без игры в прятки. Так или иначе, но в его непрошеном посещении все нежелательные случайности были исключены. Аввакум лишь проверял на месте свои умозаключения, действуя соответственно с обстановкой.

Через несколько минут после того, как он занял свой наблюдательный пост в углу, дверь открылась и в комнату вошла какая-то фигура с накинутым на плечи полотенцем и в купальной шапочке. В сгущающемся сумраке лица нельзя было различить, и Аввакум начал проклинать себя за то, что забился в угол, но уже ничего не мог сделать.

Фигура присела на краешек постели, чтобы полотенце успело впитать влагу. Затем она подошла к окну и, прове-

рив, плотно ли закрыты шторы, повернула выключатель, не спеша сняла шапочку и потянулась. Розовое мохнатое полотенце само скользнуло к ее ногам.

Посередине комнаты стояла, сияя молочной белизной кожи, молодая женщина с продолговатым, тонким лицом, высоким лбом, большими, широко открытыми карими глазами; у нее была девичья фигура: высокая грудь, мальчишеская талия, подтянутый живот.

Аввакум ничуть не удивился. Он знал, что перед ним стоит Лиляна Стамова – радистка ДОСО. Он был заранее готов и к метаморфозе, которая начала разворачиваться у него на глазах.

Лиляна натянула шелковые чулки и провела по ним рукой, а поверх надела толстые шерстяные, перехватив их под коленями резинкой, как это делают деревенские старухи, и, поднявшись с постели, стала похожей на белую птицу в сапогах. Надев тонкое белье, она облачилась в черную домотканую юбку, шерстяную кофточку и безрукавку. Вырядившись столь странным образом, она стала перед зеркалом, откупорила несколько банок и пузырьков и с искусством, которому Аввакум мог позавидовать, принялась терпеливо превращать свое лицо в старческое. Исчезла перемычка меж бровей, волосы на лбу и висках слегка побелели, сеть мелких морщинок пролегла на щеках и под глазами. Резиновые наклейки под губами растянули рот, образовав длинные, глубокие складки, спускающиеся к подбородку. Осталось только набросить на голову большой черный платок, и тогда перед зеркалом оказалась пожилая крестьянка, худощавая и прямая, со следами былой красоты на лице и в осанке.

Она надела простые черные башмаки на резиновой подошве, накинула на плечи короткий кожаный жилет, вынула из гардероба, почему-то вздохнула и с явной неохотой ушла.

Через несколько секунд вслед за ней сбежал по лестнице и Аввакум.

В подъезде он чуть не столкнулся с лейтенантом Марковым.

— Я уже стал беспокоиться, — сказал лейтенант. — Собираюсь силой ворваться в квартиру.

— Благодарю! — сказал с усмешкой Аввакум. — Я недурно провел там время. — Он показал глазами на пожилую женщину, идущую шагах в двадцати впереди. — Узнаете эту персону?

— Да ведь это мать Лиляны! — удивился лейтенант.

— Не мать Лиляны, а сама Лиляна, — почти прошипел Аввакум. — Идите рядом и, пожалуйста, поближе, чтобы не мокнуть под дождем. Ваш испанский берет стал похож на блин. Возьмите меня под руку!

Пройдя по бульвару, они расстались на перекрестке. Аввакум подождал свою машину, а лейтенант последовал за Лиляной.

Вернувшись домой, Аввакум подкинул в камин дров и, сняв с полки целую кипу книг, взгромоздил их на стол. У него вдруг возникло желание поработать над своей книгой о древних памятниках и античных мозаиках, и вся эта литература могла понадобиться ему для справок. Но усталость взяла свое. Он опустил голову в кресло, устроился поудобнее у огня и закрыл глаза. Через несколько минут он погрузился в дремоту, тихую, как моросивший за окном дождь.

Его разбудил пронзительный телефонный звонок. Было уже темно, и он зажег свет. В трубке пророкотал басовитый голос полковника Манова. Полковник просил его перейти на радиоприем. «Я сообщу тебе интересную новость», – сказал он. Аввакуму показалось, что полковник даже задыхается от волнения.

После кодового сигнала послышался вопрос:

– «Ракип»?

– «Дауд», – ответил Аввакум.

– Поздравляю «Дауда» с большим успехом, – сообщил полковник. – Мы только что задержали Лилянну Стамову, Асена Кантарджиева и одну посольскую птицу. В наших руках соответствующий пакет. Все трое встретились в зале ожидания Подуянского вокзала.

– Из шифрограммы узнали о месте встречи? – спросил Аввакум.

– Шифрограмма до сих пор не прочитана, – ответил полковник. – Заслуга целиком твоя.

– Ошибаетесь, – возразил Аввакум. – В этом деле мое участие ничтожно. Большая заслуга принадлежит моему помощнику. Вам следовало бы его поздравить, а не меня!

Полковник хотел еще что-то сказать, но Аввакум отступал «Конец!» и снял наушники.

Он взглянул на часы – скоро девять. Аввакум вспомнил, что со вчерашнего вечера ничего не ел, и горько усмехнулся. Чувство одиночества и смутной беспричинной тоски снова сжало сердце.

Он надел плащ и вышел. Не успел он сделать несколько шагов, как за спиной хлопнула дверь в квартире доктора. По желтой тропинке, которая пролегалa от освещенных

окон до мостовой, бежала Виолетта в накинутом на плечи прозрачном дождевичке. Она подошла к нему так близко, что он почувствовал на лице ее дыхание, и сердечно протянула ему руку, как близкому, старому другу.

— Вы помните наш вчерашний разговор? — спросила она. Аввакум кивнул головой.

— Вы знаете, — сказала она, приблизившись к нему вплотную, — сегодня я вернула ему его подарок и написала, чтобы он не считал меня своей невестой. Между нами все кончено. Что вы скажете на это?

— Я очень рад! — улыбнулся Аввакум. — Это чудесно.

Помолчав немного, она сказала:

— Зайдите к нам в гости. Дедушка будет на седьмом небе от радости. А когда он ляжет спать, я опять поиграю вам, как вчера. — Она заглянула ему в глаза. — Хотите?

— Благодарю, — ответил Аввакум. Он поднял воротник плаща и закашлялся. — Весьма благодарен. Но в этот вечер я занят. Буду ужинать со своей бывшей женой...

— Бывшей женой? — прошептала Виолетта.

За занавеской гостиной мелькнул высокий силуэт Йорданы. «Готовит праздничный ужин», — подумал Аввакум.

— ... и двумя своими детьми, — добавил он. — Раз в месяц я ужинаю со своей бывшей женой и детьми.

Виолетта плотнее закуталась в дождевик и покачала головой.

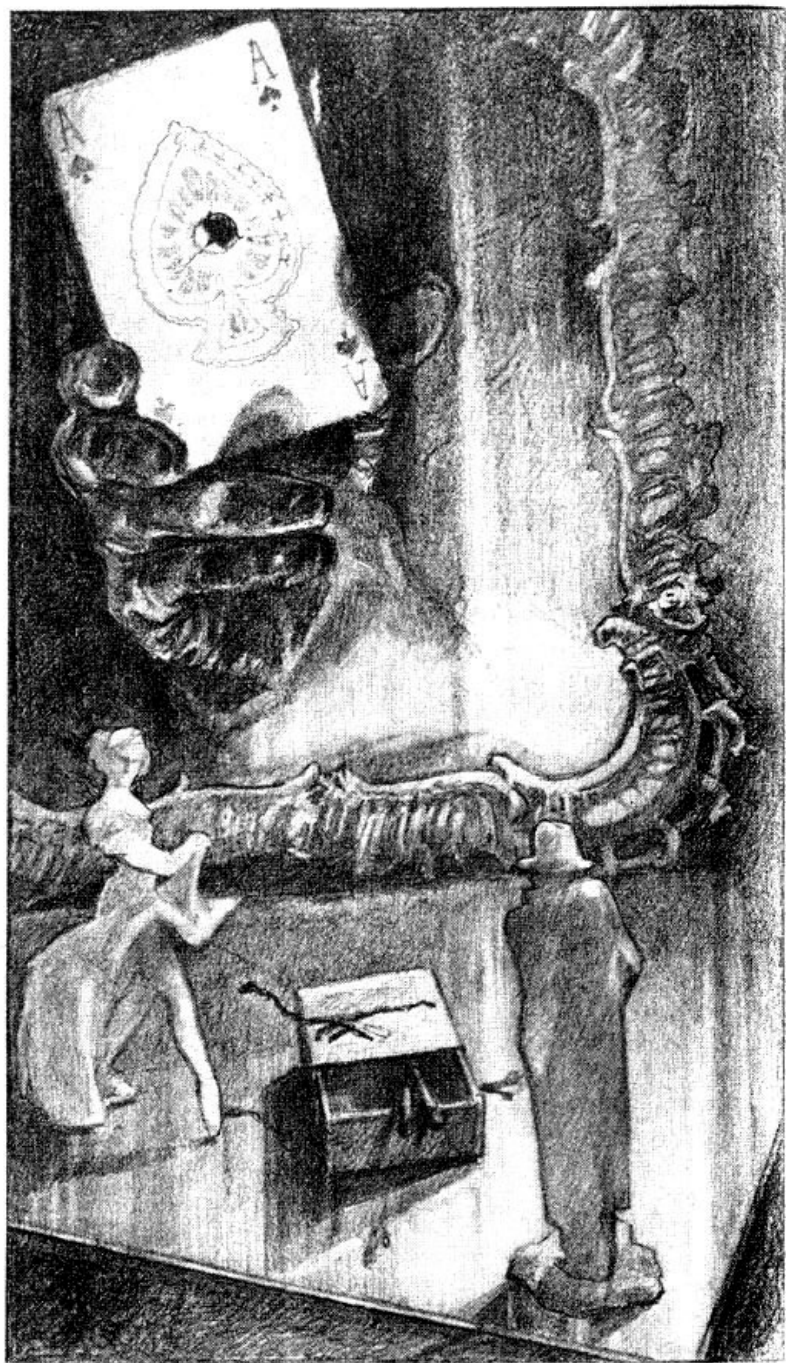
— Приятного ужина, — сказала она и, резко повернувшись, быстро зашагала к дому. Каблучки ее сердито стучали по желтой полоске.

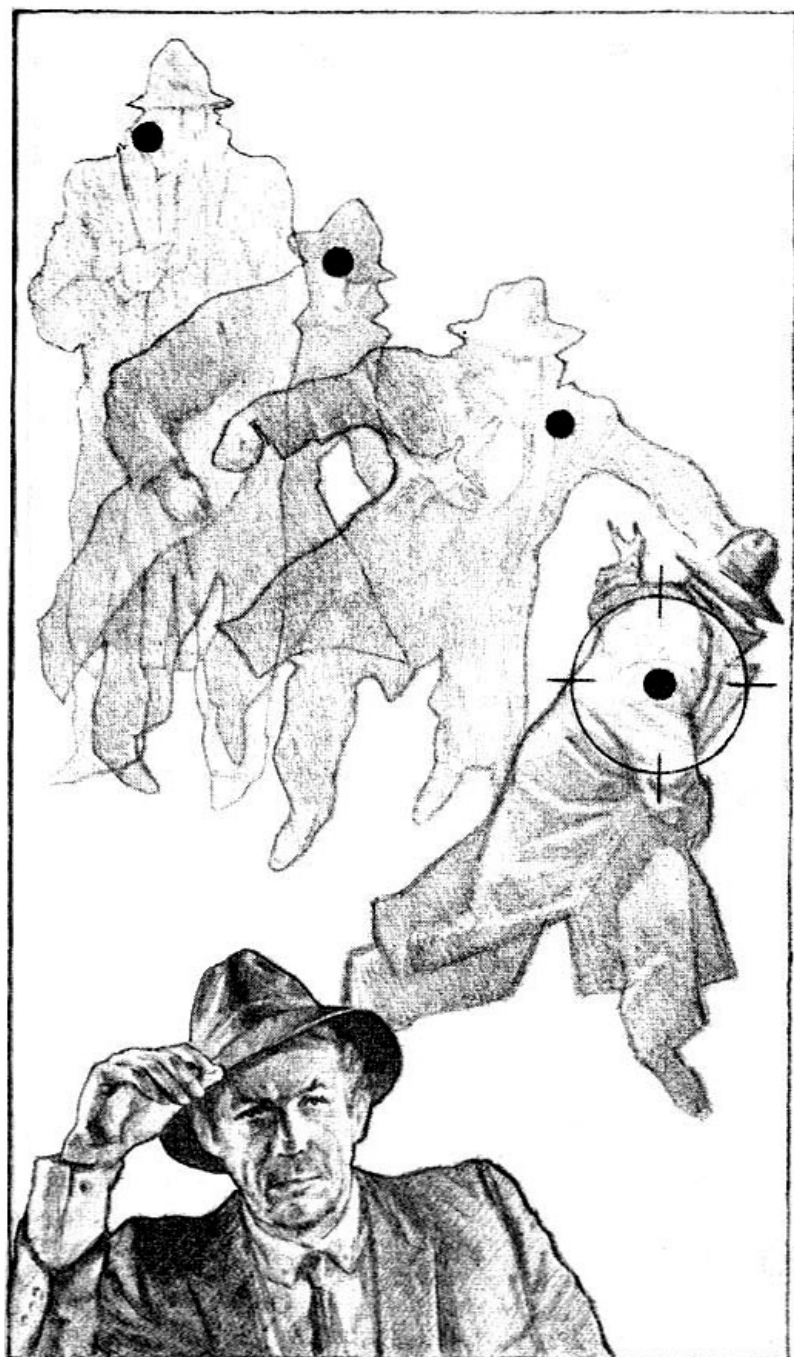
Аввакум вышел на улицу.

А что же я? Может быть, кто-нибудь из вас заметил, что для меня не нашлось места в этой, третьей части приключений Аввакума? Благодарю ту добрую душу, которая заметила это. Такие уж сложились обстоятельства. В то время я был очень занят: помогал деду Реджепу и другим славным кооператорам Видлы готовить скот к зимовке. Правда, и Фатме трудилась не покладая рук, но дело не очень спорилось, потому что скота было много, а работников мало. К тому же она слишком часто смеялась, и притом без причины. Бусы на ее груди шаловливо приплясывали, и это, конечно, тоже мешало работе.

А зимой к нам приехал Аввакум. Он прожил у меня дней десять. Зима выдалась снежная, кружили метели, сугробы засыпали все пути-дороги. Я по обыкновению пек картошку в горячей золе очага, а он курил трубку, молчал и задумчиво глядел на языки пламени, лизавшие еловые поленья. Но мне все же удавалось иногда выудить из него словечко, и, хотя их набралось немного, по ним можно было догадаться и обо всем остальном.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

1

Возвращаясь однажды вечером с молочной фермы, я не пошел как обычно через Даудову слободу, а зашагал, сам не знаю почему, прямо через луга и вскоре очутился возле Халиловой чешмы¹⁴. Отсюда начиналась большая проселочная дорога, которая шла на восток и за мостом через Доспатскую речку вливалась в шоссе.

И тут, возле этой самой чешмы, я попал под проливной дождь. Погода испортилась еще в полдень, дождик то усиливался, то утихал, а с наступлением сумерек вдруг полил так, что деваться было некуда. По правде говоря, эта злая шутка, которую сыграл со мной дождь, не была для меня полной неожиданностью, я предвидел, что он меня настигнет, и поэтому, чтобы выиграть время, я оставил Даудову слободу в стороне и пошел кратчайшим путем.

Напротив Халиловой чешмы стоит двухэтажный дом из белого камня. Таких домов в этих местах, слава богу, немало. Его верхний этаж опоясывает деревянная галерейка, по углам которой зеленеет герань, а старые столбы, на которые опирается галерейка, увиты плющом. На втором этаже дома живет одна моя знакомая, даже хорошая приятельница, но сие обстоятельство не выделяло этот дом среди других. Хотя моя приятельница на редкость белокурая, да еще с синими глазами и всего лишь первый год учительствует в нашем селе, дом, где она живет, вовсе не

¹⁴ Чешма – облицованный камнем источник.

кажется мне каким-то особенным и укрылся я под его черепичным навесом не потому, что он чем-то отличался, а потому, что дождь полил как из ведра, и притом совершенно неожиданно. Мне не хотелось оказаться побежденным – промокнуть до костей, – это было бы просто обидно, и поэтому я поневоле укрылся здесь – напротив Халиловой чешмы.

Под широким черепичным навесом мне было вполне удобно, даже приятно, и я не находил ни малейшего повода для недовольства. Я даже позволил себе, как это и подобает людям сильного характера, когда судьба бросает им вызов, насвистывать веселую песенку, которую любила петь моя знакомая; наклонив при этом набок головку, она аккомпанировала себе на гитаре.

Налетел слабый порыв ветра, сорвал с кустов у ограды горсть листьев и небрежно рассыпал их у моих ног. Но тут сверху, с галерейки до меня донесся ужасно неприятный смех. Смеялся на низких нотах густой баритон, и я тотчас же узнал, кто он. Сей бесцеремонный тип был нашим зубным врачом. Этот противный человек с руками мясника и плечами тореадора беззаботно и весело смеялся наверху, совершенно не замечая того, что на улице идет тоскливый осенний дождь и холодный ветер разносит опавшие желтые листья.

Я себе представил, какое досадное чувство вызывает развязная веселость этого грубияна у моей голубоглазой приятельницы и как она, бедняжка, ждет не дождется той спасительной минуты, когда он наконец уйдет. Мне также представилось, как я сам поднимусь к ней на галерею, смерю его презрительным, уничтожающим взглядом и

какой эффект произведет мое внезапное, но своевременное появление!

Вдруг наверху, прямо у меня над головой, раздался звонкий смех, такой звонкий, будто пришла в движение целая дюжина серебряных колокольчиков или зажурчали все горные ручейки, впадающие в Доспатскую речку. До чего же был весел этот девичий смех! Моя голубоглазая приятельница хохотала во весь голос, от всего сердца. Серебряному смеху вторил баритон непростого гостя, и притом такой противный, что серебряные колокольчики, казалось, звенели еще сильнее. Более неприятного дуэта я в жизни никогда не слышал.

Не было никакого смысла оставаться здесь дольше. Мне даже стало жаль самого себя при мысли, что я так долго проторчал под этим черепичным навесом.

Дождь несколько поутих, но, если бы он даже лил с прежней силой, я все равно ушел бы отсюда. Мне всегда нравилось возвращаться домой под дождем.

Шел я медленно. С моих волос струйками лилась вода, она проникала за воротник куртки, стекала вниз по спине. Но проявлять малодушие из-за обыкновеннейшего дождя — ну, нет. И я продолжал спокойно шагать дальше, как и подобает мужчине с твердым характером.

Прошел я так метров тридцать. Дождевые струи, словно плети, с шумом хлестали разжиженную землю. Я слышал только это, но мне вдруг захотелось ускорить шаг. Впрочем, я никогда не любил медленной, флегматичной ходьбы.

Не выбирая дороги, я какой-то опустошенный брел по лужам, пока наконец добрался до колючего плетня, за которым нахохлился, словно наседка, дом Пантелеевицы.

Пантелеевица жила теперь вместе с сыном в новом каменном доме в самом центре села, а в прежней ее развальной «царствовал» я. И хотя это жилище не отвечало моему положению в обществе, жилось мне в нем действительно по-царски, да и вообще я всегда снисходительно относился ко всем этим современным домам с их крытыми верандами да солнечными эркерами.

Сейчас этот мокрый нахохлившийся домишко, видимый лишь наполовину из-за покосившегося скользкого и колючего плетня, действительно казался довольно жалким. Но всему виной был проклятый дождь. Даже роскошные палаты и те, думалось мне, не покажутся веселее под таким сумрачным и мокрым ноябрьским небом.

Вставляя ключ в старый, ржавый замок, я ни о чем особенно не думал. Мне было абсолютно все равно, вхожу я в палаты или в халупу, окажется за дверью сверкающий мрамором холл с колоннадой или я ступлю на глиняный пол мрачной лачуги с черным от копоти допотопным очагом.

Разумеется, никакой неожиданности за дверью быть не могло, и ни о каком мраморном холле я не мечтал. Мне казалось, что я просто нырнул в глубокий омут – так тихо и спокойно было вокруг. Лишь изредка на какой-то миг слышалось шипение – это в очаге на тлеющие угли попадали дождевые капли. Пахло горевшими поленьями и смолистой лучиной. К этому запаху примешивалось непередаваемое, едва ощутимое дыхание старины; ею веяло от кадки для теста, до сих пор пахнувшей кукурузной мукой, от стоящих на полках закопченных горшочков, в которых когда-то варилась бобовая похлебка, приправленная жел-

той сливой-мирабелью, от обрезанной бутылочной тыквы, из которой торчали деревянные ложки. Все эти допотопные, давно вышедшие из употребления вещи издавали свой едва уловимый затхлый и спокойный запах.

Вот чем встретили меня мои палаты, едва я закрыл за собой дверь.

Отыскав в темноте на привычном месте керосиновую лампу, я снял стекло и зажег фитиль. Затем вошел в соседнюю комнату – она была без очага и несколько меньше первой – и сменил там мокрую одежду.

Покончив с туалетом, я вдруг снова ощутил в себе самом и вокруг такую пустоту, что мне даже стало страшно. Казалось, все, что именуется жизнью, отделилось от меня и я, словно автомат, состоящий из мускулов и костей, двигаюсь в сумраке какой-то заброшенной гробницы. Мне ничего не хотелось делать, даже думать.

Несколько минут простоял я на пороге своей комнаты. Кто знает, сколько длилось бы это дурацкое состояние расслабленности, если бы случайно мой взгляд не остановился на противоположной стене кухни, где отчетливо вырисовывалась какая-то тень. Вглядевшись в нее, я наконец сообразил, что это моя собственная тень. Когда я уразумел это, мне захотелось тщательнее приглядеться к ее форме, изгибаю – меня заинтересовало, как выглядит мой силуэт. Должен признаться, я не пришел в восторг: поникшая фигура, опущенная голова, безжизненно повисшие руки. Мне стало неловко и даже стыдно, потому что до сих пор я представлял себя совсем не таким. В моем представлении я был человеком с гордой осанкой, широкоплечим, с руками копьеметателя (я очень любил античную историю). А на этом силуэте все оказалось наоборот.

Я, конечно, страшно вознегодовал, замахал руками, вскинул голову. Жалкий силуэт на стене, несомненно, отражал мою усталость, ведь я столько исходил за день, да еще по грязи. Чему ж тут удивляться! Такое может случиться и с прославленным копьеметателем.

Отвернувшись от тени, я с ожесточением принялся раздувать погасший в очаге огонь. Под теплым пеплом еще блестели крупные, красные, как рубин, угли. Положив на них щепок, я подул немного, вспыхнувшие языки пламени стали лизать покрытую сажей цепь над очагом.

Чтобы лучше горел огонь, я подложил большое полено. Затем подтащил трехногий стульчик и сел у полыхающего пламени.

Мне стало хорошо и приятно, но в то же время прежнее чувство пустоты не покидало меня. Я понимал, что грустить мне вроде бы не от чего, дела мои были в полном порядке: месячный отчет составлен, здоровье кооперативного скота более чем завидное, удои молока на моем участке медленно, но верно растут, а слава коровы Рашки скоро облетит всю округу. Так чего же мне в самом деле грустить? Зубы у меня не болят, а что касается прыжков в длину и в высоту, то тут я не уступлю любому местному спортсмену.

Так что причин вешать нос и тем более жаловаться на одиночество нет никаких. Действительно смешно! С утра я принимал своих рогатых пациентов, после обеда обходил фермы, участвовал и в совещаниях и в летучках — о каком же одиночестве может идти речь? Ведь я только по вечерам остаюсь один.

Потом, когда пламя в очаге стало гаснуть и мне надоело

ворошить палочкой золу, я – сам не знаю почему – вдруг подумал о том, что вот уже больше года я не выезжал за пределы своего ветеринарного участка.

Каждый раз, когда я начинал думать об отпуске, меня охватывала необъяснимая тревога. Я рассуждал так. Допустим, с завтрашнего дня я свободен от всяких обязанностей. Чудесно. А дальше? За этим «дальше» открывались такие удивительные возможности, что я не знал, за что мне ухватиться, чтобы не дать маху. Можно, к примеру, по-даться в леса и охотиться на волков или отправиться в Луки навестить доктора Начеву – и каждый день встречаться с ее мужем, чтобы окидывать его высокомерным, довольно вызывающим взглядом. И волки и поездка в Луки – все это весьма заманчиво. Не менее соблазнительно было съездить в Смолян, купить десяток романов и, пользуясь полной свободой, запереться у себя дома и читать с утра до вечера. Это тоже было бы весьма недурно. А что мне ежедневно мешает захаживать к моей голубоглазой приятельнице? Буду помогать ей проверять школьные тетради, а тот противный тип пускай себе стоит под черепичным навесом и бесится от ревности!

Были, конечно, и другие соблазны.

Но в этот вечер сердце мое как будто застыло. Что только не приходило мне в голову – во всех случаях оно оставалось безучастным, ничто не могло его взволновать.

Гложет его тоска, а отчего – дьявол его знает!

И вопреки всякой логике и ассоциативным связям я вдруг вспомнил маленький ресторанчик в Софии, где в прошлом году мы однажды обедали вместе с Аввакумом. Это воспоминание так внезапно выползло из самого со-

кровенного уголка моего сознания и разбудило во мне такое приятное чувство, что я не в силах был удержаться и громко засмеялся.

В самом деле, воспоминание об этом ресторанчике было ни к селу ни к городу – ведь пить-то я не пью, да и вообще заведения такого рода не производят на меня особого впечатления. Но что касается Аввакума, должен признаться, его я частенько вспоминаю – дня не бывает, чтобы я о нем не подумал.

С нашими местами связаны самые важные эпизоды деятельности Аввакума, здесь в полную силу проявил себя его аналитический талант и произошли многие знаменательные события его беспокойной жизни. Тут мы впервые повстречались с ним, тут зародилась наша дружба, если только она вообще возможна между избранником богов и простым смертным, хотя он и участковый ветеринарный врач...

А за окном по-прежнему льет дождь. В трубе воет ветер, на догорающие угли время от времени с шипением падают капли, дверь то скрипит, то стонет, как будто хочет сорваться со своих разболтанных петель.

Ночь была неприятная. Сквозь щели в потолке сочились дождевые капли, холодное дыхание ветра проникало в комнаты и заставляло трепетать пламя в лампе.

Вот так, сидя у очага, я думал об Аввакуме, а быть может, больше о самом себе, чем о нем. От фитиля стала подниматься копоть, язычок желтого пламени за стеклом постепенно умирал, а в голове у меня зрело чудесное решение, я улыбался, и эта дождливая ночь перестала мне казаться ужасной.

Я подбросил в очаг щепок и раздул огонь. Снова вспыхнуло великолепное пламя. После того как я подлил в лампу керосину, она тоже засветилась золотистым светом. В трубе напевал ветер, а дверь о чем-то весело спорила с заржавленными петлями.

Вытащив из-под кровати чемодан, я принялся укладывать в него вещи.

Что особенного – пусть завтра моя голубоглазая приятельница прольет слезки. Так ей и надо... Человек должен быть гордым.

2

Целый час стоял я под теплым душем, плескался, размахивал руками и весело насвистывал. Я любовался зеркалом, блестящими никелированными ручками колонки, стеклянной полочкой и лежащей на ней мыльницей, одним словом, я был счастлив. Я испытывал такое счастье, какое может испытывать человек после того, как больше года прожил в лесных дебрях. Правда, я и там купался – конечно, не в Доспатской речке с ее ледяными водоворотами. Там из воды то и дело выскакивает форель, но купаться в ней неприятно. Скитаясь по пастбищам, я находил в небольших ручьях местечки поглубже, опускался в них на колени и плескался сколько душе угодно. Иногда вместе с водой зачерпнешь рукой песок или рыску – не велика беда! А тут тебе и холодная вода, и теплая, да и на колени опускаться нет надобности. И вода чистая как слеза.

Одевшись, я вышел наконец на улицу и взял такси.

– Улица Латинка, – сказал я шоферу.

Настроение у меня было хорошее, и я решил поподробнее объяснить ему, где находится улица со столь странным названием, но тот, видимо, чем-то расстроенный, махнул рукой и не стал слушать.

Что ж, поплутает малость, тогда узнает, сказал я себе, хотя платить мне придется. Потеряв всякую надежду найти улицу, он неизбежно обратится ко мне с виноватым видом, рассчитывая на мою помощь, но тогда уж дудки – я только плечами пожму. Пускай на горьком опыте познает, что дурное настроение к добру не приводит.

Но в общем я чувствовал себя превосходно, и мне было весело. Денег у меня было достаточно, времени – уйма, а все мои служебно-ветеринарные заботы остались где-то далеко, за тридевять земель.

– Постой-ка, – обратился я к шоферу, – мне надо взять сигарет. Вон там, напротив, как раз продаются мои любимые.

Я сказал все это, хотя сигареты мне вовсе не были нужны – ведь я, в сущности, не курил, а только так, баловался изредка. Мне просто было приятно зайти в роскошный магазин, поглазеть на витрины. Выходя из гостиницы, я даже иностранную газету купил. Читать ее, разумеется, я не мог, потому что мои познания в этом языке были весьма слабые. Но зато каким тоном я сказал продавщице «пожалуйста», а на газету указал лишь кивком головы. Она сразу меня поняла, и, как мне показалось, на лице ее появилась улыбка. Было очень приятно!

Мы поехали дальше. Видимо, пока я делал свои покупки, шофер здорово поломал голову, потому что безо всякого труда попал в тот район, где находилась улица

Латинка. Обогнув телевизионную башню, мы минуты через две остановились у дома, в котором теперь жил Аввакум.

Было около девяти часов.

Расплачиваясь с шофером, я почувствовал, что с веранды на меня кто-то смотрит. Взгляд этот пронзал меня насквозь, я чувствовал его каждой клеточкой своего существа, он прямо-таки подавлял меня. Я стиснул зубы, но головы не повернул.

Машина отъехала. Толкнув калитку, я вошел во двор. Меня отделяло от дома расстояние в десять шагов, которые мне следовало пройти по вымощенной каменными плитами дорожке. Не успел я сделать первый шаг, как с веранды до меня донесся голос:

– А чемодан кому оставляешь?

Ах, этот голос! Я чуть было не споткнулся. Лицо мое вспыхнуло.

– У меня не было уверенности, что застаю тебя дома, поэтому я и оставил свой багаж у калитки, – соврал я. Как-никак, общаясь с Аввакумом, я прошел неплохую школу и выйти из затруднительного положения теперь для меня не составляло труда.

– Вон оно что? – с нескрываемым притворством удивился Аввакум. – Но раз у тебя не было уверенности, зачем же отпустил машину?

И он тихо рассмеялся своим добрым, чуть грустным смехом.

Аввакум, как всегда, обнял меня, похлопал тяжелой рукой по плечу (как он делал всегда), взглянул мне в глаза и ободряюще тряхнул головой. Затем он усадил меня в мас-

сивное кожаное кресло, стоящее у камина, и, придвинув низенький табурет, сел рядом со мной. Мы обменялись несколькими банальными фразами о моей работе, о наших общих знакомых (о Балабанице он не обмолвился ни единым словом) и о погоде в наших краях. Все это заняло не больше пяти минут. Во время разговора он взглянул на меня один-единственный раз – когда я достал сигареты, – все остальное время он заглядывал только в свою трубку, ковырялся в ней без конца. Это давало мне возможность внимательнее присмотреться к нему, не рискуя встретиться с взглядом его ужасных глаз. Я говорю «ужасных» не ради эффектного словца, не потому, что в них было действительно что-то ужасное. Наоборот, глаза у него были красивые, серо-голубые, спокойные и сосредоточенные. Но для честолюбивых людей вроде меня их взгляд был просто нестерпимым: стоило Аввакуму посмотреть на человека, как тот сразу начинал чувствовать себя провинившимся школьником. Взгляд Аввакума словно бы проникал в ваш мозг и проверял мысль собеседника на сверхчувствительных весах. Вот почему глаза его порой казались мне ужасными.

Его тонкое худое лицо выглядело сегодня таким изможденным, как никогда раньше. Избороздившие щеки и лоб морщины удлинились, и стали глубже, подбородок заострился, скулы тоже выступали резче, чем обычно. Заметно прибавилось седины, особенно на висках. Да и кадык вырисовывался рельефней. Худощавость придавала Аввакуму подчеркнуто городской вид; не глядя на его руки, можно было подумать, что ни в его жилах, ни в жилах его предков никогда не текла крестьянская кровь. Руки же его с

сильно развитыми кистями, с длинными пальцами и резко проступающими сухожилиями были воплощением первобытной силы и врожденной ловкости, и мне всегда приходила в голову мысль, что, должно быть, кто-то из его предков был строителем, возводил дома и мосты и слыл таким же умельцем, какими, к примеру, были мастера Травны или Копривштицы.

После того как мы обменялись приветствиями, Аввакум спросил, зачем мне понадобилось останавливаться в гостинице и почему я не приехал прямо к нему – ведь мне известно, что у него удобная квартира, в которой я чувствовал бы себя как дома.

– А может быть, я и приехал прямо к тебе, – многозначительно указав на свой чемодан, заметил я.

Он покачал головой и скупой усмехнулся. В глазах его горели знакомые огоньки – он явно готовился, как всегда после долгой разлуки, к своей обычной маленькой «охоте». Это было его прихотью, своего рода упражнением, игрой в отгадывание и, видимо, доставляло ему удовольствие, потому что он повторял ее при каждой нашей встрече.

– Может быть, я приехал прямо к тебе, – повторил я, чтобы дать ему повод приступить к «охоте».

Огоньки погасли, и Аввакум зевнул.

– На сей раз задача предельно проста, но ты упорствуешь, и я безо всякого труда положу тебя на обе лопатки. Любезный мой Анастасий, ты остановился в гостинице «Болгария», в твоём чемоданчике лежит родопский домотканый коврик, который ты привез для меня. Я тронут до глубины души. Он напомнит мне о прежних волнующих переживаниях и о всяких приятных вещах.

Аввакум набил трубку, поднес огонь и выпустил несколько клубочков сизого дыма. Он выглядел задумчивым.

Я по опыту знал, что это его мания, любимая игра – удивлять своих гостей, «отгадывая», что с ними приключилось, какие события произошли в их жизни. Этим он демонстрировал свою исключительную детальность, и, хотя внешне его лицо казалось равнодушным, я нисколько не сомневался, что при подобных опытах он испытывал двойное удовольствие: от эффекта, производимого «открытием», и от умения вести рискованную для его честолюбия игру. Я, конечно, предполагал, что относительно гостиницы он так или иначе может догадаться, но что касается коврика, то тут он меня буквально поразил. Я окинул взглядов чемоданчик – он был плотно закрыт и никаких щелей в нем не было. Аввакум выпустил еще несколько клубочков дыма и снисходительно пожал плечами.

– Все тут настолько просто, что я бы на твоём месте краснел, как школьник, не выучивший урок. Тебе, дружище, пора стать сообразительнее! Ну что тут особенного? На вокзале ты берешь такси и говоришь шоферу: гостиница «Болгария». Почему именно гостиница «Болгария»? Потому что ты привык там останавливаться. Этот инстинкт присущ всем путешественникам мира – останавливаться в уже знакомой гостинице. Правда, из-за отсутствия свободных номеров человек может в конце концов оказаться совсем в другом месте. Это тоже случается. Во всяком случае, в силу того, что туристов сейчас мало, не сезон, а может, потому, что ты родился под счастливой звездой, тебе повезло – администратор «Болгарии» любезно записал твою фамилию в гостиничный журнал и тебе предоставили комнату. Ты спросишь, почему это видно?

Голубчик, пора отказаться от подобных вопросов, сколько раз я тебя учил думать аналитически! Во-первых, из левого кармана твоего пиджака выглядывает номер газеты «Юманите». Превосходно. Читать «Юманите» и вообще иностранную прессу похвально. Но ведь иностранные газеты продаются лишь в нескольких киосках и единственная гостиница, вблизи которой имеется такой киоск – это гостиница «Болгария». Во-вторых, закуривая, ты только что вытащил из кармана пачку сигарет. Она в целлофане и с красной каемкой сверху. Это сигареты с фильтром высшего сорта, которые, к сожалению, продаются только в одном магазине – фирменном магазине «Болгарский табак». Где он находится, этот магазин? В нескольких шагах от гостиницы «Болгария»... В-третьих, ты прибыл сюда на старенькой «варшаве» СФ 58-74. Мне она знакома, и шофера я тоже знаю – он частенько привозит меня домой. Стоянка этой машины на улице Славянска – это ближайшая стоянка возле гостиницы «Болгария»...

– Газета, сигареты, машина, – продолжал Аввакум, – да еще то, что у тебя оказалось достаточно времени, чтоб выкупаться, побриться, сменить костюм, надеть только что выглаженную рубашку, – все эти вещи, дорогой Анастасий, довольно недвусмысленно дают понять, что ты остановился не где-нибудь, а именно в гостинице «Болгария».

Он помолчал некоторое время.

– Теперь коврик... Ты, должно быть, обратил внимание – пока ты в прихожей снимал пальто, я принес твой чемодан сюда. Мне он показался слишком легким и полупустым. Отправляясь из Триграда в Софию, с тем чтоб провести здесь отпуск, человек едет не с пустыми руками...

Большую часть багажа ты оставил в другом месте, где – мы уже установили. Но что находится тут? Это что-то объемистое, но не тяжелое, не твердое, без острых углов и, когда опрокидываешь, не гремит. Человек, остановившийся в отеле, не пойдет в гости к другу с бельем в чемодане. Если бы не кое-какие приметы, я бы установил лишь характер вещи: кожа. Но хранящийся в чемодане предмет оставил на тебе свои следы, если так можно сказать, свою подпись. Взгляни, пожалуйста, на края твоих рукавов, вот сюда, на пиджак. Что ты видишь? Несколько белых волосков, длиной около четырех сантиметров. Это козья шерсть. В совсем еще новых ковриках некоторые волокна выпадают из основы. Перекладывая угрюм вещи, ты трогал коврик, и на обшлагах твоих рукавов он оставил свою подпись. Стоит быть чуть повнимательней, и прочесть ее – сущий пустяк!

В его глазах снова вспыхнули и сразу же погасли огоньки. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Вид у него был озабоченный.

Встав с кресла, я только руками развел – что тут возразишь? Открыв чемодан, я вынул коврик и расстелил его у ног Аввакума. Какое-то время он рассматривал коврик, и я заметил, что тонкие губы его слегка искривились в горькой усмешке.

Пока он переодевался и приготавливал в соседней комнате кофе, я осмотрел его кабинет. Тут не было ничего нового, если не считать кинопроектора, которого я прежде не видел. Множество плотно установленных книг на полках и шкафу, старая тахта с потертым плюшевым покрытием, высокая настольная лампа и продавленное кресла у

камина – все это было мне знакомо – оставалось на прежних местах и, неизвестно почему, выглядело каким-то до странности усталым... Как будто всем этим предметам передалось скептическое выражение хозяина дома и каждая вещь дома навсегда простилась с мыслью когда-нибудь обновиться или хотя бы на сантиметр сдвинуться с места.

Один только проектор, вызывающе сверкавший стеклами, привлекал внимание своим подчеркнуто оптимистическим видом.

Что касается письменного стола, то на этот раз он был больше чем когда-либо завален какими-то бумагами, справочниками, иллюстрированными журналами и газетами – единственное место во всей комнате, где привычный строгий порядок утратил свою власть. Раскрытые книги, лежащие как попало журналы, разбросанные вырезки из газет с подчеркнутыми заголовками и частью текста – весь этот странный беспорядок свидетельствовал либо о том, что хозяин подолгу не задерживается у своего письменного стола, так как интересы его сосредоточены где-то в другом месте, вне дома, либо о том, что основную часть свободного времени он проводит в своем любимом кресле, вытянув ноги и закрыв глаза, как бы вслушиваясь в какой-то отдаленный и едва уловимый шум. Таким я его видел в самые жуткие для него дни после той страшной истории с бактериологической диверсией и самоубийства Ирины – этот мрачный вид навсегда врезался мне в память.

Но мои наблюдения оказались не слишком точными.

– Ты ознакомился с моей фототекой? – спросил меня Аввакум. Он поставил на стол поднос с чашечками кофе.

На Аввакуме был элегантный темно-коричневый костюм.

– С какой фототекой? – спросил я, оглядываясь по сторонам. Он положил мне на плечо руку и со снисходительно-добродушной улыбкой подвел меня к книжным полкам. Рядом стоял узенький шкаф, достигавший по высоте верхнего яруса. И шкаф и полки были изготовлены из одинакового дерева и выдержаны в одном стиле. Застекленный шкаф казался как бы продолжением полок.

Как-никак я эту ночь провел в дороге, и не удивительно, что некоторые мелочи ускользали у меня из поля зрения.

Аввакум стал выдвигать из шкафа ящики. Одни из них были полны фотоснимков, другие – роликов пленки, каждая составная частица этого безмолвного мира была надписана, снабжена этикеткой, номером и еще каким-то знаком, напоминающим букву греческого алфавита.

Он предложит мне назвать какую-либо букву, любую, какая придет в голову, и я выбрал «ф». Вероятно, мне пришло на ум понятие «фантазия», так что я назвал эту букву совсем произвольно.

– Отлично, – кивнул Аввакум.

Судя по всему, он был доволен, и я бы сказал, даже очень доволен моим выбором.

«На какие только фантазии не тратят время незаурядные люди, – подумал я, и в этот момент мой ничем не примечательный уравновешенный характер вызвал во мне чувство истинного умиления. – Верно, у меня тоже есть слабость – сачок для ловли бабочек, но одно дело собирать коллекции бабочек и совсем другое – заниматься каким-то фото-трюкачеством».

– Тут хранятся снимки лиц, чьи собственные имена начинаются с буквы «ф». Разумеется, это лица, к которым я

испытываю, так сказать, профессиональный интерес. Вот снимок бесшумного пистолета FR-59 и черепной кости, пробитой пулей этого пистолета. Посмотри, какая узкая и ровная пробоина. А вот на этой пленке еще более любопытные вещи. Она способна доставить истинное удовольствие. Минуточку!

Он начал заправлять кассету в проектор. Я затаил дыхание. «Должно быть, я сейчас увижу, как такая же пуля поражает другие органы, — думалось мне, — бедренную кость или желудок».

Я даже зубы стиснул от любопытства.

Аввакум опустил шторы, и комната погрузилась в полумрак. Затем он вынул из-под книжной полки магнитофон и взялся его налаживать.

«Чего доброго, я еще услышу хруст треснувшей бедренной кости, — подумал я. — Ведь это как-никак пуля специального назначения».

Я тихо вздохнул и приготовился.

Мои уши улавливали шелест движущейся пленки; затем послышались звуки, которые, казалось, исходили из какого-то сказочного мира, залитого волшебным светом. На стене, служившей экраном, появились дикие скалы, поросшие какими-то уродливыми, искривленными деревьями, мрак рассеялся, и я увидел таинственную горную поляну. В вихре танца, словно из небытия, появлялись ведьмы и черти, и среди них Ариэль и Оберон, Пук и Прекрасная фея...

Начало Вальпургиевой ночи.

Это было поистине чудесно! Такое я мог бы слушать и смотреть целую вечность. Мне вспомнились мои студен-

ческие годы, галерка, первые восторги и первые сомнения. Ох, эта беззаботная юность, пора, когда я мечтал исколесить весь мир вдоль и поперек... Первые русые кудри, первая улыбка, первая счастливая бессонная ночь...

Щелкнул какой-то механизм, и от видений Вальпургиевой ночи осталось лишь темное пятно. Оборвалась и чарующая музыка. И холодный голос Аввакума сказал:

– Вот тебе еще на букву «ф». «Фауст». Балетное интермеццо.

Он раздвинул шторы, и комнату снова залил мутный свет дождливого дня.

– Сейчас я покажу тебе Прекрасную фею. Вот она. – И он протянул мне продолговатый снимок. – Это уже на букву «М»: Мария Максимова. Тебе знакомо это имя?

Мне пришлось сознаться, что я впервые его слышу. В наших краях обо всем не узнаешь – радио у меня не было, а без него как услышишь новости культурного фронта? Но что касается этой звезды столичного балета, то я, разумеется, не стал особенно упрекать себя в невежестве и промолчал.

Однако, увидев фотографию, я не мог скрыть свое восхищение.

– Что за красавица! – вырвалось у меня.

У этой «феи» и в самом деле было что-то колдовское, особенно глаза; поразительно красивые, они смотрели совершенно беззастенчиво, хоть и молодые, а уже таили опыт зрелой женщины.

– Нравится? – снисходительно усмехнулся Аввакум, ставя снимок на место.

Я уже овладел собой после первого восторга. Сунув руки в карманы, я пожал плечами:

– У нее очень красивые черты лица.
Больше к этой красавице мы не возвращались.

Аввакум повел меня в музей, где он по-прежнему работал реставратором. Сквозь сводчатое окно в его мастерскую струился холодный, печальный свет. Еще ни разу мне не приходилось видеть у него столько всяких черепков – растрескавшиеся амфоры, раздавленные вазы и гидрии, разбитые статуэтки, мраморные плиты со стертыми надписями, – ступить было некуда среди этого кладбища памятников старины.

– Ты один будешь со всем этим возиться? – удивился я.

Аввакум молча улыбнулся. Он показал мне две только что реставрированные гидрии и беломраморную статуэтку женщины без головы и без рук высотой сантиметров в тридцать. Он давал пояснения таким тоном, как будто решалась судьба по меньшей мере половины человечества.

– Артемида!

Я кивнул головой, хотя вполне мог и не согласиться. Она с таким же успехом могла сойти за Афродиту, Афины и за какую-нибудь древнегреческую гетеру. У нее не было ни головы, ни рук, а ведь в остальном все женщины похожи одна на другую.

– Ее узнают по тунике и по позе, – сдержанно улыбнулся Аввакум. – В этом вот месте, у левого бедра складок нет и на мраморе неровности. Очевидно, тут находился колчан со стрелами. Туника короткая, выше колен, а правая нога и правая рука чуть выдвинуты вперед как будто она бежит или подгоняет кого-то. Правая рука держала копье, а левая была согнута в локте. А то, что складки на правом бедре более крупные...

Он объяснял мне, а я думал: «Вот почему здесь в мастерской столько всяких черепков! Сначала надо анализировать, строить предположения выдвигать гипотезы, и лишь после долгих поисков можно установить истину. „Консервация“ Аввакума как сотрудника госбезопасности оторвала его от живой жизни, и вот он с головой ушел в другое любимое дело; теперь он разгадывает тайны античного мира, восстанавливает то, чего не пощадило время».

Перед тем как нам расстаться, Аввакум сказал:

– Вечером, дорогой Анастасий, мы с тобой пойдем к очень симпатичным и приятным людям. Там ты увидишь Прекрасную фею. Это действительно очаровательное создание, и есть опасность, что ты влюбишься в нее. Смотри, не слишком увлекайся, она помолвлена, а жених се ужасно ревнив и вдобавок свирепый малый.

Пришлось срочно купить себе новый галстук. Впрочем, я давно собирался это сделать – мой галстук был слишком светлым для моего черного костюма.

3

Так я очутился в доме доктора физико-математических наук, профессора Найдена Найденова. Мог ли я предполагать, что вскоре после этого цветения судьба сделает меня безучастным свидетелем ужаснейшей драмы? Знай я это заранее, я бы, конечно, остался в Триграде, охотился бы себе на волков – ведь охота на волков требует большого мужества и сообразительности. К тому же я давно мечтал о теплой волчьей шубе. И если бы я повстречался, например,

со своей голубоглазой приятельницей, она бы, конечно, устала на меня с удивлением, а я бы сказал: «Волчья шуба – сущий пустяк. В эту зиму я перебил столько зверья, что не знаю, куда девать шкуры. Хранить их негде! Хочешь, притащу тебе несколько, сделаешь чудный коврик – говорят, в них блохи не заводятся. Удобная вещь». Вот как могло обернуться дело, останься я в селе.

Бедняге профессору Найденову должно было исполниться шестьдесят лет; он был на пенсии и жил в полном одиночестве – овдовел давно, а детей у него не было. Ужасная болезнь – частичный паралич ног – обрекла его на сидячий, отшельнический образ жизни; он почти не выходил из дому.

Небольшая вилла, в которой он жил, своим фасадом была обращена к лесу. В нижнем этаже находилась просторная гостиная и кухня. Из гостиной витая лестница вела на верхний этаж, в профессорский кабинет. В сущности, верхний этаж был обычной мансардой, потому что только кабинет представлял собой большую и удобную для работы комнату. Вместо окна здесь была сплошь стеклянная стена. А две другие комнатки глядели на лес сквозь круглые, обитые железом слуховые оконца.

В кухне жил дальний родственник доктора, бывший кок дунайского пассажирского парохода, в прошлом большой весельчак и гуляка, а теперь старый холостяк – лысый, с мешками под глазами. Он стряпал профессору и был для него как бы сиделкой; у старика повара были небольшие доходы, поступавшие из провинции от съемщиков доставшегося ему в наследство дома. Так что этот краснолицый толстяк жил довольно беззаботно, весь день напевал

давно вышедшие из моды песенки и венские шансонетки тридцатых годов.

У профессора Найденова был племянник по имени Хараламбий, или Хари, как все его звали. Молодой человек слыл большим умельцем. Из нескольких соломинок ему ничего не стоило смастерить китайского мандарина, слона, осла или жар-птицу. Окончив факультет декоративного и прикладного искусства Академии художеств, он прославился как мастер по устройству витрин и выставочных павильонов. Высокий, гибкий, подвижный, он относился к разряду людей, у которых энергия, как говорится, бьет ключом. Куда бы Хари ни пришел, он всегда находил себе дело, подчас на первый взгляд бессмысленное и бесполезное, – то стол передвинет или скатерть поправит, то переставит книги, если на глаза попадается книжный шкаф. Если ему приходится сидеть на одном месте, обязательно вытащит этюдник и начинает рисовать или же сплетает из позолоченной цепочки разные фигурки у себя на коленях.

А когда он в ресторане встанет из-за стола, официант подолгу с удивлением рассматривает петушков и крохотных человечков из хлебного мякиша – пальцы Хари машинально лепят их во время паузы между вторым блюдом и десертом.

Зарабатывал Хари хорошо, тратил деньги довольно осторожно, порой даже скупился, и единственной его страстью были карты. Они играли в его жизни роковую роль, и не потому, что он чересчур увлекался игрой, а из-за его склонности к передергиванию, которое нетерпимо среди карточных игроков. Как только его проделки всплывали наружу – а это бывало довольно часто, – игра обычно кончалась скандалом.

Шулерство было у него своего рода манией, внутренней потребностью. Впрочем, заскоки, правда, несколько иного рода, бывали и у его дядюшки, почтенного профессора. В свободные от писания научных статей и составления учебников минуты он принимался за решение математических ребусов. Профессор выписывал из-за границы специальные журналы, вел с их редакциями оживленную переписку. Иногда он сам составлял такие ребусы из дифференциальных уравнений, которые и Аввакуму были не под силу.

Надо сказать, что маниакальные увлечения были характерны для всего их рода. Покойный отец Хари был по профессии ихтиолог, все его считали серьезным, преданным своему делу научным работником, однако и он отличался причудами. Во время отпуска или когда наступали праздники, он брал рюкзак и, вместо того чтобы отправиться куда-нибудь на речку или на побережье моря, пускался в дремучие леса на поиски монастырей и заброшенных часовен; там он собирал старинные подсвечники, ржавые задвижки, ветхие останки иконостасов. Однажды во время подобной экспедиции в Странджанских горах он погиб от укуса змеи. Вот почему мне кажется, что в их роду все были немного чокнутые. Участковому ветеринарному врачу не зазорно ловить пестрых бабочек в свободное время, но ихтиологу собирать старые щеколды вовсе не к лицу. Я так считаю.

А теперь мне хочется немножко рассказать и о Прекрасной фее. Меня не причислишь к романтикам, но в порядке исключения я позволю себе одно поэтическое сравнение. Нежностью своей Прекрасная фея напоминала во-

дяную лилию, а живостью и резвостью – белую шаловливую козочку моего старого друга деда Реджепа. Она была поистине редкостным цветком из Магометова рая правых, созданного богатейшей фантазией восточных поэтов.

Вот какова была Прекрасная фея – и на лилию походила и на козочку, но прежде всего она была женщиной!

Но, как ни странно, в жизни ей пришлось немало страдать. Первое несчастье постигло ее, когда ей исполнилось восемнадцать лет. Едва она поступила стажеркой в Театр оперетты, как помощник дирижера предложил ей прокатиться с ним к Золотым мостам. Водил он машину неплохо, но чем-то отвлекся на мгновение – наверное, задумался над какими-то контрапунктами, – и машина свалилась под откос. Для водителей транспорта рассеянность – опаснейший порок, подчас ведущий к губительным последствиям. Раз ты сел за руль, нечего засорять себе голову всякими там гаммами, тактами да контрапунктами.

Когда Прекрасной фее исполнилось двадцать лет, она вышла замуж за очень видного инженера, который руководил крупным строительством. Муж был на целых тридцать лет старше ее, и не трудно себе представить, какое это было трогательное зрелище, когда молодость и зрелость влюбленно, рука об руку шли по улице. Однако вскоре после свадьбы инженер скоропостижно скончался.

Как видите, нельзя сказать, что жизненный путь Прекрасной феи был усеян розами. Но она держалась храбро. Я ни разу не видел, чтоб эта женщина предавалась скорби или, отчаявшись, наряжалась в мрачные одежды. Наоборот, все ее наряды были ярких цветов; она даже настаивала, чтоб Хари носил желтое пальто.

Вот в какой необычный мир привел меня Аввакум. Среди этих людей со столь странными привычками я казался человеком не в меру прозаичным. Да так оно и было на самом деле – иначе едва ли я добился бы таких успехов на ветеринарном поприще. Человеку со странными привычками нелегко бороться за высокие надои молока.

Тот вечер, когда Аввакум впервые привел меня в гости к профессору Найденову, пролетел, как сон в летнюю ночь, несмотря на то, что уже кончился октябрь и на улице моросил отвратительный дождь.

Бывший кок приготовил для нас отменный шницель, а Хари вынул из глубоких карманов своего плаща две бутылки выдержанного красного вина. Затем они вместе с Аввакумом взяли на руки и перенесли к столу почтенного профессора, что было не так уж трудно – старик весил не более пятидесяти килограммов. Прекрасная фея расцеловала его в обе щеки и весь вечер заботливо ухаживала за ним, как родная дочь. Несмотря на тяжелый недуг, дядюшка был человек веселый и забавный, рассказывал старые анекдоты и неожиданно в минуту старческого умиления подарил своей будущей снохе изящное золотое колечко с маленьким изумрудом. Мы все захлопали в ладоши. Прекрасная фея, обняв его, обронила от радости слезу, а бывший флотский кок сыграл на старой гармошке церемониальный марш моряков.

Затем мы поднялись наверх и разместились в профессорском кабинете. Прекрасная фея надела белый передничек с оборочками и занялась приготовлением кофе; Аввакум с профессором уткнулась в новый алгебраический ребус, а Хари, засучив рукава, с увлечением принялся за

дело — он давно уже начал мастерить для дядюшки специальное чудо-кресло. Да, это было настоящее чудо: и кресло для отдыха, и письменный стол, и кровать, к тому же сооружение это могло свободно передвигаться, потому что «шасси» его было смонтировано на роликах!

Бывший кок подал нам бисквит с кремом, мы пили кофе и ликер. После кофе Хари предложил поиграть в ... жмурки. Я вытаращил глаза, мне показалось, что я не слышал как следует, и это вызвало взрыв смеха. Но тут Прекрасная фея топнула ножкой, и тотчас же лица на-смешников стали очень серьезными. Затем она мило взглянула на меня и даже слегка улыбнулась. А ведь говорят, что если чья-нибудь невеста ласково посмотрит на другого и улыбнется ему, то это может послужить началом небольшого романа. Вот почему мне показалось, что температура в комнате поднялась по меньшей мере градусов на двадцать. Впрочем, перед этим я выпил полную рюмку ликера.

Профессор, увлеченный своими дифференциальными ребусами, не обращал на нас никакого внимания. Он даже не заметил, как мы вышли из кабинета.

Хари погасил свет, и игра началась — игра простая, но очень увлекательная, потому что все происходит в непроглядной тьме. Каждый из нас мог прятаться где угодно, по всему дому, начиная от входной двери и до самого чердака. Один только профессорский кабинет был табу. Разумеется, в игре участвовал, и притом очень активно, и бывший кок. Несмотря на свои девяносто килограммов, он с поразительной ловкостью, к тому же совершенно бесшумно двигался по лестницам и таился по углам, словно рысь. Но

если кто-либо из нас все же обнаруживал его, он, хлопнув руками, давился от смеха и сипло гудел, словно речной пароход.

Все время, пока мы играли, я чувствовал, что каждый из нас постоянно находится в поле зрения Аввакума – он мог безошибочно сказать, кто в данный момент где спрятался, а его беспомощность, которую он проявлял во время своих поисков, – чистейшее притворство. Однако свою роль он играл очень естественно, как способный и весьма опытный артист.

Этот вечер оставил в моей памяти самые лучшие воспоминания. Но особенно запечатлелся такой случай: спрятавшись в чуланчике за кухней, я замер в темноте и стал прислушиваться; вдруг к двери приблизились чьи-то легкие, торопливые шаги. Затем открылась дверка, и в тот же миг я почувствовал сильный опьяняющий запах духов Прекрасной феи.

В тесной каморке этот запах подействовал на меня, словно хлороформ как будто вдруг не стало воздуха, и я лихорадочно задышал раскрытым ртом...

Тогда Прекрасная фея осторожным движением прикрыла дверь, ощупью приблизилась ко мне, присела на корточки и рукой обняла меня за шею. Ее волосы касались моего лица, я ощущал ее упругую грудь, ее горячее дыхание. Мне было так приятно, что я закрыл глаза.

Да, значит, не случайно она тогда улыбнулась мне, остановила на мне затуманенный взгляд – я сразу же понял, что ее влечет ко мне.

Но кому понять капризы любви.

Пока я раздумывал, что сказать, какими словами вы-

разить ей свою радость, она все время что-то шептала мне на ухо и вдруг назвала меня Аввакумом... И тогда передо мною с беспощадной ясностью открылось все, как сказал однажды Александр Блок.

Чтобы помочь Прекрасной фее выйти из неловкого положения, я осторожно освободился из ее объятий и не промолвив ни слова, выскользнул из чуланчика. В тот же миг я, словно снаряд, налетел на что-то громоздкое и неподвижное, после чего послышался отчаянный рев. Ревел бывший кок. То ли от восторга, что обнаружил меня, то ли от испуга, но ревел он, как раненый бык. Но тут чья-то рука закрыла ему рот и настоящий Аввакум довольно грозно сказал:

– Перестань реветь, болван, или я заткну тебе горло кухонным веником, слышишь?

Вот чем закончилась эта сцена.

Игра продолжалась еще какое-то время, но теперь я участвовал в ней без особого желания и без прежнего энтузиазма. Разве знаешь, что с тобой может еще приключиться. В этой игре всякое возможно. Да и Прекрасная фея время от времени бросала в мою сторону злые, презрительные взгляды.

4

В тот же вечер двадцать седьмого ноября – запомните дату! – пока мы с Прекрасной феей играли в жмурки, на южной границе в секторе L–Z была объявлена тревога.

Погода стояла прескверная: непрерывно моросил дождь, темное небо низко нависло над горными хребтами,

затем оно опустилось еще ниже и как бы грудью навалилось на верхушки высоких сосен. Из сырых темных ущелий сползал густой туман; скатываясь волнами со склонов, он забирался в леса, долины и пустынные закутки оврагов и там словно замирал. Стало так темно, что нельзя было отличить исполинскую ель от орешника, осыпь от скалистого утеса.

В такой каше из дождя и тумана даже самое острое зрение теряет силу – глаз проникал сквозь густой мрак на один-два шага, не более, а свет электрического фонарика превращался в жалкий тонкий лучик, едва ли уходящий на метр от руки, которая его держит. В подобных условиях пограничные патрули движутся по компасу, надеясь на служебных собак с их безошибочным чутьем, на своих навыков и инстинкт.

Этим людям, привыкшим к жизни среди диких гор и лесов, понятен голос земли. Ведь когда нога ступает на гнилую листву, на сосновые иголки и на мокрую траву, земля отзывается по-разному. Различными способами она предупреждает путника, когда перед ним подъем, или спуск, или крутой обрыв. Как никто другой пограничник понимает и язык тишины. Зимой и летом, на открытой поляне и в молчаливой лесной чаще тишина различна. По-разному говорит она в ясную погоду и в туман, глубокой ночью и на рассвете, в сосновом бору и в буковой роще. Тишина всегда различна, у нее всегда свой ясный язык.

Дождь шел уже несколько дней и ночей; все вокруг пропиталось влагой и казалось дном мглистого моря, покрывавшего еще с незапамятных времен эти первозданные края. Несведущие люди могут подумать, что в такую по-

году кто угодно может перейти границу, стоит только захотеть, – ведь в эдаком густом, липком тумане и слона не заметишь, не то что человека! Важно, мол, уметь бесшумно передвигаться, не кашлять, не курить и не нарваться на проходящего пограничника.

Но опытные люди знают, что перейти границу не так-то просто. Пограничная охрана имеет свои посты, в определенных местах располагаются секреты, участки патрулируются; к услугам пограничников служебные собаки, телефон, средства сигнализации; граница охраняется опытными людьми – они обладают умением видеть в тумане, понимать язык притаившейся тишины.

И все-таки пора туманов перед первым снегом самая тревожная для пограничников – дождь размывает следы, отбивает запахи; под прикрытием тумана легче подобраться к пограничной полосе и выжидать, пока пройдет патруль.

Около шести часов вечера двадцать седьмого ноября в третьем пограничном районе сектора L–Z неожиданно объявили тревогу.

Сектор L–Z образует дугу, обращенную своей выпуклой частью к востоку. Третий пограничный район находился именно в этом месте. На флангах района располагались 178-я и 179-я заставы, а в глубине, примерно на середине хорды, стояло оборонительное сооружение «Момчил-2». Третий район представлял собой лесистую местность с множеством глубоких, заросших кустарником ложбин. Две из них находились на участке 178-й заставы, пересекали границу и полого спускались к юго-востоку. Эти две ложбины представляли собой естественный выход

к юго-восточной низменности, геометрически замыкаемой линией границы.

Тревога была объявлена именно здесь. На дне восточной ложбины – в ней стоял такой густой туман, хоть ножом режь, и тьма – ни зги не видать – охрана уловила какие-то необычные, подозрительные звуки. Несколько раз был слышен треск валежника, то тут, то там с присвистом покачивался орешник. Медведи в такую пору не бродят, да и ступают они тихо и никогда не ломают валежник на своем пути. Волкам было еще рано появляться, но и волки обычно передвигаются настолько бесшумно, что подчас и волкодав их не приметит. Серны инстинктивно сторонятся оврагов и закрытых мест. А в тишину и безветрие, когда все тонет в густом тумане, ветки не шумят сами по себе.

Невольно возникала мысль, что в овраге люди и пришли они *оттуда*. Люди, судя по всему, неопытные – ломают ногами валежник, задевают ветки. Опытный нарушитель границы ночью или в густом ноябрьском тумане все равно обязательно передвигается ползком.

А может, это какие-нибудь легкомысленные смельчаки, не в меру самонадеянные, уповающие на свою счастливую звезду? Но не важно, кто они, важно другое – они пытаются тайком проникнуть в чужой дом.

Двое пограничников 178-й заставы, патрулировавших на своем участке, залегли у них на пути, в нескольких шагах от пограничной полосы, а третьего своего товарища срочно отправили предупредить секретный пост. Отсюда по телефону сообщили дежурному, затем находящийся в секрете вместе с прибывшим связным продвинулся повыше и тоже залег. Так четверка пограничников образовала подковообразную западню для непрошенных гостей.

На все это – начиная с того момента, когда был услышан шум, – ушло десять минут.

Моросил холодный, мелкий, как пыль, дождик. Впрочем, не сразу можно было определить, дождь это или оседающий туман. Видимости не было – пограничники двигались вслепую, по памяти. Они знали эти места как свои пять пальцев и могли быстро и безошибочно вести немой разговор с землей.

Начальник 178-й заставы мгновенно поднял на ноги весь личный состав. Он позвонил на соседнюю заставу, в нескольких словах объяснил обстановку и попросил прикрывать его фланг с юго-запада. Распорядившись выслать донесение в штаб погранотряда, он кинулся к выходу. Но едва успел он положить трубку, как снова задребезжал телефон. На этот раз сигнализировал секретный пост из соседней ложбины – и там были обнаружены неизвестные, явно намеревавшиеся нарушить границу. Начальник заставы приказал занять позицию в самом узком месте ложбины и, пока нарушители не появятся там, огонь не открывать.

Затем он разделил своих солдат на три группы. Первым двум приказал расположиться на высотах, вокруг обеих ложбин, и третью группу с двумя ручными пулеметами повел сам к узкому выходу из ложбины, с тем чтобы в нужный момент перекрыть его, и тогда непрошенные гости окажутся зажатыми с трех сторон.

Не успели пограничники занять свои позиции, как из ложбины донеслась частая автоматная стрельба.

Начальник сектора L–Z, узнав от командира третьего пограничного района о насильственном вторжении, отдал

приказ о приведении в полную боевую готовность всего сектора, а в наиболее угрожаемые места направил мощные огневые средства. Двадцать минут спустя, когда ему донесли, что противник обстреливает наши подразделения из пулеметов и автоматов, ему пришлось поднять по тревоге резерв и связаться по радио с Центральным управлением пограничной охраны.

Вскоре после того, как нарушители открыли стрельбу, над оборонительным сооружением «Момчил-2» пролетел самолет. Он сбросил две осветительные ракеты и, круто развернувшись, исчез по ту сторону границы. Начальник сооружения распорядился о принятии мер, способных обезвредить любых нарушителей.

Вся эта суматоха, сопровождавшаяся автоматными и пулеметными очередями, длилась около двадцати пяти минут. Внезапно начавшись, она столь же внезапно и кончилась. Над обеими ложбинами снова воцарилась глубокая, мирная тишина. Только туман хранил еще некоторое время кисловато-терпкий запах пороха.

Был один убитый. Труп обнаружили у самой границы на нашей стороне. Осветив фонариком окровавленное лицо убитого, начальник 178-й заставы тотчас же опознал его: это был небезызвестный Хасан Рафиев из Барутина, племянник знаменитого диверсанта Шукри Илязова, два года назад бежавший за границу.

Вскоре после рассвета начальник третьего пограничного района в течение нескольких минут вел переговоры с начальником пограничной охраны соседнего государства. Переговоры велись на середине вспаханной нейтральной полосы. Легкий ветерок несколько разрядил туман, и теперь с сумрачного неба лил настоящий ноябрьский дождь.

– Вся эта история, – пожав плечами, отвечал по-французски иностранный офицер с таким видом, будто речь шла об интрижке между ним и наивной деревенской девчонкой, – вся эта история, как вы сами могли убедиться – дело *ваших* беглецов, политических эмигрантов. Я глубоко сожалею о случившемся.

– Да, – кивнул начальник третьего пограничного района. Он смотрел на своего иностранного коллегу со смешанным чувством глубокой озабоченности и непреодолимого презрения. – Вы подбросили нам труп и теперь умываете руки, не так ли?

– Это ваш трофей, вы убили человека. Точнее говоря, его убил один из ваших солдат.

– Мои солдаты убивают нарушителей лицом к лицу, а этот человек убит выстрелом в затылок. В него стреляли почти в упор.

– Что поделаешь, господин начальник? – Офицер вздохнул, будто мимо него прошла та самая девчонка, не поздоровавшись с ним. – Убитому совершенно все равно, как его убили. На войне всякое бывает! – Он улыбнулся и спросил: – Не желаете ли закурить, господин офицер?

Начальник третьего пограничного района в ответ предложил сигареты.

Они отковыряли друг другу в соответствии с дипломатическим протоколом и встреча закончилась.

На обезлюдившую пограничную полосу продолжал лить дождь.

В полдень в районе оборонительного сооружения «Момчил-2» можно было заметить необычное оживление. Майор контрразведки Н. обнаружил вблизи плаца любо-

пытный предмет, очень напоминающий киноплёночную кассету. Эта вещь была найдена под двуколкой, на которой со склада на кухню подвозили продукты. Продсклад находился в северной части плаца, неподалеку от дороги, идущей через село Тешел на Момчилово.

Майор Н. знал свое дело. Надев перчатки и осторожно взяв находку за края, он так и ахнул от удовольствия – кассета оказалась совсем сухой, отпечатки пальцев, если они были, не смыло дождем. Упаковав находку как редчайшую драгоценность, он приказал своим помощникам проверить, не занимается ли кинолюбительством кто-нибудь из личного состава, а сам принялся обследовать местность вокруг продовольственного склада.

Искать следы на земле было бы глупо – дождь не прекращался ни на минуту. Места, поросшие травой, напоминали болото, на голой земле разлились маленькие и большие лужи, от падающих дождевых струй вода в них все время пузырилась, будто кипела. Нагибаться и разглядывать землю не было никакого смысла. Он зашел за продсклад и стал шаг за шагом осматривать проволочное ограждение. В этом месте плац был обнесен двумя рядами колючей проволоки. Между рядами проволоки виднелась яма глубиной около метра, залитая до половины грязной дождевой водой. Как раз напротив продсклада нижние ряды проволоки были перерезаны и концы их свисали в яму. Ненастной ночью неизвестный, пришедший со стороны Момчилова или Тешела, незаметно для охраны проник в расположение объекта. Не исключено, что это произошло именно в то время, когда личный состав занимал оборону южнее объекта. По всей вероятности, найденная кассета и принадлежала этому лицу.

Час спустя майор Н. мчал на «джипе» к ближайшему военному аэродрому. Он вылетел на специальном самолете в Софию и около трех уже докладывал полковнику Манову о своей находке на территории оборонительного сооружения «Момчил-2».

5

И вот наши дороги с Аввакумом снова сошлись, если только узенькую тропинку, по которой петляла моя жизнь, можно было назвать дорогой.

Порой я думаю: случайно ли все это или нет? Почему, я время от времени оказываюсь на высоком берегу, под которым полноводной рекой льется жизнь Аввакума? Может, я сам напрашиваюсь на то, чтобы поблистать чужим, отраженным светом? А быть может, напав на интересную находку, мне просто-напросто хочется насладиться тем любопытством, которое она вызовет у публики.

Впрочем, не такой уж я романтик, чтобы предаваться столь поэтическим влечениям! Как ветеринарный врач, я рассуждаю просто и деловито. Многие ходят в картинную галерею посмотреть на картины знаменитых художников. Один придет, полюбуется выставленными полотнами, уйдет и не вернется. Мне кажется, он попал в галерею случайно – наткнулся по пути на выставочный зал. Бывают и другие посетители: они заходят в галерею в другой и в третий раз и всегда с интересом, достойным похвалы, рассматривают картины, любят произведения искусства с неподдельным восторгом. Такие люди приходят сюда не случайно, но и у них интересы довольно общие,

они напоминают школьников, которые учатся на одни лишь пятерки. Но есть и третьи, эти совсем особые – они пробегают по залам, скользя глазами по большинству выставленных полотен, и останавливаются лишь у тех картин, от которых они ни глаз, ни души оторвать не в силах. Всякий раз это одни и те же произведения, написанные одними и теми же мастерами. По-видимому, эти полотна обладают какой-то притягательной силой, именно они, а не какие-либо другие способны удовлетворить ненасытную духовную жажду этих людей. Они не просто любуются этими картинами, они живут ими. Можно ли назвать таких людей случайными посетителями?

Вот как я начинаю рассуждать, когда «случается», что наши пути с Аввакумом вдруг сходятся.

Теперь, когда все эти события давно стали прошлым, мне приходится рассказывать о них, как свидетелю – от «третьего» лица. Так бы стал рассказывать ют, кто часто приходит в художественную галерею, чтобы поглядеть на картины любимых художников.

Прежде чем приступить к этой истории, необходимо, как мне кажется, вкратце напомнить о некоторых более давних событиях. Сейчас, глядя с вершины настоящего, невольно хочется дополнить их некоторыми эпизодами из жизни Аввакума до упомянутого дня 27 ноября.

Аввакум по-прежнему жил на улице Латинка, в доме подполковника запаса доктора Свинтилы Савова. Ему пришлась по душе эта тихая, уединенная улица, которая с восточной стороны упиралась в сосновую рощу городского парка; да и сама квартира – на втором этаже с верандой и старинным камином – полностью отвечала его желанию отдалиться спокойному творческому труду.

Напомню: после дела Ичеренского и бактериологической диверсии руководство госбезопасности приняло решение на время «законсервировать» своего секретного сотрудника, чтобы он, не будучи непосредственно связанным с оперативной работой, оставался некоторое время в тени. Временная «консервация» была необходимостью – тяжелой для Аввакума, но как тактический маневр полезной.

В придачу ко всему возникла совершенно опереточная история с Виолеттой – внучатой племянницей Свинтилы Савова. Ее увлечение напоминало ему оперетту Кальмана или Штрауса – музыка чарует, нашептывает о весенних ночах, о молодости – и это прекрасно, однако и роскошные мундиры с эполетами, и кринолины, и до глупости наивные любовные речитативы – весь этот блестящий мир дешевых эффектов давно ушел в прошлое и стал бесконечно чужд современному зрителю. Неподдельная прелесть молодой девушки – ее чистый взгляд, хрупкие плечи, упругая грудь, – разве она не напоминает чарующую музыку из доброй старой оперетты? Слушать подобную музыку, радоваться ей – чудесно, но выступать в роли жениха в мундире с эполетами было бы по меньшей мере смешно. С момчиловской Балабаницей или с официанткой из софийского ресторанчика было куда проще – радость за радость и ничего больше.

Быть может, и Виолетта на большее не рассчитывала, когда судьба столкнула их, – она ведь очень тонкая, чувствительная натура и ей не так трудно было это заметить. Но мог ли он – человек зрелый, намного старше ее, познавший разные стороны жизни, – мог ли он ответить на ее легкомыслие таким же безответственным легкомыслием?

Потом все образовалось, как и предвидел Аввакум. Спустя несколько месяцев после истории с кинорежиссером к внучатой племяннице Свинтилы Савова снова вернулась радость, и это было вполне естественно в ее девятнадцать лет. Вскоре она увлеклась каким-то молодым инженером по водоснабжению – он оказался значительно моложе Аввакума – бросила Академию художеств, вышла замуж и уехала с ним на строительство Родопского каскада.

Когда она пришла к Аввакуму, чтоб проститься с ним, глаза у нее были веселые. И он, как истый сердцевед, должен был признаться самому себе, что веселость ее была не наигранная, что она ничего не помнит или не желает ни о чем вспоминать и что для нее все сложилось как нельзя лучше. Она была счастлива.

Пожелав ей счастливого пути, Аввакум долго сидел с застывшим лицом у своего камина.

6

Итак, после отъезда Виолетты в доме на улице Латинка, казалось, остались не живые существа, а некие призраки, вышедшие из подземного царства Гадеса. Доктор Савов почти не выходил из своего кабинета – торопился закончить мемуары, которые пока не двинулись дальше кануна первой мировой войны. Впрочем, политические события мало его занимали, в основном внимание его привлекали быт и нравы той эпохи, и, конечно, в центре всего были придворные балы, любовные интриги в офицерской среде, вальсы, мазурки и пышные дамские туалеты. В таком жизнерадостном восприятии мира, как в зеркале, отража-

ется вечно молодой лик жизни. Однако сам доктор Савов в последнее время стал заметно сдавать, особенно после отъезда Виолетты. Лицо его все больше приобретало землистый оттенок, а когда он изредка выходил во двор подышать свежим воздухом и погреться на позднем осеннем солнышке, было до боли жалко смотреть, с каким трудом он передвигал ноги, обутые в мягкие войлочные шлепанцы, по вымощенной камнем дорожке. Шлепанцы казались настолько тяжелыми, как будто к ним привязали мельничные жернова.

Вторым призраком в доме была давнишняя прислуга Савовых – Йордана. Эта старая дева ухитрялась ни разу не присесть в течение всего дня – может быть, боялась, что если присядет хоть на минутку, то ей уж не подняться на ноги. И не потому, что ее покинули силы, а от сознания, что она давным-давно перешагнула порог того, ради чего стоило жить. И если вопреки всему она все же двигалась, что-то делала, и делала неплохо, то это у нее получалось машинально, словно она была не человек, а отлично обученный автомат. Она подметала двор, стирала пыль с обветшалой мебели, варила суп из картофеля и моркови, и все это делала молча, как будто у нее отнялся язык, а тонкие посиневшие губы срослись.

Третьим призраком был Аввакум Захов. Выскользнув рано утром из своей квартиры на втором этаже, он бесшумно спускался по лестнице. Высокий, в черной широкополой шляпе, в просторном легком черном пальто, худой и мрачный, с горящим, сверкающим взглядом, он походил в это время на загадочного посетителя больного Моцарта, которого он побудил написать себе «Реквием». Выйдя из

дому, Аввакум медленным широким шагом направлялся в сосновую рощу. Заложив за спину длинные руки, слегка сгорбившись, но держа голову прямо, он обходил все просеки. Он нисколько не был похож на человека, который пришел сюда, чтобы в полном уединении любоваться природой, чтобы дать отдохнуть глазам и мозгу, — он ничего не замечал, ни на то не обращал внимания. Не был он похож и на прежнего Аввакума, способного решать в уме сложные математические задачи, в любых условиях строить самые невероятные на первый взгляд гипотезы, потому что не было заметно, что он над чем-то глубоко задумывается. Он скорее напоминал собой рабочего человека, которого оторвали от верстака и вытолкали из мастерской, чтоб он отдохнул, подышал свежим воздухом, хотя в сущности он нисколько не испытывал усталости и лучшего воздуха, чем воздух мастерской, для него не существовало. Человек этот просто не знал, чем утолить привычный, неизбывный голод своих рук, он мучился, слонялся как неприкаянный. Подобное же происходило и с Аввакумом, но только для него это было куда более мучительно, потому что не руки остались без привычного дела, а его деятельный, активный ум.

Мучительность его нынешнего состояния усиливалась еще и одиночеством. Станный и трудно объяснимый парадокс — общительный по природе, Аввакум вел совершенно отшельнический образ жизни. У него была тьма знакомых, особенно среди художников и музейных работников, — они все как один признавали, что он человек высокой культуры, все отмечали его эрудицию, говорили, какой он интересный и приятный человек. Он был же-

ланным гостем в любой компании, его все зазывали к себе, рады были сидеть с ним рядом за столом, зная, какой он остроумный собеседник, и время в его обществе летело незаметно. Аввакум умел развлечь общество всевозможными фокусами – с картами, со спичками, монетами, великолепно рассказывал анекдоты, был просто неутомим. Одинаково легко и живо он мог вести разговор об импрессионистах – он их обожал – и о значении гравитационного поля для теории относительности. Словом, в компании образованных, культурных людей он был тем, кого французы называют *animateur* – душой общества.

И несмотря на все это, у него не было друзей. Имея множество знакомых, он был очень одинок. Причин этого странного, я бы сказал, парадоксального, явления было много, они сплетались в сложный, труднообъяснимый комплекс. И все же некоторые из них стоило бы разобрать в тех пределах, в каких они вообще поддаются объяснению.

Будучи любезным и внимательным собеседником, Аввакум ни при каких обстоятельствах не допускал, чтобы его кто бы то ни было «прижал к стенке». Гибкий ум и большие знания позволяли ему выходить победителем в любом споре. Разумеется, при этом он никогда не был позером – мелочность и тщеславие были абсолютно чужды его природе. И если он вступал в спор, то лишь ради того, чтоб найти «верное решение», именно это и было его страстью. А ведь известно, что очень много людей мучительно переживают ощущение превосходства другого над собой; им просто неприятно сознавать это. Обычно к такому человеку относятся с должным уважением, слушают его, награждают аплодисментами, но недолюбливают.

Умение Аввакума отгадывать по едва заметным внешним признакам то, что случилось с тем или иным из его знакомых, вызывало не только удивление, но и тревогу, какой-то смутный страх перед ним. У каждого простого смертного есть свои маленькие и большие тайны, которые ему не хочется выставлять напоказ или доверять другим. И стоит ему заметить или почувствовать, что чья-то чужая рука способна сдернуть покровы и обнажить сокровенное, как он начинает опасаться за свои тайны. Люди обычно избегают тех, кого природа наделила способностью видеть скрытое в тайниках души.

В моих записках уже говорилось о глазах Аввакума. Сквозь эти «оконца» можно было смотреть только изнутри: для чужого взгляда они были непроницаемы, заглянуть в них не представлялось ни малейшей возможности. Сами же они проникали в душу другого, разглядывали, шарили, пусть в шутку, в самых скрытых ее уголках. В определенном смысле эти глаза словно бы охотились за тайными мыслями и за скрываемыми чувствами.

А люди обычно не любят оказываться в роли преследуемой дичи, даже если охота – просто игра или безобидная шутка.

Сложный комплекс причин, обусловивших одиночество Аввакума, можно образно, хотя и упрощенно, пояснить на следующем примере. Искусный дрессировщик, приручая леопарда, делает его настолько ручным, что постепенно страшный хищник уподобляется ласковой кошке. Эта «кошка» выделяет фокусы, мурлычет, прыгает, кувыркается и делает все это с наилучшими намерениями понравиться гостям, чтобы и у них появилось желание

включиться в игру и покувыркаться вместе с нею на ковре. Наблюдая за ней, такой красивой и грациозной, гости восхищаются, ахают от восторга, даже говорят ей ласковые слова, однако сами все время держатся в сторонке, предпочитая быть подальше от нее. Никому и в голову не придет лечь на ковер и потрепать ее за уши. Каждый в душе испытывает страх – ведь челюсти и мускулы этой «кошечки» обладают страшной силой. Ни у кого не появляется желания испробовать эту силу на себе. Если кто и способен подружиться с нею, так это либо очень добрые и доверчивые люди, либо экземпляры, которым все равно – жить или умереть. Люди, подобные киплингowskiму Маугли, испытывают душевное сродство с миром животных. Но это исключения. Обыкновенные люди стараются не трепать за уши даже самого ручного леопарда.

Так или иначе, Аввакум был одинок. Он страдал от одиночества и боролся с ним, а когда наступала депрессия, он, словно выбившийся из сил пловец, напрягал до предела остаток сил, лишь бы добраться до берега. Так обстояло с Аввакумом и в те дни, когда завершилась история с режиссером и после отъезда Виолетты. В мрачные часы бессмысленных скитаний по лесу его мозг непрестанно искал ответа на одолевавший его вопрос: чем отвлечься, как выбраться из этой трясины вынужденного бездействия? Речь, конечно, шла лишь о том, чем ему занять себя, а вовсе не о настоящем деле – это он отлично понимал. Но подчас и такой самообман может сыграть роль спасительного круга.

Он не мог себя увлечь сейчас ни реставраторской работой в музее, ни работой над рукописью об античных

мозаиках. У него просто-напросто душа не лежала к таким занятиям. Он считал, что было бы неуважением и к такому серьезному делу и к самому себе, если заниматься ими лишь для спасительного отвлечения от вынужденного безделья. Но тут он вспомнил, что у него есть кинокамера – чудесно! И очень кстати. Затем Аввакум достал сборники задач по высшей математике; в борьбе с одиночеством и бездействием эти сборники были для него самым испытанным средством. Разыскал этюдник – он давно не рисовал по памяти. А что, если взяться изучать своих соседей по улице, не обращаясь к доске и не следя за ними. Даже не посещая квартальных собраний – это ему тоже было запрещено. Как много еще есть способов развлечься! А ему уже стало казаться, что он забрел в трясину слишком далеко, что тина засосала его до самых плеч и добраться до сухой, твердой почвы теперь совершенно невозможно.

И действительно, дела Аввакума пошли на лад. Вначале казалось, что болезненное состояние не прошло – температура оставалась все еще высокой. Так подчас и бывает. Человек с головой ушел в какую-то работу, очень возбужден, а ему все кажется, что он ничего не делает и что все это сон. Нечто подобное происходило и с Аввакумом при его первой попытке выйти из своего тягостного душевного состояния.

Но постепенно киносъемка из простого развлечения превратилась для него в действительно увлекательное дело. Проявление пленки, проектирование кадров на стену, заменяющую экран, сменяющиеся изображения – все это была уже действительность, хотя и привнесенная извне. А когда в хаос происходящего начала вторгаться его мысль,

когда, устраняя случайное, она пробовала найти связь между отдельными заснятыми эпизодами, иллюзия превратилась в реальный мир.

Так по крайней мере ему хотелось.

Как-то раз, решая дифференциальное уравнение, Аввакум долго бился над тем, чтобы найти выражение векторного пространства, однако ответ не получался. Не пространство, а какие-то джунгли абстракций, не поддающихся численному определению. И вдруг в силу неизвестно какого ассоциативного процесса в джунглях появился фасад какого-то здания, а затем векторное пространство заполнила небольшая белая вилла под веселой красной черепицей. В верхнем этаже вместо окна оказалась витрина, а за стеклом торчала голова пожилого мужчины, напоминавшая голову воскового манекена. Манекен сидел, облокотившись на стол, на плечи был накинут коричневый халат, а поверх халата – желтоватый шерстяной шарф. Цвет шарфа был схож с цветом лица, но казался несколько свежее.

На входной двери латунная табличка, на ней темнеют выгравированные буквы:

ПРОФЕССОР НАЙДЕН НАЙДЕНОВ
Доктор физико-математических наук

Судя по наклонному каллиграфическому шрифту и по завитушкам для красоты у забавных букв, напоминающим контуры облаков или женские локоны, надпись была сделана лет двадцать-тридцать назад.

Вилла стояла в самом конце улицы Латинка, примерно

в пятистах метрах от дома, где жил Аввакум. Тут, у сосновой рощи, простирался холмистый пустырь, который пересекало шоссе, ведущее к разбросанным у подножия Витоши селам. Над этим диковатым местом гуляли ветры. Ночью, когда вдали мерцали городские фонари, темнота здесь казалась более густой и непроницаемой, а зимой здесь наметало столько снега, что люди проваливались в него по пояс.

Об этом стоящем на отшибе доме и вспомнил Аввакум: его хозяин – доктор физико-математических наук, он наверняка подскажет ему кратчайший путь решения этого неподдающегося уравнения. Была ли тут виной его собственная рассеянность или же действительно задача оказалась слишком крепким орешком, но, так или иначе, векторное пространство по-прежнему было окутано для Аввакума непроницаемой мглой.

Что и говорить – случай для Аввакума необычный. Он достаточно глубоко знал предмет, чтобы просто капитулировать перед каким-то дифференциальным уравнением, пусть даже сложным и трудным, – в его тетради были решения задач куда более сложных, чем эта.

Когда же его мысли стали все чаще отскакивать от задачи, убежать в направлении виллы, стоящей на отшибе, и кружить возле человека с восковым лицом и желтоватым шарфом на плечах, Аввакум оттолкнул от себя тетрадь и, потирая с довольным видом руки, встал из-за стола: все-таки это чертово уравнение навело его на мысль... Векторное пространство окутано мглой? Тем лучше!

После того как он вторично нажал на кнопку звонка,

дверь медленно открылась и на пороге показалась огромная тучная фигура, заполнившая собой все пространство между полом и притолокой, в поварском колпаке на голове. Поверх вылинявшего сине-зеленого мундира неизвестной национальной принадлежности был натянут белый халат, испещренный спереди жирными пятнами. Из-под расстегнутого мундира выглядывала синяя матросская тельняшка, а за ней виднелись седые космы, вьющиеся, как руно племенных баранов.

– Мне бы хотелось поговорить с профессором, – сказал Аввакум.

Быстрый взгляд Аввакума, которым он окинул толстяка, сразу заметил его широкие, как лопаты, и тяжелые, словно кузнечный молот, руки. Толстяк бесцеремонно разглядывал посетителя своими круглыми выпученными глазами и ничуть не торопился.

– Мне надо поговорить с профессором, – повторил Аввакум и подумал, глядя на него: «В прошлом волокита и скандалист, а теперь чревоугодник и пройдоха».

Аввакум повертел перед его носом своей визитной карточкой, затем сунул ее в кармашек захватанного халата и без особого усилия заставил посторониться. Едва заметного, но достаточно решительного движения Аввакумовой руки оказалось вполне достаточно для того, чтоб эта огромная туша на целый шаг отодвинулась в сторону.

Неожиданно мясистая физиономия повара расплзлась в угодливой улыбке. Он хихикнул, как будто его пощекотали, сдвинул на затылок свой белый колпак и широким жестом правой руки указал на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Вот здесь вы можете оставить свой макинтош, – пробормотал он, кивнув в сторону вешалки. – А вот стульчик, посидите, я пойду предупрежу профессора, что к нему пришли. – Усмехаясь своими толстыми губами и качая головой, он попятился к лестнице.

Чрезмерная любезность повара, его угодничество произвели на Аввакума отталкивающее впечатление: такому бульдогу не подобает вилять хвостом, как колченогой дворняжке.

В просторной прихожей, кроме вешалки и табурета, никакой другой мебели не было. Но цветная мозаика пола, витая лестница красного дерева и лепные карнизы у потолка были по-настоящему хороши. И если бы воздух не был пропитан запахом кислой капусты, распространяющимся из кухни, можно было бы подумать, что в этом доме царит дух артистичности и прекрасного вкуса. Поэтому запах кислой капусты да громадная туша повара в грязном халате казались обидно несовместимыми с причудливыми арабесками мозаики и с гипсовыми кружевами у потолка.

Оглядев по привычке внутреннее убранство прихожей, Аввакум обернулся: стоявший позади него толстяк молча наблюдал за ним.

– Ну как, примет меня профессор? – спросил Аввакум.

Он с трудом преодолел смущение – то ли слух у него притупился, то ли этот человек так и не поднимался по этой великолепной лестнице красного дерева.

– Пожалуйста, – произнес толстяк, склонив свою массивную голову. В уголках его мясистых губ мелькнул остаток прежней улыбки. Но глаза были спокойны и сосредоточенны. – Профессор ждет вас, – добавил он. Очевидно,

мысли его были заняты совсем другим: доходивший из кухни запах уже внушал тревогу, кушанье начинало подгорать.

Лестница вела в продолговатую сводчатую гостиную, от которой под прямым углом шел налево небольшой коридорчик. В двух шагах от угла была массивная дубовая дверь, обитая красной кожей; блестящая бронзовая ручка была инкрустирована тончайшей сетчатой резьбой. Одна створка двери оказалась приоткрытой. У порога на коричневой ковровой дорожке образовалось светлое пятно — сквозь раскрытую дверь падал сноп бледно-желтого электрического света. В гостиной было сумрачно, ворс дорожки как будто впитывал шум шагов, все вокруг было окутано сонной тишиной. Остановившись на пороге, Аввакум чуть наклонился и заглянул в кабинет. Профессор, шевеля губами и качая головой, производил на стареньком арифмометре какие-то вычисления. Аввакум подождал, пока он перестанет вертеть ручкой, и когда машинка мягким звоном оповестила, что подсчет закончен, сделал шаг вперед и сказал, почтительно поклонившись:

— С вашего разрешения, Аввакум Захов.

— А-а! — протянул профессор и кивнул ему.

Он уставился на Аввакума почти невидящим взглядом. Мысли его, видно, были еще заняты вычислениями, потому что он перенес взгляд на табло арифмометра и недовольно причмокнул. Помолчав немного с задумчивым видом, он вдруг порывисто обернулся к гостю и удивленно спросил:

— Господи, почему же вы стоите?

От резкого движения его шарф, еле державшийся на плечах, сполз еще ниже и совсем упал на пол.

– Не могли бы вы поднять мне шарф? – безо всякого стеснения попросил профессор и потянулся к кучке отточенных карандашей. Пока Аввакум поднимал шарф, профессор добавил, сбрасывая показанный арифмометром итог вычисления: – Мне самому трудно двигаться, моя правая нога полностью парализована. Да и левая с некоторых пор почти не повинуется. Извините...

– Пожалуйста, – любезно ответил Аввакум.

Этот пожелтевший, как мумия, человек с живыми глазами и бодрым голосом держался как настоящий мужчина.

Аввакум опустился в кожаное кресло возле книжного шкафа и достал сигарету. Курить тут не возбранялось – стоящая перед профессором пепельница была полным-полна окурков и недокуренных сигарет, – видимо, с вычислениями дело не ладилось. Аввакум знал это по собственному опыту.

Кабинет был просторный – своими размерами он скорее напоминал небольшой зал. Окно во всю стену, начинавшееся в полуметре от пола, было обращено к востоку и глядело на лес. Сбоку начинался пустырь, подернутый туманом. Пол был застлан плотным персидским ковром, вероятно, почтенного возраста – яркие краски его сильно потускнели. Впрочем, новизной здесь не отличалось ничто – ни книжный шкаф красного дерева, ни огромных размеров письменный стол, ни кресла, обитые красной кожей. Но и обветшалых, непригодных вещей тут тоже не было – один только хозяин дома с этим вылинявшим дамским шарфом на плечах казался каким-то безнадежно вышедшим из строя.

– Ну, что скажете? – начал профессор, отодвинув от

себя арифмометр. – Чем могу быть полезен? Зачем пожаловали? Вы, как я понял по вашей карточке, – археолог, а я – математик, хотя и в отставке, и наши координаты, простите за математический образ, нигде не пересекаются. Комнат для сдачи у меня нет, в археологии я ничего не смыслю, а характер у меня скверный. Его изрядно испортили болезнь и старость.

– И одиночество, – слегка улыбнулся Аввакум.

На стене, над головой профессора, висел женский портрет, написанный маслом. Это была зрелая, хорошо сохранившаяся женщина: ее полные плечи прикрывали кружева. Женщина ушла отсюда безвозвратно, навеки. Это сказывалось во всем – в отсутствии каких бы то ни было безделушек, создающих домашний уют, и в мрачной, гнетущей тишине, от которой дом казался опустевшим роскошным отелем. Аввакуму, как никому другому, был понятен язык этой тишины.

– Да, и одиночество, если угодно, – согласился профессор. Он помолчал, теперь уже с некоторым любопытством посматривая на гостя. – Человек становится брюзгливым, – продолжал он, – либо от одиночества, либо от того, что он лишен одиночества. В свое время последнее обстоятельство и сделало меня брюзгой. Тогда я чувствовал себя глубоко несчастным. Жена моя была человеком общительным, веселым, собирала у себя подруг, знакомых, здесь вечно гремел граммофон, устраивались танцы – сущий сумасшедший дом. Все это меня бесило, и мне казалось – я говорю вполне серьезно, – что я самый несчастный человек на свете. Я вечно злился, ходил с кислым видом, стал раздражительным. Любая мелочь приводила меня в

ярость, я поднимал шум из-за пустяков, срывал зло на студентах – на двойки не скупился, – в общем, вы понимаете?

– Вполне, – сочувственно улыбнулся Аввакум, хотя и считал, что профессор не прав – ведь шум, пусть он даже бессмысленный и не в меру громкий, все же лучше, чем мертвая тишина.

– Ничего вы не понимаете, – вздохнул профессор. – С одиночеством вы знакомы, так сказать, теоретически, поскольку вы еще сравнительно молоды. А на практике что вы пережили? Прочли кое-какие книги. Но жизнь лучше всего познается на опыте. Когда от меня ушла жена – в сущности это была легкомысленная дура – и сошлась с каким-то музыкантом, вы не поверите, я чуть не ржал от восторга – таким счастливым я себя почувствовал. В ту пору я наставил своим студентам невообразимое количество пятерок, хотя они, конечно, их не заслуживали. Я ставил им «отлично», потому что у меня было легко на душе, мне было весело. Мне было тогда сорок пять лет. Я вышвырнул вон граммофон вместе с пластинками, зеркала, духи, выбросил цветы, картины со всякими там натюрмортами, мебель с золотистой обивкой, подушечки с оборками, гобелены – словом, все, что напоминало о праздной суете, о легкомысленной жизни. Вокруг меня стало тихо, спокойно и как-то уютно. Я весь отдался работе – составлял учебники, писал книги, вел переписку с иностранными академиями и университетами. В общем, жизнь моя обрела смысл, она стала такой, о какой я мечтал прежде, до ухода жены – Он на мгновение остановился. – Я вам не надоел своими рассказами?

– Наоборот! – вскинув руки, воскликнул Аввакум. – Продолжайте, прошу вас!

Он подумал: «Одиноким людям ужасно разговорчиво, если кто-нибудь нарушит их одиночество». Да и сам он разве не прочь поговорить, если подвернется подходящий слушатель? Но о самом себе, о своей личной жизни он никогда никому не говорил ни слова. А если обстоятельства вынуждали сказать что-либо, он просто-напросто сочинял, импровизировал, превращался в воображаемое третье лицо. Обычно это третье лицо отличалось такими выходками, на какие сам он едва ли был способен.

– Я рассказываю все это вам в назидание, – продолжал профессор, зябко кутаясь в шарф. – К тому же вы археолог, привыкли иметь дело с прошлым. Итак, остался наконец один. Сколько это продолжалось – то ли год, то ли два? Допустим, пять лет. Но вот однажды – я как раз писал тогда статью для академического ежегодника – со мной случилось нечто странное: у меня появилось такое ощущение, будто на сердце лег камень – боли нет, а тяжело. Я швырнул ручку и стал ходить взад и вперед по комнате – тут, как видите, есть где разгуляться. Гляжу в окно – на улице туман, моросит дождь, живой души не видно. Дело было осенью. На мокрой земле кучками лежит сбитая ветром пожелтевшая листва. Мне вдруг стало холодно, хотя и тогда, как сейчас, в углу стояла электрическая печка в три тысячи ватт. И сам не знаю почему – блажь какая-то, – я ни с того ни с сего полез в подвал, где были свалены выброшенные отсюда вещи. Порывшись среди этого хлама, я взял и приволок сюда – что бы вы думали?

– Портрет, – тихо сказал Аввакум.

Профессор вздрогнул, и шарф опять едва не соскользнул с его плеч. С полуоткрытым ртом он уставился на Аввакума.

– В том, что я догадался, нет ничего удивительного, – кротко улыбнувшись, сказал Аввакум. Но тут же пожалел, что поторопился с ответом и лишил профессора удовольствия – ведь тому хотелось удивить его. – Разгадка так проста, – сказал он, – что любой мог бы догадаться. – Рама слева внизу сильно ободрана – такое впечатление, будто ее пытались разрезать большой пилой. Но пила, разумеется, здесь ни при чем – кто бы стал портить пилой такую роскошную раму? Куда логичнее предположить, что это работа какого-нибудь грызуна. Скорее всего, крысы – одной или даже нескольких, ведь они обычно водятся в подвалах. По-видимому, портрет какое-то время находился в подвале, а затем был взят оттуда и снова водворен на место. Это вполне вероятно.

Профессор кивнул.

– Да, но вам ни за что не отгадать другого предмета. Я готов биться об заклад, что вам ни за что не догадаться, – повторил он с детской настойчивостью, – хотя, как я заметил, вы отличаетесь дьявольской наблюдательностью. Но все равно вам не угадать, что еще я принес оттуда.

– Сдаюсь, – рассмеялся Аввакум.

– Сдаетесь? Это делает вам честь! – Профессор улыбнулся бледной, вымученной улыбкой. Он потянул к себе ящик стола и вынул оттуда крохотный флакон из-под дорогих духов с выцветшим розовым бантиком на горлышке.

– Смотрите, – сказал профессор. – Вот он, второй предмет. Флакон из-под духов. Я нашел его там среди

всякого мусора и принес вместе с портретом. Это глупость, конечно. Но тогда шел дождь, и я впервые заметил, что на улице нет ни одной живой души. Я редко выглядываю на улицу. Мне не привыкать вслушиваться в тишину, но в тот момент тишина вдруг загремела – да, загремела в моих ушах страшно, невыносимо, это было гораздо хуже, чем самые дикие завывания джаза, которыми она меня изводила в ту пору, когда была еще здесь... Так вот, притащил я портрет, повесил его и, отступив на несколько шагов, улыбнулся ему. Флакон был почти полон духов. Открыв его, я вылил несколько капель себе на ладонь, затем растер и понюхал. И вы знаете, боль в сердце прекратилась. Можно было подумать, что с одиночеством покончено. Такой боли, как прежде, я больше не ощущал, но, должен признаться, что-то все же оборвалось в моей груди, осталась в ней какая-то тяжесть. Словно в душу вселилась тишина этого дома с его немymi комнатами, безлюдье грязной улицы, отвратительный холод осени... Это ощущение до сих пор сжимает мне грудь.

Старик положил флакон на место и задвинул ящик стола.

– В нем еще осталось несколько капель, – сказал он. – Иногда я открою пробку, и, знаете, делается как-то веселей вокруг. Какой у них запах, бог их знает. Я никогда ничего не смыслил в духах. Но вы не делайте ошибочных выводов. По ней, по жене, я не тоскую. Боже сохрани. Кстати, ее давно уже нет в живых. Я даже на похороны не пошел. Более легкомысленной и глупой женщины представить себе нельзя. Я уже говорил, что своим сумасбродством она выбила меня из колеи, но с ее уходом мне, кажется, стало

еще хуже. Разумеется, я никогда не жалел о том, что мы расстались с ней. Я читал лекции, написал кое-какие труды, слава богу, продолжаю работать. Только на один вопрос мне пока что не удастся ответить: какое из двух зол больше – праздный шум легкомысленной суеты или мертвечина так называемой мудрой тишины? А как вы считаете?

Аввакум пожал плечами. Профессор, видимо, очень долго молчал, накопившееся в его душе желание поговорить сделало его таким словоохотливым, что он был рад своему терпеливому собеседнику. Одиночество как бы роднило их, в этом отношении они были очень похожи друг на друга, и разница лишь в том, что Аввакум никогда ни перед кем не сетовал на свое одиночество, никогда никому не признавался, как он несчастлив.

– У меня просто еще нет на сей счет определенной точки зрения, – ответил Аввакум. Но, увидев разочарованное лицо профессора, почувствовал к нему жалость, подобную той, какую испытывают люди, говоря неправду безнадежно больному человеку. Он добавил: – Все это, мне кажется, слишком субъективно. Для одного шум бедствие, а другой не выносит тишины. Все зависит от характера человека, от характера его занятий, от того, где он работает. Шум и тишина – понятия относительные.

Профессор задумался.

– Ваш ответ не отличается оригинальностью, – заметил он. – На портрет у вас хватило догадливости, а сейчас вы рассуждаете, как великовозрастный гимназист. А вы, собственно, по какому делу пожаловали ко мне?

– Хотел проконсультироваться, – улыбнулся Аввакум.

Он положил перед профессором листок бумаги с не-

решенной задачей, сообщил ему, что часто «для души» занимается математикой, что эта задача его очень увлекла, но ему никак не удастся установить, в чем его ошибка. А так как он живет на этой же улице, то решил зайти по-добрососедски к профессору как к крупному специалисту, в надежде, что тот ему поможет.

— А кто это вам сказал, что я такой специалист? — спросил профессор.

— Латунная табличка на двери вашего дома, — ответил Аввакум.

— Иными словами, вы имеете обыкновение засматриваться на двери чужих домов?

— Но ведь табличка для того и существует, чтобы ее читать! — смеясь, заметил Аввакум. — К тому же она единственная на нашей улице и невольно обращает внимание.

— Возможно, — рассеянно согласился профессор. Он оторвал глаза от листка и ткнул в него пальцем: — Здесь линейное преобразование пространства сделано правильно, но, раскрывая скобки, вы допустили детскую ошибку — забыли умножить второй множитель правой части равенства на вектор... Вот поглядите! — помолчав, профессор продолжил: — А еще вы станете утверждать, что шум лучше тишины, да? К черту ваш шум! Факты не в вашу пользу. Когда вы ломали голову над этой задачей, в соседней комнате гости вашей супруги пили крепкий ликер и танцевали твист или еще какой-нибудь дикарский танец. Ведь правда же?

— Но я не женат, — улыбнулся Аввакум.

Да, его соседняя комната была так же пуста и мертва, как и та, в которой он работал. Он входил, окунаясь в ее

тишину, и им овладевало такое чувство, будто он погружался в глубокий темный омут с ледяной водой.

– Все равно, – сказал профессор. Он, казалось, начинал нервничать. – Тогда у вашей молодой хозяйки были гости, гремел патефон или магнитофон и молодое поколение топало своими копытами, так, будто стадо взбесившихся баранов. И вы, конечно, забыли умножить второй член уравнения на вектор. Я вас понимаю и сочувствую вам, случались и со мной подобные вещи. А *propos*¹⁵, вы решаете ребусы?

– Изредка, – ответил Аввакум. С этим сварливым стариком надо держать ухо востро.

– Сейчас вы лишь изредка ими занимаетесь, – заметил профессор, – но придет время когда ребусы станут вашей страстью. При условии, однако, что вы не женитесь. И еще при двух условиях: если вы не запьете и не втянетесь в азартные игры.

– Позвольте, – сказал Аввакум. Ему вовсе не хотелось давать повод для поспешных суждений. – Вы судите обо мне слишком опрометчиво, основываясь вероятно, только лишь на собственном опыте.

Профессор остановил на нем взгляд, и на его посиневших губах появилась виноватая усмешка.

– Я не хотел вас обидеть.

– Ничего обидного вы и не сказали! – возразил Аввакум. У него снова возникло такое ощущение, будто он имеет дело с безнадежно больным человеком. – Я всегда любил ребусы, мне и самому кажется, что постепенно они

¹⁵ Кстати (*лат.*)

превратятся в мою страсть. Жены у меня нет, пить я не пью, а к азартным играм не испытываю никакого интереса. Так что остаются одни ребусы. Больше ничего.

— Раз так, сосед, то мы с вами установим прочные и постоянные творческие связи! — Теперь губы его вытянулись в счастливой, хотя все еще неуверенной улыбке. — Я имею в виду серьезные задачи, переплетающиеся с алгебраическими транспозициями, круговыми интегралами и дифференциальными уравнениями. Над этим стоит поломать голову. Вы как считаете?

— И я того же мнения, — засмеялся Аввакум. Ему стало приятно, что глаза этого парализованного человека вдруг ожили, заблестели.

— В таком случае можете считать эту встречу счастливым событием в вашей холостяцкой биографии, сосед. У меня имеется богатейшая коллекция зарубежных журналов с математическими ребусами. А *propos*, вы не доставите мне удовольствие, поужинав со мной?

Не дожидаясь ответа Аввакума, он поспешил нажать кнопку звонка рядом с телефоном.

— Только вот скверно, когда в ребусы вплетают всякий вздор, ну, скажем, литературного или музыкального характера. Однажды мне пришлось запросить из нашей филармонии партитуру концерта Моцарта, чтобы установить соотношение в нотах целых и четвертей.

В дверях появился, вытянувшись в струнку, толстяк повар. Он не замечал присутствия Аввакума или делал вид, что не замечает его.

— Ужин на двоих, — сказал профессор и кивнул в сторону гостя.

– На четверых, профессор! – довольно бесцеремонно поправил его повар.

Профессор поднял на него удивленный взгляд, и тот пояснил, сопровождая свои слова нагловатой ухмылкой:

– А про племянника с невестой вы забыли?

Фамильярность повара не рассердила профессора.

– Сервируй на четверых, ладно.

Он махнул рукой, и огромная фигура повара исчезла за дверью. Профессор извинился перед гостем и, помолчав немного, заговорил с прежней словоохотливостью.

– Что касается трудностей литературного характера, то тут я кое-что уже придумал, и вы убедитесь, что это очень практично. Я систематизировал в алфавитном порядке имена наиболее значительных писателей и их произведения. С помощью Библиографического института, разумеется, потому что в литературе я полный профан. Теперь в моей картотеке вы найдете почти всех виднейших писателей мира; и перечень их произведений – тоже в алфавитном порядке. Скоро у меня будут подобным образом систематизированы и основные герои произведений. Дело это довольно трудоемкое, но, вы в этом убедитесь, исключительно полезное. И вот почему. Недавно я имел удовольствие потрудиться над одной загадкой, ключ к которой следовало искать в решении уравнения четвертой степени. Для меня это не составило бы никакой трудности, как вы сами понимаете, не будь числовое значение одной из величин «литературно» зашифровано. То есть имелось в виду число, квадратный корень которого соответствовал порядковому номеру латинской буквы, какой начинается имя автора известного романа. Заглавие же этого романа на-

чиналось с буквы «Е». Вещь на первый взгляд довольно простая, но попробуйте найти разгадку.

– В самом деле, – сказал Аввакум. Он закурил и сделал затяжку. – И вам удалось найти эту таинственную цифру?

– Разумеется! – В глазах профессора блеснул торжествующий огонек. Вспыхнув на фоне воскового лица, огонек этот напомнил собой мерцание могильной лампы. – Я ведь, кажется, уже говорил, что пока не было такой задачи, с которой я не справился бы. В данном случае мне очень помогла моя картотека. А картотеку произведений я довел до буквы «Е» включительно.

– И вы установили, что имеется в виду цифра «4», – сказал Аввакум, стряхивая с сигареты пепел. Сказал и тут же пожалел об этом, но удержаться не смог. – Автор – Бальзак, а произведение – «Евгения Гранде», если не ошибаюсь.

В глазах профессора снова вспыхнули огоньки, но сразу же погасли, отчего восковое лицо показалось еще более худым и изможденным.

– Как же это вы?.. – пробормотал старик и замер с приоткрытым ртом. Его искусственные зубы отливали синевой – может быть, от губ, которые сейчас казались чуть фиолетовыми. – Уж не довелось ли вам самому решать этот ребус? Вы случайно не получаете журнал «Enigmes mathematiques»? – У него все же теплилась надежда, он на что-то рассчитывал.

Аввакум покачал головой и повернулся к широкому окну – на улице начинало темнеть, шел дождь.

– Странно в таком случае, как вы могли допустить эту ошибку, раскрывая скобки, – тихо проговорил профессор.

– Видимо, это чистейшая случайность, – сдержанно рассмеялся Аввакум.

Внизу послышался звонок. Толстяк повар, встречая кого-то, громко захохотал.

7

Так Аввакум попал в дом профессора математики Найдена Найденова. Вроде бы совсем непреднамеренно; ведь если вспомнить причину его посещения, то она была поистине пустяковой, в жизни подобные причины часто находятся всего лишь на ступеньку выше простой случайности. Возвращаясь однажды из лесу – это было приблизительно за месяц до его первой встречи с профессором, – Аввакум заметил, что из дома профессора вышел человек, как будто чем-то ему знакомый. Темнота помешала разглядеть его лицо; к тому же у него была надвинута низко на лоб шляпа. Человек торопливо завернул в первый переулок, где его ждала машина со светящимися подфарниками. В момент его приближения шофер включил мотор и открыл дверцу. Не успел человек опуститься на сиденье, как машина тронулась.

Аввакум не мог разглядеть ни лица, ни номера машины. Но фигура человека, манера носить шляпу, его походка были Аввакуму удивительно знакомы. Машина же была «татра» – он определил ее лишь по контурам кузова и по шуму двигателя. Если это действительно тот человек, о ком он подумал, то что у него могло быть общего с парализованным ученым, вышедшим на пенсию? Подобный визит не мог не вызвать удивления. А «татра» как здесь очути-

лась? Ведь с «татрой» тот человек как будто бы не имел дела?

Но вскоре Аввакум перестал думать об этом случае. По крайней мере, он решил больше о нем не думать. Раз его отстранили от оперативной работы, ему не следует даже чисто любительски заниматься подобными вещами. К дисциплине он относился уважительно, но на некоторые ее формальные моменты смотрел со скептической иронией.

При всех обстоятельствах едва ли можно было утверждать, что именно случайная встреча с *тем* человеком побудила Аввакума завязать знакомство с профессором. А эта его ошибка с раскрытием скобок – можно ли ее назвать чистой случайностью? Вольно или невольно, но начиная с этого дня Аввакум стал частым гостем в крайнем доме по улице Латинка.

А она, Прекрасная фея, словно предчувствовала, что в этот вечер ей суждено встретиться с таким необыкновенным человеком. Она надела скромное голубое платье из шелковой тафты – оно удивительно хорошо сочеталось с ее золотистыми волосами, похожими по цвету на вскипевшую под знойным солнцем сосновую смолу. Плотное облегающее платье без декольте ещё более подчеркивало совершенные формы ее изящной фигуры. Впрочем, сознавая свое обаяние, она, как всякая молодая женщина, не могла все же не показать себя. Ее нежные тонкие руки были обнажены до плеч, но они не так подчеркивали ее женственность, как обтянутая платьем фигура. С виду спокойные и сдержанные, руки ее, казалось, предварительно обдумывали каждое свое движение.

Приколов на груди небольшую белую розу, она слегка

надушилась тонкими духами, а помада, собственно, и не понадобилась, ее губы и без того напоминали яркую гвоздику.

Профессор мог и не называть ее имени, Аввакум без труда узнал Марию Максимову, как только она появилась в дверях.

— О, — воскликнул он, поднимаясь со стула, — возлюбленная деревянного принца! — и фамильярно протянул ей руку.

Мария принадлежала к той категории женщин, которые не привыкли, чтобы мужчины в общении с ними сохраняли сдержанность и официальный тон.

Аввакум видел ее в роли принцессы в балете Бартока «Деревянный принц». Тщеславная и легкомысленная красавица позволила себе влюбиться в коронованную особу с княжеской мантией на плечах, нисколько не смутившись тем, что человек этот деревянный. Простой смертный ее не интересовал, хотя он и молод — что проку от его молодости, раз у него нет ни короны, ни княжеской мантии.

И на такое оказалась способной эта женщина с белой розой на груди, в этом платье, так отчетливо обрисовывавшем ее бедра.

— Да, — подтвердила она, неторопливо протягивая ему свою маленькую, изящную руку. — Верно, возлюбленная деревянного принца. Я и есть та самая дура.

Она почему-то не особенно спешила вынуть свою руку из его руки. Как будто рука Аввакума была ей очень знакома. Профессор кашлянул.

— А это мой племянник Хари, — сказал он, кивнув в

сторону мужчины, стоящего несколько поодаль и смотревшего в окно, притом довольно напряженно, как будто там, за стеклом, в любую минуту могло произойти что-то интересное и важное. Но на улице было темно – стекло упиралось в непроницаемую стену ночи. – Хари, – повторил профессор. – Харалампий Найденов, художник.

– Прикладное искусство, – вставил Хари, не отрывая глаз от окна.

– Все равно художник. Он мой племянник. А эта красавица – его невеста. Познакомьтесь!

Они обменялись рукопожатием. У Хари рука была мягкая и влажная.

– Я ваше имя слышу не впервые, – сказал Аввакум. Хари кивнул с безразличным видом.

– А наш новый знакомый – археолог, – продолжал профессор. – Археолог и математик-любитель.

– Ну, – сказала Мария, – не завидую вашей профессии. Вечно копать в каких-то руинах, возиться со всякими там скелетами – разве это не противно?

– Вы смешиваете археологию с антропологией, – заметил Аввакум. – Всякими там скелетами занимаются антропологи.

– Я ошиблась! – весело рассмеялась Прекрасная фея. Однако ошибка эта, как видно, несколько ее не смутила. – Верно, антропология занимается скелетами, пардон. Но что особенного? Мы в балетном училище ничего такого не изучали. Никаких скелетов.

– И слава богу! – одобрительно заметил Аввакум. Смешивая науку о древностях с наукой о давно вымерших предках человека, Мария несколько не теряла своей пре-

лести. Ее глаза, которым, вероятно, не был знаком стыд, смотрели открыто – словно глаза дикарки, не стесняющейся своей наготы в присутствии мужчин.

– А вот вы можете мне ответить, что такое, например, «па-де-труа» или «па-де-шез»? – продолжала щебетать Прекрасная фея. – Впрочем, откуда вам это знать? – Строгие, властные и как будто видящие все насквозь глаза Аввакум вызвали в ней какую-то неестественную оживленность. – Или, скажем, что такое «пируэт»?

– Впервые слышу это слово! – смеясь, воскликнул Аввакум.

– Какое невежество! – ахнула Мария. – А вы смеетесь надо мной, что я не разбираюсь в какой-то там антропологии! Смотрите, сейчас я вам покажу, что такое «пируэт». Смотрите и мотайте на ус!

Она вышла на середину комнаты, подняла выше колен подол своего платья и, встав на носки, стремительно закружилась. Это было великолепно! Аввакум даже не смог сосчитать, сколько оборотов она сделала. Ее ноги напряглись, как натянутые струны, и блестели, – чулки она подобрала под цвет кожи. Да и сверкающая голубизна платья усиливала их блеск.

– Чудесно! – с пафосом воскликнул профессор, не в силах сдержаться. – Чудесно, моя девочка! – повторил он. – Хочешь, я объясню математически, как это получается?

– О, дядя, какой же вы!.. – разведя руками, сказала Прекрасная фея. – Не утруждайте себя! – Она подошла к старику и нежно поцеловала в щеку.

– Я тоже могу объяснить математически, как это происходит, – заявил Аввакум. Он, разумеется, шутил.

Глаза их встретились. В ее взгляде был упрек: как-никак тут находится ее жених, и даже такой невинный намек на поцелуй мог показаться бестактностью.

«Она решила, что я сказал всерьез», – подумал Аввакум, однако это маленькое недоразумение нисколько его не огорчило. Он перевел взгляд на жениха. Хари спокойно сидел на своем месте и мастерил у себя на коленях из золотой цепочки какие-то фигурки. Он был так поглощен своим занятием, что, возможно, и не заметил «пируэта» своей невесты: его бледное, чуть припухшее лицо не выражало ни ревности, ни восторга. Уж не дремлет ли он?

– А теперь мой жених покажет вам, на что он способен, – сказала Мария. Она была неутомима в этот вечер. – Вот посмотрите, он настоящий волшебник! Да, Хари? – Она обняла его за шею, прижалась грудью к его плечу и стрельнула глазами на Аввакума. – Да, Хари? – повторила она. – Ну-ка, покажи им свое искусство!

Она уговаривала его, словно капризного ребенка.

– Ладно, – сказал Хари и, освободившись от ее объятий, тяжело вздохнул. Затем поглядел на Аввакума, будто хотел сказать ему: «Не будьте к ней слишком строги, она того не стоит», – и спросил у невесты: – Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Человечков.

Хари пожал своими покатыми плечами.

Тем временем Мария подбежала к письменному столу и нажала на кнопку звонка.

– Вы у нас сегодня кое-чему научитесь, – сказала она, задорно глядя на Аввакума. – Вам такое предстоит увидеть!.. Вы даже не представляете...

– Человеку никогда не поздно учиться, – примирительно заметил Аввакум.

У двери снова появился толстяк повар. На сей раз он был без халата и важно пыжился в своем вылинявшем гусарском мундире времен Франца-Иосифа, с потертыми аксельбантами, но зато со сверкающими пуговицами, надраенными не иначе как с помощью питьевой соды. Повар стоял у дверей, вытянувшись в струнку, и не сводил глаз с Прекрасной феи.

– Боцман! – крикнула она, подбоченясь. – Когда же ты засвидетельствуешь нам свое почтение?

– К вашим услугам, ваше благородие! – отрапортовал бывший кок. Его толстая физиономия вдруг приняла строгое, даже свирепое выражение.

– Боцман, – снова обратилась к нему Мария, кивнув в сторону Аввакума. – Если я прикажу тебе привязать этого человека к главной мачте корабля, ты это сделаешь?

– Сделаю, ваше благородие! – твердо ответил «боцман» с видом человека, у которого слово не расходится с делом и который знает, говорит. Но, взглянув краешком глаза на Аввакума, он добавил: – Только вы, ваше благородие, лучше велите мне этого не делать, а то как бы его милость не вышвырнул всех нас за борт, честное моряцкое слово!

– Вот как?! – воскликнула с напускным удивлением Прекрасная фея, и в голосе ее прозвучало истинное удовольствие. – Неужто он такой страшный, этот человек?

– Морской волк, – убежденно ответил «боцман». – У меня, ваше благородие, глаз наметан, я узнаю людей с первого взгляда. С какими только типами мне не приходилось иметь дело в свое время!

– Ладно! – махнула она рукой. – Не станем его привязывать к мачте. Честно говоря, у меня нет особого желания очутиться за бортом. – Она улыбнулась и умолкла на минуту. – Но ты, боцман, все еще не сказал, чем собираешься засвидетельствовать свое почтение.

– Отменным шницелем, ваше благородие! Золотистым, с хрустящей корочкой, с картошкой, – поджаренной на чистом сливочном масле!

– Я удовлетворена, – одобрительно кивнув, сказала Прекрасная фея. – Готова поглотить твое «почтение» с огромным аппетитом. Сегодня я голодна как никогда. А пока сходи вниз и принеси нам немного крутого теста.

Когда приказ был выполнен, Хари принялся демонстрировать свое искусство. Меньше чем за пять минут он сделал из теста и обломков спичек две фигурки. Одна из них изображала балерину, которая, довольно беззастенчиво задрав юбку, делала «пируэт». Несмотря на то, что это был гротеск, фигурка очень напоминала Прекрасную фею. Другая фигурка, которую он почернил, настрогав графита со своего карандаша, представляла собой рослого мужчину в широкополой шляпе и в свободном пальто. Человек сутулился, но голову держал прямо, с мрачным видом глядя перед собой. Да и весь его облик был до того мрачен, что ничего хорошего не сулил.

– Балерина – это, конечно, я! – заявила Прекрасная фея, разглядывая фигурку с неподдельным чувством радости. Нескромно поднятая юбка не производила на нее никакого впечатления. Она даже не замечала этого. – Очень похожа на меня, – смеялась Мария, вертя в руках миниатюрную балеринку. – Здорово подметил. Ювелирная работа! – Ос-

тановив затем взгляд на фигурке мрачного человечка, Мария приумолкла.

– А этот субъект, видать, не слишком счастлив, – сказал профессор.

– Вы находите? – Прекрасная фея хлопнула в ладоши. Ей хотелось, видно, сказать что-то очень серьезное, и она напоминала в эту минуту школьника, который собирается удивить учителя необыкновенно умным ответом. Но ответ никак ей не давался и она беспомощно опустила руки. – Не знаю, – вздохнула она. – Если бы у этого человека вместо пальто была на плечах черная мантия, а на голове какой-нибудь шлем или просто черный платок, ею можно было бы принять за вестника смерти из какого-нибудь классического балета. Вы согласны?

Аввакум весело расхохотался. Смех его, хоть и недолгий, прозвучал как-то не к месту.

Мария удивленно взглянула на него. Может, ей следует обидеться? Разве можно не обращать внимания, если прерывают принцессу – пусть даже она принцесса из балета «Деревянный принц» – и ни с того, ни с сего начинают смеяться. С какой стороны ни посмотреть, это выглядит неприлично. Но пока Прекрасная фея раздумывала, обидеться ей или не стоит, ее вдруг осенило – она остановила взгляд на Аввакуме, и лицо ее постепенно прояснялось. Как будто пришел наконец в голову тот необыкновенно умный ответ.

– Да ведь это вы! – воскликнула Прекрасная фея. Радость открытия была столь велика, что Мария захлопала в ладоши и, подбегая то к профессору, то к жениху, твердила: – Ведь это же он, ну конечно, он, разве не так? Ну-ка,

встаньте, пожалуйста! – Она подбежала к Аввакуму и положила ему на плечи руки. – Ну, встаньте же! – попросила она вторично.

Аввакуму не оставалось ничего другого, как повиноваться. Мария вся благоухала, на груди у нее белела роза, нежная шея манила своей свежей прелестью.

– Верно, это он, – согласился профессор. – Хари здорово его запечатлел. Похож. Только почему он вырядил его в такое странное пальто и в шляпу с широченными полями?

– Почему? – произнес Аввакум, усаживаясь на свое место. Он невольно прикоснулся к руке Прекрасной феи чуть выше локтя. Она этого не заметила и не отвела руки. – Вы спрашиваете, почему? – повторил он. – Да потому, что эти вещи висят внизу, на вешалке.

– Вот именно, – кивнул Хари, широко и шумно зевая. – Я сразу обратил на них внимание, – добавил он, протирая глаза. – Не пора ли ужинать?

Последних слов, казалось, никто не слышал.

– Но почему ты вдруг назвала его вестником смерти? – обращаясь к Марии, спросил профессор. – В нем действительно есть что-то мрачное – складки у рта морщины на лбу, поседевшие виски, но ничего такого, что роднило бы его с обитателем загробного мира, я не вижу. Наоборот, наш археолог, как мне кажется, человек деятельный, жизнерадостный.

– Да, – задумчиво произнесла Прекрасная фея. – Это верно. И все-таки... – У нее опять возникла потребность сказать что-то серьезное и очень умное, но на сей раз она не стала долго ломать голову над тем, что ее волновало, и махнула рукой.

Стоит ли говорить, сколько света, какое праздничное разнообразие внесли эти люди в тоскливую жизнь Аввакума? Едва ли в этом есть необходимость, потому что, где бы ни появлялась Прекрасная фея, в какое бы общество она ни попадала, с нею всегда приходила радость. Ликующая радость молодости, опьяняющая и возбуждающая чувства, простодушная и легкомысленная, – бесхитростная радость, рождаемая сознанием того, что ты живешь и как это замечательно – жить на белом свете.

Она, конечно, не принадлежала к тому типу женщин, в которых влюбляются мужчины вроде Аввакума. Но разве обязательно во все должна вмешиваться любовь? Не будучи в нее влюбленным, Аввакум не пропускал ни одного спектакля, в котором принимала участие Мария, мало того, он посещал генеральные репетиции и «черновые» представления – без декораций. Совал швейцару какой-то журналистский билет, и его пропускали, а войдя в зал, он вытаскивал свою кинокамеру, и Прекрасная фея мило улыбалась ему со сцены. В течение нескольких месяцев он видел Марию в самых разных ролях – то она легкомысленная принцесса в «Деревянном принце», то Спящая красавица, просыпающаяся от пламенного поцелуя Дезире. Он не мог оторвать от нее глаз, когда она танцевала в «Вальпургиевой ночи» Прекрасную фею. А вот в «Жизели» она ему не нравилась: сентиментальная и романтическая, Жизель была чужда ее природе.

Теперь ему – «отстраненному» от оперативной деятельности, «законсервированному» – было чем заполнить время. Он посещал ее спектакли, репетиции, увлеченно снимая сцену за сценой, затем проявлял пленку, разрезал,

склеивал, монтировал отдельные ее части, создавая «художественный» фильм. Он был и кинооператором, и режиссером, и монтажером – новизна этого занятия доставляла ему истинное удовольствие.

А иногда по вечерам друзья собирались в доме профессора. Прекрасная фея делала, видимо, все, чтобы он и здесь не мог оторвать от нее глаз, чтобы постоянно быть у него на виду, в центре внимания. Догадываясь, какие инстинкты она в нем разжигает, Мария старалась быть еще оживленнее, еще обольстительнее, она не строила из себя недотрогу – наоборот, она то и дело давала ему понять, что он может завладеть ею, и поэтому во время их развлечений шла на всевозможные уловки, лишь бы оказаться с ним наедине. Но как только они уединялись, она делала так, чтобы «свидание» ограничивалось шутливым поцелуем. Ей ничего не стоило превратить свою опасную игру в забавную, легкую шутку.

Хари как будто ничего не замечал. На проделки невесты он взирал с подчеркнутым равнодушием, словно это на самом деле были просто невинные шалости. А может, он ни во что не ставил Аввакума? Вполне вероятно! Хари был известным художником, крупнейшим мастером по оформлению выставочных павильонов и первоклассных показательных магазинов, его буквально засыпали заказами, и он хорошо зарабатывал. Что рядом с его известностью и богатством значит какой-то там археолог?! Такого стоило поводить за нос.

Но если бы не это непоколебимое равнодушие Хари, Аввакум ни за что на свете не позволил бы себе взглянуть на его невесту глазами мужчины. Стоило тому хотя бы

бровью повести, самым незаметным способом выдать свою тревогу – и ноги Аввакума больше не было бы в этом доме, а Мария в его глазах сразу превратилась бы в неодушевленный предмет.

Так или иначе, Хари держался хорошо. Говорил он мало, чаще молча мастерил что-нибудь, используя то спички, то тесто. Усядется, бывало, по-турецки прямо на ковер где-нибудь в сторонке и составляет из цветных бусинок причудливые арабески и мозаичные картинки. В такие моменты он казался очень кротким, сосредоточенным и усталым. Но если его приглашали принять участие в какой-нибудь шумной игре, на его губах появлялась ироническая, немного печальная улыбка, которая исчезала, как тень летящей птицы, и он не отказывался. Никогда никто не мог понять, что его печалит и над чем он посмеивается. Поднимаясь со своего места, он имел в таких случаях вид школьника, нетвердо усвоившего урок, однако исполненного решимости показать то, что он знает – ему не хотелось огорчать своего учителя. Если он и не вносил азарта в игру, то по крайней мере искренне старался не мешать другим.

Только одному развлечению он отдавался целиком – карточной игре. Стоило ему взять в руки карты, почувствовать их запах, как он тут же преображался, становился совершенно другим человеком. Усталость с его лица моментально исчезала, зеленоватые глаза светились, словно морская вода в солнечный день. Угрюмости как не бывало, припухшие щеки становились как будто плотнее, очертания подбородка приобретали жесткость. В такие минуты он был даже красив, вернее, было видно, что прежде он был очень красив.

Чаще всего его партнером оказывался бывший кок. Аввакум решительно избегал принимать участие в карточной игре: еще в самом начале их знакомства он приметил у Хари отвратительную слабость – шулерские трюки. И поскольку Аввакум терпеть не мог подобных вещей, а изобличать жениха перед невестой ему было неловко, он объявил себя никудышным игроком и перестал играть вообще. «Боцман», наоборот, ничего за ним не замечал. Он с ожесточением набрасывался на своего противника, боролся упорно, отчаянно, но, угодив все же в искусно задуманную ловушку, орал, как утопающий, выл, скрежетал зубами и, если рядом не было Прекрасной феи, изрыгал на всех языках потоки международной брани. Так что в доме профессора было весело и в присутствии Хари.

«Боцман» также вносил свой вклад в общее веселье. Он с чувством играл на гитаре и на крохотной флейте, пел на неведомых языках свирепые пиратские песни, рассказывал жуткие истории о битвах один на один с акулами, о кораблекрушениях на полинезийских рифах, о схватках с людоедами, о плавании по безбрежным просторам Тихого океана на утлом плотике, сколоченном из нескольких жалких бревен. В его романтических приключениях обязательно участвовали смуглые жительницы Гавайских островов, но об этих своих похождениях он рассказывал весьма скромно. Чего «боцман» не мог передать словами, он дополнял мимикой, выразительными жестами – подмигивал, таращил глаза, размахивал огромными, тяжелыми, словно гири, ручищами. Рассказы его звучали очень убедительно. Весьма убедительной была и его биография. Она началась в Аргентине, где после Илинденского вос-

стания очутились его родители. Лет тридцать он мотался на разных судах по большим и малым морским и речным дорогам; несколько лет простоял на приколе в Австрии, в Дунайской пароходной компании, – это было уже на закате его скитальческой жизни. Говоря о собственной карьере, сей «морской волк» был предельно скромнен и лаконичен. Начал он ее юнгой, с метлою в руке, и кончил у котла судовой кухни за чисткой картофеля. Тут, разумеется, не было ничего блистательного, романтического. Однако некоторые случайные высказывания «боцмана» позволяли судить и о большом житейском опыте, и об обширных познаниях, которые никак не соответствовали его основному занятию – кулинарии, даже если бы он и служил на самом образцовом дунайском пароходе. Когда, например, вдруг зашла речь о стоимости египетского фунта (профессор решал какой-то ребус из области валютных сделок), бывший кок тут же определил курс и в швейцарских франках, и в стерлингах, и в долларах, и в шведских кронах, да с такой поразительной легкостью, словно он не в уме сопоставлял достоинство различной валюты, а читал данные банковского бюллетеня. В другой раз, когда они с Аввакумом вспомнили о Вене (Аввакум более года жил в этом городе), оказалось, что «боцман» знает торговую Рингштрассе как свои пять пальцев, во всяком случае несравненно лучше, чем Нашмаркт, где помещались склады, снабжавшие суда консервированным мясом и цветной капустой. Способность без запинки определить курс различной валюты и доскональное знание всех заведений на Рингштрассе были несколько необычными для человека, который большую часть своей трудовой жизни провел в камбузе.

Живя теперь у профессора, бывший кок выполнял обязанности камердинера, эконома и сиделки. Дальний родственник старого ученого, он, однако, чувствовал себя здесь совсем как дома – скорее хозяином, чем прислугой. Но приученный к флотской дисциплине, он чинно стоял перед профессором, терпеливо выслушивал «главного», держа руки по швам, хотя, выполняя его поручения, считался прежде всего с собственным вкусом и брался за все со всевозможными оговорками. Фамильярность слуги злила профессора и в то же время умиляла его: навязываемый ему чужой вкус он наивнейшим образом расценивал как своего рода заботу о нем. Профессор, например, обожал мускат, он требовал от «боцмана», чтобы он всегда перед кофе подавал ему стаканчик этого вина. Старик любил пить его маленькими медленными глотками, перебирая в памяти приятные воспоминания своей молодости. Однако «боцман» чаще всего наполнял его бокал дешевой красной гамзой.

– Зачем ты мне суешь эту бурду? – негодовал профессор. – Ведь я уже не раз тебе говорил, что мне такое вино не нравится!

– Так точно, ваше благородие, – отвечал «боцман»; он никак не мог отрешиться от старой формы обращения. – Вы велели подать мускат, верно, и пусть я, не сойдя с этого места, превращусь в осла, если стану твердить, что не понял вас. Но мускат, ваше благородие, когда его пьют, вызывает изжогу, а красное вино содержит танин и тем очень полезно для здоровья. Покупая вино, я всегда думаю о вашем здоровье. Иначе, помилуйте, зачем бы я это делал – мне и самому мускат больше по вкусу! – Он беззастенчиво

врал, потому что определенно предпочитал белому вину красное. И так как оно было дешевле, то за те же деньги он мог купить вина значительно больше и, разумеется, «экономия» шла в его карман. К тому же он и сам пил это вино.

Но профессор, привыкший из-за своего постоянного одиночества рассуждать о жизни и о людях пространно и длинно, думал так. «Вот вам грубая матросская душа, а способна на такие глубокие, даже возвышенные чувства! Моя супруга – пусть земля ей будет пухом! – и та не могла поступиться ни одним своим капризом, а он, этот бывший бродяга и авантюрист, каждый день, – притом я и не подозревал об этом, добровольно жертвует собой ради меня!»

Однажды растроганный и умиленный своим открытием – у него было такое чувство, будто он решил очень сложный ребус, – профессор вызвал нотариуса и в присутствии «боцмана» и двух свидетелей продиктовал завещание. Первый и второй этажи дома он завещал Хари, а мансарду – бывшему коку.

«Боцман», по природе своей человек веселый, после этого стал еще веселее. Он частенько услаждал невзыскательный слух профессора своей флейтой, пел со свирепым выражением лица пиратские песни и с превеликим удовольствием участвовал в играх, которые устраивала по вечерам Прекрасная фея.

Так что даже бывший кок сыграл свою роль в той животительной перемене, которая произошла в мрачной, одинокой жизни Аввакума этой ранней весной.

Но вот наступили переменчивые дни – пришла настоящая весна. Неожиданно через островерхий гребень Витоши прорывались полчища черных туч и на город обрушивался проливной дождь. Затем все как же внезапно и тоже с юга, с просторов Фракии, врывался южный ветер; мчась, словно необъезженный конь, он с грохотом гнал смятые им полчища туч за синюю цепь Стара-Планины. На городских окраинах воздух благоухал сочной зеленью только что распустившихся почек.

Теперь Аввакум реже уходил в лес. С утра он принимался за свои заброшенные в последнее время рукописи, проявлял пленки. Потом шел в мастерскую, надевал халат и, насвистывая какой-нибудь старинный вальс, склеивал осколки разбитых амфор и гидрий или восстанавливал стертые временем рисунки. Работа спорилась, и в этом мертвом царстве мраморных обломков и глиняных черепков время бежало незаметно. Как будто вернулись прежние беззаботные дни: сводчатое окно у него над головой снова казалось ему улыбающимся голубым глазом.

Как-то раз в музей пришла группа школьников старших классов. Посетители проявляли немалое любопытство, а сопровождающего с ними не было. Аввакум охотно взялся быть их гидом. Когда они подходили к последнему экспонату, уже близился вечер.

Одна из девочек вздохнула. Видимо, у нее была склонность к математическому мышлению, потому что она вдруг заявила:

– А вам не кажется, товарищи, что время здесь проле-

тело, как на космическом корабле? Так стремительно, будто мы двигались по этим залам со скоростью фотонной ракеты!

– Да-а-а, – глубокомысленно ответил один паренек. – Дня как не бывало. Мы даже не заметили его! А если бы пришлось все это время заниматься алгеброй или тригонометрией? Этот день превратился бы в вечность!

Аввакум рассмеялся. В последнее время его чаще можно было видеть смеющимся, таким, как когда-то, до его первого приезда в Момчилово. И хотя он сейчас смеялся и у него было прекрасное настроение, он внезапно почувствовал, что в его душу закрадывается какой-то смутный страх. Так у него всегда получалось – появится что-то хорошее в жизни и тут же исчезает, как золотой след метеора. Прилетает медленно, словно неторопливая птица, а улетает вмиг, с непостижимой скоростью.

А ведь в жизни обычно происходит как раз обратное: хорошее входит быстро, почти незаметно и укореняется так прочно, что никакая сила не в состоянии поколебать его. В городе появляются новые бульвары, новые жилые районы и заводы, новые театры. Все это возникло с поразительной быстротой. Люди пользуются ими, радуются им, ездят в новых автобусах, покупают новые автомобили. Они ходят в театр, смотрят «Деревянного принца», награждают аплодисментами легкомысленную принцессу. У них есть и свои легкомысленные принцессы, есть новые жилые кварталы, свои автобусы, они совершают прогулки на Копыто; все это вошло в их жизнь прочно и даже отдаленно не напоминает тот золотой след метеора, который так часто вспыхивает в жизни Аввакума. То, что у него все хорошее

превращалось в золотой, быстро исчезающий след, объяснялось причинами, коренившимися в нем самом, в его характере; однако оказывали на него свое воздействие и иные силы, от которых другие люди, многие другие люди были свободны — те, кому принадлежали новые великолепные заводы, новые жилые кварталы и легкомысленные процессы...

Так или иначе, но однажды в короткий ноябрьский день золотому следу суждено было исчезнуть.

Для полковника Манова день двадцать восьмого ноября оказался очень тяжелым. Неприятности начались с самого утра. Прежде всего ему пришлось вести очень резкий диалог с собственной супругой, которой непременно хотелось побывать вечером на премьере новой оперы. Убедившись, что ему не отговорить ее, он дал обещание позаботиться о билетах, хотя был уверен, что и на этот раз ни на какую премьеру пойти не сможет. Полковник Манов сам не знал, что причиняло ему большее чувство горечи — то, что он так безбожно обманывал жену, или то, что совершенно не заботился о самом себе. Время между шестью и восемью вечера было вечно занято какими-нибудь срочными совещаниями и докладами.

Несколько позже, в момент, когда он собрался было проглотить ложечку соды — застарелая язва двенадцатиперстной кишки снова начала его сверлить, — именно в этот момент поступила тревожная радиограмма, содержащая еще более тревожные вести о событиях, происшедших накануне вечером в пограничном секторе L-Z. Черти бы его взяли, этого Хасана Рафиева! Чего они хотели добить-

ся? Убили своего человека, а затем труп подбросили на нашу сторону – его обнаружили в трех метрах от границы. Что они этим хотели сказать? Все тут предельно просто! Это двойное нападение – обычный диверсантский трюк, хотя на сей раз он был задуман и осуществлен в более широком масштабе. Разве не ясно? Раз на поле боя обнаружен убитый диверсант, нападение, естественно, носит характер диверсии... По крайней мере у *тех* расчет был именно такой. Но на самом деле тут имела место не диверсия. И вот почему. Во-первых, никто из совершавших огневой налет не вторгся на нашу территорию ни на один сантиметр. Хасан Рафиев был убит выстрелом в упор по ту сторону границы, а труп его затем волокли по земле к границе и перебросили к нам. Во-вторых, диверсанты никогда не станут нарушать границу с таким шумом и не будут валить толпой, словно подгулявшие на свадьбе мужики. Настоящие диверсанты всегда действуют скрытно и тихо. Они способны сутки просидеть где-нибудь в овраге, выжидая удобный момент для осуществления своей цели. В-третьих, настоящие диверсанты, переходя границу, не станут тащить на себе тяжелых пулеметов. Тяжелые пулеметы целесообразны при вторжении, а вчера ни малейшей попытки перехода границы не было. Тем не менее тяжелые пулеметы стреляли: по ту сторону границы в ложбине торчат обломки деревцев, срезанных словно пилой. Это определенно работа тяжелых пулеметов, стрелявших с небольшого расстояния.

Так что никакой диверсионной операции не было, да и не замышлялась она никем. История с Хасаном Рафиевым – это просто-напросто блеф, примитивнейшая демонстра-

ция. К границе было подтянуто небольшое подразделение регулярных пограничных войск, усиленное огневыми средствами. Им было приказано произвести как можно больший шум, чтобы создалось впечатление настоящего вторжения. Потом, когда цель была достигнута (в смысле шума!), они убили «своего» человека и забросили его труп на нашу сторону в доказательство того, что действовали диверсанты, а не регулярные пограничные войска.

Придя к этому заключению, полковник Манов с удовлетворением потирал руки. Он проглотил ложечку соды и через минуту, почувствовав себя лучше, пришел в хорошее настроение. На премьере ему, конечно, не бывать, но почему бы не предложить жене одной сходить в оперу? С ее стороны, разумеется, последует ответ, что она, мол, слава богу, еще не вдова и что было бы куда приятнее, если бы он делал ей подобные предложения много лет назад. Он заранее знал, что она ему скажет, – такие разговоры уже происходили не раз, поэтому решил сегодня вообще ей больше не звонить.

Но какова, в сущности, была цель этой демонстрации? Такие фокусы, разумеется, всегда преследуют какую-то определенную цель. Если кто-то кого-то пытается ввести в заблуждение, то, конечно, не без определенного расчета. Пустить в ход тяжелые пулеметы, инсценировать нападение, ни на шаг не сдвинувшись с места – да, это, несомненно, какой-то маневр, какая-то уловка, но отнюдь не просто шалость скучающего офицера с пограничной заставы противной стороны.

Впрочем, то, что установлен истинный характер нападения, – уже в известном смысле успех. Ничего, что жена

позлится немного, не попав на премьеру, суть не в этом, а в том, что логическое мышление поможет ему и дальше распутать образовавшийся клубок.

Теперь надлежало сделать следующий шаг. Итак, неприятель прибегает к уловкам. Но какого лешего ему нужно?

Терпение. Но в чем же смысл поднятой им стрельбы? Зачем сосредоточивать мощные огневые средства и производить под их прикрытием одновременное нападение в двух пунктах? Да затем, чтоб привлечь внимание противной стороны к тем двум пунктам и ослабить его в других местах. Безусловно, это была диверсия и ничто иное...

Да, не случайно Аввакум Захов был его учеником...

Теперь полковник Манов мог закурить. Ученик, правда, ушел далеко вперед, очень далеко, – но чья это школа, кто дал ему первые уроки?

Когда куришь редко, табачный дым затуманивает мозг. Сода действует неплохо, но это всего лишь паллиатив – она помогает только на короткое время. Скоро опять начнется изжога, он чувствует, а тут еще не дает покоя эта проклятая премьера. Верно, лет десять, назад он ни за что не предложил бы жене пойти в оперу без него. Ничего похожего не могло тогда возникнуть в его голове. А теперь это выглядит смешно и глупо...

Не успел полковник Манов докурить сигарету, как в кабинет к нему стремительно вкатился начальник радиопеленгаторной службы полковник Ленков. Коренастый, весь какой-то округлый, он, казалось, не ходил, а именно катился, подталкиваемый сзади напористым, действующим на него одним вихрем. Он размахивал исписанным листком бумаги, и глаза его задорно горели.

– Ну, держись, братец, – гаркнул он неожиданно зычным для его рыхловатой фигуры басом. – Там такая каша заварилась – мечта! Только тебе и расхлебывать!

– Где? – спокойно спросил полковник. И добавил: – Мне не привыкать.

– Как где? Ты что, с неба свалился? В секторе L–Z, разве не знаешь? В знаменитом и во всех отношениях замечательном секторе L–Z!

Начальник радиопеленгаторной службы обладал отменным здоровьем и веселым нравом. Полковник Манов позавидовал его хорошему настроению. Сразу видно, что человека не донимают всякими там билетами на премьеры да на концерты.

– Что ж, займемся! – сказал полковник Манов. – Я слушаю.

Не в силах усидеть на одном месте, начальник радиопеленгаторной службы говорил и все время сновал взад и вперед по комнате.

Он начал свой доклад с «Гермеса». «Гермес» – это условное обозначение тайной радиостанции, которая уже продолжительное время вела передачи на ультракоротких волнах и находилась примерно в пятидесяти километрах от границы. «Гермес» обычно только передавал, а на прием переходил крайне редко, он «не любил» вести разговор, а лишь давал инструкции. При этом он использовал множество всевозможных шифров, применял самые неожиданные коды. Дешифровщики каким-то образом справлялись с системами шифров, хотя терпели подчас и неудачи.

Расшифровать радиограмму «Гермеса» без большой потери времени было равноценно такой, например, удаче,

как обнаружить тайную радиостанцию или раскрыть хорошо законспирированного резидента вражеской разведки. Но если даже ценой драгоценного времени, исчисляющегося часами, а то и днями, некоторые радиোগраммы были с горем пополам прочитаны, то разгадывание кодов превращалось в сплошные огорчения. В начале сентября «Гермес» обратился к своему молчаливому агенту с очень короткой шифрограммой, составленной на латинском языке. Целых двое суток бились над тем, чтоб прочесть ее, но подлинный смысл ее так и оставался загадкой из-за путаницы в падежах и из-за того, что многие слова имели явно переносный смысл. Буквальный перевод мог иметь две редакции. Первая: «Профессору принять меры, чтобы работа на Витоше была закончена». Вторая: «Витоше принять меры, чтобы работа профессора была закончена». Полная бессмыслица. И в первом и во втором случае сплошной туман. Кто этот профессор? Что у него общего с Витошей? О какой работе идет речь? На эти вопросы мог ответить лишь тот, кому было заранее известно кодовое значение слов и в каком падеже должны стоять имена существительные. С этим справилась бы и контрразведка, будь в ее картотеке персонифицированный перевод хотя бы одной из упомянутых этимологических величин. Если бы, к примеру, контрразведка знала, кто скрывается за словом «профессор», то есть, если бы уже приходилось иметь дело с этим лицом или если бы до этого хоть удалось засечь его по какому-нибудь другому поводу в системе шифра, уже использованной иностранной разведкой, тогда запутанную нить таинственной шифрограммы, несомненно, удалось бы распутать.

Но в досье нашей контрразведки пока еще ни разу не фигурировала личность, называемая «профессором». В картотеке можно было найти пастухов, лесорубов, инженеров, геологов, докторов, а вот профессора начисто отсутствовали.

Не случайно каждое упоминание о «Гермесе» заставляло полковника Манова невольно вздрагивать. Он тут же тянулся за сигаретой, хотя курить ему было строжайше запрещено; в голову лезли всякие там билеты, пропущенные премьеры, он хмурился и мрачнел. Манов вообще не любил иметь дело с кодами, а если для их составления использовалась латынь, он настраивался вовсе скептически и обычно бурчал: «Гиблое дело!»

И вот этот проклятый «Гермес», молчавший какое-то время, снова появился на горизонте.

Появился вчера вечером на таблицах координат радиопеленгаторов. И не по своей инициативе, а потому, что его вызвали; вызвал его при помощи ультракоротковолновой радиостанции некий «Искыр».

– «Гермес», «Гермес», я «Искыр», я «Искыр», ты меня слышишь?

Эти позывные в течение пяти минут повторялись несколько раз, и пеленгаторы зоны «Смолян-Девин» сумели услышать их и засечь передатчик.

– Слышу, – кратко ответил «Гермес». «Гермес» держался высокомерно, как настоящий бог.

А раболепный «Искыр» болтал без удержу:

– Заказ выполнен. (Отсутствовало слово «хозяин», но оно подразумевалось.) Жду указаний, кому передать. (Его заказ.)

На что «Гермес» ответил все так же высокомерно:

– Слушай завтра в условленное время. И немедленно прими меры предосторожности.

– Конеч, – объявил «Искыр».

Разговор между «Гермесом» и «Искыром» длился не более десяти минут – этого было вполне достаточно, чтобы более или менее точно определить местонахождение «Искрыра». В момент окончания разговора он находился немного севернее зоны L–Z, примерно в трех километрах западнее Смоляна. Он двигался в сторону Смоляна со скоростью шестьдесят километров в час. Как только это было установлено, все дороги, ведущие в город, и те, что выходили из него, были тотчас же перекрыты. Во всех направлениях, где только можно было двигаться, рассыпались маленькие вездеходы с радиоустановками.

Было около семи часов вечера. На дорогах, в долинах и оврагах лежал густой туман. Смешавшись с вечерним сумраком, он не пропускал сквозь свою косматую неподвижную массу ни единого лучика света. Двигаться при такой видимости со скоростью шестьдесят километров в час был способен лишь искушенный местный житель, знавший, как говорится, дорогу назубок.

Так или иначе, но «Искыр» успел проскочить сквозь заграждение.

– Я полагаю, – сказал полковник Ленков, – что этот ловкач даже не помышлял выскользнуть из города. У него было достаточно времени, чтобы вернуться в Смолян, прежде чем ему навстречу помчались наши машины. Он здесь живет постоянно. Быстренько загнав машину во двор и спрятав передатчик, он отправился в ресторан «Балкан-

турист», уселся у дальнего столика и подозвал официанта: «Ты что же, парень, не видишь, что я уже битый час дремлю здесь в ожидании, пока ты соблаговолишь наконец подойти ко мне?» Таким образом он позаботился и о своем алиби.

– Умно! – вздохнув, заметил полковник Манов. – Но, как мне сдается, история с «Гермесом» больше тебя касается.

Он потянулся за сигаретами, которые до этого спрятал от самого себя в ящике стола, и жадно закурил.

– Ой ли? – Полковник Ленков остановился и развел руками. – Послушай, дорогой. Мое дело перехватить радиограмму, расшифровать ее – в данном случае мой старший дешифровщик, слава богу, справился с задачей! – и установить местонахождение передатчика. А дальше уж слово за тобой!

– Ладно, не горячись, – успокоил его полковник Манов. – Я пошутил. Это дело касается нас обоих и, может быть, в одинаковой степени.

Он прочитал текст расшифрованной радиограммы и задумался. Навязчивая мысль о билетах сразу как-то выскочила из головы. Изжога, которая грозила разбередить его застаревшую незарубцевавшуюся язву, тоже как будто оставила его в покое. С наслаждением затягиваясь дымком сигареты, он сказал:

– Видишь ли, какая штука, здесь речь идет о каком-то заказе. Впрочем, почему ты не присядешь? Речь идет о заказе, который уже выполнен.

– Вот именно, – подтвердил начальник радиопеленгаторной службы. – О заказе, который выполнен. Верно.

Он бросил взгляд на глубокое кожаное кресло и нахмурился – в нем он просто утонет, будет казаться совершенно незаметным, – нет, лучше постоять!

Сигарета в руке полковника догорала.

– А что представляет собой этот выполненный «заказ»? И куда мы смотрели, дав возможность выполнить его?

Наступило молчание. Оба глядели куда-то в сторону и сознательно избегали встречаться взглядом друг с другом.

– Никто из нас не застрахован от отдельных неудач, – сказал полковник Ленков. Его никогда не покидало хорошее настроение, и, как опытный пловец, он не позволял течению втянуть себя в водоворот мрачных и дурных мыслей.

– Но раз уж так случилось, что сей неизвестный нам «заказ» выполнен, то мы в состоянии помешать вывезти его. – Полковник еще раз остановил взгляд на радиограмме. – Сегодня будет дано указание, кому передать заказ.

На этот раз они посмотрели друг другу в глаза, и выражение их лиц было напряженным.

– Я всегда говорил: сектор L–Z приятный во всех отношениях, разве не так? – саркастически усмехнулся полковник Ленков.

На этом их разговор окончился.

Оставшись один, полковник Манов зябко поежился и вдруг ощутил острое жжение в желудке. «Придется опять выпить соды, – подумал он. – Это от курения. Ну и здоровья же этот полковник Ленков. А дешифровщикам придется дежурить сегодня всем до единого. Только бы проклятый „Гермес“ не пользовался кодом!»

Он раскрыл коробочку с содой, но в это время зазвонил

городской телефон. «А о диверсии в третьем районе сектора L-Z я и забыл, — подумал он, поднимая трубку. — Вдруг это министр, что я ему скажу?»

— Ты позаботился насчет билетов? — без обиняков внушительно спросил низкий грудной голос.

— ...пока сделан лишь первый шаг, — закончил вслух свою мысль полковник Манов и привычным движением положил трубку. Но в тот же миг опомнился. Низкий грудной голос звучал теперь в его ушах с удесятеренной силой, словно эхо прогремевшей в мертвой тишине гигантской трубы.

Он стоял за письменным столом и напряженно думал. Собственно, напряженным было только его лицо, а сознание растворилось в какой-то странной пустоте. Перед ним словно бы расстиралось голое поле, нигде ни кустика, ни бугорка, ни травинки. Только редкая белесоватая мгла прикрывает его, то тут, то там образуя просветы. В просветах одна за другой появляются какие-то картины или какие-то детали картин. Вспыхивают желто-синие огоньки. По полю, подернутому мглой, мчится машина, на земле лежит труп, уткнувшись лицом в грязь. Навстречу устремляется вездеход с зажженными желтыми фарами, но он тут все исчезает. Светится зеленоватый экран, разделенный на множество больших и малых квадратов и усеянный цифрами. По экрану то влево, то вправо ползет натянутая струна, она как будто ищет, подстерегает некое невидимое микроскопическое существо. Все это вдруг как бы растворяется, и с того самого места, где стоял вездеход и где валялся труп, на него уставились глаза, знакомые, даже слишком хорошо знакомые глаза; они глядят на него с немой язвительным укором.

Он поднял трубку внутреннего телефона и попросил секретаря пока не соединять его с городом.

Что бы ни было, что бы ни случилось – в будущем году он обязательно должен съездить в отпуск. Нервное напряжение и физическая усталость уже мешают ему нормально работать, он должен отвлечься, рассеяться. Ведь для этого не так много нужно – укатить километров за тысячу, подальше от всяких опер и концертных залов, найти комнату без телефона и хорошенько отоспаться.

Такого идеального места нет, но почему бы и не по мечтать немного. А эта история в третьем районе сектора L–Z довольно-таки прозрачна. Часто склонность искать решительно во всех случаях нечто важное, значительное приводит к ложным выводам. Пустая трата силы и драгоценного времени. Это плохая черта. Не разумнее ли поступать наоборот – стараться не усложнять, а просто находить разгадку?

Итак, противник совершает нападение одновременно в двух пунктах – наиболее беспокойных в системе нашей обороны. Сосредоточивает значительные огневые средства. Имитирует начало серьезного вооруженного инцидента. Причем действует внезапно. Но в каких метеорологических условиях все это происходит? В самых отвратительных: густой туман, непроницаемый мрак, дождь. Противник хочет испытать, как будет действовать наша оборона, если нанести внезапный удар в самых неблагоприятных атмосферных условиях, – вот в чем суть этой затеи. Все проще простого, и нечего тут голову ломать!

Обстановка прояснилась ненадолго. Характер диверсии

в секторе L–Z был действительно установлен, но чего стоит эта примитивная авантюра по сравнению с таинственным «Гермесом»?

Полковник Манов потребовал от радиопеленга горной службы все материалы, касающиеся этого передатчика, снова просмотрел расшифрованные радиограммы. В них был полный разнобой, каждая словно бы касалась чего-то совсем иного, не имеющего ничего общего с остальными, а символические кодированные выражения могли привести в отчаяние самого способного, самого проницательного дешифровщика.

Полковник вызвал к себе начальников отделов, но совещание кончилось тем, что перед ним выросла уже целая гора догадок и предположений. Что касается ожидаемой передачи «Гермеса», то все сошлись на том, что дело может погубить возможная заминка, связанная с расшифровкой радиограммы. Эта заминка неизбежно приведет к тому, что выполненный «заказ» будет передан по назначению. А это значит, что какие-то сугубо важные документы, экспонаты или секретные данные, собранные агентом «Гермеса», безвозвратно уплывут в чужие, вражеские руки.

Заминка или неудача в расшифровке вполне возможны: «Гермес» на редкость крепкий орешек.

Слово взял старший шифровальщик отдела радиопеленгаторной службы. Это был красивый, элегантно одетый мужчина, из карманчика его пиджака всегда выглядывал краешек белейшего платочка. У него был приятный мягкий голос, а с лица никогда не сходила веселая улыбка, обнажавшая два передних золотых зуба. Он улыбался, даже когда говорил о вещах не очень веселых.

— А вы помните историю с посылкой пенициллина на Ближний Восток? — начал он. — Разве нашли бы мы тогда преступника, если бы нам не удалось вовремя прочесть последнюю шифrogramму радиопередатчика «Места»? Той самой «Месты», которая действовала всего лишь в тридцати километрах от места передач «Гермеса»? — Он улыбнулся и помолчал немного. — Впрочем, я давно убедился, что между нынешним «Гермесом» и тогдашней «Местой» нет по существу никакой разницы. После того как мы нанесли по ней удар, «Места» несколько передвинулась на северо-запад, переменила имя, но в остальном осталась прежней. Это я так, между прочим. Раз уж речь зашла об истории с пенициллином, то стоит вспомнить радиogramму-анаграмму. Кто установил порядок чтения анаграммы, чьи знаки были так искусно и хитроумно разбросаны по невинному тексту, содержащему описание красот морского заката? Два дня мы бились над этим текстом, ослепли от напряжения и в конце концов подняли белый флаг. Припоминаете? — Он весело засмеялся, словно рассчитывал, что это воспоминание очень развеселит слушателей. — И вот тогда, — продолжал он, — полковник Манов вспомнил про бывшего сотрудника шифровального отдела, видного профессора Найдена Найденова. Утопающий хватается за соломинку, не так ли? Но, как вам известно, в данной области этого человека не то что с соломинкой, но с древесным стволом, со спасательным судном, да и, пожалуй, с океанским пароходом нельзя сравнивать. Ведь он был внештатным секретным сотрудником отдела, а принес нашей контрразведке такую огромную пользу, какую не способны были принести все мы, де-

шифровщики, вместе взятые, за всю нашу службу. – На его лице снова расцвела веселая улыбка, словно высказанная им похвала относилась не к другому, а к нему самому. – Полковник Манов вспомнил об этом человеке в тот самый момент, когда наш дешифровочный корабль стал идти ко дну. Впрочем, вы сами понимаете, что в коварнейшем море шифра множество подводных скал, а дно его перенаселено утопленниками, жертвами многих кораблекрушений. Простите меня за это пышное, а может, и неуклюжее сравнение, но это истина, и притом довольно печальная. Электронная машина, несомненно, станет большим подспорьем, но что она сможет сделать, столкнувшись с условными обозначениями и символами? Представьте себе, что я и Икс, находящийся по ту сторону границы, условились под существительным «вода» подразумевать «человек», а под глаголом «пить» – «убивать». Этот самый Икс присылает мне зашифрованную радиограмму: «Выпей воды». Ну, хорошо, допустим, электронная машина с успехом выпутается из шифровых джунглей и, вместо того чтобы потратить день, за одну минуту выдаст нам выражение «Выпей воды». Но дальше-то она не пойдет. Она же не может перевести слова «Выпей воды» – словами «Убей человека»? Так вот, безбрежное море условных обозначений и символов едва ли когда-нибудь обмелеет настолько, что станет нам по колено.

Тут старший шифровальщик блеснул золотыми зубами, и глаза его заулыбались от удовольствия. Чудесное будущее условных обозначений и символов казалось, радовало его душу.

– Но, на наше счастье, – продолжал он, – полковник

Манов в критические моменты не теряется. Он тут же отослал хитрую радиogramму этому самому Найдену Найденову, и все прояснилось. Анаграмма тотчас же была извлечена из текста, служившего ей камуфляжем. На фоне красивого морского заката появился наш старый знакомый Халил Джелепов. А следуя за этим Халилом Джелеповым и его дружками, мы добрались до инженера Петрунова и до всей банды «пенициллиновых» саботажников. Так был нанесен сокрушительный удар по «Месте», после чего она умолкла, чтобы потом воскреснуть в эфире под именем «Гермес». Заслуга в разгроме «Месты» полностью принадлежит нашему бывшему сотруднику Найдену Найденову. Студентом я учился у него математике, а когда он стал нашим внештатным сотрудником, учился и искусству шифрования. Я рассказал здесь эту длинную историю, чтобы спросить: «Не настало ли время напомнить прославленному математику о нашем существовании и поделиться с ним нашими заботами? Не лучше ли нам заранее подготовить его, как сказать, психологически, дав понять, что в случае, если мы сами не сумеем прочесть ожидаемую шифrogramму „Гермеса“, то будем рассчитывать на его помощь?» Если полковник Манов сам имеет в виду привлечь его, то прошу извинить меня за то, что я забегаю вперед. Но, скажу прямо, хотя всем нам тут сидящим не раз приходилось смотреть опасности в глаза, я должен признаться – прошу не заподозрить меня в малодушии, – что я испытываю опасение, серьезное опасение насчет шифrogramмы, которую «Гермес», может быть, в данный момент составляет. – Он засмеялся, и лицо его обрело счастливое и беззаботное выражение. – Вы в первый, а может быть, в последний раз видите меня таким скептиком.

Пока он говорил, полковник Манов не спускал с него глаз и, неизвестно почему, испытывал к нему неизъяснимую жалость. Ему нравился этот человек, он втайне завидовал его молодости и обычно, когда тот говорил, любовался его улыбкой, его теплым звучным голосом, пропуская многие его слова мимо ушей — они его особенно не занимали. Но сегодня, против обыкновения, он слушал его с большим вниманием и, досадуя в душе на его словоохотливость, в тревоге спрашивал себя: «Откуда эта тревога, чем она вызвана?» Молодой человек весел, пышет здоровьем, а у полковника такое чувство, будто перед ним безнадежно больной, несчастный человек.

— А зря ты себя так скептически настраиваешь, — заметил полковник. — Ты в каком-то смятении, и это твоё состояние может все испортить. — Теперь тревожное чувство поднялось в нём самом. Вроде и нет в парне ничего зловещего, внушающего опасение, а вот душа болит. — Сейчас особенно надо верить в себя, — добавил он. — Со сколькими «гермесами» мы уже мерялись силами и выходили победителями? — Эта фраза прозвучала настолько фальшиво, что полковник нахмурился. — Иди-ка лучше погуляй часок-другой, чистый воздух взбодрит тебя малость. — Полковник взглянул в окно: улицу окутал туман, шел дождь. — Однако... — вздохнул он и махнул рукой. — А что касается нашего бывшего сотрудника профессора Найденова, то я, естественно, его имею в виду и нисколько не сержусь, что ты напомнил мне о нём. Но на его помощь мы можем рассчитывать лишь в крайнем, в самом крайнем случае, и вот почему. Во-первых, он человек больной, почти инвалид, и любое сколько-нибудь серьёзное напряжение может

ухудшить его и без того плохое здоровье. Во-вторых, у меня есть данные, говорящие о том, что он находится в поле зрения иностранной разведки. Уже не раз было замечено, что у его дома околачиваются какие-то подозрительные типы. Это особенно стало бросаться в глаза после той самой истории с пенициллином. Я неоднократно советовал ему повесить на окно штору, но в ответ старик обычно машет рукой, и мне пришлось установить там круглосуточное наблюдение, особенно за фасадом его дома. Найден Найденов – крупный ученый, и мы не вправе рисковать им.

Старший шифровальщик спросил, улыбаясь:

– Позвольте, а если мы все же потерпим фиаско с расшифровкой радиogramмы «Гермеса»?

Полковник Манов промолчал.

– Послушайте, – немного погодя сказал он, вдруг переходя на «вы», – я вам советовал прогуляться немного, если не ошибаюсь. В комнате дежурного есть раскладушка. Прилягте и поспите часок-другой. Мне ваш скепсис надоел!

Старший шифровальщик встал:

– Я уйду ненадолго. Разрешите?

«Сколько по этому парню вздыхает девушек!» – подумал полковник. И снова в нем проснулось прежнее тревожное чувство. Теперь оно не просто обволакивало его душу, а, раня сердце, причиняло боль. Полковник улыбнулся:

– В добрый час!

Дальнейшие события развивались так. К трем часам дня прямо с границы прибыл майор Н.. Пока он докладывал полковнику Манову о событиях минувшей ночи и о своей находке, специалисты из физико-химической лаборатории Управления изучали доставленный им предмет. Спустя полчаса полковник уже держал перед глазами увеличенные изображения этого предмета, снятого с разных сторон. На одном снимке в правом верхнем углу был отчетливо виден след пальца. Широкие расплывчатые линии позволяли сделать вывод, что палец был внушительных размеров. Во всяком случае, у его обладателя большая, грубая рука.

Окинув беглым взглядом снимки, полковник обратился к лаборанту с вопросом:

– Вы установили происхождение и назначение этого предмета?

Лаборант, уже седой человек с суровым, мрачным лицом, ответил:

– Происхождение предмета, к сожалению, установить не удалось. Что же касается его назначения, то тут все ясно – это кассета от фотоаппарата, приспособленного для ночной съемки и для съемки при плохой видимости с помощью инфракрасных лучей. В кассете находится специальная фото пленка длиной в шесть метров. Она совершенно чистая, конец ее подготовлен для заправки в лентопротяжный механизм. В камеру кассета не вставлялась. Об этом свидетельствует нетронутая пыльца в осевой втулке. По всей вероятности, неизвестный фотограф захватил эту кассету про запас и она выпала либо из его кармана, либо из сумки.

Лаборант говорил медленно, ровным, спокойным голосом, глядя в одну точку, как будто читал скучный кусок газетной передовицы.

Когда он ушел, майор Н. беспокойно заерзал на своем месте и попросил разрешения закурить.

— Вы что, волнуетесь? — обратился к нему полковник. Затем он перевел взгляд на свою левую руку, лежащую на подлокотнике, и не сразу заметил, что его пальцы стучат по креслу, словно по клавишам пианино. «Они сами занялись этим делом, — подумал он, — без команды сверху». — Не стоит так волноваться, — сказал он майору. — Всякое бывает... Кто-то под прикрытием темноты подкрался к секретному объекту, щелкнул аппаратом и сфотографировал его.

Мысль о пальцах продолжает раскручиваться против его воли, словно выпущенная из рук пружина. «Команда сверху, конечно, была, иначе не дрогнул бы ни один мускул».

— Но, товарищ полковник, — вставая, сказал Н. — Ведь речь идет не просто о секретном объекте, а о сооружении исключительной важности, сооружении, имеющем огромное значение для обороны страны. Если его сфотографировали...

— А вы сомневаетесь? — прервал его полковник. Голос у него был спокойный, хотя несколько иронический.

Майор покачал головой.

— Тогда почему же вы говорите «если»? Либо вы уверены, что сооружение сфотографировано, либо нет. Одно из двух.

— Оно сфотографировано, — твердо сказал Н.

– А какие у вас основания быть в этом уверенным?

– В этом меня убеждают две вещи, – ответил майор. – Первая – это провокация в Третьем районе сектора L–Z и вторая – туман. Пальба, затеянная в Третьем районе, вынудила командование «Момчил-2» усилить охрану сооружения с юга, в результате чего с северной стороны она оказалась ослабленной. Незвестный воспользовался этим обстоятельством и, перерезав две нити проволочного заграждения, проник в зону. Густой туман был как нельзя кстати, видимость в то время, товарищ полковник, равнялась нулю. Я не помню такого тумана в тех местах.

Полковник Манов улыбнулся. Ему было приятно слышать рассуждения, которые мало чем отличались от его собственных. Пользы от них ни на грош, обстановка яснее стать не могла, но слушать было приятно.

– Товарищ майор, – сказал полковник Манов. – Логика ваших суждений мне нравится. Вы сделали весьма ценную находку, которая поможет и вам и мне в нашей дальнейшей работе. Во-первых, вы сказали, что неизвестный воспользовался тем, что с северной стороны охрана сооружения была ослаблена. Прекрасно. Но всегда ли можно воспользоваться благоприятной обстановкой? Ею можно воспользоваться лишь в том случае, если находишься вблизи места, где такая обстановка сложилась. Из этого следует: либо неизвестный постоянно живет неподалеку от «Момчил-2», либо постоянно возвращается там – то ли работает, то ли по какой другой причине. Так или иначе, но именно это обстоятельство не могло не привлечь чьего-то внимания. Во-вторых, вы говорите, что из-за тумана видимость отсутствовала полностью. Чтобы ориентироваться в такой

обстановке и не сбиться с пути с первых же шагов, надо знать местность как свои пять пальцев, а то и лучше. Значит, ориентироваться мог лишь тот, кто много раз исходил эти места вдоль и поперек, и вообще на это способен лишь тот, кто с закрытыми глазами не собьется с пути. Следовательно, неизвестный знает назубок каждую пядь земли, каждый закуток вокруг сооружения. Вам надлежит искать его либо где-то вблизи «Момчил-2», либо среди тех, кто часто бывает на территории объекта. Его стоит искать даже среди живущих или работающих там. Это самые верные координаты, товарищ майор. Если их не принять во внимание, вам в ваших поисках не добиться успеха.

Они обсудили еще некоторые вопросы технического характера, и майор Н. ушел.

В ходе этой беседы полковника Манова не покидало противоречивое чувство. С одной стороны, он радовался собственной прозорливости, своему умению быстро обобщать факты и своевременно давать правильные советы. Словом, как всякий мастер своего дела, он испытывал удовольствие оттого, что лишний раз подтвердилось его умение. Но это удовольствие было неполным, потому что, пока он обобщал факты и формулировал свои выводы, он ни на минуту не мог забыть о «Гермесе» – мысль о нем все время забегала вперед, хотя он сознательно удерживал ее, перекрывая ей дорогу. Она мстила ему за это, рождая в его душе червь сомнения. Верно, его разумные, безусловно правильные выводы, к которым он пришел так быстро, подсказаны фактами, связанными с находкой майора Н., но где уверенность, что эти выводы единственно правильные? Есть ли у него основание считать их бесспорными и не

принимать в расчет вчерашнюю передачу «Гермеса»? Вот почему, пока он беседовал с майором Н., ему не давало покоя это противоречивое чувство: с одной стороны – чувство радости, с другой – сомнение в ее правомерности.

Теперь, когда майор Н. ушел, чувство радости у него вообще исчезло.

Неизвестный сообщает о том, что заказ выполнен, и спрашивает, кому ею передать. А что, если этот заказ – фотоснимки оборонительного сооружения «Момчил-2»? Ведь не исключено, что «Момчил-2» и в самом деле сумели сфотографировать и «Гермес» с минуты на минуту сообщит, кому и как передать снимки. Чему же тут радоваться?

Но стоит ли обязательно связывать фотографирование «Момчил-2» с передачей «Гермеса»? На первый взгляд подобная связь представляется вполне возможной, иначе вроде и быть не может, но это лишь теоретически. В практике пока не было случая, чтобы иностранный агент, выполняя задание по фотографированию важного объекта, не знал, кому и как передать снимки. Полковнику казалось невероятным, чтобы кто-то похитил какие-то документы, либо тайно сфотографировал их, либо обзавелся засекреченной минералогической пробой и мучился в догадках, что ему делать со своими трофеями, кому их передать. Ничего подобного полковник не мог припомнить в своей практике.

Опыт настойчиво подсказывал ему во всех случаях избирать уже не раз испробованные, проверенные способы действия. Даже в самых сложных операциях по раскрытию шпионской агентуры, таких, например, какие в свое время были проведены Аввакумом, всякий раз неизвестный имел

свои явки, своих связных и помощников. Так что теоретически возможная связь между фотографированием «Момчил-2» и вчерашней передачей «Гермеса», эта вполне возможная теоретически связь, исходя из практического опыта, выглядела весьма сомнительной и по меньшей мере наивной.

Вот почему во время разговора с майором Н. он всячески отгонял от себя мысль о «Гермесе». Вот почему он, был так оживлен и возбужден – настоящий исследователь, он доказал, что умеет держать свои сомнения при себе.

Но теперь, когда он остался один, сомнения эти буквально подавляли его. И поскольку он не мог ни отбросить их, ни принять, он решил пока не думать ни о «Гермесе», ни о находке майора. Все равно в ближайшие несколько часов определится точный курс для поисков.

А события продолжали разворачиваться так.

В четыре часа пятнадцать минут дежурный лейтенант доложил ему о том, что со старшим шифровальщиком стряслась беда. В тот момент, когда он, возвращаясь в министерство, переходил улицу Шестого сентября, его сшибла «Волга». Машина шла на небольшой скорости, так что она лишь несколько примяла его передними колесами. Дознание, произведенное на месте происшествия автоинспекцией, установило, что виноват пострадавший: он пересекал улицу не там, где обозначен переход. Мокрая мостовая и туман усугубляли опасность наезда. Несмотря на то, что было очень скользко и была плохая видимость, шофер затормозил машину вовремя и винить его не за что. Зачем старшему шифровальщику понадобилось в неположенном месте переходить улицу? Из института скорой

помощи имени Пирогова сообщили, что в настоящий момент жизни пострадавшего не угрожает опасность, но у него обнаружен перелом ребер, заворот кишок, да и с позвоночником что-то не все ладно...

Пока лейтенант докладывал об этом, сообщая подробности (сам он как будто больше сочувствовал шоферу, потому что у него был «Москвич» и ему самому приходилось сидеть за рулем), полковник испытывал такое чувство, будто он проваливается в бездонную яму, наполненную ядовитым газом. Ему стало трудно дышать. Смутная тревога, которую он ощущал при виде молодого человека, перед тем как тот ушел, теперь мучительно жгла его, словно горячим гейзером обдавая его сердце. Он приложил к груди руку и сделал глубокий вдох. Лейтенант мог идти себе, на кой черт ему докладывать все эти подробности! Автоинспекция сделала все, что требуется в подобных случаях. Да, но ведь это он сам посоветовал своему сотруднику прогуляться. У молодого человека был какой-то нездоровый цвет лица, и два золотых зуба мерцали у него во рту, словно восковые свечи. Так, по крайней мере, покачало полковнику. Опять звонят – может быть, это из института Пирогова? Билеты... Нет у него никаких билетов – когда его наконец оставят в покое. Полковник не притронулся к телефонной трубке.

Он только посоветовал ему пройти на свежем воздухе, вот и все. Заворот кишок и «что-то» с позвоночником... Подобные случаи бесследно не проходят.

И вдруг рядом с горячим гейзером, обжигающим его сердце, забил другой источник – холодный, все ледящий. Слипание полковника пронзил страх: ведь несчастье со

старшим шифровальщиком вывело из строя самого опытного специалиста. Кто же станет меряться силами с этим таинственным «Гермесом»?

Ровно в шесть часов вечера «Гермес» передал в эфир зашифрованную радиogramму. Вслед за позывными, которые повторялись трижды с интервалом в полминуты, адресатам «А» и «Б» был передан один и тот же текст.

«А» и «Б» безмолвно приняли радиogramму. Они не откликнулись даже на позывные «Гермеса». Впрочем, к такого рода односторонним «разговорам» прибегают часто.

Посоветовавшись со своими сотрудниками, полковник Манов отправил копию зашифрованной радиogramмы профессору Найдено Найденову.

Все это произошло вечером 28 ноября.

10

Ночью похолодало; утром, раздвинув шторы на двери, ведущей на веранду, Аввакум увидел побелевшие от снега старые сосны. День выдался пасмурный, хмурое небо нависло над крышами домов, над верхушками деревьев, в сумеречном воздухе летали одинокие снежинки, оторвавшиеся от белого покрова леса. Первые, авангардные отряды наступающей зимы врывались в город отсюда, с юго-восточной окраины.

Пока на спиртовке варился кофе, Аввакум брился, напевая про себя «ча-ча-ча» и время от времени двигая то правой, то левой ногой. Пришла пора, когда и он стал ув-

лекаться легкомысленными модными танцами, ритмично выстукивать о пол каблуками, взмахивать полусогнутыми в локтях руками, имитируя вздрагивание возбужденного жеребца. До этого он учился боксу, фехтованию, даже приемы вольной борьбы усвоил. Аввакум бегал на коньках, ходил на лыжах, умел взбираться на отвесные скалы, а что касается танцев, то к ним он относился с презрением, всю свою жизнь презирал их. Модное в свое время танго отталкивало его своей приторной эротикой, да и вообще модные танцы он терпеть не мог – чувство отвращения вызывал в нем этот дешевый псевдопримитивизм, которым танцующие пытаются воссоздавать естественно-примитивные любовные игры отсталых племен. Все, что носило на себе печать слащаво сентиментальной эротики, было глубоко чуждо его природе. Но сейчас он двигал то левой, то правой ногой и напевал крикливую мелодию «ча-ча-ча». У него было веселое настроение. Позавчера вечером они втроем – Прекрасная фея, Хари и он – провели вечер в баре. Щеки у Марии порозовели, глаза блестели – так с нею всегда бывало, когда ее вызывали на «бис» или когда она выпивала больше одной рюмки крепкого вина. Оркестр заиграл «калипсо», а она, обернувшись к Аввакуму, сказала: «Пошли!» Вернее, сперва ее глаза призывно поглядели ему в лицо, но, поскольку он сделал вид, что не понял ее, и притом довольно удачно, она сказала это слово вслух и даже привстала. «Ну-ка, Хари», – обратился Аввакум к ее жениху и ободряюще кивнул ему. Сперва ведь следует потанцевать жениху. Так принято. Но Хари категорично завертел головой и зевнул. Он готовил эскизы оформления болгарского павильона на предстоя-

щей международной выставке, и это срочное и ответственное дело не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Он имел все основания быть усталым и сонным, даже когда оркестр исполнял «калипсо». А вот Аввакум ничем не мог похвастать, чтобы хоть отдаленно своей занятостью напоминать Хари. В мастерскую он сегодня не ходил, рукопись об античных памятниках и мозаике продолжала лежать нетронутой у него на столе. А решение ребусов, хоть и усложненных множеством дифференциальных вычислений, которыми он увлекался вместе с профессором, не было, однако, делом настолько утомительным, чтобы жаловаться усталым голосом: «Ох, разве ты не видишь, что я едва на ногах держусь! Как же я пойду с тобой танцевать, красавица, когда у меня перед глазами все идет кругом?» Он не мог сказать ни этого, ни чего-либо подобного, потому что несколько не напоминал переутомленного человека, а притворяться страдальцем был не в состоянии. Он с улыбкой отвел глаза от призывного взгляда Марии и с досадой пожал плечами: «Давайте отложим это до следующего раза, — сказал он. — Сейчас у меня нет настроения танцевать. Просто не хочется». Он подумал, что сейчас ее глаза вспыхнут обидой и возмущением, что она побледнеет от его слов, ведь не каждой женщине понравится, если на ее приглашение танцевать отвечают отказом. Однако Мария ограничилась тем, что сказала: «Очень жаль», — и села на свое место, словно школьница, ответившая на заданный вопрос. Ей, конечно, было обидно, но не станет же она делать из этого невероятное событие. Мужчины тоже порой капризничают, впадают в плохое настроение, она это знала. «В таком случае свой отказ вы можете искупить,

только заказав мне миндальный торт, — сказала она, как всегда, с веселым задором. — Но если вы еще раз мне откажете, мы с Хари заставим вас выпить два стакана джина». Аввакум терпеть не мог этого горького напитка, одна мысль, что его ждет пусть лишь рюмка этой обжигающей горькой жидкости, заставляла его вздрагивать, а перспектива выпить целых два стакана повергла его в смятение. Вот почему он предпочел научиться танцевать; к тому же это не бог весть как трудно, особенно если нанять частного учителя танцев. В конце концов умение танцевать — это своего рода капитал, в жизни разведчика все может пригодиться.

Вчерашний день прошел в усиленных занятиях, и дело у него продвигалось успешно.

Аввакум брился и тихонько напевал «ча-ча-ча». Вот и снег пожаловал и скоро установятся настоящие чудесные белые зимние дни. Сидеть с трубочкой у камина, в котором потрескивают дрова, и спокойно обдумывать очередную главу «Античных памятников и мозаики» — все это казалось ему очень заманчивым. Аввакум уже смутно видел тот день, когда он завершит свой труд. Очерком о недавно обнаруженных в Сандански древнеримских мозаиках закончится второй раздел книги.

Он снял со спиртовки кофейник. Найденная в Сандански мозаика была настолько свежа и чиста, будто еще вчера вокруг нее шуршали шелком своих длинных туник матроны и скучающие гетеры, а уста шепотом скандировали печальную поэму о дерзком и легкомысленном Фаэтоне. Но с тех пор Земля сделала две тысячи оборотов вокруг Солнца, колесница Фаэтона укатила на хранение в музей, а

его сороковой правнук на космическом корабле устремился к Луне, притом сороковой правнук не шепчет напевных гекзаметров.

Покончив с бритьем, Аввакум разделся и залез в ванну; когда на его плечи упали ледяные струи душа, он пустился в дикий пляс, который представлял темпераментную смесь «калипсо» и твиста.

Холодный душ освежил и взбодрил его. Этой зимой он обязательно закончит свою книгу – ночи длинные, и тишина звенит, как серебро. Мысли окунаются в темноту и выскакивают из нее посеребренные – звенят. Порой звенят печально, словно колокола, – он помнит эту грустную серебряную мелодию, досыта наслушался ее за истекшие зимы. Нет, хватит с него звона серебряных колокольчиков. Лучше уж «калипсо» и твист.

За стеклянной дверью серо и тихо. Напротив лениво кивают белыми верхушками старые сосны, слегка пожимая заиндевелыми плечами. Под темным сводом неба, словно крышкой прикрывшим землю, проползают редкие клочья белесого тумана, сумрак от этого становится плотнее и гуще. Но вдруг все оживает – воздух заполняют бесчисленные снежинки, они то спускаются белой куделью, то кружат в бешеном вихре, и уже не видно ни старых сосен, ни ограды, ни каменных плит перед домом.

И это было так красиво, что Аввакум принялся тихонько насвистывать. Так радостно, будто весь мир закружился в вальсе и всюду звенит плавная жизнерадостная мелодия Штрауса.

А танцуют это так: раз-два-шаг и полшага, раз-два! Смешанная дробь. Бытие начинается с математики, и в

сущности оно и есть математика. Завтра премьера: городской театр оперы и балета возобновляет «Спящую красавицу». Мария исполняет роль принцессы. Раз-два-шаг и полшага... Завтра смотрим премьеру. Весь мир кружится в вальсе, над всем миром звенит жизнерадостная, окрыляющая мелодия. Все танцуют среди белых гирлянд. И каждый цветок в этих гирляндах – крохотная Прекрасная фея. Кто сомневался, что мир прекрасен?

Так началось для Аввакума утро 29 ноября.

Едва успел он закрыть входную дверь, как из складок снежной завесы выскочил Хари – он как будто сидел в мешке из-под муки, такой белый был от снега.

– Пойдем к дядюшке, – предложил он, мигая мокрыми ресницами. Видимо, он долго стоял под снегом. – Какой тебе смысл шататься сейчас по улицам, – продолжал он настаивать, хотя Аввакум и не отказывался. – Тут у нас настоящая зима, а там, в центре, слякоть, противно! И потом имей в виду, я заказал «боцману» на обед такое – пальчики оближешь!

Аввакум пожал плечами. Соблазнить его необычными блюдами было трудно – он не был гурманом. Но столь необычная настойчивость Хари произвела на него некоторое впечатление – прежде, приглашая его, Хари никогда не был так красноречив.

– Что случилось? – спросил Аввакум, стараясь заглянуть ему в глаза.

– Ничего особенного, – ответил Хари. Он немного помолчал. – В сущности ничего особенного не произошло, но мне кажется, что дядя сегодня почему-то слишком возбужден и все время нервничает. То ли он задачу какую ре-

шает, то ли ребус, не знаю, только кричит на всех без исключения: «Потише, не шумите!» Ты ведь знаешь, как он любит повторять эти слова, когда чем-то очень занят. Но сегодня он превзошел самого себя и прямо бесится. Да и «боцман» тоже ходит мрачный, как туча, насупился, сопит. Они сегодня оба как будто не в своей тарелке с самого утра. Словом, атмосфера довольно безрадостная. А я пригласил Марию пообедать вместе с нами, понимаешь?

– Понимаю, – улыбнулся Аввакум.

– Втроем нам будет веселее, – заметил Хари.

Тихо падали снежинки, вальс Штрауса по-прежнему звенел над землей.

– Согласен, – сказал Аввакум. Помолчав, он добавил: – Ты ступай, а я поднимусь наверх, захвачу аппарат. В такую погоду могут выйти отличные снимки.

На этот раз профессор даже не подал ему руки. Накинув на плечи свой шерстяной шарф, он сидел, скрючившись, в «чудо-кресле», будто сложенная пополам мумия, и неподвижно глядел невидящими глазами куда-то в пространство. На столе перед ним валялись тома энциклопедии, словари, математические справочники и листки исписанной бумаги. Ручка арифмометра остановилась на полуобороте.

– Не могу ли я чем-нибудь вам помочь? – спросил Аввакум. В это мгновение он искренне завидовал ему.

– Потихе, не шумите! – ответил профессор, не шелохнувшись, даже не взглянув на него.

Аввакум тихонько прикрыл дверь.

В одиннадцатом часу приехала Мария. Раскраснев-

шаяся от холода, принесла с собой живительное дыхание снежных гор. Пока Хари помогал ей снять пальто и отто-сил его на вешалку, она, постукивая каблучками, звонко смеялась, и от этого казалась еще красивее.

Стоя в углу, Аввакум навел на них объектив кинока-меры – на нее и Хари – и, улыбаясь, нажал кнопку. Она кивком головы поблагодарила своего жениха, быстро по-целовала его в губы и, вытянув вперед руки, кинулась к Аввакуму.

– С позавчерашнего вечера вы передо мной в долгу, – сказала она. – Помните?

– Помню, – ответил Аввакум и впервые в жизни по-чувствовал слабость в коленках.

– Боцман!

В двери, ведущей на кухню, блеснуло потное красное лицо бывшего кока. Заметив в прихожей гостью, он тут же по-солдатски вытянулся в струнку.

– Слушаю, ваше благородие, – отозвался он. Его голос звучал не в меру серьезно для ее невинной игры.

– Пойди возьми гармонь – и на палубу! – приказала Прекрасная фея.

Когда он появился с гармонью в руках, Хари сидел в прихожей на единственном стуле и со спокойным видом курил сигарету.

– «Дунайские волны» – засмеялась Прекрасная фея и положила на плечо Аввакума руку. – Он играет одни только вальсы, – шепнула она ему на ухо. Затем спросила: – Вы танцуете вальс?

– Впервые в жизни, – ответил Аввакум. Неприятная слабость в коленях исчезла.

«Боцман» приподнял растянутую гармонь, и его пальцы зашарили по старым пожелтевшим клавишам. «Жить тебе до ста лет!» – подумал Аввакум и стал про себя отсчитывать: «Шаг, полшага, раз-два-три!» Теперь действительно закружился в танце весь мир. Вешние воды разрушили преграду, и по цветущим лугам с перезвоном бегут ручейки. В лазурном воздухе трепетно блестит серебряное солнце, на изумрудном небосводе плывут лиловые облака. Яркая радуга то поднимается, то опускается, за нею тянутся пышные шлейфы, и вот она вдруг превращается в огромный фейерверк. С высоты, словно дождь, падают разноцветные капельки света. Шаг, полшага, раз-два-три! Кто сомневался в том, что мир прекрасен? Из ручейков образуется тихая полноводная река, и в ее голубые воды с улыбкой смотрится небо. Что у него в руках? Кусочек радуги? Но разве радуга способна так благоухать, разве у радуги могут быть волосы, грудь?

– Спокойнее, а то чего доброго вылетим из прихожей на улицу! – смеется Прекрасная фея.

Нет, они не вылетят. Он впервые вкушал до сих пор неведомую ему радость, и не удивительно, если немного перестарался. Открывая новый для себя мир, он, наверно, выглядел смешным.

Аввакум подвел Прекрасную фею к стулу, у которого сидел Хари, и сказал:

– Вот, Хари, твоя невеста. Танцуй теперь с нею ты, а я вас запечатлею на киноленте. В день, когда вы будете праздновать вашу серебряную свадьбу, мы с вами покрутим этот фильм и от души посмеемся.

– Боцман, давай-ка что-нибудь из «Веселой вдовы»! –

кричит возбужденная Прекрасная фея. Глаза ее вызывающе горят, хотя блеск их уже не так ярок.

«Боцман» со свирепым выражением лица растягивает гармонь. Его огромные лапы, кажется, готовы кого-то раздавить. Аввакум нажал на рычажок кинокамеры: в объективе Хари и Прекрасная фея.

Вдруг сверху донесся голос профессора:

– Потише, не шумите!

Он прозвучал, как сигнал тревоги. Все замерли на какое-то время.

– Пойдемте в лес, – тихо предложила Прекрасная фея. – Хотите?

Обед прошел весело. Даже профессор несколько оживился. Перед тем как выпить свой кофе, он сказал:

– Я решаю, дети. – Он пристально всматривался в племянника и в Прекрасную фею. – Решаю труднейший ребус, какого мне еще ни разу не приходилось решать в жизни. – Он помолчал немного, отпил кофе и добавил: – Ужасный ребус! Должен вам признаться, дети, что я уже наполовину решил его. – Он почему-то по-прежнему пристально, не мигая, смотрел только на них. – Но до наступления сумерек я его окончательно одолею, будь он неладен. Можете не сомневаться!

– Непременно, дядя! – пообещала Прекрасная фея. – Вы его решите, этот ребус, мы абсолютно уверены, что вы решите его, правда, Хари?

– О чем говорить, – буркнул в ответ Хари и зевнул. Он по-прежнему все время что-то чертил и мастерил в связи с предстоящей выставкой.

«Боцман» помог профессору подняться в свой кабинет.

Снег прекратился, полил дождь. Капли стучали по стеклу сердито и настойчиво. С пасмурного неба как будто уже начинали спускаться ранние сумерки.

«Боцман» тихонько спел несколько испанских песен, едва касаясь пальцами струн своей издававшей виды гитары. Потом вдруг опустил руки и умолк.

Молчали и остальные. Был слышен лишь перестук дождевых капель по оконным стеклам. Казалось, будто это не капли ударялись о стекло, а стучали чьи-то костлявые пальцы.

– С профессором творится что-то неладное, – сказал «боцман».

– Почему? Что с ним может быть? – равнодушно спросил Хари.

– С ним творится что-то неладное, – упрямо стоял на своем «боцман».

Он сидел неподвижно, словно бы прислушивался к самому себе, потом положил гитару на плечо и, бесшумно ступая, сгорбившись, неторопливо удалился к себе на кухню.

– Что-то стало прохладно, – сказала Прекрасная фея. – Вам не кажется, что стало заметно холодней? – Она посмотрела на Аввакума, но тот в это время глядел в окно. По стеклу струйками стекала вода.

– Возможно, – кивнул Хари.

– Послушайте, – продолжала она. – Вам не кажется, что нам пора уходить отсюда?

– Это идея, – улыбнулся Хари. – Нам бы стоило пойти в кино. Тут рядом идет какой-то веселый фильм.

– Куда угодно, только давайте уйдем отсюда. Неужели вам не холодно?

Хари поднялся наверх предупредить дядю, что они уходят.

Пока Прекрасная фея надевала пальто, Аввакум сделал еще несколько снимков. Говорить ему не хотелось, и надо было чем-то заняться. Когда по лестнице стал спускаться Хари, Аввакум направил на него аппарат и снова про-шуршала бобина.

– Неужели тебе не надоело? – завопил Хари.

– Нам надоело ждать тебя! – топнула ногой Прекрасная фея.

– Потише, не шумите! – глухо отозвался профессор.

Голос его казался сиплым. Аввакум повторил про себя слова «боцмана»: «С профессором творится что-то неладное», и по его спине побежали мурашки. Профессор как-никак человек пожилой, и притом он слишком измощен.

Когда они вышли на середину улицы, им в лицо подул резкий ветер и, чтобы защититься от хлынувшего дождя, им пришлось обернуться кругом. И тут почему-то все трое как по команде посмотрели на окно профессорской комнаты, словно их вынудили это сделать. Огромный абажур высокой настольной лампы сиял мягким зеленоватым светом. Профессор сидел в своем «чудо-кресле», чуть подавшись вперед, и сердито смотрел им вслед.

– Бр-р-р, холодно! – вздрогнула Прекрасная фея. Она повернулась и побежала навстречу дождю.

«Он и до обеда смотрел точно так же», – подумал Аввакум. Они с Хари молча пошли дальше и догнали Марию.

– Вы плететесь как на похоронах, – запротестовала она.
– Нельзя ли побыстрее?

В это мгновение они услышали позади себя голос «боцмана».

Он бежал, размахивая руками, и что-то кричал, но зачем они ему понадобились, и что он хотел, понять было трудно.

Приблизившись, он чуть было не упал. Лицо у него было мокрое. Массивная челюсть дрожала, и от этого слова изо рта вырывались с большим трудом.

– Вернитесь, – шептал он. – Ради бога, вернитесь!.. С ним что-то случилось!.. Страшное!

– Что страшное? – подбежав к нему, закричал Аввакум. Ухватившись руками за борта белого халата, он с силой тряхнул толстяка. – Что страшное? – повторил он.

– Помогите, – заплакал «боцман», – Профессор убит!

11

Кто же убийца? Кроме всего прочего, это просто интересно. Хотя профессор был и нелюдим, но он был хороший человек... и еще более хороший гражданин и каждый мало-мальски знавший его, наверное, не успокоится до тех пор, пока не поймет, кто же, черт возьми, посмел поднять на него руку. Что касается меня, то, восстанавливая эту историю по рассказам Аввакума, на основе суждений других лиц, а также на основе собственных впечатлений, я пришел к выводу, что вопрос о том, кто его убийца, отнюдь не самый интересный и, как говорится, не узловый во всей этой истории.

В тот день я спустился в Момчилово: мне давно уже не терпелось повидать корову Рашку – королеву высоких надоев нашего животноводческого района. Положив в карман несколько кусочков сахара и закутав голову шерстяным шарфом – было очень холодно, метель не прекращалась, – я направился кратчайшим путем на момчиловскую ферму. В лощине, недалеко от Даудовой кошары, я заметил волчьи следы. Волков в эту зиму было особенно много, видимо, в связи с тем, что стояли большие холода и выпало много снега. Появляясь стаями то тут, то там, зверье творило много пакостей. Шли упорные слухи о каком-то матером волке, который в одиночку рыскал по полям между Момчиловом и Триградом, наводя страх на пастухов и работников кооперативной сыроварни. Говорили, что этот хищник был ростом с телят, а своим хвостом до того здорово заметал снег – что твой снегоочиститель. Много толковали о том, какие у него страшные зубы и глаза, но на меня, ветеринарного врача, подобные разговоры не производят ровно никакого впечатления. Верно, был случай, когда на Николин день волчище этот сумел каким-то таинственным образом проникнуть в Кестенскую овчарню и утащить огромного породистого барана. Мои друзья в Кестене здорово тогда приуныли – на этого барана они возлагали, и не без оснований, большие надежды, заботясь о естественном приросте овечьего стада. Они вступили с триградцами в соревнование по части прироста поголовья овец, и после трагической гибели этого барана надежда выйти победителями если не совсем, то в значительной степени рушилась.

Так вот, когда я шел кратчайшим путем на момчилов-

скую ферму, я заметил на снегу волчий след и тут же вспомнил проклятого волка. В том, что это были именно его следы, не могло быть сомнений, потому что он в отличие от прочих имел мизантропическую привычку бродить по свету в одиночку. Много всяких мыслей появилось у меня при виде этих следов, меня даже подмывало вернуться обратно – я ведь не давал корове Рашке обещания, что непременно приду провести ее, и притом именно в этот день. Погода стояла скверная, холодный ветер наметал сугробы. В такое время куда приятнее сидеть дома у очага, подкладывать в огонь дровишки и печь в золе картофель.

Вот какие мысли приходили мне в голову, когда я чуть ли не бегом пробирался на момчиловскую ферму, то и дело оглядываясь на следы косматого зверя. Видимо, порывистый ветер заставлял меня все время оборачиваться.

Как бы там ни было, но я добрался до фермы благополучно и даже в приподнятом настроении, а увидев красавицу Рашку в отличном здоровье, так обрадовался, что готов был облобызывать ее.

На ферме я застал свою старую знакомую, Балабаницу. В своем кунтушике с лисьей опушкой, румяная от мороза, гибкая, стройная, словно серна, – да разве мог кто еще на белом свете сравниться с этой вдовушкой! Зная, что Балабаница несколько равнодушна ко мне – правда, в моем присутствии она старалась ничем этого не выдать, – я подчеркнуто любезно поздоровался с нею и даже как-то необычно кивнул ей головой. Затем спросил:

– Как дела, Балабаница? Идут?

Вопрос оказался сложным, она, видно, несколько растерялась, потому что в ответ ничего не сказала, а только пожала плечами.

«Когда я принялся осматривать Рашку, Балабаница вдруг заговорила.

– Как вы, доктор, не боитесь в такую ненастную погоду тащиться к нам один по полям? Вас когда-нибудь снегом заметет. Да еще этот волчище, что бродит в одиночку! Если он застигнет вас в горах, знаете, чем это кончится?

– Ну, этому волку несдобровать, если только он попадется мне на глаза! – ответил я. – Худо ему будет, уверяю вас! – И я свирепо сжал кулаки.

Но сердце мое пело, ах, как пело мое сердце! Я ведь знал, что она равнодушна ко мне. Если женщина к мужчине равнодушна, ей все равно, заметет ли его снегом или загрызут волки!

Постояв немного молча, Балабаница взяла под руку одну из доярок и вышла с нею во двор. Было слышно, как они смеялись за большими дубовыми воротами. И я невольно представил себе, как сейчас подпрыгивает и волнуется на груди Балабаницы ее нарядный кунтушик, подбитый лисьим мехом и такой приятный с виду.

Вскоре я отправился обратно, опять тем же кратчайшим путем.

Строгий критик может спросить: «Но ведь вся эта история, которую вы рассказываете, – она тут, как говорится, ни к селу, ни к городу? Ну что общего между вашей Балабаницей и убийством несчастного профессора? Зачем вы, собственно говоря, отнимаете у нас время? И почему отвлекаете внимание от главного вопроса – кто убийца?»

Да, верно. Но вы припоминаете, что я вам говорил в начале этой главы? Я как будто предупреждал вас, что вопрос об убийце не самый главный вопрос в данном слу-

чае. При этом мне невольно вспомнилось маленькое происшествие, о котором вы только что узнали. Центральная тема этой маленькой истории – волк, страшный матерый волк-одиночка, тот самый, что уволок из кооперативной овчарни породистого барана. И это, естественно, потому, что этому проклятому волку отведено больше места, чем кому бы то ни было. Балабаница и та, если вы заметили, вспомнила о нем... И не без оснований. Впрочем, любой профессиональный литератор вправе критиковать меня. Ведь я ветеринарный врач и в правилах построения литературного произведения не так уж силен. Но все же уверен, что, какие бы доводы ни приводились, главное в этой истории не волк, а нечто совсем другое. Пускай он, щелкая зубами, тащится за мною следом, пускай все только о нем и говорят, пускай зловещая тень этого хищника займет три четверти печатного листа – волк никак не может быть в данном рассказе главной темой.

Вы спросите: а что же в таком случае главное? Судите сами. В конце концов, главной может оказаться корова Рашка. А почему бы и нет? Ведь пошел же я в Момчилово, несмотря на ужасную погоду, несмотря на вьюгу, махнув рукой на всех волков ради того, чтоб ее навестить? Как, по-вашему?

Но давайте все же вернемся к главному вопросу. Итак, кто убийца?

Они добежали до дома профессора почти одновременно. У входа Мария заколебалась на секунду и попяти-

лась. Первому полагалось войти Хари, но он, прижав руку к сердцу, не мог отдышаться и, казалось, едва держался на ногах. Сидячая работа и систематическое недосыпание привели к тому, что он совершенно ослаб. «Боцман» выглядел куда лучше и не обнаруживал никаких признаков усталости, хотя он был намного старше их всех и пробежал это расстояние дважды. Но в глазах его был такой ужас, что Аввакум счел благоразумным оттащить его в сторону и сам прошел вперед.

Дверь кабинета была раскрыта настежь. Большой абажур отбрасывал на порог эллипсовидное зеленое пятно. Профессор сидел, как обычно, в своем «чудо-кресле», маленький, сгорбившийся, ужасно худой, с видом трагического примирения. Только руки его безжизненно повисли, как будто отделились от плеч, а голова опустилась вперед. Верхний шейный позвонок, выпятившись, сильно натягивал кожу на затылке, и в этом месте его тонкая, как у ребенка, шея казалась переломанной; неестественно выпученные остекленевшие глаза обнажали белок и смотрели как-то сердито, злобно. Верхняя часть тела не рухнула на стол только потому, что подлокотники кресла спереди были соединены широким ремнем. Лишенный возможности опираться на свои неподвижные ноги, профессор опоясывался этим ремнем, как это делают летчики, перед тем как выполнять фигуры высшего пилотажа или переходить в штопор. Так что верхняя часть тела профессора никак не могла упасть на стол.

Увидев все это через плечи Аввакума и Хари, Мария громко вскрикнула, подалась назад и зашаталась. Аввакум велел «боцману» увести ее на кухню и дать ей воды. А сам,

подойдя ближе к профессору, взял его за правую руку – пульса не было. Пока он держал безжизненную руку профессора, в прихожей слышались голоса и по плюшевой дорожке деревянной лестницы стали с глухим стуком приближаться чьи-то шаги. Аввакум обернулся и – еще одна неожиданность – встретился с знакомым дружеским взглядом лейтенанта Петрова.

Но, как это ни странно, лейтенант не выразил ни малейшего удивления.

– Мертв? – тихо спросил он.

Аввакум кивнул.

– Из дома никому не выходить! – бросил лейтенант в раскрытую дверь.

– Есть никому не выходить! – ответили снизу.

Лейтенант подошел ближе и начал осматривать труп. На левом боку профессорского пиджака темнело липкое пятно.

– Пуля пробила левое предсердие, – тихо заметил Аввакум. Лейтенант поднял глаза.

– Это можно определить по цвету крови и по интенсивности кровотечения, – добавил Аввакум.

Лейтенант вздохнул и, достав сигареты, предложил своему бывшему начальнику. Затем, подняв трубку телефона, набрал номер полковника Манова. У лейтенанта было такое выражение, будто это он пробил грудную клетку профессора и теперь готов отдаться в руки правосудия в ожидании сурового, но справедливого возмездия.

На другом конце провода, были, конечно, потрясены вестью о случившемся, и, судя по тому, как трещала мем-

брана и бледнело лицо лейтенанта, нетрудно было догадаться, что по проводам летят крепкие выражения – молодому офицеру было явно не по себе. Чтобы как-то защититься от сыпавшихся на его голову ударов, лейтенант воспользовался минутным затишьем и одним духом сообщил, что за пять минут до убийства в доме профессора находился Аввакум Захов и что он, слава богу, снова здесь. Притом имя Аввакума произносилось так, будто речь шла о каком-то чудодейственном спасательном поясе, который один-единственный может спасти человека, тонущего после кораблекрушения в бурных водах океана где-нибудь у зловещего мыса Горн. Впрочем, лейтенант уже дважды работал под руководством Аввакума и отлично знал ему цену.

Услышав имя Аввакума, на другом конце провода как будто несколько приутихли. После того как перестали звучать крепкие слова полковника, телефонный шнур с облегчением повис, а лейтенант облизал пересохшие губы. Он передал трубку Аввакуму.

– Добрый случай прислал тебя как раз вовремя, – начал полковник. Он говорил с напускным спокойствием, и голос его звучал хрипло и как-то неестественно.

– Напротив, – сказал Аввакум. – Он, этот добрый случай, сыграл со мной злую шутку, обставив меня на целых пять минут, которые оказались роковыми.

– А ты дай реванш, – посоветовал полковник. Он словно ослабил узду, и в голосе его, вырвавшемся на свободу, зазвучала вместо нот отчаянья надежда. – Непременно дай реванш, – продолжал он. – Ведь это, в конце концов, вопрос чести. Разве ты позволишь, чтобы тебя так вот обвели вокруг пальца! Это же совсем не в твоем характере.

– А может, я уже отвык от подобных вещей, – неуверенно произнес Аввакум, но сердце его затрепетало от возбуждения. Полковник откашлялся и помолчал какое-то время.

– Послушайте, товарищ Захов, – сказал он сухо. – Насколько мне известно, вы пока еще не вычеркнуты из нашего списка, поэтому...

– Слушаюсь, – склонив голову, отчеканил Аввакум.

Он ждал этих слов, как высочайшего повеления. В дни «консервации», в его изгнании они были тем золотым ключиком, который открывал перед ним ворота царства радости. Но почему-то сейчас слова эти, уже сказанные, долетев до него по проводам, не согрели его душу тем торжественным чувством, о котором он так мечтал. Одна только приятная тревога охватила его, овладела всем его существом, но это больше было похоже на какое-то опьянение. «Большая радость» – сейчас это понятие словно бы исчезло из его представления.

– Поэтому, – продолжал полковник, – я вам приказываю немедленно начать следствие. – Он даже не подозревал, как не подходит ему этот напыщенный тон. Подчас человек, надев официальный костюм, с крахмальным воротничком, кажется ужасно смешным. – Немедленно приступайте к следствию, – повторил он. – Через непродолжительное время я сам приеду и объясню вам некоторые вещи...

Аввакум положил трубку и несколько минут не мог двинуться с места. У повисшего на ремне трупа был страдальческий вид. В «чудо-кресле» при зеленом свете абажура он напоминал утопленника, опутанного какими-то отвратительными корягами.

– Лейтенант Петров, – сказал Аввакум. – Вы пришли сюда примерно через минуту или полторы после нас. Не думаю, что вы и ваши люди случайно оказались на этой улице, в этом месте. Вы прибыли тотчас же, как только мы вошли в дом, следовательно, вы находились где-то совсем близко. Притом вы ворвались в дом с видом людей очень заинтересованных, хотя вас сюда никто не звал. Напрашивается мысль, что вы держали этот дом под наблюдением и, вероятно, вам было поручено охранять профессора. Мне необходимо знать две вещи. Во-первых, с каких пор вы вели наблюдение?

– Со вчерашнего вечера, товарищ майор, – вытянувшись в струнку, доложил лейтенант. Судя по голосу, он несколько приободрился. Раз за это дело принялся Аввакум, то им не следует так уж отчаиваться по поводу того, что они не смогли уберечь профессора.

– Во-вторых, прислуга знала об этом или нет? Я имею в виду повара – он знал о том, что были приняты меры предосторожности? И вообще, у вас был какой-либо контакт с этим человеком?

– Не было, товарищ майор. Я с ним не говорил, да мне и не поручали говорить с ним.

Аввакум приказал позвать сержанта, который наблюдал за парадной дверью. Сержант заявил, что, после того как он, Аввакум, вместе с той девушкой и Хари вышли из дому, ни одно живое существо к двери не прикасалось. Он стоял вон за той сосной напротив, так что дверь все время была у него на виду.

– А поблизости никто не проходил в это время? – спросил Аввакум.

Сержант покачал головой. С самого обеда, с тех пор как он стал дежурить, поблизости не было никого. Сержант был весь мокрый, перемерз на улице, его одолевала зевота.

Отослав сержанта на кухню, Аввакум сказал ему вслед:

– Скажите повару, чтобы он налил вам рюмку коньяку. Выпив коньяк, наденьте повару наручники и скажите, что лейтенант велел арестовать его. Затем позовите Хари, племянника профессора, и вместе с ним обыщите кухню и столовую. Если обнаружите что-либо относящееся к огнестрельному оружию, будьте добры, сообщите об этом мне.

Когда сержант ушел, Аввакум обратился к лейтенанту:

– Прикажите немедленно обыскать весь дом сверху донизу. А вас попрошу снять отпечатки с дверей, – при этом он указал на инкрустированную дверную ручку, – и внимательно обследуйте ковер и пол в комнате. Зажгите люстру.

– Слушаюсь, – тихо ответил лейтенант. Аввакум поморщился и досадливо махнул рукой. Он был очень придирчив к своим помощникам, старался выжать из них все, на что они способны, но терпеть не мог чинопочитания с их стороны. Это самое «слушаюсь» да щелканье каблуков было совсем не в его стиле. Все это напоминало о службе, о служебных взаимоотношениях, а он смотрел на свое дело, как, скажем, живописец смотрит на картину, рисуя ее: его заботит сочетание цветов, гармония холодных и теплых тонов. Так причем тут это «слушаюсь» да щелканье каблуков?

Аввакум подошел к книжному шкафу и, повернувшись спиной к мертвецу, сел на табурет. Он постарался некоторое время решительно ни о чем не думать. Если в сознании

его на несколько минут образуется белое поле, это равноценно часу крепкого, восстанавливающего силы сна. Но на сей раз белого поля не получилось: он ощущал позади себя мертвое тело, слышал шаги лейтенанта в комнате и тихий перестук дождевых капель на стекле.

Так летели минуты.

«Со вчерашнего вечера, – рассуждал про себя Аввакум, – сотрудники госбезопасности ведут за этим домом наблюдение. Установлено наблюдение с целью обезопасить профессора.

Раз к профессору приставляют специальную охрану, то, надо полагать, человек он необычный.

Но ведь есть немало других людей, которые тоже очень дороги для общества, может быть, не меньше, чем профессор, однако их никто не охраняет. И коль скоро к нему все же приставили специальную охрану, то надо думать, что:

а) в данном случае неожиданно возникла какая-то непосредственная опасность;

б) эта опасность, раз она возникла неожиданно, прямо связана с характером занятий профессора.

Следовательно, перед нами логическое уравнение с двумя неизвестными:

1. Характер занятий профессора.

2. Момент возникновения опасности».

Чтобы определить конкретное значение того и другого, уже накопилось довольно много данных.

а) Некоторое время назад профессор попросил Аввакума порыться в его библиотеке и разыскать ему словарь латинского языка и латинскую грамматику. Аввакум нашел

эти книги. До этого они не были в употреблении и казались совершенно новыми. Может быть, именно поэтому его внимание привлек выглядывавший сейчас из словаря листок бумаги.

Аввакум вытащил этот листок и стал разглядывать его. Он был заложен между страницами 153 и 154. На странице 154 глагол *Finio, ivi, itium* был подчеркнут жирной красной чертой. А на самом листке значились слова «Professor», «Labor», «Finio» и «Vitocha». Эти слова были написаны красным карандашом в самой верхней части листка. Ниже была начерчена широко распространенная шифровальная таблица с ключевым словом на верхней горизонтали. Даже не очень сведущий в таких делах мог легко понять, что перед ним прочитанная шифрограмма, составленная по методу подстановки с помощью ключевого слова «Principes». Латинские слова означали: «профессор», «труд», «кончать» и «Витоша». Очевидно, эта шифрограмма была составлена на основе предварительно установленного символистического кода.

Когда этот листок оказался перед глазами Аввакума, в ушах у него зазвенело, застучало в висках. Если бы он не заметил однажды, как из этого дома выходил полковник Манов, то, наверно, сейчас подумал бы, что профессор составляет, а не дешифрует шифрограммы. Но было бы, конечно, глупо думать, что полковник Манов поддерживает связь с человеком, который составляет шифрограммы для тайных радиопередач. Разумнее было бы предположить, что полковник посещает человека, который прочитывает шифрограммы, передаваемые тайной радиостанцией.

Итак, Аввакум установил еще тогда, что профессор математики, любитель ребусов, является секретным сотрудником шифровального отдела госбезопасности, подобно тому как сам он, археолог, – секретный сотрудник контрразведки... Разница состояла лишь в том, что, несмотря на свой паралич, профессор все-таки кое-что делал и жил живой жизнью, а он, человек здоровый, существует, увы, в «законсервированном» виде. Он запрятал в памяти это свое открытие и всячески старался больше о нем не думать.

б) Профессор сам раскрыл свои карты сегодня утром, вернее в обед. Он тогда сказал – Аввакум помнил каждое его слово: «Решаю, дети мои, труднейший ребус, какого мне еще ни разу не приходилось решать в жизни». Аввакум сразу догадался, что это за ребус, что профессор имеет в виду. И тут же старик похвалился: «Должен вам сказать, дети, что я уже наполовину решил его». Он грозился до наступления сумерек окончательно «одолеть» его (ребус) и уверял их (детей), что они могут «не сомневаться в этом».

Так что первое неизвестное – характер занятий профессора – было найдено: замечательный математик оказывает помощь контрразведке. Ведь не случаен тот факт, что лучшие дешифровщики – это обычно очень талантливые и опытные математики.

Второе неизвестное уравнения – момент возникновения опасности – ясно само собой: это аксиома. Раз госбезопасность берет на себя охрану засекреченного дешифровщика, то, видимо, ему дано спешное задание и выполнение его наверняка связано с опасностью, угрожающей непосредственно государству.

После того как удалось найти оба неизвестных, можно было сделать вполне определенный вывод.

Заключается он в следующем. Профессор, учитывая характер его работы, попал под пристальное ежедневное наблюдение иностранной разведки. Повар с его шутовством выступал в роли свихнувшегося авантюриста, он играл вальсы на гармонии и пел идиотские пиратские песни. Быть может, это всего лишь камуфляж. А на самом деле бывший кок – это глаза и уши иностранной разведки. Итак, иностранная разведка узнала – вероятно вчера, – что госбезопасность поручила профессору срочно расшифровать перехваченную важную зашифрованную радиogramму. В этой радиogramме содержатся оперативные указания некоему агенту или агентам. Если профессор прочтет радиogramму, может случиться провал, который вызовет катастрофические последствия. Учтя это, иностранная разведка решила прибегнуть в данном случае к опасному, но радикальному средству – к убийству. Профессор мертв, задание заграничного руководства выполнено, внутренняя агентура застрахована от неприятных разоблачений – эти три цели достигнуты одним метким выстрелом, одной пулей, пробившей сердце профессора. Неплохо, хитро придумано.

– Товарищ майор, – тихо обратился к нему лейтенант. В его дрожащем голосе чувствовалась радостная нотка.

Аввакум открыл глаза.

Лейтенант стоял перед ним с вытянутой вперед рукой. На его ладони лежала коричневая пуговица среднего размера.

– Ну? – спросил Аввакум с холодным безразличием.

– У нас таких пуговиц не делают, – сказал лейтенант. – Со звездочками.

Аввакум ничуть не удивился его открытию, и лейтенант пожалел о радостной нотке.

– Верно, – подтвердил Аввакум. Помолчав немного, он добавил: – Положите пуговицу на стол и, будьте так добры, спуститесь вниз, на кухню, и позовите Хари.

Когда Хари вошел в комнату, Аввакум, указав рукой на стол, спросил:

– Если я не ошибаюсь, это, должно быть, твоя пуговица, Хари, не так ли?

Хари обошел труп, взглянул на пуговицу и пожал плечами:

– Моя, – ответил он. – Где вы ее нашли?

– Где найдена пуговица, товарищ лейтенант? – спросил Аввакум.

– Под креслом, – ответил тот. – Под дощечкой, на которой стоят ноги профессора.

– Возможно, – сказал Хари. – Возможно, так оно и было. Вчера я ввинчивал в люстру новую лампочку и, когда слезал с лесенки, пуговка наверно оторвалась и упала.

– Бывает, – усмехнулся Аввакум.

– Я хотел было найти ее, но он прогнал меня – ты же знаешь, какой он раздражительный.

– Он был человек нервный, – сказал Аввакум.

– Был, – печально улыбнулся Хари и задумался. Затем он обратился к лейтенанту: – Я могу забрать пуговку? Это чешская, в Праге куплена, я там был на выставке образцов.

Лейтенант не ответил.

– Иначе мне придется менять на пиджаке все пуговицы, – сказал Хари. – Впрочем, я скорее куплю себе новый пиджак, чем стану тратить время на всяких там портных.

Слушая его, лейтенант как будто не верил своим ушам. Столько разговоров из-за какой-то пуговицы! Он был человек скромный, и эта пуговица вдруг засверкала в его воображении, словно золотой червонец.

Аввакум улыбнулся, но, взглянув на мертвеца, тут же нахмурил брови. Человек мелочный, мещанин до мозга костей, Хари дрожал из-за каждого гроша; и если мошенничал во время игры в карты, то только из боязни не оказаться в накладе.

– Хари, – обратился к нему Аввакум, едва сдерживая возмущение. – Ты теперь становишься владельцем этого чудесного дома. Как ты можешь беспокоиться сейчас о какой-то дурацкой пуговице?

А про себя подумал: «Теперь Мария, наверно, поспешит выйти за него замуж, дом и в самом деле хоть куда!»

– А-а, – презрительно протянул Хари, пожав плечами, и поджал губы – Сказки! Какой я хозяин дома? Верхний этаж завещан этому толстому дураку, что там внизу сидит, «боцману». Все это, – он постучал башмаком о пол, – старик собирался завещать в пользу какого-то математического клуба. Комнату вместе с мебелью и ковром. – Он бросил взгляд на мертвеца и насупился. – Хоть старик в интегралах разбирался здорово, но в общем был ужасно наивный. Сколько я его уговаривал хотя бы ковер пощадить!.. Так что много ли мне достанется от этого дома?

– Нижний этаж, – ответил Аввакум и усмехнулся в душе. Этот олух заслуживает того, чтобы его околпачивали безо всякого стеснения. Когда сталкиваешься с подобными людьми, совесть закрывает глаза.

– Нижний этаж! – Хари вздохнул и призадумался. – А тебе известно, какие дерут за наследство налоги?

– Хари, – сказал Аввакум, – завтра вечером, если я не ошибаюсь, премьера «Спящей красавицы». Твоя невеста – вероятно, ты об этом знаешь – исполняет главную роль. Тебе не кажется, что ее следует как можно скорее увести отсюда?

– А о пуговке я позабочусь, – заверил его лейтенант Петров. – Сегодня вечером будет составлен протокол в соответствии с инструкцией, и завтра вы сможете ее получить.

– Буду вам весьма признателен, – с поклоном поблагодарил Хари. Затем они поговорили о похоронах, о формальностях, связанных с ними, и решили, что со всеми делами нужно будет покончить завтра до четырех часов дня.

После ухода Хари Аввакум вздохнул с облегчением и, закулив сигарету, устало опустился в широкое кожаное кресло перед мертвецом.

Он понимал, что лейтенант Петров ждет от него указаний, а в его голове вдруг образовалась какая-то пустота.

– Ну что, – произнес он и снова замолчал. Как будто попал в какой-то тупик, из которого нет выхода. – Ну что, – повторил он, – поступите так, как того требуют святыя правила следствия: заверните эту чепуху в бумагу и отошлите в управление, в лабораторию. Любой предмет, не принадлежащий убитому и не свойственный обстановке, в которой он жил, будь это пуговка или стул, каждый такой предмет необходимо отправить в управление на экспертизу. Это мое золотое правило, и, если не ошибаюсь, я и вас учил так поступать! – Аввакум вдруг вспыхнул – такое с ним случалось редко – и против обыкновения говорил очень

сердито. Однако тут же почувствовал неловкость, поняв, что неправ. Ведь лейтенант отклонил просьбу Хари отдать ему пуговицу – за что же на него сердиться? И Аввакум извинился с искренним сожалением в голосе. – Можно подумать, что мертвец и в самом деле действует мне на нервы. Я никак не пойму, почему он так сердито смотрит! Вы, лейтенант, возьмите отпечаток и его пальца и пальца повара, снимите отпечатки пальцев с подлокотников профессорского кресла. И сию же минуту отправьте в лабораторию! – На лице Аввакума появилась злорадная усмешка. – Ваш новый приятель получит свою пуговку лишь после того, как подаст заявление на имя начальника да истратит четыре стотинки на трамвай. Из-за этих четырех стотинков он готов повеситься. Впрочем, получит ли он ее вообще? – Аввакум помолчал. – Это, конечно, будет зависеть от дальнейшего хода следствия. Я полагаю, по крайней мере сейчас, что он ее не получит. – У него против Хари никаких улик не было. И если он счел нужным соблюсти формальности по отношению к этой пуговице, то сделал это невольно, сам не зная почему.

После того как лейтенант вышел из комнаты, Аввакум подумал: «Видимо, я это делаю ради нашей Прекрасной феи. Из ревности!» Тут он почувствовал, что его вдруг словно обдало горячей волной или он оказался перед огромной, полыхающей пламенем печью. Ревность! Обычно человек ревнует, когда любит. А он, разве он любит? Эту его игру в такой же мере можно назвать любовью, как, например, вальс – симфонической музыкой!

Дальше, дальше... Уравнение уже решено, вывод сделан. Что же дальше? Кто убийца?

Аввакум закрыл глаза, потому что мертвец, откуда бы он на него ни смотрел, нервировал его. Он, казалось, ужасно мучился, подвешенный на этих ремнях, как будто силился освободиться и сползти на пол, а ремни не пускали. Особенно неприятное чувство вызывали безжизненно повисшие руки. Теперь им флакончик из-под духов, хранящийся в ящике стола, конечно, ни к чему. Профессор иногда вынимал из ящика этот флакон, с жадностью открывал пробочку и вдыхал воображаемый аромат. Теперь даже представить было трудно, что эти руки были способны на такое.

Итак, кто же убийца?

Аввакум вздохнул и закурил сигарету.

В комнату вошел сержант. Все еще мокрый, он теперь выглядел бодрым и больше не зевал. «Коньяк подействовал», – подумал Аввакум и кивнул ему:

– Докладывайте!

Сержант доложил, что они обыскали весь дом, начиная с чердака и кончая подполом, и никаких укрывающихся посторонних лиц не обнаружили.

– Правда, мы обнаружили вот это, – и сержант протянул руку. – В бумажнике повара.

«Это» оказалось сберегательной книжкой. От потертой обложки исходил смешанный запах лаврового листа и душистого перца.

– Пять штук, – важно заметил сержант. Он стоял на-вытяжку, и лицо его сияло от гордости. – Пять штук, – повторил он.

Между исписанными страницами сберегательной книжки лежали пять банкнот по два доллара каждая. Ав-

вакум пересчитал – действительно, было пять бумажек. Он пощупал их, посмотрел на свет. Настоящие доллары.

– А вы посмотрите, сколько у этого бедняги на книжке, – сказал сержант. В голосе его звучало возмущение, но ни малейшего оттенка зависти.

Аввакум взглянул на последнюю цифру. Имея такие деньги, бывший кок вполне мог купить «Волгу». И еще осталось бы. Помолчав немного, Аввакум спросил:

– Протокол составили?

– Так точно, – ответил сержант.

– А как себя ведет повар?

– Плачет, – Сержант пожал плечами. – Плачет, товарищ майор. Навзрыд.

Аввакум стал расхаживать взад и вперед по комнате.

– Сейчас же отправьте арестованного в управление, – распорядился он – Наручники с него не снимать.

Итак, кто убийца?

Труп действительно был похож на утопленника, опутанного отвратительными корневищами. Аввакум отвернулся и закрыл глаза.

Теперь найти убийцу не так трудно, раз найдены следы. Сейчас важнее другое – шифрограмма, о ней надо думать в первую очередь. Шифрограмма давала кому-то инструкции. Круг того и гляди сомкнется, задание, таящее опасность для государства, будет выполнено.

Когда и где?

Быть может, это произойдет в ближайшие часы – ближайшей ночью или завтра? А может, послезавтра?

Да, кто-то сидит в темноте, слушает, как стучат капли о стекло, и, довольный своим хитроумием, посмеивается.

Хороший шахматист, он довел своего противника до мата и теперь с полным правом может спокойно выкурить трубку.

Ушла ли Прекрасная фея? Завтра вечером ей предстоит танцевать в «Спящей красавице», и этой ночью она должна хорошенько выспаться. Пускай идет проклятый дождь, в дождь всегда хорошо спится.

Но чего ради ему водить самого себя за нос? От стола профессора его отделяют всего лишь два шага. Пора сделать наконец эти два шага; и посмотреть собственными глазами, не осталось ли там чего-нибудь.

Если там ничего не окажется, то тот, кто сейчас сидит где-то в тепле, может спокойно курить свою трубку. Время работает на него.

Аввакум встал, обошел мертвеца и остановился слева от него. Перед глазами Аввакума открывался весь стол.

Телефон, арифмометр и пепельницу можно не принимать во внимание, так же как и логарифмическую линейку и стакан с цветными карандашами.

Так. Все остальные предметы надо проверить и допросить. Но их, слава богу, не так много. Словарь «Ларусс», первый том Большой энциклопедии, «Теория вероятностей» и его старые знакомые – латинский словарь и грамматика латинского языка.

От двух последних книг на Аввакума повеяло леденящим холодом – шифрограмма, по всей вероятности, составлена по-латыни, с условными обозначениями. Над такой загадкой сам черт голову сломит.

Кроме книг, на столе валялось множество черновиков, испещренных цифрами – бесчисленные столбики цифр!

Для того чтобы определить значение трех колонок пя-

тизначных цифр в десятой степени, требуется исписать в процессе вычисления целую общую тетрадь. Сейчас перед его глазами лежал ворох черновиков с вычислениями, однако в таком хаотическом беспорядке эти вычисления абсолютно ничего ему не говорили. Тем не менее он начал складывать разбросанные черновики, стараясь придать им какую-то систему, которая, конечно, была мнимой.

И в этот миг, когда он сознавал полную бесполезность того, что делал, именно в этот миг он обнаружил то, что его интересовало больше всего, – тетрадь с этимологическим выражением таинственных пятизначных чисел. Она лежала у арифмометра, чуть правее правой руки покойника. На раскрытой тетради лежала стопка чистой бумаги, предназначавшейся для черновиков.

Аввакум жадно схватил тетрадь, как будто в ней четко выписанными словами ясно и просто излагался тайный смысл жизни. Листы тетради скрепляла спиральная проволока. Но от первого листка были видны лишь жалкие следы в завитках спирали.

Все оставшиеся листы тетради были чисты, без единой пометки.

Единственный исписанный лист был вырван.

Покончив с профессором, убийца поспешил уничтожить то, из-за чего было совершено убийство.

Об этом рассказала тетрадь.

Но что было написано на оторванном листке? Сама тайна или ее латинские символы?

Во всяком случае, этот листок был здесь и безвозвратно пропал. Не требовалось каких-то особых способностей, чтобы в этом убедиться: на полу и в корзинке для бумаг

валялись остатки сгоревшего листка. Начисто сгоревшего, потому что это остатки больше напоминали сажу. Взволнованный дурацкой пуговицей, лейтенант не обратил внимания на сожженную бумагу.

Ладно, Аввакум сам это заметил, да много ли пользы?

В момент, когда он подносил к сигарете горящую спичку, рука его дрогнула. Профессор ведь почти не владел левой рукой, поэтому она обычно лежала неподвижно на столе. И он был вынужден во всех случаях обходиться одной только правой рукой и писать, и держать листок бумаги или тетрадь в удобном положении, чтобы не уставала рука и работа шла быстро. Чтобы удерживать в удобном положении отдельный листок или тетрадь, он старался прижимать их к столу кистью руки и прижимал сильнее, чем это делает человек, пользующийся обеими руками. Когда пишущий сильно нажимает кистью на тетрадь, то и пальцы на карандаш нажимают сильнее, так как напряжение мышц автоматически распространяется на всю руку, с начала и до конца. Чтобы регулировать напряжение мышц, человеку приходится распределять свое внимание, а если необходимо сосредоточиться на чем-то другом, то думать об этом уже не приходится. Карандаш в руке профессора нажимал на бумагу сильнее, чем требовалось, так что неизбежно должны остаться следы и на следующем листке тетради.

Аввакум вырвал из тетради верхний лист и посмотрел сквозь него на зеленый шар абажура. На нем и в самом деле были заметны вмятинки в виде закорючек, одни проступали более отчетливо, другие были едва различимы. Все же какие-то следы остались.

Сейчас тому, кто отсиживался где-то в тепле, восхищаясь своим хитроумием, нет оснований, хлопнув шапкой о землю, пускаться на радостях в пляс. Даже сидеть и спокойно раскуривать трубку нет оснований.

– Лейтенант! – окликнул Аввакум помощника.

Не успел лейтенант Петров переступить порог, как Аввакум сказал ему:

– Этот листок из тетради – настоящая драгоценность. Доставьте его лично в фотохимический отдел лаборатории и проследите, чтобы фотокопия письма, написанного на предыдущем листке, была сделана немедленно. Я полагаю, что за час, самое позднее за час десять минут, все будет сделано и я буду иметь удовольствие снова видеть вас здесь!

– Разумеется! – улыбнулся лейтенант Петров и щелкнул каблуками, хотя был в штатском.

Лейтенант был более чем счастлив: ведь работать под началом Аввакума – это настоящий университет для начинающего контрразведчика. И для послужного списка это имеет значение – с кем ты работал. Начальство учитывает такие вещи...

Аввакум опустил в кресло и закрыл глаза.

13

И чудится ему, что он ныряет в глубокий омут Янтры, ниже излучины, у виноградника деда Седефчо. Он, бывало, уходил туда с ребятами после школы, затем, мол, чтобы ловить рыбу под камнями, но на самом деле они играли там или, прячась в ракитнике, подсматривали, как невестки

деда Седефчо, отбелив на солнце белье, купались в речке. Омут под старым виноградником был глубокий, редко кому удавалось достать его дно, да и пробовать не отваживались – говорили, что там в тине лежит, шевеля усами, громадный свирепый сом и подстерегает жертву. Сом этот чуть ли не ровесник деда Седефчо. И Аввакуму чудится сейчас, будто он нырнул в этот омут, вокруг все зеленое и холодное, а над головой, на поверхности, сверкают и булькают серебряные пузырьки. Он не знает, как быть – то ли подняться вверх и поймать себе несколько таких серебряных пузырьков, то ли опуститься еще глубже, до самого дна, где шевелит усами страшный сом. Он раздумывает, а тем временем страшилище сом, отделившись от дна, медленно поднимается и на спине у него сидит профессор с бессильно повисшими руками, сердито таращит глаза. «Ты смотри! – думает Аввакум, и ему хочется спросить: – А где же твои ремни, ведь без них ты упадешь?» Но он не смеет раскрыть рта, зная, что вмиг захлебнется водой и пойдет ко дну. Было бы хорошо скользнуть вверх, податься гуда, где пузырьки, но жуткие глаза профессора словно опутали его сотней веревок – он не в силах шевельнуть ни ногой, ни рукой. «Если не перерезать эти проклятые веревки, – думает Аввакум, – то я пропал». А там вверху, над головой, волнами проносится звонкий смех. «Ах, – догадывается Аввакум, – это же Райночка, самая младшая сноха, наверно, купается на мелком месте и так задорно смеется. На нее плещут водой, а она знай хохочет, защищаясь руками от брызг. У нее шрам на правой ноге выше колена – в прошлом году, когда она купалась в этом самом месте, ее укусила злая собака Безбородого Кыньо. Этот Кыньо все-

гда держит злых собак». Веселый смех Райночки как бы протягивает невидимые руки, они играючи тащат его вверх, туда, где сверкают серебряные пузырьки. «Ну, а профессор? – с ужасом спрашивает Аввакум. – Неужто он так и останется там, внизу, на спине длинноусого сома?» Ему вроде бы жаль профессора, но, оказавшись среди пузырьков, он тут же начинает искать глазами, откуда идет этот звонкий смех. «Райночку норовишь увидеть, а ведь ты хотел собирать серебряные пузырьки», – шепчет ему кто-то на ухо.

Аввакум открыл глаза и виновато улыбнулся. Перед ним стоял полковник Манов.

– Я думал, он уже поймал убийцу за шиворот, а он дрыхнет! – невесело сказал полковник.

– Вы только что приехали, да? – спросил Аввакум. Он встал и размял плечи. Странная вещь. Об этой Райночке Аввакум до сих пор ни разу не вспомнил. У нее действительно был шрам на правой ноге выше колена, он хорошо это помнит.

Полковник не ответил. Он стоял перед мертвецом, держа в руке шляпу, и молча рассматривал его.

Двадцать пять лет прошло с той поры. Тогда Аввакум был пятнадцатилетним мальчишкой. Но он прекрасно помнил этот шрам.

Полковник стоял перед мертвецом со шляпой в руке и молчал. Добрый и верный друг ушел в небытие. Он был ужасно одинок... Больше ему не придется жаловаться на свою бывшую жену, и тосковать по ней он больше не будет. Частенько мужья жалуются при жизни на своих жен. Вчера и он, полковник, был доведен до белого каления

этими билетами. Жена даже ужинать не стала, до того рассердилась.

Райночка – беленькая такая, попрыгунья, еще совсем ребенок, а ее выдали замуж за самого старшего сына деда Седефчо, за вдовца и пьяницу. Когда на нее брызгали в речке водой, она вертела головой и хохотала на всю округу.

– Мне надо срочно ввести тебя в курс дела, – сказал полковник Манов. – Все очень серьезно. – Он чувствовал себя в какой-то мере повинным в смерти профессора. Какую-то степень вины он ощущал и в том, что попал под машину старший шифровальщик, – ведь это он послал его прогуляться. Он стоял, ссутулившись, в своем тяжелом зимнем пальто и испытывал непреодолимую потребность сесть.

Как раз в эту минуту из следственного отдела приехал врач.

Когда труп был наконец вынесен из комнаты и увезен для вскрытия, дом погрузился в мертвую, гнетущую тишину. Сотрудник госбезопасности читал на кухне газету. У входа стоял дежуривший милиционер. Шофер полковника сидел в машине за рулем и время от времени дул на озябшие руки.

Шел дождь вперемежку с мокрым снегом.

Полковник вводил Аввакума в курс дела. Он подробно рассказывал о последних событиях, не скупясь на слова даже при описании погоды. Он знал цену подробностям – порой какой-нибудь пустяк играл большую роль, чем-то, что на первый взгляд казалось самым существенным. Но в действительности ему хотелось блеснуть перед своим та-

лантливый учеником тонкой и острой наблюдательностью, умением отделять главное от второстепенного. И потом в глубоком кожаном кресле было очень удобно, а дома разбушевавшаяся вчера буря из-за билетов еще не утихла.

Но Аввакум прервал его как раз в тот момент, когда он описывал местность, где находится оборонительное сооружение «Момчил-2».

– Будьте добры, – сказал он, – перечислите мне в хронологическом порядке события, которые предшествовали перехвату шифрограммы, и все, что случилось – опять в хронологическом порядке – после перехвата шифрограммы и передачи ее для прочтения профессору.

Помолчав, полковник развел руками.

– Да вы уже все знаете, черт возьми! – воскликнул он. – Можно подумать, что у вас есть своя частная разведывательная служба, которая все знает и за всем следит! – Ему даже обидно стало. Ученику пристало быть более скромным. В конце концов от него же он усвоил азы разведывательного искусства! Он на месте Аввакума старался бы быть более терпеливым, надо же иметь выдержку. Не покидавшее его тяжелое чувство, что он повинен в смерти профессора, что по его вине угодил под машину шифровальщик, да и эта еще не затихшая история с билетами снова черной тучей надвинулись на его душу.

– Я вас очень прошу не терять времени, – сказал Аввакум. Он вдруг заметил, что полковник сильно постарел за последние месяцы. – Можно предложить вам сигарету?

Нащупать хотя бы одну тропинку, ведущую к тому, кто все еще имеет возможность спокойно курить трубку и радоваться собственному хитроумию, – вот тогда Аввакум

мог бы слушать эти рассказы до самого утра, а то еще и завтра.

– Итак? – напомнил Аввакум.

Раскурив сигарету, полковник Манов неторопливо выпускал дым.

– Двадцать седьмого ноября в шестом часу ожесточенный обстрел двух пунктов третьего района сектора L–Z. Продолжительность огня – около получаса. Результат – подброшенный труп известного диверсанта. Одновременно с этим в воздушном пространстве оборонительного сооружения «Момчил-2» появляется иностранный самолет и сбрасывает две осветительные ракеты. Часом позже передвижной радиопередатчик «Искыр», действующий в районе Смоляна, послав позывные заграничной радиостанции «Гермес», сообщает ей, что «заказ выполнен», и спрашивает, когда и кому его передать. «Гермес», как вы, вероятно, знаете, имеет обыкновение передавать кодированные инструкции, и в переговоры он почти никогда не вступает. Но на сей раз «Гермес» передает «Искыру», что на следующий день (то есть вчера) сообщит, кому передать заказ, и скажет, какие следует принять «предварительные меры». Двадцать восьмого ноября, то есть вчера, майор Н. находит в расположении «Момчил-2» кассету от фотоаппарата, предназначенного для ночной съемки с помощью инфракрасных лучей. Пленка в кассете чистая. Вчера в шестом часу «Гермес» посылает шифрованную радиограмму, наши пеленгаторы перехватывают ее. Перед этим в четвертом часу какой-то легковой автомобиль сшибает нашего старшего шифровальщика – тот в неполюженном месте переходил улицу. Шофер не разглядел его из-за густого тумана.

Чтобы не упустить время, я передаю радиogramму для расшифровки профессору Найденову. Но поскольку у меня есть сведения, что профессора засекла иностранная разведка, я приказал установить за его домом наблюдение и охранять его со стороны улицы. Мы знали, что ты регулярно бываешь у профессора, что вы дружите с племянником и с невестой племянника, и были уверены, что внутри дома ему ничто не грозит... Таков хронологический порядок событий.

После того как полковнику удалось изложить все это, он забыл и про свои огорчения и про свой чин и снова перешел на «ты».

— У тебя будут вопросы?

Аввакум, по своему обыкновению, стал прохаживаться взад и вперед и некоторое время молчал.

— В каком состоянии сейчас старший шифровальщик? — спросил он. Они были знакомы. Аввакум не раз пользовался услугами этого крупного специалиста. А к умным людям веселого нрава, каким был этот молодой человек, Аввакум питал искреннее чувство симпатии.

— Его помяло основательно, — с неохотой ответил полковник. И зачем ему вздумалось выгонять парня на свежий воздух? Он уже в тысячный раз проклинает ту минуту, когда эта мысль пришла ему в голову.

Аввакум снова замолчал. Потом спросил:

— А вы, товарищ полковник, находите какую-либо взаимосвязь между всеми этими событиями? Простите, но меня это очень интересует.

— Кое в чем такая связь есть, — сказал полковник. Если разобраться, так это он должен задавать подобные вопросы

Аввакуму. Младшие по чину обычно не задают таких вопросов своим начальникам. Но Аввакум, его Аввакум, — он был вне всяких чинов и званий и стоил тысячи иных начальников! — Есть такая связь, — повторил он. — Например, между найденной частью фотоаппарата для ночной съемки и вчерашней шифрограммой «Гермеса». Мне кажется, тут есть какой-то мостик.

— Вы так считаете? — Аввакум не сказал больше ни слова, но в душе он, видимо, смеялся над этим.

— Хотелось бы услышать ваше мнение, — холодно заметил полковник. Он как-никак был начальник отдела и вправе требовать объяснений от подчиненных.

— Все обстоит очень просто, — сказал Аввакум. — По существу, мне остается только развить вашу мысль. Главная подоплека всего этого, конечно, оборонительное сооружение «Момчил-2». Оно буквально не дает покоя противной стороне, и она старается любой ценой раздобыть более подробные и ясные данные о нем. Но обычным путем ни один матерый шпион не в состоянии проникнуть на такой важный объект, верно? Поэтому противная сторона создает на границе напряженную обстановку, чтобы всемерно облегчить проникновение шпиона в расположение «Момчил-2». Совершается сильный огневой налет на третий район сектора L–Z в расчете отвлечь тем самым внимание пограничных войск от объекта. Больше того, противная сторона посылает в воздушное пространство сооружения «Момчил-2» самолет, а это вместе с происходящим на границе заставляет охрану и обслуживающий персонал сооружения смотреть прежде всего вперед, а не назад.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой – о ней он был предварительно предупрежден, – шпион проник в расположение «Момчил-2» с северной, наиболее спокойной стороны, заснял объект и в спешке выронил запасную кассету. По всей вероятности, где-то недалеко его ждала машина с радиопередатчиком. В переговоры с «Гермесом» он вступил вблизи Смоляна, чтобы успеть улизнуть в город, прежде чем за ним бросится погоня. Вопрос о том, остался ли он в Смоляне или той же ночью успел перебраться в Софию, еще предстоит выяснить. Лично я считаю, что к рассвету он уже был здесь. Вчерашний день характерен двумя событиями. Выведен из строя старший шифровальщик, а это и есть одна из «предварительных мер». Вечером была перехвачена радиограмма «Гермеса», в которой содержатся указания, кому и когда должны быть переданы снимки сооружения «Момчил-2». Вовремя узнав о том, что радиограмма передана для расшифровки профессору Найденову, иностранная разведка принимает решение раз и навсегда убрать его с дороги. Она вырабатывает метод убийства и осуществляет его, как вы знаете, сегодня во второй половине дня.

Полковник потянулся за сигаретой.

– Дай-ка мне сигарету, – сказал он. Теперь ему и в голову не приходило называть Аввакума на «вы». Он сделал несколько затяжек и сказал задумчиво: – Да, конечно, все это находится в тесной взаимосвязи. Я имею в виду события последних дней.

– Зря вы тотчас же не установили наблюдение за шофером – это большая ошибка, – сказал Аввакум.

– За шофером? – полковник потер ладонью лоб. – Да... Впрочем, туман вчера действительно был очень густой.

– И этот густой туман, – Аввакум уже начал злиться в душе, – именно этот густой туман и дал шоферу возможность с близкого расстояния выслеживать свою жертву и, выбрав благоприятный момент, стукнуть ее как следует.

– Ты в этом уверен? – спросил полковник. Он улыбнулся. – Я буду рад, если все произошло именно так, как ты говоришь.

Аввакум пожал плечами. Тут нет ничего такого, чему можно радоваться.

– Я сейчас же дам задание дежурному офицеру, чтобы он распорядился о розыске этого типа – Полковник встал и направился к двери. – Мы будем держать его под наблюдением до тех пор, пока не установим, что он за птица и чем он дышит – Полковник несколько повеселел, но продолжал сутулиться и держался как-то по-стариковски.

Новое открытие еще больше сгустило и без того непроглядный туман.

Пока полковник разговаривал внизу с сотрудником госбезопасности, Аввакум курил, сидя в кресле, и рассеянно наблюдал за клубочками синеватого табачного дыма. Они парили над ним в воздухе, сливались воедино, образуя вместе некую спиралевидную галактику, которая исчезала у него за спиной. Сперва он следил за этим рассеянно, потом прозрачные фигуры стали привлекать его более пристальное внимание. Наконец он встал. Сомнения не было: где-то позади него существовала тяга, она и всасывала галактики и млечные пути, возникающие из табачного дыма. Почему весь дым, хотя и медленно, но упорно уплывает в одном и том же направлении – к огромному стеклу окна?

Окно было закрыто. Но закрытое окно не может притягивать дым. Либо окно плохо закрыто, либо где-то есть отверстие, через которое комната сообщается с внешним миром.

Аввакум подошел к окну. Справа, на уровне его груди, в двух пядях от оконной рамы зияло идеально закругленное отверстие диаметром примерно в пять миллиметров. Оно было не столь велико, разумеется, но большая разница внешней и внутренней температуры способствовала возникновению тяги, и притом довольно сильной.

Аввакум ощупал отверстие мизинцем – края оказались гладкими, словно их отшлифовали тончайшим напильничком из дамского маникюрного прибора. Сомнения быть не могло – отверстие образовала остроконечная пуля, выпущенная с близкого расстояния.

Рассматривая стекло, он ощутил позади себя тяжелое дыхание полковника.

– Полюбуйтесь, – улыбнулся Аввакум и уступил ему место.

Полковник считался большим специалистом по огнестрельному оружию. Он ощупал отверстие и, посопев немного, заявил:

– Это работа бесшумного пистолета. Мне эта система знакома. Кончик пули острый, как шило.

Аввакум знал, что такая пуля, пробивая стекло, разминает его своим корпусом в микроскопический порошок и вращательным движением уносит за собой, так что обнаружить следы стекла не способна ни одна лупа.

Он поднял телефонную трубку и, набрав номер морга, спросил у врача, какой марки пуля.

– Кончик очень заострен, – ответил врач. Он только что извлек ее из-под левой лопатки.

– Царапин на ней не видно? – спросил Аввакум.

– Есть, – ответил врач. – На поверхности конуса.

– Я пришлю нарочного за этой ценной вещицей, – сказал Аввакум и положил трубку.

– Вот как это произошло, – продолжал полковник. Лицо его выражало вдохновение. – Здесь, в этом месте, – он указал на спинку стула, – находилось сердце профессора. Тяните отсюда прямую до отверстия в стекле и дальше сквозь него. Где будет конец прямой? По ту сторону дороги, за канавой. Возле той старой толстой сосны. Я утверждаю, что убийца стоял за той сосной. И стрелял из-за ее ствола.

– Едва ли, – возразил Аввакум. – Там находился ваш сержант.

Вдохновение тотчас же исчезло с лица полковника. Он молчал и с горестным видом рассматривал узоры ковра. Как будто на нем было запечатлено что-то очень грустное.

– Тогда что же? – спросил он. – Ничего не понимаю.

– Я тоже, – тихо ответил Аввакум.

Лейтенант Петров попросил у полковника разрешения войти и, щелкнув каблуками, подал Аввакуму пакет с красными сургучными печатями. Он сообщил ему, что фотокопии отпечатков будут готовы завтра утром, и удалился.

Они снова остались вдвоем. Аввакум вскрыл пакет и вынул из него снимок вырванного из профессорской тетради листка и короткую записку начальника лаборатории. Записка была адресована полковнику Манову. Аввакум

прочитал ее вслух: «Направляю вам фотокопию представленного для исследования листка из тетради. При химической обработке его лицевой стороны некоторые буквы текста не проявились из-за того, что нажим на ткань бумаги был слаб. С уважением...»

На фотокопии крупным неровным почерком профессора было написано: *Plo es Vi chae A roraе*.

Успев взглянуть на этот текст через плечо Аввакума, полковник в отчаянии хлопнул руками.

– Попробуй пойми, что это значит! – простонал он. – Тут сам Навуходоносор не смог бы ничего разобрать, если б воскрес!

– Это текст шифрограммы, – сказал Аввакум. – Что же касается Навуходоносора, то этот вавилонский царь жил в пятом веке до нашей эры.

– Тебе бы все шутить, – бросил полковник. Зачем было вспоминать этого Навуходоносора? Он опустил в кресло и оперся головой на руку. Ему даже курить не хотелось.

Аввакум прошелся несколько раз по комнате, потом взял цветной карандаш в серебряном стакане профессора и что-то написал на снимке.

– Прочтите, – сказал он.

Теперь текст читался так: *Flores Vitochae Auroraе*. Аввакум восстановил недостающие в нем буквы.

– Хорошо, – сказал полковник. – И с этими буквами и без них шифрограмма одинаково непонятна и разобраться в ней абсолютно невозможно. Ну что все это значит? – Он задал этот вопрос, лишь бы не молчать. Слова могли иметь одно значение, а их условный смысл – его сам черт не разгадает. У него в желудке появилось жжение. Неизвестно

почему он вспомнил жену. Она, конечно, его ждет, история с билетами еще не выветрилась из его головы. – Что все-таки могут означать эти слова? – повторил он равнодушным тоном.

– Они могут означать... – Аввакум старался держаться бодро и уверенно. – Они могут означать следующее: либо «Цветы Авроры для Витоши», либо «Цветы для Авроры с Витоши». – Ему удалось восстановить в тексте недостающие буквы, и, может быть, именно это придало ему бодрости.

Ни слова не сказав в ответ, полковник горько усмехнулся.

– Аврора – это значит рассвет, – сказал Аввакум, – заря. Некоторое время царило молчание.

Но вот полковник хлопнул себя по колену. Хлопнул так громко, как будто хотел убить какую-то противную букашку.

– Эврика! – воскликнул он, и его усталое лицо снова прояснилось. – А знаешь, какие у меня догадки?

– Не знаю, – сказал Аввакум.

– Вот послушай! – Полковник встал, причесал роговым гребешком поседевшие волосы, – вероятно, ему хотелось этим жестом несколько унять распиравшее его чувство гордости. – Так вот в чем состоят мои догадки, – продолжал он. – Имеют ли в этом деле значение падежи и падежные формы? По-моему, никакого значения не имеют. Важно другое. Заря, цветы, Витоша. Тот, которому надлежит получить снимки сооружения «Момчил-2», будет стоять где-то на подступах к Витоше с букетом цветов в руках. Когда? На рассвете! Где-нибудь между семью и восемью

часами утра. Какое это место? Драгалевцы, Бояна, Княжево – вот она где разгадка-то! Утром я высылаю в эти места наблюдателей, и, уверяю тебя, они вернутся не с пустыми руками!

– Дай бог! – со вздохом ответил Аввакум. Полковник стал торопливо спускаться по лестнице.

14

Аввакума снова начала одолевать дремота, ему казалось, что он опять погружается в зеленоватую, холодную пучину и слышит звонкий, раскатистый смех. Но вдруг все исчезло, все унес вихрь каких-то невыносимых звуков – словно о его голову ударяются осколки льда.

Звонил телефон. Он никогда не дребезжал так громко и настойчиво. Аввакум привстал в кресле, в котором было задремал, включил свет и поднял трубку.

В этот миг что-то стукнуло по дверному стеклу и просвистело у самого его уха, а с противоположной стены посыпались кусочки штукатурки. Он инстинктивно пригнулся, добрался на четвереньках до двери, ведущей на веранду, задернул тяжелые бархатные портьеры и тогда выпрямился.

Стрелявший мог снова выпустить пулю, но теперь вероятность попадания была ничтожна. Он взял нож и выковырял из стены застрявшую пулю. Она оказалась острой, как шило.

Аввакум улыбнулся – этой штукой ничего не стоило и голову ему продырявить. Факт. Завтра, когда Прекрасная фея будет кланяться со сцены публике, он уже не смог бы

ей похлопать. Не пришлось бы больше вспоминать и глубокий омут возле виноградника деда Седефчо, и серебряные пузыри. Впрочем, серебряных пузырей никогда не было, это просто его воображение... А почему, собственно, в него стреляли?

Тот, кто радовался своему хитроумию, стал себя вести слишком беспокойно. Он уже не посасывает с беззаботным видом свою трубочку, пропало у него желание пускаться в пляс. Он слоняется вокруг дома, где живет Аввакум, заставляет кого-то звонить ему по телефону, нацеливает на его голову бесшумный пистолет.

Аввакум посмотрел на часы – близилась полночь.

В камине еще тлели угли; подбросив дров, он пододвинул к очагу кресло, набил трубку и закурил.

На улице шумел дождь.

В самом деле, почему в него стреляли? Ведь многое из того, что относится к этому делу, было ему неизвестно. Ну а то, что он знал, – какой от этого прок? Знал это и полковник, и лейтенант, и даже озябший сержант. Хорошо, что ему дали рюмку коньяку. Но ведь по ним не стреляют? Если бы стреляли, ему бы уже сообщили об этом. В них наверняка никто не стрелял. А если стреляют в него, значит, полагают, что ему известно нечто очень важное, то, чего не знают другие.

В камине потрескивало пламя. Он протянул ноги поближе к огню. Даже ради такого вот удовольствия – сидеть и слушать, как потрескивает пламя в камине, – даже ради этого острая пуля не должна была его пронзить.

Но все-таки что же он знал такое, что неизвестно другим?

Размышляя так, Аввакум просидел примерно полчаса.

Затем его охватила жажда бурной деятельности. Он вынул пленку из кинокамеры и побежал через кухню в чуланчик, где устроил себе небольшую лабораторию. Двадцать минут спустя он уже наматывал пленку на бобину проектора. Когда он нажал на пусковые кнопки, на противоположной стене заулыбалось лицо Прекрасной феи.

Он прокрутил эту пленку несколько раз, то замедляя, то совсем останавливая ее. Глаза у него горели, как в лихорадке.

Потом он оделся, взял электрический фонарик, туристский топорик и вышел.

На улице по-прежнему была непогода – шел дождь со снегом.

Чуть пригнувшись и вглядываясь в темноту, он направился к последнему дому на их улице.

Утром, когда он раздвинул портьеры на двери, ведущей на веранду, он увидел белую от снега улицу – шел настоящий зимний снег.

Ровно в восемь часов пришел лейтенант Петров. Аввакум налил ему чашку кофе, затем подошел к двери, поближе к свету, и стал знакомиться с результатами лабораторных исследований, доставленных лейтенантом.

Итак, за дверную ручку последним брался бывший кок. Хари последним касался спинки «чуда-кресла», а на пуговице со звездочкой виден отпечаток пальца профессора.

– Лейтенант Петров, – обратился к своему помощнику Аввакум, – вы обещали, если я не ошибаюсь, вернуть эту пуговицу ее владельцу, художнику. Не так ли? Я думаю,

что офицер обязан дорожить своим словом, если даже оно было дано такому мелочному и прижимистому человеку, каким, к сожалению, оказался наш художник. Вчера вы были не в меру любезны, и поэтому сейчас вам придется совершить непредусмотренную прогулку. Возьмите в лаборатории эту знаменитую пуговицу и возвратите ее лично Хари, извинитесь перед ним за вчерашний случай и предупредите, что похороны его дяди состоятся не сегодня, а завтра в десять часов утра. А вот это письмо, — он взял со стола заклеенный конверт, — будьте добры, передайте лично полковнику Манову. — Он помолчал немного. — До пяти часов вечера вы совершенно свободны и можете употребить это время даже на танцы, как подобает молодому человеку. А в пять часов десять минут мы встретимся с вами у входа в Зоологический сад. Запомнили?

Лейтенант ушел.

Аввакум постоял немного у стеклянной двери, задумчиво наблюдая за снежинками. Затем развел в камине большой огонь, набил табаком трубку, вытащил рукопись об античных памятниках и мозаиках и принялся работать.

В полдень Аввакум отправился в Русский клуб обедать. Потом зашел в Академию наук и два часа просидел в библиотеке. Ровно в пять часов десять минут он встретился у входа в Зоологический сад с лейтенантом Петровым.

Пожав друг другу руки, они шли некоторое время молча. Падал густой пушистый снег.

— Лейтенант, — тихо сказал Аввакум, — возьмите пять машин с радиопередатчиками и поставьте их у входа в Городской музыкальный театр через десять минут после начала спектакля. А сейчас ступайте в кассу театра и

возьмите два билета – их заказал для меня секретарь академии. Один билет оставьте себе, а другой передадите мне за две минуты до начала представления. Запомнили?

Лейтенант кивнул.

– И еще, – продолжал Аввакум. – Возьмите пятерых сотрудников. Они должны будут находиться в машинах. Снабдите их фотоаппаратами и журналистскими удостоверениями. После начала второго действия они должны войти в зрительный зал... Все.

Аввакум помахал ему рукой и неторопливо побрел в парк.

Нежный Дезире пал на колени перед Спящей красавицей и смиренно, с благоговением и беспредельной любовью коснулся губами ее уст.

В этот миг музыка возвестила приход весны.

Спящая красавица пробудилась. Пробудилось от долгого сна и сонное царство короля Флорестана.

В антракте Аввакум предупредил лейтенанта:

– Пусть ваши люди зорко следят за первым рядом. Там сидят трое человек с букетами. Надо запомнить, у кого какие цветы. По окончании спектакля пусть машины едут следом за ними и поддерживают непрерывную связь с вами. Вы же до особого распоряжения будете двигаться следом за мною.

Затем он передал записку Прекрасной фее: «Хари сожалеет, что не может проводить вас домой – у него очень важное и неотложное дело. Он попросил меня выполнить эту миссию. Я буду ждать у вашей уборной».

После этого он поспешил в зал.

Спящая красавица и нежный Дезире исполняли сол-

нечный гимн всепобеждающей любви. Крылатые цветы, добрые феи, очарованные зрелищем, радостно приветствовали их. Все очень счастливы. Спящая красавица и Дезире темпераментно танцуют свадебный танец.

Такси подъехало очень кстати – они как раз выходили из театра. Аввакум махнул рукой, и машина остановилась.

По дороге Аввакум говорил о том, как замечательно она сегодня танцевала, и о том, что он просто возненавидел этого Дезире, а когда тот поцеловал ее, у него было непреодолимое желание свернуть ему шею.

Эти слова очень рассмешили Прекрасную фею и, положив на его руку свою, она слегка пожала ее. Когда машина подъехала к ее дому, она попросила его взять три ее букета и отнести их к ней в комнату – у нее озябли руки и сама она не в состоянии нести цветы. Аввакум поспешил ответить, что он с удовольствием выполнит ее просьбу. При этом он рассчитался с шофером такси и отпустил его. Хотя Аввакума просили проводить ее только до дому, она несколько не удивилась этому.

Может быть, она просто не обратила на это внимания.

В то время когда она, роясь в своей сумке, искала ключ от квартиры, Аввакум воскликнул:

– Какую же я сделал глупость! Зачем было отпускать такси! У меня было такое чувство, будто я приехал домой, поэтому я и отпустил его.

– И правда, – сказала Прекрасная фея. – Какая досада! Но дело поправимое, у меня есть телефон. Позвоните на стоянку и вызовите другое.

– Благодарю, – кивнул Аввакум.

В доме было тепло и уютно, пахло духами. Кровать была застлана золотистым покрывалом.

– Давайте цветы сюда. – Мария распахнула дверь ванной комнаты. Аввакум положил букеты на умывальник и спросил:

– Что вы с ними делаете, с этими цветами?

– Ничего, – ответила Прекрасная фея, снимая пальто. – Ничего, – повторила она. – Я к цветам равнодушна и берегу их для Хари – он их потом складывает по-своему и рисует натюрморты. Однажды я выбросила один букет, и Хари был очень огорчен.

Она подошла к зеркалу и стала поправлять прическу.

– Так по какому номеру вызвать такси? – озабоченно спросил Аввакум.

– Погодите, – улыбнулась Прекрасная фея. – Сейчас я вам скажу. Присядьте, погодите немножко.

Она ушла в ванную и вскоре вернулась, одетая в пестрое японское кимоно. Подойдя к нему, она распахнула кимоно, и перед глазами Аввакума блеснула ее грудь – упругая, свежая, как у юной девушки.

– Вот тебе номер, – звонко засмеялась она. – Ты в состоянии прочесть? – С этим словами она обняла его за шею.

Это было прелестно и ошеломляюще. Пока он снимал с нее кимоно, она ерошила его волосы, а он подумал: «Курносая официантка и та не способна на такое бесстыдство».

Она продолжала лежать на измятом золотистом покрывале, а у Аввакума было такое чувство, будто что-то измялось в его душе. Что-то золотистое и очень красивое. «Прекрасная фея», – подумал он и грустно улыбнулся.

– Послушай, – сказал Аввакум, – у меня в пальто бу-

тылка чудесного вина. Давай-ка разопьем его за успех «Спящей красавицы».

– Принеси бокалы, – тихо сказала Мария. Дальше эта история развивалась так.

Прекрасная фея залпом выпила свое вино и уже через пять минут спала глубоким сном – выпитые с вином капли, которые Аввакум отсчитал для нее, подействовали очень быстро. После этого он вошел в ванную, стал рыться в цветах, и в букете из красных гвоздик нашел то, что искал. Фотопленка была искусно намотана на зеленые стебли. Он оставил пленку на месте и придал букетам прежний вид.

Затем он вошел в комнату и надел пальто. Прекрасная фея крепко спала и даже чуть похрапывала. Что-то измятое в его душе снова причинило ему боль.

Сев в машину рядом с лейтенантом, Аввакум спросил:

– Кто из троих бросил букет гвоздики?

– Представьте себе, – сказал лейтенант, – это сделал шофер, который сшиб нашего старшего шифровальщика. Он бросил на сцену букет красной гвоздики.

Аввакум задумался. Неприятное чувство в душе не оставляло его ни на минуту.

– Немедленно арестовать его, – сказал Аввакум. – Сообщите полковнику Манову, что он может прекратить свою сердечную беседу с Хари и отпустить его с миром. Незаметно оцепите это место. Хари придет сюда, но задерживаться наверху долго не станет. Как только он выйдет из квартиры, тотчас же арестуйте его и наденьте наручники. – Он усмехнулся в темноте и добавил: – Конец.

И вышел из машины.

Аввакум медленно шел в направлении улицы Латинка. В ночной тишине мягко падал густой пушистый снег.

Мне были нужны некоторые подробности для этого рассказа, и я спросил у Аввакума:

– А как ты узнал, что убийца – Хари? Ведь это же, разумеется, подробность. – Потом добавил: – И как ты разгадал подлинный смысл шифрограммы? И какую роль играла во всей этой истории Прекрасная фея?

Аввакум рассказал мне:

– Когда я раздумывал в ту ночь, что известно мне и чего не знают полковник и лейтенант, то пришел к заключению, что речь может идти только о Хари и о Прекрасной фее. Тогда я вспомнил о той пуговице, которую Хари потерял в комнате профессора. Хари утверждал, что он потерял пуговицу «вчера», и я спросил себя: «Постой-ка, почему он употребил это „вчера“? В моей кинокамере была пленка, и я мог тотчас же проверить, действительно ли это было „вчера“». Я прокрутил фильм. На снимках, которые были сделаны в тот день утром, у Хари еще была его пуговица. А на последнем снимке она отсутствовала. Я взял топор, пошел на то место, откуда была „послана“ пуля. Разрыв в этом месте землю, я нашел примерно на глубине десяти сантиметров блестящую заостренную пулю. Затем я вошел в дом профессора и осмотрел стены его кабинета. Напротив двери, возле окна, я увидел электрическую розетку. Под нею стоял шезлонг, у шезлонга – маленький столик. В этом уголке профессор иногда отдыхал в летние дни. Но шезлонг стоял как-то неестественно по отношению к комнате и столику. Очевидно, он был недавно кем-то передвинут, чтобы можно было „что-то“ взять. Ты догадываешься, о

чем идет речь? Хари входит в комнату дяди и стреляет ему в грудь – пуля была предварительно слегка поцарапана, – затем оборачивается и стреляет в окно, целясь в какую-то точку вблизи растущей напротив сосны. Потом вырывает тот листок из профессорской тетради с уже расшифрованной радиограммой, но в этот момент агонизирующий человек хватается за полу. Хари отшатывается в ужасе, и пуговица его пиджака, зацепившись на ручку арифмометра, падает под кресло. То ли Хари не заметил этого в тот момент, то ли заметил, но был слишком напуган и растерян, чтобы из-за такого пустяка – разыскивать пуговицу под агонизирующим телом родного дяди – терять время. Все-таки его нельзя считать закоренелым убийцей, верно?

Пуговица падает на пол, храня на себе след пальцев профессора. Хари подбегает к шезлонгу. Там он заранее спрятал портативный магнитофон, на ленту которого предварительно записал типичную для профессора реплику. Он включает магнитофон и бегом спускается по лестнице. Когда повар вернул нас троих обратно, Хари, воспользовавшись удобным моментом, снова прячет магнитофон...

Покончим с Хари. Он был завербован иностранной разведкой в Вене, куда его посылали в связи с какой-то выставкой. Там он играл в карты и проиграл огромную сумму. «Доброжелатели» предложили ему деньги за «мелкие услуги», и он их принял. Но, попав однажды в ловушку, он вынужден был плясать под чужую дудку до конца. Его шпионская деятельность абсолютно лишена какой-либо идейной почвы. Он становится агентом «Гермеса». Летом он получает от него задание ликвидировать

профессора, но медлит – то ли в силу своей мягкотелости, то ли потому, что не представляется удобного случая.

Повар тебя интересует? Он с этой историей не имеет ничего общего. Просто, пользуясь старыми связями с моряками, он иногда понемногу спекулировал иностранной валютой.

Шофер – это главный агент «Гермеса». В сущности, он никакой не шофер, а дорожный инспектор в Смоленском округе. Старый маскирующийся враг народной власти. Это он в туманную ночь на двадцать седьмое ноября снимал оборонительное сооружение «Момчил-2».

Тебе кажется, что Прекрасная фея – это связующее звено между Хари и шофером? Что она тоже агент «Гермеса»? Ничего подобного. Прекрасная фея, сама того не подозревая, играла роль «почтового ящика». Хари и шофер незнакомы друг с другом, но каждый из них знаком с Прекрасной феей: Хари знает ее как свою невесту, а шофер – как балерину городского театра. «Гермес» уполномочил «шофера» подносить балерине букеты цветов во время спектаклей, пряча в них свои тайные пленки и микропленки. В то же время «Гермес» требует от Хари, чтобы он забирал у Прекрасной феи поднесенные ей букеты, якобы для «натюрмортов».

И наконец – о радиограмме.

После того как я установил, что убийца профессора – Хари, для меня не представляло никакого труда вспомнить, что он живет на Витошской улице. Аврора – это имя «Спящей красавицы». Эту роль в балете исполняет Мария. В своей радиограмме «Гермес» требует, чтобы «шофер» передал снимки сооружения «Момчил-2» Авроре, то есть

Прекрасной фее с букетом цветов. Но когда? Естественно, во время первого представления «Спящей красавицы»... По получении радиogramмы.

Что тут сложного?

Я тоже думаю, что ничего сложного во всем этом нет.

Куда труднее, например, разгадать чувства Балабаницы или объявить смертельный шах таким нахалам, как тот зубной врач, о котором я вспоминал в начале этого рассказа!

Ох, когда-нибудь он узнает, чего стоят мои ветеринарные клещи! Я непременно начну охотиться на волков. Как только принесу голубоглазой учительнице десяток волчьих шкур, она, разумеется, навсегда выкинет из головы трусливого и жалкого зубного врача.

Верно?